

Культурное наследие и глобализация.
Опыт, проблемы, перспективы сохранения
культурных ценностей в современном мире

Материалы международной научно-практической конференции

21-23 сентября 2011

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Труды Национального музея Республики Коми

Выпуск 8

Материалы международной научно-практической конференции
**«Культурное наследие и глобализация.
Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире»**

К 100-летию Национального музея Республики Коми

УДК 069:061.3(082)
ББК 79.1я431
М89

Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 8. Материалы международной научно-практической конференции «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире» / Отв. ред. С.В. Бандура, А.А. Павлов. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. – 230 с.

ISBN 978-5-87661-192-5

Восьмой выпуск сборника трудов Национального музея Республики Коми составлен на основе материалов международной научно-практической конференции «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире», посвящённой столетию музея. Конференция состоялась в Сыктывкаре 21-23 сентября 2011 г.

В него вошли более 100 докладов ученых, специалистов в области музейного и архивного дела из научных и образовательных центров Сыктывкара, Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Великого Устюга, Перми, Кирова, Ижевска, Уфы, Улан-Удэ, Махачкалы и др., исследователей из Украины, Финляндии, Эстонии, Италии.

Авторы обсуждают актуальные проблемы существования национальных культур в общемировом пространстве, делятся опытом изучения памятников истории и культуры, рассматривают возможности представления в музейном пространстве предметов, отражающих материальную и духовную культуру разных народов.

Сборник адресован специалистам музеев, научных и научно-образовательных учреждений, всем, интересующимся проблемами сохранения и передачи культуры в условиях глобальной трансформации современного мира.

УДК 069:061.3(082)
ББК 79.1я431

ISBN 978-5-87661-192-5

© Коллектив авторов, 2011
© Национальный музей Республики Коми, 2011

Предисловие

Конференция «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире» приурочена к столетию одного из крупнейших хранилищ памятников истории и культуры Коми – Национального музея Республики Коми.

В современном мире музеи, наряду с архивами и библиотеками выполняют миссию сохранения визуального ряда истории, наполняя этот ряд объектами, артефактами, помогающими человеку самоидентифицировать себя в мировом культурном пространстве.

Культурно-историческое наследие, достаточно широкое понятие, включающее в себя всё богатство предшествующего культурного опыта человечества. Это архитектурные и природные памятники, это предметный мир, раскрывающий ментальные и символические взаимосвязи культур, это духовный мир традиций и обычаев, фольклора и языка, письменности и литературы.

Многогранная деятельность музеев позволяет выявлять, собирать, систематизировать, демонстрировать (публиковать, экспонировать) памятники истории и культуры, привлекать интерес к памятникам природы. Большинство музеев сегодня являются площадками для образовательной деятельности, причём интерес к познанию через подлинный предмет рождается не только у молодого поколения. Гибкость подходов музейной педагогики позволяет и взрослой аудитории окунуться в сконструированное историческое пространство, испытать сопричастность к событиям, культуре больших или малых социальных групп, элементам отдельных субкультур, прочувствовать переживания людей, живших на сломе исторических эпох и т.д.

Социальная роль современных музеев состоит и в психологической адаптации населения. Семейные посещения музеев, памятников культурного наследия, уникальных природных объектов выступают эффективной мерой гармонизации отношений.

Обобщение опыта изучения памятников истории и культуры, как предметов, так и фотодокументальных источников, из собрания музеев, архивов и других хранилищ – одна из основных задач, конференций, проводимых Национальным музеем Республики Коми. Результаты этих исследований опубликованы в сборниках трудов Национального музея Республики Коми с 1997 по 2010 г.¹

В восьмой сборник вошли тексты докладов международной научно-практической конференции «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире», которая состоялась в Сыктывкаре 21-23 сентября 2011 г. в рамках праздничных мероприятий к юбилею музея.

В сборнике представлены доклады историков, археологов, этнографов, филологов, культурологов, специалистов в области музейного и архивного дела из научных и образовательных центров Сыктывкара (Сыктывкарский государственный университет, Коми государственный педагогический институт, Уральское отделение Академии Наук, Национальная библиотека Республики Коми, Национальная галерея Республики Коми, Сыктывкарский лесной институт (филиал) Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии, Коми республиканская академия государственной службы и управления), муниципальных музеев Республики Коми (музеи Ухты, Печоры, Воркуты, сс. Ыб, Усть-Вымь). Тема сохранения культурных ценностей в современном мире вызвала интерес у специалистов из музеев и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Великого Устюга, Перми, Кирова, Ижевска, Уфы, Улан-Удэ, Махачкалы и др. Глобализация как мировое явление в разной степени влияет на процесс сохранения культурного наследия, развитие/угасание национальных культур, трансформацию культурных стереотипов. Проблемы существования национальных культур в общемировом пространстве сегодня актуальны для многих стран. В сборнике представлены доклады исследователей из Украины, Финляндии, Эстонии, Италии.

Осознание проблем, изучение опыта сохранения культурных ценностей в современном мире позволяет увидеть перспективы гармоничного существования национального многообразия в едином мировом пространстве.

С.В. Бандура

¹ Музеи и краеведение: Тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 1. Сыктывкар, 1997; Музеи и краеведение: Тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 2. Сыктывкар, 2000; Музеи и краеведение: Тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 3. Сыктывкар, 2001; Музеи и краеведение: Тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 4. Сыктывкар, 2003; Музеи и краеведение: Тр. Нац. музея РК. Сыктывкар, 2004. Вып. 5; «XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке»: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 14-15 ноября 2005 года. Сыктывкар, 2005; Музеи и краеведение: Тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 6. Сыктывкар, 2007; Музеи и краеведение: Тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 7. Сыктывкар, 2010.

Главный экспонат – песня

На северо-востоке Владимирской области раскинулась вязниковская земля, былинный уголок, уходящий корнями к Ярополчу-Залесскому – грозному форпосту Владимирской Руси, край заливных лугов, холмов, усыпанных белым вишневым цветом и диковинных народных песен. Здесь пели, провожая на ратную битву, пели, собирая урожай обильных полей или ласково приветствуя первенца.

В XVII в. о городе Вязники знали в Российской Империи как о центре выращивания льна и выработки льняной пряжи, отпечаток тех времен лежит и на современной производственной структуре районного центра. Издревле развивались на вязниковской земле иконопись и резьба по дереву. Не угасали и фольклорные традиции, жили, то рассыпаясь лицедейством театральных постановок знатных ценителей искусств, то сливаясь в томительную гармонию девичьих гуляний над рекой.

И как в суздальской земле запечатлелась, воплотилась архитектурная мысль Владимирской Руси, так на Вязниковской земле осталась жить, звучать и распрямлять крылья песенная душа народа.

В прошлом столетии неиссякаемый родник вязниковской песни нашел выход в могучем фонтане задушевного творчества поэта – песенника Алексея Фатьянова.

Фатьянов, неунывающий фронтовой артист, прошел всю дорогу войны, единственный из советских поэтов, кто был удостоен медали «За отвагу». Он щедро развесил на гирлянде советской культуры свои немеркнущие фонарики – песни, и в каждом из них теплилась душа солдата, живущая верой в победу и с трепетом вызывающая к девчонке из родной деревушки.

*Снятся бою карие глаза,
На ресницах ... девичья слеза,
Скуная, святая, девичья горячая слеза.*

«Соловьи», «На солнечной поляночке», «Где ж, ты мой сад?», «Давно мы дома не были», «Где же вы теперь...?». Озаренные музыкальным гением лучших композиторов того времени, особенно Соловьевым-Седым, лаконичные и безмерно подкупающие душевной чистотой простого русского мужчины, стихи Фатьянова прозвучали в восемнадцати кинолентах, их любила и пела вся страна. Такие песни не забываются, отражая тайный метафизический текст мироздания.

*Когда весна придет, не знаю,
Пройдут дожди, сойдут снега...
Но ты мне улица родная
И в непогоду дорога!*

Судьбы многих земляков поэта – вязниковцев пролегли через войну. Песни Алеши Фатьянова, широкоплечего добряка с соседней улицы, не просто поддерживали в них присутствие духа, – они реально вдохновляли на подвиги. Красноречивое подтверждение тому – неслыханное для других провинциальных городков небыватного Союза количество этого Советского Союза Героев – 25 человек (в настоящее время – 27)!

Вернувшиеся с кровавых полей фронтовики всю последующую жизнь, в самые светлые ее минуты, поют Фатьяновские песни. Ну, а в Вязниках их помнят и поют все. И хотя самого поэта ожидал короткий век, – Алексея Фатьянова не стало в 59-ом, – благодарные земляки переименовали улицу Подгорную в Фатьянова и учредили «День поэзии в городе поэтов и героев», приходящийся на вторую половину июля. Было это в 74-ом году, и уже к 86-му году вязниковская песня вновь зазвучала и была желанна повсюду, – Фатьяновский праздник обрел статус Всероссийского, комитет возглавил поэт Лев Ошанин. За время существования Всероссийского Фатьяновского праздника поэзии и песни в Вязниках со специально возведенной эстрады «Солнечная поляночка» дарили свои песни Валентина Толкунова, Людмила Зыкина, Людмила Гурченко, Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Ренат Ибрагимов, Сергей Захаров, Тамара Гвердцители, Екатерина Шаврина, выступали десятки ярких поэтов и артистов.

Каждый год «Солнечная поляночка» притягивает все больше друзей со всего света. Между тем, не многие поклонники творчества Фатьянова знали, что происходил он из зажиточной, не избежавшей социалистической национализации имущества, семьи. В 1929 г. к новой власти отошел дом родителей будущего поэта – одна из городских достопримечательностей – двухэтажный особняк с колоннами, расположенный в старом центре. До революции здание было очагом культуры, здесь открылся один из первых в России кинематографов, работала вместительная библиотека, регулярно проводились вечера творческой интеллигенции.

В советское время здание на Пушкинской, 7 приспособляли под различные нужды: тут были и телефонная станция, и районный отдел культуры, и дом водников.

Так или иначе, но перестроечным ветрам перемен довелось овеять уже частично разрушенный, лишившийся колонн и балконов, с протекающим потолком, дом, где родился Поэт.

Но вязниковцы, народ, влюбленный в песню, живущий бессмертным наследием земляка, не предали старый дом – в 1997 г. собралась инициативная группа, куда вошли те, кто болел душой за сохранение культурных традиций – музейные работники, историки-краеведы, представители местной власти.

К 1999 г. здание было отреставрировано, и немедленно послужило самому высокому предназначению, о котором только может помыслить культурное пространство российской глубинки, – делу сохранения песенных традиций уходящего столетия. Отныне здесь поселился Музей Песни XX века – единственный в мире проект, в рамках которого коллектив из пяти энтузиастов неустанно собирает и хранит для будущих поколений артефак-

ты Его Величества Песни, проект, благодаря которому, эта самая песня зримо «остаётся с человеком», становится ярким памятником истории народа.

Песенная культура XX в. уникальна и достойна памяти и продолжения. Свидетельство тому – масса исторических источников. Все значительные демократические подьёмы в стране находили свой яркий песенный эквивалент, создавая своеобразную песенную летопись страны.

Советская массовая песня – один из феноменов XX в. Можно смело сказать, что никогда, и ни в какой стране песня не имела такого влияния на настроения целых поколений как в советском обществе в 1930–1960-е гг. Многие из сочинений этого периода остались «на слуху» народа, превратились в музыкальную классику.

Небывалое влияние приобретает песня в годы войны. Слова популярных песен становились плакатными лозунгами, призывами. Именно песня стала в военное лихолетье наиболее востребованным жанром искусства. У каждого десятилетия XX в. были свои песни и они пелись! Почему?

Песни сотворяют человека, жива песня – жив народ! Не случайно говорят: чтобы понять народ, надо послушать его песни. А в наших песнях русская душа – стонет и жалуется, тоскует и любит, зовет и плачет, смеется и верит... И нет возможности промолчать, не откликнуться на этот призыв, если, конечно, сердце человека не зачерствело, и способно слышать других! Недаром говорят, песня – душа народа. Песни XX века – широкие, раздольные, светлые, открытые...

Становление и развитие Музея Песни XX века отражали 1-ый Канал, телеканалы «Звезда», «Культура», «ДТВ».

Служа прославлению и популяризации старой доброй Песни, Музей неизбежно стал очагом местной культуры. В его стенах читают вязниковские поэты, играют вязниковские музыканты, проводятся презентации и творческие вечера.

Музей Песни XX века работает с «думой о песне». Все направления его деятельности связаны с песней: изучение песенного искусства, песенных жанров, биографии песен, авторов и исполнителей; когда и какие песни звучали. Отсюда и тематика проводимых мероприятий в музее: фестиваль песни «Фатьяновская весна», конкурс «Ретро – песня», проекты: «Песни на деревне», «Песни СССР»; сольные концерты творческих коллективов и артистов; участие в региональных и межрегиональных фестивалях и конкурсах. И все это ради Песни!

Так, в конкретном здании на Пушкинской, 7, города Вязники Владимирской области получил яркое и оригинальное развитие тот благодатный импульс, который заставляет сегодняшние поколения россиян вновь обращаться к своим культурным истокам, по крупицам собирая Прекрасное-Доброе-Вечное.

Главным обитателем Музея Песни XX века стала живая, трепещущая в лучезарных звуках и словах, Алешина душа. Здесь Алексей Иванович Фатьянов радостно «встречает» земляков – поэтов и музыкантов – на традиционной «Фатьяновской весне», сюда заходят именитые артисты – гости Фатьяновского праздника, на специально отведенной в музее «Стене знаменитостей» автографы и пожелания Людмилы Зыкиной, Ларисы Рубальской, Вячеслава Добрынина, Александра Морозова, Владимира Трошина, Натальи Варлей, различных ВИА советского периода.

Здесь Фатьяновское слово находит юные сердца проходящих на творческие вечера и семинары студентов и школьников. Здесь гордо реет оно, взлетая к высоким старинным потолкам в песенной гармонии лучших творческих коллективов территории, или обретая новое звучание в оригинальных прочтениях частых гостей Музея из всех уголков страны.

*На веселом, на шумном празднике
Я встречаю друзей своих.
Ничего, что ты – не из Вязников,
Уважаю я костромских!*

За двенадцатилетнюю историю Музея Песни XX века усилиями его сотрудников были организованы десятки экспозиций, выставок, проведено огромное количество фестивалей, творческих вечеров и экскурсий.

В немалой степени та высокая планка служения искусству, которую гордо держит вязниковский музей, задана кипучей энергией сотрудников уникального культурного центра. В век цифровых технологий, когда только ценой регулярного технического переоснащения можно адекватно доносить до общества смысл и ценность культурного наследия прошлого, Музей Песни не испытывает недостатка в друзьях и помощниках, всегда готовых откликнуться щедрым даром.

Музей Песни с удовольствием знакомит новых друзей с творчеством своего великого земляка, в обмен получая книги и пластинки, письма и фотографии, на которых запечатлелась многоликая Российская Песня.

В мемориальном зале Алексея Фатьянова хранятся подлинные вещи и предметы, связанные с семьей Фатьяновых, здесь собраны переписка, фотографии, книги, предметы изобразительного искусства.

В большом – выставочном – зале представлена историко-культурная экспозиция «Семь нот XX века», где старые фотоснимки, плакаты, звукоснимающая техника, грампластинки и музыкальные инструменты стали частью художественных композиций, через которые гостю рассказывается об ушедших песенных эпохах.

Фонды музея полны уникальных свидетельств истории знаменитых шлягеров ушедшего столетия, здесь бережно хранятся биографические материалы певцов, поэтов – песенников, композиторов, великое множество дисков и аудиокассет, подаренных гостями в разные годы.

Главный экспонат Музея Песни – Песня. Основная фондовая единица – Песня. Все пространство музея занимает Песня. Главное украшение залов музея – Песня. И экскурсии, и диалоги ведутся на языке Песни. Яр-

кое звуковое оформление – Песня. А сколько их – никто не скажет! Но для каждого человека рождается своя песня!

Ради создания новых экспозиций коллектив неустанно собирает газеты, одежду, старую продукцию предприятий, фотографии, документы, книги, – все, что связано со временем, когда творил Алексей Фатьянов, пели Марк Бернес и первый исполнитель бессмертных Фатьяновских «Соловьев» Олег Чепель, когда страна в огне отстояла свою свободу, чтобы затем по крупицам возвести новое, еще более могучее государство, сохранить и приумножить великое культурное наследие, доставшееся от предков.

Нам есть что спеть и в новом веке, но память Музей Песни будет озарять те песни, что пелись народом в XX ушедшем веке. Песни надо беречь, иначе мир обесцветится, а мышление лишится оригинальности и «крыльев».

Будете в Вязниках – непременно зайдите в Музей Песни XX века, – вас всегда ждет тихая гавань прекрасного и вечного, где гордо стоят фрегаты российско-советского песенного творчества, светлого, возвышенного, задорного и грустного. Пройдя уютными, но столь вместившими себя залами, вдохнув атмосферу ярких творческих встреч, вы обязательно поймете, почему этот маленький провинциальный городок иногда называют песенной столицей России.

Ю.Е. Антонова

Музей БНЦ СО РАН, Улан-Удэ

Археологические материалы Б.Б. Дашибалова в фонде Музея БНЦ СО РАН

История Музея Бурятского научного центра насчитывает уже более 40 лет. Первоначально основанный по решению Ученого совета Отдела геологии БФ СО АН СССР в 1969 г. и включающий материалы геологического фонда «Музей бурятского камня» с 1977 г. официально становится академическим минералогическим музеем. В последующее время профиль музея значительно расширился. Помимо зала геологии с постоянно действующей экспозицией «Недра Бурятии» на данный момент функционирует еще 4 экспозиции («Проблемы охраны озера Байкал и экологический мониторинг в Байкальском регионе», «Тибетская медицина: история и современность», «Палеонтология Бурятии в геологической истории земли» и «Древние культуры Байкальского региона»).

Большой популярностью пользуется зал археологии, где отражены сложность и многоплановость процессов развития древних культур Байкальского региона. Непосредственно комплектование археологического фонда и оформление археологической экспозиции начинается с 1989 г. В настоящий момент фонды археологического отдела насчитывают более 3000 ед. хранения, и в основу их комплектования положен хронологический и региональный принципы. Коллекции охватывают широкий временной диапазон от палеолита вплоть до средневековья и представляют богатый материал по различным культурным традициям эпохи камня бронзы и железа, развивавшимся на территории Бурятии. Основой археологического фонда являются коллекции артефактов, собранные в ходе многолетних исследований и переданные сотрудниками лаборатории археологии ИМБТ СО РАН: Е.А. Хамзиной, П.Б. Коноваловым, С.В. Даниловым, Н.В. Именохоевым, Л.В. Лбовой, Б.Б. Дашибаловым, Л.Г. Ивашиной, а также И.А. Батуевым и В.П. Коневым.

Непосредственное сотрудничество с исследователями, авторами материалов является одним из основных направлений коммуникационной деятельности Музея БНЦ СО РАН¹ и предполагает оказание сотрудниками научно-исследовательских институтов работникам музея консультативной помощи разного характера, а также передачу новых уникальных предметов и различного рода материалов для их использования в экспозиционной деятельности музея. Ярким примером плодотворного сотрудничества была совместная деятельность с главным научным сотрудником ИМБТ СО РАН Баиром Бальжинимаевичем Дашибаловым. Б.Б. Дашибалов всегда был готов оказать высокопрофессиональную консультативную поддержку по вопросам развития археологических культур в регионе, предоставить справочную информацию. Он не отказывался от участия в мероприятиях, проводимых Музеем; его лекции, организованные Музеем в рамках проведения «Дней науки» для городских и сельских школьников, были очень популярны и вызывали интерес у аудитории за счет живого языка изложения научного материала. Для Музея БНЦ СО РАН несомненно огромную ценность представляют хранящиеся здесь коллекции археологических предметов, полученных Б.Б. Дашибаловым в ходе многолетних раскопок на территории Республики Бурятии. Остановимся на них более подробно.

Всего в археологическом фонде насчитывается 147 предметов, автором которых является Б.Б. Дашибалов. Отметим широкий хронологический диапазон: отдельные предметы датируются эпохой неолита, хотя основная масса предметов (а это 116 экземпляров) относится к средневековому времени. Подобная диспропорция отражает основную область научных интересов Б.Б. Дашибалова, которая связана с эпохой средневековья, проблемами этногенеза бурят и вопросами генезиса, развития и распространения курумчинской археологической культуры. Именно этим вопросам посвящена основная часть публикаций и монографий Б.Б. Дашибалова². При этом не остаются без внимания и предшествующие периоды, что особенно важно в свете

¹ Батурин С.А., Мурзинцева А.Е. Современные проекты и сотрудничество Музея Бурятского научного центра СО РАН в 2009 г. // Актуальные вопросы деятельности академических естественно-научных музеев (материалы международной научной конференции). Новосибирск, 2010. С. 69-72.

² Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995; Он же. На монголо-тюркском пограничье

его идей по проблеме происхождения бурят и курумчинской культуры. Стоит отметить, что в последнее десятилетие Б.Б. Дашибалов проводил раскопки хуннского могильника в Ильмовой Пади, а также полевые исследования Иволгинского городища хунну с целью его музеефикации.

Как уже отмечалось выше, относящиеся к эпохе неолита, бронзового и раннежелезного века материалы, переданные Б.Б. Дашибаловым в Музей, немногочисленны. Эпохой неолита датируются два целых керамических сосуда открытой круглодонной формы и один фрагмент стенки сосуда с местонахождения Будун, раскопки 1986 г. Данные сосуды ценны для Музея, так как являются единственными целыми формами сосудов неолитического времени, имеющимися в фондах, и используются в экспозиции для демонстрации древнейшей керамики. Фрагментами керамики представлен и бронзовый век, в основном это фрагменты стенок и ножки от триподов – сосудов на трех ножках, имеющих широкое распространение в это время на территории Центральной Азии и Китая.

Эпоха раннего железного века начинается на территории Центральной Азии с появлением хуннского союза разноэтнических племен. П.Б. Коновалов, С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.Б. Дашибалов в разное время проводили исследования на ключевых памятниках эпохи хунну – это могильники Ильмовая Падь, Черемуховая Падь, Дырестуйский Култук, Енхор и городище Баян-Ундэр. Здесь представлены как бытовые предметы, отражающие образ жизни хуннусцев, так и изделия из бронзы, кости, золота, серебра, представляющие собой шедевры древнего художественного творчества. Уникальным, ярким предметом в коллекции материалов раннего железного века является хуннская золотая подвеска с инкрустацией и застежкой, полученная Баиром Балжинимаевичем в ходе раскопок могильника Ильмовая падь в 2008 г. Изделие небольших размеров (28x26 мм), округлой формы с краем в виде веревочного плетения с местом под вставки S-образной формы, по центру предусмотрено место под вставку (из драгоценных или полудрагоценных материалов). Непосредственно под центром изготовлено схематичное, возможно зооморфное, рельефное изображение также небольших размеров (5x7 мм). Предмет тонко сработан и по праву становится в один ряд с высокохудожественными изделиями древнего творчества хунну, которые представлены в экспозиции Музея. Важно, что Б.Б. Дашибалов занимался вопросами музеефикации хуннского Иволгинского городища, уточнением северных границ городища, а также стратиграфии и планиграфии фортификационных сооружений. Результатом подобных исследований является ценный материал, который необходим для реконструкции, воссоздания, макетирования городища в экспозициях музеев.

Наиболее многочисленную группу изделий, переданных Б.Б. Дашибаловым в Музей, составляют предметы эпохи средневековья (всего 116 ед.). Сюда входят предметы материальной культуры монгольских и тюркских народов: элементы вооружения – наконечники стрел, колчаные крюки, роговые накладки на лук; конское снаряжение; предметы быта; принадлежности поясного набора, фрагменты керамических сосудов, украшения различного рода, найденные Б.Б. Дашибаловым на памятниках Баянгол, Черенхын, Бодон I, Хасхал, Куркут I и др. Стоит подчеркнуть, что по материалам исследований Б.Б. Дашибалова полностью сформирован раздел в экспозиции зала археологии Музея, посвященных курумчинской археологической культуре. Наиболее интересными предметами здесь являются различные украшения (бронзовые серьги, подвески со спиральным орнаментом из бронзы, бронзовые ажурные пряжки с зооморфным изображением), наконечники стрел со свистунком, целые керамические сосуды разнообразных форм, особенно любопытен сосуд с антропоморфным орнаментом. Кроме этого в коллекции представлены две литые подвески с шестью полыми шаровидными бубенцами, расположенными на концах радиально расходящихся из центра лучей, которые связываются исследователем с солярным культом и часто приводятся как пример сквозного элемента, связывающего культуру хунну с курумчинской и восточноазиатскими материалами¹. Хотя наблюдаются и определенные различия в данной группе изделий, в частности, на Дальнем Востоке (в культурах Корейского полуострова) бубенчиков в подвесках насчитывается 8².

Б.Б. Дашибалов рассматривает курумчинскую культуру как принадлежащую средневековому племенному объединению хори. При этом исследователь прослеживает широкие параллели со средневековым населением Приамурья и Приморья как в погребальном обряде, типах жилищ, так и погребальном инвентаре и материалах поселений. Если говорить о генезисе курумчинской культуры, то на основании сходства некоторых элементов (грунтовые могильники на песчаных почвах и некоторые особенности надмогильных конструкций, типы наконечников стрел, концевые накладки на лук, бытование аналогичных форм колокольцев с пробитым боковым отверстием, распространение спирального орнамента на украшениях и арочного узора на керамике) Б.Б. Дашибалов связывает курумчинскую культуру с материальной культурой хунну и сяньби³. Данные идеи находят свое отражение в экспозиции, где предпринята попытка отразить этногенетические концепции исследователей.

Представлены в фондах музея и предметы (всего 30) из раскопок Б.Б. Дашибалова раннебурятских погребений. Часто изделия связаны с шаманской атрибутикой. К таким изделиям относятся типичные конусовидные подвески, а также зооморфные и антропоморфные изображения. Представлены украшения: браслеты с орнаментом и без, орнаментированные ромбовидные подвески, височные кольца, бусины; элементы конской

(этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) Улан-Удэ, 2005; *Он же*. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011.

¹ Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011. С. 50.

² Journal of Korean Archaeology. № 4. 2008. P. 62.

³ Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов... 2011. С. 45-50.

сбруи; роговые накладки от лука и наконечники стрел. Несомненный интерес вызывают предметы быта: бронзовые ложки со спиральным орнаментом (3) и две курительные трубки, одна из которых украшена орнаментом. Все это составляет значительную, несомненно ценную часть имеющихся в Музее материалов по культуре ранних бурят.

Таким образом, сравнительно небольшая в количественном отношении коллекция археологических предметов Б.Б. Дашибалова в фондах Музея БНЦ СО РАН имеет большое значение для Музея. Об этом может говорить уже тот факт, что целый раздел экспозиции (курумчинская культура) сформирован по его материалам. И в данном случае речь идет не только об артефактах, но и идеях возникновения и развития средневековой археологической культуры, сыгравшей не последнюю роль в формировании бурятского этноса.

И.С. Астахова

Институт геологии КНЦ УрО РАН, Сыктывкар

Минеральное разнообразие Тимано-Североуральского региона и его выражение в фондах и экспозиции геологического музея им. А.А. Чернова

Тимано-Североуральский регион включает северо-восточную часть Восточно-Европейской платформы и северную часть Уральской складчатой системы с продолжающей ее островной цепью (Вайгач, Новая Земля). Гетерогенное геологическое строение и длительная история геологического развития провинции, где нашли проявление практически все возможные геологические процессы, позволяет ожидать обнаружение разнообразных минеральных видов.

Минеральное разнообразие объектов различных масштабов находит отражение в минеральных кадастрах. Первые сведения о минералогическом разнообразии рассматриваемой территории обобщены в работе И.Б. Бороздиной в 1941 г. Реестр минерального множества проанализирован с позиции кристаллохимической номенклатуры и кристаллографической симметрии индивидов. На рубеже 1960–1970-х гг. развиваются топоминералогические исследования, которые дают толчок для создания минералогических реестров не по отдельным объектам, а по территории в целом. Научная разработка Н.П. Юшкина основ кадастроведения позволила анализировать и делать выводы о геогенетической истории развития как отдельных объектов, так и территории в целом¹.

В 1994 г. М.В. Фишман провел работу по созданию сводного регионального кадастра минералов². На основе данных Б.А. Голдина, Н.П. Юшкина, Б.А. Остащенко, В.И. Силаева, А.Б. Макеева, П.П. Юхтанова, Д.Н. Литошко и других сотрудников реестр содержал 378 минеральных видов и разновидностей³. В 2003 г. с учетом новых результатов исследований был пополнен минеральный реестр. Сводный кадастр включил сведения о 820 минеральных видах и разновидностях.

Основным источником обобщенных данных и местом сохранения минерального разнообразия Тимано-Североуральской провинции является геологический музей им. А.А. Чернова Института геологии КНЦ УрО РАН.

Основу любого музея составляет его фондовый материал, влияющий практически на все направления музейной деятельности: исследовательскую, выставочную, просветительскую и т.п.

Музейное собрание подразделяется на основной фонд, состоящий из монографических и выставочных коллекций, фонд рабочих коллекций и обменный фонд. На 2011 год в основном и архивном фонде насчитывается 150000 единиц хранения. Монографический фонд содержит 549 коллекцию общим объемом 60906 единиц хранения образцов, шлифов, препаратов и проб.

Основной фонд минералогических коллекций в геологическом музее им. А.А. Чернова комплектуется не отдельно взятым образцом, а авторской коллекцией, как представительным собранием каменного материала, фиксирующего информацию не только об отдельном индивиде, но и о реальных естественных геологических объектах. Такая методика приемки позволяет отразить на ограниченной музейной площади весь изучаемый геологический объект.

Минералогическое собрание музея насчитывает 37 монографических и семь выставочных коллекций. Монографические коллекции отражают основные направления научных минералогических исследований, проводимых в Институте геологии. Среди них особенно широкое развитие получили топоминералогия. Результатом данных исследований являются коллекции по вольфрамовой минерализации Приполярного Урала (Н.П. Юшкин), медно-молибденовой рудной формации Полярного Урала (Д.Н. Литошко), сульфидной минерализации Западноуральско-Вайгачского региона (В.И. Силаев), Пайхойско-Южновоземельской флюоритовой

¹ Юшкин Н.П. Минеральный кадастр минералогических объектов. Методические проблемы и функции // Исследование минералообразующих рудных систем. Свердловск, 1982. С. 68–82; Юшкин Н.П. Топоминералогия. М., 1982.

² Фишман М.В. Минералы северо-востока Европейской части России в коллекции научного музея Института геологии Коми научного центра // Сыктывкарский минералогический сборник № 23. Сыктывкар, 1994. С. 116–12.

³ Литошко Д.Н. Минералогическая изученность Полярного Урала. Сыктывкар, 1996; Макеев А.Б., Бранчанинова Н.И. Топоминералогия ультрабазитов Полярного Урала. СПб., 1999; Мочалов П.С., Остащенко Б.А. Минеральный кадастр Канино-Тиманской провинции // Топоминералогия и минералы рудоносных регионов. Сыктывкар, 1984. С. 18–22; Юшкин Н.П. Опыт среднемасштабной топоминералогии (Пайхойско-Южновоземельская минералогическая провинция). Л., 1980.

провинции (Н.П. Юшкин, А.Ф. Кунц) и т.д. На Полярном Урале собрана представительная коллекция минералов из ультрабазитовых массивов (А.Б. Макеев).

В результате генетических исследований минералогов появились коллекции агатов с месторождений Тимана (В.В. Рожкова), минералы эндогенных комплексов Северного Тимана (Б.А. Остащенко, Т.П. Майорова). В результате исследований минералогии хрусталеносных месторождений Приполярного Урала В.В. Букановым и др. появились монографические коллекции кварца. В коллекции А.А. Иевлева представлены минералы зоны гипергенеза фосфатоносных сланцев Пай-Хоя. На монографическом уровне исследованы сфалерит, шеелит, волконскоит (кол. Ю.С. Симаковой), шунгит (кол. Е.А. Голубев) и редко встречающиеся минералы.

Сотрудниками лаборатории экспериментальной минералогии сданы коллекции искусственно полученных силикогелей, алюмосиликатов, люминисцирующего стекла, а также выращенных кристаллов неорганических солей.

В фондах имеются ряд выставочных коллекций, содержащих представительные образцы крупных друз и отдельных кристаллов.

Сравнительный анализ по кристаллохимической организации музейного фонда с кадастром Тимано-Североуральской провинции показал, что в собрании содержится всего 43% минералов от описанных на территории провинции. Наиболее полно представлены силикаты, сульфаты, карбонаты, вольфраматы и галиды. Наименьше отражено разнообразие простых веществ и халькогенных соединений. Причина приближенного отражения регионального кадастра состоит в детальном изучении преимущественно приповерхностных и крупнокристаллических минерализаций (породообразующих, рудных), а также в подборе выразительных, крупных и наглядных образцов.

Главной целью любого геологического музея является не только отражение богатств и разнообразие минерального мира, но его сохранение, доступность и простота изложения информации.

Основой минералогического зала геологического музея является систематическая коллекция минералов Тимано-Североуральской провинции. Особое место в экспозиции отведено минералогическому кадастру территории, который размещен на настенных стендах. Для кадастра и в экспозиции музея используется классификация, разработанная А.А. Годовиковым, тем самым кадастр является ключом для экспозиции. В ней по характеру химических соединений и химических связей выделено четыре главных типа: простые вещества, халькогенные соединения, кислородные соединения и галогениды.

В экспозиции самородных элементов выставлены самородки меди, вкрапленники из пропачитов южного острова Новой Земли, самородное золото из жил Полярного и Приполярного Урала, а также окатанные зерна из аллювиальных россыпей.

Минералы группы сульфидов являются рудами довольно многочисленных месторождений и проявлений, известных на о. Вайгач, на Пай-Хое, Полярном и Приполярном Урале. Разнообразны по морфологическим свойствам выделения соломенно-желтого пирита от вкрапленников до хорошо образованных кристаллов.

К уникальным минералам из гидроксидной группы относится розово-фиолетового цвета юшкинит. Он был найден в начале 80-х гг. XX в. в кварцево-карбонатных жилах среднего течения р. Силова-Яхи на Пай-Хое.

Довольно представительна коллекция оксидов. Наиболее распространенным минералом этой группы является кварц. Коллекция включает около 50 образцов, которая полностью отражает морфологические свойства и цвет кремнезема. Основу ее составляет кварц с Приполярноуральских месторождений. Интересны цветные разновидности (цитрин, аметист) и скрытокристаллические (агат, халцедон).

В экспозиции широко представлена коллекция силикатов. Оригинальны слоистые агрегаты различной величины кристаллов темно-зеленой, почти черной, роговой обманки и паргасита. Очень красивы образцы темно-зеленого нефрита и изумрудно-зеленого жадеита с Полярного Урала – известных поделочных камней.

На выставке демонстрируются крупные кристаллы розового альмандина, буро-зеленоватого гроссуляра, красно-розового пирона, андрадита и спессартина. Особо выразительны щеточки ярко-зеленого уваровита с Полярного Урала.

Отдельная витрина экспозиции посвящена многообразию кальцита. На выставке представлено 27 образцов минерала, которые характеризуют различные формы выделения и цветовое разнообразие. Уникальны образцы бледно-сиреневого кальцита с месторождений Приполярного Урала. Цветовую палитру карбонатов дополняют образцы изумрудно-зеленого малахита и голубые выделения азурита.

Фосфаты представлены разнообразными образцами широко распространенного апатита в виде прозрачных бесцветных или непрозрачных кристаллов зеленого, фиолетового и грязно-белого цвета. Уникальны образцы бирюзы, проявление которой открыто на Пай-Хое в 1979 г. А.А. Беляевым. Это стало считаться первой находкой бирюзы за Полярным кругом. Минерал образует тонкие корочки и пленки желто-зеленого цвета.

Уникальны образцы арсената иттрия – черновита. Он найден в 1966 г. на Приполярном Урале в истоках р. Нярта-сю-ю. В образце минерал представлен точечной вкрапленностью в розовых пьомонитовых прожилках. Для наглядности предложена увеличенная модель – копия природных призматических кристаллов черновита.

Охарактеризованные выше особенности минерального разнообразия Тимано-Североуральского геотопса, минерального кадастра данной территории, фондов и экспозиции геологического музея им. А.А. Чернова позволяет прогнозировать открытие новых минералов для данного региона, а также прирост практически всех кристаллохимических типов и классов в фондах и в экспозициях музея.

Отражение петровской эпохи в юбилейных и памятных медалях из коллекции Национального музея Республики Коми

Коллекция медалей Национального музея Республики Коми достаточно разнообразна. Помимо наградных медалей участников войн XIX–XX вв., в собрании хранятся юбилейные и памятные медали XVIII–XX вв.

Наиболее репрезентативной частью собрания является коллекция художественных медалей, связанных с событиями истории России от петровской эпохи до советского времени.

Истории медальерного искусства России посвящены труды исследователей Е.С. Щукиной, М.Е. Дьякова и др. Выявлены художественные приёмы, составлены описания медалей императорского и советского периодов¹. Коллекция медалей из собрания Национального музея не являлась предметом отдельного изучения и не публиковалась. Целью данной статьи является описание части этой коллекции – медалей, отражающих петровскую эпоху.

Начало государственному выпуску медалей было положено во Франции во второй половине XVII в. В России художественная медаль, родившаяся на грани XVII и XVIII вв., к середине столетия уже ни в чём не уступала произведениям зарубежного медальерного искусства².

По своему назначению медаль – своеобразный памятник, посвящённый историческому событию или отдельному лицу. В быстром развитии русской медали как исторического памятника решающую роль сыграли бурные события экономической, социальной и политической жизни России начала XVIII в. Ряд исторических событий, касавшихся России, был отмечен медалями иностранных медальеров. Находясь за границей, Петр I заказывал там медали на различные события³. Медаль, в ряду многих нововведений петровского времени, пришла из традиций западноевропейских государств.

Значительные события начала XVIII столетия, запечатлены в медалях «На взятие Ниеншанца 14 мая 1703 года» (КП 2915/6⁴), «В память взятия Пернова 1710» (КП 2915/8), «Полтавское сражение 1709 года» (КП 2915/4), «Командование Петром I четырьмя флотами при Борнгольме 5–14 августа 1716» (КП 2915/46).

Оригиналы медалей были изготовлены в память событий Северной войны 1700–1721 гг. Серия медалей, состоявшая из 28 сюжетов, была заказана в 1713 г. известному европейскому медальеру Филиппу Генриху Мюллеру. В ней отражены главные победы России над Швецией 1702–1714 гг.⁵ Одной из первых медалей этой серии была медаль «На взятие Ниеншанца 14 мая 1703 года». На лицевой стороне медали погрудное вправо изображение Петра I. Российский император в римской одежде с лавровым венком. Существовало три разновидности штампа. В музейном собрании копия с копии гравёра Осипа Калашникова: внизу под обрезом монограмма медальера О.К. (Осип Калашников). По кругу латинская надпись PETRVSALEXIIFIL.D.G.RVSSIMP.M.DVX.MOSCOVIA (Петр, Алексеев сын, божьей милостью российский император...). Ниже монограмма В.П. (возможно монограмма мастера, выполнявшего копию с медали – авт.). На оборотной стороне изображение античного воина, держащего копье и ключ. На заднем плане – топографический план крепости и укреплений. Под обрезом надпись: CASTRVM NOVVM CAPT / ETDESTR.D.14 MAI. / S.V. (Ниеншанц взят и разрушен 14 мая старого стиля). В верхней части поля фраза Овидия: «SIC MAGNIS CEDIT.OVID» (Так уступает великим. Овидий).

Интересна медаль, выполненная на решающее событие в Северной войне – Полтавскую битву. Именно после Полтавского сражения, когда становится очевидным победоносный для России исход войны, Петр поручил изготовить серию медалей в память побед русского оружия в Северной войне, чтобы оповестить Европу о военных успехах своей державы⁶. Экземпляр из коллекции Национального музея – копия второй половины XVIII в. На лицевой стороне – погрудное изображение Петра I в римской одежде с лавровым венком на голове. Под обрезом монограмма мастера С.Ю. (Самойла Юдин). Самойла Юдин (1730–1800) – одна из наиболее значительных фигур русского медальерного искусства второй половины XVIII в., потомственный монетчик, работая на Петербургском монетном дворе, он занимался возобновлением изношенных штампов выпуска первой половины века, внося свои элементы в медали мюллеровской серии⁷. На оборотной стороне медали – в деталях выполненная батальная сцена, в верхней части надпись по-латыни PULTAVA (Полтава), в нижней – INTERNECIONIS.TERMINUS 1709 (Разгрома завершение 1709).

¹ Собрание русских медалей. СПб., 1840; *Смирнов В.П.* Описание русских медалей. СПб., 1908; *Щукина Е.С.* Художественная медаль в Эрмитаже. Л., 1961; *Она же.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962; *Она же.* Монограммы и подписи на русских медалях XVIII – начала XX в. Киев, 2002; *Она же.* Два века русской медали. Медальерное искусство в России 1900–1917 гг. М., 2000; *Дьяков М.Е.* Медали Российской империи (1672–1917). В 8-ми частях. М., 2004–2008; *Смирнов М.И.* Со знаком «С.П.Б.»... Очерки истории Санкт-Петербургского Монетного двора 1724–1994. Тольятти, 1994

² *Щукина Е.С.* Художественная медаль... С. 8.

³ *Щукина Е.С.* Медальерное искусство... С. 4, 10.

⁴ Здесь и далее – учётный номер в Книге поступлений основного фонда Национального музея Республики Коми.

⁵ *Щукина Е.С.* Два века русской медали... С. 27.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Ч. 2. М., 1977. С. 504, 505; *Щукина Е.С.* Два века русской медали... С. 27.

⁷ *Щукина Е.С.* Два века русской медали... С. 79–80.

Медаль «В память взятия Пернова 1710» из той же серии увековечила осаду и захват русскими шведской крепости на левом берегу р. Перновы (Пярну). На лицевой стороне погрудное вправо изображение Петра I в римской одежде, с лавровым венком на голове. Здесь мы видим иной штемпель лицевой стороны медалей в память событий Северной войны. Сверху вкруговую латинью надпись PETRVS.ALEXII.FIL.D.G.RVSS.IMP.M.DVXMOSCOVIA (Петр, Алексеев сын, божьей милостью российский император. 1710. Москва). На срезе инициалы мастера, выполнявшего копию Т.И. (Тимофей Иванов). На оборотной стороне надпись REMEANTE DIE VICTR ICIA SIGNA SIL (с каждым днём новые победы¹). Изображение Афины Паллады с мечом в правой руке и лавровой ветвью в левой; перед нею пьедестал, на котором – план города. В обресе надпись PERNAVIVM. CAPT D 21 AVG / SIV (Пернов взят 21 августа). Медаль – копия второй половины XVIII в. в целом повторяет лицевую и оборотную стороны мюллеровской серии. Хотя имеет отличие в надписях и художественных элементах. Увлечение нумизматикой во второй половине XVIII в. вызвало появление «новоделов». На монетных дворах желающие могли заказать повторения старых монет и медалей вновь созданными штемпелями. Мюллеровская серия на события Северной войны неоднократно повторялась². В медали «В память взятия Пернова 1710 года» – повторении с медали петровского времени, выполненной Тимофеем Ивановичем Ивановым (1729–1803), великолепным мастером, медальером, портретистом екатерининской эпохи, прослеживаются мастерство западноевропейских медальеров и достижения русского медальерного искусства второй половины столетия.

Медаль «Командование Петром I четырьмя флотах при Борнгольме в 1716 году» из собрания музея выполнена в серебре, в отличие от других, описываемых здесь медалей, выполненных в бронзе. На лицевой стороне изображение пьедестала с бюстом Петра I вправо, окружённое военными трофеями. Надпись на постаменте ПЕТР ВЕЛИКИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ. Под обрезом: 1716. ГОДА. Оригинал медали без подписи³. На экземпляре в музее – монограмма С.Ю.Р. (Самойла Юдин резал). Копия штемпеля неизвестного медальера. На оборотной стороне – Нептун, держащий трезубец, мчится по морским волнам на колеснице, запряженной двумя конями, и украшенной русским, английским, датским и голландским флагами. Под обрезом надпись ПРИ БОРНГОЛМЕ.

В книге Ю.Б. Иверсена, впервые наиболее полно описавшего серию медалей на события Северной войны, дано описание событий, увековеченных в медали: «К эскадре, состоявшей из английского флота под командой адмирала Норриса, голландского под начальством командира Граве и датского под предводительством великого адмирала Гюльденлёва, присоединился 17 июня 1716 г. Русский флот, пришедший из Ревеля под командой капитана Сиверса и соединившийся с пришедшими ранее его русскими военными судами под начальством капитана Шельтинги. Главное начальство над этим соединенным, для нападения на остров Шонен, флотом принял 5 августа сам Царь и повел его из Балтийского моря к Борнхольму, откуда вернулся 14 августа через Штральзунд в Копенгаген»⁴.

Медали в память событий петровской эпохи к юбилейным датам были чеканены и в XIX столетии. В коллекции музея хранятся медали на открытие памятника в Полтаве (КП 2915/5) и в память двухсотлетия Петра I (КП 2915/7).

Медаль на открытие памятника в Полтаве выпущена в год 100-летия Полтавской битвы в 1809 г. На лицевой стороне медали – изображение Петра I вправо, в лавровом венке. Надпись по кругу: «В царствование Александра I победителю при Полтаве». Под обрезом обозначение мастера – С.ЛЕБЕРЕХТ F. (Карл Леберехт [резал]). На оборотной стороне колонна на постаменте с оградой, на вершине которой орёл держит в клюве лавровый венок, в когтях громовые стрелы. Внизу, по обеим сторонам колонны воинские принадлежности. В обресе в две строки: ВОЗДВИГНУТ 1809 ГОДА. По кругу надпись: «Полтавской победе 27-го июня 1709-го года»⁵. Медаль на установку монумента в память Полтавской битвы – одна из последних работ Карла Леберехта (1755–1827) – главного медальера монетного двора, художника, в чьих работах искусствоведы выявляют черты становления канонов классицизма в России в 1780–1790-х гг. На рубеже двух столетий он становится главной фигурой в медальерном искусстве России⁶.

Медаль «200-летие со дня рождения Петра I» выпущена в 1872 г. На лицевой стороне медали в окружности из звёзд портрет Петра I в лавровом венке. На обресе инициалы А.Л. (Александр Лялин). ниже подпись КОП.В.БАРАНОВЪ (Копировал Василий Баранов). На оборотной стороне надпись в шесть строк: въ воспоминание / ДВУХСОТЛЕТИЯ / со дня рождения / ИМПЕРАТОРА / ПЕТРА ВЕЛИКОГО. / Прииди и виждь. По краю медали надпись: ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II * 1672 – 30 мая – 1872*. Александр Павлович Лялин (1802–1862) – главный медальер Петербургского монетного двора в 1852–1862 гг., ученик Ф.П. Толстого (автора известной серии медалей на события Отечественной войны 1812–1814 гг.), автор собственных проектов медалей и штемпелей монет⁷. А.П. Лялин занимал ведущее место в русском медальер-

¹ Перевод: Собрание русских медалей... С. 13.

² Щукина Е.С. Два века русской медали... С. 78.

³ Дьяков М.Е. Указ. соч. С. 171.

⁴ Иверсен Ю.Б. Медали на деяния Императора Петра Великого. СПб., 1872. С. 47; <http://centrletopis.ru/historical-articles/ros-medals/20-10.html>. Там же идентичный экземпляр медали в размере D=54,5.

⁵ Описание см.: Собрание русских медалей. СПб., 1840. С. 67.

⁶ Щукина Е.С. Медальерное искусство... С. 98; Она же. Два века русской медали... С. 94.

⁷ Щукина Е.С. Два века русской медали... С. 147; Смирнов М.И. Указ. соч. С. 130.

ном искусстве XIX столетия. Копию с медали А. Лялина исполнил Василий Баранов (1810–1885), который почти в одно время работал с ним на монетном дворе.

Помимо медалей в коллекции музея хранится плакета в память 200-летия морского сражения при Гангуте, 1914 г. (КП 2915/9). На лицевой стороне панорама морского сражения при Гангуте. Внизу справа инициалы П.С. (Пётр Стадницкий). Надпись в две строки: МУЖЕСТВО ПЕТРОВО ПРИАНГУТЬ ЯВЛЕНЬНО /1714. На оборотной стороне надпись в четыре строки ВЪ ПАМЯТЬ/ ПЕРВОЙ МОРСКОЙ ПОБЪДЫ/ ГАНГУТЬ/ 1714 27 ЮЛЯ 1914¹. Искусствоведы отмечают, что художник П. Стадницкий использует графические приёмы для создания рельефа. Композиция плакеты решена средствами графики, а не пластики. Использование этих художественных приёмов не помешало Стадницкому на протяжении службы на монетном дворе заниматься копированием старых медалей. Именно ему принадлежат последнее повторение штемпелей Мюллера на события Северной войны².

Памятные и юбилейные медали, отражающие петровскую эпоху в собрании музея, представлены как повторами второй половины XVIII в. известной серии Ф.Г. Мюллера на события Северной войны 1700–1721 гг., так и работами медальеров XIX и начала XX в. Значительная часть их выполнена в бронзе. Скорее всего, коллекция была сформирована человеком, имевшим интерес к медалям как памятникам русской истории. К сожалению, нам мало что известно о Нилендере Николае Карловиче, жителе Ленинграда, который в 1943 г. находясь в эвакуации в Вьльгорте (близ Сыктывкара) передал в Коми республиканский краеведческий музей коллекцию медалей, отражающие различные события истории России XVIII – начала XX вв. Интересной частью этой коллекции являются медали, запечатлевшие военные успехи петровской эпохи.

А.Л. Белицкая

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Из опыта проведения интерактивных экскурсий по теме «Археология» в Национальном музее Республики Коми

В каждом музее историко-краеведческого профиля есть раздел экспозиции, посвящённый эпохе первобытнообщинного строя. Жизнь доисторических людей остаётся одной из популярнейших тем в образовании и культуре, в том числе и для музейной деятельности. Она всегда живо интересовала как детей, так и взрослых посетителей музея. В отделе истории НМРК проводится ряд экскурсий и интерактивных программ, посвящённых теме первобытного общества и археологии. Благодаря им разные возрастные категории посетителей могут узнать о жизни древних людей, а также познакомиться с приёмами археологических исследований. В основном, экскурсии рассчитаны на школьную аудиторию, как наиболее многочисленную категорию посетителей музея. Поскольку каждая экскурсия представляет собой для учащихся урок вне школы, то для неё характерны те же цели и задачи, что и для классического урока. В экскурсиях и интерактивных программах реализуется триединая цель любого образовательного процесса – образование-воспитание-развитие.

Образовательный компонент состоит в том, что, используя информацию научной и учебной литературы, экскурсовод рассказывает учащимся о каком-либо событии или ряде исторических событий, особенностях материальной и духовной культуры коренного народа региона. Содержание экскурсии соответствует требованиям образовательной программы, текст экскурсии должен быть достоверным, доступным для понимания учащихся, соответствовать их уровню знаний. Цель мероприятий посвящённых первобытнообщинному строю Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) – знакомство древним периодом истории и его особенностями в регионе.

Воспитательный компонент реализуется в том, что через экскурсию прививаются уважение к труду других, толерантное отношение к разным культурам, умение работать и учиться в коллективе.

Развивающий компонент в большей мере присущ экскурсиям, ориентированным на младший школьный возраст, потому что именно в этом возрасте идёт интенсивное развитие речи, моторики, мышления. С помощью различных заданий у учащихся закрепляются навыки анализа и синтеза материала, логики, реакции и пр.

В настоящее время по теме древней истории ЕСВ проводятся 2 типа мероприятий – экскурсии и интерактивные программы.

Среди экскурсионных тем: «Как жили древние люди» для 1-4 классов, «Мы археологи» для 5-7 классов, «Первобытнообщинный строй на территории Европейского Северо-Востока» с 8-го класса, «Пермяне – предки древних коми» для младшего школьного возраста. Они ориентированы на разный возраст посетителей, в соответствии с этим они имеют разные цели и приёмы подачи материала. Экскурсии для младшего школьного возраста требуют «погружения» детей в эпоху и предполагают наличие игровых моментов и моделирования, для среднего школьного возраста ориентированы на исследовательскую деятельность, для старшего школьного звена и студентов материал экскурсии подаётся как лекционный, преобладают вербальные приёмы общения.

Наиболее востребована в младшем школьном звене экскурсия «Как жили древние люди», которая знакомит школьников с образом жизни доисторических людей. Попадая с помощью колеса истории в каменный век, школьники превращаются в первобытных охотников и собирательниц и узнают способы охоты, добычи огня, изготовления посуды и обработки шкур для шитья одежды. Экскурсия опирается на воображение и повседневный опыт младших школьников и развивает у них логику мышления. В отличие от неё экскурсия «Мы – археоло-

¹ Описание см.: Дьяков М.Е. Указ. соч. С. 378.

² Щукина Е.С. Два века русской медали... С. 200-201.

логи» рассчитана на наличие специальных знаний, полученных в ходе уроков истории. Здесь школьникам предлагается совершить путешествие в поисках следов пребывания древних людей. На ней большее внимание уделяется исследовательской деятельности учащихся, развитию аналитических навыков, внимания.

Экскурсия для учащихся старшего школьного возраста и студентов «Первобытнообщинный строй на территории Европейского Северо-Востока» более насыщенная информативно, предполагает освещение широкого спектра вопросов, включая сведения о духовной и материальной жизни населения, климате, флоре и фауне ЕСВ в разные периоды древней истории, начиная от палеолита и заканчивая ранним средневековьем. В течение экскурсии не предполагается выполнение каких-то практических заданий. Она рассчитана на запоминание материала экскурсантами.

Узкотематическая экскурсия-занятие «Пермяне – предки древних коми» рассказывает о материальной и духовной культуре Перми Вычегодской, носители которой стали основой для формирования этноса коми.

В последние годы растёт популярность интерактивных программ, предполагающих театрализацию, использование мультимедиа оборудования, специальных средств и моделирования. В 2010–2011 гг. в отделе истории НМРК были разработаны три интерактивные программы – «Школа юного «неандертальчика» (первый и второй годы обучения) и «Занимательная археология». Материалы данных экскурсий рассчитаны на детей 2-5-го классов, но в них с удовольствием участвуют и ребята старшего возраста, а также взрослые.

Идею создания, а также название – «Школа юного «неандертальчика» – подали произведения итальянского детского писателя Лучано Мальмузи, который посвятил несколько книг историям о первобытных школьниках. Экскурсантам предлагается отправиться в доисторическую школу, где проводятся уроки, необходимые для выживания вы ледниковое время. В игровой форме они знакомятся с типами жилищ, одежды, видами украшений, музыкальных инструментов каменного века, а, главное, могут сделать их своими руками. Можно провести параллели «Школы юного «неандертальчика» и экскурсии «Как жили древние люди». Отличие интерактивной программы в том, что ведущий перевоплощается в древнего человека и выстраивает линию общения именно как человек первобытный.

Такие же параллели можно провести между интерактивной программой «Занимательная археология» и экскурсией «Мы – археологи», которые преследуют целью не только изучение жизни древних людей, но и знакомство с методами и приёмами полевых археологических работ. На время проведения интерактивной программы учащимся предлагается представить, что они – члены археологического отряда, который проводит раскопки поселения. Здесь экскурсанты смотрят на жизнь древних людей уже не «изнутри», а «снаружи», изучая её, а не живаясь в роль древних людей. В ходе интерактивной программы используются подлинные предметы разных периодов древней истории – керамика, скребки, а также муляжи и модели. Любой предмет экскурсанты могут взять в руки, потрогать.

Теоретическая часть в интерактивных программах дополняется практической, таким образом, активизируются сразу три вида памяти: слуховая, зрительная и моторная, что обеспечивает более прочное усвоение полученных сведений. Также в интерактивные программы включены элементы реконструкции.

Популярность интерактивных программ наглядно показывают цифры:

За 2010–2011 гг. по теме «Первобытнообщинный строй на территории Европейского Северо-Востока» было проведено 8 экскурсий, 1 экскурсия «Мы – археологи», 2 экскурсии «Пермяне, предки древних коми», 31 экскурсия «Как жили древние люди».

В июне 2010 первая интерактивная программа «Занимательная археология» была проведена 11 раз, в октябре – 36. «Школа юного «неандертальчика» в сентябре 2010 г. была проведена 38 раз, в мае-июне 2011 г. – 24 раза.

Перспективность и популярность разработки и проведения интерактивных программ сталкиваются с рядом проблем. Интерактивные программы проводятся в экспозиции, затрудняя проведение обзорных и тематических экскурсий. Для их регулярного проведения необходима специально оборудованная площадка. Проведение таких программ не может обойтись без специальных материалов и моделей, позволяющих выполнять практические занятия. Для успешного проведения интерактивных программ важно не только знать текст, но и уметь ответить на порой неожиданные вопросы в ходе экскурсий. Ответ должен соответствовать исторической действительности. Идеальный экскурсовод для занятий – это специалист – историк, археолог.

Несмотря на растущую популярность интерактивных программ, нельзя делать основную ставку на них. Есть риск превращения их в театрализованные представления, главной целью которых будет развлечение посетителей, а не сообщение им знаний. Разумеется, этого нельзя допускать, забывая об их научно-образовательной функции. Экскурсии в меньшей мере подвержены этой опасности. Ещё один плюс экскурсий – их текст опирается на экспонаты зала, идёт постоянное обращение к подлинным вещам. Поэтому необходима разработка новых экскурсий, углубляющих и расширяющих тематику проведения, задействующих новые экспонаты. На наш взгляд, несмотря на растущий спрос на интерактивные программы, экскурсии, как классический метод ознакомления с экспозицией и получения знаний, сохраняют свою актуальность и не должны отодвигаться на второй план, поскольку являются равноценными аналогами интерактивным программам.

Интинский период в жизни Георгия Стаценко

Георгий Васильевич Стаценко родился 26 декабря 1922 г. Он учился в школе имени М. Горького, единственной в десятилетке Краснодона, и хорошо знал многих будущих молодогвардейцев.

Когда немцы вошли в Краснодон, отец Георгия был назначен бургомистром, ведавшим городским хозяйством. Это назначение стало роковым для всей семьи Стаценко. Георгий не знал о подпольных организациях, развернувших свою деятельность в тылу врага, но не отказывал ребятам в просьбах: доставал через отца справки, разрешения на поездки, передачи. Василий Илларионович способствовал и тому, чтобы молодогвардейцев освободили от угона в Германию.

После жестокой расправы над молодогвардейцами Стаценко, как он писал в своих воспоминаниях, «глупо попал в руки немцев. Тяжелые скитания под дулами немецких карабинов привели меня осенью 1943 в Германию – в город Швеннинген на Неккаре в Шварцвальде»¹. Георгий очутился на мелкой кустарной фабрике, единственный русский из десяти рабочих.

В апреле 1945 г. город освободили французские войска и советских репатриантов отправили в лагерь, где Стаценко оттачивал свое искусство владения карандашом и пером, рисуя портреты сокамерников. Там он завербовался на строительство завода под Москвой и уже к ноябрьским праздникам прибыл в столицу, откуда был направлен на Мытищенский вагоностроительный завод. Георгий поселился в общежитии, поступил в машиностроительный техникум. Он поверил, что все злоключения позади: «Тревога мной не владела, я даже держал письма отца под матрасом своей кровати. Словом, совсем потерял осторожность и бдительность, чем впоследствии причинил много горя себе и своим близким»².

Арест грянул неожиданно. 22 сентября 1946 г. Стаценко арестовали и отправили на Лубянку. Практически в это же время был арестован его отец, затем эту же участь разделила мать, а младшего брата отправили в детдом. Длительное расследование, голод, бессонница, издевательства способствовали тому, что Стаценко взял на себя вину в выдаче «Молодой гвардии». В феврале 1948 г. он был осужден Особым Совещанием на 15 лет лишения свободы.

Годы своего заключения он провел в Коми АССР: сначала в Устьвымлаге, а затем в Особом лагере № 1, носившем имя «Минеральный», – в Инте. Сбор в одном месте политических заключенных способствовал плотной концентрации интеллигентов. Заключенные в Минлаге Ю. Дунский и В. Фрид, шутя считали, что именно отсюда произошло название города Инта. Здесь работал клуб-театр, выступали знаменитые артисты, была богатая библиотека, стадион.

В лагере Стаценко писал лозунги с призывами, а также в больших количествах выполнял копии с известных картин для начальства. За копии картин русских классиков и миниатюрные портреты «заказчиков», Георгий Васильевич был расконвоирован еще до своего освобождения и перешел жить в барак за зоной, совсем близко от лагеря.

После прихода к власти Н. Хрущева, дело «предателей Молодой гвардии» было пересмотрено Прокуратурой СССР. Приговор всем оставили в силе, кроме Г. Стаценко, поскольку не нашли доказательств его предательства. Но все-таки решили, что сын разделял «антисоветские взгляды отца», а потому виновен в «измене Родине». Поэтому наказание не отменили, а снизили срок на 5 лет. Еще год «сэкономили» по зачетам – художникам, как работникам хозяйственной службы, зачитывался день за два при условии примерного поведения и отсутствия нарушений режима.

21 сентября 1955 г. Георгий Васильевич был освобожден и оставлен в Инте на вечную ссылку. В случае нарушения режима ссылки ему грозил новый срок – 25 лет заключения в лагерях. А уже в ноябре по хрущевской амнистии – к 10-летию окончания войны – с него сняли поселение, выдали паспорт, военный билет.

После освобождения Стаценко устроился в общежитии шахты 11/12 в комнате с Херманом Хейнла и Брониславом Рыхликом, раньше вышедшими из лагеря. Он занял в общежитии место Гранта Аветисяна, уехавшего на родину в Грузию. Хейнла и Рыхлик были известными людьми в Инте, они помогли Георгию устроиться художником в Дом Культуры поселка Западный. Работы было много: афиши и рекламы для кино, стенды, оформление сцены к праздникам. По приказам начальства из зоны Стаценко продолжал писать портреты с фотографий. Вскоре он стал довольно известным художником и получал заказы от интинской интеллигенции из бывших заключенных.

Художников в Инте пятидесятых годов было немало. В августе 1955 г. даже состоялась первая выставка картин, на которой экспонировались 103 работы, представленные пятнадцатью интинскими художниками³. Через полгода, в марте 1956 г., в Доме Культуры прошла вторая выставка творческого объединения художников Инты. Она была посвящена XX съезду КПСС. По иронии судьбы, на этой выставке выставлялись бывшие политические заключенные – Х. Хейнла, Б. Рыхлик, С. Саулюс, В. Карклиньш, П. Почиталин, Г. Аветисян, Г. Стаценко и другие. За десять дней выставку посетило свыше шести тысяч посетителей. Десять художников представили 70 произведений живописи и скульптуры, в большинстве своем северные пейзажи и портреты

¹ Рукопись, хранящаяся в семейном архиве.

² Там же.

³ Художественная выставка в Инте // Красное Знамя. 1955. 2 сентября.

знатных людей Инты и Интинского района. Особо в прессе отмечались овсянные проникновенной лирикой работы Стаценко, «в особенности гуашь «У 66-й параллели» и акварель «Мостик», а также «Голова мальчика» – за характерность и пластичность¹. На уникальных фотографиях из семейного архива Стаценко можно увидеть интинских художников у Дома культуры, где проходила эта выставка, и Георгия Васильевича с его работами.

Все складывалось успешно. «Работа – есть, причем любимая, по специальности, крыша над головой – тоже есть, причем общежитие со сравнительно привилегированными условиями жилья (три человека в комнате вместо 4-5 человек)... Много работал я и самостоятельно, без заказа, по вдохновению и внутренней потребности. Работал до 2-3 часов ночи (а летом там, в Инте, солнце почти не заходит круглые сутки), потом спал до 10-11 часов, ночевать оставался в своей мастерской, там стояла для этой цели кушетка, батареи водяного отопления работали исправно, было тепло, играл приемник², – вспоминал позже, в 90-х годах Георгий Васильевич. Но внезапно, из-за неурядиц личного характера, 34-летний Стаценко решил покинуть Инту.

Он отправился в Сибирь, к своей матери, которая жила в Красноярском крае. Он навестил ее, но не нашел работы в каторжном краю. По воле случая Стаценко отправился в Кузбасс, в Прокопьевск. Это был третий шахтерский край в жизни Стаценко – после Донбасса и Печорского угольного бассейна. Он осел в этом городе и прожил в нем до конца своих дней. Здесь ежедневно ходил отмечаться в милицию – до реабилитации в 1976 г. Работал художником на шахте, оформил Прокопьевский городской краеведческий музей, участвовал в создании стелы «Землякам, павшим за Родину в 1941–1945 годах», писал рецензии о творчестве коллег. Закончил Народный Университет искусств, много рисовал. Женился, вырастил сына.

Георгий Васильевич ушел из жизни в апреле 2003 г., оставив самые теплые впечатления о себе в сердцах людей, встретившихся ему на жизненном пути.

Е.В. Байкова

Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел (Ижевск)

Пути сохранения и развития традиционного удмуртского ткачества

Народное декоративно-прикладное искусство удмуртов сохраняет своё значение и в наши дни и представляет собой реально бытующую традицию не оборвавшейся преемственности. Особенно ярко этот факт демонстрирует удмуртское узорное ткачество.

Узорное ткачество с древнейших времен являлось одним из важных видов домашнего производства у удмуртов. О времени появления ткачества в Предуралье судить сложно. Достаточно ранними свидетельствами существования этого вида промысла служат находки археологов. Уже на поселениях Ананьинского (VIII–III вв. до н.э.) и Чепецкого (X–XIII вв.) были обнаружены орудия труда прядения – пряслица, кусочки тканей, остатки ткацкого стана³.

Практически до середины XIX в., времени появления дешевых фабричных тканей, удмуртские крестьяне сами изготавливали пряжу и полотно для удовлетворения собственных потребностей. Все женщины должны были уметь прясть, ткать. С семилетнего возраста девочек обучали разным видам ткачества: ажурное, браное, выборное, переборное, многоремизное, закладное, ткачество в рубчик и конечно изготовление половиков⁴. Появление анилиновых красителей на внутреннем рынке в XIX в. позволило окрашивать ткани в яркие насыщенные цвета, отличавшиеся от сдержанной цветовой гаммы, получаемой растительными волокнами.

Дефицит фабричных тканей, периодически возникавший вследствие тяжелых потрясений, пережитых страной в XX в., способствовал сохранению навыков изготовления тканей в домашних условиях.

Появление текстильной промышленности в Удмуртии связано с деятельностью Ижевской фабрики художественных товаров. Открытие фабрики было вызвано необходимостью организовать мастеров, объединить их, дать возможность учиться друг у друга. Однако итоги работы фабрики выявили множество недочетов. Узорное ткачество не отличалось большим разнообразием. Покрывала, пледы, изготовленные в технике ремизного ткачества, с однообразным рисунком, мрачным колоритом из-за отсутствия качественной пряжи, что никогда не было свойственно удмуртскому ткачеству. Мало внимания уделялось изучению художественных и технических приёмов узорного ткачества⁵. Кроме того, труд самого коллектива пошел не совсем по задуманному руслу: художники мало считались с богатыми национальными традициями, разрабатывались орнаменты для ковров, близкие кавказским. Эти ковры широко распространялись по республике, по стране, шли на экспорт⁶.

В такой ситуации процент традиционного ручного ткачества оказался ничтожным, однако о его вымирании речи не шло, так как практически в каждом уголке республики оставались мастера, сохранявшие самобытность текстиля своего района.

¹ Петренко Д. Вторая выставка работ художников шахтерского города // Красное Знамя. 1956. 30 марта.

² Рукопись.

³ Смирнов А.П. Финские феодальные города // На удмуртские темы. М., 1931. С. 46.

⁴ Климов М. Удмуртское народное ткачество. Ижевск, 1979. С. 5-6.

⁵ Королева Н.С. О состоянии и перспективах развития народных художественных промыслов в местной промышленности Удмуртской АССР // Творческие проблемы современных художественных промыслов в Удмуртской АССР. Ижевск, 1983. С. 90-104.

⁶ Ермолаева Н. Разноцветные встречи. Рассказы об удмуртских народных мастерах. Ижевск, 1971. С. 58.

Развитие современного узорного ткачества связано непосредственно с деятельностью открытого в 1991 г. по инициативе Министерства культуры Удмуртии Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел (далее НЦДПИИР), который на сегодняшний день является одним из наиболее эффективно работающих учреждений под руководством Р.М. Каримова.

За сравнительно небольшой период Каримову Р.М. удалось выстроить уникальную систему деятельности по сохранению, возрождению и развитию народного декоративно-прикладного искусства (ДПИ), включающая сеть Центров и Домов ДПИ и ремесел по всей республике во главе с методическим центром НЦДПИИР. Особое внимание Рафхат Мухаметович уделил возрождению и развитию узорного ткачества, как наиболее традиционного вида ДПИ Удмуртии. К работе были привлечены ведущие ученые республики в области археологии, этнографии и искусствоведения.

Благодаря совместной деятельности с представителями науки, изучению материалов археологических и этнографических фондов историко-краеведческих музеев, частных коллекций, материалов Центров и Домов ремесел республики, встречам с мастерами-носителями традиции, экспедициям, были восстановлены утраченные и забытые методы и приемы ткачества.

Первоначально мастера выполняли копии старинных экспонатов, а затем на их основе начали создавать авторские изделия творчески переосмысленные, но сохраняющие в себе национальную идентичность. В настоящее время специалистами изучаются и развиваются особенности местных традиций узорного ткачества.

Сегодня в республике создано более 50 мастерских по ткачеству, у каждого мастера есть свои ученики и надомники, около 150 талантливых мастеров по ткачеству творчески расширяют спектр использования традиционного ткачества и цветовую гамму.

Применяются различные методы развития ткачества, одним из которых является выставочная деятельность. Каждая республиканская выставка ДПИ становится значимым событием в жизни республики.

В современных условиях сложной экономической ситуации в стране, приоритетным направлением была выбрана проектная деятельность, целью которой является создание сети любительских объединений по ДПИ, обучение население основам ткачества и, как следствие, частичное решение проблемы безработицы в районе, открытие мастерских по изготовлению национального костюма и др.

Современное удмуртское ткачество сочетает в себе знание традиций удмуртского ткачества и авторские технологии, что наглядно демонстрируют выставки последних лет. Огромная заслуга в развитии этого направления в Удмуртии принадлежит талантливому мастеру, ведущему методисту по ткачеству отдела узорного рукоделия АУК УР НЦДПИИР Ядыгаровой Альбине Вениаминовне. Под ее руководством сохранен, возрожден и повсеместно развивается традиционный вид удмуртского народного декоративно-прикладного искусства.

Ядыгарова А.В. освоила и в совершенстве владеет многими традиционными методами ткачества удмуртов: браное, выборное, переборное, закладное, пестрядь. На основе традиционного удмуртского ткачества, орнамента финно-угорских народов она создает уникальные изделия, которые вручаются зарубежным гостям, правительственным делегациям, посещавшим республику.

Альбина Вениаминовна уделяет большое внимание воспитанию подрастающей смены мастеров. Делится секретами искусства ткачества с учащимися республиканской детской школы декоративно-прикладного искусства и ремесел «Усточикар» («Город мастеров»), где руководитель направления «Куиськон» («Ткачество») – ее ученица, ведущий методист отдела узорного рукоделия АУК УР НЦДПИИР Мамеева Л.В., одна из лучших мастеров республики.

За творческие успехи в развитии ДПИ и ремесел в 2001 г. Альбине Вениаминовне присвоено звание «Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики». Неоднократно была отмечена благодарственными письмами и дипломами. Награждена Почетной грамотой Правительства Удмуртской Республики (1997 г.), Почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации и Российского Профсоюза работников культуры (2003 г.), Почетной грамотой Государственного Совета Удмуртской Республики (2004 г.).

Активная деятельность по сохранению и развитию национальной культуры Удмуртии заслуженного работника культуры Удмуртской Республики Ядыгаровой Альбины Вениаминовны удостоена высокой оценки. Она является лауреатом премии Правительства Удмуртской Республики «Признание» за вклад в развитие народного творчества (2008 г.), лауреатом Премии Правительства Российской Федерации «Душа России» за вклад в развитие народного творчества (2009 г.).

Новаторские решения в ткачестве активно перенимают и ученики Альбины Вениаминовны. Так, в творчестве мастеров Алнашского Центра ДПИ чувствуется определенный подъем, новый виток развития. Самое яркое впечатление производит новое цветовое ощущение текстиля. В этой сложной цветовой гамме прослеживается и история, и традиция. Текстиль используется в сочетании с другими видами народного декоративно-прикладного искусства. В частности, очень удачна находка сочетания тканого декора с лозоплетением. Тот уровень, на который уже вышли мастера, демонстрирует высокое качество¹.

Мастера Узей-Туклинского Дома ремесел Увинского района Удмуртии в мягкой этнографии разрабатывают авангардные новаторские вещи. Цветовая гамма тканых панно, полотенец и костюмов очень красивая, сложная, насыщенная энергией, хотя и не совсем традиционная, но удивительно гармоничная². Ученица Аль-

¹ Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИИР УР от 12.03.2010 г. С. 8-9.

² Там же. С. 7-8.

бины Вениаминовны – Сидорова Надежда Родионовна стала Лауреатом премии Правительства Удмуртской Республики «Признание» за вклад в развитие народного творчества в 2009 г.

Новым жанром ткачества у удмуртов стал гобелен, характерный для некоторых финно-угорских народов. За короткий период времени наши мастера научились работать в этой технике ткачества. Выставки в НЦДПИ-иР дают надежду, что дальнейшие успехи в данном направлении обязательно будут и будут более значительными. Это показывают последние работы мастеров НЦДПИиР, Юкаменского и Алнашского районов.

Методы современного развития ткачества показывают хорошие результаты. Все достижения мастеров в области ткачества, демонстрирующиеся на республиканских выставках, постепенно завоевали и российского, и зарубежного зрителя. Удмуртское традиционное ткачество накопило ценный художественный опыт и получило дальнейшее развитие в наши дни, являясь ярким выражением современного народного искусства.

И.П. Бойкова

Воронежский областной краеведческий музей

Европейский опыт виртуального музея в российском региональном контексте: творчество О. Э. Мандельштама в Воронеже

В январе исполнилось 115 лет со дня рождения О. Э. Мандельштама. Три года из своей короткой жизни (1934–1936) он провел в воронежской ссылке. Известно пять адресов, связанных с его именем (ул. Ф. Энгельса, д. 19; пер. Швейников, д. 4-б; пересечение пр. Революции и ул. 20 лет ВЛКСМ; ул. Ф. Энгельса, д. 13; ул. Пятницкого). Заседавшая по юбилейному поводу комиссия историко-культурного наследия Воронежа приняла решение не называть именем Мандельштама ни одну из трех предложенных улиц, ссылаясь на непрезентабельный вид переулка Швейников и сложности в переименовании улиц Ф. Энгельса или 20-летия ВЛКСМ. Его имя будет носить одна из новых улиц. Воронежская общественность почтила память поэта у памятника Мандельштаму и мемориальной доски в его честь.

Осип Эмильевич сам выбрал Воронеж для поселения после Чердыни. Жизнь в нашем городе у Мандельштамов была трудная. Время от времени удавалось зарабатывать переводами, служить в литчасти драматического театра. Воронеж дал поэту передышку перед восхождением на его «гогофу». А что поэт дал Воронежу? Он помог ему избавиться от вечной провинциальности, привнес дыхание высочайших образцов мировой поэзии, написанных здесь при жизни и осмысливаемых потомками до настоящего времени.

Почему же в Воронеже до сих пор нет музея О. Мандельштама? Риторический вопрос. В нашем городе нет даже музея Нобелевского лауреата И. Бунина, хотя сохранился дом, где он родился. Нет в нем и музея другому нашему земляку – величайшему прозаику XX века

А. Платонову. Небольшие экспозиционные комплексы в областном литературном музее не могут заполнить этой вселенской пустоты. Ссылки на то, что Мандельштам вел «безбытовой» образ жизни, что не осталось в Воронеже подлинных предметов, связанных с ним, на наш взгляд, несостоятельны.

В связи с этим хотелось бы обратиться к опыту отношения к культурному наследию в Европе, точнее в одной из ее стран – Франции. В 2005 году, осматривая экспозицию Chateau d'Auvers sur oise, посвященную французским импрессионистам, мы с удивлением обнаружили, что в этом великолепном музее нет ни одной подлинной картины знаменитых художников. Однако этот недостаток с лихвой компенсировался любовью и научной компетенцией его молодого творческого коллектива. В полном смысле этот музей стал для нас сенсацией. Музей начинался с рассказа о приезде в Париж в конце XIX в. будущих импрессионистов, о вечном городе, его новостройках, настроениях, которые так чутко уловили художники. Традиционный показ бытовых предметов в музейной экспозиции сочетался с элементами театрализации и выполненными с большим вкусом виртуальными инсталляциями. Все последующие разделы из жизни художников – импрессионистов сопровождалась попыткой компьютерной реконструкции условий написания знаменитых картин, исторических событий и лиц, так или иначе, к этому причастных. Если речь шла о путешествиях художников, посетители садились в вагон того времени, а за окнами мелькали исторические реконструкции пейзажей, мгновенно становившихся известными работами Моне, Ренуара. Если заходили в «кабаре», оживали картины Тулуза Лотрека. На «побережье» резвились модели Сезанна, застывая в его картинах. Высочайший профессионализм музейных работников наполнял душу радостью от удачи коллег, а разум сознанием того, что воронежские музейщики – сами экспонаты музейного дела XIX, но никак не XXI в.

Посещение издательства «Имка-Пресс», так много сделавшего для сохранения творческого наследия О. Э. Мандельштама, вызвало желание также что-либо предпринять.

Внимательно изучая книгу Н. А. Струве о жизни и творчестве поэта, стало ясно, что на ее основе можно создать виртуальный музей Осипа Эмильевича в Воронеже. Неожиданно эта идея нашла поддержку в лице преподавателя компьютерных технологий одного из воронежских вузов М. А. Ревенко.

Воронежские ученые с большим вниманием относятся к творчеству Мандельштама. Регулярно в стенах ВГУ проходят международные, всероссийские и региональные конференции, посвященные его жизни и творчеству, издаются сборники научных трудов. В настоящее время известным воронежским краеведом О. Г. Ласунским и поэтессой Г. Умывакиной предпринимается попытка открыть в экспозиции Воронежского областного литературного музея экспозиционный комплекс, посвященный пребыванию О. Мандельштама в Воронеже.

Конечно, невозможно научными, музейными или какими-либо другими средствами реконструировать процесс творчества столь многогранной личности, но можно попытаться уловить настроение, воссоздать атмосферу. Надежда Яковлевна Мандельштам писала: «Стихи начинаются так: в ушах звучит назойливая, сначала неоформленная, а потом точная, но еще бессловесная музыкальная фраза... Весь процесс состоит в напряженном улавливании и проявлении уже существующего и неизвестно откуда транслирующегося гармонического и смыслового единства, постепенно воплощающегося в слова».

Юрий Иваск назвал О. Мандельштама – дитя Европы. «В Европе, как старой, так и новой, Мандельштам прозревал общие черты – родство... Лирической сердце Мандельштама вмещало всю Европу, его стихи включают самые разнообразные мотивы ее – и в творчестве, и в верованиях. Он заражает русского читателя любовью к Германии Баха или Англии Диккенса. Его в особенности восхищают средиземноморские страны и Таврида-Крым. Можно только пожалеть о том, что ему не пришлось изъездить всю Европу. Но зато он побывал в Армении и Грузии. Обе эти страны географически расположены в Азии, но для него они были частью Европы, эллино-латинской цивилизации, и он их тоже прославлял. Иногда Мандельштам вспоминал о своей прародине – Палестине. Но образы Нового завета ему ближе, чем «хаос иудейский» Ветхого завета»¹.

Для того чтобы быть поэтом, недостаточно в совершенстве владеть техникой стихосложения, нужен свой неповторимый голос, свое незабываемое мироощущение, своя, никем не разделенная судьба. В начале поэтического поприща все эти три слагаемые состоят в свободной взаимосвязи. Голос предполагает идею, идея не существует без голоса, они рождены одновременно из того же духовного центра, но полагаются отдельно и ищут друг друга. Судьба происходит от них. Крепнет связь между голосом, идеей и судьбой: поэт растет, они сливаются воедино. Н.А. Струве писал: «Пушкин и Лермонтов «под дулом пистолета», наложившие на себя руки Фет, Есенин, Цветаева, задохнувшийся на пороге славы Анненский, Блок, умерший потому, что «дышать нечем», исстрадавшаяся Ахматова, погибшие Гумилев и Мандельштам – жертвы не случайного рока, а собственного голоса, самих законов поэзии».

Стержнем будущего музея О. Мандельштама может стать его отношение к времени. В поисках первоосновы он не вырывается из временного ряда, а опускается в глубинный его слой, где время воспринимается как сплошная непрерывность, протяженность, неподвижность. Мандельштам, как никто другой, умеет останавливать время, выразить длительность. Земное время измеряется стрелкой часов, время творческое – произрастанием. С той же легкостью, с какой он раздвигает века, Мандельштам плывет вверх по течению времени. Не потому ли его голос так часто звучит пророчески? Даже в своих ранних историко-литературных статьях Мандельштам, помимо себя, пророчесствует о себе – настолько, что его биографию и творческий путь можно восстановить из разных кусков этих статей. Он рассматривает явления не в порядке их пространственной протяженности, а в попытке определить внутреннюю связь явлений. «Эту связь он освобождает от времени и рассматривает отдельно. Таким образом, связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время они поддаются умопостижаемому свертыванию»².

Излюбленные его образы – звери, птицы, рыбы, насекомые, камни. Поэзия Мандельштама как библейский гимн творению. Вещь, – психея, она имеет душу. Это то зерно, которое, упав на музейную почву, может дать интересные всходы. «О. Мандельштаму до глубины было известно чувство экзистенциальной необеспеченности, который на себе испытал опыт «дезобъективации и дезориентации»³.

«Воронежские тетради» – вершина творчества Осипа Мандельштама. После его смерти сначала потаенно, а затем все шире и шире разрастался интерес к его поэзии. Слились воедино голос, идея и судьба. Как он сам, того еще не ведая, в 1914 г. сказал о Скрябине, как – будто о себе: «Он явил пример соборной, русской кончины, умер полной смертью, как жил полной жизнью, его личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы».

Поскольку личность и индивидуальность главная ценность и мера всего сущего, возможно скрупулезное исследование творчества О. Мандельштама – автора, его взгляда на действительность, выражением которого является его произведение, и затем создание современной музейной экспозиции, где с помощью компьютерных технологий эта личность и индивидуальность обретет новую жизнь и свежее прочтение.

Марина Цветаева вспоминала: «Мандельштаму с кладбища ли, с прогулки ли, с ярмарки ли, всегда отовсюду хотелось домой. И всегда раньше, чем другому (мне). А из дому – непреложно – гулять. Думаю, что когда не писал – томился. Мандельштаму без стихов на свете не сиделось, не ходилось, не жилось». В памяти М. Цветаевой он сохранился вечно молодым поэтом, у которого вся жизнь впереди. И память ее не погрешила против истины. Жизнь каждого настоящего поэта всегда впереди, ибо каждое новое поколение по-новому и заново открывает его для себя.

¹ Иваск Ю. Дитя Европы. Мандельштам О. Собрание сочинений в трех томах. Очерки. Письма. Нью-Йорк, 1969. Т. 3. С. X.

² Мандельштам О. О природе слова. Слово и культура: Статьи. М., 1987. С. 55.

³ Фаустов А. О Владиславе Анатольевиче Свительском. Книга памяти. Воронеж, 2011. С. 4.

Национальный музей РК и исторический факультет СыктГУ: направления сотрудничества

В 1972 г. в Коми АССР был открыт Сыктывкарский госуниверситет. Его открытие было вызвано необходимостью подготовки специалистов для развития экономики и культуры республики. В числе первых факультетов был и историко-филологический, в 1977 г. исторический и филологический факультеты стали существовать самостоятельно. В 2010 г. исторический факультет был преобразован в факультет истории и международных отношений.

Сыктывкарский университет развивал контакты с Ленинградским госуниверситетом, а также с вузами, научными и культурно-просветительными учреждениями Коми АССР.

Подготовка специалистов на историческом факультете предусматривала изучение дисциплин, связанных со спецификой республики – История Коми АССР, этнография, археология, разработку специальных курсов. Тематика курсовых и дипломных работ, выполненных по кафедре Истории СССР, также предусматривала использования материалов архива, фондов, в том числе и Национального музея.

Связи Национального музея РК и исторического факультета осуществлялись на основе заключенного договора о сотрудничестве. Одно из основных направлений сотрудничества – это совместная деятельность по усилению эффективности учебного процесса. Для более глубокого усвоения содержания предметов, связанных со спецификой региона, сотрудниками музея проводились экскурсии для студентов. Студенты получали возможность не только услышать, но и увидеть уникальные экспонаты, представленные в экспозициях, на выставках. Выставки, организованные Национальным музеем, активно посещались студентами, о чем свидетельствуют и записи в книге отзывов для посетителей. В Национальном музее студенты проходили архивную, преддипломную и музейную практики. Использование материалов и фондов Национального музея, а также работа в библиотеке музея с редкими изданиями обеспечивали высокое качество курсовых и дипломных работ. Услугами библиотеки активно пользуются преподаватели для подготовки научных статей и монографий. Все они признательны сотрудникам за внимательное отношение, готовность помочь. Подготовленные сотрудниками музея видеофильмы (диски) о Стефане Пермском, Викторе Савине, И. Куратове и др. активно внедряются в учебный процесс, демонстрируются при изучении соответствующих разделов курсов. Некоторые дипломные работы («История Национального музея РК», «Распространенные книги на территории Коми края» и др.) сданы в архив музея. Нередко сотрудники музея выступали в качестве официальных оппонентов студенческих дипломных работ (Э.В. Роттэ, Н.А. Хозяинова, А.Л. Белицкая).

Важную роль играло и научное сотрудничество. Особо следует отметить, что в диссертационном совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Сыктывкарском государственном университете успешно защитились: Н.А. Юшкова («Лесное хозяйство в Коми во второй половине XIX – первой половине XX века»), И.Н. Котылева («Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.»), И.Ю. Моисеева («Социально-психологический портрет фронтовика Великой Отечественной войны на материалах Коми АССР»), С.В. Бандура («Интеллигенция в Коми крае в XIX – начале XX века»).

На протяжении многих лет членом Ученого Совета Национального музея является В.А. Семенов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, этнографии и археологии.

С 1997 г. музей стал выпускать Труды Национального музея РК «Музеи и краеведение, всего издано 7 выпусков (1997–2010 гг.). На страницах этих сборников опубликованы 14 статей преподавателей факультета (3 из них в соавторстве), 1 статья студента, 5 – аспирантов. Среди авторов – Л.А. Максимова, В.А. Семенов, Т.М. Хорунжая, П.П. Котов, О.Е. Бондаренко, Т.И. Чудова, И.И. Лейман, С.Л. Егорова, аспиранты – Т.А. Носова, А.А. Беловол, Л.И. Кочерган, Х.Й. Петкова, Е.В. Шабашова, студенты О.В. Озолина, М.В. Звонилон, Т.В. Канева. Особо следует назвать Т.И. Чудову, статьи, которой были опубликованы в пяти сборниках из семи. Тематика статей была разнообразной – кухонная утварь коми, гончарное производство, история образования, ГУЛАГ в Коми, периодическая печать, налогообложение крестьян Коми края и т.д.

Интерес научной общественности вызвали и совместно подготовленные доклады, выступления и публикации сотрудников музея и преподавателей исторического факультета¹. Сотрудничество имело место и при подготовке статей для энциклопедии «Город Сыктывкар»¹.

¹ Бондаренко О.Е., Роттэ Э.В. Усть-Сысольский педагогический техникум и развитие краеведения в Коми автономной области // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 7-9; Бондаренко О.Е., Галева М.А. Жители Яренского уезда Вологодской губернии в австро-германском плену (1914–1919 гг.) // Защита Отечества: история и современность. Сыктывкар, 2001. С. 146-148; Бондаренко О.Е., Роттэ Э.В., Балашова О.Л. Сыктывкарское педучилище и Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны (по материалам музеев истории учебных заведений) // Защита отечества: история и современность. Сыктывкар, 2001. С. 77-81; Бондаренко О.Е., Галева М.А. Фронтовые письма Великой Отечественной войны (по материалам Национального музея Республики Коми). // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, Вып. 1. Сыктывкар, 2006. С. 114-116; Бондаренко О.Е., Роттэ Э.В. Роль Усть-Сысольского педтехникума в развитии краеведения в 20-е годы XX века // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003. С. 13-17; Бондаренко О.Е., Роттэ Э.В. Подготовка педагогических кадров в Республике Коми // Гуманизация образования: XXI век. Сыктывкар, 2004. С. 105-109; Бондаренко О.Е., Галева М.А. «Желаю военную службу...» // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (XI – начало XX века). Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 1. Сыктывкар, 2004. С. 105-109.

Активно развивалось сотрудничество музея археологии и этнографии СыктГУ и Национального музея Республики Коми. Сотрудники музея университета оказывали помощь в реставрации предметов из черного и цветного металлов из археологических и этнографических коллекций Национального музея. В 90-е годы экспонаты музея университета были использованы Национальным музеем для организации выставки «Пермский звериный стиль». В тоже время сотрудники музея археологии и этнографии использовали экспонаты Национального музея для подготовки научных трудов, получали консультации по вопросам формирования и хранения коллекций.

Исторический факультет Сыктывкарского университета сыграл значительную роль и в подготовке кадров для Национального музея. В настоящее время в музее работают выпускники исторического факультета – И.Н. Котылева (директор музея), Т.А. Пьянкова (зав. отделом этнографии), Н.А. Хозяинова (зав. отделом культурно-образовательных программ), И.А. Пасынкова (зав. отделом информационных технологий), В.Б. Липин, Е.Н. Потоплицина, Т.И. Ганова, В.С. Зелинский, Е.М. Савельева, И.М. Уткина – старшие научные сотрудники, А.Л. Белицкая, А.Н. Мельникова, В.Л. Сундукова, А.А. Квирам, Г.А. Юркина – младшие научные сотрудники.

Подводя итоги, следует отметить, что сотрудничество исторического факультета и Национального музея было разнообразным и достаточно плодотворным. Следует сохранить, и развивать наработанные временем основные направления сотрудничества. Учитывая запросы времени, следует подумать об объединении усилий преподавателей и сотрудников музея в разработке совместных научных проектов, активизировать участие студентов в новых акциях Национального музея (Ночь музеев и др.).

*А.А. Бровина, Н.Г. Лисевич
Коми ИЦ УрО РАН, Сыктывкар*

Сохранение артефактов историко-культурного наследия: непрофильные документы в Научном архиве Коми ИЦ УрО РАН

Архивы являются центрами хранения культурной, а в последнее время и материальной, памяти поколений. Действуя в настоящем, они одновременно обращены и в прошлое, и в будущее. В прошлое – поскольку сохраняют культурное наследие, в будущее – так как участвуют в формировании ценностных ориентаций и тем самым формируют культурную среду для новых поколений.

Документы, сохраненные в архивах, помогают нам разобраться в исторической действительности. Данные источники есть феномен определенной культуры: он возникает в конкретных условиях и вне их не может быть понят и интерпретирован. Соотношения объективных общественных условий и авторской воли создателя источника в разных ситуациях различны. Для полноты исторической картины необходимо исследование различных документальных и материальных исторических памятников: официальных документов, личных дневников и воспоминаний современников, которые являются культурными артефактами.

Буквально *артефакт* (от лат. artefactum – искусственно сделанное) – явление, процесс, предмет, свойство предмета или процесса, появление которого в наблюдаемых условиях по естественным причинам невозможно или маловероятно. Появление артефакта, следовательно, является признаком целенаправленного вмешательства в наблюдаемый процесс.

Артефакт культуры – искусственно созданный объект, имеющий знаковое или символическое содержание. Артефактами культуры могут быть созданные людьми предметы, вещи, а также феномены духовной жизни общества: научные теории, суеверия, произведения искусства и фольклор.

Научный архив Коми ИЦ УрО РАН является ведомственным, представляя собой специализированное подразделение определенного учреждения. Согласно разработанным правилам работы ведомственных архивов, в нем сохраняются документы по истории, формированию и деятельности Учреждения Российской академии наук Коми научного центра Уральского отделения РАН и его предшественников. По сравнению с Государственными национальными архивами, ведомственные – значительно уступают в «богатстве» и разнообразии содержания хранящихся в них документов. Это определяется компетенцией организации. На сегодняшний день в состав Коми ИЦ УрО РАН входят шесть Институтов (биологии, геологии, химии, физиологии, языка литературы и истории, социально-экономических и энергетических проблем Севера), Отдел математики, Отдел «Научный архив и энциклопедия», Лаборатория сравнительной кардиологии, Научная библиотека, «Выльгортская научно-экспериментальная станция», а так же научно-вспомогательные и производственные подразделения.

тытвар, 2004. С. 108-120; *Бондаренко О.Е., Галева М.А.* The Komi territory and Russia: inter – influence of cultures // Regional northern identity: from past to future. Petrozavodsk, 2006. С. 30; *Бондаренко О.Е., Галева М.А.* Из жизни коми-зырян (по материалам дореволюционных российских журналов) // Духовная культура финно-угорских народов России. Сыктывкар, 2007. С. 224-226; *Бондаренко О.Е., Галева М.А.* The world of Komi (Zyryan) in pre-revolutionary Russian journals (the second half of the 19th – beginning of the 20th century) // Studies in Northern European Histories 4. Challenges of Globalisation and Regionalisation. Proceedings I from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006 / Eds. Lars Elenius & Christer Karlsson. Lulea, 2007. P. 242-245.

¹ *Бондаренко О.Е., Галева М.А.* Гимназия им. А.С.Пушкина // Город Сыктывкар. Энциклопедия. Сыктывкар, 2010. С. 52-53; *Бондаренко О.Е., Галева М.А.* Народный дом // Город Сыктывкар. Энциклопедия. Сыктывкар, 2010. С. 184; *Бондаренко О.Е., Галева М.А.* Усть-Сысольская женская прогимназия // Город Сыктывкар. Энциклопедия. Сыктывкар, 2010. С. 312.

В официальных документах (приказы, распоряжения, научные отчеты) довольно «сухо» передаются и перечисляются факты развития научного учреждения, совершенно отсутствует эмоциональная сторона и не прослеживаются взаимодействия между участниками события. В строгих и лаконичных строчках нам предстает конечный результат, того, что создавалось годами.

Приближают нас к реальной исторической картине личные фонды ученых, хранящиеся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. Собрание, систематизация и научное описание личных фондов ведется в Научном архиве с 1970-х гг. В «Методических рекомендациях по комплектованию, экспертизе и научному описанию фондов ученых в Архиве АН СССР» (М., 1991) для определения возможных фондообразователей предложено руководствоваться «Списками членов АН СССР, академическими изданиями. В которых содержатся сведения о составе действительных членов и членов корреспондентов АН СССР, ее руководящих кадрах, присуждении ученых Ленинских, Государственных, академических и международных премий, награждения ученых правительственными наградами, присвоении им почетных званий, избрании членами зарубежных академий и обществ». На сегодняшний день в научном архиве хранятся около тридцати обработанных личных фондов. Среди них документы таких выдающихся ученых, докторов геолого-минералогических наук – Чернова Александра Александровича, Чалышева Василия Ивановича, Варсанюфьевой Веры Александровны; доктора биологических наук – Зверевой Ольги Степановны; докторов исторических наук – Лыткина Василия Ильича (Илья Вася), Гагарина Юрия Васильевича; а так же кандидатов исторических наук – Грибовой Любови Степановны, Александрова Алексея Николаевича; кандидатов биологических наук – Лащенковой Ариадны Николаевны, Котелиной Нины Степановны и др. Документы, которые по объему не могли создать фонд. Были сформированы в коллекции по истории Республики Коми и истории Коми НЦ УрО РАН.

Личные фонды расширяют реальную историческую картину, позволяют взглянуть на прошедшие события с разных ракурсов: личное восприятие современников, сопоставление воспоминаний с официальными источниками. Помогают этому и откладывающиеся в личных фондах и непрофильные документы: личная переписка, воспоминания родственников и самого фондообразователя, семейные фотографии и др.

Обработка личных фондов – огромный эмоциональный труд для архивистов. Часто разбирая документы, они «проживают» жизнь ученого, сопереживают успехам и неудачам, которые фондообразователь описал в письмах и дневнике 20-30 лет назад. Понимание чужой индивидуальности – важнейший аспект для правильного восприятия человека и его поступков. Специалист по личным фондам, заботясь о сохранении исторической памяти, должен выступать в роли «санитара», который защищает будущее поколение от излишнего информационного шума, грамотно и строго отбирая документы на постоянное хранение.

Важной особенностью личных фондов является видовое разнообразие документов. Преобладают рукописи научных работ, значительное число документов (индивидуальные планы работы, приглашения на различные конференции, автобиографии и др.) – сведения о фондообразователе, отражающие научную, служебную и общественную деятельность ученого. Так же в составе личных документов в архив поступает: богатейшая переписка, как научного, так и личного характера; огромный иллюстрационный материал (фото- и видеодокументы), подготовительные документы с разработками научных тем; подробная библиография по узким исследованиям.

Полнота и информативность фонда зависят от личностных особенностей самого фондообразователя (насколько внимательно относился к своим документам, практиковал ли ведение дневниковых записей, активно или нет вел деловую и личную переписку, а так же сохранял ли письма и другие документы). Немаловажную роль в формировании архивного комплекса документов играют лица, являющиеся инициаторами передачи документов на государственное хранение. Не всегда это фондообразователь, чаще его наследники, ученики или коллеги по работе.

Так в Научном архиве Коми НЦ сохранилась богатая коллекция писем по организации поисковой работы о Великой Отечественной войне в фондах «Александров Алексей Николаевич (1919–1992) – кандидат исторических наук» и «Ануфриев Александр Федорович (1914–2002) – кандидат технических наук»). В письмах содержится информация о войне, ее участниках, ветеранском движении. Эти письма представляют интерес в изучении Великой Отечественной войны по воспоминаниям современников. С отдельными респондентами А.Н. Александров вел переписку в течение долгого времени, собирая информацию для своей научной работы¹. А.Ф. Ануфриев на протяжении всей жизни поддерживал связь с бывшими сослуживцами – курсантами Пуховичского пехотного училища.

Уникальна коллекция писем в фонде «Варсанюфьева Вера Александровна (1890–1976) – доктор геолого-минералогических наук». Это отражение внутреннего мира людей различных социальных групп – от малограмотных деревенских жителей до сельской интеллигенции, от рядовых научных сотрудников до крупнейших ученых с мировым именем².

Благодаря комплектованию архива личными фондами становится возможным создавать семейные фонды. Вместе с личными документами Котелиной Нины Степановны – кандидата биологических наук, отложились источники по установлению Советской власти в г. Яренске и Архангельской области: воспоминания Алек-

¹ Личные фонды Научного архива Коми научного центра уральского отделения РАН. Справочник по фондам / Л.П. Рошчевская, А.А. Бровина, А.В. Самарин, Э.Г. Чупрова. Сыктывкар, 2007. С. 11.

² Там же. С. 12

сея Викторовича Попова (дяди Н.С. Котелиной) – непосредственного участника Гражданской войны в Коми крае; фотоальбом А.В. Попова, где сохранились снимки со свидетельствами революционных преобразований.

Фонд «Грибова Любовь Степановна (1933–1986) – кандидат исторических наук» содержит рисунки коми и коми-пермяков в национальных костюмах, созданные Мошевым Аркадием Васильевичем, известным коми художником-графиком и супругом Л.С. Грибовой.

Личные фонды очень красочно отражают эпоху. Среди документов ученых-биологов д.б.н. О.С. Зверевой и к.б.н. А.Н. Лащенковой отложились деловые дневники за 1947–1980 гг., которые представляют интерес с точки зрения познания современной им повседневной жизни ученого. Эти дневники отражают не только повседневную научную и организационную, но и общественную деятельность¹.

В Научный архив продолжают поступать все новые комплексы документов. Личные фонды показывают творческую деятельность конкретной личности, они отображают непосредственные реалии того времени и той ситуации, в которой пришлось работать человеку. Это своего рода некий срез определенной эпохи, имеющий своеобразный личностный оттенок, обладающий субъективным характером и оттого являющийся наиболее заманчивым и притягательным для исследования.

Отдельные документы в архивных фондах, как и личные комплексы источников в целом являются своего рода артефактами культуры. Исследователи через их изучение расширяют знания, реконструируют историю по фрагментам. Артефакт культуры выступает как исторический источник, созданный в процессе человеческой деятельности и несущий информацию о многообразных сторонах общественной жизни, отражают развитие человеческого общества и являются основой для его научного познания.

А.А. Бровина, Т.П. Филиппова
Коми НИЦ УрО РАН, Сыктывкар

Деятельность академического архива по сохранению и популяризации кино-фото документов по истории науки на Европейском северо-востоке России

Современное общество предпочитает анализировать историческую информацию, представленную в разных знаковых системах – в тексте, карте, таблице, схеме, аудиовизуальном ряду. На сегодняшний день чтение текстов отходит на второй план, человек быстрее и охотнее воспринимает аудиовизуальную информацию и гораздо лучше ее усваивает. Поэтому в настоящее время сохранение и передача исторических фактов через аудиовизуальные источники как никогда актуальна.

Ценность кино-фото документа заключается в том, что он не только дает представление о фактах и событиях, но и наиболее доступно и правдиво отражает дух определенной эпохи. Сегодня в деятельности архивов, музеев, библиотек значительная роль отводится сохранению и использованию кино-фото документов.

История становления и развития академической науки в Республике Коми документально отражена в фондах Научного архива Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук и насчитывает несколько десятилетий. Еще в 1939 г. в Коми АССР была создана сыктывкарская группа Северной базы АН СССР, располагавшейся в Архангельске. Годы Великой Отечественной войны стали важным этапом развития науки в Коми АССР. В г. Сыктывкар были эвакуированы Северная база АН СССР из г. Архангельска и Кольская база АН СССР из г. Кировска Мурманской области. В октябре 1941 г. они были объединены в Базу АН СССР по изучению Севера им. С.М. Кирова в Сыктывкаре. В 1944 г. после эвакуации академических учреждений в Сыктывкаре была создана Научно-исследовательская База АН СССР в Коми АССР. В 1949 г. она преобразована в Коми филиал АН СССР, в 1988 г. – Коми научный центр УрО АН СССР, в 1992 г. – Коми научный центр УрО РАН. В наши дни Коми НИЦ УрО РАН объединяет шесть академических институтов, в которых трудятся около 1000 сотрудников.

Научный архив был организован в составе Коми филиала АН СССР в 1953 г., став основным хранилищем документальных фондов по истории академического учреждения в Республике Коми. В последние годы в архиве проведена большая работа по научно-техническому описанию и оцифровке кино-фото-фоно-документов. В научный оборот введены два фонда визуальных источников – фотодокументов и кинодокументов. Формирование коллекции фотодокументов можно отнести к далеким 1940-м гг., когда в Коми филиале АН СССР начала работать собственная фотолаборатория. За годы деятельности фотолаборатории (1946–1999 гг.) Научный архив пополнялся отдельными фотодокументами, юбилейными и тематическими альбомами. Однако основной массив фотодокументов фонда поступил после ликвидации лаборатории. Эти материалы поступили без предварительной экспертизы и атрибутации, что значительно затруднило работу и затянуло сроки его обработки на несколько лет. В 2008 году основной массив документов прошел научно-техническое описание. В результате был сформирован фонд № 18 «Фотодокументы», состоящий из 3-х описей: 1) научно-организационная деятельность и общественная жизнь Коми НИЦ УрО РАН (1920-е – 2001 гг.); 2) портреты сотрудников и гостей Коми НИЦ УрО РАН (1940-е – 1995 гг.); 3) фотоальбомы (1944–2000 гг.). В 2010 г. фонд фотодокументов дополнился фотографиями, отложившимися при подготовке энциклопедии «Город Сыктывкар», которые отражают историю столицы республики с конца XIX – до начала XXI в.

До формирования отдельного фонда фотодокументов в Научный архив поступали фотографии и в составе других фондов. Все важные события в истории академического учреждения фиксировались в юбилейных

¹ Там же. С. 12

или тематических альбомах, например, приезд академика М.В. Келдыша (1972 г.), VI Конгресс финно-угроведов (1985 г.) и т.д. В коллекции отложились фотодокументы, посвященные заседаниям Ученых советов, приемам в Коми научном центре ученых, иностранных гостей, известных людей, политиков, в том числе космонавта П.Р. Поповича (1982 г.), Б.Н. Ельцина, Н.И. Рыжкова (1990 г.) и других.

Научный архив получает довольно большое количество фотографий в составе фондов личного происхождения (А.Ф. Ануфриев, Н.С. Котелина и др.). Особой популярностью у исследователей пользуются фотоальбомы из личного фонда Л.С. Грибовой – специалиста по традиционному народному искусству коми.

Отдельным направлением работы архива стал самостоятельный сбор фотоматериалов к фонду. Сотрудники архива фотографируют текущие рабочие моменты, торжественные мероприятия, праздники и другие события, проходящие в Коми НЦ УрО РАН. Благодаря этой работе фонд фотодокументов в последние годы пополняется современными фотоснимками.

Научный архив Коми НЦ УрО РАН стремится сохранить фотодокументы с использованием современных технологий, которые позволяют переводить в электронный формат некоторые снимки, находящиеся в неудовлетворительном состоянии посредством их оцифровывания, что обеспечивает доступ пользователей к электронным образцам документов без необходимости обращения к подлинникам. Фотодокументы недавнего прошлого поступают в фонд и хранятся исключительно в электронном виде.

Фотодокументы являются наиболее зрелищным и выразительным видом архивных документов, которые наглядно отражают исторический ракурс. В силу этого факта они востребованы для организации различного рода архивных выставок, а также максимально привлекаются в подготовке визуальных презентаций при проведении массовых, торжественных мероприятий в Коми НЦ УрО РАН. Первая фотопрезентация была подготовлена сотрудниками архива в 2004 г. к 60-летию юбилею Коми НЦ УрО РАН и содержит более 80 фотографий за 1940–1990-е гг.

В 2009 г., когда Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук отмечал 70-летие Академической науки в Республике Коми и 65-летие образования академического учреждения в Республике Коми. Научным архивом была подготовлена выставка архивных документов. В качестве основного направления выбрано экспонирование «живой фотографии», выставка получила название «Юбилею академической науки посвящается...». Для экспозиции было отобрано свыше 100 фотографий за 1946–2009 гг. Выставка составила два крупных блока: «Рабочие моменты и групповые фотографии сотрудников Коми НЦ УрО РАН» и «Досуг и общественная жизнь сотрудников Коми НЦ УрО РАН». Хотя часть фото, использованных на выставке, была уже ранее опубликована, зрителей привлекли объем, длительный временной отрезок, хронологическое последовательность фоторяда, который позволял сотрудникам окунуться в атмосферу своей молодости. Большой интерес вызвал второй раздел выставки, где сотрудники центра были представлены в неформальной обстановке на коммунистических субботниках, учениях по гражданской обороне, первомайских демонстрациях и т.д. Счастливые улыбки, приятные воспоминания – атмосфера, царившая на выставке....

Научный архив Коми НЦ УрО РАН в течение нескольких лет осуществляет издание серии научно-справочных материалов по документальным фондам и коллекциям, хранящимся в архиве, в которых широко публикует фотодокументы¹. Одна из последних работ – «Документальная история Коми научного центра УрО РАН. Коми филиал АН СССР в 1944–1964 гг.», содержит три самостоятельных раздела: хронику, комментарии и подборку документов, выявленных в Архиве РАН, ГУ РК «Национальный архив Республики Коми», Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. Каждый из разделов дополняет друг друга и раскрывает историю становления и развития Коми НЦ УрО РАН. Авторами отобрана наиболее важная фактическая информация, отражающая изменения в научной, научно-организационной, общественной жизни академического учреждения.

Долгие годы в фонде «Кинодокументы» Научного архива хранились кинофильмы 38 ед. хр., поступившие в архив в разные годы. Первый киножурнал, посвященный 25-летию Коми филиала АН СССР, был подготовлен в 1969 г. Ленинградской студией документальных фильмов. Кинофильм, сделанный на заказ, естественно, поступил на хранение фонды архива. Далее были другие поступления – киножурналы об археологических, геологических экспедициях, о проведении опытных работ института биологии и др. Комплектование архива кинодокументами происходило фрагментарно.

Коллекция кинодокументов состоит из документальных фильмов, выпусков киножурнала «Наш край», киносюжетов за 1961–1991 гг. Кинофильмы были сняты Ленинградской и Свердловской студиями документальных фильмов, Сыктывкарской, Воркутинской и другими телестудиями. В составе коллекции: кино-видеоматериалы, снятые к 25-летию Коми филиала АН СССР (1969 г.), к 50-летию Коми АССР (1971 г.), об экспедициях археолога В.И. Канавца (1967, 1970 гг.), геолога В.И. Чальшева (1960–1970 гг.), о юбилее известного ученого геолога В.А. Варсанюфьевой, о VI Международном конгрессе финно-угроведов, Международном симпозиуме по лосу, проходивших в г. Сыктывкаре (1985, 1990 гг.) и другие.

¹ Бровина А.А., Роцевская Л.П., Самарин А.В., Чурова Э.Г. Подготовка научных кадров в Коми научном центре УрО РАН (1945–2001 гг.). Сборник документов и материалов. Сыктывкар 2004. Вып. 1; Бровина А.А., Роцевская Л.П., Самарин А.В., Чурова Э.Г. Академический центр в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: ученый и война (1941–1945 гг.). Сборник документов и материалов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2; Личные фонды Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН. Справочник по фондам. Сыктывкар, 2007; Документальная история Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Коми филиал АН СССР в 1944–1965 гг. Сыктывкар, 2009.

Отсутствие специального оборудования долгие годы не позволяло провести работу по качественному научно-техническому описанию кинодокументов. Подготовка к юбилею центра существенно продвинула эту работу. В 2008 году была проведена работа по оцифровке всех имевшихся кинодокументов. Эта работа позволила пользоваться накопленными киноматериалами. Так в 2009 г. был подготовлен видеоролик из документальной кинохроники 1970–1980-х гг. В основу положен фильм 1985 г., приуроченный к VI Международному конгрессу финно-угроведов, в котором рассказывалось об основных направлениях деятельности всех институтов центра. Исходный материал был значительно расширен более ранними и поздними фрагментами, в которых были показаны известные ученые, рассказано о важных событиях в жизни научного коллектива.

Одним из новых современных направлений популяризации архивного аудиовизуального наследия является создание нового интернет-сайта Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Использование современных информационных технологий поможет эффективно решать задачи популяризации архивных документов, доведения архивной информации до потребителя через телекоммуникационные средства. Проект создания сайта архива позволит расширить доступ к уникальным фотодокументам и обеспечит сохранность подлинников. Планируется обеспечить доступ к некоторым фотоальбомам, хранящимся в архиве, к наиболее интересным комплексам фотоснимков из личных фондов, а также регулярно размещать на сайте виртуальные выставки, подготовленные сотрудниками архива. Фотографии, размещенные на сайте, планируется регулярно обновлять, поскольку данный вид документов привлекает наибольшее внимание, а от этого напрямую зависит рост посещаемости сайта.

Таким образом, в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН накоплен значительный комплекс кинофотодокументов, которые отложились как в отдельном фонде, так и в фондах личного происхождения. Потенциал кино-фотодокументов позволяет использовать их в разных ракурсах: подготовка архивных выставок, презентаций, размещение фотографий на интернет-сайте, что позволяет успешно решать задачи популяризации архивного наследия. Эта работа способствует закреплению интереса к сохранению документов и созданию архивных коллекций разного плана.

Деятельность академического архива подчинена главной задаче – сберечь то, что имеет действительно научную, историческую и социальную ценность, что в конечном итоге составляет национальное наследие. История современного развития Российской академии наук и ее периферийных научных центров, ее документальное отражение напрямую зависит от дня сегодняшнего, от качественного комплектования и параллельной популяризации фондов академических архивов. Какие документы по истории академии смогут исследовать будущие историки – зависит от повседневной работы архивистов-современников.

Е.Г. Булдакова

Городской историко-краеведческий музей с кабинетом-музеем А.Я. Кремса, Ухта

История нефтегазовой отрасли в экспонатах Ухтинского историко-краеведческого музея

Отражение истории нефтегазовой отрасли – одно из центральных направлений работы Ухтинского краеведческого музея. На протяжении всего времени существования музея, с 1980 г., ведется целенаправленный, систематический сбор экспонатов о становлении и развитии данной отрасли. И сегодня, накопленный фонд позволяет показать все этапы промышленного развития региона. На базе сложившихся коллекций работают постоянные экспозиции: «С чего начиналась Ухта», «Ухта и ухтинцы в годы Великой Отечественной войны», регулярно проходят, обновляются выставки об отдельных предприятиях, событиях и личностях. К сожалению, многие экспонаты по техническим причинам выставляются крайне редко или вообще, в существующих условиях, их показ затруднен и они ждут подходящего момента в фондохранилище музея. Один из них – это Дневник «Поездка на Ухту. 1908 год» Антонина Георгиевича Вечеслова, студента, участника изыскательской партии Министерства путей сообщения, проводившей исследования для прокладки новых транспортных путей к нефтяной Ухте. В частности, изучалась возможность соединения каналом долин рек Выми и Ухты¹.

Автор дневника – Антонин Георгиевич Вечеслов – житель Казани, студент Петербургского технологического института. После его окончания, поселился в Москве, где, предположительно, организовал посредническую контору по продаже минералов, полезных ископаемых и месторождений. Многое в биографии Вечеслова на данный момент является загадкой. Но по воле судьбы дневник и другие документы Антонина Георгиевича вновь оказались в Ухте, уже без его участия. Привез их его сын – Никита Антонинович Вечеслов, с 1939 г. отбывавший 10-летнее наказание по политической статье в Ухтижемлаге. После освобождения он продолжал трудиться инженером смены на Ухтинской ГЭЦ, а в 60-х гг. эмигрировал в ГДР. Понимая историческую значимость материалов отца, Никита Антонинович познакомил с ними литераторов и краеведов Ухты – А.Е. Рекемчука и В.П. Надеждина. Уезжая из страны, Вечеслов ряд документов оставил у В.П. Надеждина – это машинописная копия дневника, часть прилагаемых к нему фотографий об Ухте 1908 г. и деловая переписка 1909–1915 гг., содержащая интересные детали биографии Антонина Георгиевича². Однако, подлинник дневника попал в музей лишь в 1993 г. Дневник представляет собой общую тетрадь «в клетку» в обложке из серой ткани. Записи выполнены на 89 листах черными чернилами. Первая запись сделана 24 апреля 1908 г. в Петербурге – последняя 27 сентября 1908 г. в Казани. Сохранность документа – достаточно хорошая, правда, пожелтела бу-

¹ Городской историко-краеведческий музей, МУ «Музейное объединение» МОГО «Ухта», далее ГИКМ 1061 осн. ф.

² ГИКМ 161/3942-3995 осн. ф.

мага, несколько разрушен переплет, но главное – не происходит угасание чернил, что позволяет достаточно легко читать тексты. Что касается общего содержания: дневник дает самую подробную информацию о водных путях сообщения, Ухтинских нефтепромыслах, месторождениях других полезных ископаемых края, предлагает богатые этнографические наблюдения. Центральное место занимает движение и работы изыскательской партии. Отправной точкой экспедиции стал Котлас, где происходил сбор участников трех изыскательских партий, которые двинулись в путь 11 мая 1908 г. Возглавлял экспедицию инженер путей сообщения Николай Васильевич Попов, «он, – по замечанию автора дневника, – мечтает устроить обширные водохранилища в верховьях Шомвуквы», руководил Ухтинской группой инженер путей сообщения П.П. Стакле. Вечеслов дает ему следующую характеристику: «По происхождению латыш; года полтора – два как кончил институт. Плохо говорит по-русски, употребляет иногда подобные выражения, как «колбаса из свинства». Это человек редкой работоспособности, такого мне еще не приходилось встречать». В состав изыскательских партий, как пишет Антонин Георгиевич, входили студенты (Аksamитный А., Шаняевский, Бацевич, Смирнов, Чернилов, Шабалин И.), техники (Менкин, Л.Г. Гастинг) и инженеры из Перми. Точное число участников Вечеслова не указывает. Экспедиция должна была проходить за казенный счет, но деньги не поступили и Попов вынужден «взять деньги под векселя у паромщиков Перми». Путь изыскателей пролегал по рекам Вычегде, Выми, Шомвукве. Через Ухтинский волок, затем по рекам Ухте, Ижме, Ижемской Черте, далее волок, вновь по рекам Вычегодская Черь, Вычегда до д. Помоздино, откуда на лошадях до Усть-Кулома и вновь по Вычегде до Усть-Сысольска и Котласа, где и закончилась экспедиция 21 сентября.

В устье Шомвуквы начались работы партии. Проводились исследования ее притоков. Во главе со Стакле осуществляли поиск линии водораздела на Ухтинском волоке. «Теперь должен решиться вопрос, – пишет Вечеслов, – возможен ли водный путь с Ухты на Вымь. Все зависит от разности горизонтов воды в Шомвукве и Ухте. Если горизонт воды в Ухте ниже таковой в притоке Шомвуквы, то соединение реки будет сильно затруднено, станет почти прямо невозможным». 20 июля Вечеслов записывает неутешительный вывод: «Выяснилась невозможность прорытия канала». На обратном пути партия изучала также притоки Ижмы и Вычегды и волок между ними для сооружения канала здесь. И в данном случае проведенные исследования не позволяли на это рассчитывать. Конечно, не мог обойти своим вниманием автор дневника Ухтинские нефтепромыслы. Описывает студент «Сидоровские казармы», промысел Ю.А. Воронова на Яреге, буровую А.И. Абаковского на Чути. Более подробно Вечеслов расписывает Варваринский промысел, встречи с его хозяином А.Г. Гансбергом. Характеристику ему и его предприятию Вечеслов дает не совсем деликатную: «Вышка, ряд домишек, типа карточных... Сам Гансберг – испитой, рыжеватый субъект, «гражданин г. Риги»... Теперь из-за отсутствия денег, работ у Гансберга никаких не производится. Всего лишь трое рабочих, из которых двое собираются уходить. Ушедшие уже рабочие имеют за Гансбергом по 120 и более рублей. Ушли, потеряв всякую надежду получить заработанные деньги...», описывает Вечеслов и технические характеристики скважин, способов бурения, применяемых Гансбергом, оригинальное устройство изоляции труб паропровода. В целом, в изложении Вечеслова, нефтепромыслы предстают в довольно печальном заброшенном виде, без особых перспектив на развитие. Хотя беседы с Гансбергом, видимо, возымели свое действие и ряд членов экспедиции (Попов, Стакле, автор дневника) «не удержались грешные» заявили отводные столбы. В дневнике Вечеслов упоминает о других полезных ископаемых: серном колчедане «по всей Верхней Ижме», о нахождении угля. Интересна запись Вечеслова о А.Л. Воробьеве, который в полутора верстах выше р. Лёк-Кём (приток Ижмы) обнаружил асфальтит. Помимо текстовых сообщений дневник содержит карты-схемы движения изыскательской партии, долин рек Ухты (с нанесением промыслов), Шомвуквы, Ижмы, Вычегды. Имеются схемы, чертежи, касающиеся нефтепромыслов и выполненные по этнографическим наблюдениям: временная запруда на реке, зырянская изба, ловушки для птиц и др. Во время поездки Вечеслов занимался и фотосъемкой, сегодня в фондах музея имеется 16 снимков¹. Заканчивается дневник небольшим словариком зырянских слов и описанием деревень по рекам Ухте и Ижме, где особое внимание уделяется селу Усть-Ухта. Здесь Вечеслов подчеркивает, что местное население возлагает особые надежды на развитие нефтяных промыслов, связывая с нефтью улучшение своей жизни: «зырянские крестьяне сильно верят в ухтинскую нефть» – заключает Антонин Георгиевич. Очень ярко Вечесловым показано взаимодействие двух миров – индустриального, представленного инженерами – нефтяниками, всевозможными исследователями и традиционного – зырянского.

В заключение, следует подчеркнуть, что Дневник Антонина Вечеслова представляет большой интерес как одно из немногочисленных, дошедших до нас, подлинных свидетельств того времени, которое позволяет глазами очевидца, увидеть как зарождалась нефтяная промышленность на севере России в начале XX в.

С.В. Бураева, М.В. Аюшеева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Коллекция мемориального кабинета П.Б. Балданжапова

В 1995 г. по решению Ученого совета Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в структуре Центра восточных рукописей и ксилографов был открыт мемориальный кабинет-библиотека П.Б. Балданжапова. Здесь можно не только ознакомиться с богатейшей коллекцией ученого, но и увидеть реконст-

¹ ГИКМ 1062, 161/3536, 3637, 3646-3653, 3851 осн.ф.; 267/4507, 4537, 4569 нвф.

рукцию его рабочего кабинета – книжные шкафы, письменный стол, лампу, уникальную печатную машинку со «старомонгольским» шрифтом, часы, картотеку и т.д. В апреле 2011 г. отмечалось 90-летие со дня рождения П.Б. Балданжапова. В связи с этим, хотелось бы подробнее рассказать об известном бурятском ученом и интересных коллекциях его мемориального кабинета.

Пурбо Балданжапович Балданжапов родился 12 апреля 1921 г. в с. Цаган-Оль Агинского Бурят-Монгольского Национального округа. В начале 1940-х гг. работал учителем истории, а в ноябре 1942 г. был призван в ряды Советской армии. В 1949 г., закончив с отличием Иркутский государственный университет, стал директором Агинской средней школы, с августа 1951 г. – заведующим Агинским окружным отделом народного образования. В сентябре 1953 г. Пурбо Балданович поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР (Москва) и в 1956 г. защитил диссертацию. В 1956–1957 гг. П.Б. Балданжапов работал проректором Кызыльского педагогического института, а с 1957 г. был деканом историко-филологического факультета Читинского педагогического института. Начиная с июля 1959 г. вся дальнейшая научная и творческая жизнь П.Б. Балданжапова была неразрывно связана с Бурятским институтом общественных наук (ныне – ИМБТ СО РАН). В 1991 г. П.Б. Балданжапова не стало.

Диапазон интересов П.Б. Балданжапова был очень широк и сложился еще в школьные годы. П.Б. Балданжапов интересовался древней историей своего края, историей монголов; им были обследованы и паспортизированы несколько сотен археологических памятников Юго-Восточного Забайкалья, а также впервые обнаружены останки поселений древних жителей данного края. Кроме того, Пурбо Балданович издал 3 улигера, записанные в Агинском национальном округе у известного сказителя-улигершина Галсана Тыхеева: Боро Соохор моритой Боронтуу мэргэн, Зугу мэргэн хаанай Мэгжэд хубуун, Унэшэн сагаан боготгон. Пурбо Балдановичу принадлежит заслуга ввода в научный оборот тувинской рукописной хроники Ользей Очира, относящейся ко 2-ой половине XIX в. П.Б. Балданжапов интересовался также общими вопросами социалистического строительства в МНР, культурным развитием (просвещение, наука и библиотечное дело). Пурбо Балданович заложил основы изучения и исследования письменного наследия восточной (тибето-монголо-бурятской) медицины.

Обширная коллекция мемориального кабинета П.Б. Балданжапова состоит из нескольких сегментов: библиотека, личный архив, фонд микрофотокопий, фонд фонозаписей, рукописи и ксилографы на классическом монгольском и тибетском языках.

Библиотека – самая значительная по объему часть коллекции ученого, объединившая более 2000 изданий по востоковедению. Здесь представлены редкие книги по истории и культуре Монголии, памятники письменности монголов и литература, посвященная их изучению, разнообразные словари, копии статей известных зарубежных востоковедов (F. Cleaves, A. Mostaert, E. Haenish, W. Heissig, Ch. Bawden и др.).

Раздел, посвященный странам зарубежной Азии, содержит издания об Индии, Тибете, Китае, о странах Южной и Юго-Восточной Азии. Здесь прослеживаются три основных направления в подборе литературы: собиране и изучение источников (текстов) на языках Зарубежной Азии; вопросы религии (в основном – буддизма и шаманизма) и ее изучения, связь религии с историей и культурой различных народов; изучение проблем восточной медицины.

П.Б. Балданжапов смог собрать уникальную коллекцию опубликованных источников на восточных языках, а также источниковедческих и текстологических исследований – публикации произведений классической литературы; описание рукописей и ксилографов, хранящихся в различных архивах и библиотеках; научной литературы об изучении исторических источников и их публикации.

В этом же разделе собрана литература о различных религиях центрально-азиатского региона: книги по истории и основам буддизма, буддийской философии и буддийскому искусству, популярные буддийские издания и журналы на иностранных языках, а также литература о международных организациях буддистов и их региональных центрах. Большая подборка книг и статей отечественных и зарубежных авторов посвящена вопросам изучения тибетской религии бон и шаманизму в различных странах центрально-азиатского региона.

Наличие в библиотеке значительного количества литературы по вопросам восточной медицины представляется вполне закономерным в связи с углубленным изучением П.Б. Балданжаповым этой тематики и организации работ по переводу, научному изучению и подготовке к публикации основных трактатов тибето-монгольской медицины, в том числе и Атласа тибетской медицины. Здесь собраны публикации текстов классических трактатов по восточной медицине, издания о традиционной медицине стран Переднего Востока, Китая, Индии, Тибета.

В составе книжного собрания немало изданий по истории и историческим наукам; литература о различных регионах России и бывшего СССР. Широко представлена и литература, посвященная общим и частным вопросам языкознания и литературоведения, основное внимание уделено вопросам текстологии, изучению различных литературных жанров, особенно фольклора.

Вопросы культуры и искусства представлены как специальными исследованиями по различным проблемам культуры народов Центральной и Средней Азии, Бурятии и других регионов России на разных языках, так и прекрасными иллюстрированными альбомами. Последний раздел библиотеки – периодические и продолжающиеся издания, где представлены как общественно-политические и иллюстрированные журналы, так и такие специальные издания.

Фонд микрофильмов содержит микрофотокопии почти шестисот научных публикаций и архивных материалов в основном по монголоведению, буддизму, а также по истории Бурятии, Монголии, Тибета, Китая и

Индии. Особенно хочется отметить микрофильмокопию Петербургского комплекта монгольского рукописного «Ганджура», первой полной редакции перевода буддийского канона на монгольский язык. В фонде микрофильмов П.Б. Балданжаповым собран обширный материал из фондов Архива востоковедов С.-Петербургского отделения Института Востоковедения РАН, Центрального Государственного Архива, Российской Государственной Библиотеки.

Фонофонд коллекции собран П.Б. Балданжаповым в 1958–1968 гг. по результатам полевых экспедиций в районы Бурятии и Агинского национального округа. Был собран обширный этнографический и фольклорный фондоматериал, записано более 30 магнитограмм. Наиболее полными и представляющими научный интерес являются магнитофонные записи улигеров («Алтан Шаахай Мунгэн Шаахай хоёр», «Унэшэн сагаан боготон», «Арбан долоон наһатай Алтан Сэндэл ноёнхаан», «Угытэй хубуун» и др.), а также записи монгольского эпоса «Хаан Харангуй». Кроме улигеров, в фонофонде П.Б. Балданжапова имеются многочисленные образцы песенного фольклора бурят: мориной сула, нэръелгэ, уусын дуунууд, бэһэлигэй, нааданай дуунууд; а также различные легенды и предания.

Личный архив. В личном архиве П.Б. Балданжапова находится 382 ед.хр. Документальные материалы обработаны и систематизированы по следующим основным группам: личные и биографические документы ученого, материалы по служебной деятельности, материалы по творческой деятельности, материалы, собранные фондообразователем для своих исследований, фотографии и карты, вырезки из газет и журналов на различные темы о странах центрально-азиатского региона. Для исследователей несомненный интерес представляют материалы, собранные П.Б. Балданжаповым для своих востоковедных исследований (переводы сочинений, статей, выписки материалов из различных архивов и т.д.), а также переписка с зарубежными религиозными деятелями, крупными учеными. Изучающие буддизм найдут здесь материалы о буддийском духовенстве, его выдающихся деятелях, материалы конференций Всемирного братства буддистов и пребывания различных буддистских делегаций в нашей стране, истории буддийской церкви в Бурятии.

Тибетская коллекция содержит около 200 ед. хр., из них половину составляют медицинские трактаты. Кроме того, в коллекции собраны буддийские тексты, словари разных изданий и авторов: тибето-монгольских, терминологических, рукописный санскрито-тибетский словарь с монгольскими эквивалентами, «Источник мудрецов» и др. Также имеется несколько грамматических трактатов. Большой интерес представляют каталогизированные ксилографы, напечатанных в монгольских монастырских печатнях.

Монгольская коллекция насчитывает более 700 рукописей и ксилографов на классическом монгольском языке и более 150 редких сочинений, снятых на микроплёнку. Большая часть материалов представлена уникальными материалами по истории буддизма: это намтары-биографии лам, истории святых мест, различные молитвенные тексты, призывания, восхваления. Среди материалов монгольской коллекции следует выделить рукописный вариант о странствиях буддийского монаха Молон-тойна, материалы Палаты внешних сношений, сказания о Гэсэр-хане, повествования о Чингис-хане, бурятские летописные сочинения, историко-правовые издания, дидактическая литература, грамматические сочинения, словари и др.

П.Б. Балданжаповым опубликовано более 40 научных работ. Он перевел и изучил такие значительные летописные произведения древних монголов, как: «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна, «Джирукен-у толтайн тайлбури», «Келен-у чимег», «Эрдэнийн эрикэ», «Чаган тэукэ», проведя фундаментальные исследования содержания летописей и их взаимосвязи с историей Монголии и всего центрально-азиатского региона. Пурбо Балданович являлся достойным продолжателем традиций классического монголоведения, став зачинателем нескольких научных направлений в востоковедении Бурятии, успешно развивающихся на современном этапе.

М.И. Бурлыкина

Сыктывкарский государственный университет

«Националист» И.Г. Коюшев (к 110-летию со дня рождения)

В Музее истории просвещения Коми края сформировался достаточно объемный личный фонд известного общественного деятеля, краеведа, руководителя республики в 1920–1930-е гг. И.Г. Коюшева, позволяющий проследить его жизненный путь.

Иван Григорьевич родился 31 мая 1901 г. в живописном зырянском селе Додзь, расположенном неподалеку от озера Додзьское, в крестьянской семье. Учился в сельской школе грамоты, Усть-Сысольском городском высшем начальном училище. После революции активно работал в партийной ячейке и комитете бедноты. Весной 1919 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии, воевал в знаменитой 30-й стрелковой дивизии в Сибири под командованием будущего Маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера (1889–1938), погибшего в застенках ГУЛАГа. После возвращения на родину в феврале 1921 года был избран заместителем секретаря Усть-Сысольского Укома РКП(б). В 1922 г. его отправили на учебу в Москву. Он стал студентом Коммунистического университета имени Я.М.Свердлова. Этот вуз, относящийся к ЦИК СССР и ВКП(б), действовал с 1918 по 1937 гг., готовил специалистов для советской и партийной администрации. Иван Григорьевич неоднократно слушал В.И. Ленина, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, А.В. Луначарского, А.М. Горького и других именитых лекторов.

В те годы в Москве учились многие зыряне, объединившиеся в землячество. В апреле 1923 г. на его базе был организован кружок студентов по изучению Коми края. В 1922–1925 гг. общее руководство работой осуществлял И.Г. Коюшев.

По воспоминаниям Александра Степановича Забоева, в землячество входили все студенты от Коми автономной области, а также коми-пермяки. В кружок вступила лишь та часть коми студенчества, которая активно хотела готовиться к своей будущей работе на родине. Члены кружка вели пропаганду идей, что наряду с учебной надо вести краеведческую работу: собирать материалы о коми народе и крае по своей избранной специальности, что надо развивать коми культуру и литературу. Членам кружка приходилось вести не только узкокраеведческую работу, но и борьбу с той частью студенчества, которая являлась носителем идеологии великодержавного шовинизма. Следовательно, кружку по изучению Коми края приходилось выполнять более широкие общественные задачи. По инициативе И.Г. Коюшева и студента 1-го МГУ В.И. Лыткина издавался рукописный журнал. И.Г. Коюшев приобретал краеведческую литературу, предоставлял книги студентам.

5 мая 1922 г. Московское коми землячество наметило отпраздновать годовщину постановления ВЦИК об образовании Коми (Зырянской) автономной области. Решили пригласить народного комиссара национальностей И.В. Сталина. К нему на прием пошли И.Г. Коюшев и студент Коммунистического университета трудящихся Востока И.Д. Попвасев. Секретарь доложил Сталину, что пришли два коми студента, тот велел сразу их пропустить. Он, стоя, вежливо и тепло, поздоровался, усадил в кресла. Одет был просто, по-солдатски, в сапоги и гимнастерку с широким ремнем. Никакой важности в нем еще не наблюдалось. Он сказал, что, к сожалению, не сможет быть на празднике, отправит своего представителя. Вспомнил о своих ссылках на Вычегду, хорошо отзывался о зырянах.

В 1925 г. Иван Григорьевич окончил обучение, вернулся в Усть-Сысольск. Его назначили заведующим Коми областной партийной школой, открытой в 1920 г. в бывшем сухановском особняке (в настоящее время в нем размещается литературный музей имени И.А. Куратова).

12 марта 1926 г. состоялось собрание «литературных сил» коми писателей, на котором создана Коми ассоциация пролетарских писателей. В первое правление были избраны основные ее организаторы – В.А. Савин, И.Г. Коюшев, А.Н. Надеев. Иван Григорьевич (псевдоним Додзса Иван) являлся автором популярных книг «Йёз кост оланно», «Коми», а также одним из учредителей литературно-художественного журнала «Ордым» (выходил в 1926–1930 гг.)¹.

Помимо активной общественной деятельности, Иван Григорьевич проявлял недюжинные способности в административной работе. Высший совет народного хозяйства СССР поручил И.Г. Коюшеву организовать трест «Комилес». С этим заданием он успешно справился, работал первым его управляющим. В марте 1928 г. Иван Григорьевич избран заведующим оргинструкторским отделом и первым заместителем секретаря Коми обкома ВКП(б). С января 1929 г. по декабрь 1936 г. Коми область входила в состав Северного края (центр находился в Архангельске). В марте 1929 г. И.Г. Коюшев был назначен председателем Коми облисполкома, вошел в состав крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома. Летом 1930 г. Ивана Григорьевича перевели для работы в Архангельск, где он заведовал оргинструкторским отделом крайисполкома. В 1933–1935 гг. он вновь жил в Сыктывкаре, занимал должность председателя Коми облисполкома. И.Г. Коюшев в 1929–1935 гг. являлся делегатом трех Всероссийских (XIV, XV, XVI) и трех Всесоюзных (V, VI, VII) съездов Советов. Он состоял членом высших органов государственной власти – Всероссийского центрального исполнительного комитета и Центрального исполнительного комитета СССР (Совет национальностей).

В конце 1934 г. председатель облисполкома И.Г. Коюшев отчитывался о своей работе. Он сообщил, что введено всеобщее обязательное обучение, а в Сыктывкаре и рабочих поселках – обязательное десятилетнее обучение. Создан театр, сеть изб-читален увеличилась со 106 в 1930 г. до 111 в 1934 г., массовых библиотек – с 12 до 17, расширилась сеть клубов, красных уголков и т.д. Расширилась сеть кино с 45 в 1930 г. до 114 в 1934, из них 1 звуковое, 11 стационарных, остальные – передвижные. Количество газет с 8 (1931) до 16 (1934), из них 13 на коми языке. Комигизом выпущено за четыре года 525 названий (в том числе 54 стабильных учебника на коми языке) – тираж 1763200 экз. Растет научно-исследовательская работа, создан большой Государственный Ильчский заповедник, в 1934 г. организован Комплексный научно-исследовательский институт по изучению экономики, культуры и истории Коми области. В Сыктывкаре 23 тысячи человек (в 1930 – 2,5 раза меньше). В городе построен Дом культуры, звуковое кино, парк, Дом колхозника, строится гостиница, построены два дома специалистов, достраивается третий, строятся школы, общежития. В городе – лесопильный завод, каннито-скипидарный, громадная типография, затон, механизированный кирпичный завод².

Активной жизненной позиции Ивана Григорьевича будто бы ничто не угрожало. И вдруг его обвиняют «в буржуазном национализме». «Скрытого» врага в его лице обнаружила специальная бригада, созданная после смерти секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова, убитого 1 декабря 1934 г. 14 апреля 1935 г. И.Г. Коюшева исключают из партии, освобождают от должности³.

В праздничном выступлении, посвященном XV-летию Коми автономной области, секретарь Коми Обкома ВКП(б) А.А. Семичев заметил: «...Буржуазные коми националисты, сомкнувшись с троцкистами, вели борьбу за национальную замкнутость... Националисты совместно с контрреволюционными троцкистскими последышами выступали в защиту реакционных, народнических теорий о «самобытности» коми народа, утверждая, что в коми народе классов нет, кулаков нет (Коюшев и другие)».

¹ Митюшева Н.А. Третий автономист // Молодежь Севера. 1998. 28 мая.

² За новый север. 1935. 3 января.

³ Захаров В. Через все испытания... // Красное знамя. 1989. 21 мая.

Пытаясь скрыться от дальнейших преследований, Иван Григорьевич уехал в г. Балахну (бывший Сольна-Городце) Горьковской области, устроился начальником жилищно-коммунального отдела целлюлозно-бумажного комбината. В 1937 г. переехал в Свердловскую область, занимал ту же должность на Красновишерском комбинате. Однако ему все же не удалось избежать ареста. В ночь на 20 августа 1937 года И.Г. Коюшев арестован, этапирован сначала в Свердловскую тюрьму НКВД, затем в Мураши, откуда пешим этапом отправлен в Сыктывкар (360 км). В ноябре 1937 г. размещен в Сыктывкарской общей тюрьме, где подвергался бесконечным допросам. И.Г. Коюшев писал: «В своих показаниях от 18 января 1938 года я дал самую жестокую оценку всех своих политических ошибок, допуская с 1924 по 1929 годы вплоть до самобичевания и клеветы на самого себя... Я был настолько унижен, подавлен, убит, разбит, что готов был без большого сопротивления подписывать все навязываемые мне обвинения, лишь бы скорее кончилось мучение, не дойти до сумасшествия и самоубийства»¹.

Пока И.Г. Коюшев сидел в тюрьме, в газете «За новый север» появилась статья В.А. Савина «Коми АССР», явно заказанная органами НКВД, весьма пространная по объему: «Окончательному порабощению коми трудящихся Москвой способствовало «обращение» коми в христианскую веру, проделанное эмиссаром Московского государства Степаном Храпом, которого оно возвысило за этот «подвиг» до звания «епископа пермского». Далее он писал о «белобандите Латкине», «руководителе» буржуазных националистов Д.А. Батиеве, троцкисте, националисте Я.Ф. Потапове, «новом вожде буржуазных националистов 1924–1926 гг. И.Г. Коюшеве, авторе учебников по обществоведению «Йоз кост оланног» и «Коми» (к 5-летию Коми области)», «защитнике буржуазных националистов и агенте фашистской Финляндии» В.И. Лыткине, «белоземлянке и мракобесе» К.Ф. Жакове, «монархисте» Г.С. Лыткине, «яром националисте» И.С. Вежове, «нацмену» И.И. Оботурове, вместе с Лыткиным вредившему «в деле развития коми слова»².

4 марта 1939 г. И.Г. Коюшеву вынесен приговор Верховного суда Коми АССР: восемь лет лагерей по статье 58 (антисоветская агитация). Ивана Григорьевича этапировали в Верхне-Човский исправительно-трудовой лагерь, где он выполняет работу по изготовлению клепок для тары. Иван Григорьевич вспоминал: «Молодцов В.А. и Чисталев В.Т. сортировали и укладывали эти дощечки в штабеля. Работали мы в захудалом сарайчике, на сквозняке. Несколько месяцев. Сначала заболел В.А. Молодцов и помер. Потом заболел В.Т. Чисталев, уложили его в больницу, и тоже помер. На их место дали мне других укладчиков. Но и я заболел крупозным воспалением легких. Тоже уложили в больницу с температурой свыше сорока градусов»³.

После относительного выздоровления Иван Григорьевич стал работать нормировщиком в мебельной мастерской. В конце 1939 г. И.Г. Коюшева этапировали в Усть-Вымский ИТЛ. Он работал возчиком, затем рубщиком. Наконец, в ноябре 1946 г. его освобождают из лагеря. Иван Григорьевич устраивается бухгалтером в Корткеросский леспромхоз. В июне 1947 г. он переезжает в Житомирскую область, работает на Малинской бумажной фабрике. Казалось, можно вздохнуть свободно, расправить плечи. Однако три года спустя, летом 1950 года, следует новый арест и постановление Особого совещания (ОСО) при МГБ СССР: выслать на вечное поселение в Новосибирскую область. И только в августе 1954 г. он был освобожден от ссылки, уехал в Балахну. В 1956 г. его реабилитировали. Президиум Верховного суда Коми АССР проверил материалы дела, пришел к выводу о том, что обвинение было построено на его признательных показаниях и на показаниях других лиц, от которых они потом отказались. На следствии они дали на себя, а также на других лиц ложные показания в результате применения к ним незаконных методов ведения следствия.

В 1957 году Иван Григорьевич вернулся в Сыктывкар, чтобы навсегда остаться в этом городе. В эти годы он активно занимался общественной деятельностью, писал свои воспоминания, в которых образно рассказал о своем жизненном пути, товарищах по учебе и работе, встречах с интересными людьми⁴. В 1993 г., в возрасте 92 лет, И.Г. Коюшев ушел из жизни. Похоронен на Центральном кладбище, неподалеку от главного входа (слева).

В.В. Бызова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Коми писатели в карикатурах и дружеских шаржах В. Полякова

5 ноября 2010 года исполнилось 105 лет со дня рождения заслуженного художника РСФСР, заслуженно-го деятеля искусств Коми АССР, первого председателя Союза художников Коми АССР Валентина Викторовича Полякова. Имя Валентина Викторовича широко известно в Республике Коми. Ему довелось стать первым художником своего народа, зачинателем коми профессионального изобразительного искусства.

Фонды НМРК хранят ценнейшую коллекцию материалов из архива известного художника-графика. Архив В.В. Полякова состоит из двух больших коллекций и насчитывает более 2000 музейных предметов разного характера⁵. Переданы были эти материалы краеведческому музею Токаревой Светланой Валентиновной, дочерью художника в 1974 и 1978 гг. Первую коллекцию составляют в основном художественные и графические

¹ Архив УФСБ. КП-4508. Л. 147.

² За новый Север. 1937. 6,8 июня.

³ Коюшев И.Г. Все было заранее решено // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 7 / Коми респ. общест. фонд «Покаяние»; сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2005. С. 21–28.

⁴ Коюшев И.Г. Воспоминания. Музей истории просвещения Коми края. ОФ.6268.

⁵ ГРУ «Национальный музей Республики Коми». О.ф. № 83, 93, 94.

работы В. Полякова, фотографии по истории г. Сыктывкара и пионерской организации 1920–1960-х гг. Вторая содержит личные вещи художника: документы, очки, костюм вельветовый, письменный стол, множество канцелярских изделий (карандаши, ручки, линейки, кисточки, краски и т.д.). Небольшую часть этого богатого архива составляют карикатуры и дружеские шаржи на коми писателей, журналистов и работников радио. На этом остановимся более подробно.

Появление карикатур местных художников на страницах коми газет и журналов начинается с 1929 г. и «по времени совпадает с периодом широкомасштабного культурного строительства, выраженного в книгоиздательстве, распространении средств массовой информации, главным из которых была периодическая печать, а в 1930-е гг. – развивающееся в республике радиовещание. В их актуальной повседневной тематике карикатура черпала свои сюжеты»¹. В том же 1929 г. республиканская типография получила оборудование – цинкографию, и появилась возможность делать клише на месте (до этого в коми газетах и журналах использовались клише, изготовленные в Москве). Авторами первых карикатур были В. Поляков и А. Гендельман. Поляков является подлинным основоположником графического жанра карикатуры в коми профессиональном изобразительном искусстве. Вот что пишет сам В.В. Поляков о жанре прикладной графики – искусстве карикатуры: «Искусство карикатуры, к сожалению, далеко не всегда признается за серьёзное искусство. Многие считают её искусством “второго сорта”. А непривычный и кажущийся неправильный рисунок карикатуры приводит нередко к ошибочному мнению, что здесь может успешно работать и слабый художник. Между тем искусство карикатуры – это настоящее искусство, имеющее и большое общественное значение, и свою художественную ценность. И в ней, как в любом искусстве, могут быть и большие художники и значительные произведения... Карикатуристу нужна особая зоркость, умение видеть остро в людях и в событиях то, что иногда незаметно глазу другого человека. И нужен ещё специфический талант, чтобы показать это выразительно в своём рисунке, подчеркнутом и преувеличенном, недаром само слово – карикатура – от итальянского “карикаре”, что значит преувеличение. Такой рисунок, несмотря на свою лаконичность, иногда говорит больше, чем длинный рассказ или статья. Карикатура в изобразительном искусстве занимает такое же место, как в литературе сатира и эпиграмма»².

Окончив в 1928 г. Ленинградский художественно-промышленный техникум, по приглашению Областного отдела народного образования (ОблОНО) он вернулся в Сыктывкар и начал работать преподавателем рисования в средней школе № 1. В 1930 г. Полякова приняли в Коми Госиздат руководителем графического отдела. Оформляя книги, он пробует себя в жанре карикатуры, публикует сатирические рисунки в периодических изданиях. В то время издавался ежемесячный литературно-художественный журнал «Ордым» («Просека»). Содержание журнала носило просветительский характер, что отвечало задачам того времени. С 1931 г. журнал стал называться «Ударник», позднее, с 1946 г. и по настоящее время – «Войвыв коззув» (Северная звезда).

Это было единственное периодическое литературное издание для коми писателей. Произведения, созданные известными уже в то время писателями В.А. Савиным, Н.П. Поповым, В.И. Лыткиным, М.Н. Лебедевым, В.Т. Чисталевым, первоначально были опубликованы в этом журнале. Коллектив редакции в основном состоял из писателей: редактором работал Николай Попов, Виктор Савин руководил работой коми театра и оказывал помощь молодым писателям, Михаил Доронин возглавлял отдел критики. Работая вместе с писателями, прекрасно зная их характеры, В. Поляков не мог не поместить на страницах журналов сатирические рисунки и дружеские шаржи на своих коллег по работе.

На одной странице журнала «Ударник» автор публикует дружеские шаржи сразу на всех сотрудников редакции – Н.П. Попова, В.Т. Чисталева, М.П. Доронина, и В.А. Савина. Все они идут под псевдонимами. В то время это было модно.

Среди сатирических рисунков конца 20-х – начала 30-х гг. чаще всего встречаются шаржи на В.Т. Чисталева. Их в архиве художника целых три. Свое поэтическое творчество В. Чисталев начал еще до революции. В 1908–1909 гг. он перевел на коми язык ряд произведений русских поэтов, которые опубликовал лишь в начале 1920-х гг. В 1920-е же годы он создал свои лучшие стихотворения, а его рассказ о коми крестьянине «Трипан Вась», опубликованный в 1929 году, стал большим событием в коми литературе и вызвал многочисленные споры.

Очень интересна и своеобразна совместная карикатура на В. Чисталева и М. Лебедева. В то время на страницах литературных журналов публиковались статьи по поводу поэтических форм этих двух поэтов. Можно было встретить критику Вениамина Тимофеевича по поводу несовершенства переводов М.Н. Лебедева. Но все-таки они оба были за достойное развитие коми литературы, оба шли в одном направлении и тащили на себе «груз» творчества. Поэтому, видимо, художник изобразил их вместе.

Дружеский шарж на Прокопия Спиридоновича Попова (Спира Прокö) датирован 1934 годом. В конце 1920-х гг. последний работал в газетах «Вөрлэдзысь» (Лесной рабочий) и «Коми комсомолец», затем – на коми радио; известен читателю как прозаик, драматург.

¹ Выставка «Коми карикатура». Каталог. Сыктывкар. 1970. С. 2.

² Там же. С. 1.

Однако процесс плодотворного литературного творчества был прерван жестокими репрессиями 30-х гг. Все ведущие писатели в период сталинских репрессий были необоснованно признаны «врагами народа» и арестованы. В Союзе писателей остался один член Союза писателей и один кандидат в члены Союза писателей.

Вскоре после этого начались не менее трагические годы – годы Великой Отечественной войны. Во время войны на фронт ушли почти все писатели, большинство из них домой не вернулись. Начиная с середины 1930-х и до начала 1950-х гг. карикатуры и дружеские шаржи на коми писателей в архиве Полякова отсутствуют вообще.

Восстановление шло трудно и медленно. Лучшие традиции великих предшественников продолжили писатели послевоенного поколения. Появились большие эпические произведения В. Юхнина, Г. Федорова, Я. Рочева. Активно работали В. Леканов, С. Попов, И. Изьюров, И. Вавилин и др.

В дружеском шарже на редколлегия журналов «Войвыв кодзув» мы без труда узнаем известных писателей. Автор не перечисляет их имена и не ставит дату. Но мы знаем, что в 1960-е гг. Я.М. Рочев (изображен первый слева) был редактором журналов, И. Вавилин – ответственным секретарем, И. Изьюров – членом редколлегии. По рисунку становится понятно, что в периодической печати того времени были свои проблемы.

Жизнь и творчество коми писателя В.В. Юхнина, автора многоплановых произведений – романов «Алая лента» и «Тундраса бияс» (Огни тундры) неотделимо от биографии народа, который заложил фундамент новой жизни в 1920–1930 гг., защитил страну от фашизма и стал осваивать суровое Заполярье после войны.

Известного поэта С.А. Попова художник изобразил на самолете, с вылетающими из-под его пера стихами. Рисунок сделан в послевоенные годы. Полтора послевоенных десятилетия для поэта были очень «урожайными». Один за другим выходили сборники его стихов: в 1948 г. – «Миян Войвыв» (Наш Север), в 1951 г. – «Ме славита мир» (Я славлю мир), в 1952 г. – «Утро на Вычегде», в 1955 г. – «Дружба йылысь стихъяс» (Стихи о дружбе), в 1958 г. – «Северные звезды», в 1960 г. – «Лбз энэж улын» (Под голубым небом) и т.д. В них раскрывается широта поэтического кругозора С.А. Попова: здесь и лирические пейзажи, и стихотворные портреты, и произведения о войне, трудовых буднях, бытовые зарисовки...

Драматург, актер В.Д. Леканов в начале 1950-х гг. опубликовал несколько одноактных пьес. А в 1954 г. вышла его знаменитая многоактная пьеса «Сиктса рыгыя» (Сельские вечера), которая была переведена позднее на русский язык и другие языки народов СССР. Спектакли по этой пьесе ставились не только в театрах нашей республики, но и во многих театрах страны. Автор пьесы приобрел большую популярность, стал известным драматургом. Художник изобразил В. Леканова на театральной сцене, а за ним, на заднем плане – сельский пейзаж в вечернее время.

Дружеский шарж на писателя, прозаика Г.А. Федорова тоже относится к 1950 годам. В эти годы из-под его пера выходят одно за другим произведения – «Колхозницы», «Лесная драма», «Трактористка Василиса», а также рассказы. Полностью раскрылся его талант в создании многоплановых эпических произведений, принесших ему заслуженную славу. Неустанный поиск героя своего времени привел его к созданию художественных образов – героической личности Домны Каликовой и первого коми поэта И.А. Куратова.

Новый подъем коми карикатуры начался с 1957 г. и связан он был с появлением сатирического приложения к газете «Югд туй» – журналов «Чушканзи», главным художником которого в течение ряда лет был Валентин Викторович. Журнал стал тем центром, вокруг которого постепенно стали группироваться и расти коми карикатуристы последующих лет. Многие из них были учениками В. Полякова и продолжили дело своего учителя.

Т.Ю. Витязева

Коми республиканский эколого-биологический центр, Сыктывкар

Традиционные этнокультурные ландшафты севера как базовый элемент образовательных стратегий учреждений дополнительного образования детей эколого-биологической направленности (на примере Коми РЭБЦ)

Устойчивое развитие Севера – это национальная и глобальная проблема. Изменения, происходящие здесь под влиянием природных процессов и деятельности человека, значимы не только в российском, но и в планетарном масштабе. Поэтому проблемы Севера необходимо рассматривать как проблемы всего человечества¹. Особенно важно, осваивая природные ресурсы Севера, заботиться об их сохранности, так как существует угроза исчезновения с лица Земли малочисленных народов, и, в первую очередь, северных, которым приходится бороться за выживание в особо суровых условиях.

Среди приоритетных государственных задач особого внимания заслуживает защита общенациональных интересов в сфере природопользования, которые должны быть полностью согласованы с жизненными интересами тех коренных народов, для которых Российский Север – священная земля предков. Эта задача обусловлена опасной глобальной тенденцией, связанной с разрушением этнокультурного многообразия мира (известно, что каждые две недели на планете умирает один язык, а, следовательно, с полиэтнической карты исчезает и

¹ *Миронов С.М.* Северные регионы: право на особую заботу государства // Социальные перспективы экологической безопасности: материалы пленарного заседания III Международного Северного социально – экологического конгресса / под общ. ред. В.А. Черешнева. М., 2008. С. 6.

народ...)¹. Суть заключается в том, что разрушение этнической палитры северных территорий напрямую связано с разрушением природного, тысячелетиями складывавшегося биологического разнообразия уникальных регионов; а это, в свою очередь, провоцирует и обостряет целый спектр иных еще более масштабных глобальных проблем – от постоянного сужения ареалов вечной мерзлоты до необратимых климатических изменений.

Коренные этносы Севера – кладезь древних традиций, самобытной культуры, уникальных языков. Благодаря им сохраняются народные промыслы и ремесла, культура ведения хозяйства, которая не разрушает окружающую среду, а гармонично вписана в ее естественное состояние.

В этом смысле опыт Республики Коми бесценен. Наш регион чрезвычайно богат уникальными природными территориями, – площадками которые обладают неиссякаемым потенциалом для научных исследований и творческого вдохновения. На территории Республики Коми расположены Национальный парк «Югыд ва» и Печоро-Илычский государственный биосферный заповедник, объединенные под общим названием «Девственные леса Коми». Они стали первым объектом в России, внесенным в Список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. В условиях высокой ранимости экосистем природных ландшафтов Севера неоспорима особая актуальность экологического образования и просвещения населения. В Республике Коми она становится неотъемлемой частью дальнейшей стратегии освоения богатейших ресурсов Европейского Севера с одной стороны и природоохранной деятельностью с другой, и должна стать важным вопросом государственной политики.

Экологическое образование является неременным условием формирования экологической культуры. В Республике Коми существуют определенные традиции экологического просвещения, которые охватывают все возрастные категории населения – от дошкольников до пенсионеров. Во всех школах республики наблюдается тенденция экологизации предметов школьного курса. В школах действуют кружки, факультативы, элективные курсы экологической направленности (более 300, это – «Экология жизни», «Краеведение», «Региональное хозяйство и экология» и др.), проводятся различные массовые экологические природоохранные мероприятия («День птиц», «Праздник осени», «Вальс цветов» и др.). В Республике работает около 10-и школьных лесничеств, деятельность которых в настоящее время характеризуется практической направленностью, социальной значимостью и эффективностью формирования экологического самосознания молодого поколения.

Важное место в системе экологического образования Республики Коми занимают учреждения дополнительного образования детей, которые реализуют естественнонаучные и эколого-биологические направленности, а также методическое сопровождение различных экологических мероприятий. В учреждениях дополнительного образования детей Республики Коми вопросами экологии занимаются около 5 тыс. обучающихся. Проблема сохранения традиционной культуры и природопользования являются предметом деятельности множества учреждений и различных общественных организаций. Но не вызывает сомнения тот факт, что формирование ценностных ориентиров – это ключевое условие форм «экологического сознания» и разносторонне развитой личности. Именно этим вопросом занимается Коми республиканский эколого-биологический центр (Коми РЭБЦ).

Живым и ярким примером реализации данной стратегии на базе Коми РЭБЦ стала Всероссийская гуманитарно-экологическая профильная смена школы-лагеря в 2009 г., в которой принимали участие ребята и взрослые из 14 субъектов Российской Федерации. Особенностью лагеря было соединение знаний по биологии, экологии, этнографии. На занятиях по этноэкологии участники изучали особенности традиционных построек коми (на примере крестьянской коми-усадыбы 1891 г. постройки), предметов быта, а также устного народного творчества, музыкальной культуры, основанных на особенностях географического расположения нашего северного региона. Предметом изучения стали народные музыкальные инструменты, коми народные песни, традиционные медицина и кухня, формирование которых шло под влиянием природной среды Севера. На протяжении всей смены для участников лагеря была организована программа экскурсий и мастер-классов. В отделе этнографии Национального музея Республики Коми и Историко-краеведческом музее с. Ыб Сыктывдинского района ребята узнали об обрядах, основных промыслах коми-зырян, увидели предметы быта, одежду, интерьеры жилой коми-избы, бани, охотничьего домика; познакомились с историей, бытом и традициями коми народа. В геологическом музее Института геологии им. А.А.Чернова Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии Наук узнали о минерально-сырьевых богатствах республики. Ярким моментом стал концерт ансамбля народной музыки «Зарни Ань», который в своем творчестве опирается на традиционную культуру коми. Самобытные национальные музыкальные инструменты – сигудок, бруган, духовые и ударные – придали программе особый колорит. Играя в коми национальные игры, участники познакомились с традициями народных гуляний и охоты. Насыщенная программа мастер-классов позволила ребятам познакомиться с материальной и нематериальной культурой народа Коми и освоить азы народных ремесел. Ребята учились печь коми-шаньги, осваивали основы по плетению из лозы, изготовлению изделий из бересты и сувениров из кожи, познакомились с гончарным делом и шерстяно по ткани. Во время мастер-класса «Золотое руно» ребята опробовали весь процесс изготовления шерстяного изделия, начиная со стрижки овцы и заканчивая готовой вещью. Результатом данного изучения основ традиционной коми культуры стала исследовательская работа, защита которой проходила на учебной конференции в конце смены Всероссийской гуманитарно-экологической школы-лагеря.

¹ Черешнев В.А., Расторгуев В.Н. Уроки Российского Севера: социально-экологические и культурные ориентиры долгосрочной стратегии России // Там же С. 78.

Освоение программы школы-лагеря, осмысление многообразия фольклорно-мифологических представлений, изучение природных объектов и традиционной культуры коми народа способствовали приобретению участниками навыков комплексного изучения и сохранения природного и культурного наследия.

Проведение таких профильных смен экологических лагерей – это часть работы учреждений дополнительного образования детей эколого-биологической направленности, которая решает важнейшие цели – развитие экологической культуры, формирование интереса к углубленному изучению окружающей среды и истории родного края, привитие способностей и навыков к практической природоохранной деятельности.

Д.В. Вишнякова

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Брачный календарь коми крестьян в XIX – начале XX вв.: этноэкологический аспект*

Важнейшие демографические события: браки, рождения, смерти, как отмечают исследователи, распределяются в традиционном обществе отнюдь не хаотично, а в строгой закономерности¹. На формирование матримонимального поведения коми крестьянства оказывали влияние несколько факторов: религиозный, природный и хозяйственно-экономический. Эти обстоятельства в совокупности определяли в значительной степени распределение бракосочетаний в годовом цикле. Следует отметить, что религиозный фактор, обуславливавший запреты на проведение брачных регистраций в определенные периоды времени, действовал для всего православного населения России в изучаемый период и не имел в большинстве случаев региональной или этнической специфики, в то время как природно-климатический фактор определял значительную этнорегиональную дифференциацию сезонности заключения браков. Природно-климатическая среда детерминировала хозяйственную жизнь крестьян и через нее опосредованно влияла на годовую круг бракосочетаний.

Основную часть этнической территории коми (Коми край) составляли волости 2-го стана Мезенского уезда, преобразованные в 1891 г. в Печорский уезд, Усть-Сысольский и Яренский уезды, входящие в XIX – начале XX вв. в состав Архангельской и Вологодской губерний. Материалы метрических книг Мезенского, Печорского (с 1891 г.), Усть-Сысольского и Яренского уездов, а также данные о движении населения по губерниям и уездам, публикуемые Центральным статистическим комитетом Российской империи, дают возможность исследовать особенности сезонного распределения брачных регистраций.

На основании имеющихся в источниках сведений о распределении количества браков по месяцам были составлены таблицы 1, 2, 3. В них выражены данные по уездам Коми края, полученные при анализе бракосочетаний.

Таблица 1

Распределение браков по месяцам по 2-му стану Мезенского (до 1891г.) и Печорскому (с 1891г.) уезду в XIX – начале XX вв.

Годы	Доля браков в каждом месяце, %											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1853	25,8	29,7	-	3,1	9,4	9,4	18,7	0,8	0,8	1,6	0,8	-
1873	23,8	20,0	-	20,0	13,3	3,8	7,6	1,9	-	4,8	4,8	-
1881	35,4	22,0	-	5,9	4,3	3,9	5,6	3,3	5,2	7,5	6,9	-
1886	33,3	25,7	-	8,8	4,2	5,4	13,0	0,8	1,7	2,9	4,2	-
1892	34,9	9,8	-	17,2	10,8	2,9	12,3	1,5	0,9	1,5	7,9	-
1899	30,0	28,4	-	5,0	6,6	5,3	14,8	1,3	1,0	2,0	5,6	-
1905	22,4	23,6	-	5,5	7,2	4,2	16,0	3,8	3,8	8,4	5,1	-
1910	22,2	31,3	-	3,0	10,2	8,8	11,3	2,2	3,3	3,0	4,7	-

Примечание: прочерк означает, что регистраций не было.

Источники: ГААО. Ф. 29. Оп. 26. Д. 68. Л. 1022; Д. 88. Л. 870; Статистический временник Российской империи: Сер. III. вып. 20: Движение населения в Европейской России за 1881 г. СПб., 1887; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1886–1910] год. Т. 12, 38, 58, 84, 93. СПб., 1890–1916.

Таблица 2

Распределение браков по месяцам по Усть-Сысольскому уезду в XIX – начале XX вв.

Годы	Доля браков в каждом месяце, %											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1834	19,4	24,0	-	0,5	14,5	14,2	17,7	0,3	2,4	3,2	3,8	-
1840	19,1	22,1	-	5,4	17,6	7,8	20,1	1,0	3,4	0,5	3,0	-
1863	21,1	1,7	-	9,5	18,0	4,7	21,7	1,0	8,5	5,3	8,5	-
1871	30,6	0,2	-	14,4	14,4	4,2	22,0	1,2	2,0	6,5	4,5	-

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

¹ Зверев В.А. Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования (по материалам русского населения Сибири второй половины XIX – начала XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири: III Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы Всерос. конф. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина. В. А. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 306-309.

1881	25,5	18,9	-	7,6	11,8	6,8	18,8	1,8	3,2	3,3	2,0	-
1886	24,5	19,4	-	5,3	12,6	9,3	16,8	1,6	3,0	3,5	4,0	-
1892	22,2	13,4	-	11,2	17,2	7,0	12,0	1,8	5,5	3,8	5,9	-
1899	21,8	23,8	-	1,7	13,8	11,8	16,0	1,5	2,1	3,4	4,0	-
1905	32,6	4,7	-	13,9	23,8	1,6	2,8	1,3	6,1	8,4	4,8	-
1910	18,0	17,3	-	5,3	10,8	17,2	13,0	0,8	4,0	7,0	6,6	-

Примечание: прочерк означает, что регистраций не было.

Источники: ГУРК «НАРК». Ф. 230. Оп. 1. Д. 469. Л. 1148; Д. 470. Л. 759; Д. 476. Л. 1176; Д. 493. Л. 815; Д. 494. Л. 1348; Статистический временник Российской империи: Сер. III. вып. 20: Движение населения в Европейской России за 1881г. СПб., 1887; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1886–1910] год. Т. 12, 38, 58, 84, 93. СПб., 1890–1916.

Таблица 3

Распределение браков по месяцам по Яренскому уезду в XIX – начале XX вв.

Годы	Доля браков в каждом месяце, %											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1810	19,5	19,0	-	10,2	19	4,9	23,4	0,9	0,4	0,9	1,8	-
1823	18,5	20,8	-	1,4	10,2	12,5	21,7	-	2,8	7,9	4,2	-
1857	27,3	21,4	-	12,3	6,8	1,0	18,2	1,0	3,3	4,2	4,5	-
1861	18,0	30,6	-	1,9	8,0	8,8	16,0	1,5	5,0	3,8	6,4	-
1871	35,4	-	-	17,7	17,7	5,2	12,6	3,1	1,0	1,0	6,3	-
1881	19,6	23,7	-	11,0	7,6	8,0	16,4	2,6	2,8	4,4	3,6	-
1886	17,0	27,8	-	10,2	12,0	10,0	10,5	2,0	1,8	5,2	3,4	-
1892	13,0	16,7	-	15,0	12,0	4,9	12,5	1,0	4,3	7,1	13,5	-
1899	13,4	44,3	-	5,1	11,8	10,0	8,9	0,4	0,9	2,0	3,1	-
1905	48,1	-	-	13,3	-	1,7	-	3,0	13,3	7,0	13,6	-
1910	12,7	30,7	-	5,2	13,7	15,2	4,8	0,7	1,1	5,9	10,0	-

Примечание: прочерк означает, что регистраций не было.

Источники: ГУРК «НАРК». Ф. 231. Оп. 1. Д. 232. Л. 342; Д. 233. Л. 734; Д. 234. Л. 640; Д. 235. Л. 1175; Д. 242. Л. 1160; Д. 254. Л. 744; Статистический временник Российской империи: Сер. III. вып. 20: Движение населения в Европейской России за 1881г. СПб., 1887; Движение населения в Европейской России за 1881г. СПб., 1887; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1886–1910] год. Т. 12, 38, 58, 84, 93. СПб., 1890–1916.

Наибольшая часть браков по всем уездам Коми края приходилась на январь и февраль. К концу года крестьянский бюджет располагал дополнительными денежными средствами, так как продажа продукции крестьянского хозяйства давала к этому времени деньги и на свадьбу. В зимний период функционировало несколько довольно значительных по торговым оборотам ярмарок, таких, как Георгиевская в г. Усть-Сысольске (конец ноября – начало декабря), Афанасьевская в с. Нёбдино (январь-февраль), Крещенская в с. Важгортском (6-18 января), Герасимовская в с. Усть-Вымь (январь-февраль), и ряд более мелких ярмарок¹. Кроме того, с наступлением зимы население не было так сильно обременено хозяйственными заботами, как в другое время года. Для волостей Печорского края, где оленеводство являлось ведущей отраслью хозяйства, январь и февраль были наиболее благоприятными месяцами для заключения браков, поскольку им предшествовал период забот оленей. Зимние браки для крестьян были удобны по многим хозяйственно-бытовым причинам: наличие денежных средств в этот период, возвращение мужчин с охотничьего промысла, приход молодой работницы к новому хозяйственному сезону.

Обращает на себя внимание факт колебания числа венчаний в феврале и апреле. Причиной этому служил переходящий характер Великого поста, который мог начинаться и в феврале и в марте. Значительная доля браков заключалась в период с момента окончания Великого поста и до начала сезона уборки урожая. Однако и здесь колебания числа браков были связаны с переходящим характером одного из постов, Петровым.

Довольно значительной по всему Коми краю была доля браков, заключаемых в июле, хотя народная традиция не одобряла заключение браков в этот период из-за активных сельскохозяйственных работ. У коми даже бытовала поговорка, свидетельствующая об отношении к бракам, совершаемым в данное время: «Порядочные люди в середине лета свадьбу не празднуют»². Тем не менее, практически на всем протяжении изучаемого периода на июль приходилось большее число браков, чем на другие летние месяцы, и только в первом десятилетии XX в. процент заключенных в июле браков заметно сократился по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам в сравнении с первой половиной изучаемого периода. Причины такого предположения, по нашему мнению, связаны с церковным календарем, по которому на этот период приходилось меньше запрещенных для брака дней. Следует также отметить, что в данный период производились, в основном, сенокосные работы, во время которых устраивались молодежные развлечения и игры. Примечательно, что, по сведениям этнографов, некоторые из проводимых обрядов, приуроченных к началу сенокоса, были связаны с участием в них новобрачных³.

¹ Мацук М.А., Шаньгина В.В. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. Сыктывкар, 1996. С. 75, 80, 83.

² Плесовский Ф.П. Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар, 1973. Разд. 10.

³ Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб., 1992. С. 66.

В августе в связи с церковным постом, уборкой урожая, различными заготовительными работами, началом осеннего охотничьего сезона количество браков было совсем незначительным. Осенью доля браков также была невелика, намного меньше, чем в период с апреля по август. В целом, сравнивая данные о распределении числа браков по месяцам по Коми краю с аналогичными данными по Европейской России, следует отметить, что доля браков, заключаемых весной-летом, по Коми краю была выше, чем в среднем по 50 губерниям Российской империи, а доля осенних браков значительно ниже. Подавляющее большинство браков среди населения Европейской России заключалось в январе-феврале (40-45% от годового числа браков) и в октябре-ноябре (30-35%). Все это, безусловно, свидетельствовало о незначительном влиянии занятий земледелием на процесс выбора времени заключения браков среди населения Коми края.

Существенными представляются различные установки родственников со стороны жениха и со стороны невесты относительно времени заключения брака. Первые, как правило, стремились получить в лице невестки новую рабочую силу к «весенне-летнему» сезону и к периоду страды, поэтому они старались провести свадьбу весной. В этом контексте понятна фольклорная укоризна сыну, решившему сыграть свадьбу зимой: «Всю зиму придется лишнего едока кормить». Родителям же невесты это было не совсем выгодно, поэтому наиболее подходящим временем для свадьбы им представлялась зима, когда основные виды работ были завершены¹.

Традиция заключать браки зимой была глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников, зимние свадьбы (и соответственно зачатия) в январе-феврале давали самых здоровых детей осеннего рождения. Осенние свадьбы и зачатия были менее благоприятны, поскольку рождения приходились на лето – страдное время и обилие инфекций способствовали большей смертности у рожениц и их детей. Дети, зачатые весной и рожденные зимой, в физическом отношении оказывались наиболее слабыми. Летние зачатия и весенние роды – также были мало благоприятны для детей².

Таким образом, в результате длительного взаимодействия природной и социокультурной среды, этноэкологической адаптации населения, у коми крестьянства выработались устойчивые стереотипы демографического поведения, детерминировавшие сезонность бракосочетаний. В основе матримониальных взглядов и установок, прежде всего, лежала забота о потомстве и благополучии семьи, а также представления практического характера, связанные с видами хозяйственной деятельности, планированием распределения трудовых усилий, состоянием семейного бюджета.

Е. С. Вокуева

Коми республиканский эколого-биологический центр, Сыктывкар

Республиканский конкурс «МОЯ МАЛАЯ РОДИНА» и этноэкологическое образование школьников

В настоящее время в экологическом образовании важным компонентом становится не только естественнонаучное направление, но и гуманитарное, как наиболее способствующее формированию чувственного, «сердечного» восприятия окружающей природы. Воспитание в детях активного природолюбия – задача многосторонняя и отнюдь не только естественнонаучная или трудовая, но ещё и культурно-гуманитарная. Считается, что она как нельзя лучше достигается через изучение традиционной культуры и её непосредственной связи с окружающей природой, так как именно культура собственного народа может быть тем проводником, который позволит увидеть в природе собеседника, а не только объект для изучения. То, что сейчас называется традиционной культурой, возникло из взаимодействия человека и природы, из его понимания способов «договориться», жить в ладу с окружающим его миром природы³.

Воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи – задача первостепенной важности. Но как воспитать эту любовь? Она начинается с малого – с любви к своей семье, к своему жилищу. Постепенно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране, а затем ко всему человечеству. Человек живет в определенной окружающей среде. Загрязнение среды грозит гибелью человечеству. Всем известны те гигантские усилия, которые предпринимаются отдельными странами, учеными, чтобы спасти от загрязнения воздух, водоемы, леса, чтобы сохранить животный мир нашей планеты. Человечество тратит миллиарды не только на то, чтобы не погибнуть, но чтобы сохранить также ту окружающую нас природу, которая дает людям возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила природы хорошо известна. Однако, для жизни человека кроме природной биологической среды не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни⁴.

¹ Соловьев В.В. Брачный возраст и выбор супруга в системе психологических и историко-культурных стереотипов традиционной сельской общины коми, конца XVIII – первой четверти XIX вв. и на рубеже XIX–XX вв. // Дети Севера на рубеже XXI века: материалы межрегиональной Российской научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Нагаев. Сыктывкар, 2001. С. 166.

² Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 170.

³ Захарова О.А., Доронгин Д.Ю. Этноэкология. Методическое пособие по проведению этноэкологических исследований. М., 2008; Захарова О.А. Дерево и лес как культурная ценность // Лесной бюллетень. 2004. № 25.

⁴ <http://www.ethno-ecology.com/st-crisis.htm>; <http://www.zavuch.info/metodichka/prochie/dopobr/dopinoe/hgsh-baey-mdru>; http://www.tpp-inform.ru/ecology_culture/1009.html

Поэтому, экологическое воспитание необходимо осуществлять, основываясь на традициях неразрушающего природопользования, бытовавших ранее и отчасти сохранившихся сейчас у коренного населения Республики Коми.

Национальная культура коми народа имеет многовековую историю, проявляет и несет в себе уникальные, присущие именно нашему этносу компоненты, начиная с обустройства жизни и быта, строительства жилища и кончая традициями народно-прикладного и устно-поэтического творчества.

Ежегодно с целью воспитания у детей и подростков ценностного отношения к природному и культурному окружению, а также толерантности и уважения к другим культурам ГОУДОД «Коми республиканский эколого-биологический центр» проводит Республиканский конкурс «Моя малая родина: природа, культура, этнос», являющийся региональным этапом Всероссийского конкурса. Учредителем Республиканского конкурса «Моя малая родина: природа, культура, этнос» является Министерство образования Республики Коми.

Задачи конкурса:

- 1) привлечение внимания детей и взрослых к комплексному изучению и сохранению природного и культурного наследия своей малой родины;
- 2) воспитание чувства патриотизма, любви к своей малой родине;
- 3) выявление и поддержка творческой инициативы педагогов, детей и подростков, изучающих взаимоотношения этноса и природной среды, способствующей сохранению культурного и природного наследия;
- 4) распространение этического отношения к природе, основанного на общечеловеческих и этноконфессиональных нравственных ценностях;
- 5) развитие толерантности в межкультурном и межэтническом диалоге, направленном на поиск путей формирования экологической культуры;
- 6) содействие социальной адаптации и самоопределению детей и подростков путем их привлечения к деятельности по тематике конкурса.

Республиканский конкурс «Моя малая родина: природа, культура, этнос» проводится по пяти номинациям «Гуманитарно-экологические исследования», «Эколого-краеведческие путеводители», «Публицистика в защиту природы и культуры», «Традиционная материальная культура», «Традиционная нематериальная культура».

В своих работах участники конкурса рассматривают и раскрывают вопросы взаимосвязи между культурным и природным окружением этноса:

- истории природопользования и охраны природы;
- традиционного природопользования и окружающей среды;
- природного промысла, изделий из природных материалов;
- природных объектов и явлений в культуре этноса, его религии, верованиях, обрядах, фольклоре, топонимике, орнаменте и др.;
- природы в искусстве (литературе, живописи, музыке и др.);
- сакральных природных объектов;
- трав и иных природных средств в народной медицине;
- экологических аспектов образования поселений;
- природных и культурных достопримечательностей при определении рекреационной значимости территории;
- отношения к природе в различных этнических, конфессиональных, социальных, профессиональных и иных общностях.

Формы представления конкурсных работ самые разнообразные. Это: учебно-исследовательская работа; путеводитель или описание маршрута, тропы; публицистическое произведение (статья, эссе, очерк и т.п.); фотографии предметов материальной культуры (с аннотациями); видеозаписи исполнения народных произведений (с аннотациями).

Впервые по инициативе и финансовой поддержке Министерства национальной политики Республики Коми в 2010 г. ГОУДОД «Коми республиканский эколого-биологический центр» организовал проведение Республиканского фестиваля «Республика Коми: природа, культура, этнос». На фестивале участники представляли свои работы в различной форме: концертное выступление (песни, танцы, обряды), выставка изделий материальной культуры (национальный костюм, предметы быта, рукоделия), чтение стихов и рассказов о природе родного края и самобытной культуре коми народа. На фестивале была представлена выставка изделий декоративно-прикладного творчества, предметов быта коми народа, а для участников проведены мастер-классы, направленные на знакомство с традициями и культурой народа коми.

Таким образом, Республиканский конкурс «Моя малая родина: природа, культура, этнос» и фестиваль «Республика Коми: природа, культура, этнос» направлены на активизацию работы образовательных учреждений по воспитанию у детей и подростков экологической культуры в процессе практической деятельности по изучению и сохранению природного и культурного наследия своего края, способствующей развитию чувства патриотизма и гражданской ответственности.

И хочется надеяться, что и развитие этноэкологического направления в образовании получит необходимую поддержку. А школьники, в свою очередь, найдут возможность ответить на вопросы: как влияет природа на жизнь человека, как правильно использовать её ресурсы и как сохранить традиции своего народа.

Н.Ф. Вызир

Институт керамологии НАН Украины, Опoшня

Музейная деятельность Ивана Зарецкого

Российский этнографический музей (основан как Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III) – один из крупнейших этнографических музеев Европы. В его хранилищах сосредоточены памятники культуры более 150 народов бывшей Российской империи, в том числе украинского. Изучение материальной и духовной культуры украинцев было начато в Этнографическом отделе Русского музея Императора Александра III в 1902 г., после утверждения штатного расписания.

Основная задача первого периода существования Музея заключалась в комплектовании фондов, которое осуществляли специалисты в области славянской и романской этнографии: Ф.К. Волков, А.А. Миллер, Н.М. Могилянский, К.К. Романов, А.К. Сержпутовский, а также И.А. Зарецкий – известный украинский керамолог, краевед, этнограф, археолог, фотограф и музеолог конца XIX – первой трети XX в. Одним из этапов его многогранной деятельности было сотрудничество с Этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III на протяжении 1902–1906, 1910 гг. Этнографические коллекции, собранные Иваном Антоновичем Зарецким в Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Подольской и Екатеринославской губерниях стали основой для последующего формирования фонда материальной культуры украинцев Императорского музея. Общей сложностью Иван Зарецкий собрал более 1800 предметов, из них – около 600 глиняных изделий – уникальная коллекция украинской народной керамики конца XIX – начала XX в.

В данной статье пойдет речь о коротком, но важном периоде музейной деятельности Ивана Зарецкого. Рукописная информация, фотоснимки, материальные ценности, которые хранятся в музее, позволяют объективно оценить вклад музейного сотрудника в развитие Российского этнографического музея и, что немаловажно, в изучение и популяризацию украинской традиционной культуры.

Предпосылками к деятельности Ивана Зарецкого в Этнографическом отделе, кроме активной музееведческой работы, археологических, керамологических и краеведческих исследований, стало его участие во Всероссийской кустарной выставке (Санкт-Петербург, 1902).

Заинтересованный в популяризации народного творчества украинцев Иван Зарецкий обратился в Музей с предложением приобрести у него собранную в Полтавской губернии коллекцию вышивок и авторский альбом узоров, а также предметы, репрезентированные на Выставке Полтавским губернским земством. Авторитетность Ивана Зарецкого среди этнографов, краеведов, коллекционеров, археологов сопутствовала тому, что на заседании Этнографического отдела 6 апреля 1902 г. хранитель Николай Могилянский *«предложил пригласить И.А. Зарецкого в качестве коллектора для Музея»*. Вскоре Совет принял положительное решение о зачислении Ивана Антоновича Зарецкого на должность коллектора и приобретении его коллекции вышивок и рукописного альбома *«Малорусские узоры Полтавской губернии»*.

На протяжении 6 лет Иван Зарецкий, как сотрудник Императорского музея, занимается сбором материалов, которые представляют этнографию украинского народа, населявшего Российскую Империю. В общей сложности им собрано для музея 24 этнографические коллекции.

Занимаясь изучением личности Ивана Зарецкого как исследователя украинского гончарства, остановлюсь на его керамологической деятельности в период сотрудничества с Императорским музеем.

В 1902 г. фонды Этнографического отдела дополнили собранные керамологом «гончарные изделия и устройства» из Полтавской и Черниговской губерний – более 600 предметов, входящих в состав 7 коллекций (№ 194, 195, 266, 367, 625, 1051, 1843). Украинская традиционная керамика представлена разнообразными типами изделий (изразцы, все виды посуды, бытовые в Полтавской губернии в начале XX в., курительницы, зооморфная и антропоморфная пластика, игрушки, курительные люльки, свистульки и др.). Большое значение деятельности Ивана Зарецкого в том, что, собирая экспонаты для керамологической коллекции, он подобрал, кроме типичных, наиболее ценные в художественном и технологическом плане образцы, а также изделия, которые уже не употреблялись в быту, и устройства, не использовавшиеся гончарами. Например, в состав коллекции № 194 входит шленский круг. Иван Зарецкий в отчете заметил, что такое гончарное устройство *«теперь уже нигде в Полтавской губернии не применяется, и не удалось найти старый»*, поэтому *«пришлось заказать старику гончару»*.

Еще в 1893 г. во время работы в Полтавском губернском земском управлении Иваном Зарецким был исследован гончарный промысел Полтавщины и выделен один из наиболее известных гончарных регионов Украины – Опoшня, которой, по наблюдению керамолога, *«гончары всей губернии завидуют и стараются подражать всему опoшнянскому в гончарстве»*. Следовательно, первой керамологической коллекцией, собранной Иваном Зарецким для Императорского музея, стала опoшнянская традиционная керамика (№ 195). Именно эта многочисленная коллекция, насчитывающая более 330 изделий, стала основой фонда украинской керамики Российского этнографического музея.

Изучая керамологические материалы в Российском этнографическом музее, я отметила, насколько тщательно Иван Зарецкий фиксировал информацию, детализировал описи глиняных изделий, которые передавал в фонды музея.

Кроме важной керамологической работы, петербургский период деятельности Ивана Зарецкого означен и значительным вкладом в формирование этнографических коллекций музея. Музейным работником собраны типичные экземпляры традиционной одежды, головных уборов, ковров, рушников, образцы вышивки, ремесленные инструменты, возы, макет украинской хаты, деревянные бытовые изделия, свадебная и религиозная одежда и атрибуция, писанки, иконы, ритуальные печенья, музыкальные инструменты, игрушки. В отчете список этнографических материалов сопровождается описанием предметов, их предназначением, особенностями изготовления и использования.

В Научном архиве Российского этнографического музея хранятся рукописные статьи Ивана Зарецкого «Хустка или хусточка», «Рушник», «Килим», «Узоры плахт», «Узоры подризников», «Кафли». В каждой из них описаны история происхождения предмета, технологические процессы изготовления, узоры, материалы, используемые при изготовлении.

Многогранность деятельности Ивана Зарецкого отображена и в фототеке Российского этнографического музея. В конце 1903 г. музейная коллекция фотографий пополнилась этнографическими снимками, сделанными Иваном Зарецким в украинских деревнях. Всего их число составляет 40 штук. На фотографиях изображены украинские дворы, постройки, колодцы, внутреннее убранство хат, женщины, девушки, мужики, дети в традиционных одеждах. Стоит отметить, что, благодаря Ивану Зарецкому, увековечены важные моменты гончарской жизни украинских мастеров, и вообще быта украинцев начала XX в., что дает возможность глубже раскрыть суть народной культуры при исследованиях.

Не смотря на столь короткий срок деятельности в Этнографическом отделе, материальные ценности, рукописный архив, фотоснимки, сделанные Иваном Зарецким, крайне актуальны для современной этнологии, свидетельством чего есть интерес ученых к его рукописным материалам. Керамика, вышивка, одежда экспонируется на выставках, репрезентируя культуру украинского народа.

Петербургский период деятельности Ивана Зарецкого стал важным не только в жизни исследователя, но и в развитии Российского этнографического музея, поскольку накопленные им материальные ценности и научный потенциал, воплощенный в уникальных полевых материалах, а также в рукописных разработках, стали основой для формирования отдела украинской этнографии и бесценным материалом для дальнейших исследований керамологами, этнографами, краеведами, филологами.

Таким образом, Иван Зарецкий сделал неоценимый вклад в формирование коллекции традиционной украинской керамики конца XIX – начала XX в. Как результат, в фондах музея хранится уникальная и самая большая в мире коллекция опошнянских расписных мисок. Малоизвестные рукописные статьи исследователя могут использоваться при изучении украинских народных промыслов, в частности вышивки, ткачества, гончарства. Детальные описи предметов в отчетах собирателя – важный материал для лингвистов, исследующих этнографическую терминологию, а также музейных работников при атрибуции изделий. Содержательные, профессионально исполненные фотоснимки и рисунки стали средством познания традиций украинского народа начала XX в.

А.К. Гагиева
КРАГСуУ, Сыктывкар

Исторический опыт формирования архивных коллекций в дореволюционной России

1 июня 1918 года в России был принят Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», который положил начало советскому архивному строительству. В исторической и архивоведческой литературе утвердилось мнение, что до 1918 года в России отсутствовала система государственной архивной службы, вся архивная сеть носила ведомственный характер, архивы были разобщены, их работа не контролировалась и так далее¹. Данное утверждение верно лишь отчасти. Действительно, до вышеупомянутого Декрета в России не существовало единого архивного органа, наблюдался некоторый разрыв в работе местных и центральных архивов, не была налажена систематическая подготовка архивных кадров². Однако государственная система архивной службы была сформирована и имела ряд признаков, которые позволяли ей не только решать поставленные задачи по сбору и сохранению документальных материалов, но и развиваться. Это подтверждается всем ходом истории архивного дела.

Цель настоящего сообщения рассмотреть исторический опыт формирования архивных коллекций в дореволюционный период. Для достижения поставленной цели были использованы исследования, как историков, так и специалистов в области архивоведения. Автор, признавая традиционную точку зрения на данную проблему, предлагает несколько иной подход при решении поставленной задачи. Мы признаем, что формирование любой архивной коллекции невозможно без наличия документа, архивного источника. Совершенно оче-

¹ Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. Уч. пособие. М., 1989; Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945гг). М., 1969; и др.

² Чурова Э.Г. Архивы Коми АССР. Сыктывкар, 2007. С. 17.

видно, что архивные коллекции должны были не только формироваться, но и храниться в определенных местах.

В X–XII вв. коллекции документы хранились в церквях, монастырях, частных библиотеках бояр и князей, великокняжеской казне, а начиная с XVI века и в так называемом «Царском Архиве»¹.

С развитием феодализма, значительное количество документов возникает в результате деятельности государственного аппарата Московского княжества, которые также хранятся сначала в великокняжеской казне, а затем выносятся из нее и формируют уже названный «Царский архив»². Он занимает центральное место среди хранилищ письменных материалов. Сюда поступали документы Боярской Думы, Посольского Приказа, личной канцелярии царя и другие документы, то есть это был комплектующийся архив. В архиве хранились документы справочного и летописного характера, а также важные в политическом отношении источники. Велась систематизация документов. Они подразделялись на материалы, изъятые в воссоединенных русских землях и документы, отражающие внутреннюю и внешнюю политику. Все это позволяет сделать вывод, что это был не великокняжеский или ведомственный архив какого-либо приказа, а общий архив Русского государства³. «Царский архив» занимал центральное место среди вновь образовавшихся архивов приказов. Текущими делами: приемом и хранением документов, занимались думные дяки. Документы выдавались во временное пользование и привлекались как при составлении посольских и разрядных книг, так и при летописании. Таким образом, как указывал С.О. Шмидт «Царский архив можно было признать одновременно и ведомственным и историческим»⁴.

В XVI–XVII вв. крупные документальные комплексы отлагались в приказах. Возможно, что формирование архивной службы здесь шло по образцу «Царского архива». Основным юридическим документом, фиксирующим деятельность подобных учреждений, являлось Соборное Уложение 1649г. Здесь впервые был введен термин для обозначения специального учреждения, где хранились документы – т.н. «казенки». В Уложении было предписано «Государевы и челобитчиковы дела хранить бережно, чтобы все было в целости, не выносить их на частные двory и подворья».

Таким образом, в X–XVII вв. создаются первые архивные коллекции и архивы, где осуществляется прием и хранение документов с целью их использования. Появляются первые справочники и описи. Материалы хранятся в том же порядке, что и в учреждениях. Делается попытка централизовать архивное дело. Хотя центральный орган управления архивным делом и не был создан, все архивные учреждения находились под контролем верховной власти. В этом особенность становления государственной архивной службы России в изучаемое время.

На втором этапе (XVIII – начало XX вв.) идет дальнейшее формирование архивной сети, появляются новые законодательные акты, открываются новые архивы, начинается публикация архивных документов. Были проведены коренные преобразования в области архивной службы. Как известно, 10 марта 1720 г. был принят Генеральный Регламент, где в 44 главе указывалось, что архивы отделялись от канцелярий и превращались в самостоятельные структурные подразделения⁵. Они попадали под контроль Сената, а впоследствии – Совета Министров. В 1726, 1737, 1767 гг., Сенат выпустил ряд указов, направленных на улучшение архивного дела. В этот период времени появляются первые исторические архивы.

В последующее время продолжается развитие архивного дела. Контроль за работой архивов, как центральных, так и местных, за исключением исторических, переходит, по «Своду губернских учреждений» 1845 г., от Совета министров – в ведомства. По данному законодательному акту отмечалось, чтобы в «присутственном месте было два архива: текущий и оконченных дел». В первом должны были концентрироваться материалы, «которые нужны для справок и соображений по текущему производству дел», а архив окончательный составляют дела, «не подлежащие более решению и исполнению». Далее в «Своде» указывалось на необходимость создания комиссий для передачи наиболее ценных документов в центральные исторические архивы⁶.

В 1873 г. при Министерстве народного просвещения была образована Временная Комиссия об устройстве архивов. Комиссия резко выступала против уничтожения документов и еще раз подтвердила тезис о том, что дублетные источники следует передавать в библиотеки. Благодаря работе этой комиссии в изучаемое время активизировалась работа по изданию архивных источников. Составлялись новые справочники, обзоры, описи и путеводители. Появившиеся археографические комиссии также способствовали развитию исторической науки.

К 1917 г. в России насчитывалось 120 тыс. архивов, хранивших от 300 млн. до 1,25 млрд. ед. хранения. Для подготовки архивных кадров был открыт Археологический институт с кафедрой по архивоведению⁷. Можно предположить, что несмотря на отсутствие центрального органа по управления архивной сетью, государственная архивная служба была сформирована.

¹ Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986.

² Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи Ивана Грозного. М., 1984.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Козлов В.П. Российское архивное дело: Архивно-источниковедческие исследования. М., 1999.

⁶ Самошенко В.Н. Указ соч.

⁷ Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 19-25.

Учет этнического фактора в патриотическом воспитании и пропаганде в СССР в период Великой Отечественной войны

Дж. Браун так описывает цели пропаганды в войне¹: мобилизовать и направить ненависть против врага; убедить свой народ в правильности действий союзников и поддержать дух сражающихся; развивать дружбу с нейтральными странами и усиливать ощущение того, что есть еще страны, потенциально готовые помочь; развить чувство дружбы к нациям которые сражаются вместе с нами. Таким образом, при коммуникационной работе с гражданами своего государства мы, наряду с прочим, имеем дело с патриотическим воспитанием. При этом немаловажно учитывать не только рациональные мотивы, но и эмоциональные компоненты. Для достижения эффективности при развитии патриотизма целесообразно апеллировать не только к общегосударственным ценностям, но и ценностям, обусловленным особенностями тех или иных гендерных, возрастных, этнических групп.

У каждого народа складывается свой субъективный психологический образ, или стереотип, как специфическая национальная норма поведения. Передаваемые из поколения в поколение язык, система духовных ценностей, символы, отношения к вещам и людям, унаследованные способы поведения как образцы для действий - все это факторы, определяющие «типические коллективные переживания», или особенности, тех или иных этнических общностей. Этнические особенности необходимо учитывать при организации информационно-коммуникационного воздействия. В СССР население было неоднородным по этническому составу, но только добрососедские, «братские» отношения позволяли развиваться государству, и помогли добиться Победы в войне. Органы политпропаганды явственно ощущали необходимость вести специальную пропаганду, направленную на представителей нерусских национальностей как в тылу, и на фронте. В обычной стрелковой дивизии служили воины не менее двадцати национальностей, удельный вес каждой из которых соответствовал удельному весу данного этноса в составе населения СССР по переписи 1939 г.²

Налаживание контакта с этой категорией населения и укрепление дружбы народов было важно и в связи с попытками гитлеровцев посеять рознь между разными этносами в СССР, в частности в оккупированных районах. Один из главных нацистских идеологов А. Розенберг видел решение этой задачи в том, «чтобы разумно и целеустремленно поддержать стремление к свободе всех этих народов... выделить из огромной территории Советского Союза государственные образования (республики) и организовать их против Москвы, чтобы освободить германский рейх на грядущие столетия от восточного кошмара»³. За неделю до нападения на СССР, например, на пластинки были записаны обращения, подготовленные на русском, украинском, кавказских и тюркских языках. Эти обращения неоднократно зачитывались затем через громкоговорители перед позициями Красной Армии. На различных языках народов СССР распространялись и письменные материалы. Плакат форматом 56x80 см с текстом «Народы Кавказа! Мы несем Вам освобождение от большевистского ига! Приступайте теперь к работе! Вы будете трудиться для себя и для вашей родины!» распространялся на русском, грузинском, армянском, азербайджанском, кумыкском, калмыцком, чеченском и татарском языках⁴. 5 декабря 1941 г. По инициативе МИД были подготовлены «предварительные тезисы для ведения пропаганды среди татар», в которых среди прочего акцент предполагалось сделать на то, что германская армия несет татарам свободное развитие в сфере культуры и языка, религии и школы. При этом такое воздействие достигло результатов – в середине 1943 г. Восточных добровольцев насчитывалось более 300 000 чел., через год оно удвоилось среди них поволжских татар от 35 до 40 тыс.⁵

Поэтому, в противовес подобному воздействию, в советских пропагандистских материалах подчеркивается долгий исторический союз народов СССР, например, в публикации «Вместе с русским народом в борьбе против общего врага» // За честь Родины. 28.03.1944⁶, «Подвиг казанцев против Наполеона», «Бородино» // Кзыл Татарстан. 02.09.1942, 06.09.1942⁷, в письме татарского народа указывается: «немало татарских джигитов участвовало в походах русской армии ...»⁸. Показательным в этом контексте является упоминание различных этносов, проживающих на территории СССР в первом после начала Великой Отечественной войны обращении И.В. Сталина к народу: «Он [враг] ставит своей целью... разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в

¹ Почетцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. М., 1998. С. 102.

² Кирсанов Н.А. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 63.

³ Там же. С. 60.

⁴ Гилязов И.А. Военно-политический коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань, 2001. С. 139.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Айнутдинов А.К. Летопись подвига (Исторический очерк по страницам татарских фронтовых газет). Казань, 1989. С. 19.

⁷ Хайрутдинова С.К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 132.

⁸ ЦГАИИД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 892, л. 9

рабов...»¹. Тем самым в радиообращении противопоставляется положение различных национальностей в СССР и их перспективы в случае прихода к власти немецких захватчиков.

В годы Великой Отечественной войны полиэтничность СССР была учтена на нескольких уровнях.

Первый уровень предполагал перевод пропагандистских материалов на языки нерусских народов. Связано это было в первую очередь с тем фактом, что многие выходцы из нерусских республик, областей не владели русским языком в достаточном объеме. К началу 1941 г. в армии уже насчитывалось более 300 тысяч человек, не владевших русским, а в составе очередного призыва ожидалось еще 100 тыс. человек такого же уровня языковой подготовки². Так, был произведен перевод агитационных материалов на языки народов СССР. Статьи И.Г. Эренбурга «Верный выход», «Убей», «Отобьем», «Вперед», «Суд скорый и правый» были напечатаны как на русском, так и на татарском, армянском, башкирском, грузинском, французском и других языках³.

Второй уровень учета этнического фактора – создание специальных пропагандистских текстов, с учетом этнических стереотипов. Осознавая всю важность работы с представителями различных этносов, органы пропаганды направили усилия на создание эффективной системы информационно-психологического воздействия. Национальные республики начали высылку газет, журналов, литературы на фронт. Так, в военную часть № 590 было направлено 5000 экземпляров избранных произведений Г. Тукая, стихи М. Джалиля, «Хужа Насретдин» Н. Исанбета⁴, политотдел в/ч № 49905 благодарит за регулярное снабжение газетами и журналами республики⁵.

Издавались национальные газеты и на фронтах. 64 военные газеты выходили не только на русском языке, но и на языках народов СССР. Например, в 1944 г. на 1-м Белорусском фронте фронтовая газета «Красная Армия» издавалась на русском языке тиражом 40 тысяч экземпляров, на татарском, узбекском и казахском языках – по 2 тысячи экземпляров. Газета «За честь Родины» 1-го Украинского фронта выходила 40-тысячным тиражом на русском языке, 12-тысячным – на украинском и по 2 тысяч – на татарском, узбекском и казахском языках⁶. Кроме того; издавались на национальных языках армейские и дивизионные газеты. Так в 16-я Литовской стрелковой дивизии издавалась на литовском и русском языках газета «Тивине Шауке» («Родина зовет»). С учетом национального состава газета Латышской 308-й стрелковой дивизии «Падомью Стрэлникс» («Советский боец») издавалась на русском языке в количестве 900 экз. и на латышском языке – 600 экз.⁷ В годы Великой Отечественной войны в Красной Армии издавалось 16 газет на татарском языке⁸. Ряд военных газет регулярно печатали одну из полос на языке национальности, представители которой служили в военных формированиях. Но особое воздействие имели специализированные листовки, такие как «Красноармеец – сын Казахстана»⁹. ГлавПУ РККА и отделениями Воениздата НКО на фронте до 21 июня 1943 г. издано на 13 языках нерусских национальностей 318 наименований брошюр общим тиражом 5763 тыс. экз., 724 лозунга – 6461, 364 листовки тиражом 11764¹⁰. Внимание на те или иные этносы и их вклад в приближение победы обращалось и в публикации «Казахи», «Узбеки», «Евреи», «Татары», в сборнике очерков и рассказов о боевых подвигах татар I Украинского фронта¹¹, запланированной к выходу документальной подборке «Татарский народ в борьбе за Родину» (оператор К. Мотков)¹², в фильме «Мост» созданном К. Пипинашвилли на Тбилисской киностудии, рассказывающем о героизме грузин¹³ или фильм «Сын Таджикистана», задача которого состояла в том, «чтобы показать участие таджикского народа в Великой Отечественной войне, великую дружбу народов СССР, их братскую спаянность в годы испытаний»¹⁴.

При работе с данной категорией лиц политпропагандисты использовали такие средства как митинги, доклады, индивидуальные и коллективные беседы политинформация, читка газет, организация национальной художественной самодеятельности, передача оружия павшим молодым бойцам из пополнения¹⁵. Для поддержания боевого духа и единства востребованы были патефонные пластинки с записями национальных песен¹⁶, в адрес Татарского обкома часто высылались просьбы о высылке гармоней¹⁷.

Большую роль в деле воспитания бойцов и командиров нерусской национальности сыграли письма-обращения азербайджанского, узбекского, туркменского, армянского и других народов бойцам-фронтовикам и

¹ Радиообращение И.В. Сталина к народу Москва, 3 июля 1941 года // http://militera.lib.ru/docs/ww2/leaders/speeches/stalin_1941-07-03.html

² Клевцов В.Г. Социальные и организационные проблемы военной реформы 20–30-х гг. // Армия и общество: 1900–1941 гг. М., 1999. С. 158.

³ РГАЛИ, ф. 1204, оп. 2, д. 181, 203.

⁴ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1401, л. 29

⁵ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1847, л. 4

⁶ Волковский Н.Л. История информационных войн. Ч. 2. СПб., 2003. С. 367.

⁷ Кирсанов Н.А. Национальные формирования Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Отечественная история. 1995. № 4. С. 119.

⁸ Айнутдинов А.К. Указ соч. С. 5.

⁹ РГАЛИ, ф. 3109, оп. 1, д. 38, лл. 16–23.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 88, оп. 1, д. 965, л. 9.

¹¹ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1402, л. 26.

¹² ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1399.

¹³ РГАЛИ, ф. 966, оп. 2, д. 89, л. 34.

¹⁴ РГАЛИ, ф. 966, оп. 2, д. 89, л. 87.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 88, оп. 1, д. 965, лл. 9–10.

¹⁶ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1386, л. 3.

¹⁷ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1386, лл. 1–2.

ответные письма бойцов и командиров к себе на родину. Инициатива в этом деле принадлежит узбекскому народу, письмо которого было опубликовано уже в октябре 1942 г. Для достижения максимальной эффективности воздействия этих обращений, при их создании использовались мотивы, сравнения, характерные именно для этого этноса. В документе, озаглавленном «Письмо-салам татарского народа своим сыновьям и дочерям, сражающимся на фронтах Великой Отечественной войны»¹ ярко отобразены три основные линии воздействия на представителей данного этноса с учетом его особенностей: «семья», «община (соседи)» и «преemptственность культуры, культ предков» как ценности. В письмах-обращениях, как правило, использовались реминисценции из этнических легенд, эпосов, фольклорные обороты, что было направлено на усиление эмоциональной компоненты воздействия. Так, в письме татарского народа читаем проходящие рефреном «зачины»-пословицы, которые потом получают конкретизацию, причем на примере реальных подвигов бойцов: «Храбрый джигит – краса рати», – говорили в старину. Таков наш земляк, Герой Советского Союза Ильдар Маннанов (далее приводится история его подвига)² и т.д. Трудящиеся Марийской АССР в своем письме призвали воинов-земляков «громить врага так, как легендарный герой марийского фольклора Онар боролся с двенадцатиглавым змеем, как сказочный богатырь Нончак Патыр уничтожал нечисть»³.

Обращения-наказы представителем своего народа, сражающимся на фронтах сыграли значительную роль как в воздействии на Красную армию, так и на тыл. Сам факт написания обращения к воинам-землякам являлся пропагандистским актом, т.к. начинал воздействовать еще не будучи переданным на фронт. Письма вызвали прилив гордости за народ, патриотический подъем, трудящиеся заверяли воинов, что своим трудом будут оказывать фронту всестороннюю помощь. Как Великая Волга мощным потоком несет свои воды вперед, к Каспию – говорится в письме чувашского народа, так и наш народ бесперебойно снабжает фронт хлебом, мясом, маслом, а промышленность – сырьем. Никогда не иссушатся волжские воды, не иссякнет сила нашего народа⁴. Тексты писем-наказов, как правило, повсюду обсуждались на митингах и собраниях. Таким образом, такая форма пропагандистского воздействия имело большой резонанс. Так, в докладе на бюро Татобкома ВКП(б) отмечается, что «Письмо татарского народа»... стало всенародным, как бы священным талисманом, огромное значение которого трудно даже представить»⁵.

Т.И. Ганова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

«Виниловое» наследие (опыт атрибуции коллекции грампластинок из собрания Национального музея Республики Коми)

«Винил» – жаргонное название грампластинки или просто пластинки, аналогового носителя информации, в виде диска, изготовлявшегося, первоначально из целлулоида, эбонита, шеллака, затем из винила. Для извлечения звука при проигрывании пластинки использовались специально предназначенные для этой цели аппараты: граммофоны, патефоны, в дальнейшем электрофоны и электропроигрыватели. Пластинки и проигрывающие устройства – интересная часть собрания Национального музея Республики Коми (далее НМРК). В фонотеке музея хранится более 700 пластинок, выпущенных отечественными и зарубежными фирмами в XX в. с записями музыки различной тематики: классическая, популярная, советская и зарубежная эстрадная музыка, русские народные песни, песни коми композиторов и исполнителей, аудиопродукция для детей, военная музыка, записи выступлений известных государственных деятелей и т.д.

Самыми ценными в коллекции являются грампластинки, выпущенные до революции, изготовленные в первые годы советской власти и другие редкие экспонаты. Именно такую коллекцию пластинок передала в музей сыктывкарская учительница Минина Александра Афанасьевна в 1973 г.⁶ Можно только удивляться тому, как ей удалось сберечь столь хрупкие и довольно громоздкие предметы. Музейная фонотека содержит интереснейший материал для изучения эволюции грампластинки и истории звукозаписи в целом.

Известно, что одним из первых научно обосновал принципы записи звука на барабан или диск и его воспроизведения французский ученый Шарль Кро в 1877 г. В том же году молодой американский изобретатель Томас Эдисон изобрел и запатентовал прибор фонограф, в котором звук записывался на цилиндрический валик при помощи иглы. Его фонограф с восковым валиком не получил широкого распространения ввиду сложности копирования записи.

Самым удачливым изобретателем стал американский инженер немецкого происхождения Эмиль Берлинер, который в 1888 г. предложил использовать для записи звука носитель в форме диска⁷. Для этого Э. Берлинер разработал специальный аппарат – рекордер (от англ. слова record – запись). Поэтому первые пластинки назывались «рекордами», они были толстые с шероховатым краем и весили почти полкилограмма. Для проиг-

¹ ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 892.

² ЦГАИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 892, л. 3.

³ Письмо марийского народа своим землякам-фронтовикам. Йошкар-Ола, 1943. С. 15-16.

⁴ Бузяков З.С. Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам марийской, татарской, чувашской автономных республик): дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Казань, 1987. С. 74.

⁵ НА РТ, ф. Р-128, оп. 2, д. 39, л. 15.

⁶ Набор пластинок различных фирм грамзаписи, принадлежавших Мининой А.А. Нач. XX в. (НМРК, КП 5727/2).

⁷ Большой энциклопедический словарь. М., 1999. С. 334.

рывания пластинок он в 1887 г. изобрел граммофон и организовал одну за другой несколько фирм грамзаписи. Одна из них («Граммфонная компания Берлинера») впоследствии имела свои филиалы во многих странах мира, в т.ч. и в России. Торговой маркой этой фирмы был Ангел, сидящий на пластинке и держащий в руках перо, так называемый «Пишущий Ангел». Этот фирменный знак родился вместе с первой пластинкой Берлинера, на которой была записана молитва «Отче наш», отсюда и рисунок ангела, пишущего пером на граммофонном диске. У фирмы «Victor Talking Machine Co», созданной Э. Берлинером и его преданным соратником Э. Джонсом, фирменным знаком, который печатался на этикетках пластинок, стала собака, сидящая у граммофона и слушающая голос ее хозяина. До 1903 г. все выпускавшиеся грампластинки были односторонними¹, на второй стороне, как правило, во весь диск отпечатывалась торговая марка фирмы. В фонотеке НМРК хранятся 10 редких односторонних пластинок фирмы «Пишущий Ангел» и фирмы «Зонофон». Фирма «Пишущий Ангел» стала переходить на двухсторонние грампластинки с 1909 г. Впоследствии, в России, филиал фирмы Э. Берлинера «Пишущий Ангел» кокетливо переименовали в «Пишущий Амур». В музейной коллекции имеются две двухсторонние пластинки этой фирмы, изготовленные в Риге².

Первая грампластинка, изготовленная из целлулоида, хранится сейчас в Национальной библиотеке США в Вашингтоне. Сначала диски выпускались из эбонита, затем из шеллака. Но шеллак был очень дорог, т.к. шеллак органическое вещество, вырабатываемое лаковым червецом, обитавшим в странах Юго-Восточной Азии. Чтобы изготовить одну пластинку, нужно было использовать труд 4000 этих насекомых. До 1948 г. СССР вынужден был закупать это сырье за границей на золото и валюту. Существовала даже практика продажи новых грампластинок в обмен на битые по весу. Затем на смену шеллачным пластинкам в 1940-е гг. пришли виниловые пластинки (долгоиграющие и стерео).

Годом рождения отечественной грамзаписи считают 1899 г., когда в Петербург приехал представитель фирмы Берлинера и сделал записи 200 дисков с известными русскими певцами. Красная этикетка (позже розовая) на дисках фирмы «Граммфон» с 1901 г. указывала на запись «экстра-певца». В музейной коллекции из 10 самых редких односторонних пластинок 3 пластинки с такими этикетками, на них запечатлены голоса Антонины Неждановой, Анастасии Вяльцевой и певца Домаева.

В начале XX в. грамзаписью в России занимались в основном мелкие артели. Среди них выделялось несколько крупных предприятий, таких как фабрика братьев Патэ, изобретателей портативного граммофона, т.е. патефона. Под Москвой, на станции Апрелевка, заработала фирма «Метрополь Рекорд», организованная тремя немецкими предпринимателями, впоследствии ставшая знаменитым Апрелевским заводом грамзаписи. В музейной фонотеке имеются пластинки, выпущенные фирмами: «Сирена Гранд Рекорд», «Экстрафон», «International Extra Record», «Симфония» и др.

Разумеется, столь перспективное открытие, как звукозапись, вызывало большой интерес у многих предприимчивых людей, желавших использовать это изобретение для собственной выгоды. Конкуренция в области звукозаписи становилась все более жесткой, многие не гнушались никакими методами и приемами: занимались подделкой продукции, использовали чужие записи как свои и т.д. Некоторые производители выпускали столь недоброкачественные подделки грампластинок, изготавливая их буквально из сорного материала, что они выходили из строя после одного-двух проигрываний. Даже отец-изобретатель граммофона и грампластинки Э. Берлинер пострадал от алчности своего бывшего сотрудника, ушлого дельца Фрэнка Зеемана, который присвоил часть имущества хозяина и организовал собственную фирму «International Zonophone Company». К тому же путем многочисленных тяжб он лишил Э. Берлинера возможности продавать свое изобретение на территории США. Но его фирма просуществовала недолго и в 1903 г. разорилась. Компания Э. Берлинера скупил по дешевке оборудование фирмы и еще несколько лет подряд, в насмешку над Зееманом, печатала пластинки с этикеткой «Зонофон», которой отмечались самые дешевые и далеко не первосортные грамзаписи. В фонотеке музея хранятся несколько дисков, выпущенных этой компанией, в том числе и очень редких, односторонних.

О быстром распространении грампластинок и граммофонов в России свидетельствуют две фотографии из фондов НМРК. На одной фотографии запечатлен приют-ясли в с. Визинга, организованные Дзюба Анной Павловной. Перед собравшимися взрослыми и детьми, играет граммофон, установленный на столике. Событие это состоялось летом 1903 г.³ На второй фотографии запечатлен день отдыха в колхозе д. Устьево с. Ёртом Удорского района, ориентировочно, в кон.1920-х – нач.1930-х гг. За длинным столом сидят колхозники, на столе стоят несколько самоваров и угощение на тарелках. В конце стола стоит граммофон⁴. Еще большей популярно-

¹ Там же.

² Пластинка граммофонная «И для меня придет весна». На оборотной стороне: «День-день-день». Исполняет А. Сербская. Нач. XX в. (НМРК КП9848/1). Пластинка граммофонная «О, позабудь былые увлечения» Исполняет Ю Морфесси. На оборотной стороне: «Голубка моя, умчима въ края». Исполняет М. Вавич. Нач. XX в. (НМРК КП 5727/2).

³ Фотография черно-белая. Приют-ясли в с. Визинга. 1903 г. (НМРК КП 6394/330-1)

⁴ Фотография черно-белая. День отдыха в колхозе д. Устьево с. Ёртом Удорского района. 1920–1930-е гг. (НМРК КП 6389/33-73).

стью у населения пользовался патефон, в фондах музея выявлено пять фотографий, где запечатлен момент прослушивания или покупки патефона жителями Коми области¹. В 1950-е гг. патефон был вытеснен электрофоном.

После революции в стране наступила разруха, иностранные специалисты покинули страну, а свои разбрелись по разным местам, производства остановились, многие фирмы грамзаписи прекратили свою работу. Надо отметить, что В.И. Ленин быстро оценил значение грамзаписи для пропаганды идей советской власти. В 1919 г. он делает несколько записей своих выступлений. Одной из первых была записана речь В.И. Ленина, посвященная памяти Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. В музейном собрании имеются три записи его речи², в том числе и «Памяти Я.М. Свердлова»³. В.И. Ленин требовал и от своих соратников, чтобы они записывали свои выступления. На отказ Ф.Э. Дзержинского от участия в записи Ленин пригрозил ему арестом, и тот вынужден был подчиниться его требованию. В музейной фонотеке имеется также запись выступлений Н.К. Крупской.

В 1922 г. в Москве открывается первая государственная граммофонно-пластиночная фабрика «Пятилетие Октября» на базе бывшей фабрики братьев Патэ. На первых этикетках ее продукции, изображался полуобнаженный рабочий, разбрасывающий граммофонные диски, с изображением серпа и молота. Затем появилась новая этикетка – на фоне дымящих труб фабрик и заводов (на самом деле многие промышленные предприятия не работали) стоящий на земном шаре рабочий кричит в граммофонную трубу. В музейной фонотеке имеется единственная пластинка на одной стороне которой этикетка, изображающая рабочего, разбрасывающего граммофонные диски, а на другой стороне этикетка с рабочим, кричащим в граммофонную трубу⁴. Видимо в стране не хватало не только сырья и старенького оборудования, но и этикеток.

В 1920-е гг. оборудование фабрики «Пятилетие Октября» перевезли в Апрелевку и на ее базе была открыта «Фабрика памяти 1905 г.», продукция которой увековечена в фондах нашего музея несколькими экземплярами. Так продолжилась работа Апрелевского завода грамзаписи.

В 1934 г. начал свою работу Ногинский завод грампластинок, расположенный в г. Ногинск Московской области (бывший г. Богородск). В конце 1940-х гг. в стране заработали Ташкентский, Рижский, Ленинградский и другие заводы грамзаписи.

В музейной фонотеке большую часть собрания составляют пластинки с записями песен советских композиторов. Из советского песенного наследия хотелось бы рассказать о пластинке с записью лирической песни «Спят курганы темные» в исполнении М. Бернеса, написанной в 1939 г. для к/ф «Большая жизнь» с его портретом на этикетке. Это единственная пластинка из всего музейного собрания, на которой есть портрет исполнителя⁵. Объяснить это можно только огромной популярностью М. Бернеса в нашей стране. Марк Наумович Бернес (1911–1969 гг.), настоящая фамилия Нейман, народный артист РСФСР, один из наиболее известных артистов советской эстрады, выдающийся русский шансонье, родился в г. Нежин, в еврейской семье. Увидев пластинку с необычной этикеткой, захотелось узнать о ней побольше. Вся информация о пластинке содержится не на этикетке, а зашифрована в цифрах, стоящих на диске. Выяснилось, что вскоре после выхода фильма на экраны, где ее исполнял другой актер, М. Бернес, сыгравший в этом фильме роль инженера Петухова, исполнил ее по радио, а потом записал и на пластинку. Оказалось, что наша пластинка одна из первой записи этой песни, сделанной 21 марта 1940 г.

В 1930–1960-е гг. пластинки часто хранились в картонных коробках, реже в кожаных, с вклеенными конвертами. Из-за внешнего сходства таких коробок с фотоальбомами их стали называть «альбом с записями». В фондах музея хранятся 9 таких альбомов. Самым редким из них является альбом «Vita-tonal-Columbia-Grafonola»⁶. После долгих поисков на Интернет-сайтах, обнаружилось, что в 20-е гг. XX в. выпускались граммофоны такой марки, возможно, эта же фирма выпускала и альбомы для пластинок. Альбом содержит 12 конвертов, в которых сохранилось 7 пластинок. Но какие это пластинки! Пластинки, выпущенные старейшими американскими фирмами «Victor Talking Machine Co» и «Columbia», с записями песен на русском и английском языках. Из них 3 диска записаны на японских фирмах грамзаписи. Альбом с пластинками был найден в немецком штабе советским бойцом Черновым в 1943 г. и привезен на родину. Что значил для него этот альбом, сколько лет он бережно носил этот увесистый сувенир в своем рюкзаке, никто теперь не знает. В 1989 г. альбом с редчайшими дисками был передан его внуком, Петриным Станиславом Евгеньевичем, в фонды нашего музея без подробной легенды.

В 1964 г. в СССР была создана Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия». Основной продукцией фирмы являлись грампластинки, в первую очередь виниловые. До 1986 г. «Мелодия» держала монополию на звукозапись в стране. Большинство пластинок, издававшихся в СССР, были жесткими, но изготавливались и гибкие, не-

¹ Фотография черно-белая (НМРК КП 6390/35-119; КП 6390/38-53; КП 6390/49-37; КП 6392/112-205; КП 6394/336-51).

² Пластинка. «В.И. Ленин. Обращение к Красной Армии», часть 1, 2. 1919 г. (НМРК НВ 4050/2); пластинка «В.И. Ленин. Что такое советская власть?» На оборотной стороне: «О крестьянах-середняках». 1919 г. (НМРК НВ 1867).

³ Пластинка «Речь В.И. Ленина, посвященная памяти Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова». На оборотной стороне: «Речь В.И. Ленина. О погромной травле евреев». 1919 г. (НМРК НВ 4050/1).

⁴ Пластинка «Что бояться ласки». На оборотной стороне: «Еду ли ночью». Исполнитель – Бобров.

⁵ Пластинка «Спят курганы темные». На оборотной стороне: «В жизни так случается». Исполнитель М. Бернес.

⁶ Альбом грампластинок «Vita-tonal-Columbia-Grafonola» Нач. XX в. (НМРК КП 9168/1-7).

редко вклеивавшиеся в журналы как звуковое приложение, например, приложение к журналам «Кругозор» или «Колобок» или в поздравительные открытки. Пластинки-открытки, состоящие из гибкой пластинки прямоугольной или круглой формы с отверстием в центре, долго не хранились, т.к. они быстро портились. Вероятно, по этой причине в фонотеке НМРК и нет таких экспонатов. Гибкими грампластинками так же называются записи на старых рентгеновских снимках, так называемые записи «на костях». В 50-60-е гг. XX в. в СССР подпольные студии звукозаписи записывали музыкальные произведения на крупноформатных рентгеновских снимках, которые по идеологическим соображениям запрещалось распространять фирме «Мелодия». Отсюда пошло выражение «джаз на костях», такие самодельные грампластинки в обиходе назывались еще «ребрами» или записями на «ребрах». Эти пластинки быстро портились от использования и пересыхания, к сожалению, их также нет в нашей коллекции.

Имеющиеся в фондах пластинки все черного цвета, хотя выпускались и разноцветные и не традиционной круглой формы. К сожалению, в фондах музея их тоже нет.

В настоящее время грампластинки и проигрыватели массово не производятся и не используются, т.к. вытеснены более удобными и долговечными носителями. Они бережно собираются и сохраняются музеями и любителями данного вида звукозаписи и старины.

С.М. Гареева

Башкирский республиканский техникум культуры, Уфа

Трансформация русской обрядовой культуры в Башкортостане

Русский народный календарь в Башкортостане и России является результатом длительного исторического развития и взаимодействия архаической (дохристианской) и христианской календарных систем, адаптированных в православных традициях и почитаемых народом до настоящего времени.

Сельскохозяйственный год русских в прошлом включал зимние, весенние, летние и осенние календарные обряды. По народным представлениям, было два времени года – теплое (весна и лето), когда крестьянин готовился и осуществлял аграрные работы, и холодное (осень и зима) – после напряженного физического труда он позволял себе немного отдохнуть, потратить собранный урожай на проведение пышных свадеб и гуляний, народных и религиозных праздников¹. Каждый из двух указанных периодов представляет собой внутреннее единство. Согласно В.Я. Проппу, прослеживается общность зимних, весенних, летних и осенних аграрных праздников; в каждом сельскохозяйственном обрядовом цикле содержатся основные слагаемые, иногда различные оформленные, иногда тождественные².

Как показала Ф.Г. Галиева (Ахатова)³, русские Башкортостана в XIX и XX столетиях широко отмечали Новый год, Рождество, Пасху, Масленицу, Ивана Купалу, Троицу, то есть те праздники, которые отражали основные события жизни земледельца-христианина, сохраняющего языческие верования, и были приурочены к самым важным природно-астрономическим явлениям (зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие).

Трансформация русской обрядовой культуры на территории Башкортостана усилилась с конца 1950-х гг., что мы напрямую связываем с широкомасштабным строительством дворцов и домов культуры. В этих учреждениях было положено начало объединению общегосударственных идеологизированных и политизированных мероприятий, направленных на формирование советского атеистического сознания. Ту же цель преследовали местные научно-методические центры, Центр народного творчества Башкортостана.

Традиционные народные праздничные гуляния наполнились новым смыслом. Если раньше они были составной частью календарных обрядов, то затем стали самостоятельным действием, веселым времяпровождением, на которых можно присутствовать, а можно отказаться, можно в них активно участвовать, а можно остаться пассивным зрителем, наблюдателем.

В настоящее время отмечена тенденция возрождения ряда календарных обрядов, в частности, колядования на Рождество, гадания на Новый год, обряды Пасхи. В крупных населенных пунктах, районных центрах отмечается Масленица с использованием традиционных элементов. Однако они проводятся не как обряды, а как праздники, с народными гуляниями, песнями, танцами, увеселениями, и несут не магическую, а коммуникативную функцию.

Календарные обряды в Башкортостане были очень любимы русским народом, потому что объединяли всех, независимо от возраста, социального статуса и местожительства, эмоционально активизировали население, способствовали психологическому, сексуальному, эстетическому, нравственному, трудовому заряду, по-

¹ Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX в. М., 1979

² Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М., 2004; *Он же.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

³ Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане (фольклорные процессы в многоэтничном регионе). М., 2006; *Она же.* Календарно-обрядовые традиции восточнославянских народов Башкортостана в межэтническом историко-культурном диалоге // Диалог культур народов Башкортостана: политико-правовые, исторические и социокультурные аспекты. Уфа, 2009. С. 158-166; Галиева Ф.Г. Адаптация восточнославянского фольклора в творчестве народов Башкортостана. Уфа, 2010.

зволюли почувствовать себя творцами событий. были средством сохранения и передачи рационального и эмоционального опыта. К ним готовились заблаговременно, с трепетом и волнением; они проходили красочно, с размахом и торжественностью. Они разрывали череду будней, оставляли устойчивый след в памяти. Слова Геродота Галикарнасского «если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные»¹ можно с таким же успехом отнести и к обрядам и праздникам.

В XX в. обряды испытали сильное влияние социально-политических катаклизмов общества, процессов урбанизации, коллективизации, интернационализации. Многие обряды, не созвучные времени, забылись. Механизация труда (появление тракторов, комбайнов, сенокосилок и др.) также способствовали утрате обрядовых действий, связанных с ручным крестьянским трудом.

Под воздействием массовой культуры человек постепенно преобразался из созидателя в стороннего наблюдателя, отрывался от своих корней, от животворных истоков родной культуры, фольклора, языка. Разрушение целостности обряда повлекло забывание составляющих его элементов, замену новыми, нетрадиционными, этнически нивелированными элементами.

Усиление мозаичности этнических селений Башкортостана на протяжении прошлого столетия способствовало формированию общего пласта культуры разных народов. Советская и постсоветская обрядность использовала многовековой опыт русских, башкир и других этносов при формировании местной системы обрядов и праздников. Русское население Башкортостана при своем численном превосходстве, но в условиях этнокультурного нивелирования в социуме, постепенно утрачивало специфику в области празднично-обрядовой культуры, постепенно обретало региональные черты. По-видимому, аналогичные процессы наблюдались в культурах других народов республики. Это воочию можно было наблюдать на X Межрегиональном «Празднике русской песни и частушки» в старинном русском селе Емаши Белокатайского района, куда раз в два года приезжают самодеятельные коллективы и самодеятельные исполнители всех национальностей многоэтнического Башкортостана попеть любимые русские песни, послушать озорные частушки. Из уст гостей праздника прозвучала фраза, что «фестиваль – это общение представителей разных национальностей на основе их любви к русской мелодике», «своеобразный сабантуй с русской начинкой»². Тюркский по происхождению обряд Сабантуй стал общенародным праздником всего Башкортостана, получил развитие в других регионах страны и за рубежом. Вместо языческого обряда Масленицы русские и другие народы проводят «Проводы зимы» с главными персонажами Дед Морозом и Снегурочкой, Зимой и Весной. На Троицу и Ивана Купалы собираются русские, украинцы, белорусы, башкиры, татары, латыши и другие народы. Пробел, возникших в результате забвения земледельческих обрядов весенне-летнего цикла, был восполнен нововведенными Праздниками цветов, Днями города / села, конкурсами на лучшую улицу, усадьбу и пр.

Исследование традиционной календарной обрядности показывает удивительную стойкость русских традиций, как в селах компактного проживания русского населения, так и в многонациональных районах, а также готовность молодого поколения возродить традиции предков. Изменения, происходящие в современном обществе, связанные с экономической модернизацией и социально-политическими переменами оказывают значительное влияние на процессы, происходящие в традиционной культуре, но полностью не уничтожают её.

Проникновение в народный быт городской культуры ускорило процессы трансформации обрядовой культуры и фольклора и превращение их в сценическое искусство. В сельский быт активно внедрились сценические формы проведения календарных обрядов, что привело к имитации и утрате некоторых народных традиций. Свою новую жизнь фольклор обрёл в концертном исполнении любителей и профессионалов.

Вместе с тем, в настоящее время происходит процесс возрождения и современного развития национальных обычаев русского народа и других этносов Башкортостана и России. Большое значение для решения этой задачи имеет выявление и изучение народных традиций в его аутентичных формах и их умелое использование в практике. Этот процесс связан с использованием элементов народных календарных обрядов и праздников как форм организации досуга населения, на уроках этнографии, народного художественного творчества в учебных заведениях всех уровней. Опыт прошлого необходим для расширения репертуара фольклорных и самодеятельных коллективов, в целом – для сохранения культурного наследия.

Осознавая народную культуру как высокую духовную ценность, важно чувствовать ответственность за свою творческую интерпретацию культуротворчества этнических традиций, выносимую на суд зрителей. При этом необходимо быть понятным современному человеку, донести до него духовные идеи народной культуры, укрепить ценностное отношение к национальным культурным традициям и пробудить интерес к их познанию и сохранению. Именно тогда он сможет ощутить себя участником культурного процесса, приобщиться к историческим традициям.

Мы согласны с мнением А.С. Каргина, который утверждает, что признавать право человека на повседневное творчество – а это гражданское и конституционное право – значит уважать и воспринимать те формы этого творчества, которые сложились в конкретно-исторических условиях, адекватно отражающих жизнь. Они

¹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/646/Геродот> (дата обращения: 20.04.2011).

² <http://www.agidel.ru/> (дата обращения: 20.09.2010).

созвучны внутреннему миру человека, соответствуют культурной традиции, нравственно-эстетическим ценностям. Таков исторический смысл фольклора, таков его социальный и художественный статус¹.

Возрождение традиционного обряда как социально-педагогической и духовно-нравственной сферы в практике работы учреждений образования и культуры становится актуальной задачей, направленной на развитие индивидуальных творческих способностей и талантов молодежи, и на совершенствование, гармонизацию общества в целом.

Таким образом, в конструировании будущего может быть чрезвычайно полезен опыт изучения традиций народного календаря, придававшего жизни человека стабильность, ритмичность и уверенность, развитию чувства сопричастности к общей истории, родному краю, всему Отечеству, укреплению гармонии человека и природы, индивидуума и социума. Критериями этого процесса является требование соответствия воссоздаваемых обычаев нормам современной действительности, эстетическим ценностям, художественным вкусам и потребностям людей, но в соответствии с этническими традициями, проверенных временем.

М.В. Головизнин

Институт глобализации и социальных движений, Москва

К вопросу о связи тотемского барокко XVIII века с архитектурной традицией Прибайкалья

Освоение обширных пространств за Уралом русскими землепроходцами происходившее в XVII–XVIII вв., значительно расширило границы географического, материального и духовного мира для жителей Русской равнины. На территории Сибири в короткий срок возникло несколько центров караванной торговли с Бухарой, Монголией, Тибетом, Китаем и Маньчжурией. На XVIII в. приходится и расцвет стиля барокко в России, причем, наряду с высокими образцами барочной архитектуры столиц, возникли и периферийные варианты архитектуры барокко, которые привлекают исследователей своей оригинальностью и самобытностью. Город Тотьма, расположен на берегу р. Сухоны на востоке Вологодчины. Его жители активно участвовали в освоении Сибири, достигнув Аляски, Алеутских островов, а позже основали Форт Росс – первое русское поселение в Калифорнии. В конце XVIII в. в этом небольшом купеческом городе за 25–30 лет было возведено более десятка монументальных храмов в стиле барокко, стены которых украшены витиеватыми картушами. Эти каменные церкви не имеют аналогов на Европейской части России, что позволяет говорить о специфической «тотемской» барочной архитектуре. Примечательно, что расцвет каменного строительства в Тотьме совпадает не с экономическим расцветом а напротив, с упадком традиционного солеварного промысла – главного источника доходов горожан. Это, в свою очередь явилось причиной сокращения населения и ухода тотьмичей далеко на восток в Прибайкалье, где они сформировали влиятельное купеческое землячество, а столица Прибайкалья, Иркутск, стала для многих из них второй родиной.

Именно в Иркутске и западном Забайкалье – по берегам реки Селенги, в 5000 км от Тотьмы и находятся «родственники» тотемских церквей – картушные храмы Прибайкалья, отрывочные сведения о которых периодически встречаются в публикациях о русской архитектуре. В отличие от Тотьмы, где почти все барочные церкви компактно строились в городе и ближних пригородах (лишь три-четыре поздних образца сохранились в селах обширного тотемского района), прибайкальские картушные храмы разбросаны на значительной по размерам территории от Иркутска до Селенгинска, расстояние между которыми около 500 км. Происхождения барочного криволинейного картуша забайкальских храмов традиционно объясняется влиянием архитектурных традиций Тотьмы. Однако, если тотемское искусство гипотетически дошло до Восточной Сибири, резонно спросить, почему нигде раньше, ни в Тобольске, ни в Тюмени, ни в Томске оно не оставило следов, которые бы позволили проследить этот путь так как мы видим путь в Сибирь «московского барокко» через Великий Устюг, Соликамск, Верхотурье, Тобольск и Енисейск? Примечательно что «тотемские» храмы Прибайкалья расположены исключительно вдоль Великого «чайного» торгового пути, который из Иркутска пролегал по Байкалу, потом по реке Селенге в Монголию и далее – во внутренние районы Китая. Ни западнее Иркутска, ни в Восточном Забайкалье, где господствует Нерчинская архитектурная школа, ничего похожего на тотемский картуш нет. Кроме того, нам бы хотелось заметить, что традиция картушного декора в Прибайкалье существовала и в предбарочный период, что позволяет проследить эволюцию их узора, а значит, и попытаться объяснить его происхождение.

В середине XVIII в. в Прибайкалье были возведены два храма – Спасо-Преображенский собор Посольского монастыря (ныне – Посольское Кабанского района Республики Бурятия) и Церковь Воздвижения Креста (Крестовская) в Иркутске. Оба храма являются уникальными по декору стен. Стены обоих храмов покрыты экзотическим орнаментом в виде стреловидных многогранников и звездчатых картушей, объяснить которые с точки зрения христианской символики представляется затруднительным. Более того, некоторые детали орнамента стен Крестовской церкви и иркутского Знаменского монастыря аналогичны изображениям буддистской мандалы Старинное торговое село Урик находится примерно в 40 км к западу от Иркутска. Самое старое здание в Урике – Спасская церковь, построенная в 1771–1775 гг., имеет оригинальный декор церковных стен – криволинейные наличники, близкие по характеру бурятскому орнаменту и дополняющие их объемные картуши. Как обращает внимание исследователи прибайкальской архитектуры, наличники с таким «бурятским» завершением получили особенное распространение в Прибайкалье, став одной из характерных деталей иркутского барокко. Они представляют собой картуш с заполненным полем, переместившийся в очелье наличника. Такие же наличники

¹ Каргин А.С. Фольклор в современном социокультурном пространстве: от повседневной практики до элитарного досуга // Прагматика фольклора: Сб. статей, докладов, эссе. М., 2008. С. 142.

имеются на стенах Агинского и Аннинского дацанов, испытавших влияние русской архитектуры. Наличие такого декора в русской и монгольской архитектуре Забайкалья имеет свою рациональную основу. Учитывая, что в условиях горно-степного рельефа местности, орнамент наружных частей архитектурного сооружения просматривается далеко, монголы традиционно применяли для украшения дверей и окон своих жилищ крупные орнаментальные формы, основанные на смене спектра цветов и оттенков – от самых светлых через нейтральные до самых темных. Благодаря этому сочетанию тонов рисунок производит впечатление объемного. Чередование криволинейного наличника, картуша и пустого пространства между ними выполняет примерно ту же функцию: тень, отбрасываемая картушем при освещении солнцем, создает дополнительный эффект объема и усиливает зрительное восприятие архитектурного объекта. Возможно, из-за способности вызывать иллюзию объемности этот архитектурный прием был усвоен местным барокко. По мнению И.Э. Грабаря: «в то время, как никогда раньше и никогда позже любили играть на контрастах, ... на искусственно подстроеной перспективе, обманывая то насчет глубины, то насчет высоты». Обман глаз – один из излюбленных приемов барокко.

В XVIII в. долина Селенги играла важную экономическую роль, будучи единственным путем ввоза чая в Россию. Торговля с Китаем урегулированная Кяхтинским мирным трактатом 1727 г. была исключительно выгодной. Центром региона сначала был Селенгинск (Староселенгинск), заложенный в среднем течении Селенги. Затем, в сер. XVIII в. в первые ряды выдвинулся Верхнеудинск, будущий Улан-Удэ, построенный в месте раздвоения Великого Московского тракта на две дороги. Одна шла на восток, к Амуру и Тихому океану, другая – на юг вдоль Селенги через Кяхту в Монголию. Спасский собор в Староселенгинске был заложен и возведен в короткие сроки. Его пятиглавие, в особенности постаменты под главами, построены по аналогиям Воскресенской церкви в Тобольске, больше известной как «Церковь Захария и Елизаветы. Она служила эталоном барокко почти для всей Восточной Сибири. Сохранилась плита, вмурованная в церковную стену Спасского собора, на которой выгравировано – 1792 г. Известно, что храм строили тюменские мастера, выполнив его в виде корабля, что типично для сибирского зодчества. Наличники храма также имеют сложные очертания венчающей части и фигурные, весьма близкие к тотемским, картуши, между этажами. Увы, никаких свидетельств о связи строителей староселенгинского храма с Тотмьей история не сохранила. В самом конце XVIII в. в Забайкалье стал утверждаться классицизм, что, однако, не привело к забвению традиционных архитектурных приемов. Троицкий храм в Верхнеудинске – современном Улан-Удэ – образец такого классицизма. Картушный декор на его стенах сохранен и вполне сосуществует со строгими «классическими» формами. По сути дела, это первый в Забайкалье удачный опыт «оживления» классицистических элементов в традиционные формы. Нелишне напомнить, что в европейской России утверждение классицизма не отличалось подобной толерантностью. В частности в Тотмье барочные картуши беспощадно стесывались, формы храмов менялись до неузнаваемости.

Возвращаясь к вопросу о происхождении барочных картушей храмов Прибайкалья, мы считаем возможным подчеркнуть: факты свидетельствуют, что этот декоративный прием имел глубокие корни, уходящие, вероятно в местную бурято-монгольскую традицию. В связи с этим можно выдвинуть тезис, что не забайкальские картуши были результатом влияния тотемского искусства, а наоборот, тотемское барокко было результатом дальнейшего развития эстетических приемов, привнесенных из Восточной Сибири в европейскую Россию тотемскими купцами и строителями. Эта гипотеза на наш взгляд требует серьезного обсуждения. Теория «тотемского» происхождения сибирских картушей имеет немало контраргументов, которые мы постараемся суммировать ниже. 1) Даже приверженцы этой теории оговариваются, что нет никаких документальных сведений о постройке храмов в Иркутске или, тем более, в Забайкалье мастерами из Вологодчины. Сохранившиеся документы говорят о том, что церкви строились местными сибирскими зодчими. 2) Установленная датировка постройки тотемских церквей не позволяет утверждать, что они построены раньше прибайкальских. Самые старые из последних, как например, Спасская церковь в селе Урик, строились или раньше, или одновременно с церквями в Тотмье. 3) Традиции храмового зодчества в Восточной Сибири в целом более древние, чем в Тотмье, где до 30-х гг. XVIII в. вообще не велось каменного строительства. 4) Тотемское барокко существовавшее очень короткий для зодчества период времени – 25-30 лет, в начале XIX в. было вытеснено классицизмом, тогда как в Забайкалье «картушные» церкви строились и впоследствии. 5) Тотемские купцы, бывшие заказчиками храмов у себя на родине, десятилетиями жили не в Тотмье, а в Иркутске и Забайкалье. В административно-территориальном делении Тотемского уезда XVIII, XIX вв. встречается название «улусец», имеющее явно сибирское происхождение. 6) Каменное строительство в Тотмье происходило на фоне не экономического расцвета, что было бы логично, а напротив, значительного упадка традиционной промышленности, подтверждаемого документами.

Сопоставление истории искусства XVIII в. с экономической истории России позволяет усомниться в однонаправленности движения традиций русского каменного зодчества с Запада на Восток. Экономический подъем Урала и Сибири в XVIII в., как свидетельствуют факты, привел к затуханию и упадку некоторых традиционных промыслов Русского Севера, каковым являлось солеварение, обеспечившее экономическое развитие Тотмьи за полтора столетия до этого. Поток дешевых товаров и сырья из Сибири устремился в центральную Россию. Все это стимулировало миграцию населения в Сибирь, где они создали купеческие землячества. Тотмичи, принимая участие в освоении «Русской Америки», жили в Прибайкалье десятилетиями, и возвращались на родную Вологодчину, когда приходило время подумать о Вечном. По возвращении они строили храмы, руководствуясь образцами, виденными в Иркутске и Забайкалье. На наш взгляд необходимо переосмыслить парадигму о локальном и периферийном характере «Сибирского барокко». Наивысший подъем распространения барочных форм во всех видах искусства в XVIII столетии совпадает с расцветом города и усилением купечества. А этот факт имел для России общенациональное значение. Стиль барокко оказался не только устойчивым в Сибири, конкурируя с классициз-

мом и в XIX в., но, и «двинулся на Запад». Подтверждением тому является постройка уже в XIX в. целого ряда барочных храмов на Урале на территории нынешних Свердловской и Курганской областей. Нельзя исключить, что эти веяния перешли Уральские горы, оказав влияние на архитектуру европейской России, и, в первую очередь, Тотьмы, органически связанной с Восточной Сибирью.

Н.В. Горина

ИЯЛИ Коми НИЦ УрО РАН, Сыктывкар

Карнавальное начало в произведениях В. Савина и Г. Юшкова

В комедии «Коми бал» (1993) можно обнаружить идейно-художественные параллели с дилогией В. Савина «Инасьтём лов» (Неприкаянная душа, 1926). Дилогию «Инасьтём лов» и комедию «Коми бал» объединяет активное использование авторами приемов карнавализации.

Карнавал – одно из ключевых явлений средневековой культуры, возникшее в противовес средневековым официальным праздникам. Сущностью официальных праздников было закрепление существующего строя. Антитезой официальным праздникам был карнавал¹. М. Бахтин отмечает воздействие карнавального мироощущения на целые пласты мировой литературы и вводит для обозначения этого влияния термин «карнавализация». Под карнавализацией литературоведы понимают перевод обрядово-символического языка «карнавальной жизни» на язык словесно-художественных образов, более или менее индивидуализированного воображения автора-творца.

Рассмотрим подробнее приемы карнавализации, характерные для дилогии В. Савина «Инасьтём лов» и комедии Г. Юшкова «Коми бал».

Проявлением народного карнавального начала в названных произведениях становится «отступление от правил»². Основной характеристикой рая, куда попадает после своей смерти герой В. Савина Сюзь Матвей, становится порядок: здесь нельзя сквернословить, петь, плясать, играть на музыкальных инструментах... В савинском раю эти правила добросовестно исполнялись всеми обитателями небесного царства, однако с приходом Матвея в рай эти законы на некоторое время упразднились. Как бы ни запрещали Сюзь Матвею, он все равно сквернословил, играл на сигудке, пел, смеялся, говорил о земной жизни... Более того, он заставлял жителей рая петь и плясать под свою музыку... Весь рай пришел в великое движение, явно противоречащее всем законам и нормам небесного царства, что и становится в дилогии «карнавальной установкой отступления от правил».

В комедии «Коми бал» карнавальной установкой отступления от норм становится противостояние героини произведения традиционному укладу деревенской жизни. В деревенской общине, как нигде в другом месте, сильны традиции и обычаи, которые нормируют поведение каждого жителя в соответствии с его возрастом, полом, сословием. До того момента, который показан Г. Юшковым в комедии, героиня пьесы Анна также жила по традициям деревенской общины: она, воспитав единственного сына, похоронив мужа, должна была в одиночестве доживать свой век. Но Анна поступает по-другому: она не подчиняется общепринятым стереотипам, но стремится вновь выйти замуж.

По мнению исследователей, карнавальная установка отступления от правил напрямую зависит от выбора момента времени – это ярмарки, гулянья... «в который отменяется принятый тип людских связей, возникает новый мир отношений – мир, отступающий от социальных и моральных правил»³. В дилогии В. Савина устроенные Сюзь Матвеем в раю пляски и песни как раз представляют собой карнавальные гулянья: они разрушают все общепринятые официальные законы небесного царства и убирают всяческие границы между его представителями – и служителями, и жителями.

В комедии Г. Юшкова коми бал, на котором собираются персонажи, тоже своего рода гулянья, предлагающие общение неофициальное, которое помогает снять некоторые ограничения: Анна приглашает в свой дом людей, которых ее односельчане к себе не приглашают. Мнение ее односельчан выражает одна из гостей Анны – Помаида, пришедшая на бал первая и расспросившая об остальных гостях. Карнавально-праздничные отношения, царящие на коми балу, позволяют закрыть глаза на недостатки гостей и начать им общаться друг с другом более дружелюбно.

Один из основных способов карнавализации – танец. На карнавале он помогает разрушить социальные, моральные, возрастные, сословные преграды между людьми. Причина этому – всеобъединяющий дух танца: «срастание людей в единое существо, «физический контакт тел» приводят танцующих к единству»⁴. В дилогии В. Савина «Инасьтём лов» танца как такого нет. Только однажды Матвей увлекает в танец ангелов, и они с удовольствием пляшут под мелодию «Сад йорьн пб ныв гуляйтö» (Во саду ли в огороде). Отсутствие в дилогии танца как одного из мотивов карнавального единства не означает, что музыка Матвея не могла объединить жителей рая. Объединяющим началом в комедии становится песня героя, именно она объединяет обитателей рая. В комедии Г. Юшкова «танец» – это пляски персонажей, устроенные на балу. Они также помогают отстраниться от барьеров, разделяющих гостей Анны друг от друга. Устранение отчуждения между персонажами и танец,

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 14-15.

² Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 12.

³ Там же. С. 15-16.

⁴ Там же. С. 15.

вернее, пляски, устроенные в доме Анны, помогают персонажам забыть то мнение, которое сложилось о них в деревенской общине, и стать единым целым. Сложные отношения у односельчан Анны сложились с Парамоновым, с бывшим «врагом народа». Он был выслан в Коми, как и многие другие, побывавшие в фашистском плену. В прошлом персонажи «Коми бала» старались обходить Парамонова. Наладить отношения с ним персонажам помогает в комедии карнавальный танец: как раз после веселых песен и плясок, когда танцующие персонажи раскрепощаются и сближаются. Анна и ее гости просят прощения у Парамонова.

Одним из элементов карнавально-ярмарочных отношений были любовные интриги – «веселые проделки влюбленных с преодолением различных козней, устроенных родителями, соперниками и т. д. с непременным торжеством влюбленных в финале...»¹.

Как известно, жители рая и ада бесполо, поэтому любовные интриги как таковые для этих мест не характерны. Однако, учитывая характер савинского героя, его стремление привнести во взвешенное существование земные радости, нельзя не предположить, что Сюзь Матвей вспомнит в раю или в аду о земной любви. Во второй части дилогии «Инасьтём лов», действие которой происходит в аду, Матвей встречает своих односельчанок Авдотью и Насту. Как оказывается, живя на земле, они обе любили Матвея, его приход в ад напомнил им о своих земных чувствах, и женщины начинают эмоционально выяснять, кого при жизни Матвей любил сильнее. Сам Матвей обращается к ним не иначе, как «Одюк» (Авдотьюшка) и «Настук» (Настенька), называя их «важ мусукьяс» (бывшие возлюбленные). Заигрывания Матвея с односельчанками в аду – только намек на любовные интриги. Однако он еще раз выявляет способность героя В. Савина привнести земные чувства во взвешенное пространство, «по-карнавальному» нарушить устоявшиеся правила, что еще никому в аду не удавалось сделать.

Любовные коллизии – основа комедии Г. Юшкова: все персонажи пьесы приходят на коми бал, чтобы найти себе пару. При этом коми бал не послужил началом этих любовных интриг, они имели место еще до этого времени. На коми балу влюбленные как раз «преодолевают различные козни», устроенные, как видим, не родителями и соперниками, а прежде всего деревенским сообществом. Как бы то ни было, влюбленные преодолевают все «препятствия». «Карнавальность» коми бала упраздняет житейско-бытовые и идеологические барьеры, и все они находят общий язык со своими возлюбленными. Комедия завершается всеобщим примирением: забываются прошлые обиды, уходит озлобленность, забывается возраст. Пьеса заканчивается соединением всех любящих, то есть созданием новых семей. С точки зрения карнавала, это очень важно, так как естественно образование новой семьи – «указание на продолжающуюся жизнь, ее новую ступень, новый узел в вечно текущем и неостановимом общем потоке»². Рождение новой семьи – это действительно карнавальный праздник становления. Коми бал Г. Юшкова, подобно средневековому карнавалу, стремится снять всяческое разобщение между персонажами комедии, прекратить всякое постоянство, в том числе и постоянное одиночество.

Одним из основных персонажей средневекового карнавала был шут. Шут в прошлом считался крайней противоположностью королю как высшей светской власти. Король символизирует силы закона и порядка, шут – силы хаоса. Это позволяет шуту говорить и делать все, что ему заблагорассудится. И если других заставляет молчать о каком-либо предмете разговора тактичность, то шутам это – не препятствие: «Им присуща своеобразная особенность и право – быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения. Поэтому они могут пользоваться любым жизненным положением как маской...»³.

В дилогии «Инасьтём лов» шутовское начало прослеживается, прежде всего, в характере главного героя Сюзь Матвея. Как и положено шуту, он противостоит высшей власти – Богу Саваофу и Антусу и их подчиненным – и символизирует силы хаоса: нарушает все возможные правила небесного царства и говорит все, что ему заблагорассудится, часто прибегая к шутке и насмешке. Его реплики часто становятся в дилогии основой комического. Более того, Матвею, как шуту, присуще то самое «овнешнение» правды, о котором говорит М. Бахтин при характеристике шута. В раю всем скучно и – и праведникам, и ангелам, и угодникам, но никто не говорит об этом, тем более, не стремится как-то изменить обстановку в небесном царстве, опасаясь наказания Саваофа. Но Сюзь Матвей не боится, поэтому не может молчать, он привык говорить правду. В комедии Г. Юшкова «шуты» также есть – это Помаида и Яко Опонь, самые пожилые персонажи произведения. Их заигрывания друг с другом составляют основу комического в пьесе. Им так же, как настоящим шутам, присуще обличение других персонажей. Опонь и Помаида часто выражают свое отношение к непристойному образу жизни некоторых гостей Анны тогда, как остальные тактично отмалчиваются.

Использование в дилогии В. Савина «Инасьтём лов» и в комедии Г. Юшкова «Коми бал» элементов карнавальной культуры, объединяет эти произведения не только художественно. Пьесы обнаруживают и идейную связь. Так, в комедиях В. Савина структура небесного царства, куда попадает его главный герой Сюзь Матвей, во многом бюрократична, напоминает земную чиновничью иерархию. Как отмечает В. Лимерова: «В соответствии с народно-христианскими представлениями... райское общество имеет жесткую иерархию... Савин эту иерархию наделяет свойствами чиновнической структуры. В нижнем подчинении оказываются праведники с их ангелами-хранителями: они лишены каких бы то ни было прав, – и в безусловно привилегированном по-

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 494.

ложении архангелы и пророки, приближенные к богу...»¹. Не напоминает ли рай В. Савина структуру власти постреволюционного общества?! В нем так же много различных чиновников, чекистов и НКВД-эшников. Простые труженики здесь, как праведники в раю В. Савина, не имеют «каких бы то ни было прав», их окружают одни запреты. В частности, нельзя выражать свое недовольство, то есть «по-савински» сквернословить. Особенно часто в диалогии В. Савина звучит запрет на пение и игру на сигудке. Пение и игра на инструменте, как правило, ассоциируются с творческой личностью, в данном случае с самим драматургом, которому, видимо, часто чиновники запрещали пропагандировать свои произведения. В. Савин, изображая «бюрократический рай», отображает современное ему общество; высмеивая небесных покровителей, драматург высмеивает структуру власти постреволюционной России и ее законы, особенно относительно творческой деятельности. Применяя законы условности, драматург объясняет, как можно попасть в такой рай: необходимо «умереть» – для семьи, для своего народа, как это случилось с его героем Матвеем. Более того: чтобы удержаться в этом «краю», надо отказаться от своих личностных качеств – от своего мнения, от своих талантов, от прежних ценностей и стать послушным подчиненным. Используя приемы карнавализации, В. Савин стремится освободить свой народ от страха, заставить его говорить правду.

В комедии «Коми бал» драматург Г. Юшков пытается воссоздать морально-нравственные проблемы современников, сознание которых сформировано советским режимом. Г. Юшкова волнует степень свободы современного человека, его подверженность воздействию общепринятых мнений, способность разобраться в смысле окружающей действительности. Драматург стремится освободить своих персонажей угрызений совести, связанных с их прошлым неприязненным отношением к так называемым «врагам народа». Тем самым драматург разоблачает социальное угнетение, те законы советского общества, которые заставляли людей ненавидеть друг друга. Г. Юшков в комедии «Коми бал», применив приемы карнавальности, стремится разрушить эти законы, все еще имеющие место в жизни постсоветского общества.

Таким образом, карнавальное начало в пьесах В. Савина и Г. Юшкова позволяет в определенной мере выявить тождественность позиций авторов относительно советской идеологии. Оба драматурга сопоставляют эпоху европейского средневековья и доперестроечную Россию: те же отношения власти и народа, то же господство единственной религиозной или политической правды. Поэтому авторы пьес развенчивают существующие порядки советской власти способом борьбы со средневековым догматизмом – принципами карнавального праздника.

*Т.М. Долматова, М.Ю. Лукина
Слободской музейно-выставочный центр*

Из опыта проектной деятельности по сохранению вятского историко-культурного наследия

В 2011 г. Слободскому краеведческому музею исполнилось 90 лет. Его создание и история неразрывно связаны с древним купеческим самобытным городом Слободским. Развитие музея способствовало сохранению памятников города, которых на территории города – 131 (это только выявленные памятники и поставленные на охрану и учет). Необходимо признать, что это единственный город в Кировской области, сохранивший в таком объеме свои памятники и почти нетронутый облик купеческого города к. XVIII – нач. XX вв.

Памятники архитектуры, искусства, старины – это доставшееся нам от предков величайшее культурное наследие и задача нас, как преемников, сберечь его и передать будущим поколениям.

Особую роль выполняют музеи, которые сохраняют не только движимые памятники, хранящиеся в фондах, но зачастую вносят значительный вклад в сохранение памятников архитектуры своего региона. Связь провинциальных музеев с уникальной историко-культурной средой особенно велика.

Уже с первых своих шагов музеи города Слободского Вятской губернии начали активно изучать и принимать меры к сохранению памятников архитектуры. 8 марта 1919 г. членам музейной секции Слободского УОНО, организаторам слободских музеев – С.М. Луппову и В.В. Лебедеву были выданы мандаты членов комиссии по охране памятников старины и искусства². Сотрудники комиссии начинали вести работу по выявлению и описанию памятников архитектуры города и уезда.

В декабре 1921 г. Слободской научно-художественный музей изучения местного края занял два верхних этажа каменного трехэтажного здания бывшей трапезной Христорожественского монастыря³. С 1922 г. Спасская церковь женского монастыря являлась отделом церковной живописи и архитектуры Слободского музея⁴. И пока музей находился на территории монастыря, данный памятник XVII в. сохранялся. Позже, после переезда музея, церковь разрушили.

По акту от 02.06.1924 г., музеем под охрану, как памятники старины, были приняты две церкви мужского Крестовоздвиженского монастыря: Введенская и Михайло-Архангельская⁵.

¹ Лимерова В.А. Над чем смеется зритель в комедиях Небдінса Виттора? // III Савинские чтения: Материалы республ. науч.-практич. конф. Сыктывкар, 2005. С. 30.

² Научный архив МУК «СМВЦ».

³ Там же.

⁴ ГАКО. Ф.1360. Оп.1. Д.803. Л.28.

⁵ Там же.

В 1931 г., когда встал вопрос о передаче построек мужского Крестовоздвиженского монастыря ФЗУ, местные власти предлагали разобрать деревянную церковь Михаила Архангела. И только мужественное и решительное выступление в различных инстанциях директора – Гавриила Николаевича Лапина, позволило сохранить уникальный памятник деревянного зодчества.

Миссию сохранения историко-культурного наследия города, в том числе и вятской архитектуры несет на себе и современный Слободской музей – точнее целый музейно-выставочный центр.

«Центром вятского мироздания» назвал город Слободской искусствовед Б.В. Гнедовский¹. Талантливый писатель Всеволод Лебедев говорил: «Я и в самом деле вятский, и даже слобожанин, а слобожане из вятских самый вятский народ»².

Действительно город Слободской – один из древних, внесенных в список исторических городов России, имеющих свои вековые культурные традиции.

Слободской один из старинных городов Вятской земли, на территории которого сохранилось много уникальных памятников истории и культуры.

Среди жемчужин вятского деревянного зодчества – Михайло-Архангельская церковь (1610 г.), по преданию построенная Св. Преподобным Трифоном Вятским на территории Слободского мужского Богоявленского монастыря (1599 г.). По опросам газеты «Вятский край» 2007 года, этот храм признан одним из 7 чудес Кировской области. В настоящее время здесь расположена музейная экспозиция.

Всего музейный комплекс, расположен в 4 памятниках архитектуры федерального значения, 1-м памятнике истории федерального значения, 1-м памятнике истории регионального значения. Всего – 6 зданий и 6 усадебных построек.

Музей ведет большую работу по охране памятников города: изготавливаются и устанавливаются мемориальные доски на зданиях, составлено описание старинного слободского некрополя, готовит документы для придания старому слободскому кладбищу, которому более 200 лет памятника истории.

Проектная деятельность музея также направлена на сохранение историко-культурного наследия.

Подготовлен проект «Историко-культурный краеведческий информационный центр «Старый вятский город», предполагающий создание, использование и предоставление местного культурного контента. Данный проект направлен на тесное взаимодействие библиотеки, архива и музея, как институтов памяти. Цель проекта – создание, использование и предоставление местного культурного контента, значимого как для локального сообщества и его членов, так и для истории и культуры страны в целом.

Задачи проекта:

- 1) Наладить сотрудничество специалистов музейной и библиотечной сферы, архива, а также специалистов по охране недвижимого культурного наследия в целях создания цифровых ресурсов, создание цифровых коллекций.
- 2) Создать общую техническую базу и совместно использовать технические средства.
- 3) Создать общественные точки доступа к электронным ресурсам по культуре.
- 4) Оцифровать часть книжных и документальных коллекций (осуществив, таким образом, первый этап в долгосрочном процессе оцифровывания всех документальных материалов музея, библиотеки и архива).
- 5) Популяризировать проект, распространить опыт внедрения новых технологий в других малых городах региона.

Другой крупный проект музея связан с музеефикацией колокольни Спасо-Преображенского собора в г. Слободском. Колокольня Спасо-Преображенского собора (1822–1824) – памятник архитектуры федерального значения, одна из главных достопримечательностей города, его высотная доминанта. Ее строительство началось в 1822 г. и было приурочено к 10-летию юбилею Победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. Архитектор – Иван Денисович Дюссар-де-Невиль. Это выдающийся памятник архитектуры классицизма в провинции. Передана в оперативное управление музею с 10.08.2010 г. Реставрация и музеефикация памятника включена в областную программу «Культура Кировской области (подпрограмма «Музейный квартал»)). На первом (закрытом) уровне колокольни – предполагается разместить экспозицию, посвященную участию вятчан в войне 1812 г., посещению города императором Александром I, строительству колокольни. Завершается колокольня вышкой со шпилем, где в 1851 г. мастером Федором Рысевым были установлены часы. Последний ярус займет экспозиция «Часовых дел мастера». На 2 и 3-ем ярусе колокольни планируется размещение экспозиции «Вятские звоны» и смотровой площадки ограниченного доступа. Проект «Вятские колокола – уникальное культурное наследие России» направлен для участия в конкурсе на Грант Президента РФ.

Цель проекта: изучение и сохранение исторических церковных колоколов в собрании муниципального учреждения культуры «Слободской музейно-выставочный центр», распространение исторических знаний об одном из крупных центров колокольного литья России – городе Слободском, мониторинг наличия и сохранности исторических церковных колоколов в общественных музеях и храмах региона

Проект предполагает комплекс мер, направленных на проведение исследовательских и реставрационных работ, популяризации образцов исторического колокольного литья – производства вятского (слободского) центра:

¹ Гнедовский Б.В. и др. Дорогами земли Вятской. М., 1972. С. 60.

² Лебедев В.В. Вятские записки. Киров, 1957. С. 3.

- реставрация 2-х исторических колоколов (Бакулевский колокололитейный завод, XIX в.) в Московском колокольном центре;
- экспедиция в храмы региона, общественные музеи предприятий, на территорию ОАО «Слободской машиностроительный завод» (бывший колокололитейный завод Бакулевых);
- комплектование имеющейся коллекции муниципального учреждения культуры «Слободской музейно-выставочный центр»;
- изучения материалов по теме в государственных и ведомственных архивах, музеях, библиотеках;
- создание экспозиции «Вятские церковные колокола» в муниципальном учреждении культуры «Слободской музейно-выставочный центр»;
- издание сводного каталога «Вятские церковные колокола» в собраниях Кировской области.

Будут впервые введены в научный оборот новые документы, касающиеся истории колокольного литья.

Опыт реализации грантовых проектов у организации есть. В 2010 г. реализован проект по Гранту Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства. Была создана экспозиция «Музей Романтики на родине Александра Грина в городе Слободском». В 2011 г. Слободской музейно-выставочный центр реализует два проекта, получившие Грант Правительства Кировской области: «Национальные проекты от слободского купца Ксенофонта Анфилатова» (создание музея первого в России общественного банка), «Я поведу тебя в музей» (создание Интернет портала «Музеи Кировской области»).

Л.Р. Жданова

Институт геологии КНЦ УрО РАН, Сыктывкар

Коллекция лечебных минералов геологического музея им. А.А. Чернова

Древняя авестийская легенда гласит, что когда-то, в начале времен, существовало первичное каменное небо, как защита и охрана мира. Во время вторжения зла на землю небо было расколото и защита разрушена, а мелкие осколки посыпались на землю в виде самоцветов. Таким образом, согласно этой легенде все минералы являются хранителями той небесной тверди, а каждый камень, являясь осколком изначального неба, представляет собой определенную систему защиты для человека и может являться потенциальным лечебным камнем.

Людям свойственно верить в различные магические действия, а также целебные свойства камней. В народной медицине существует достаточное количество методов применения минералов в терапии. Обобщая информацию, полученных с разных литературных источников, можно составить некую таблицу-классификацию по способу применения минералов в терапии (см. ниже).

В геологическом музее им. А.А. Чернова Института геологии Коми НЦ УрО РАН накоплен обширный геологический материал, собранный сотрудниками на протяжении почти полувековых исследований, в основном на северо-востоке Европейской части России. Музейные фонды образованы из коллекций образцов горных пород и минералов, органических остатков, а также богатого кернового материала и на начало 2011 г. в фондах содержатся 165000 единиц хранения образцов, шлифов и проб. Монографический изученный фонд содержит 550 коллекций общим объемом 58500 единиц хранения. Среди 550 коллекций 50 являются минералогическими. Согласно таблице, представленной выше, минералы группы кварца довольно часто применяются в лечебных целях. Так вот коллекции с минералами этой группы, среди минералогических собраний музея им. А.А. Чернова являются самыми многочисленными – это 18 монографических коллекций с общим объемом 4300 ед. хранения. В природе кварц встречается в виде хорошо ограненных призматических кристаллов, скрытокристаллических или аморфных образований. Минералы группы кварца с хорошо образованными гранями составляют значительный объем музейных фондов. Образцы прозрачных разновидностей кварца доставлены с Приполярного Урала с месторождений «Пуйва», «Желанное», «Пелингичей», «Хасаварка» и т.д.

Изучением свойств минералов занимаются многие специалисты: геологи, физики, химики. Немецкий естествоиспытатель Карл фон Рейхенбах установил, что вокруг камней существует некое силовое поле, не видимое и не ощущаемое большинством людей. К подобным выводам пришли и другие исследователи. Экспериментаторы посчитали, что при совпадении частот колебаний может произойти информационный и энергетический обмен между камнем и человеком¹. В книге «Лечебная магия камней и минералов» даже дается полная инструкция способа присоединения к камню. Это очень любопытно. Оказывается, чтобы быстрее войти в резонанс с камнем, нужно воспользоваться быстро меняющимися ритмами лунного месяца. К камню начинают подключаться, когда он имеет наименьшую энергетику. В книге приводится таблица лунных дней приобретения и присоединения к различным минералам. Если следовать этой инструкции, то к «Витязу» пьезооптическому кристаллу горного хрусталя с месторождения «Додо» Неройского хрусталеносного поля, надо подойти 13 числа лунного месяца и сказать: « Я хозяин, а ты друг (помощник, защитник, лекарь)». И при этом надо обхватить камень руками. Почему к «Витязу», потому что чем больше камень, тем он сильнее. Для этих целей «Витязь» как нельзя подходит. Он, в первую очередь, поражает своими размерами и массой: $L_3=130$ см, $L_2=100-110$ см, вес – 1350 кг. Кристалл горного хрусталя бесцветный, изометричный, двуглавый. Ритуал лечения надо повторять в течение двух недель и стараться уравниваться с его нарастающей силой. Вскоре можно почувствовать, что он «зовет» к себе. Так как наш кристалл огромен, руками его не охватить, поэтому придется, наверное,

¹ Журяева Т.Н., Назаровская Т.И. Лечебная магия камней и минералов. СПб., 1999.

на него лечь и представить себя окутанным невидимым эфиром, пытаться в воображении впитать его через камень и разливать по телу или концентрировать в больном органе, потом выдохнуть болезнь через камень.

Название метода	Способ применения	Используемый минерал
<p>Контактный:</p> <p>1.1. Непосредственный контакт:</p> <p>1.2. Частичный контакт.</p>	<p>а) Минерал прикладывается (намазывается) к больному месту. Осуществляется: подпитка, нейтрализация, или оттягивание избытка энергии.</p> <p>б) Массаж с помощью хорошо окатанных камней.</p> <p>а) Ношение лечебных минералов в виде украшений. Минерал подбирается по заболеванию, которое вы собираетесь лечить.</p> <p>б) Ношение украшений из драгоценных камней, т.к. помимо лечебных свойств, обусловленных их энергоструктурой и цветом, обладают еще и психотерапевтическим воздействием: украшения из драгоценных камней приносят ощущение праздника и являются источником положительных эмоций.</p> <p>в) Акупрессурный (точечный) массаж. В этом случае камни должны быть хорошо отшлифованы.</p>	<p>Минерал в виде пластин: медные, янтарные, гемат-с, глинистые минералы.</p> <p>Нефрит, сердолик...</p> <p>Янтарь, бирюза, минералы группы кварца...</p> <p>Все драгоценные камни.</p> <p>Янтарь, сердолик, кремний, полевые шпаты, нефрит.</p>
Бесконтактный:	<p>а) Использование высокой концентрации энергии минерала. Используется камненная пирамида. Считается, что пирамиды выравнивают нарушенную энергетику организма, создают оздоравливающую атмосферу в доме.</p> <p>б) Бесконтактный массаж с помощью кристалла с хорошей природной огранкой</p> <p>в) Применение тонкодисперсного порошка минерала в лечебных кремах и мазях.</p> <p>г) Настаивание минералов в воде с целью её активации, энергизации и структурирования.</p>	<p>Множество минералов: шунгит, обсидиан, нефрит.</p> <p>Горный хрусталь и т.д.</p> <p>Монтмориллонит, лазулит.</p> <p>Шунгит и т.д.</p>

Довольно часто посетителей музея интересуют целебные свойства янтара, минерала класса органических соединений. Недаром с литовского янтарь – гинтарис – переводится как защита от болезней. В целительную силу янтара свято верили многие народы мира. В старинных книгах можно найти более полусотни рецептов лекарств, приготовленных из янтара. Многие века этот камень в силу своих чудесных качеств ценился выше золота и занимал первое место среди всех самоцветов. Янтарь широко применялся для лечения, как людей, так и животных¹.

Сейчас установлено, что народный опыт лечебных свойств янтара имеет под собой научную основу. Дело в том, что в составе этого самоцвета выявлено более 40 соединений. Сегодня из него получают один из витаминов – D₃ – янтарную кислоту (неспецифический биостимулятор). Диапазон медицинского действия янтарной кислоты очень широк. Считается, что янтарь благотворное влияние оказывает на людей, страдающих воспалением щитовидной железы. Наиболее эффективным считается метод втирания в область щитовидной железы янтарного масла (также продукт переработки янтара). Янтарная кислота обладает еще одним превосходным свойством: она нейтрализует алкоголь в крови. Если Вы встали утром с «похмелья», с большой головой и неприятными ощущениями в желудке, достаточно развести 0,5 чайной ложки янтарной кислоты в стакане воды и выпить. Облегчение наступит незамедлительно².

Геологический музей им. А.А. Чернова обладает представительной коллекцией янтара. Коллекция арктического янтара из продуктивной залежи р. Песчаной представлены как неразрушенными первичными образованиями с естественными поверхностями смоляных выделений, так и их обломками, ограниченными поверхностями раковистого излома. Основная масса зерен имеет размеры 2–5 мм, хотя иногда встречаются до 3 см в диаметре³. В экспозициях демонстрируется выставочная коллекция янтара с побережья Балтийского моря. Здесь можно увидеть янтарь разный: прозрачный, непрозрачный, с включениями разных насекомых и разные украшения из янтара. Цвет Балтийского янтара от светло-желтого до темно-коричневого, а форма образцов самая разная, но в основном каплевидная. Размеры, представленных экспонатов от 5 до 15 см. Недавно в фондах музея появилась авторская монографическая коллекция ископаемых смол с многих месторождений Северной Евразии и некоторых проявлений ископаемых смол с других континентов. Эта коллекция состоит из 94 наиме-

¹ Лебедев В. Янтарь России. Калининград, 2000. С. 37-41.

² Николаев С.М. Камни и легенды. Новосибирск, 2005. С. 167-168.

³ Юшкин Н.П. Янтарь арктических областей. Сыктывкар, 1973.

нований и содержит такие разновидности янтаря, как геданит, ретинит, румэнит, сукцинит, валховит, бирмит. В экспозиции демонстрируется желто-коричневый и оранжево-желтый геданит с п-ова Таймыр, с Пай-Хоя и с проявления Артем Приморья; красно-бурый и желто-коричневый ретинит – представители Южно-Сахалинска и Усть-Енисейской впадины. Многочисленные образцы сукцинита представители Украины, Беларуси, Калининградской области, Польши. Также представлены образцы живицы разных хвойных деревьев.

Следующий минерал, который довольно часто интересуется посетители музея – это шунгит. Считается, что шунгит лечит, спасает, очищает, оздоравливает, защищает, нормализует, восстанавливает. Шунгит применяется при очистке воды и сточных вод, в градостроительстве, в медицине. В фонды музея сдана коллекция карельского шунгита, к монографической работе: «Надмолекулярные структуры природных рентгеноморфных веществ». В коллекции находятся миграционные (жильные) шунгиты месторождений Максого, Шуньга, Чеболакша, миграционно-перетолженные шунгиты месторождений Нигозеро и Загоино 3-х разновидностей. В музейных фондах также имеется небольшая выставочная коллекция шунгита с месторождения Бакырчак Восточного Казахстана.

Фонды и экспозиции геологического музея располагают представительной коллекцией минералов, относящихся к так называемым лечебным камням. Ключом экспозиции «камни-талисманы» служит сводная таблица, составленная на основе анализа многочисленных опубликованных сводок о камнях-талисманах, где особо выделены те камни, которые встречаются на территории нашего региона. Ежемесячно, следуя смене зодиакальных знаков, экспозиция обновляется. В качестве дополнительной информации в таблице приводится краткая справка о химическом составе минерала, описываются его мистические и лечебные свойства. При рассказе о лечебных свойствах камней, стараемся донести до экскурсантов мысль о том, что хотя и многое известно о лечебных свойствах минералов, но все же, надо с осторожностью применять минералы в качестве лекарств.

И.Л. Жеребцов

ИЯЛИ Коми НИЦ УрО РАН, Сыктывкар

Культурно-историческое наследие в контексте этнодемографического развития Республики Коми

Пространство и время – две вечные категории, издревле вызывающие огромный интерес человечества. Это естественно, поскольку каждый человек живет в определенном времени и пространстве. Можно сказать, что человек формирует свое пространство, влияя на окружающий мир, и с течением времени пространство меняется. Но если перемены в микропространстве конкретного человека происходят за относительно краткие промежутки времени и потому хорошо заметны «невооруженным глазом» и с короткой дистанции, то макропространственные изменения, происходящие порой в течение целой эпохи, можно увидеть и оценить лишь опытному наблюдателю, хронологически весьма удаленному от минувших событий.

Неудивительно, что даже человек, в обычных условиях адекватно сиюминутно оценивающий свое микропространство, микромир своей культуры, далеко не всегда стремится или способен понять его место в формирувавшемся длительнейшее время общем пространстве региона или страны. Равно и исследователь, анализирующий глобальные историко-культурные, этнодемографические, экономические, социополитические и прочие процессы развития регионального или государственного пространства, обычно не удосуживается уделить внимание сколь-либо детальному описанию менявшегося микромира конкретного человека, пространства его повседневного бытия.

Между тем чрезвычайно важно и интересно понять именно сочетание во времени макропространства целого региона и микропространства отдельного человека: что с ними происходило, как пространство региона постепенно открывало человеку – благодаря его настойчивости и упорству – свои просторы и богатства, и как долго, методом проб и ошибок, он учился ими пользоваться, меняя не только привычный распорядок своей жизни, но и казавшуюся неизменной окружающую среду.

Наверное, можно сказать, что основное богатство Коми, как и России в целом, – это ее пространство. Но оно же одновременно и главная проблема, поскольку обширность пространства подразумевает не только обилие природных богатств, но и трудности преодоления бескрайних просторов при поисках и освоении этих богатств. В разные исторические эпохи люди искали различные способы преодоления и освоения пространства и в конечном итоге неизменно находили с ним «общий язык», понимая, что там, где проблема – там и способы ее решения.

Типы жилищ, способы ведения хозяйства, конструкции лодок, виды одежды, особенности питания и другие элементы культуры и быта, а также их отражение в устном народном творчестве – все это складывалось исторически, постепенно, постоянно видоизменяясь в зависимости от менявшегося климата, условий местности, наконец, от привычек того или иного человека в ходе переселений, освоения территории.

В сущности, всю жизнедеятельность человека можно представить как взаимодействие с теми или иными формами пространства: от ближайшего (жилище, двор, огород) до все более отдаленных – поле, лес (охотничьи угодья) и далее, по нарастающей, до бассейна реки и огромного региона. В ходе этого взаимодействия в различных районах края складывались разнообразные этнокультурные комплексы. К слову сказать, их возможно более детальное описание – с особенностями хозяйственного и бытового уклада, архитектурными (и иных рукотворными) и природными памятниками, «заповедными» и иными сакральными местами, с привязкой к местным легендам и преданиям и реальным историческим событиям и лицам – помимо очевидной самостоятельной научной, образовательной и культурно-просветительной значимости, могло бы создать основу для возможной

реконструкции типичного для того или иного города или района комплекса, восстановления исторических памятников, создания в республике серии туристских маршрутов и даже своего рода музеев под открытым небом, особо востребованных в сфере так называемого этнотуризма. Наглядное и увлекательное описание характерного для той или иной местности комплекса в историческом контексте и способно пробудить в людях интерес к историческому опыту местной жизнедеятельности, использованию местных ресурсов (в привязке к современным реалиям), вовлечь их в активную социальную жизнь.

Слова великого российского историка В.О.Ключевского о том, что история России есть история страны, которая колонизируется, осваивается, в полной мере можно отнести к истории Коми. Древние коми сформировались в XI веке на основе местного населения и родственным ему переселенцев из Прикамья. Их роль в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. Возможно, на Выми и нижней Вычегде главным элементом стали местные жители, а на Сысоле и, быть может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья. В сложении прилузских коми свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения.

«Рождение» коми народа стало в известном смысле следствием климатических изменений. Ведь переселения из Прикамья на территорию современной Республики Коми начались, вероятно, в VIII в. н.э., когда потеплевший климат сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов. Эти переселения заняли не одно столетие и шли, видимо, не на дальние расстояния, не сразу с Камы на Вычегду, а постепенно, с освоением промежуточных территорий.

Бок о бок с коми обитали ненцы и манси, появившиеся в Печорском крае на рубеже I и II тысячелетий н.э., в упоминавшийся выше период потепления. К тому же времени относятся и первые летописные известия о появлении русских на Европейском Северо-Востоке. Первыми ступили в этот отдаленный уголок Европы новгородцы. Поначалу русские появлялись в этих краях изредка. Но уже в конце XII столетия в Коми крае возникли первые русские поселения, ставшие сначала опорными пунктами сборщиков дани, а со временем – торгово-ремесленными и военно-административными центрами. Постепенно нарастала и колонизация Севера русскими крестьянами, стремившимися уйти подальше от тяжелой княжеской дани. Среди русских людей, первыми торивших пути на бескрайний Север, были не только новгородские ушкуйники (полоторговцы-полуграбители), княжеские дружинники и земледельцы-крестьяне. Не редко первыми оказывались в дальних краях православные миссионеры, которые занимались крещением местного населения – сначала в ближайших к русским опорным пунктам районах (в частности, на Лузе), а затем и в более отдаленных. Христианизация коми народа стала чрезвычайно важным этапом в истории европейского Северо-Востока России, в длительном (начавшемся еще с первых походов новгородцев) процессе вхождения Коми края в состав Русского государства.

Контакты с другими народами оказали существенное воздействие на культуру, хозяйство, быт коми. Появились оленеводство, русская соха, улучшившая условия обработки земли, новые огородные и полевые культуры (чеснок, лук, капуста, морковь, свекла и др.), некоторые новые приемы в ремесле и иных хозяйственных занятиях, изменился ассортимент утвари, посуды... В свою очередь, иноэтничные переселенцы заимствовали у коми их опыт адаптации к условиям жизни Европейского Северо-Востока.

После вхождения в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств в 1550-х гг., укрепления там власти московских государей появилась возможность для освоения русскими Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки. А после того, как в конце XVI века рухнуло под ударами «государевых ратей» Сибирское ханство, перед крестьянством открылись необозримые просторы Сибири. Они привлекли внимание множества людей. Тысячи переселенцев с Русского Севера, минуя Коми край, устремились за Урал, в Вятско-Камский регион и Поволжье. Границы между территориями расселения коми и русских на западе и северо-западе в XVII в. постепенно стабилизировались там, где они пролегают и поныне – по с. Спаспуруб на Лузе, у с. Межег на нижней Вычегде, близ д.Коптоги на Вашке и д.Латьюги на Мезени. Коми, жившие западнее, смешались с русскими, переняли их язык и обычаи.

В XVII – середине XIX вв. в Коми приходили, как правило, лишь отдельные немногочисленные русские переселенцы, которые вскоре сливались с местным населением. Исключение составили поселки, возникшие при Сереговском и сысольских заводах, где сформировались группы русского населения, обладающие интересными особенностями культуры и быта. (Любопытно, что русский писатель П.В. Засодимский в изданной в 1878 г. после поездки по Коми краю книге скептически отозвался о состоянии сысольских заводов, однако заметил, что «если принять во внимание богатство здешних руд и качество железа», то «тут можно бы ворочать миллионными предприятиями; здешние заводы в несколько лет могли бы обратиться в города, наподобие североамериканских Чикаго, растущих сказочно быстро; заводы могли бы завести свои собственные пароходы для сношений с Архангельском и с европейскими рынками... Мало ли что здесь могло бы быть!» Чикаго из Ньючима и других заводских поселков, однако, не получился...).

Обживая берега Лузы и Вашки, Вычегды и Печоры, Летки и Выми, Сысолы и Мезени, Ижмы и Усы, Цильмы и Колвы, жители Коми, приобрели огромный опыт в освоении бескрайних просторов. Не случайно именно проводники-коми вели через Урал отряд Ермака, со знаменитого похода которого началось присоединение к России сибирских земель. Переселенцы из вычегодских, вымских, сысольских и иных селений были в числе строителей и первооселенцев едва ли не всех старинных сибирских и дальневосточных городов – от Тюмени и Тобольска до Якутска и Анадыря, участвовали в открытии Колымы и Амура. И в отряде Семена Дежнева и Федота Попова, достигшего края Азии и впервые проплывшего через пролив, отделявший ее от Америки, также были выходцы из Коми.

В истории освоения пространства Коми много значимых не только по региональным, но и по российским меркам событий и явлений. По территории края (Вычегде, Печоре и из притокам) полегал знаменитый Чрезкаменный путь в Сибирь, до конца XVI в. являвшийся основной дорогой за Каменный пояс (Уральские горы). Здесь через Северо-Екатерининский канал, проложенный в верховьях Вычегды, впервые соединились бассейны Волги и Северной Двины. Через Лузу и Летку в старину проходила одна из главных торговых магистралей, соединявшая Русский Север с Поволжьем. Эти пути прокладывались переселенцами, представителями разных этносов, искавших не только лучшего места для жизни, но и более широких возможностей для применения своего труда, реализации умений и навыков. Вдоль проложенных путей возникали селения, со временем разраставшиеся или пустевшие, строились храмы, возделывались поля...

В начале XX в. российское правительство разрабатывало план переселения в Коми край большого количества русских крестьян из центральных губерний и даже латышей. В 1901–1902 и 1907–1909 гг. несколько специальных экспедиций обследовали верхние Лузу, Летку, Вычегду, Печорский уезд, бассейн Вишеры (в районе Вишеры предполагалось расселить безземельных крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировалось развивать на Ухте). В конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными, поскольку даже местные крестьяне не имели в своем владении достаточного количества удобной для ведения сельского хозяйства земли.

Конечно, далеко не всегда люди приходили в новые места по своей воле. Середина XX века оказалась богата на насильственные переселения. Появились поселки спецпереселенцев, валивших лес, лагерные пункты заключенных, строивших Северо-Печорскую железную магистраль, значение которой трудно преувеличить. Поистине удивительно, как в сложнейших условиях многие смогли не просто выжить, но и сохранить свои таланты и способности и со временем внести выдающийся вклад в историю культуры нашей республики, становившейся все более многонациональной. В послевоенный период в Коми АССР из разных регионов страны прибыли десятки тысяч рабочих и специалистов для лесной, угольной и нефтегазовой промышленности. Сегодня на просторах Коми бок о бок живут коми, русские, украинцы, татары, немцы и представители других народов, действует несколько национально-культурных объединений. Республика избежала конфликтов на национальной почве (во многом – благодаря взвешенной политике местного руководства). Но ее жителей подстерегает иная опасность. Каждому понятно, что жизнь на Севере трудна и, главное, недешева. Культура, образование, сельское хозяйство, транспорт – всё это требует огромных средств. Нельзя забывать об этом, используя богатства республики, необходимо в достаточной мере поддерживать тех, кто их добывает или производит.

Тысячелетняя история коми народа, Коми края – это история практически непрерывных миграций и межэтнических контактов, в ходе которых устанавливались разносторонние многоуровневые историко-культурные связи между коми, русскими, ненцами и другими народами, формировался определенный тип отношений к человеку своего или иного этноса, его культуре. Именно этому многовековому взаимодействию в конечном итоге мы обязаны появлением того богатейшего культурно-исторического наследия, которое досталось нам от наших предков и которое мы обязаны не только сберечь, но и приумножить и, в свою очередь, передать потомкам.

Е.Н. Загайнова

Музейно-выставочный центр, Кирово-Чепецк

Взаимодействие с родителями как важный фактор в процессе формирования интереса младших школьников к музею

В конце прошлого столетия в российских музеях сформировался новый сегмент аудитории – семья.

О том, что эта категория посетителей для музея важна, говорит факт разработки для нее специальных программ, обеспечивающих культурный досуг взрослых с детьми в музее. Это экскурсионные абонементы, семейные клубы, абонементные циклы музейных занятий по выходным дням, семейные игры-путешествия, акции, праздники и многое другое. Там, где такая работа поставлена на систематическую основу, музеи востребованы семьей.

Существуют разные способы привлечения семейной аудитории в музей. Один из них – наиболее доступный и верный – осуществляется в процессе музейной деятельности в образовательном учреждении. Школа – полезный партнер для музея. В ней зарождается будущая музейная аудитория. Поэтому редкий музей не ведет здесь систематическую работу по приобщению к культурно-историческому и художественному наследию, не осуществляет образовательно-воспитательную деятельность. В процессе такой работы родители учащихся приобретают все большее значение, постепенно превращаясь из потенциальной аудитории в активную.

Кирово-Чепецкий музейно-выставочный центр давно и плодотворно сотрудничает с системой образования города и района, его опыт взаимодействия с образовательными учреждениями не раз представлялся на региональном образовательном форуме. С рядом образовательных учреждений музей состоит в партнерских взаимоотношениях, создавая систему, ориентированную на целенаправленное приобщение детей к музею. Своего рода экспериментальной площадкой для музея стало ГОУ «Гимназия № 1 города Кирово-Чепецка» – одно

из ведущих инновационных учреждений не только области, но и страны. Здесь проходят апробацию музейно-педагогические программы, создающиеся сотрудниками музея в тесном контакте с учителями¹.

Одним из способов воздействия на ребенка и формирования его интереса к музею является взаимодействие с родителями. Исследования показывают необходимость раннего приобщения к музею и важность детских впечатлений о музее. Уже к 9-10 годам у детей складывается определенное отношение к музею. Если к этому возрасту потребность в общении с музеем у ребенка сформировалась достаточно устойчиво, он начинает ходить в него регулярно. Большую роль в формировании этой потребности играет семейное окружение².

Опора на семью при работе с младшими школьниками сослужит музею хорошую службу, но только в том случае, если музей будет знать – с кем он имеет дело, каков культурный и образовательный уровень семейного окружения ребенка.

Изучение данной целевой аудитории, также как и любой другой, необходимо музею. В противном случае, наблюдая ее издали (при сопровождении детей на экскурсии, выставки или какие-либо другие музейные мероприятия) можно так и не узнать ее истинных потребностей и интересов, не превратить в своего союзника.

В 2007 г. и в 2011 г. мы провели анкетирование одной и той же группы родителей трех параллельных классов. В 2007 г. их дети только поступили в гимназию, и нам было важно знать отношение родителей к музеям, как часто они посещают музеи и с какой целью, вычертить круг их интересов и предпочтений в музейном мире.

Анализ анкет тогда показал, что только 9,6% родителей никогда не водили своих детей (до школы) в музей. Из тех, кто посещал музеи, чаще всего бывал в музейно-выставочном центре г. Кирово-Чепецка, а также побывали с детьми в ряде областных музеев, в музеях Москвы, Санкт-Петербурга и музеях курортных городов, как нашей страны, так и за рубежом. 81,9% респондентов отметили, что они посещают музеи всей семьей.

В музеях им понравились отдельные экспонаты, восковые фигуры, рассказ экскурсовода, атмосфера. Самый частый ответ – понравилось все. Из того, что не понравилось при посещении музеев, назывались: теснота, быстрая утомляемость ребенка, не качественное оформление выставок, необходимость соблюдать музейные правила. Около 10% респондентов воздержались от ответа и в том и в другом случае.

Среди ответов на вопрос «для чего существуют музеи», преобладали высказывания следующего плана: для расширения кругозора, для повышения культурного уровня, для знакомства с историей, для проведения интересного досуга.

В 2011 г. учащиеся 4-х классов завершили начальный этап занятий по музейной программе. Подводя итоги, мы вновь обратились к мнению родителей. Ответы на вопросы анкеты показали, что детей, ни разу не посетивших музей, уже не осталось, география этих посещений стала намного шире и разнообразнее, количество посещений – 2-3 раза в год.

Конечно, нам хотелось выяснить, изменилось ли отношение родителей к музеям и как они оценивают музейные уроки, которые их дети посещали на протяжении четырех лет. Для этого в анкету был включен вопрос: «рассказывают ли дети дома о музейных уроках (что именно, эмоциональный настрой при рассказе)».

87% респондентов ответили, что их сын (дочь) всегда делится впечатлениями о музейном уроке. Рассказ бывает, как правило, очень эмоциональным, припоминаются услышанные на уроке интересные факты, описываются запомнившиеся экспонаты. По рассказу ребенка родителям бывает понятно, что музейные уроки ему нравятся. Родители выражали удовольствие от того, что музейные занятия стимулировали у их детей познавательные и творческие способности.

Все родители, чьи дети приходили с музейных уроков с положительными эмоциями и делились с ними впечатлениями, ответили на следующий вопрос анкеты: «надо ли продолжать музейные занятия в среднем звене» однозначно – «да». Остальные 13% респондентов, чьи дети или не рассказывают вовсе, или рассказывают, только когда их об этом попросят, соглашаясь на продолжение занятий, сделали это с разными оговорками: «продолжать с учетом интереса детей», «если занятия будут полезны», «не перегружая детей», «если это не повредит базовому курсу» или, даже, предлагая «свободное посещение». Однако важно подчеркнуть, что от продолжения музейных занятий никто не отказался.

Анализируя ответы на вопросы анкеты, мы пришли к выводу, что отношение родителей к музейным урокам складывалось, главным образом, под влиянием отзывов своего ребенка. На мнение родителей могло повлиять также мнение классного руководителя и высказывания других родителей. Особых усилий музея в этом направлении предпринято не было. Хотя сказать, что контактов с родителями не было вообще, нельзя.

На вопрос «Замечали ли вы интерес сына (дочери) к старинным предметам, семейным реликвиям?» более половины такой интерес у своих детей отметили. И даже привели примеры, какие именно предметы их интересуют. Отмечая, что большинство примеров было связано с интересом детей к семейным реликвиям, мы посчитали это в том числе и своей заслугой, так как часто подчеркиваем на занятиях этот важный момент – сохране-

¹ Загайнова Е.Н. Музей и школа: новый тип отношений на основе индивидуального подхода (из опыта практической деятельности муниципального музея). Музей и образование в новом социокультурном измерении. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетию Российского центра музейной педагогики и детского творчества Русского музея. СПб., 2010. С. 214-217.

² Музееведение. Ребенок в музее (социологический и психолого-педагогический аспекты). М., 1993. С. 49.

ния памятных для семьи вещей. Но ряд родителей либо не заметили такого интереса у своих детей, либо объяснили это отсутствием у них старинных вещей.

Впервые мы решились задать вопрос о том, пригодятся ли углубленные знания о музеях и музейной деятельности, которые дети получают в курсе систематических занятий. Около 80% респондентов ответили, что пригодятся. Остальные были с этим не согласны. В числе ответов на этот вопрос можно привести такие, например, высказывания: «углубленные знания не пригодятся», «пригодятся только в том случае, если будущая профессия ребенка будет связана с деятельностью музеев», «такие знания необходимы только специалистам, а у детей достаточно поддерживать интерес к музеям».

Но были мнения и другого плана: «Такие знания нужны. Культура – это единственное, что в наших детях не воспитывают вообще в системе образования», «Такие знания необходимы всем школьникам, а порой и взрослым необходимо послушать ту или иную информацию о музее», «пригодятся обязательно, и мы очень рады, что у наших детей были музейные уроки».

К каким выводам мы пришли, анализируя ответы родителей на вопросы анкеты:

1. Родители имеют слабое представление о музейной деятельности вообще и о деятельности городского музейно-выставочного центра в частности.

2. Они не учитывают важность формирования музейной культуры личности

3. Недостаточно информированы о музейных занятиях и о сотрудничестве музея и гимназии в целом

4. Отсутствует мотивация для семейного времяпровождения в музее

5. Недостаточно ценят важность сохранения семейных реликвий

6. Пренебрежение к предметному миру культуры

Стало ясно, что для изменения сложившейся ситуации музей должен иметь эффективно работающую схему информирования адресных групп и, прежде всего, с родителями учащихся. Для этого необходимо планировать выступление на родительских собраниях, проведение открытых музейных уроков, участие в творческих акциях, проходящих в образовательном учреждении и в музее, музейные «домашние задания».

Необходимо использовать тот факт, что большинство родителей имеют мотивацию посещения музея «ради ребенка» и предложить им программу работы выходного дня, участие в работе студий, разного рода акциях и музейных праздниках, хотя для этого придется преодолеть ряд причин внутреннего свойства.

Для формирования потребности в совместном культурном досуге сделать доступной информацию о выставочной деятельности музея. И, конечно же, более активно привлекать в союзники учителя, имеющего огромный опыт работы с семьей и оказывающего большое влияние на родителей своих учеников.

Все вышесказанное – это лишь первое приближение музея к очень важной и слабо изученной теме. Конечно, исследование не дает исчерпывающих ответов. Но зато оно дает в руки музейных специалистов необходимый инструмент для дальнейшей работы и позволяет двигаться дальше. Кроме того, результаты исследования дают немалую пищу для размышлений.

Работа с родителями чрезвычайно важна, если музей стремится к формированию устойчивого интереса к музею у подрастающего поколения и хочет сформировать действительно новую систему взглядов и представлений, новых ожиданий в обществе, новую модель музейного мира.

В. С. Зеленский

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Коллекция самоваров из фондов НМРК

За годы существования Национального музея РК собрано 79 самоваров. Формирование коллекции происходило путем закупа у владельцев, часть самоваров была собрана во время экспедиций. Большая же часть самоваров была подарена музею владельцами. Все самовары были собраны на территории Республики Коми, что позволяет проследить и изучить процесс проникновения традиции чаепития в наш город, село и деревню.

Предшественниками самовара на Руси были сбитенники, предназначенные для приготовления популярного русского напитка с медом и травами – сбитня и самовары-кухни, разделенные на несколько частей, в которых можно было одновременно готовить пищу и кипятить воду. Самовар же придумали, чтобы кипятить воду для чая¹.

Известно, что в 1778 г. в Туле открылась первая самоварная мастерская братьев Ивана и Назара Лисицыных. С этого времени самовар приобрел узнаваемый нами вид с трубой – жаровней, поддувалом, краном, ручками – держателями, конфоркой и колпачком – заглушкой. В начале XIX в. пить чай из самовара могли позволить себе только богатые дворяне, купцы и зажиточные крестьяне, а уже в середине XIX в. чаепитие у самовара приобрело национальный характер, стало олицетворением русского гостеприимства и семейного благополучия. Чай предлагали в домах, трактирах, постоялых дворах и на ярмарках².

На протяжении всего XIX в. самоварные мастерские и фабрики появляются в Москве, Петербурге, Ярославле, Архангельске, Данилове и на Урале, но главным центром производства самоваров становится г. Тула. В конце XIX в. только в Туле существовало 77 самоварных фабрик. Это был прибыльный бизнес, и поэтому, не

¹ Иванова Е.А. Русские самовары. Л., 1971.

² Волкова С.В. Русские самовары в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства // Музей 6. М., 1986.

смотря на большое количество исполнителей, спрос на самовары был всегда высок. Чтобы удовлетворить художественно-эстетические запросы различных слоев общества и увеличить продажу своей продукции, владельцы фабрик старались постоянно разнообразить ее. Для первой половины XIX в. характерно удивительное разнообразие форм самоваров. Это достигалось за счет построения формы тулова и отливки конструктивных элементов – ручек, вертков крана, ножек и сливов краника. Тулово выполняли в форме «банки», «рюмки», «дули», «репки», «вазы», «яйца», «желудя» и «шара». Дополнительно тулово украшалось декоративными элементами в виде ложчатых выступов, рельефных колонок, косичек, горошинок и насечек. Ручки – держатели оформлялись в виде ажурных или изогнутых в причудливые формы пластин, а также выполнялись вислыми, на вертлюгах. Ручки кранов выполнялись в виде переплетенных стеблей и веток (кран «ветка»), в виде ажурных фигур, напоминающих трилистник (кран «решетка»). Сливы краников делали в виде копытца, конька, с различными напльвами и завитками. Основание самовара делали квадратным или круглым с разнообразными рельефными выступами и фигурными вырезами. Ножки (опоры) были угловые, сферические, стилизовались под копытца или звериные лапы. На многих самоварах имеются заводские клейма, расположенные на тулове и на крышке самовара. Расшифровка этих клейм позволяет определить время выпуска, место изготовления и фамилию владельца предприятия. В коллекции музея представлены самовары крупных и мелких самоварных фабрик и мастерских. Среди самых известных можно назвать фабрику братьев Ломовых. Не менее известны были фабрики Н.И. Баташева и В.С. Баташева (6 предметов), братьев Шемариных (9 предметов), наследников П.Н. Фомина (6 предметов), Аленичкова и Зимина (2), К.Д. Тюрнина (2), И. Копырзина (2) и др. Изделия этих фабрик были высокого качества, искусно украшены декоративной отделкой и быстро раскупались. Ни одна экспозиция художественно – промышленных выставок не обходилась без самоваров, где они неизменно удостаивались золотых и серебряных медалей.

С начала XX в. происходит все большая механизация производства, в том числе и в производстве самоваров. Она привела к стандартизации форм и размеров. В XIX в. они были не просто прибором для кипячения воды, но и атрибутом своеобразной культуры чаепития и неизменным украшением стола. Теперь же самовар приобретает стандартные очертания: самовары «рюмкой» и «банкой» без излишних украшений. С 1915 г. начинается спад в производстве самоваров. После революции 1917 г. все самоварные фабрики перешли в руки государства, большинство было закрыто или перепрофилировано на изготовление другой продукции. В коллекции имеется 6 самоваров выпущенные в 1920–1930-е гг. на Тульском патронном заводе и 4 – на заводе в Кольчугине. Во время Великой Отечественной войны все оставшиеся самоварные фабрики стали изготавливать военные заказы. Только с 1950-х гг. начало возрождаться производство самоваров. Появились как жаровые, так и электрические самовары. В 1970-е гг. интерес к самовару увеличивается. Он снова становится очень популярным, как в стране, так и за рубежом. Наблюдается тенденция к увеличению декоративности. Наружная поверхность тулова часто расписывается в традициях Хохломы или Городец. Много выпускается сувенирной продукции. Музейная коллекция далеко не полностью отражает историю развития самоварного производства¹.

Коми край находился далеко от центров самоварного производства, поэтому самовары появляются здесь немного позже. С 80-х гг. XIX в. самовары входили уже в перечень постоянных товаров завозимых для торговли в Коми край. Анализ первичной документации на экспонаты позволяет сделать вывод, что самовары были во всех слоях населения². Самый старый экспонат в коллекции это самовар – сбитенник, приобретенный в с. Большелуг в 1924 г. Датируется самовар I третью XIX в. На крышке самовара выгравирована надпись – «Василей Иванъ Ломовъ в Туле». Фабрика братьев Ломовых, основанная в 1812 г., была одной из самых известных в I пол. XIX в. Большая же часть самоваров относится ко второй половине XIX и началу XX вв. 70 предметов коллекции имеют заводские клейма и фамилии владельцев многих известных самоварных фабрик и мелких мастерских в г. Туле. Это – Воронцов Д.А., Захряпин А., Баташovy, Горин К.Д., Зубов М.А., Копырзин И.Ф., Коршаков Е., Ломов В.И., Лялины, Парамонов А.Г., Романов Г., Салицев А.В., Сосенковых, Тюрнин К.Д., Тяпкин Р.Д., Фомин П.Н., Чигинский, Чугуев Н.Е. и Шемарины. А также Аленичов и Зимин – г. Москва, Нечаев М. – г. Вятка, Поповы в Слободском и Шубин Н. из г. Данилова. На крышке самоваров, выполненных на фабрике П.Н. Фомина, выбита надпись – «По особому заказу Н.Д. Оплеснина в г. Усть-Сысольске»³. Перечислена только небольшая часть владельцев самоварных фабрик, но даже по этому списку видно насколько востребованы были самовары, и как велика была сеть производителей. Разнообразны самовары и по форме тулова и по размерам. Самой распространенной формой тулова в коллекции музея является «банка», выполненная в виде цилиндра. Таких самоваров в коллекции более 40, в форме «вазы» – 12, «рюмки» – 11, «шара» – 3 и «желудя» – 1. Выпускались самовары емкостью от полулитра до нескольких десятков литров. Самый маленький в коллекции музея – дорожный самовар и самоварчик фабрики Григория Романова, а самый большой по емкости – 60 литровой тульский самовар. В тяжелые военные годы тульские рабочие подарили этот самовар работникам колхоза «Красный партизан» с. Межадор в знак благодарности за присланное продовольствие и теплые вещи. В Коми край проникают, хотя и с некоторым опозданием, элементы российского бытового уклада. В начале в городе, а с 1880-х гг. и в деревне появляются самовары. Анализ первичной документации на экспонаты позволяет говорить о распространении самоваров во всех слоях населения (купцов, мещан и крестьян). География

¹ Иванова Е.А. Указ. соч.

² Мацук М.А. Новое в быту коми крестьянина в конце XIX – начале XX века // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1983.

³ Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск. Страницы истории. Сыктывкар, 1989.

бытования этого предмета широка – самовары поступали в фонды из большинства районов республики. Коллекция самоваров одна из наиболее востребованных в музее. Они используются как в стационарных экспозициях, так и различных передвижных и тематических выставках. Русский самовар, одно из интереснейших и самобытных явлений отечественной бытовой культуры XIX–XX вв. Где, как только не на выставках, люди могут узнать много интересного из истории самовара, о традициях и ритуале чаепития в разных слоях общества.

И.В. Земцова

Сыктывкарский государственный университет

Краткий обзор северных швеек (из частной коллекции Земцовой И.В.)

Швейка является предметом женского труда для шитья и вышивания. В дореволюционный период она была непременным атрибутом каждой хозяйки. Но с появлением швейных машинок в конце XIX – начале XX вв. она потеряла свою актуальность. Между тем, швейки применяются и по сей день. По словам мастера по ткачеству Г.Н. Клыженко из вологодской деревни Пожарище, в творческой мастерской «Народный костюм» швейку до сих пор используют при обучении: «...учим шить швом “в пятку”, для кукол основу шьем, а раньше хоть чего шили...».

Понятие слова «швейка» в классических словарях Владимира Даля, Сергея Ожегова, как и в других, не отражено, либо означает женщину, которая занимается шитьем. В специализированных словарях «швейка» – приспособление для ручного шитья в виде стояка с головкой в верхней части, обшитой тканью для крепления и сидением (донцем)¹.

Швейка, как предмет труда, косвенно упоминается в литературе по народному искусству. Так, Н.И. Гаген-Торн в статье, посвященной характеристике деревянной утвари Усть-Цильмы пишет следующее: «Швейки, в отличие от прялок, состоят большей частью из доски-донца, в передней части которого выдолблено углубление. В него под прямым углом вставлен столбик швейки. Столбик вырезан в виде чередующихся цилиндров и шаров и окрашен масляной краской»².

В известном труде «Русская народная резьба по дереву» Н.Н. Соболев отмечает: «... донце прялки или швейки с гребнем или подушечкой наверху делалось из одного куска дерева, большая часть украшений переходила на стержень или стойку, которая представляла сквозную колонку из маленьких окошечек с резными фигурными перехватами между ними»³.

Автор данной статьи располагает небольшой коллекцией швеек: три предмета из Усть-Куломского и Корткеросского районов Республики Коми и четыре из соседних Вологодской и Архангельской областей.

Первая группа выделяется более сложной конструкцией, большим разнообразием декоративного убранства и тонкостью техники исполнения резьбы. Все, кроме одной, имеют сложную разъемную форму. Две из них складываются пополам, превращаясь в удобный для хранения и переноски предмет, поэтому иногда называются «дорожными».

Автором описываются все экземпляры с учетом своеобразия каждого из них. Первая из приобретенных автором швеек была обнаружена в гараже, где находятся на временном хранении предметы труда и быта коллекционера из г. Котласа Архангельской области. Она была в весьма жалком состоянии. В разобранном виде (донце и стояк отдельно), краска и резьба не просматривались из-за сильных загрязнений, часть донца сколота. После реставрационных работ, выполненных автором статьи, швейка обрела достойный вид, тем более, что оформленная тончайшим резным декором, она является самой миниатюрной по размерам и форме из имеющихся в коллекции. Квадратный в основании столбик-стояк разделен на 4 части. Нижняя большая и средняя части представляют собой насквозь прорезанные параллелепипеды с четырьмя стойками-«колоннами», которые в нижней и верхней части декорированы косыми крестами. Угловые грани стойки оформлены миниатюрными выемками-треугольничками со стороны до 2 мм. Между сквозными колонками помещен цилиндрический столбик, прорезанный глубокими косыми линиями, обвивающими всю его поверхность. Венчает ножку меньший из всех параллелепипед, покоящийся на граненом пояске с декором только по одну сторону, не задействованную в процессе работы. Швейка раскрашена в оранжевый и черный цвета за исключением части донца, на которой сидела швея.

Не менее интересная швейка приобретена в апреле 2011 в антикварном магазине «Коляда» (г. Котлас). Как и описанная выше, она имеет составную разъемную конструкцию (стояк-донце) с элементами резного декора по верхней части. Ножка-стояк этой швейки изящной изогнутой формы в виде длинной гордой шеи птицы, увенчанной головкой, склоненной вниз. В основании призматической формы имеются сквозные отверстия в виде треугольников, соединенных вершинами друг с другом. Поверхность сплошь покрыта геометрической резьбой составленной из мельчайших треугольников – выемок с размером стороны от 2 мм. Донце завершается фигурным краем и соединено со стояком при помощи гвоздя. В месте соединения ножки и донца имеется небольшое углубление призматической формы с пазами для крышки (ныне утерянной), как возможное место хранения мелких предметов – наперстков, иголок, пуговиц.

¹ *Самойлов И.Д.* Каталог уральской народной росписи крестьянских домов и предметов быта в собрании Нижнесинячихинского музея-заповедника. Свердловск, 1988. С. 198.

² *Гаген-Торн Н.И.* Деревянная утварь Усть-Цильмы. М.-Л., 1963.

³ *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. М., 2000. С. 350.

В экспозиции Национального музея Республики Коми находятся две швейки со стойкой в виде головы длиннеей птицы, которая вкупе с донцем образует фигурку плывущей птицы «гуся-лебедя», но без дополнительного резного декора.

Последняя швейка была подарена мастерицей из Котласа, Народным мастером России по ткачеству Т.И. Вохминцевой в июне текущего 2011 года во время поездки автора в Архангельскую область. Швейка имеет типичную для этих мест разъемную конструкцию, но составлена не из двух, а из трех частей. Донце с возвышением к верхней части для паза-крепления стояка завершается необычной заостренной узкой формой. Стояк квадратный в сечении, в виде ажурно-прорезанного столбика. В нижней части стояк соединяется с полуфигуркой коня. Вся конструкция помещается в паз донца и крепится при помощи деревянного шканта.

Подобные швейки были зарисованы автором в запасниках отдела дерева АОКМ и музея «Малые Карели». Стойка условно делится на 5 частей. Нижняя, средняя и верхняя выполнены в виде выступов-поясков треугольной формы, между которыми помещаются резные столбики. Они, в свою очередь, также фигурно порезаны. Все это «архитектурное» сооружение напоминает колонну, которая покоится на спинке коня. Вся поверхность швейки покрыта краской по предварительно загрунтованной поверхности. Это традиционно для изделий, произведенных северодвинскими мастерами (предположительно, ввиду плохой сохранности красочного слоя, оранжевого, желтого и зеленого цветов). Швейка изящна, выдержана в идеальных для этого предмета пропорциях.

Последняя из этой группы швейка отличается неразъемной конструкцией. Она более простая по декору, но удивительно цельна и пропорциональна. Стойка швейки фигурная, до возвышения граненая, с перемычками в виде разномасштабных поясков, составленных из многогранников. Соединение ножки с донцем окантовано по контуру глубокой линией, очерчивающей форму и завершающейся растительным завитком в виде двух усиков. Донце оформлено в виде фигурной выемки из двух округлений. Вся поверхность окрашена в красноватый цвет.

Во вторую группу выделены три швейки с территории Коми. Все они имеют неразъемную конструкцию. Две из них с одинаковым, сравнительно длинным донцем с закругленным завершением. По-видимому, появились в Коми позднее, чем вышеназванные, и декорированы более скромно.

Первая из них самая простая по форме. Ножка выше центра имеет граненую, оформленную в виде ромбов вырезку по ширине ладони, видимо играющей роль ручки. В нижней части на месте перехода ножки в донце процарапана часть окружности, по всей поверхности нанесены царапины-резки в виде линий.

Следующая швейка окрашена в красный цвет, возможно, половой эмалевой краской. На ножке-стойке нанесен сплошной узор в виде квадратов, расчерченных различно расположенными по отношению друг к другу линиями (сеткой перпендикулярно друг к другу и по диагонали, в виде косога креста и др.). В верхней части закреплен кусок кожи с металлическим крючком на конце для крепления ткани.

Наибольший интерес с точки зрения резного декора представляет последняя из описываемых швеек. Стойка ее разделена горизонтальными линиями на разновеликие прямоугольники. В них помещаются отдельные элементы, выполненные в технике трехгранновыемчатой резьбы: в нижней части внутри круга крест из 4 ромбов, выше вихревая розетка из линий, косога крест, ромбы, крест, поле и завершение треугольником. «Сплошной резьбой, как правило, покрывались деревянные шкатулки, пеналы и орудия ткачества (швейки, прялки, трепала, кичиги, детали ткацкого стана). Резной орнамент на утвари варьируется от простейших композиций из параллельных зубчатых полос до сложнейших построений, состоящих из треугольников, ромбов, лучевых розеток, и окружностей» – отмечается в сборнике этнографических очерков «Традиционная культура народа коми»¹.

Автором были также исследованы коллекции фондов дерева Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного творчества «Малые Карели» и Архангельского областного краеведческого музея.

Таким образом, сопоставляя предметы, имеющиеся в коллекции автора и исследованные в ходе работы в фондах и на экспозиции музеев г. Архангельска можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, швейка имеет весьма ограниченную поверхность для декора по сравнению с обширным полем гребня-лопасти прялки, но, несмотря на это мастера проявляли удивительные способности и изобретательность по созданию высоких образцов народного искусства.

Во-вторых, швейки, произведенные на территории современной Республики Коми и в Архангельской области, имеют существенные различия как по формообразованию (первые чаще всего неразъемной конструкции), так и по декору (швейки архангелогородские более причудливы и изящно вырезаны по внешней форме). Те и другие декорированы в технике трехгранновыемчатой резьбы, но последние выполнены более тонко.

В заключение хотелось бы отметить, что должного интереса к швейке, как старинному предмету женского труда, исследователи и искусствоведы до сих пор не проявляли, хотя по формообразованию и декору она давно заслуживает более серьезного внимания и изучения.

¹ Шарапов В.Э. Украшение жилища. Резьба и роспись и по дереву / Традиционная культура народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во. 1994. С. 250

Художественно-философское осмысление взаимоотношений человека и природы в прозе К.Ф. Жакова

Природа сохраняет свое значение как объект художественного познания на протяжении всего творческого пути К.Ф. Жакова: рассказы, помещенные в сборнике «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905), произведения, вошедшие в сборники «В хвойных лесах», «Под шум Северного ветра» (1908–1914), поэма «Биармия» (1916). Содержание названных произведений связано с философскими проблемами бытия, с вопросами о назначении человека, его отношении к природе.

В сказке «Жизнь Пама Бур-Морта» (1905) автор воспроизводит языческую, дохристианскую стихию, в которой человек находится в гармонии с космосом. Природа и мир человека живут в добром согласии, в гармоническом единстве. Герой повествования странствует, путешествует по свету, пытаясь постичь мудрость, пытаясь найти человека, который бы объяснил, нарисовал ему «картину неба и земли». Странствуя по миру, Пам видит много рек, гор, лесов, любуется красотой вселенной. Это странствие – поиск, который представляет собой посвятительские испытания, это путь героя, проходящего ряд инициаций, прежде чем добиться своей цели, в пути он встречает помощников и наставников, которые задают ему «направление» движения. Так, герой оказывается в хижине старца, мудреца, который дает ему совет: «... Нет ничего лучше Его, нет ничего краше Его. Оно в тебе. Ты голос его слышишь. Слушай Его всегда, и насытится твоя душа гармонией Его слов... Он в тебе, но не весь – так на своде небесном не все звезды для тебя сияют... Но все же видишь солнце на небе и к нему стремись, постоянно стремись, постоянно гляди на небо, тогда поймешь, что живешь ты в небе... Часть любви, часть, потому что ты – часть прекрасного целого!.. Ты в лоне Его живешь всегда!»¹.

Вернувшись домой после долгих странствий на родную землю, Пам Бурморт стал целителем душ и тел: травами лечил от болезней, утешал словами приходящих к нему людей: «... в часы досуга глядел он на утреннюю и вечернюю зарю, на восходящее солнце, на нежный свет луны, слушал пение клеста и шум ручья, и спокойно было на сердце у него; он говорил:

- Что есть, то за этими красками и звуками обитает. Счастье и страдание – звуки мировой гармонии, всеобъемлющей души, единой и вечной. Спокоен тот, кто слушает мир. Мир слушает того, кого мысли согласны с течением вещей и событий мира. Я на небе. Я вечен, только покровы мои переменны. Я мировая душа. Бодрствую иногда, порой дремлю я. Вся красота в мыслях моих. Мысли мои – думы праматери звезд и планет. Благословен вечноживущий.»². Пам Бурморт прожил долгую и светлую жизнь, познал самого себя и «Природу Великую».

В осмыслении природы К.Ф. Жаковым отразились, вероятно, пантеистические мотивы прозы начала XX в., которые выражали мысль о единой сущности бытия, о близости человека к естественной среде, и в связи с этим идеализировали патриархальную жизнь, противопоставляя ее современности. Возможно, что под нею мыслилось нечто, схожее с теорией Вл. Соловьева: прорыв сквозь хаос бытия к мистической Мировой душе. Вл. Соловьев не мыслил природу без божественного начала. В статье «Красота в природе» (1899) он утверждал, что идеальный мир – это одухотворенный мир, одухотворенная природа посредством идеи Божьей, Духа. Истинная красота, в его терминологии, – высший разум, Дух.

Пам Бурморт, герой повествования К. Жакова, в результате странствия-поиска приобретает к неземным тайнам гармонии, он осознает, что природа и человечество как высшие виды бытия существуют в едином движении, они просветлены и приобщены к идее Духа. Человек включен в великое движение вселенной, вечности, которая предстает как мировая субстанция, живое существо, как непрерывный жизненный процесс. Герой принимает свою жизнь и жизнь окружающей природы как единство, как великую вечную жизнь во всем, его познание природы утоляет вечную жажду гармонии.

В творческом наследии К.Ф. Жакова природа предстает в разных ипостасях. Природа как нечто таинственное, мистическое, неразгаданное и неподвластное человеческому разуму реализовано в рассказе «Из жизни охотников на Вишере» (1911). Сюжет произведения сводится к следующему: на младшего сына охотника Максима Дмитрия навели порчу. Отец предлагает сыну сходить на охоту, расставить силки и петли, затем планирует отправиться на Енью – Божью речку с целью его излечить. Герой обращается к птицам, зверям, лесу, солнцу в духе традиционных народных поклонений, рожденных языческой эпохой: «Птицы Божии, – молился Максим, – языка вашего я не понимаю, но спасите сына моего. И вы все звери лютые, рысучие, и ты, зеленый лес дремучий, у тебя много силы в корнях, стволах, в ветвях. И ты, солнце красное, Божье лицо солнца, помогите вы сыну моему»³.

Мрачные описания природы, в которых преобладает черный цвет (черные вороны, черные глухари), способствуют созданию тревожной атмосферы, которую ощущает Дмитрий, выполняют функцию косвенного психологизма. С образом внезапно появившегося черного ворона в рассказ входит тема смерти, тревожный ритм повествования усиливает экспрессию.

¹ Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990. С. 429-430.

² Там же. С. 429.

³ Там же. С. 434.

Герой повествования «Эжол» (1905) разыскивает прекрасного, чудесного сказочника Дмитрия. Он мчится на своей рыжей лошадке через дремучие леса и, глядя на высокие сосны, величавую красоту дивного леса, слыша шум ветвей, начинает ощущать дыхание вечности: «Высокие сосны стоят на дороге.

Тихо качаются их вершины. Шум ветвей, кажется, заключает в себе таинственное сказание ветра. В нем читаю я историю богов, оставивших страну, но некогда обитавших в этом лесу; на этом небе, чуть видимом в вышине через древесные ветви, ходили они, подобные людям, только ростом больше и прекраснее станом, по этому белому ягелю, что хрустит сейчас под ногами лошадки. О, как прозрачно в этом древнем священном бору! Далеко, далеко видать между колоннами-соснами»¹.

Философ-идеалист Артур Шопенгауэр, книга которого «Мир как воля и представление» была переведена на русский язык в 1880 г. в Петербурге, и в 1900, в Москве, утверждал, что бесконечная огромность мира, пространства, времени, вселенной заставляет наше сознание обнимать прошедшие и грядущие тысячелетия и бесчисленные миры, в которых мы теряемся. Он писал: «Красота природы манит к созерцанию и к чистому познанию, в котором субъект и предмет, его привлекающий, находятся вне потока времени и всяких других отношений»².

В момент общения с природой жаковский герой – рассказчик способен увидеть в мгновенном – вечное, почувствовать, как движется мироздание, и тем самым ощутить свою сопричастность целому. В эти минуты герой осознает себя частью вселенной, воплощенной в образе тишины и бесшумно текущего времени, которые рождают ощущение мировой гармонии. Образ природы К. Жакова по сути своей достаточно близок к тому, что именовалось в литературе данной эпохи «космическим сознанием» и было присуще многим художникам начала XX в. (И. Бунину, А. Блоку, Л. Андрееву и др.) Это философская рефлексия человеческого сознания и самосознания, поскольку именно человек есть «центр всеобщего сознания природы» (Вл. Соловьев). Космизм выдвигает идею гармонического единства всего сущего, рассматривает человека и природу как цельное творческое существо.

В рассказе «Бегство северных Богов» (1911) писатель рисует картину уничтожения северной природы, в работе «Этнологический очерк зырян» исследователь размышляет о разрушении гармонии между человеком и природой, которое ведет к вырождению, измельчанию народа. Проблема человек-природа-цивилизация осмысливается автором и в рассказе «На Богословский завод» (1906), в нем рисуется картина уничтожения пармы.

Герой рассказа «Холуницкий завод» (1906) Аркадий Лесков – крестьянин, живший в ладу с природой, становится рабочим. Тема города и деревни, цивилизации и патриархальности – основная в произведении, рассказ построен на противопоставлении двух форм жизни, автор использует в качестве сквозного приема сопоставление природного и «машинного» образных рядов, снижение одной формы жизни и идеализации другой, использует поэтику контрастов. Целью подобного изложения является стремление К.Ф. Жакова защитить идею единства человека и природы, ведущую свое начало из языческой эпохи, стремление предостеречь людей от разрушения и отчуждения от естественного мира. Образы пролетарской поэзии – железа, огня, завода, – символизируют технологический век, новую «железную» эру и представляют переосмысленную пролетарскими идеологами систему ценностей, ориентированную не на «живое», а на «мертвое». Герой повествования пытается разобраться, что несет человеку цивилизация. Человек, оторванный от природы, лишается своего величия, возвращение героя в конце рассказа в родную деревню, к земле, к истокам, корням можно рассматривать как преодоление разрыва между человеком и естественным миром, соединение с ним. Ощущение органичности мира – человека и Вселенной – выражается в воспевании природного величия.

К.Ф. Жаков понимает в природе высшую целесообразность и в духе учения Ж.Ж. Руссо³, Л.Н. Толстого⁴, прочит человеку нравственное очищение вдали от ущербной цивилизации. Отделение и отчуждение от космоса, от божественной природы, образование «второй» природы, чуждой естественному миру, мыслится в творчестве отечественного космизма как «утрата рая»⁵. «Обретение рая», по Н. Бердяеву, – это возврат человека космосу, космоса – человеку.

Противопоставление мира естественного миру цивилизации, их взаимоотношения – в центре внимания в рассказе «Парма Степан» (1910). Начинается повествование с пейзажного описания. В зеленом мире, «древнем раю», жил старик Бурморт со своей единственной дочерью Зарниной, которая вышла замуж за охотника Степана. Степан стал жить в доме Бурморты, на лоне природы, за что его прозвали Парма Степаном, он «принимает условия жизни полюбившейся девушки», а природа в свою очередь принимает его, «открывается ему».

Бурморт предстает человеком, любящим окружающий мир, он ловил птиц и зверей, приручил медведя, выучил язык лесных жителей. Перед смертью он дает наказ Степану не ловить молодых рыб, не собирать икры, не стрелять в самок и детенышей зверей, птиц, не обижать их, потому что они любят человека. Такое бережливое отношение к природе, к ее представителям в нем от языческого сознания, боготворящего естественную среду и благодарного за все ее дары. Дочь Бурморты Зарнина тоже является частицей зеленоголосого мира, в ее облике присутствуют черты реальной земной девушки и сказочной феи, она понимает язык птиц и животных и показана не просто на фоне природы, а как ее часть, поэтому она отказывается от предложения Степана съез-

¹ Там же. С. 166.

² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1900. С. 212.

³ Руссо Ж.Ж. Прогулки одинокого мечтателя. Избр. в 3-х т. М., 1961. Т. 2. С. 617.

⁴ Кутряникова Е.Н. Эстетика Л.Толстого. М.; Л., 1966. С. 153-155.

⁵ Бердяев Н. Философия свободного духа. М., 1994. С. 45.

дять в деревню, мотивируя тем что, ее «там любить не станут, смеяться начнут», таким образом, возникает противостояние: природа-цивилизация, природа-социум. Лесной мир с ее обитателями для Зарницын свой, помогающий, любящий и любимый, знакомый с детства, он воспринимается ею как «родное» пространство, село, – как нечто чужое, незнакомое, пугающее.

К.Ф. Жаков защищает активное философское, социальное, экологическое, эстетическое отношение к природе, которое понимается как вовлеченность человека в естественный мир. Их таинственное взаимопроникновение. Эстетика природы обретает в творчестве писателя особое значение, ей придается знаковое, символическое наполнение.

Н.И. Ивановская, А.А. Чувьоров

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Я пробрался в глубь неизвестных стран ...

(Выставка фотографий из коллекций С.И. Сергеля в Российском этнографическом музее)

В феврале – марте 2011 г. в Российском этнографическом музее работала выставка, посвященная Сергею Ивановичу Сергелю (1883–1955) – этнографу, путешественнику, писателю, одному из первых исследователей традиционной культуры коми и зарубежных саамов¹. Устроители выставки, названием которой послужила поэтическая строка Н.А. Гумилева, ставили своей целью показать научную и культурную значимость деятельности С.И. Сергеля, стоявшего у истоков формирования коллекционного собрания Российского этнографического музея.

Сергей Иванович Сергель родился 23 сентября 1883 г. в местечке Синявка Слуцкого уезда Минской губернии, в семье волостного писаря. Детство его было нелегким, так как он рано остался без родителей. Ключевым событием в жизни молодого Сергеля стало путешествие на Север, которое он совершил в 1903 г., перейдя в выпускной класс Могилевской гимназии. Сергей Сергель в одиночку отправился на р. Печору. Добравшись до ее верховьев, он пешком, с ружьем за плечами продолжил путешествие вдоль предгорий Северного Урала. В этот дальний и опасный путь он пустился, по его собственным словам, «побуждаемый любознательностью и страстью к путешествиям». Во время своих странствий С. Сергель впервые столкнулся с не знакомым ему укладом жизни проживавших там народов – коми-зырян, манси, ненцев, русских старообрядцев. Скорее всего, именно эта поездка предопределила выбор им дальнейшего жизненного пути.

В 1904 г., окончив гимназию, С. Сергель поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета в группу, где готовили географов. Его университетским преподавателем был известный учёный Ф.К. Волков (1847–1918), читавший студентам-географам курс антропологии. Ф.К. Волкову удалось облечь юношескую страсть Сергеля к путешествиям в строго научную форму, подготовив из него профессионала-этнографа.

В 1906 г. Сергель предлагает Этнографическому отделу Русского музея (ныне Российский этнографический музей) свои услуги по сбору коллекций у коми, мотивируя своё желание тем, что он уже ранее посещал эти места. Весной 1906 г. он отправился в Усть-Сысольский у., Вологодской губ. Так началась первая в его жизни этнографическая экспедиция. В конце июня 1906 г. он добрался до с. Бадь-йоль в верховьях р. Вычегды, где и прожил два месяца, занимаясь стационарными исследованиями. За время своего пребывания на территории Коми края Сергель собрал коллекцию из 490 уникальных этнографических памятников. Экспедиционные материалы С.И. Сергеля заложили фундамент коллекционного собрания РЭМ по коми, послужили основой для дальнейшего выделения и изучения локальных вариантов культуры данного этноса.

Одним из важных результатов экспедиции С.И. Сергеля в Коми край стали коллекции фотоснимков (колл. №№ 984, 1056). Сюжеты на фотографиях, выполненные С.И. Сергелем в ходе экспедиционных работ, соответствуют тематическому указателю в программе для сбора этнографических предметов, составленной в 1902 г. группой сотрудников Этнографического Отдела Русского Музея, под руководством его заведующего Д.А. Клеменца²: общий вид сел; хозяйственные занятия; жилище; одежда, типы зырян, антропологические типы коми-зырян. Фотографии, выполненные на высоком профессиональном уровне, с безупречным техническим исполнением, являются ценнейшим этнографическим источником, в наши дни приобретшими ещё и значение историко-художественных памятников своей эпохи, выразивших национальный характер коми народа.

Зарекомендовав себя способным исследователем-этнографом, в 1907 г. Сергель получил от Этнографического отдела Русского музея новое задание – собрать этнографические коллекции, отражающие традиционную культуру зарубежных саамов. Сергель охватил исследованиями несколько различных этнографических групп саамов в Норвегии и Финляндии: морских и речных, кочевых и оседлых саамов-оленоводо-водов. Во время этой поездки в Скандинавскую Лапландию он собрал уникальные вещевые коллекции, характеризующие народную культуру зарубежных саамов (колл. №№ 1423, 1424, 1390, 1355): предметы охоты, рыболовства, оленеводства, ткачества, средства передвижения, утварь, традиционная одежда.

Это была его вторая за два года стационарная этнографическая экспедиция. Как и во время своего пребывания у коми в 1906 г., он полностью погрузился в повседневную жизнь местного населения: принимал уча-

¹ Я пробрался в глубь неизвестных стран... Буклет. СПб., 2011. Авторский коллектив: А.А. Заньковская, Н.И. Ивановская, А.А. Чувьоров. Авторы текста: Н.И. Ивановская, А.А. Чувьоров. Рабочая группа: А.В. Лялин, С.И. Савостьянов. Сканирование фотографий: О.В. Ганичева, М.М. Перевертайло.

стие в пастьбе оленей, участвовал в установке и разборке жилища. Кроме того, он занимался изучением антропологического типа саамов-кочевников, внешнего вида и внутренней планировки жилища, традиционной пищи и одежды, а также занимался подробной фотофиксацией наблюдаемых явлений традиционной культуры скандинавских саамов (колл. 3186 – 74 отпечатка).

Сюжеты на фотографиях соответствуют тематическому содержанию вещевых коллекций и записям наблюдений исследователя. Коллекция отражает следующие темы: хозяйственные занятия и промыслы (доение оленя, рыболовы в шхуне, заготовка и сушка рыбы, заготовка сена, вязание поясов); типы стационарных и переносных жилищ и других построек (летний чум и остов чума без покрова – оленеводов-кочевников, землянки с деревянной и каменной трубой, деревянные хижины и амбары – оседлых саамов); средства передвижения (караван оленей, запряженный в кережи, уборка имущества в кережу при перекочевке); одежда и типы саамов (на фотографиях изображены мужчины и женщины разного возраста, в повседневной и праздничной одежде, а также – дети).

К сожалению, технически саамские фотографии Сергея уступают его же фотоснимкам, сделанным у коми. О причинах этого обстоятельства он очень выразительно повествует в одном из писем, отправленных им из скандинавской тундры, во время кочевки с норвежскими лопарями, своему учителю Ф.К. Волкову. «Посылаю почтой снимки, сделанные во время кочевания с лопарями-оленеводами. Боюсь, что большинство из них будут очень плохи: кроме того, что они сделаны на фильмах, освещение было чрезвычайно слабое. [...] Фильмы употреблял потому, что оперировать со стёклами было чрезвычайно трудно – весь день наша орда двигалась, а под вечер, когда расставляли дырявый шалаш и усаживались донельзя усталые, голодные, промёрзшие у огня, предварительно натаскав разных ползучек в качестве топлива, переменять в мешке пластинки не было места и было опасно – вместе с людьми жались к огню и их верные слуги-товарищи собаки, беспрестанно грызущиеся между собою, скатываясь в клубок, прыгая через людей и т.д. Несмотря на тщательную упаковку, много вещей просырело, промёрзло, испортилось. Три двойных кассеты раздались и пропускают свет...»¹.

Дальнейшая жизнь С.И. Сергея сложилась таким образом, что карьера этнографа-исследователя не получила дальнейшего развития. По окончании университета он служил чиновником, работал лесничим, преподавателем техникума, инженером-географом, предпринимал попытки вернуться к серьезным этнографическим исследованиям, но эти замыслы так и не были реализованы².

Основательность вклада С.И. Сергея в изучение традиционной культуры двух финно-угорских народов – коми и саамов – очевидна. Но прошло несколько десятилетий, прежде чем научные материалы его экспедиций, существенно обогатившие этнографическую науку, получили адекватную оценку потомков, а имя незаурядного исследователя заняло достойное место в ряду известных этнографов и путешественников прошлого³.

Особенностью и огромной заслугой этого исследователя является то, что он сумел объединить в своем лице учёного, писателя, а также прекрасного фотографа. О глубине его проникновения в крестьянский мир коми историк-краевед Александр Уляшев написал следующее: «Русский человек, человек со стороны, лучше разглядел нас, коми, чем мы сами видим себя»⁴.

В Российском этнографическом музее экспонаты и фотографии из его собрания включены в раздел «Хозяйственные занятия коми» экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья. Середина XIX – начало XX в.», созданную в 1977 г. В 1990 г. в Норвегии, в г. Хаттфьеллдале, в рамках выставки «За полночным солнцем» состоялась первая презентация коллекции С.И. Сергея, собранной им у норвежских саамов⁵. Впоследствии эти коллекции составили основу раздела «Люди тундры» экспозиции «Народы Северо-Запада и Прибалтики. XVIII–XX вв.», построенную в 2003 г. Предметы из саамской коллекции экспонировались и на выставке «Россия – Норвегия: через века и границы» (2004 г.)⁶. Материалы биографического характера, а также информация о его коллекциях, размещены в Интернете на сайте, созданном на основе научно-биографических исследований отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея⁷.

¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 568. С. 145-155.

² *Ивановская Н.И.* Забытые имена: путешественник и этнограф С.И. Сергель // Хранители: Материалы XI Царскосельской науч. конф СПб, 2005. С.154-166; *Она же.* Образ эпохи, образ народа (опыт биографического изучения собирателей Российского этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреновские чтения. Сб. статей. СПб., 2011. С. 286-302.

³ *Kuorjaniik, M.* Sergei Sergel and his visit to Finnmark, Norway // Acta Borealia. 1996 № 13 (2). P. 125-134; *Сергель С.И.* Экскурсия к норвежским лопарям / Публ. А.Ю. Заднепровской // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. II. Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 280-334; *Ивановская Н.И.* Этнографическая экспедиция на территорию коми С.И. Сергея (май-сентябрь 1906) // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 141-151; *Мюклебот К.* В поисках настоящей Лапландии. Этнографические экспедиции Йенса А. Фрииса по русскому северо-западу (1867) и Сергея Сергеля по Северной Норвегии (1907–1909 гг.) // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. Мурманск, 2008. Вып. 7. С. 73-92.

⁴ *Уляшев А.* Удивительная книга о нас // *Сергель С.* В Зырянском крае / Репринт. изд. Сыктывкар. Без года издания.

⁵ Et ar I flyttsamenes liv/ Av D. Gorb. Hattfjelldal. 1990.

⁶ Россия-Норвегия: сквозь века и границы. Каталог. М., 2004. С. 300-301.

⁷ *Ивановская Н.И., Фишман О.М., Панкратов В.Б.* Источниковедение и историография в Российском этнографическом музее: опыт по созданию электронных баз данных // Памяти академика А.И. Шёгрена (1794–1855). СПб., 2007. С. 134-146. Электронный биобиблиографический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Ethnology.ru/biobib/biobib.php>

Наиболее известной специалистам частью научного наследия Сергея являются его фотоколлекции по коми. Они были переданы осенью 1906 г., сразу же после возвращения из экспедиции, в Этнографический отдел Русского музея (207 негативов вместе с фотоотпечатками). До конца этого же года коллекция была им зарегистрирована и включена в инвентарные описи отдела. В 1907 г. 205 отпечатков фотографий из этой коллекции были куплены у С.И. Сергея Музеем антропологии и этнографии (ныне – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук)¹. В Национальном музее Коми Республики также хранятся 188 фотоотпечатков С.И. Сергея, переданные в 1930-е гг. из Этнографического отдела Русского музея². Такое широкое распространение его экспедиционных фотографий в музейном пространстве привело к периодическому использованию их в музейных экспозициях и выставках, различных научно-популярных изданиях, но всегда без указания авторства³.

На выставке в РЭМ были представлены 54 фотографии, из них – 33 фотоотпечатка, отражающие традиционную культуру коми и 21 фотоснимок – из саамской коллекции. Экспонирование фотографий С.И. Сергея из собрания Российского этнографического музея на данной выставке дает возможность восстановить историческую справедливость, утвердив авторское право собирателя коллекции. Эта выставка – дань уважения собирательской и исследовательской деятельности С.И. Сергея, вписавшего яркие страницы в историю Российского этнографического музея и этнографической науки.

А.А. Иевлев, Л.Р. Жданова, И.С. Астахова

Геологический музей им. А.А. Чернова Института геологии КНЦ УрО РАН, Сыктывкар
Геологический музей им. А.А. Чернова: история и перспективы развития

Геологический музей им. профессора А.А. Чернова является структурным научным подразделением Института геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Поэтому основная задача учреждения связана с формированием научных коллекций, отражающих результаты исследования минерально-сырьевых ресурсов европейского Северо-Востока России. В идеале деятельность музея должна быть организована таким образом: после опубликования научной работы геолог обязан сдать в фонды музея коллекцию образцов, на базе которых было проведено исследование, чтобы результаты можно было воспроизвести или подтвердить в случае возникновения такой потребности. Однако по разным причинам достижение этого идеала – задача, которая за предыдущие годы так и не была решена.

Первые попытки организации геологического музея в Коми филиале (прежнее название Коми научного центра) АН СССР относятся к середине 1950-х гг. 17.06.1955 г. вышло постановление Президиума АН СССР, утверждавшее структуру Коми филиала, в которой выделялся отдел геологии с музеем и шлифовальной мастерской. 11.04.1958 г. было принято постановление Президиума АН СССР «Об организации Института геологии в Коми филиале АН СССР», где в составе института предполагался геологический музей. Однако реально к созданию музея приступили только в 1960-х гг., когда Институт геологии возглавил М.В. Фишман. На первых порах было организовано камнехранилище, т.е. своеобразный склад или архив каменного материала, собранного сотрудниками института в полевых экспедициях на Урале, Тимане, Пай-Хое, Новой Земле и в других районах исследований. Камнехранилище размещалось в подвале дома № 30 по ул. Коммунистической.

Официальной датой организации геологического музея им. А.А. Чернова является 21 мая 1968 г., когда вышло в свет постановление № 9 Бюро Отделения наук о Земле АН СССР «Об организации с 1968 г. геологического музея в Институте геологии Коми филиала АН СССР».

В 1969 г. на работу в Институт геологии была принята Д.М. Томова, которая должна была заниматься специально будущим музеем. В помощь ей был выделен лаборант.

25 декабря 1969 г. вышло распоряжение по Институту геологии, в котором было указано на необходимость сдачи научными сотрудниками института тематических коллекций в организуемый музей и принято решение о создании музейной комиссии для приема коллекций под председательством М.В. Фишмана. В состав комиссии вошли Д.М. Томова, Н.П. Юшкин, В.А. Молин, М.А. Плотников, Л.А. Фефилова, А.И. Елисеев, Я.Э. Юдович, В.А. Чермных, В.В. Буканов и Б.А. Голдин. Заместителем председателя комиссии по музею был назначен Н.П. Юшкин. 29 декабря 1969 г. на заседании Ученого совета института было заслушано его сообщение об организации работы геологического музея. На основании доклада было принято принципиальное решение об «оформлении коллекций для музея аналогично коллекциям Палеонтологического музея». Данная базовая структура учета и хранения каменного материала позволила сформировать уникальный научно-исследовательский коллекционный фонд, который в полной мере характеризует геологическую изученность Северо-Востока европейской части России и отражает основные научные достижения сотрудников института.

Первые десять лет музей существовал именно как научное хранилище каменного материала. Возможность работать с ним получили как сотрудники института, так и специалисты других организаций. В эти же

¹ Колл. № 1095.

² См. Акт принятия № 314 от 3 марта 1960 г. Коми Республиканского краеведческого музея.

³ В Альманахе ВООПИК «Памятники Отечества. Земля коми», № 36, 1996, фотографиями С.И. Сергея без указания авторства проиллюстрирована публикация дневника В.Н. Латкина, во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. (с. 87-97); также без указания авторства фотографии С.И. Сергея размещены в книге: Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000. С. 55-56.

годы музейными работниками к различным республиканским геологическим конференциям, совещаниям и другим городским мероприятиям организовывались временные выставки и экспозиции.

Первая стационарная экспозиция музея была открыта в мае 1978 г. к 20-летию Института геологии. Она была размещена в зале площадью 50 м² на первом этаже дома № 30 по ул. Коммунистической.

Несмотря на научную специфику музея им. А.А. Чернова, с первых лет его существования комплектовались коллекции образцов минералов и полезных ископаемых для школ, техникумов, детских учреждений, научных и производственных организаций. Несколько раз экспонаты музея демонстрировались на ВДНХ в г. Москве.

В 1982 г. хранителем музейных фондов была назначена А.И. Чумакова. В это время велось строительство нового здания Института геологии по ул. Первомайской, в котором была запланирована большая площадь под геологический музей. К концу 1990 г. были полностью созданы 6 отделов музейной экспозиции в соответствующем графическом оформлении: вводный, строения земной коры и эволюции органического мира, литологии, петрологии, полезных ископаемых и минералогии.

В 1994 г. музей стал отдельным структурным подразделением Института геологии, которое возглавил А.А. Беляев. В 1997 г. хранителем музейных фондов была назначена Л.Р. Жданова. В 2011 г. руководителем музея был утвержден А.А. Иевлев.

В настоящее время музей обладает 540 монографическими коллекциями общим объемом 58 100 единиц хранения и 145 рабочими коллекциями общим объемом 83 200 единиц хранения. Существует и многочисленный обменный фонд геологических образцов. Действующие экспозиции развернуты в залах: вводный, развитие жизни на Земле, полезных ископаемых, минералогии, петрографии, литологии, самоцветов, коллекции каменных фигурок «Ноев ковчег». Формируются залы «Палеонтология» и «Мемориальный кабинет профессора А.А. Чернова».

С момента своего создания, музей им. А.А. Чернова придерживался, в основном, региональной направленности при комплектации фондов и экспозиций, характеризующей недра Республики Коми и прилегающих территорий. Однако затем для расширения и пополнения геологических знаний посетителей музея была организована коллекция, в которой хранятся образцы и из других регионов мира. Все они были получены благодаря тому, что в последние годы расширились научные контакты сотрудников института, и появилась возможность посещать различные районы нашей планеты с целью проведения научных изысканий совместно с учеными зарубежных стран.

Сотрудниками музея проводится в год около 300 экскурсий для самых различных категорий посетителей: от зарубежных правительственных делегаций и деловых миссий до учащихся детских дошкольных и школьных учреждений. Каждый раз продолжительность и содержание экскурсии адаптируется под аудиторию слушателей.

Помимо постоянно действующих экспозиций, сотрудники музея формируют многочисленные временные выставки, которые размещаются в специальных витринах и стендах в зале ученого совета, фойе и на лестничных площадках в здании Института геологии. В 2011 г. были подготовлены специальные экспозиции, посвященные 75-летию академика Н.П. Юшкина, бывшему директору Института геологии М.В. Фишману, выставка авторских работ из камня, бисера и кожи сотрудницы Института М.Ф. Самотолковой и другие.

Основными направлениями дальнейшего развития музея им. А.А. Чернова в настоящее время являются:

- завершение формирования и оформления зала «Палеонтология»;
- завершение формирования экспозиции «Основные экспедиционные исследования в Коми крае в XVIII – начале XX вв.»;
- подготовка и формирование экспозиций, посвященных действующим горнорудным предприятиям Республики Коми;
- модернизация экспозиции, посвященной нефте-газовому комплексу Республики Коми;
- внедрение мультимедийных средств для расширения возможностей действующей постоянной экспозиции музея;
- участие в грантовой и проектной деятельности;
- более тесное сотрудничество с лабораториями Института геологии с целью постоянной модернизации экспозиции и формирования музейных фондов;
- сотрудничество с другими музеями и научными учреждениями России и мира;
- расширение собственной научной и популяризаторской деятельности музея.

М.С. Кирова

Московский государственный университет культуры и искусств

Социально-значимое взаимодействие субъектов культуры и туризма в сфере культурного наследия.

Опыт проектного подхода

В глобальном мире сохранение культурного разнообразия как принципа устойчивого развития требует внимательного отношения к родной культуре и понимания тенденций в социально-культурном и экономическом окружении. Выделяя общее в проблематике сохранения и актуализации отечественного культурного наследия в современном динамичном мире, рассмотрим потенциал и механизмы взаимодействия музеев, библиотек, вузов и туристской сферы в развитии культуры как ресурса личностного роста.

Наблюдения последних лет с точки зрения преподавателя в среде студентов гуманитарных и туристских специальностей выделяют острую проблему стремительного убывания интереса молодежи к своей стране. Незнание истории, литературы, элементарных географических названий и многого другого в жизни страны приводит к отсутствию реального процесса инкультурации. Одновременно в России, уже более 20 лет, что составляет цикл активной жизни нескольких поколений, продолжается ситуация неопределенности, которая влияет как на внешнюю, так и на внутреннюю жизнь личности.

Проблема состоит в том, что человек затрачивает огромное количество своей энергии, душевных сил и способностей на то, чтобы сопротивляться угрозам внешнего мира, преодолевать непрекращающиеся изменения в обществе, возвращаться снова и снова к борьбе за выживание, т.е. к заботе о хлебе насущном и некоторой безопасности для себя и близких. Такая форма существования не позволяет большинству наших современников задумываться о самореализации и уделять внимание решению социальных проблем, возникающих в частной жизни и обществе в целом.

Усталость, духовная опустошенность и порой отсутствие достаточного свободного времени не могут позволить человеку выйти из замкнутого круга забот без специальных средств и длительной, планомерной заботы о внутреннем мире человека со стороны. Такую заботу сегодня предлагают, пожалуй, только церковь, практическая психология и разного рода секты. За редким исключением возникают и продолжают свою деятельность общественные или профессиональные сообщества, призванные решать проблему социального сиротства в наши дни. Когда по разным причинам идет процесс отторжения народа от своей культуры, процессы социализации все чаще протекают в условиях роста эгоизма и деструктивных процессов деморализации в обществе.

Такие институты общества как музеи, библиотеки и вузы становятся на передовую в смысле поиска новых форм и инструментов сохранения, переосмысления значения и передачи опыта, заложенного в культурном наследии страны и народов, населяющих такое бескрайнее пространство как Россия.

Сама культура народа содержит разнообразие ценностей, способов их трансляции и освоения, а также опыт преодоления сложностей в социальной жизни. Находясь сегодня в условиях рынка, государственные и частные учреждения культуры все чаще обращаются к маркетинговым исследованиям рынка культурных услуг, чтобы создавать услуги и продукты с одной стороны достойные высокой планки имиджа отечественной культуры, а с другой стороны, востребованные сегодняшним посетителем – активным субъектом рынка.

Развитие сектора услуг в сфере культуры и туризма возможно при условии глубокого осознания организаторами деятельности, прежде всего проблем посетителей и туристов в их повседневной жизнедеятельности. Одновременно, возможность самостоятельной хозяйственной деятельности в условиях сокращения государственных финансовых вложений напрямую зависит от выбора стратегии взаимодействия с посетителем. Например, туристические программы могут снижать напряженность от таких проблем как: непонимание собственной социокультурной идентичности, обретение референтной социокультурной среды, налаживание неформальных межличностных коммуникаций и др. Объединяющей целью учреждений, работающих в области культурного наследия (музеи, библиотеки) и образования может стать создание форм содержательного проведения рекреационно-оздоровительного досуга населения.

Зададимся вопросом: какая сфера, развиваясь сегодня быстрыми темпами, может объединить интересы потребителя и учреждений культуры в мировом масштабе? Одним из ответов может быть – туризм. В современном мире туризм как феномен культуры выполняет функцию восстановления физического и духовного здоровья, дает человеку широкое поле деятельности в новой окружающей среде. В условиях свободного времени и положительных эмоций туризм помогает человеку распознать смыслы и глубину в привычном, пережить индивидуально открытие своей культуры и себя в ней. В России, как и во всем мире, осознается возрастающая роль туризма в экономике, культуре и межкультурных коммуникациях, что нашло свое отражение в «Федеральной программе развития туризма в РФ до 2015 года».

Выделим **четыре проблемы**, которые находятся в наибольшей зависимости от реального отношения людей к своей стране и ее наследию: 1) непривлекательный имидж России для туризма, непривлекательный одинаково для внутренних (жителей страны) и для внешних (международных) туристов; 2) отсутствие квалифицированных кадров туристической индустрии при значительном росте числа вузов, готовящих специалистов по туризму и гостеприимству; 3) низкое качество туристских услуг; 4) враждебность местного населения к увеличению туристской нагрузки при одновременном отсутствии достаточного количества рабочих мест во многих регионах России. Что характерно, в сфере культуры квалифицированных кадров достаточно для того, чтобы создавать качественный и неповторимый продукт, а в сфере туризма уже отлажены механизмы коммерческой деятельности в области досуга населения и предоставления услуг для разного сектора потребителей: массового, индивидуального, корпоративного, VIP и др.

Перед внутренним туризмом России в ближайшее время стоит задача расширения его географии. Такой цели довольно сложно достичь при отсутствии качественного имиджевого регионального продукта и хорошо развитой инфраструктуры туризма в большинстве регионов России. Программы развития туризма в РФ на перспективу до 2020 г. рассматривают активное расширение культурно-познавательного, научного и экологического туризма, основу которых будут положены достижения всей нашей культуры, признанные на мировом уровне.

Что следует особо выделить в технологиях формирования маршрутов научного, культурного или экологического туризма?

1. Характерным становится движение в культурном ландшафте места от концепций и идей, выдвинутых нашими соотечественниками, составившими «память места», к социальным практикам, порожденным этими идеями и только в последнюю очередь к сохранившимся артефактам. Только в таком подходе мы гарантированно не пройдем мимо сущностных значений географического места в культурном и социальном пространстве.

2. Для решения общей проблемы повышения культурно-познавательной мотивации туристов необходимо проектировать путешествие так, чтобы логика перемещения становилась культурно-значимым текстом для его участников. В ряде случаев можно опираться на автобиографию или автобиографическую книгу известного человека, жизненный путь и география перемещений которого задает множество отправных точек и тем для специалистов туризма, исследователей и самих туристов (термин «биогеография» родился спонтанно у автора для обозначения такого подхода). Опираясь на авторскую рефлексию процесса становления своей личности, его труды, поворотные события жизни и их исторических участников, можно создавать уникальные туристские программы, индивидуальные путешествия и научные экспедиции, различные по тематике и глубине подготовки к восприятию информации.

3. В опыте западных стран широко применяется работа музея по предварительной подготовке к путешествию, помощь в осознании полученного участниками в путешествии опыта и выход на индивидуально-значимое содержание последующих программ.

4. Широко применяются технологии социокультурного проектирования, которые дают результаты, если проекты изначально опираются на насущные социальные проблемы. Если наш турист отправляется в путешествие со всем грузом своих нерешенных проблем, а специалисты-организаторы составляют такой маршрут, который позволит каждому путешественнику по-иному взглянуть на мир, проявиться его талантам и эмоциям, тогда цель будет достигнута. Через культурный контекст путешествия человек осознает себя и личную причастность к родной культуре.

5. Особое значение приобретают клубные технологии. Вокруг клуба (музея, библиотеки, турфирмы) формируется сообщество, связанное глубоким интересом к местам уже прошедших или предстоящих путешествий и, что очень важно для нашего менталитета, личными отношениями симпатии. Следующим этапом развития клубного сообщества может стать совместная проектная деятельность в актуальном региональном культурном проекте. Создание сплоченной команды для его выполнения станет реально осуществимой задачей.

Нельзя забывать, что все мы с одной стороны туристы, а с другой стороны – профессионалы в своей сфере деятельности. Анализ ситуаций выбора Пути, стереотипов и стилей поведения личности; развитие механизмов запоминания и освоения культурного опыта преодоления сложностей в переломные моменты жизни; получение ярких впечатлений; создание прекрасных образов современников и наших предков – все это задачи, которые призвана решать культура и туризм в XXI веке.

Социокультурное взаимодействие субъектов туротрасли и культуры с обществом в России развивается от инициативы «снизу», но это не мешает ему стать мощным фактором решения указанных выше проблем на всех трех уровнях взаимодействия (личном, групповом и общества в целом).

М.Г. Колегова, С.А. Тюрина
МУК «Сыктывдинская ЦБС», с. Ыб

Сохранение творческого наследия Ыбских литераторов

С 2005 г. Ыбская библиотека работает по программе «Литераторы села Ыб», цель которой – сохранение культурного наследия села Ыб. Программа была составлена и реализована при помощи учителей и учащихся Ыбской средней школы. В соответствии с целью были определены следующие задачи:

1. Проводить исследовательскую работу, касающуюся жизни и творчества литераторов, чьи имена связаны с с. Ыб. Таковых нами обнаружено шесть: Владимир Иванович Безносиков, Егор Васильевич Колегов, Анатолий Константинович Микушев, Валерий Иванович Мартынов, Аркадий Пантелеймонович Калимов, Александр Николаевич Парначёв.

2. Систематизировать имеющиеся материалы.

3. Популяризировать творчество ыбских литераторов (публикации в СМИ, участие в различных семинарах и конференциях, организация культурно-массовых мероприятий, библиотечных уроков, книжных выставок, краеведческих уголков, выпуск печатной продукции – литературных памяток, закладок, буклетов, сборников стихотворений).

По всем персоналиям был разработан общий план работы, как то:

- изучение их биографий;
- изучение творчества;
- изучение литературы о жизни и творчестве;
- оформление выставок;
- организация литературных вечеров;
- подготовка докладов, статей для представления на семинарах, конференциях, опубликования в СМИ;
- выпуск печатной продукции;
- создание видео- и фотоархива, накопительных папок.

Также по каждому литератору мы разрабатывали отдельный ежегодный план работы.

Итогом нашей работы мы определили создание литературного центра на базе Ыбской библиотеки, где были бы сосредоточены материалы, касающиеся жизни и творчества вышеупомянутых литераторов. В минувшем 2010 г., приняв участие в республиканском конкурсе сельских библиотек «Историческое и культурное наследие села: сохраняя прошлое, думаем о будущем» с проектом «Литературно-краеведческий центр», и получив грант, в стенах библиотеки был открыт этот центр. Он был создан с целью привлечения внимания не только местных учащихся и любителей литературы, но и городских студентов, туристов. Специально для них нами был разработан туристический маршрут «ЫБ литературный». Пройдя этот маршрут, вы получаете возможность ознакомиться с творчеством Ыбских литераторов, т.к. в ходе экскурсии звучат отрывки из их произведений о с. ЫБ. Вы сможете увидеть места, где жили, творили наши литераторы, пейзажи, которые вдохновляли их на творчество.

Представленный доклад – это итог пятилетней работы по заявленной программе. В нём я остановлюсь на одном из Ыбских литераторов.

Егор Васильевич Колегов – поэт, писатель, переводчик (с русского на коми язык) произведений А. Чехова, Д. Бедного, В. Маяковского и др. Начав исследовательскую работу жизни и творчества Егора Колегова, у нас в наличии была только небольшая статья с фотографией поэта в газете Сыктывдинского района «За коммунизм». Впоследствии оказалось, что на фотографии изображён не сам Егор Колегов, а его родной брат – Константин. Мы не знали ни биографии Егора Васильевича, ни его творчества. Изучив статьи в различных справочниках и энциклопедиях, мы столкнулись с большим количеством несоответствий в его биографии. Из творческого наследия широкому читателю знакомы всего два его стихотворения – «Жаркая баня» и «Тушение лунны», хотя известно, что Егор Васильевич – автор не менее ста произведений. Как писал известный коми литературный критик Геннадий Беляев, «в 1920-30-ые гг. он (Егор Колегов) даже самого Виктора Савина опережал – столько он писал и публиковал».

Поработав с фондами Национального Архива РК, каталогами Национальной Библиотеки РК, Детской библиотеки им. С.Я. Маршака, мы восстановили биографию Егора Колегова, составили алфавитный список из 46 статей о его жизни и творчестве, собрали воедино 56 его произведений. Например, официальная дата смерти Егора Васильевича – 1935 год. Мы же обладаем справкой о смерти Е.В. Колегова, выданной в НАРК с данными, что он скончался в 1937 году. Там же мы получили документ, что имя при крещении ему дали не Егор, а Георгий. Те стихотворения, которые были написаны буквами латинизированного и молодцовского алфавитов, переведены на современный коми язык (алфавит).

Благодаря работе с информантами, мы познакомились с дочерью поэта – Веселовой Социалиной Георгиевной, проживающей в городе Сыктывкаре. С Социалиной Георгиевной мы поддерживаем тёплые отношения, встречаемся, созваниваемся. Она посещает все наши мероприятия, посвящённые её отцу Егору Колегову.

Затем мы познакомились с родственницей Егора Васильевича – Мелехиной Зоей Евгеньевной, проживавшей в с. Пажга Сыктывдинского района. Ей было уже за 80. Она поведала нам о последних месяцах и днях жизни Егора Васильевича. Тяжело заболев, он, никому не нужный, вернулся в родное село, в маленький однокомнатный родительский дом, где на тот момент проживали его мать и жена брата Ивана. Возле ручья Шорыйл мы обнаружили место, где стоял родительский дом Колеговых. Сейчас на его месте располагаются другие постройки. В Сыктывкаре обнаружен дом, построенный Е. Колеговым в 1920-ых годах (Кирова, 57). В нём до сих пор проживают люди (к сожалению, не его потомки).

Выяснилось, что за могилой Егора Васильевича никто не ухаживает. При помощи старожилов нашего села, мы нашли место захоронения поэта, расчистили его и в 2007 г. установили новый надгробный памятник. Сейчас несколько раз в год посещаем могилу, расчищаем её от зарослей шиповника, скашиваем траву, высаживаем цветы.

Благодаря активной переписке с родственниками Егора Колегова, запросами в архивы и администрации тех населённых пунктов, где они когда-то проживали и работе с информантами мы нашли материалы о 62 его родственниках, восстановили данные о 5 поколениях семьи Колеговых. Так как при жизни Егора Васильевича не вышло ни одной его книги, то мы сверстали и выпустили 3 маленьких сборника его стихотворений «Пармазон», «Югидлань», «Чужан му». В 2010 г. на грантовые средства был выпущен объединённый сборник его стихотворений «Чужан му». Также готовится к выпуску диск о жизни и творчестве Егора Васильевича Колегова.

Для популяризации его творчества мы принимаем участие в работе различных семинаров и конференций, отправляем публикации в газеты, читателям библиотеки и гостям села раздаём закладки с произведениями поэта.

В 2008 г. в ЫБе провели первые малые Колеговские чтения.

В 2010 г. в районном центре нашего района – в селе Вьльгорт состоялись первые районные Колеговские Чтения, которые будут проводиться 1 раз в 2 года.

26 марта этого года в Музее истории просвещения Коми края открылась выставка «Поэт своеобразного склада», посвящённая 115-летию со дня рождения Егора Васильевича Колегова. В открытии выставки участвовали как Ыбские краеведы, так и исследователи и поклонники его творчества, такие известные в республике люди, как учёная Кузнецова Татьяна Леонидовна, председатель Союза писателей РК Козлова Елена Ивановна, переводчик Шергина ...

Работая по представленным программам, библиотека вносит достойный вклад в изучение истории села и в привлечение читателей к этому занятию.

Русские коллекции в собрании итальянского центра "Russia Cristiana" в Сериате

Россия, вступив в XXI век, собирая островки национальной культуры, продолжает исторически заданный вектор развития, обретая свое законное место в семье мировой цивилизации. В этой связи, обратим внимание на один из малоизвестных Центров, занимающийся изучением религиозной, социальной и культурной истории России-СССР и постсоветского пространства – «Russia Cristiana» («Христианская Россия»), в итальянском городе Сериате (via Tasca 36, 24068 Seriate, BG), чьи фонды включают документальные источники по отечественной истории и истории Русского Зарубежья.

Центр основан в 1957 г. римско-католическим священником Романо Скальфи (Romano Scalfi). Он родился в 1923 г. в Тионе (Tione), провинция Тренто (Trento), был рукоположен в 1948 г., с 1951 г. обучался в Риме, в Папском колледжуме «Руссикум» (Pontificio Collegio Russicum) и изучал социологию в Григорианском университете (Università Gregoriana). Богатейшее документальное наследие отца Р. Скальфи и его библиотека по русистике, а также многочисленные артефакты русского декоративно-прикладного искусства и предметы материальной истории, связанной с Россией заслуживают пристального внимания и серьезного изучения с целью введения их в научный оборот.

Центр находится на вилле, включающей усадьбу архитектурного и садово-паркового ансамбля XVII–XIX вв. Она была завещана последней ее владелицей – Елизаветой Амбивери (Betti Ambiveri) (1888–1962), узницей фашистских концлагерей (ставшей таковой за связь с патризианами), посветившей себя делу социального и религиозного служения. «Русский вопрос» присутствовал в жизни Бетти, об этом свидетельствует ее переписка, личные вещи и другие артефакты. Она оказывала духовную и материальную поддержку русским эмигрантам. Среди них священник Степан Виргулин (Virgulin) (1918–1997), серьезный специалист в области экзегетики, автор монографий: «"Вера" в пророчестве Исайи» (1961 и 1968), «Товия» (1978), «Иудифь» (1970), «Книги 1-2 Паралапемон» (1975), «Книга пророка Ионь» (1980), а также участник авторского коллектива подготовившего «Введение в Библию» ("Introduzione alla Bibbia", Torino, 1962–78), активно работавший среди военнопленных и беженцев ДиПи. Сохранилась его переписка с Е. Амбивери конца 50 – начала 60 гг. XX в. Виргулин писал ей из Рима, Аргентины, Ливана и США. «Христианская Россия» в своем фонде располагает следующими публикациями Виргулина: «I sacramenti nell'ortobizantino»; "Caratteristiche dell' cristianesimo russo. Fattori psicologici ed orientali-bizantini"; "La Madre di Dio nella liturgia e nella devozione dei popoli dell'URSS"; "Il cristianesimo russo nella sua evoluzione storica"; "L'ecumenismo del Concilio"; "La Sacra Scrittura presso i russi"; "L'Inno acatisto".

Е. Амбивери оказывала также помощь русским детям-сиротам, жертвам войны. В этой связи интересны свидетельства переписки, среди ее корреспондентов – воспитанник интерната св. Георгия в Медоне Владимир Ильин и др.

Среди других контактов заметны фигуры архиепископа Андрея Каткова (1916–1995) и Иоанна Корниевского (1910–1984). Первый родился в Иркутске, далее был в эмиграции в Харбине, с 1939 г. учился в Риме, в 1944 г. стал священником, работал с беженцами, затем служил в Великобритании и Австралии, с 1958 г. был назначен епископом коадьютором (помощником) византийского обряда, с 1960 – Полномочный Визитатор, с 1961 г. – Российский апостольский экзарх. Второй – майор, оказавшийся в плену во время Второй мировой войны, оставшийся на Западе, окончивший «Руссикум» и ставший священником в 1950 г., позднее работал в Германии и Бельгии, а с 1962 г. – в Запорожье.

Центр имеет библиотеку, архив, иконописную школу "Scuola di Seriate" (с 1978 г.) и домовый храм Преображения Господня византийско-славянского обряда с хором "Ars Nuova", с 1960 г. издает журнал "La Nuova Europa", имеет издательство "La Casa di Matriona". Материалы редакционного архива содержат сведения по политической истории и документы самиздата, поступавшие на Запад во второй половине XX в.

Следующим большим собранием, которым обладает Центр, является Фонд «La Vita con Dio». Это архив брюссельского издательства «Жизнь с Богом» вместе с книжной коллекцией библиотеки им. Владимира Соловьева и действовавшего при них Благовещенского храма византийско-славянского обряда (l'Église Catholique russe de Belgique à Bruxelles). История этого собрания такова. В 1951 г. в бельгийской столице возник центр "Foyer Oriental Chretien" («Восточно-христианский очаг»), ставшим продолжением, основанного в 1945 г. "Comité belge de documentation religieuse pour l'Orient". Центр находился до 2000 г. по адресу: 206, avenue de la Couronne à Bruxelles. Его фонд был перевезен затем в Сериате. Он включает рукописи и личные бумаги русских профессоров в Болгарии: Михаила Эмануиловича Поснова (1873–1931), его супруги – Елены Григорьевны (1888–1966), Александра Павловича Доброклонского (1856–1937), Николая Никоноровича Глубоковского (1863–1937) и др. Помимо того – бумаги (деловая и личная переписка 1940-х – 90-х гг.) Ирины Михайловны Посновой (1914–1997)¹, священников Антония Ильца (1923–1998), Кирилла Козины (1925–2004) и др.; архив редакции – отдельные рукописи и корректуры за период 1970–1990-х гг., техническую и рабочую документацию, переписку с корреспондентами в СССР, рукописи и машинописные тексты, правки. Обращает на себя

¹ С 1964 г. И. Поснова выступала с религиозными программами на русском языке на «Радио Монте-Карло», в 1967 г. основала радиопередачу «Мир и Свет Жизни» ("Paix et Lumière de Vie") в Монако, а также организовала церковные программы на русском и французском языках для соотечественников, проживавших в Западной Европе на бельгийского радио «Альфа и Омега». Архив включает ее сценарии, тексты выступлений, черновики.

внимание раздел протоиерея Александра Меня (1935–1990). Брюссельская коллекция книг состоит из 1903 единиц хранения.

Библиотека Центра включает 27500 единиц хранения и ежегодно пополняется приблизительно 300 новыми книгами и 608 наименованиями периодики, из которых 60 – продолжающиеся издания. Она включает книги из личных библиотек епископа Павла Мелетьева (1880–1962), протопресвитера Валента Георгиевича Роменского (1900–1978), протоиерея Георгия Леонидовича Рожко (1915–2003), бывшего полномочного визитатора (Esarcato Apostolico per i catholici dirito bizantino), Михаила Николаевича Гаврилова (1893–1954), пастора Алексея Павловича Васильева (1909–1978) (Mouvement Evangélique Russe a Bruxelles). Другая ее часть – издания (178 наименований, принадлежащие 129 авторам) существовавшего в 1951–1956 гг. издательства им. Чехова в Нью-Йорке (“Chekhov Publishing House”), которые были подарены в 1954 г. Александрой Львовной Толстой (1884–1979), младшей дочерью великого писателя, возглавлявшей Общественный совет издательства – литература универсального содержания, изданная при финансовой поддержке Фонда Форда (Ford Foundation).

Фонд включает в себя также издания Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), начиная с работ, выпущенных братством преподобного Иова Почаевского в Восточной Словакии (1923–1944), книги филиалов в Мюнхене и Гамбурге (Германия), издания Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), книги “УМСА-Press” (Париж) и других зарубежных издательских центров.

В него входят коллекции «итальянских» русских семей. Среди них собрания Замбелли-Кирпичевых (Giulietta Irina Zambelli Kirpischeff)¹, потомков военного инженера генерала Нила Львовича Кирпичева (1850–1927), основоположника воздухоплавания в России; Периа Паоло (Peria Paolo)² и его супруги Эммы; Барановских – Георгия Дмитриевича (1895–1977), полковника, участника Первой мировой и Гражданской войн, с остатками Добровольческой армии эвакуированного через Константинополь, жившего с 1921 г. в Италии и работавшего в компании меховых изделий, и его жены Ольги Васильевны, оперной певицы в «La Scala» (сценический псевдоним Замбелли-Молоткова), а также сестры – певицы Натальи Барановской.

Представляют интерес документы Анжелики Кравченко (1898–1992), также оперной певицы (с 1926 г.) «La Scala».

В собрании Сериате обращают на себя внимание коллекция Джованни Кодевила (Giovanni Codevilla) (род. 1941), русиста, профессора университета в Триесте, специалиста по церковному праву и церковно-государственным отношениям в России-СССР и автора ряда монографий³.

Обращение к генеральному каталогу Центра возможно на его Интернет-сайте по адресу: www.russiacristiana.org/RussiaCristianaBiblio.htm

Директор библиотеки – Paola Pellegatta (e-mail: biblioteca@russiacristiana.org).

Надеемся, что информация об этом Центре будет полезна как для углубления межкультурной коммуникации, так и лучшего знакомства с Русским Зарубежьем.

Е.В. Колчина, Л.М. Лойко, А.А. Чувьуров
Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Коллекции по этнографии народов коми (коми-зыряне, коми-пермяки) в Российском этнографическом музее: особенности комплектования и презентации

Российский этнографический музей – один из крупнейших музеев мира, хранящий более полумиллиона экспонатов, характеризующих традиционно-бытовую культуру более 150 народов Восточной Европы, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Центральной Азии. Его предшественником был Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, учрежденный в 1902 г. В 1934 г. этнографический отдел получил статус самостоятельного музея и наименование – Государственный музей этнографии. С 1977 г. музей становится научно-исследовательским учреждением, а с 1979 г. – научно-методическим центром этнографического музееведения. В 1991 г. – музей включен в свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ, с 1992 г. по решению правительства РФ – музей носит название Российский Этнографический музей (РЭМ).

Несколько поколений музейных сотрудников продолжают осуществлять основные задачи, заложенные в программу при создании музея: «Служить общему образованию путем наглядного обозрения собранных предметов».

Музей располагает уникальными коллекциями по этнографии народов Российской империи и соседних государств Европы и Азии. Его собрание включает порядка 300 тыс. экспонатов, а фотоиллюстративный фонд – около 150 000 фотоотпечатков, негативов, дагерротипов и слайдов.

¹ До 1917 г. эта семья имела фамильное поместье в Псковской области и владела, основанной в 1882 г. в Санкт-Петербурге, обувной фабрикой «Скороход». В 1936 г. Замбелли эмигрировали из СССР в Италию, где проживали в Милане.

² Он – итальянец, родившийся в России после революции 1917 г. и эмигрировавший в Милан; в его библиотеке русскоязычных изданий имеются экземпляры с авторскими посвящениями

³ “The Attitude of the Soviet State towards Religion” (1971), “Stato e Chiesa nell’Unione Sovietica” (1972), “Le comunità religiose nell’URSS: La nuova legislazione sovietica” (1978), “Religione e spiritualità in URSS” (1981), “La libertà religiosa nell’Unione Sovietica” (1985), “Dalla rivoluzione bolscevica alla Federazione Russa” (1996), “Stato e Chiesa nella Federazione Russa: La nuova normativa nella Russia postcomunista” (1998), “Lo zar e il Patriarca: I rapporti tra trono e altare in Russia dalle origini ai giorni nostri” (2008).

В собрании РЭМ коллекции по этнографии народов коми являются одними из наиболее полных и разноплановых. Всего насчитывается более 70 коллекций (около 3,5 тыс. предметов), которые охватывают период с середины XIX в. до наших дней. В целом данное собрание является крупнейшим в Российской Федерации, а отдельные предметы в составе его коллекций могут считаться уникальными.

Первые коллекции, характеризующие традиционную культуру коми, поступили в музей в 1900–1904 гг. Это были отдельные предметы, приобретенные у коллекционеров-собирателей (Парижская выставка 1900 г., А.В. Худорожева 1904 г.), не имеющие достаточных аннотаций. В последующие годы, также продолжали поступать отдельные коллекции предметов по этнографии коми (коми-зыряне, коми-ижемцы) от частных собирателей. В числе дарителей были такие известные деятели культуры и науки как литератор и философ К.Ф. Жаков, финский исследователь У.Т. Сирелиус, руководитель Печорской Естественно-исторической станции при Императорской Академии наук в с. Усть-Цыльма (Печорский уезд Архангельской губернии), А.В. Журавский, а также малоизвестные собиратели и дарители – А.И. Антонов, Д.А. Чупров, зажиточный крестьянин ижемец из Тобольской губернии.

Однако основным источником комплектования этнографических предметов явились этнографические экспедиции. Примечательной особенностью первых лет собирательской работы Этнографического Отдела Русского музея (ЭО РМ) являлось привлечение к сбору этнографических материалов корреспондентов из числа местной интеллигенции: священников, учителей и т.д.¹ Такое положение вещей объясняется тем, что штат Этнографического Отдела в первые годы своего существования включал четырех сотрудников и естественно был не в состоянии охватить собирательской деятельностью всю Российскую Империю².

Первое объемное по тематике и количеству поступление памятников традиционной культуры народа коми относится к 1906 г. и связано с экспедиционно-собирательской деятельностью С.И. Сергеля – в те годы студента Санкт-Петербургского университета. В Помоздинской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (в настоящее время Усть-Куломский район Республики Коми) им была собрана значительная коллекция этнографических предметов, характеризующих культуру и быт верхневьчегодских коми.

Эта этнографическая поездка была инициирована самим С.И. Сергелем. В своем заявлении (от 25 февраля 1906 г.) в Этнографический Отдел Русского Музея С.И. Сергель, подчеркивал, что ранее, в 1903 г., «побуждаемый любознательностью и страстью к путешествиям», он совершил ознакомительную поездку на Печору, где имел возможность познакомиться с культурой и бытом местных жителей: русских староверов, зырян (коми), вогулов³. В заявлении он пишет, что поездка не только дала возможность познакомиться с культурой и бытом, проживающих там народов, но и «закалила его в перенесении разных неудобств путешествия по непроходимым лесам и теперь такого рода препятствия для него не могут быть помехой в работе»⁴.

Первоначально С.И. Сергель планировал заняться изучением печорских коми, так как, по его мнению, «зыряне мезенские и вычегодские утратили уже многое свое, сильно обрусели»⁵. По каким-то причинам маршрут экспедиции был изменен: С.И. Сергель доехал на пароходе через Вологду и Котлас до Усть-Сысольска, а оттуда на пароходе добрался до с. Подъельск и далее на подводе – до с. Помоздино⁶. В окрестностях последнего – (дд. Бадьюль, Анисиван (Кузь-Слудобожская), Кузь-Мыльк, Югыдтыдор), он стал заниматься сбором экспонатов⁷. В результате его четырехмесячной работы была собрана богатейшая коллекция по коми-зырянам, состоящая из 533 предметов⁸, которая достаточно полно характеризует различные стороны традиционной культуры коми (Колл. №№ 1001, 1012, 1020, 1057, 1067, 1071, 1164)⁹:

- охота и рыболовство: охотничьи и рыболовные орудия и снаряжение – различные типы кремневых ружей (*тищаль*); рогатина (*ош-копъё*); сеть для ловли птиц на току (*тар-кулэм*); капканы (для зайца, выдры, медведя, росомахи), западни, силки; различные сети для ловли рыбы; морда для ловли рыбы (*гымга*) и др;

¹ Горб Д.А. СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ГМЭ НАРОДОВ СССР У ВЕПСОВ // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Сб. науч. трудов / Отв. ред. О.М. Фишман. Л., 1990. С. 41.

² Молотова Л.Н. Е.А. Ляцкий и его деятельность в этнографическом Отделе Русского Музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). Сб. науч. трудов / Отв. ред. И.И. Пангина. СПб., 1992. С. 20.

³ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 566. Переписка с С.И. Сергелем, студентом СПб университета, командированным для собирания этнографического материала у зырян Архангельской и Вологодской губ. и лопарского населения Скандинавского полуострова и Финляндии. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 566. Переписка с С.И. Сергелем, студентом СПб университета, командированным для собирания этнографического материала у зырян Архангельской и Вологодской губ. и лопарского населения Скандинавского полуострова и Финляндии. Л. 4 (об.).

⁶ Свою этнографическую поездку в Помоздинскую волость С.И. Сергель описал в книге «В зырянском крае» (Сергель С.И. В зырянском крае. М.-Л., 1928).

⁷ Названия населенных пунктов и этнографических предметов приводятся в соответствии с тем, как они записаны в коллекционных описях С.И. Сергеля.

⁸ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 566, л. 10. В окончательном виде в фонды музея при регистрации из 533 собранных экспонатов было передано 490 предмета.

⁹ Более подробно о коллекциях С.И. Сергеля см.: Авижанская С.А., Браун М.А., Крюкова Т.А. Каталог-указатель (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного Музея этнографии народов СССР) // Музей и современность. Проблемы совершенствования экспозиций по истории Советского общества. М., 1975. С. 235-236; Каталог-указатель этнографических коллекций. Народы Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. Финно-угорские народы / Сост. Л.Л. Добрачева, А.Ю. Заднепровская, Е.Н. Котова. Л., 1990. С. 15-35.

- земледелие: сохи, бороны, серпы, косы, вилы, грабли, лопаты;
- мужская и женская одежда;
- предметы, связанные с воспитанием и обучением детей;
- домашняя утварь;
- домашние ремесла: прялки (*печкан*), веретёна (*чёрс*);
- народная медицина: лекарственные травы, магические средства.

Эти коллекции составляют основной костяк дореволюционного собрания по этнографии коми-зырян. В числе уникальных экспонатов, собранных С.И. Сергелем музыкальные инструменты – трёхструнная скрипка со смычком (*сигудёк*); детские игрушки – трещотка, мячик (*мач*), сделанный из гриба, игрушечные сани, волокуша, борова, одноколка с лошадьё; детский самострел, санки для катания с гор (*дадь*), деревянные коньки.

Одним из важных результатов экспедиции С.И. Сергеля в Коми край стали коллекции фотоснимков (Колл. №№ 984, 1056. Всего 207 отпечатков)¹. На них запечатлены различные стороны жизни и быта коми-зырян: общий вид сел, хозяйственные занятия; жилище; одежда, типы зырян, антропологические типы коми-зырян.

В этот же период начинается комплектование коллекций, отражающих культуру коми-пермяков. Полное по составу собрание предметов дореволюционного быта коми-пермяков имеется в коллекциях №№ 301, 1468, 2795, доставленных в музей знатоками жизни народа, опытными собирателями В.А. Плотниковым, А.Ф. Теплоуховым и Шестаковым (1903–1912 гг.). В частности, в 1903 г. от священника Шестакова из Пермской губернии (колл. № 301-340) в музей поступила кукла в женском коми-пермяцком костюме. Следует заметить, что это единственный образец традиционной коми-пермяцкой куклы в собрании РЭМ.

Одним из известных собирателей музея был художник В.А. Плотников. С 1903 г. В.А. Плотников стал ежегодно совершать поездки по России, чтобы, как он пишет в одном из писем ЭО РМ, «увековечить те памятники, которые, представляют несомненный художественный интерес, и которых еще не достигла рука вандала-разрушителя»². В 1908 г. В.А. Плотников совершил поездку в Пермскую губернию. Накануне поездки он обратился с письмом ЭО РМ, в котором предложил свои услуги по сбору материала среди проживающего там нерусского населения (чуваши, черемисы, мордва, вогулы, вотяки). Постановлением Совета ЭО РМ от 29 марта 1908 г. (журн. № 194) ему было выделено 300 рублей на приобретение экспонатов среди коми-пермяков, а также выдано удостоверение и открытый лист, в котором ЭО РМ просил оказать содействие В.А. Плотникову в сборе этнографических предметов³.

В результате этой поездки в Соликамском и Чердынском у. Пермской губ. В.А. Плотниковым была собрана большая коллекция этнографических предметов, характеризующих различные стороны жизни коми-пермяков (Колл. № 1468 162 предмета). Основу коллекции составляют комплекты мужского и женского коми-пермяцкого традиционного костюма (108 предметов): женские и мужские головные уборы – *кокошники*, *шамшура*, платки из браного холста, шляпы мужские (*катанка*); женская одежда – рубахи из домотканины, сарафаны – *дубас*, *китаешни*, передник (*занон*); женские кофты (*шабур*); мужские рубахи из пестрядины; полотенца; мужские и женские пояса; мужские и женские чулки; обувь – лапти, коты. Разнообразными предметами представлена также домашняя утварь. Сравнительно небольшую часть (8 предметов) составляют предметы религиозного культа – медные и серебряные нательные кресты, ящик для хранения восковых свеч. Этнографически репрезентативны и фотографии, выполненные Плотниковым во время его поездки по Пермскому краю (Архив РЭМ, ф. н. № 2855 – 50 единиц). Кроме экспонатов и фотографий А.В. Плотниковым в фонды музея были переданы акварельные рисунки этнографического характера, выполненные им во время его экспедиционных поездок: коми-пермяк и коми-пермячка в традиционных костюмах.

В 1909 г. в ЭО поступили коллекции этнографических предметов и фотографий, выполненных студентом Петербургского университета С.И. Руденко⁴ в ходе этнографической поездки по Тобольской губернии. Основной целью его экспедиции в Тобольскую губернию являлось изучение традиционной культуры хантов, манси и ненцев⁵, проживающих в бассейне реки Обь и его притоков – р. Сосьва, Ляпин, Сынь, Войкар, Вогулка. Были проведены также раскопки могильника в районе Обдорск. Сбор экспонатов среди коми-зырян (коми-ижемцы) во многом носил для С.И. Руденко случайный характер. Вместе с тем, собранная им небольшая коллекция дает достаточно полную картину жизни и быта зауральских коми (коми-ижемцев): это предметы, связанные с олене-

¹ В 1907 г. аналогичная коллекция, но в несколько меньшем количестве – 205 фотографий, была приобретена у С.И. Сергеля Музеем антропологии и этнографии (ныне – Музей Антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, колл. № 1095). В Национальном музее Республики Коми также хранится коллекция 188 копий из фотоколлекции С.И. Сергеля, выполненных в ходе экспедиции 1906 г., которые были переданы из Этнографического отдела Русского музея (акт принятия № 314 от 3 марта 1960 г. Коми Республиканского краеведческого музея).

² АРЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 475, л. 31.

³ АРЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 475, л. 17, 18, 19.

⁴ С.И. Руденко – впоследствии известный советский археолог, этнограф, заведующий Этнографическим Отделом Русского Музея (в 1920-е г.). О дореволюционной собирательской деятельности С.И. Руденко см.: *Лойко Л.М., Ягузин Р.З.* Башкирская коллекция № 1002 Российского Этнографического музея // Вестник Башкирского университета, 2006. № 2. С. 93-96.

⁵ О зауральской экспедиции С.И. Руденко см.: *Соловьева К.Ю.* Вклад С.И. Руденко в изучение обских угров (по коллекции ГМЭ народов СССР) // Современное финно-угроведение. С. 61-65; Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 505. Переписка с С.И. Руденко, командированным в Пермскую, Оренбургскую, Самарскую и Ярославскую губ. 1906–1912. Л. 67, 87-90.

водством – оленья упряжь, мужская одежда и обувь из оленьего меха (Кол. № 1910 – 14 предметов)¹. Дополнением к собранным экспонатам является небольшая коллекция фотографий (РЭМ. Кол. № 1835. – 10 фот.). В них отражены следующие сюжеты: группа коми-зырян в с. Обдорска (Обская губа) в зимних одеждах; коми-зыряне оленеводы на фоне оленьего стада (с. Обдорск.); зырянские *каюки* – крытые лодки (с. Саранпауль, Березовский уезд, Тобольская губ).

В послереволюционный период собирательская и исследовательская деятельность по изучению традиционной культуры народов коми была связана с именами таких известных исследователей как Л.Л. Капица и Т.А. Крюкова.

В 1926 г. по заданию ЭО командировку в Усть-Куломский район Коми Автономной области (в современном административном делении – Троицко-Печорский район Республики Коми) совершил сотрудник музея Л.Л. Капица.

Маршрут верхнепечорской экспедиции включил следующие населенные пункты Усть-Куломского района – сс. Троицко-Печорск, Усть-Ильч, Усть-Шугор, Покча, Савинобор, дд. Воя, Дутово, Сарьюдин; а также д. Кебырьб Усть-Вымского района². В ходе экспедиции была собрана разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян: предметы охоты, рыболовства, скотоводства, промыслов, народной медицины (Кол. № 4466, 44 предмета)³. В числе уникальных экспонатов, собранных Л.Л. Капицей, предметы, связанные с культурой и бытом коми старообрядцев-беспоповцев – самострел (*ньоввуж*), который использовался местными старообрядцами для охоты на белку и крупного зверя⁴; полка для икон (*киот*); детские игрушки; предметы народной медицины и др.).

Яркий документальный источник представляют собой фотографии, снятые Л.Л. Капицей во время этой экспедиции (Кол. № 4860, 54 фото). В них отражены следующие темы: жилище; средства передвижения; земледелие и скотоводство; охота; рыболовство; народная техника и промыслы; семейная жизнь; типы; верования.

В 1928 г. поступила значительная коллекция, характеризующая охоту и рыболовство (Колл. № 4731 – 27 пред.), собранная Д.К. Соловьевым – знатоком охотничьего промысла, автором ряда работ по охоте, относящихся к разным районам Российской Федерации. В том же году поступила небольшая коллекция музыкальных инструментов (детские дудки – колл. № 4945) от известного коми этнографа и лингвиста А.С. Сидорова.

В 1930-е гг. в отечественном музееведении и этнографии формируется новая концепция комплектования фондов и собирательской работы. Если в 20-е годы сбор экспонатов для музейных собраний проводился с целью сохранения выдающихся памятников культуры, а также документирования процесса развития этнической культуры, то в 30-е годы основной задачей стал сбор вещей для вновь строящихся экспозиций и выставок⁵. Такой подход нашел отражение в собранных в те годы коллекциях этнографических предметов.

В 1934 и 1935 гг. две экспедиционные поездки в Автономную область Коми совершила Т.А. Крюкова, незадолго до этого (1932) ставшая сотрудником музея, впоследствии – заведующая отделом Поволжья и Приуралья⁶. В результате этих поездок, в Сторожевский, Сысольский, Прилузский, Ижемский, Усть-Куломский районы, были собраны две большие коллекции по этнографии коми-зырян (Кол. 5670 – 119 пред.; Кол. 5775 – 76 пред.). Коллекции включают мужскую и женскую одежду, головные уборы, пояса, домашняя утварь, предметы промыслов. Важным дополнением, собранным коллекциям вещественных материалов, являются фотоматериалы, выполненные Т.А. Крюковой в ходе экспедиционных работ (ФРЭМ. Кол. № 5686 – 72 фот.; ФРЭМ. Кол. 6055. – 45 фот.). Тематика данных фотоматериалов разнообразна: охота; общий вид селений; сельское хозяйство; типы населения; средства передвижения; лесозаготовки и лесопромышленность; кустарные промыслы; жилище; пути сообщения; воспитание детей (приспособление для начинающего ходить ребенка, дети из детдома (с. Усть-Нем); верования (обетные кресты (сс. Усть-Нем, Дон)). Данная тематика объясняется тем, что одним из главных направлений в деятельности музеев в период 1930-50-х гг. стало «документирование современ-

¹ Более подробно о коллекции этнографических предметов по коми-зырянам С.И. Руденко см.: *Авижанская С.А., Браун М.А., Крюкова Т.А.* Каталог-указатель (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного Музея этнографии народов СССР) // *Музей и современность. Проблемы совершенствования экспозиций по истории Советского общества.* М., 1975, С. 236.

² Там же. Л. 30.

³ Более подробно о коллекции Л.Л. Капицы см.: *Авижанская С.А., Браун М.А., Крюкова Т.А.* Указ. соч. С. 237-238.

⁴ Как отмечает епархиальный миссионер Н. Следников: «Коми старообрядцы-пустынники в охоте пользуются не ружьями, а луками» (Дневник епархиального миссионера за 1903 г // ВЕВ, 1904, № 15 от 1 августа, Приб., С. 396-397). По его мнению, воспрещение применять при охоте ружье возникло вследствие неправильного толкования поучения св. Ефрема Сирина. «У одного начетчика, – пишет Н. Следников в своем отчете, – пришлось видеть, что в книге св. Ефрема Сирина, на полях против цитаты, где св. отцом не одобряется веселье со свирелями и пищалями, начетчиком около последнего слова написано толкование: “ружьями” (ВЕВ, 1904, № 15 от 1 августа, Приб., С. 397)». Следует подчеркнуть, что устав пустынножительства (старообрядцев-беспоповцев) также запрещал всякую охоту (*Пушвинцев И.* Пустынничество // Чердынский край. Вып. 3. Чердынь, 1928. С. 19). В решениях первого Всероссийского собора старообрядцев-поморцев, приемлющих брак, также подчеркивается, что лица духовные (наставник) не должны заниматься звероловством (Первый Всероссийский съезд старообрядцев, приемлющих брак М., 1909. С. 13).

⁵ *Шангина И.И.* Концепция комплектования собраний этнографических музеев (30–50 годы XX в.) // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992. С. 138.

⁶ О научной биографии Т.А. Крюковой см. статьи Заднепровской А.Ю., Решетова А.М., Томазовой О.В., Ивановской Н.И. в сб. *Личность и творчество. К 95-летию Т.А. Крюковой.* СПб., 2000.

ности, понимаемой как сиюминутная действительность», поэтому собирателей ориентировали на «сбор экспонатов, характеризовавших урбанизированные формы современной культуры»¹.

Толчок целенаправленному и планомерному экспедиционному обследованию районов проживания народов коми дало Всесоюзное этнографическое совещание 1956 г., на котором вновь был поставлен вопрос о необходимости систематического изучения всей территории Советского Союза². Наряду с другими этнографическими учреждениями в осуществление этой задачи включился и Государственный музей этнографии. Семилетним планом работы музея были предусмотрены экспедиции в первую очередь в те районы, которые не были исследованы этнографами ранее, в связи с чем в музейном собрании отсутствовали полноценные коллекции, иллюстрирующие культуру этих регионов, соответственно тех или иных народов и локальных групп. Существенные пробелы отмечались и в коллекциях по этнографии народов коми³. В 1958 г. в плане отдела Поволжья и Приуралья появляется пункт о необходимости полевого обследования всех районов расселения народов коми (зыряне, ижемцы, пермяки). Изучение маршрутов движения собирателей и состава имевшихся коллекций показало, что вся предыдущая исследовательская работа проводилась, в основном, в прибрежных селениях Средней Вычегды, в то время, как территории по верхнему и нижнему течению Вычегды, издавна заселенные коми, как и по притокам Вымы и Сысолы, рекам Мезени и Вашке, Печоре и Ижме, Лузе, Летке и в других местах оказались вне исследовательского интереса. Отметим, что малочисленность музейных коллекций по традиционной культуре этих районов особенно сказалась во время строительства экспозиции «Народы коми»⁴.

В конце 1950-х годов возобновилась собирательская и исследовательская деятельность сотрудников Государственного музея этнографии народов СССР на территории Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа. В основном, целенаправленное комплектование коми фонда музея с этого времени (1959–1968 гг.) связано с именем М.А. Браун⁵. За период 1959–1968 гг. М.А. Браун были обследованы все основные районы расселения коми (зыряне): Удорский, Ижемский, Летский, Ухтинский, Прилузский, Усть-Куломский, Интинский, Троицко-Печорский, Усть-Цилемский районы Коми АССР, а также гг. Сыктывкар, Воркута, Печора. Маршруты ее экспедиционных поездок (в работе которых также принимали участие сотрудники Коми Республиканского Краеведческого музея⁶) включали ранее необследованные сотрудниками РЭМ районы, в частности северные районы Коми АССР. За время экспедиций М.А. Браун было собрано 8 коллекций по этнографии коми-зырянам (Колл. №№ 7191, 7192, 7242, 7307, 7366, 7578, 7766, 7777 – 633 пред.)⁷, включающей различные предметы хозяйства, культуры и быта: мужскую, женскую и детскую одежду; одежду из оленьего меха; предметы быта и воспитания детей на кочевках, женскую нарту и оленью упряжь, орудия сельского хозяйства, предметы охоты и рыболовства, вязаные изделия, пояса, домашнюю утварь, образцы народного искусства. Сбор этнографического материала проводился по трем крупным темам: «Одежда», «Жилище», «Народное искусство». Заполнялись имевшиеся пробелы и в ряде других этнографических тем. Значительный интерес представляет и коллекция фотоснимков, выполненных собирателем в ходе этнографических экспедиций. Тематика фотообъектов, в значительной степени, отражает круг научных и собирательских интересов М.А. Браун. Среди фотографий представлены следующие сюжеты: оленеводство, охота; типы жилищ и одежда, хозяйственные постройки, транспорт, общий вид селений, антропологические типы (ФРЭМ. Колл. № 9139/ф. 377; ФРЭМ. Колл. № 9138/ф. 376; ФРЭМ. Колл. № 9137/ф. 375; ФРЭМ. Колл. № 9140/ф. 378; ФРЭМ. Колл. № 9102/ф. 340; ФРЭМ. Колл. 3141/ф. 379; ФРЭМ. Колл. 9283/ф. 521; ФРЭМ. Колл. ф. 9379/ф. 617; ФРЭМ. Колл. № 9441/ф. 679). В фотоколлекции есть и достаточно редкие фотографии, связанные с этномузыкой коми: фотоснимки процесса изготовления свирелей (чипсан), фотографии отдельных исполнителей и различных коллективов чипсанистов (Прилузский район Республики Коми – ФРЭМ. Колл. 9289/ф. 527).

М.А. Браун была основным собирателем коллекций по этнографии коми-пермяков. С 1961 по 1973 гг. она совершила шесть экспедиций в разные районы проживания коми-пермяков. За этот период музей пополнился вещевыми и фотоколлекциями – около 500 памятников. В 1968 г. был начат сбор материалов в районах расселения народов коми за пределами их национальных объединений. Это была поездка к коми-пермякам, проживающим в Афанасьевском районе Кировской области. В результате в музее появилась коллекция разнообразных этнографических предметов, характеризующих традиционную культуру данной этнической группы.

В 1963 г. в музей поступила коллекция лекарственных растений, используемых в народной медицине коми-пермяков, которая была собрана сотрудником Химико-фармацевтического института Ф.И. Дерябиной.

¹ Шангина И.И. Указ. соч. С. 139-143.

² Резолюция этнографического совещания 1956 года // СЭ. 1956. № 3. С. 138-141.

³ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 1402, л. 9.

⁴ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 1337, л. 4.

⁵ В архиве РЭМ хранится автобиография М.А. Браун, в котором она подробно описывает свою жизнь, в том числе и события, связанные с концлагерем. В 1941 г. она (будучи студенткой III курса ЛГУ) оказалась в зоне фашистской оккупации. В 1942 г. была отправлена в фашистский концлагерь на территории Польши, где находилась до 1945 г. Учебу в ЛГУ она смогла продолжить только после освобождения из концлагеря. В 1948 г., после окончания филологического факультета ЛГУ (кафедра этнографии), М.А. Браун поступила на работу в ГМЭ, где проработала до самого выхода на пенсию, в феврале 1975 г.

⁶ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 1402. Отчет М.А. Браун об итогах экспедиционно-собирательской работы в Коми АССР. 1961. Л. 3.

⁷ Экспедицией 1959 г. (Ижемский, Усть-Цилемский, Сыктывдинский р-ны Коми АССР) руководила Т.А. Крюкова, заведующая отделом Поволжья и Приуралья (Колл. №№ 7191 (85 пред.), 7192 (46 пред.)).

В 1970-е гг. активной собирательской работы на территории Коми АССР ГМЭ не проводил. Отдельные поступления этнографических предметов в эти годы связаны с исследователями, занимающихся этнографией коми. Так, в 1973 г. от А.И. Терюкова, в то время студента ЛГУ, впоследствии известного этнографа, поступила коллекция головных уборов из Удорского района (Колл. № 8212 – 3 пред.). Еще одна коллекция из Удорского района (набойные доски) поступила в 1976 г. от Г.Н. Романовой, в то время сотрудницы отдела этнографии ИЯЛИ КФАН СССР (Колл. № 8558 – 5 пред.).

В 1984 г. была осуществлена этнографическая командировка сотрудников РЭМ Л.Л. Добрачевой и Л.М. Лойко в Прилузский и Сысольский районы Коми АССР. Значительную часть, собранных ими экспонатов, составляют изделия современных мастеров, образцы продукции, выпускаемые предприятиями художественных промыслов (Кол. № 10586 – 129 пред.).

В 1995 г. была сотрудниками РЭМ (н.с. Е.В. Колчиной, н.с. И.С. Фроловой) совершена рекогносцировочная экспедиция в Ижемский район¹. Задачей экспедиции был сбор этнографического материала по следующим темам: этнопедагогика, традиционные представления о красоте, традиционные промыслы, верования, христианские праздники и народный календарь. В ходе экспедиции Е.В. Колчиной были проведены фотосъемки (Кол. № 11691 – 14 фотографий), приобретены этнографические предметы по теме «Традиционное воспитание» (кол. № 11683).

В 2001 г. сотрудниками РЭМ (н.с. В.А. Галиопой, н.с. А.А. Чувьоровым) была совершена этнографическая экспедиция в Усть-Куломский район Республики Коми². В результате этой поездки в фонды музея поступила значительная коллекция этнографических предметов (Колл. № 12000 – 49 пред.), характеризующих различные стороны культуры и быта верхневьчегодских коми (охота, рыболовство, ткачество, верования и т.д.)³. К числу уникальных предметов, собранных участниками экспедиции, относятся рукописные сборники с религиозными текстами на коми языке, связанных с рукописной традицией коми православного движения *бурсьылысьяс* (певцы добра)⁴.

В 2002 г. сотрудником музея А.А. Чувьоровым была совершена этнографическая экспедиция в Печорский район Республики Коми. В результате экспедиции была собрана коллекция из 18 предметов, характеризующих различные стороны жизни печорских коми. Среди уникальных предметов данной экспедиции следует назвать старообрядческую моленную скамейку для совершения земных поклонов (*юрбитан-джек*).

Таким образом, в результате многолетней исследовательской работы в РЭМ образовалась разноплановая коллекция этнографических предметов и фотоматериалов, характеризующих различные стороны культуры и быта народа коми. Данное собрание активно используется в различных видах музейной деятельности. Это относится к проектам в области научной, выставочной, экспедиционной, издательской, педагогической и научно-просветительской работы музея.

РЭМ обладает постоянно модернизируемыми базами данных, которые являются частью информационной системы различных учреждений СПб: «Этнография народов России» / «Ethnography of nationalities of Russia», представляющей в совокупности интеграцию текстовых, визуальных и звуковых данных в полимодальных электронных коллекциях этнографического характера.

Выставочная компонента музейной деятельности РЭМ представлена репрезентативными и постоянно обновляемыми разномасштабными и разнохарактерными концептуальными выставками (включая фото и мультимедийные). В них находят отражение научные разработки по современной регионалистике, культурологическому осмыслению музейных памятников, оценке профессиональной деятельности исследователей прошлого и настоящего. Только в 2011 г. состоялась, в частности, такая выставка: «Я пробрался вглубь неизвестных стран» фотографии С.И. Сергеля. Среди совместных международных выставочных проектов следует выделить «Карелия. На границе Финляндии» в Музее Культур г. Хельсинки и др.), которая была посвящена актуальной теме – влиянию государственной, этнической и конфессиональной границ на историю и культуру русского населения Русского Севера и прибалтийско-финских народов по обе стороны от политической границы между Россией и Финляндией на протяжении XIX–XXI вв. Раздел, который создавал РЭМ, был представлен экспонатами, отражающими традиционную культуру коми-ижемцев. В настоящее время в рамках выставочного проекта «Славяне Европы и народы России. К 140-летию Первой этнографической выставки» демонстрируется промысловый коми-зырянский костюм, представляющий собой наиболее ранний комплекс мужской одежды, хранящийся в фондах РЭМ. Итоги современной полевой практики отражают регулярные фотовыставки под общим названием «Полевая автобиография», одна из которых была посвящена экспедиционной работе сотрудников РЭМ в Республике Коми.

¹ В экспедиции также принимали участие сотрудники Национального музея Республики Коми: н.с. В.Б. Липин (руководитель экспедиции), с.н.с. Т.А. Пьянкова, н.с. О.Н. Волокитина, н.с. отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УРО РАН В.Э. Шарапов.

² В данной экспедиции также принимали участие сотрудники Национального музея Республики Коми и отдела этнографии КНЦ УРО РАН: н.с. НМРК О.Н. Смирнова (руководитель экспедиции); н.с. НМРК В.Б. Липин, н.с. отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УРО РАН В.Э. Шарапов.

³ В ходе экспедиции были произведены также фотосъемки (на черно-белую и цветную негативную фотопленку) множества различных типов жилых, хозяйственных, надворных и общественных построек; около 200 предметов традиционной домашней, хозяйственной и промысловой утвари верхневьчегодских коми; 14-ти деревянных кладбищ; 10-ти обетных крестов; знаковых деревьев (*пас пу, вожа пу*) и знаков на самих таких деревьях (*пас, лѳсас*), связанных с кладбищами, дорогами и обетными крестами; фотосъемка поминальных панихид.

⁴ 13 владельческих собраний.

Научно-методическая работа является одной из форм презентации культурного наследия в РЭМ. В музее проводятся ежегодные стажировки (повышения квалификации) по основным направлениям музейной деятельности. Темы стажировок общие и специализированные. Помимо постоянных стажировок, музей организует коллективные и индивидуальные занятия, руководствуясь пожеланиями специалистов.

В последние годы практикуются совместные комплексные лекционные занятия с мастер-классами, которые проводятся научными сотрудниками музея совместно с мастерами этнологического клуба «Параскева». Это первая общественная организация в Санкт-Петербурге, занимающаяся изучением и воплощением в своих изделиях традиционного опыта народных ремесел. Сотрудничество «Параскевы» с Российским Этнографическим музеем относится к началу 1990-х гг. Первое совместное занятие было посвящено воссозданию традиционной кукле коми-ижемцев, выполненной на основе образца из фондов музея.

Таким образом, на современном этапе существования Российского этнографического музея ставится задача, направленная не только на сохранение и изучение музейного собрания, но и на постоянный поиск и совершенствование актуальных практик презентации этнокультурного наследия.

Е.К. Коровина

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Коллекция набивных платков и шалей в собрании НМРК

Коллекция набивных платков и шалей второй половины XIX–XX вв. в собрании Национального музея Республики Коми насчитывает более 50 предметов, дающих представление о деятельности и художественных возможностях ведущих центров набивного производства Москвы, Московской и Владимирской губерний. Памятники коллекции тесно связаны с историей текстильного производства в России, с историей известных династий промышленников и купцов¹.

Предлагаемая вниманию статья является итоговой работой подготовительного этапа по созданию каталога «Коллекция набивных платков и шалей в собрании НМРК». В дальнейшем при каталогизации всей коллекции головных уборов в собрании Национального музея Республики Коми, один из разделов будет посвящен набивным платкам и шалям.

Коллекция начала формироваться в первые годы существования музея, основанного в 1911 г. В 1926 г. из Горфондовой комиссии Гортеатра по акту были переданы коллекции старых тканей, среди которых выделяется семь образцов набивных платков и пять платков². Образцы представляют собой кусочки ткани 40x80 см. На трех из них присутствуют клейма фабрик Смирнова и двух неизвестных мануфактур «С В С», «Н Л П» (КП 1463, КП 1462). Клеймо фабрики Смирнова: имеет большое четкое круглое клеймо диаметром около 2, 5 см. В центре него проставлена дата «1869/года». По окружности печатными буквами одной высоты сделана надпись: «Ф. Н. Т. СМІРНОВА» (КП 1464).

На платках, поступивших в 1926 г., присутствует клеймо фабрики Лабзина и Грязнова и клейма неизвестных мануфактур «...Б А К и А...Ф КО...», «[Ш]...И Е...» (КП 889, КП 1456). Клеймо Торгового Дома Лабзина и Грязнова: четкой круглой формы. В центре него – круг, в котором в две строки проставлена дата «1872/год». По окружности печатными буквами одной высоты сделана надпись: «Я.И.ЛАБЗИН и И.ГРЯН.» (КП 1460).

Основной источник комплектования предметов это экспедиции сотрудников музея по районам республики и поступление от частных лиц. Экспедиции сотрудников музея в Удорский, Усть-Куломский районы в 1950–1980-е гг. пополнили коллекцию на 7 предметов.

В 1961 г. к экспедиции под руководством Браун Марины Александровны в Железнодорожный и Летский районы Коми АССР, организованной Государственным Музеем Этнографии (ныне Российский Этнографический музей), присоединился сотрудник Краеведческого музея Коми АССР – Малыш Альбина Семеновна. Как результат – поступление в коллекцию платка и косынки (КП 4773/3, КП 4782/3).

¹ *Гарелин Я.П.* Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад Шуя, 1884; *Лядов И.С.* Рукоделия, ремесла, промыслы и торговля г. Шуи. Владимир, 1876; Прохоровская Трехгорная мануфактура в Москве. 1799-1899. Историко-статистический очерк. М., 1900; *Рыжков В.* Город Шуя и Шуйский округ. Географическое, историческое и экономическое описание. Шуя, 1930; Ситцевая мануфактура А. Гюбнера. М., 1896; Текстильное дело в России. Настольная справочная книга. Одесса, 1912; *Свирицкий В.Ф.* Фабрики, заводы и другие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир, 1890; *Хмелевской П.И.* Шаги века. Ярославль, 1974; *Хмелевской П.И.* Александров. Ярославль, 1984; *Пругавин В.С.* Промыслы Владимирской губернии: Александр, уезд. М., 1882; *Герасимов В.В.* Страна по имени текстиль. Ярославль, 1984; *Бурыйкин П.А.* Москва купеческая. М., 1994; 1000-летие русского предпринимательства. М., 1995; *Барышниковы.* История делового мира России. М., 1994; *Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века.* М., 1997; *Кузнецова О.А.* «Человек экономической» в истории промышленного предпринимательства (конец XIX – начало XX вв.). Иваново, 2005 и др.

В каталоге «Русские ситцевые платки XIX – начала XX вв. в собрании Сергиево-Посадского Государственного историко-художественного музея-заповедника», в который вошло 290 предметов, дан анализ художественных особенностей фабрик. Ценнейшая справочная информация, образцы клейм, библиография и историография размещены в приложениях к каталогу.

² Научный архив ГРУ НМРК. Документы на поступившие экспонаты Республиканского краеведческого музея Коми АССР в 1923–1942 гг. О. 1. Д. 2834. С. 19-20 об.

В июле-августе 1965 г. старший научный сотрудник Государственного Музея Этнографии М.А. Браун вновь участвует в экспедициях в Коми АССР. Работа проводилась в Прилузском и Сыктывдинском районах. В поездке продолжительностью 25 дней Марину Александровну сопровождал директор Коми Краеведческого музея Н.С. Игнатов¹. В фонды музея был приобретен у колхозницы Пантелеевой Анастасии Андреевны (1907 г.р.) платок с клеймом «М.Т.М.Б.Т.А» – мануфактуры Барановых Владимирской губ., Александровского у., с. Карабаново (КП 4935/1).

В 1973 г. сотрудник музея И.А. Куратова – Митюшева Н.А. из экспедиции в Сыктывдинский р-н доставила платок с клеймом «АСАФА БАРАНОВА ВЪ МОСКВЪ» (КП 5650)². Интересным предметом пополнилась коллекция, в ходе экспедиции в Княжпогостский р-н в 1972 г. Заведующий отделом истории – Рубцов А.М. в с. Весляны приобрел у Габовой Ульяны Андреевны, платок, который покупала Попова Анна в 1912 г. (КП 5528/2). На лицевой стороне платка по пунктирной линии нарезки напечатан двуглавый орел³.

В 1990 г. Капина Лидия Васильевна (1931 г.р.), жительница с. Тентюково, передала в фонды музея шаль, предположительно, изготовленную на предприятии «Товарищества мануфактур Я. Лабзина и В. Грязнова в Павловском Посаде» и датируемую 1899 и 19... годами (КП 9378/40). Характерными особенностями данного периода является использование шерстяной ткани, и оформление края изделия поперечными полосками.

В 2007 г. в собрание НМРК поступили шали и платки, бытовавшие на территории Усть-Цилемского района. Шали приобретены коллекционером у местных жителей. Среди них выделяется павловопосадская шаль начала XX в. и шелковый платок с набивным растительным орнаментом.

Делая анализ коллекции можно утверждать, что набивные платки и шали бытовали как у крестьян, так и у мещан. Платок с клеймом «ФАБ Н Т СМІРНОВА В МОСКВЪ» принадлежал крестьянке Александре Викторовне Павловой и был подарком матери дочке (КП 5893/3). В 1972 г. Осипова М.А. передала платок, который принадлежал Осиповой Марии Павловне (1880 г.р.) – крестьянке с. Ыб (КП 5500/6).

В 1974 г. Коданева Клавдия Андреевна (1892 г.р.) передала платок, который приобретала её сестра, Коданева Татьяна Андреевна (1882–1963 гг.), в начале XX в. Сестры Коданевы были мещанками и проживали в г. Усть-Сысольске, д. Кодзвиль. На платке поставлено клеймо «... АБРИКИ...» (КП 8368/1)⁴.

Ни одна ярмарка не обходилась без этого яркого узорного товара, который был прекрасным дополнением к лобому крестьянскому и городскому женскому костюму. В легенде к платку, который передает Ильина Анисья Прокопьевна (1915 г.р.) из д. Коптюга Удорского района, сказано, что платок приобретен на Важгортской ярмарке в нач. XX в. (КП 6540). На красном фоне платка набит растительный узор желтой и розовой краской. Сравнивая с платком, на котором стоит клеймо «АСАФА БАРАНОВА ВЪ МОСКВЪ», из сходства техники изготовления и использования цветов набойки, напрашивается вывод, что и этот платок изготовлен на фабрике Асафа Баранова в с. Струнино Александровского уезда Владимирской губернии.

В фондах Национального музея Республики Коми хранится памятный платок «Народы Российской Империи» (КП 4836). В 1963 г. музею платок передала Мария Григорьевна Вокуева, учительница Ветлосянской восьмилетней школы. В семью Вокуевой предмет попал в конце XIX в., его приобрел в г. Москве Михаил Иосифович – дед Марии Григорьевны. Платок с клеймом: «ТОВАРИЩ ДАНИЛОВСКОЙ МАНУФАК ВЪ МОСКВЪ» и клеймом, выполненным латиницей «COMP DANILOFSKOL MANUF MOSCOU», печатью с пометкой «РИСУНОКЪ ЗАСТРАХОВАНЪ».

В ситуевом производстве платков особо следует отметить такое любопытное явление, как изготовление платков с сюжетным рисунком, посвященным памятным датам, различным событиям. Такими событиями, отмеченными «ситцевой хроникой», стали восшествие на престол Николая II в 1896 г., празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г., 300-летия Дома Романовых. Большинство этих платков было изготовлено на московской ситценабивной фабрике Товарищества Даниловской мануфактуры⁵.

¹ Колчина Е.В. Полевые исследования М.А. Браун по народам коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 174.

² В 1874 г. один из сыновей И.Ф. Баранова, Асаф Иванович, отделившись от братьев, решил завести свою фабрику. 20 декабря 1874 г. А.И. Баранову было дано разрешение от губернских властей на строительство красильно-набивного заведения. Это и считается официальной датой основания крупного текстильного предприятия, которому впоследствии присвоено наименование хлопчатобумажный комбинат «Пятый Октябрь». Главными рынками сбыта были Москва, Нижегородская и Ирбитская ярмарки.

³ Надо отметить тот факт что, не все предприятия были удостоены такой чести. Барановы получали право печатания государственного герба в 1847, 1870, 1882, 1892 гг. Товарищество А. Гюбнера получало право печатания государственного герба в 1861, 1882, 1896 гг. Товарищество Даниловской мануфактуры получило право печатать государственный герб в 1896 г. В 1833 г. фабрика Ст. Посылина получила право печатать государственный герб. Трехгорная мануфактура получала право печатания государственного герба в 1861, 1870, 1882, 1896 гг. Тем самым сужается круг предполагаемых фабрик изготовителей.

⁴ Предположительно это 1885–1892 гг. и клеймо: «Фабрика Я. Лабзина», между словами в центре круга цифры или буквы. Клейма Я.И. Лабзина и И.И. Грязнова могли появляться на изделиях фабрики лишь до 1884 г. 17 апреля 1884 г. было принято решение «о прекращении фирмы Торгового Дома за смертью учредителя оного Василия Ивановича Грязнова и его преемника Ивана Ивановича Грязнова, все дела и обязанности фабрично-торгового производства принял на себя единственного Яков Иванович Лабзин».

⁵ 1867 г. по праву считается датой основания «Даниловской мануфактуры», а купец первой гильдии Василий Ефремович Мещерин (1833–1880) её основателем. В 1876 г. было учреждено Товарищество Даниловской мануфактуры, членами правления которого в разное время были К.Т. Солдатенков, Ф.Л. Кноп, Н.И. Щукин и другие представители московской деловой

Коллекция шерстяных и полушерстяных платков и шалей в собрании Национального музея Республики Коми не так многочисленна, однако в ней представлены образцы изделий: фабрики Смирнова – 2 платка, более 15 павловопосадских платков и шалей, и это изделия разных периодов существования производства. Отдельные платки имеют знаки неизвестных мануфактур: «С.В.С», «Н.Л.П.», «...Б А К и А...Ф КО...», «...[Ш] ? И Е...».

Среди ситценабивных предприятий представлены фабрики Барановых (Мануфактура А. Баранова в с. Струнино Александровского уезда Владимирской губ., Мануфактуры Барановых Владимирской губ., Александровского и Переяславского уездов с. Карабаново и с. Анисимовка) – 7 платками, товарищество Даниловской мануфактуры – 1, товарищество Покровской мануфактуры П.Н.Грязнова – 1, 2-й Государственный хлопчатобумажный трест – 1.

Мануфактуры выпускали специально подобранные альбомы с пронумерованными образцами рисунков. В фондах НМРК хранятся платок, на котором сохранилась печать «№ 56» и клеймо «Т-ва Покровской м-ры П.Н. Грязнова» (КП 8368/1). Название мануфактуры расположено между двух двуглавых орлов. Платок был подарен Пелагее Семеновне Ермаковой свекровью в честь рождения сына в 1908 г.

Иногда проставленные знаки и клейма на хлопчатобумажных платках позволяют определить не только фабрику, но и дату создания. На платке черного цвета с цветным растительным орнаментом, на пунктирных линиях для нарезки расположены герб СССР и пятиконечная звезда с серпом и молотом. Герб СССР датируется 1922–1935 гг., соответственно и платок был изготовлен в этот период (КП 6543/11).

На хлопчатобумажном платке белого цвета с растительным орнаментом, на кайме расположено клеймо «2-й Государственный хлопчатобумажный трест» (КП 9043/3). По сведениям Государственной архивной службы РФ и Российского Государственного Архива Экономики (до 1992 г., Центральный государственный архив народного хозяйства СССР) вышеназванное предприятие можно найти в разделе «Легкая промышленность» с пометкой «ВСНХ СССР 1926–1931 гг.»¹.

Особой группой в коллекции стоят платки с печатным рисунком. Термин «набивные ткани» используется до сих пор, не смотря на изменение технологии производства. Две косынки, два платка были переданы с юбилейной выставки «25 лет Коми АССР» в 1946 г. На косынках пришиты ярлыки: «ГУТГП НКЛП РСФСР Резиноткацкая фабрика № 4 Москва, 14, Маленковская, 40...Изделие косынка Артикул 1091-513-10...» (КП 3404/18).

В эту группу входят платки с эмблемой XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Пхеньяне, IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Софии, с надписями «ERNST THALMANN BERLIN PIONIERPARK», «Сыктывкар-Ловеч-Рязань-Эрфурт».

В коллекции так же хранятся образцы набойки двух видов на шелковой ткани и две шелковые шали. Один из образцов это часть платка (КП 1470). Поле платка и кайма фиолетового цвета, большой средник заполнен мелкими цветами. По всему периметру каймы расположена широкая узорная полоса с растительным орнаментом. В узоре присутствует тонкий четкий контур и тщательная проработка мельчайших деталей. На одной из шалей, набойка выполнена цветными красками, однако контуры набойки расплывчаты, изображение нечеткое (КП 1451). Создается впечатление, что набойку выполнили кустарным способом на уже готовой фабричной шали. Вторая шаль коричневого цвета украшена набойкой, выполненной цветными красками на светлых полосах (КП 11805). Клейма на шали отсутствуют, поэтому установить фабрику изготовителя и точную дату на данный момент не представляется возможным. Шали требуют более глубокого анализа и поиска аналогов в других музеях.

На Руси с незапамятных времен известны способы расцветивания ткани путем набивания узора, в дальнейшем получившие название печатных рисунков. Это так называемые различные виды «набойки», от слова «набивать». Доска, на которой вырезался узор, называется «манера» или «цветка». Если поле доски оставалось выпуклым, а сам узор углублялся, то ткань называлась выбойкой. Для набойки узор, как правило, оставался выпуклым, намного выше общего фона. Суть этого способа заключается в следующем: вырезался узор на доске, затем доска смачивалась краской, превращаясь в печатную форму, после чего она накладывалась на ткань, ее простукивали деревянным молотком и набивали рисунок на ткань².

Ситценабивное производство, составившее некогда славу России, зародилось в конце XVIII в., и было тесно связано с местной традицией ручной набойки. В России пальма первенства в производстве ситцевых платков принадлежала Москве, Московской и Владимирской губерниям. В Москве славилась своими изделиями Прохоровская Трехгорная мануфактура, товарищество Даниловской мануфактуры, фабрики А. Гюбнера, Котова, во Владимирской губернии – мануфактура Барановых в селе Карабанова Александровского уезда, фабрика Ст. Посылина в Шуе, мануфактура Зубкова и мануфактура П.Н. Грязнова в Иваново-Вознесенске.

Район Павловского Посада (территория Богородского уезда Московской губернии) – один из старейших российских текстильных центров. С 1860-х гг. здесь начался выпуск шерстяных и полушерстяных платков, украшенных красочным набивным орнаментом. В Павловском Посаде и близлежащих к нему сёлах располагались крупные фабрики и небольшие мануфактуры. Одно из крупнейших предприятий России второй половине

элиты рубежа веков. После революции в 1919 г. предприятия Даниловской мануфактуры были национализированы. В советский период и до 1992 г. предприятие называлось Московская хлопчатобумажная фабрика имени М.В. Фрунзе.

¹ Российский Государственный Архив Экономики. Путеводитель. Вып. I. Краткий справочник фондов. М., 1994.

² По данным Интернет сайта: <http://www.screen.ru/techno/2010/platki/izgot.html>

XIX в. – фабрика, принадлежавшая Я.И. Лабзину и В.И. Грязнову¹. Среди наиболее известных московских фабрик можно назвать мануфактуру Смирнова².

Территориальная близость предприятий, фабричный характер производства, определяющий выпуск только пользующихся спросом платков и шалей, привели к определенному сходству их художественных решений и технологии исполнения. Точную принадлежность той или иной шали к определенной фабрике можно установить лишь по клейму на её изнаночной стороне, которое включает название фабрики с фамилией владельца или владельцев, иногда год производства и место расположение фабрики. В XIX – начале XX в. клеймение шалей осуществлялось на основании закона 1830 г.: «клейма должны быть налагаемы по одному на каждой штуке: клеймо по преимуществу штемпелевое, хотя и не возбраняется употреблять клеймо сургучное и на пломбе»³.

А вот на ситцевых набивных платках конца XIX – начала XX вв. клеймо, включавшее название фабрики с именем владельца, часто располагалось на кромке изделия. Так как платки нарезали уже после нанесения узора (при машинном способе изготовления), то кромку с клеймом иногда срезали. В таких случаях затруднено или не представляется возможным связать изделие с той или иной фабрикой.

Таким образом, каждый платок в собрании музея – это не только красивый и редкий предмет, но и богатый научный материал по истории текстильной промышленности и декоративно-прикладному искусству. Платки и шали из коллекции введены в активный научный оборот: постоянно экспонируются в залах музея и на выставках; являются предметом изучения для историков, художников и дизайнеров.

Н.С. Коровина

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Сказочное наследие коми в современной культуре

Сказка (мойд) занимает одно из ведущих мест в поэтическом творчестве коми народа. Коми сказочник был по преимуществу представителем крестьянства. Сфера сказки в крестьянской среде была чрезвычайно разнообразна. Сказку рассказывали в семье, на посиделках. Особенно благоприятствовали рассказыванию сказок работы коми крестьян осенью и зимой. В это время обмолачивался хлеб, после чего многие крестьяне, особенно северных районов республики, уходили на лесование (охоту, некоторые на лесозаготовки, а некоторые на отхожие промыслы).

В охотничьей избушке после трудного дня собирались от двух до пяти человек. В этих условиях рассказывание сказок – главный способ времяпровождения длинных осенних и зимних вечеров. Поэтому большинство лучших сказочников на Печоре, Выми, Мезени, Вашке, Выгегде были в прошлом охотниками и на вопрос, где они слышали ту или иную сказку, часто отвечают «в угожьях», т.е. в охотничьей избушке.

Итак, особенно широко бытовала сказка в разнообразных артелях и предназначалась в основном для взрослых. Основная ее функция в этот период – скоротать длинные, вечерние часы, свободные от работы. Этим в значительной степени объясняется наличие в репертуаре местных сказочников длинных и богатых приключениями сюжетов. Традиция рассказывания сказок сохранялась вплоть до 70-х гг. XX в.

Научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Т.И. Орнатская, побывавшая с Ф.В. Плессовским в 1961 г. на Удоре, застала еще в этом районе такой этап жизни сказочной традиции, когда почти в каждой деревне был сказочник, пользовавшийся известностью среди своих односельчан. В своем отчете Т.И. Орнатская отмечает: «В Удорском районе и сейчас не трудно отыскать сказочников. Сказка здесь

¹ В 1853 г. Яков Иванович Лабзин (1827–1891) – правнук основателя фабрики, и его родственник, и компаньон Василий Иванович Грязнов (1816–1869), объединив капиталы, основали собственный Торговый дом. Спустя три года они помимо ткацкого производства открыли и набивное. Вплоть до 1860-х гг. фабрика выпускала шерстяные, полушерстяные, хлопчатобумажные ткани и павлопосадские шали. Во второй половине XIX в. уже преобладали популярные набивные шерстяные палантины и шали. Рисунки на павловские платки наносили вручную, с помощью специальных деревянных досок: «манер». Узор набивали по частям, накладывая его до 400 раз, так как для каждой части применялась своя доска. По краю павлопосадские платки украшались сетчатой шерстяной или шелковой бахромой, которая до сих пор вяжется и пришивается надомницами вручную. О высоком качестве павлопосадских платков и шалей свидетельствует тот факт, что на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. они были отмечены серебряной медалью, в 1896 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде – наивысшей наградой – Большим гербом. После Октябрьской революции фабрику национализировали, она рассталась с именами прежних владельцев и стала называться Старо-Павловская фабрика № 11 Государственного камвольного треста ВСНХ, с 1928 г. – фабрика имени 10-й годовщины Красной Армии Главного управления шерстяной промышленности, с 1963 г. – Московское производственное платочное объединение, с 1989 г. – Павлово-Посадское производственное платочное объединение, с 1992 г. – Акционерное общество закрытого типа «Павлово-Посадские шали», с 1995 г. – Открытое акционерное общество «Павлопосадская платочная мануфактура».

² Основатель мануфактуры крестьянин деревни Ликина Кудыкинской волости Покровского уезда Владимирской губернии, Василий Сергеевич Смирнов. Дело начинает расширяться особенно после 1869 г., когда во главе становится сын основателя Алексей Васильевич.

³ Толстухина Н. Клейменные павлопосадские шали // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. Сентябрь, 2003. С. 105.

прежде жила полнокровной жизнью... Преобладающее большинство из них (сказочников – Н.К.) – мужчины, отлично владеющие русским языком, рассказывают сказки как по-русски, так и по коми»¹.

В настоящее время живые сказительские традиции угасли либо трансформировались, такого активного бытования сказки, какое отмечали собиратели лет 40-50 назад, уже нет. Однако материал, собранный исследователями и хранящийся в архивах Коми НЦ УрО РАН, Национального музея и Национального архива РК, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) убедительно свидетельствует о богатой и разнообразной устно-поэтической традиции, об одаренных исполнителях.

Публикация текстов сказки началась с середины XIX в., и включились в эту работу лингвисты. Впервые коми сказки были опубликованы в 1850 г. в приложении к «Грамматике зырянского языка» П.И. Савваитова. Еще три коми сказки были напечатаны в 1889 г. в книге Г.С. Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык». Большое количество сказок в качестве образцов диалектной речи было издано в сборниках лингвистического содержания (сб. Д. Фокоша-Фукса², Ю. Вихмана³, Т. Уотиль⁴ и т.д.).

Первый сборник коми сказок – «Коми мойджквьяс» (Коми сказки) был подготовлен в 1913 г. энтузиастом-собирателем, усть-сысольским учителем А.А. Цембером. В 1914 г. им же был составлен еще один – «Коми мойдан и сыланквьяс» (Коми сказки и песни). В два его издания вошла 31 сказка. Богатством сказочного материала отличаются сборники, подготовленные П.Г.Дорониным: «Фольклорной сборник» (Фольклорный сборник, 1938), «Важ коми мойдьяс» (Старинные коми сказки, 1950).

Важным событием в коми фольклористике XX в. стал выход в 1941 г. сборника И.А. Осипова «Висер вожса сыланквьяс да мойджквьяс» (Песни и сказки Вишеры). Составлен он по географическому принципу и характеризует собой локальную традицию небольшой части Корткеросского р-на – поселений, расположенных по Вишере и Вычегде, включая села Богородск, Большелуг, Сторожевск, Нившеру. Кроме песен и причитаний на правах отдельного раздела в него включены 20 сказок. Сборнику предпослана вступительная статья, имеется научный комментарий к текстам, указаны сведения об исполнителях. Этот сборник остается одним из лучших и в настоящее время.

Неоценимый вклад в дело собирания и изучения коми сказки был внесен известным коми фольклористом Ф.В. Плесовским. Во время многочисленных фольклорных экспедиций им был собран уникальный сказочный материал, многое из которого вошло в сборники, подготовленные ученым: «Коми мойдьяс, сыланквьяс да пословицаяс» (Коми сказки, песни и пословицы, 1956), «Коми мойдьяс да сыланквьяс» (Коми сказки и песни, 1963), «Коми мойдьяс» (Коми сказки, 1966).

Сборник А.К. Микушева «Ипатыдорса фольклор» (Фольклор села Ипатово, 1980), посвященный творчеству талантливой коми сказительницы Анастасии Шуктомовой, является пока единственным коми изданием, где рассматривается мастерство отдельного исполнителя.

В 1991 г. вышел сборник «Коми мойдьяс» (Коми сказки), подготовленный Ю.Г. Рочевым. Он отличается от других упомянутых публикаций хорошо подготовленным научным аппаратом: включенные в нее сказки идентифицированы по СУС, отмечены также их сюжетные особенности (наличие контаминации и т.д.).

Надо признать, что все сказки, записанные лингвистами, аутентичны, что является большим плюсом. Однако они не имеют научного комментария к текстам и важны для фольклористов только как факт фиксации материала. Все вышперечисленные же фольклорные издания претерпели литературную обработку составителей.

Вопрос о степени стилизации непрост. Часто стилизация – единственный способ художественного воплощения фольклора. Результаты этого процесса невозможно оценить однозначно. С одной стороны, пропаганда фольклора при помощи радио и телевидения сделало его доступным широкой аудитории, причем значительно расширилась и география его распространения. Если же к этому добавить издания произведений фольклора, то поток фольклорной культуры, который предлагается современному читателю-слушателю-зрителю, представляется поистине безграничным.

Однако нельзя не согласиться, что обилие стилизаций приводит к тому, что публика начинает принимать их за истинный фольклор, что неизменно ведет к ее заблуждению и относительно фольклора. Например, люди разных возрастов, в том числе большинство школьников, считают Перу-богатыря и Яг-Морта (Лесного человека) героями коми народных сказок, хотя на самом деле в фольклористике они всегда считались и считаются героями преданий.

Свою роль сыграли в этом и некоторые издания. В частности, сборники: «Пера-богатырь. Сказки финно-угорских народов», «Яг-Морт (Лесной человек) и другие сказки», вышедшие в Коми книжном издательстве соответственно в 1985 и 2007 гг. Названия сборников говорят сами за себя. Однако мало кто обращает внимание, что предназначены они для школьников младшего школьного возраста и пересказаны на русском языке А.И. Любарской.

То же самое может случиться и со сборником «Восьминогая собака. Коми народные сказки в литературном изложении П. Столповского», изданного в издательстве «Титул» в 2011г. Мало кто будет знать, что одна из произведений сборника – «Восьминогая собака» в литературном изложении П. Столповского представленная

¹ Рукописный отдел института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской АН. Р. V. Кол. 219. Папка 1. Л. 7-8.

² *Fokos-Fuchs D. Zurjen szövegek.* Budapest, 1916.

³ *Wichmann J. Syrjänische Volksdichtung.* Helsinki, 1916.

⁴ *Uotila T. Syrjänische texte.* Helsinki, 1995. Bd. I-IV.

сказкой, в фольклоре коми является мифологическим рассказом. Впервые текст «Кӧкъямыс кока пон» (Восьминогая собака) был опубликован в сборнике «Коми мойдъяс» (Коми сказки) в 1991 г. Его составитель – известный коми фольклорист Ю.Г. Рочев, хотя и включил его в сборник сказок, но в примечаниях отметил: «...Висьтасъсысь тайӧ шуис мойдӧн. Збыль вылассӧ тайӧ миф сям висьт» (Рассказчик сказал, что это сказка. На самом деле это мифологический рассказ)¹.

В настоящее время фольклористы всего мира обеспокоены сложной проблемой сохранения и поддержания в современной культуре аутентичного фольклора. Общеизвестны, например, выдающиеся заслуги братьев Гримм в открытии фольклорной сокровищницы немецкого народа. Как считает Н. Рошияну, «они старались «одеть» собранный материал в «платье», очень близкое к народному. Тем не менее, очень трудно говорить об аутентичности сказок братьев Гримм в истинном смысле слова, поскольку данные ими «модели» в большой степени являются плодом их литературного таланта»².

Путь, вероятно, может быть один: не отрицая талантливых профессионально выполненных стилизаций, давать дорогу и шире пропагандировать аутентичный фольклор, приучать к нему публику, развивая ее вкус и умение отличить истинное от искусственной подделки.

Это может сделать только глубоко продуманная система образования и воспитания фольклором, в первую очередь школьников, студентов, предусматривающая на каждом возрастном этапе свои методы знакомства с повествовательным и песенным фольклором, свои формы участия в фольклорных мероприятиях разного уровня, наконец, соответствующий возрасту набор теоретических знаний. И пора перестать включать произведения фольклора, в том числе и сказок, в учебники литературы, пора создавать школьные хрестоматии и учебники по коми фольклору.

Сегодня все более очевидно, что происходит утрата старых этнобытовых связей фольклорных явлений и в качестве доминанты выдвигается художественная функция традиционного фольклора, фольклорная традиция воспринимается в первую очередь как эстетический феномен.

По мнению К.В. Чистова, развитие эстетического начала фольклора влечет за собой сложный диалектический процесс: во-первых, этническую оценку фольклорного явления, стремление использовать его для создания национального колорита, во-вторых, желание в ходе современных культурных преобразований сохранить художественные навыки, приобретенные народом. Этот двуединый процесс исследователь назвал вторичным (фольклоризмом)³.

Понятие «литературный фольклоризм» в настоящее время широко вошло в научный оборот. Этот термин постоянно обогащается и наполняется различным содержанием. Опыт коми литературы показывает, насколько плодотворным может быть воздействие фольклора на книжную словесность (работы А.К. Микушева, О.В. Ведерниковой и др.). Этот процесс включает в себе общие закономерные черты, которые необходимо учитывать современной фольклористике, литературоведению. Это относится и к активному бытованию в коми литературе особых, ориентированных на фольклор жанров, каким является, например, литературная сказка. Коми литературоведы и фольклористы недостаточно полно изучили этот жанр литературы. Его следует рассматривать как «нереализованное направление уже известного научного анализа». Тогда, возможно, будут ответы на вопрос: к фольклору или литературе относить сказки, рассказанные С. Пылаевой на коми языке, или же коми сказки в литературном изложении П. Столповского, А. Любарской на русском языке.

Таким образом, современное функционирование коми сказок, да и фольклора в целом, есть многоаспектный процесс, включающий в себя ряд явлений:

- 1) сужение непосредственной фольклорной традиции;
- 2) приход фольклора к читателю и слушателю через печатные издания, современные технические средства информации и коммуникации;
- 3) возрастающее многоплановое воздействие фольклора на современную литературу и искусство (фольклоризм).

Эти сложные социокультурные процессы протекают на фоне постоянных межэтнических связей, обменов и взаимовлияний. Сегодня есть все основания прогнозировать возрастание роли сказочного и всего фольклорного наследия в современной культуре коми народа.

А.Ю. Котылев

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар

Этнокультурное наследие в современных художественных практиках

Современный переходный период характеризуется обращенностью к множеству культурных наследий. Самым актуальным из них остаётся, по факту, советское. Оно же выступает активной зоной отторжения. Наименее спорной частью советского наследия является его художественный авангард, признанный в мире и дающий творческую проекцию культуре революции. Советскому наследию логично противопоставляются достижения евро-североамериканского мира. Они встраиваются в процессы глобализации, на которые начала рав-

¹ Коми мойдъяс (Коми сказки) / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар. 1991.

² Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974. С. 15.

³ Чистов К.В. Духовная культура и процессы этнической консолидации народов СССР // Современные этнические процессы в СССР, М., 1977. С. 54.

няться Россия под управлением современных реформаторов. Поля отталкивания и притяжения являются прогрессистскими и почти в равной степени негативно организованы по отношению к этнокультурному наследию. Правда, в современной Европе не принято критически отзываться о культурах малых народов, более того осуществляются многочисленные программы поддержки и развития этнокультур. Однако Россия ориентирована как бы, на европейское не настоящее, а прошлое, в котором культуры отдельных этносов приносились в жертву национальным идеологиям и стратегиям.

Изменения отношения к этнокультурному наследию в новоевропейской культуре хорошо выстраиваются относительно волнообразного развития основных культурных направлений: классического и неклассического. Если классицизм и его производные, как правило, игнорировали «народные» культуры, то неклассические направления (начиная с северо-европейского Возрождения) проявляли к нему неизменный интерес. Если в первом случае речь шла о примате единых античных образцов, объявляемых культурным идеалом, то во втором внимание обращалось на своеобразие культурных форм отдельных народов и регионов, каждый из которых считался создателем собственной традиции. Пиком освоения этнокультурного наследия в исторической перспективе может считаться эпоха неоромантизма и стиль модерн (1880-е – первая половина 1910-х гг.). К этому времени этнокультурное направление получило мощную научную основу, созданную трудами историков, этнографов, фольклористов и лингвистов. В рамках модерна появилась целая череда «национальных» стилей, каждый из которых активно исследовал и стилизовал культурное наследие своей страны и своего народа.

Заигрывание большевиков с народами России в период гражданской войны и первой половины 1920-х годов имело своим пиком политику национализации социокультурных систем регионов. Хотя эта политика имела чёткую идеологическую направленность, она способствовала формированию активных и продуктивных (хоть и не очень многочисленных) элит в этнических республиках, краях и областях. Подвергаясь жёсткому идеологическому и цензурному прессингу, контролируясь и направляясь в каждом своём проявлении, эти элиты сумели, тем не менее, оказать существенное влияние на процессы изучения этнокультур, развития письменности, языка, литературы, театра. Определённое влияние на рост интереса к этническому образно-символическому наследию оказал и художественный авангард. Исходя, в большинстве своём, от негации новоевропейской культуры, как в классических, так и в неклассических её вариантах, авангардисты, более активно, чем деятели модерна обращаются к архаическим традициям. В то же время, стремление развивать этнокультуры было чуждо большинству авангардистов, мысливших мировыми масштабами и пытавшихся представить свой индивидуальный стиль всеобщим и универсальным. Резкое изменение курса советской власти положило конец деятельности, как этнических элит, так и авангардистов.

Годом официального оформления этнофутуризма может считаться 1994-й, когда на конференции в Тарту был опубликован, написанный эстонскими писателями, манифест «Этнофутуризм». Впрочем, в том же форуме уже принимал участие целый ряд российских художников и поэтов, в чьём творчестве несколько лет до того разрабатывалась этнофутуристическая тема¹. В дальнейшем этнофутуризм стал актуальным направлением именно для России, в которой проблема развития культур народов страны является неизбывной. Имея в центре своего поля зрения культуры конкретных малых народов «отставших» в своём репрезентационном состоянии от «развитых» и «старых» народов Евразии, этнофутуризм далёк от какой-либо замкнутости, являя открытость как в плане этническом (финно-угорский мир мыслится как целостность, находящаяся в живом общении со славянскими, тюркскими, скандинавскими, балтийскими и другими группами народов)², так и в пространственно-временном плане (культурное наследие Евразии осваивается полномерно, вне зависимости от принадлежности его элементов конкретным местам или временам)³. Специфика культуры отдельного народа и конкретного региона соотносится, таким образом, с динамическим процессом развития евразийского топохрона, что делает этнофутуризм не узко этническим, но потенциально мировым стилем⁴.

Наиболее архаическими системами культурного наследия, освоенными этнофутуризмом, стали древние наскальные изображения (петроглифы) и разновременные произведения бронзовой пластики, оформленные в несколько «стилей». Эти изобразительные системы с перерывами плодотворно развивались на протяжении многих столетий от эпохи неолита до нового времени. Немаловажным фактором, обусловившим актуальность обращения именно к этим видам культурного наследия, является их неосвоенность ни модерном, ни авангардом. Здесь хорошо видна нарастающая на протяжении большей части XX века интенсивность взаимосвязи между художественной культурой и наукой: петроглифы и древняя бронза открывались постепенно в ходе научных исследований и лишь затем становились объектами внимания художников. «Присваивая» образно-символические системы древних культур, этнофутуристы ощущали своё право сделать это не только в силу пространственной связи, но и потому, что эти изображения были «ничьи».

Важной характеристикой петроглифов и бронзы является их принадлежность ритуальной сфере. Попытки деятелей модерна и авангарда создать новую сакральную культуру, преобразующую человека и мир, в определенной степени близки и этнофутуристам. Освоение архаического наследия в этнофутуризме идёт сразу по нескольким направлениям. Важнейшим из них является соединение образов петроглифов и бронзовой пластики

¹ Котылева И., Котылев А. Интеркультурное настоящее этнофутуризма // Арт. 2002. № 3. С. 131-145.

² Розенберг Н.А. Прорубить окно в Азию. СПб., Ижевск, 2001. С. 166-170

³ Котылева И. Путешествие в мир «другого» // Арт. 2000. № 2. С. 162-178.

⁴ Шибанов В.Л. Этнофутуризм как диалог культур // Феномен этнического и глобализация современной культуры народов Поволжья и Приуралья. Художественная практика, дискурс, образование. Ижевск, 2004. С. 96-103.

с известными мифами и фольклором народов России. Архетипическая основа и возможная культурная общность позволяют устанавливать очевидные связи между изобразительной архаикой и вербальным наследием, принадлежащим уже собственно живым этнокультурам. Не случайно среди не слишком многочисленных образов людей одной из наиболее распространенных в картинах этнофутуристов является фигура шамана – носителя и хранителя древних традиций. Характерным примером соединения архаического изображения и предания является работа Павла Микушева «Йиркап»¹, в которой использованы петроглифические изображения лося и охотника-лыжника. Само же название отсылает нас к известному фольклорному сюжету о коми герое, владельце волшебных лыж². Мифо-фольклорная составляющая создаёт основательный содержательный, сюжетный слой, дающий возможность многомерного прочтения и интерпретации произведений художников-этнофутуристов. Она же даёт значимый выход на мировые «бродячие сюжеты» (например: Юрий Лисовский «Девушка-птица» – северная вариация Леды, Павел Микушев «Девочка и медведь» – сюжет происхождения рода от мистического животного)³.

Петроглифы и бронза также вписываются в изобразительный стиль этнофутуризма или, вернее сказать, в значительной степени создают его. Здесь можно уверенно говорить о развитии авангардных стилистических поисков. Изобразительный стиль этнофутуризма в живописи и графике характеризуется доминированием плоскости и отсутствием прямой перспективы. Композиция создаётся, главным образом, выстраиванием иерархических уровней по вертикали и наложением плоских слоёв друг на друга. Последним из них (наиболее близким зрителю) оказывается, как правило, центральное по смыслу изображение. Значимую композиционную роль играют орнаменты, которые не только создают декоративные рамки и границы между уровнями, но и структурируют многие образы, что сближает метод этнофутуристов с народным искусством.

Особо выделяются в этнофутуристических произведениях зооантропоморфные образы, репрезентирующие мистических существ: первопредков, героев, шаманов, участников ритуальных действий. Такие образы могут создаваться путём переведения архаических изображений в персонажи современных картин при сохранении основных элементов. Это характерно для некоторых работ Павла Микушева, в которых используется бронзовая пластика⁴. В других случаях, образ «расшифровывается» сближаясь с современным восприятием сакральных сюжетов. В графических произведениях Юрия Лисовского (цикл «Переход») те же шаманские образы, которые выявляются и в петроглифике, и в бронзе, приближены современному человеку за счёт усиления антропоморфной составляющей⁵.

Важной частью творческой деятельности этнофутуристов стала неомифологизация культурного пространства, также опирающаяся на идеи и опыт модерна⁶. Этнофутуристический неомифологизм в значительной степени основан на неприятии индустриального пространства современного города, что детерминирует выход за его пределы. Это, в частности, определяет места проведения этнофутуристических фестивалей, развёртывающихся, в большинстве случаев, в природном или сельском пространстве, что соответствует их экологической и этнической направленности.

Другим вариантом структурирования нового эстетизированного пространства, характерным для сыктывкарских этнофутуристов, стало точечное освоение определенных геокультурных мест. Эти места могут быть связаны с традиционной культурой (как Чёрное озеро под посёлком Максаковка, вокруг которого имеется слой легенд и запретов), или иметь более древнюю историю (как Железный лес под селом Корткерос, в котором предполагается существование древнего капища), или просто иметь впечатляющий вид (как Пески Заречья – острова между реками Сысолой и Вычегдой). Освоение этих мест осуществлялось, прежде всего, в виде дружеских арт-симпозиумов, которые нередко сопровождалось различными акциями, иногда спонтанными, иногда тщательно подготовленными. Последние, зачастую, имели вид перформансов, автором которых была Ирина Федосова. Действа, развёртывавшиеся в этих отмеченных локусах, имели по существу квазиритуальный характер. Эстетизированная игра не предназначалась широкому кругу зрителей, основной её целью было создание этнофутуристического сообщества, ядром которого были сами художники.

Ещё одним вариантом неомифологизации современного городского пространства стало наложение на него вымышленных историй, призванных осмыслить и наделить значением любые элементы этого пространства. В наибольшей степени такой подход характерен для творчества Валерии Осташевой, последняя выставка которой репрезентировала неомифологизированный образ посёлка Красный Затон⁷.

За два десятилетия существования, если считать от первых творческих опытов, этнофутуризм оформился в одно из немногих самостоятельных и международно признанных художественных направлений современной России. Сегодня можно уверенно говорить о сложении особого этнофутуристического изобразительного стиля, который оказывает всё большее влияние на процессы формотворчества в финно-угорских регионах. Этот стиль

¹ Лисовский Ю.Н., Микушев П.Г. Живопись, графика, керамика. Альбом / Статьи и редакция текстов А. Котылева. Сыктывкар, 2007. № 17

² Мифология коми / Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1.). М.; Сыктывкар, 1999. С. 168-170.

³ Лисовский Ю.Н., Микушев П.Г. Указ. соч. № 18, 23.

⁴ Там же. № 3, 12.

⁵ Там же. № 36, 42.

⁶ Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 269-273.

⁷ Котылев А. Небо над Затонем. Изобразительная философия Валерии Осташевой // Арт. 2011. № 1. С. 154-169.

проявился не только в изобразительном искусстве, но и в моде¹, в дизайне печатных изданий² и т.д. Несомненно, и воздействие этнофутуризма на процесс стурктуризации нового этнокультурного мировоззрения, представляющего единственно значимую альтернативу всемирной унифицирующей глобализации.

И.Н. Котылева

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Развитие почитания первых епископов пермских свв. Герасима, Питирима и Ионы в XVII–XVIII вв.

Пермские епископы Герасим, Питирим и Иона являются продолжателями деяний Стефана Пермского по христианизации коми (зырян и пермян). Официальная их канонизация Русской православной церковью состоялась в 1607 г. во время правления царя Василия Ивановича Шуйского, которого можно считать инициатором упрочнения культа «устьевских чудотворцев» в начале XVII в.

Одним из первых исторических свидетельств о формировании культа епископов Герасима, Питирима и Ионы является создание в 1607 г. их общей иконы над их гробницей, что нашло отражение в специальной записи: «Лета 7115 (1607 г.) месяца июля в 6 день при великом государе царе и великом князе Василии Ивановиче всея России Самодержца и при святлейшем Ермогене патриархе Московском и всея России написан бысть сей образ трех святителей Герасима, Питирима и Ионы Епископов устьвыских и великопермских чудотворцев и повелением смиренным господином архиепископом Иосафом вологодским и великопермским положил сей образ на гробнице их чудотворцев Герасима, Питирима и Ионы во славу трех святых Троицы Отца и Сына и Святого Духа»³. Данная запись представлена в ряде рукописей XVIII–XIX вв.⁴, что дает основу предположить, что создание данной иконы расценивалось на протяжении трех столетий как неординарное событие. Причиной этого вероятно является и тот факт, что икона писана по велению архиепископа. Немаловажен и тот факт, что запись начинается с упоминания, что данная икона написана при «Василии Ивановиче всея России Самодержца и при святлейшем Ермогене патриархе Московском», что косвенно свидетельствует о роли московской власти в появлении образа первых епископов пермских.

Причисление епископов пермских Герасима, Питирима и Ионы к лику святых и само написание иконы для храма Усть-Выми, когда уже несколько столетий центр пермской епархии находился в Вологде, и именно в период борьбы с польско-литовским нашествием, на наш взгляд, было предопределено той поддержкой, которую оказывали зыряне официальной московской власти. В этой связи чрезвычайно важны записи, сделанные в Вычегодско-вымской летописи: «Лета 7114 (1606 г.) убиен бысть мнимый царь Дмитрей самозванный на царство московские венчан Василий Иванович Шуйский. Не люб бысть тот Василий посадским и волостным людям, и потому пошла распря на Руси. Того же лета повелел государь князь великий Василей Иванович в уезду Еренского городка бытии воеводе, дотоль на Еренском воеводы не были, а нанове воевода заступил Василий Якович Унковский. Того же лета по государеву велению учали на Выми Еренском таможенные головы и целовальники сбирати таможенные пошлины вновь. А те пошлины блаженные памяти при Федоре Ивановиче да при Борисе Федоровиче с вымичаны, вычегжаны, сысолечи не собирали, опрочь сибирских застав городовых. Того же лета государь Василий Иванович повелел собрати с уезду Еренского и с Перми Великой ратные люди по сорока осьми с обох и идти им к Москве. Вычегжане, и вымичаны, и сысолцы, и удорены ратные пошли, а Великие Перми ратные люди, позабыв крестное целование на Василье, задалися за вора, ратного голову побили и вспяты на Чердын»⁵.

Написание «по соборному поставлению» в Вологде иконы, «покрывшей гробницу устьвыских чудотворцев», несомненно, сопряжено с канонизацией епископов пермских и официальной политикой в отношении северных земель, что имело особое значение в период «смутного времени». С этого же времени началась запись чудес от мощей епископов. С 1609 по 1646 гг. было письменно зафиксировано 25 чудесных исцелений⁶. Записи чудес свидетельствует о посещении гробниц свв. Герасима, Питирима и Ионы из близких и дальних мест зырянской земли⁷.

С началом официального культа первых епископов пермских связано устройство часовни над их мощами. В 1629 г. вместо часовни упоминается уже церковь «трех святителей пермских епископов Герасима, и Питирима, и Ионы». Таким образом, отмечает М.Б. Рогачев, «на городище появляется мемориальный комплекс в честь подвижников-миссионеров и первой столицы Пермской епархии, своеобразный «заместитель» епископской кафедры»⁸.

¹ Котылева И. Лишь только частица большого мира // Арт. 1998. № 1. С. 166–172.

² Мифология коми / Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1). М.; Сыктывкар, 1999; Журнал «Арт» 1997–2011; и др.

³ РНБ. Q. I. 1216. Л. 12об–13.

⁴ Данная запись воспроизводится по документу из фонда П.И. Савваитова и завершается фразой, что «в 1775 году списана в Яренском уезде в верх по Вычегде пожегодской волости пониже Помоздина».

⁵ Вычегодско-вымская летопись // Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С. 30.

⁶ Истрия Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2-х т. / под общей ред. А.Ф. Сметанина. Т. 1. Сыктывкар, 2004. С. 201.

⁷ История пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар, 1996.

⁸ Рогачев М.Б. Стефановские храмы Коми края // Эволюция и взаимодействие культур народов Северо-востока Европейской части России. Сыктывкар, 1993. С. 13.

С упрочнением культа пермских святителей связана поездка архиепископа вологодского и великопермского Маркелла в 1650 г., который «с 22 мая по июль, с Царского разрешения и в следствие своего благочестивого обета, путешествовал из Вологды в Устьвымь, для поклонения мощам пермских святых угодников Герасима, Питирима и Ионы»¹.

Известный исследователь XIX в. Н. Суворов в дополнениях в своей работе «Исторические сведения об иерархах древне-пермской и вологодской епархии» сообщает, что «записки об этом путешествии найдены в приходно-расходной книге Вологодского архиерейского дома». Из этой записки следует, что путешествие было совершенно водою, на дощанике, имевшей длины 12 ½ сажень, за который было заплачено 38 рублей. На дощанике была устроена келья... Рабочих людей нанято было девять человек с платою по 2 руб. 50 коп. человеку. Архиепископ взял с собою в дорогу из своей казны сто рублей денег и новые из индийской камки покровы для возложения на гробницы Пермских чудотворцев». (Возможно, с приездом Маркелла связан деревянный погир с росписью, хранившийся в Благовещенском соборе Усть-Выми и переданный в музей в середине 1920-х гг.).

Суворов также отмечает, что «следствием вероятно того же благочестивого обета, который побудил Маркелла к путешествию, было построение в Вологодском архиерейском доме над воротами деревянной церкви во имя трех пермских святителей, которая была начата в 1649 и окончена в 1653 г.»². Данная церковь существовала до 1674 года, когда по случаю постройки архиепископом Симоном каменных стен вокруг архиерейского дома, была разобрана и перевезена в архиерейское село Аваньино.

Одно из значимых свидетельств развития почитания Герасима, Питирима и Ионы в XVII в. представлено в документе XVIII в., в котором сообщается о каноне пермским епископам, написанного в 1678 г. дьяком Ляльской церкви Г. Г. Гилевым. В документе сообщается о рукописной тетради со службою усть-вымским святым и отличия ее от службы святителям, помещенной в Общей Минее и, что «эта тетрадь по листам была подписана: «7186 (т.е. 1678) году марта 17 числа положил тот канон Ляльской дьячек Григорий Григорьевич Гилев и писал тот канон и подписал своею рукою»³. Для реконструкции хода развития почитания первых епископов пермских ценен факт фиксации в данном документе существования им службы в Общей Минее и соответственно свидетельствует о включении празднования дня «устьвымских чудотворцев» в общем православном праздничном круге. Не менее ценна информация о написании в конце XVII в. канона местным священником, что выявляет существование местной традиции формирования богослужебного текста и заинтересованное отношение местных священников к культуре первых епископов пермских.

Сам документ, из которого мы узнаем о существовании канона, является копией с черновых сказок священника Благовещенской церкви Стефана Петрова⁴, дьякона, причетников и церковных старост от 5 февраля 1745 г. В сказке также сообщается об иконе святых Герасима, Питирима и Ионы, положенной в 7115 г. на их гробницу, а также о приезде на Усть-Вымь епископа Маркела, и в 1705 г. Иосифа, и в 1724 г. Боголепа, о пожарах, бывших в усть-вымской церкви, о записанных с 7115-го года чудесах от мощей святителей, о совершаемых в дни памяти их службах. В тексте отмечается, что данная сказка была написана и подана игумену Теплогорской Богородской пустыни Корнелию, производившему, по указу Великоустюжской консистории, следствие о мощах святых угодников, находящихся в Сольвычегодске, Яренске и их уездах, что свидетельствует о неоднозначности «оценки святости» мощей епископов усть-вымских.

Неоднозначность сложившейся в начале XVIII в. ситуации с почитанием пермских святителей выявляет документ 1841 г., к которому приложена копия с чернового письма, относящегося, как отмечают составители конца XIX в., к 1707–1717 гг.⁵, священника Усть-Вымской Благовещенской церкви Евтихия «с причетниками и всеми приходскими людьми к дьякону вологодского архиерея Спиридону Стефановичу с просьбой написать и прислать в Усть-Вымь имеющиеся в архиерейском доме или в соборной церкви сведения о «начале епископии на Устьвыми и о святителях Герасиме, Питириме и об их чудесах, и когда и при каком епископе архиерейская кафедра перенесена с Устьвыми на Вологду», объясняя свою просьбу тем, что они ничего не знают, а приходящие к чудотворцам богомольцы о том деле осуждают, что мы не ведаем; да и надлежит у их святой раки о вышеписанном деле на письме быть сполна».

Для реконструкции развития почитания усть-вымских епископов важна копия документа, хранящаяся в Усть-Вымском храме, датированного 27 сентября 1804 г., которая была представлена в объяснительной священника Усть-Вымской Благовещенской церкви Иокима Аврамова. Относительно чудес от мощей святителей Герасима, Питирима и Ионы священник доносил, «что видеть таковых не удавалось». Одновременно, Аврамов сообщал о «предаваемых из рода в род» двух случая, бывших в Усть-Выми с великоустюжскими епископами Иосифом и Боголепом: «Проездом ли по случаю обозрения епархии, или нарочно для собрания сведений и здешних св. угодниках (т.е. Герасиме, Питириме и Ионе) и обстоятельствах бывшей Пермской епархии, не могу именно сказать, они, прибывши сюда, первый около 1705 года, а второй в 1724-м, и не нашедши ничего удовлетворительного ни о том, ни о другом, возымели сомнение о святости почивающих здесь угодников и, не

¹ Суворов Н. Исторические сведения об иерархах древне-пермской и вологодской епархии. Вологда, 1869. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Сборник. Скорописью конца XVII в. – начала XVIII в. и несколько почерков XIX в.: РНБ. Отдел рукописей. Ф. I. № 778. Л. 33.

⁴ РНБ. РО. Ф. I. № 778. Л. 32.

⁵ С. 43.

смотря на то, что самая церковь тогдашняя, в которой почивают, была сооружена и освящена во имя их по благославлению Симона, архиепископа вологодского, запрещали будто бы тот и другой почитания их святыми, празднование и молебствование. Но, приказав снять гробницу с намерением любопытствовать место их покоя, как скоро приникнули, то первый яко бы тотчас поразился нечаянным ужасом, так что немедленно отложил свое намерение и вышел из церкви, приказав молебствовать по прежнему, а второй будто бы помешался чувством зрения, так что выведен был из церкви под руки и, приехав на берег к судну, спрашивал, где судно, между тем как оставался возле онаго в плоть и смотрел, казалось, глазами по прежнему. Разрешение же молебствовать послал он, уже едучи обратно, и то сделавшись больным, а, приехав в Устюг, будто бы вскорости и преставился».

Свидетельством развития почитания епископов пермских в конце XVIII в. является текст «Изъявление о начале пермской епископии, иже бывша на Устьвыми епископии. – краткие сведения о свв. Стефане, Исаи, Герасиме, Питириме. Более подробен рассказ «О кончине святого» (епископа Питирима), а также представлен перечень последующих епископов, кончая Иосафом, при котором епископская кафедра была перенесена из Усть-Выми на Вологду¹. В этом же сборнике рассказывается об иконе Герасима, Питирима и Ионы на их гробнице². В конце текста пометка « 1775-го году списана в Яренскомъ уезде, въверх по Вычегдѣ, в Пожегодской волость пониже Помозина последнего приходу с вершины во втором приходе месяца августа 29-го день».

Уникальным источником для восстановления особенностей почитания первых епископов пермских в конце XVIII в. является «Опись церквей Яренского уезда 1772 г.»³. Опись свидетельствует о широкой распространённости икон с совместным представлением епископов пермских в церквях города Яренска, Иртовской волости, Вожемской волости, Ленска, Цылибы, Усть-Выми, Ошлупенской волости, Туглямской волости, Шономской волости, Урдомской волости, Пустынской волости, Айкинской волости, Жешартской волости, Гамской волости, Тьдорской волости, Оквандинской волости, Княжпогостской волости, Ляльской волости, Онежской волости, Турецкой волости, Весляны, Глотовской слободы, Косланской волости, Удорской волости, Важгордского погоста, Коквинской волости, Палевицкой волости, Часовской волости, Зеленецкой волости, Усть-Сысольской волости, Вьльгортской волости, Шошкинской волости, Ньючима, Пажгинской волости, Ибской волости, Межадорской волости, Вотчи, Визингской волости, Нившерской волости, Небдинской волости, Гривненской волости, Койгородской волости, Кажимского завода, Корткеросской волости⁴.

Совместное представление Стефана Пермского с его последователями Герасимом, Питиримом и Ионой (всего в «Описи» зафиксировано 22 иконы с совместным представлением четырех святителей; икон с образами трех святителей значительно меньше, всего зафиксировано в «Описи» 4 иконы с образами трех святителей) подтверждает положение, что упрочнение памяти о Стефане Пермском и его деяниях происходило в тесном сопряжении с развитием культа Герасима, Питирима и Ионы. Заслуживает внимания и формулировка, которая часто сопровождает описание данного образа – «устьвымские чудотворцы». Материалы «Описи» позволили выявить, что в XVIII в. существовали не только иконы с образами первых пермских епископов, но и хоругви, что свидетельствует о значимости представления данных святых и в контексте праздничной культуры.

Материалы, представленные в описании церквей Усть-Выми, демонстрируют, что в храмах Усть-Выми были многочисленные образы «устьвымских чудотворцев епископов пермских» Стефана, Герасима, Питирима и Ионы и, что в храмы Усть-Выми особенно часто делались богатые вклады «благочестивыми людьми». Обращает на себя тот факт, что в храмы Усть-Выми особые вклады были сделаны родом яренских купцов Осколковых. Так, в описании придела во имя Всех Святых Благовещенской церкви, которое начинается с описания одежды на престоле в алтаре, особо отмечено, что «оная одежда построена уже упомянутым купцом Аммосом Осколковым»⁵. Также в описи сделана пометка, что напрестольный крест и Евангелие, а также пелена на престоле являются вкладом купца Осколкова⁶. Следует отметить, что храмовая икона св. Стефана Пермского с представлением св. Герасима, Питирима и Ионы в ряду избранных святых на полях (1717 г.)⁷ из Христовоздвиженской церкви в Цылибе на Вычегде, которая была возведена представителем рода Осколковых – Петром Афанасьевичем – в 1713–1714 гг.⁸ Несомненно, что роль рода Осколковых в упрочнении культа первых епископов пермских заслуживает особого рассмотрения.

В «Описи» подробно описано место в храме с мощами святителей: «под спудом мощи святителей Герасима Питирима Ионы устьвымских чудотворцев. Над мощами их гробница со стопами медная резная раскрашена и листовым серебром и золотом позлащенная». В тексте особо отмечено, что «гробница построена устюжским купцом... Курочкиным в 1766 году»⁹. «Над мощами угодников святых их образа на одном дце венцы серебряные чеканные пяти басманные серебряные позлащенные над ними в облаче написан образ Живоначальной Пресвятой Троицы писан на золоте Над них покрыты пелены первая бархатная рытого бархата в длину

¹ РНБ. Рукописный отдел. Q. I. № 1216. Л. 9-13.

² РНБ. Рукописный отдел. Q. I. № 1216. Л. 24.

³ ВУФВА. Ф. 363. Ед. хр. 1912.

⁴ Более подробно: *Котылева И.Н.* «Опись церквей Яренского уезда 1772 г.» в контексте изучения почитания св. Стефана Пермского в XVIII в. // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2009, С. 11-19.

⁵ ВУФВАФ. 363. Ед. хр. 1912. Л. 158.

⁶ Там же. Л. 159.

⁷ Житие св. праведно Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца. М., 2003.

⁸ РНБ. Рукописный отдел. F. XVII. 68. Л. 100 об.

⁹ ВУФВАФ. 363. Ед. хр. 1912. Л. 159.

три аршина два вершка в ширину два аршина с половиной вторая грезетовая алая в длину два аршина четырнадцать вершков с половиною в ширину два аршина с половиною (в отношении этой пелены пометка, что она приложена яренским воеводою Михаилом Бурцевым в 1760 году), третья пелена в такую же меру»¹. Данное описание образа епископов пермских и убранства этой иконы еще одно свидетельство их почитания во второй половине XVIII в.

Комплекс рассмотренных памятников свидетельствуют об устойчивом развитии культа свв. Герасима, Питирима и Ионы на протяжении XVII–XVIII вв., которое происходило в контексте формирования собора святых российских земель и напрямую связано с политической официальной власти в отношении северных земель, в том числе земель вычегодских и сысольских, где в первую очередь и происходило проявление почитания «устьевымских чудотворцев». Немаловажно, что развитие культа последователей Стефана Пермского происходило через их совместно представление с «зырянским апостолом», что нашло отражение в иконографии и совместном представлении житийных текстов в рамках одного сборника. Упрочнение культа «устьевымских чудотворцев» стало залогом сохранения за Усть-Вымью статуса одного из религиозно-культурных центров на Севере России на протяжении XVII–XVIII вв.

Л.И. Кочерган

Национальная галерея Республики Коми, Сыктывкар

Художественное наследие и творческая биография А.В. Холопова (к проблемам и перспективе изучения)

В 1968 г. в Республиканский художественный музей Коми АССР были приняты на хранение первые работы А.В. Холопова, переданные его дочерью А.А. Шмидт. Две другие передачи, последовавшие за первой, позволили сформировать коллекцию произведений А.В. Холопова и В.Д. Холоповой-Новодворской, насчитывающую в настоящее время 148 единиц хранения. В структуре художественного собрания коллекция вошла в раздел коми изобразительного искусства, ее местом хранения, за исключением 2 работ, стал фонд графики, по ряду причин часть графических листов была отнесена к научно-вспомогательному фонду.

Размещение коллекции в запасниках галереи не означало, что она приобрела статус недоступной для исследований, публикаций, экспонирования. Внимание и заинтересованность музейных сотрудников, проявленные за все время ее хранения в галерее, стали отправной точкой для включения работ в разнообразные проекты.

Специфическим направлением музейной работы, ярко отражающим суть музеев как учреждений культуры, является экспозиционно-выставочная деятельность, в планировании и осуществлении которой наиболее сложна концептуальная разработка постоянных экспозиций. Важно отметить, что восемь работ А.В. Холопова были включены в первую постоянную экспозицию Республиканского художественного музея Коми АССР (экспозиция была открыта в 1974 г., каталог издан в 1979 г.). Современная экспозиция Национальной галереи, научно обоснованная, созданная в связи с переездом музея в здание бывшего Духовного училища в 1993 г. и действующая с рядом внесенных дополнений и изменений в настоящее время, не включает в свой состав произведений первого коми архитектора-художника.

Рассматривая концептуальный характер экспозиции, представляющей коми изобразительное искусство как советское, можно предположить, что такое положение исходит от самого характера хранящихся в галерее произведений А.В. Холопова. Он состоялся, прежде всего, как архитектор, художественное творчество в его жизни имело дополнительную значимость, в то время как раздел национального искусства постоянной экспозиции НГРК дает характеристику творчеству ведущих живописцев, графиков и скульпторов, представляя наиболее яркие, программные работы из их наследия.

И еще один момент надо отметить в создавшейся ситуации: на протяжении длительного времени во взгляде на развитие коми изобразительного искусства господствовала точка зрения, относящая его зарождение к 1930-м гг. и соотносящая этот процесс с личностью, общественной и профессиональной деятельностью В.В. Полякова. В настоящее время только начинают вырисовываться взаимосвязи, соединяющие деятельность первых профессиональных художников, работавших в Коми крае в 1920-е гг. и тех, кто пришел на смену им спустя десятилетие. Поднятие такого материала сопряжено с трудностями, исходящими от крайнего недостатка информации, характеризующего проявления искусства в Коми в первое послереволюционное десятилетие. В этом плане изучение наследия А.В. Холопова приобретает принципиальное значение.

Концептуальная разработка раздела «Коми край. Коми область. Коми АССР. 1917–1946 гг.» постоянной экспозиции Национального музея Республики Коми позволила включить в зрительный ряд проекты архитектора. На протяжении двух десятилетий, с 1987 по 2008 г., посетители музея могли видеть оригинальные графические листы из фондов галереи, представляющие эскизы проектов метеостанции и дворца спорта. В настоящее время работы возвращены на свое постоянное место хранения.

Значительное место в организации доступа населения к музейным предметам отводится их включению в экспозиции временных выставок. Выставочная политика Национальной галереи, в последнее десятилетие активно опирающаяся на разнообразие тем, форм, концепций временных экспозиций, вызывает интерес кураторов выставок к произведениям коллекции. Почин этому процессу дала реализация выставочного проекта «Ма-

¹ Там же. Л. 159.

² Изобразительное искусство Коми АССР. Каталог экспозиции Республиканского художественного музея: живопись, графика, скульптура, прикладное искусство / Сост. Э.К. Поповцева. Сыктывкар, 1979. С. 16.

известные страницы истории изобразительного искусства Республики Коми», в рамках которого в 2003 г., к 60-летию Национальной галереи Республики Коми, состоялась выставка «Начало...». На экспозиции, обращенной к первым страницам истории коми изобразительного искусства, личность А.В. Холопова приобрела наибольшее звучание благодаря масштабности, профессионализму, разнообразию его творчества, возможность представить которые дала хранящаяся в галерее коллекция.

В последующие годы произведения из коллекции А.В. Холопова и В.Д. Холоповой-Новодворской были включены в ряд тематических выставок Национальной галереи, среди которых: «Война и судьбы» (2005), «Мир творческой личности» (2006; выставка сопровождалась изданием альбома¹), «Веков связующая нить. Мировая классика в произведениях художников России. Искусство книги. Искусство медали» (2008), «Спорт. Лирика и мажор» (2009). В 2011 г., к 230-летию Сыктывкара и 130-летию со дня рождения А.В. Холопова в Национальной галерее Республики Коми работала временная экспозиция «Усть-Сысольск: от уездного города к столице. Архитектурные проекты А. Холопова», которая знакомила посетителей галереи с точкой зрения столичного архитектора на изменения во внешнем облике города в связи с приданием ему нового статуса.

Важно отметить, что последняя из состоявшихся выставок в наибольшей степени была освещена в средствах массовой информации, включая интернет, что свидетельствует об увеличивающемся интересе общественности к личности А.В. Холопова. Это предположение подтверждает и проведение в юбилейном году выставки, посвященной первому коми архитектору, другим учреждением культуры г. Сыктывкара: речь идет о выставке в Национальной библиотеке Республики Коми, на которой «экспозиционный рассказ» велся на основе фондовых печатных изданий, в том числе и выпущенных Национальной галереей и публикаций ее сотрудников.

Своеобразным артефактом, направленным на популяризацию художественного наследия и представление широкой общественности личности А.В. Холопова, стал выход в 2006 г. документального фильма о нем². Для нас значимо то, что большим подспорьем в создании фильма стала коллекция из фондов НГРК, а также сама демонстрация ряда его произведений.

Таким образом, можно сказать, что в наблюдающемся в последнее время процессе восстановления имени А.В. Холопова, сопряженном с воссозданием его творческой биографии, одну из основных инициативных ролей выполняет Национальная галерея Республики Коми. Основой этого направления музейной деятельности стали различные формы работы с коллекцией, хранящейся в ее фондах.

Что касается непосредственной фондовой и научной работы с коллекцией, то в этом вопросе следует, прежде всего, выделить ее каталогизацию. Впервые коллекция была каталогизирована в составе каталога раздела изобразительного искусства Коми АССР собрания Коми республиканского художественного музея, вышедшего в 1989 г.³ В издание вошли работы, отнесенные к основному фонду музейного собрания с краткими сведениями о них, включающими: название произведения, год создания, технику, размеры, имеющиеся надписи и источники поступления.

В ходе работы над выставкой «Начало...» автором статьи был задуман научный каталог коллекции произведений А.В. Холопова и В.Д. Холоповой-Новодворской из собрания НГРК. В 2008 г. каталог был принят Ученым Советом Национальной галереи с рекомендацией к публикации. В него вошла коллекция в полном составе, включая и научно-вспомогательный фонд, общим количеством 148 ед.хр. Каталог имеет тематико-хронологическую структуру, материал представлен по авторам, внутренняя классификация соответствует видам хранения коллекции. Определена тематическая специфика графических листов А.В. Холопова, включающая архитектурные проекты, проекты интерьеров, эскизы мебели и предметов интерьера, работы, выполненные акварелью, тушью, в смешанной технике и технике рисунка. Собранный материал по отдельно взятому произведению представлен по 15 позициям (по ряду произведений вследствие отсутствия информации часть позиций, носящих дополнительный характер, исключена): название работы, датировка, техника, размеры, авторская подпись, надписи, имеющиеся на произведении, данные о поступлении на хранение в Национальную галерею Республики Коми, инвентарный номер, сохранность, выставки, на которых экспонировалось произведение, каталоги, в которые включено произведение, источники, литература, воспроизведение работы, справочный материал.

Научная работа, в процессе которой приходилось неоднократно обращаться в фонды для непосредственного осмотра произведений, подтолкнула к изменениям в вопросе их хранения. Так, часть работ из научно-вспомогательного фонда была переведена в основной фонд. На данный момент является актуальной реставрация ряда листов, однако в Национальной галерее не ведутся реставрационные работы по графике, эта проблема отложена на неопределенный срок.

В ходе изучения коллекции выявлен ряд интереснейшего дополнительного, а в ряде случаев и атрибуционного материала, касающегося отдельных листов. К таким сведениям можно отнести предназначенность одного из ранних проектов архитектора – колокольни в имени Е.Г. Арсеньевой – для

¹ Мир творческой личности: Творческая интеллигенция Республики Коми в изобразительном искусстве: Живопись, графика, скульптура. XX век. Альбом / Авт. Э.К. Поповцева, в подгот. принимали участие: Н.Ж. Беляева, Л.И. Кочерган, О.К. Панкрушева, В.Б. Соколова, Е.Ю. Шуктомова. Сыктывкар, 2006. С. 250-255.

² Коми архитектор А.В. Холопов (реж. Г.П. Маркова). Сыктывкар, 2006.

³ Изобразительное искусство Коми АССР. Каталог коллекции Республиканского художественного музея Коми АССР / Сост. В.Б. Соколова, С.А. Беляева. Сыктывкар, 1989. С. 150-161.

родственницы М.Ю. Лермонтова по материнской линии. В качестве еще одного примера из работы с творческим наследием А.В. Холопова можно привести графический лист с изображением эскиза буфета, – единственным произведением в коллекции, не имеющим авторской подписи. Научный поиск позволил идентифицировать эту работу с известным ранним интерьерным проектом И.А. Фомина для семьи Поммер, а также уточнить личность заказчика интерьера благодаря имеющимся на рисунке инициалам, прочитать слабо видимую, написанную карандашом в нижнем правом углу подпись автора, определить сам предмет мебели как сервант. Уникальность эскиза исходит от его стилистических отличий с исполненным вариантом: в первом более выражена стилистика модерна, во втором ощутим переход к неоклассицизму¹.

Наличие в коллекции ряда архитектурных и интерьерных эскизов дает основание предполагать о включении их автора в крупнейшие строительные проекты своего времени, свидетельствует о многоплановости его творчества: как архитектора, дизайнера, мастера-прикладника, художника. В ряде случаев именно коллекция становится базой для дальнейшего выявления документальных источников, что определяет ее значимость в восстановлении картины жизни и профессиональной деятельности А.В. Холопова. Трудности в поиске архивных материалов, сопровождающие исследования по данному вопросу, постепенно преодолеваются, пелена забвения, коснувшееся имени первого коми архитектора, рассеивается, его жизнь «вписывается» в сложную и драматическую эпоху, все более отдаляющуюся от нас. Его личность становится окруженной современниками, выявляются приоритеты и привязанности, открываются достаточно сложные вопросы взаимоотношений профессионального сотрудничества и конкуренции, основ мировоззрения и профессионального кредо, выбора собственного жизненного пути.

Н.В. Краева

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Изучение книжного собрания библиотеки Национального музея Республики Коми: результаты и перспективы исследовательской работы

За столетнюю историю музея была сформирована уникальная книжная коллекция, отражающая различные аспекты книжной культуры Коми края XIX–XX вв. Сегодня в библиотеках и музеях ведется активная работа по организации сплошного унифицированного научного описания, библиографического учета и паспортизации книжных памятников, редких и ценных изданий. Наблюдается широкое введение книжных памятников, редких и ценных изданий в научный оборот и их популяризация путем формирования коллекций, издания научных каталогов и описаний книг, развития широкой сети музейно-выставочного экспонирования, а также создания электронных баз данных.

Книжный фонд библиотеки Национального музея Республики Коми складывался с момента создания Усть-Сысольского отделения Архангельского Общества изучения Русского Севера (1911 г.). Сегодня он насчитывает около 30 тысяч единиц хранения. Особенно ценными являются работы краеведов, изданные в конце XIX в. Среди них можно выделить «О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном» П.И. Савваитова (М., 1873), «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» Г.С. Лыткина (СПб., 1889), «Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский» А. Красова (СПб., 1897) и др. В библиотеке хранятся документальные свидетельства деятельности губернской, земской и уездной власти, в частности «Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания». Значительное место в фонде занимают региональные периодические издания: «Вологодские губернские ведомости», «Вологодские епархиальные ведомости», «Коми му (Зырянский край)», «Коми просвещенец» и др.

В библиотеке сосредоточены уникальные справочные издания, энциклопедии конца XIX – начала XX вв.: «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»; «Энциклопедический словарь Русского библиографического Института братьев Гранат»; «Детская энциклопедия» и др. Статистические материалы, содержащиеся в изданиях «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», «Статистический временник Российской империи», «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» помогают более детально изучить состав населения и народное хозяйство различных территорий в конкретные годы. В целом, библиотечный фонд содержит литературу по всем отраслям знаний.

Помимо книжного фонда, в библиотеке хранится богатое собрание периодических изданий, которое отсчитывает свою историю с середины XIX в.: журналы «Отечественные записки», «Живая старина», «Русский вестник», «Мир божий», «Русская мысль», «Известия Императорского Русского географического общества», «Труды Московского общества испытателей природы» и др.

Библиотека активно занимается научно-исследовательской деятельностью, в рамках которой осуществляется изучение истории библиотеки, этапов ее деятельности, проблем фондообразования².

Первые книги были пожертвованы Правлением Архангельского Общества изучения Русского Севера. В отчетах Усть-Сысольского отделения АОИРС подчеркивалось, что библиотека формировалась, главным обра-

¹ Кочерган Л.И. Эскиз серванта для столовой // Проблемы сохранения историко-культурных ценностей: сборник научных трудов / Отв. ред. М.И. Бурлыкина. Сыктывкар, 2011. С. 40-47.

² Краева Н.В. История формирования книжных фондов библиотеки Национального музея Республики Коми в 20–30-е гг. XX века // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2004. С. 193-199.

зом, за счет бесплатных посылок из Архангельска. К концу первого года существования фонд библиотеки состоял из 318 экземпляров, а уже через 3 года из 902 книг. Среди них можно выделить сочинения по рыбному промыслу и проблемам судоходства, книги с денежными отчетами комитета помощи поморам Русского Севера. Ряд книг посвящен проблемам колонизации Севера и сельского хозяйства. Есть журналы Вологодского, Пермского и Олонецкого губернских земских собраний. Большинство книг носило научный или прикладной характер¹. Об этом можно судить по книгам: «Размеры русской торговли XVII в. через Архангельск в связи с неисследованными архивными источниками» А. Изюмова (Архангельск, 1912), «О шенкурской пшенице и блестящей будущности северного семеноводства» А.С. Нормана (Архангельск, 1910) и др. Сегодня эта коллекция, в которой насчитывается 123 издания, востребована читателями.

В 1918–1919 гг. в музей была передана библиотека, раньше принадлежавшая Библиотеке общественного собрания г. Усть-Сысольска в количестве 2023 томов, состоявших из старинных книг XVIII и начала XIX столетия на русском языке². Большую ее часть составляли журналы (более трети), а также художественная литература. В круг чтения жителя северной провинции XIX в. входили как сочинения отечественных писателей, так и переводы произведений западно-европейских авторов. В библиотеке НМРК хранятся книги, вышедшие в серии «Полное собрание сочинений русских авторов», издаваемой А.Ф. Смирдиным, журналы «Современный мир», «Дело», «Библиотека для чтения», «Книжки недели», «Исторический вестник» и другие издания из первого публичного фонда Коми края³. Сегодня эта книжная коллекция насчитывает около 400 единиц хранения.

Составной частью библиотеки областного музея являлись книги, переданные в 1920-е гг. Обществом изучения Коми края. На сегодняшний день в фонде выявлена 61 книга. В составе данного собрания представлены издания конца XIX – начала XX вв. практически по всем отраслям знаний и периодика. Часть коллекции – это специальная литература по геологии, в которой представлены полезные ископаемые не только России, но и Европейского Севера. Многие книги имеют дарственные надписи: «Обществу изучения Коми края»⁴.

Благодаря членам Общества изучения Коми края в 1924 г. в Областной краеведческий музей поступила небольшая часть имущества Троице-Стефано-Ульяновского мужского монастыря. В настоящее время выявлено 42 экземпляра книг с печатью «Монастырская библиотека». В основном это литература богословского и исторического содержания: «Св. Стефан, первосвятитель пермский» П.Д. Шестакова (Казань, 1868), «Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского» (Москва, 1844), «Житие преподобного Трифона, Вятского чудотворца» (Вятка, 1881) и др.

Формирование книжного фонда библиотеки музея в 1920-е годы отражало научно-исследовательские потребности той эпохи. Именно в это время при активном содействии членов ОИКК в библиотеку поступило большое количество литературы из центральных научных учреждений, т.е. было сформировано ядро нынешнего фонда библиотеки, в котором много книг, ставших сегодня библиографической редкостью. Именно этот фонд востребован учеными, аспирантами, студентами и краеведами.

Одним из приоритетных направлений деятельности библиотеки НМРК является выявление и описание личных книжных коллекций. Исследование собраний личных библиотек позволяет определить мировоззрение, творческие связи и характер их собирателей, что позволяет глубже изучить различные аспекты истории и культуры Коми края.

На сегодняшний день в фонде библиотеки НМРК выявлены фрагменты пяти личных собраний исследователей Коми края.

Организатором и руководителем ряда краеведческих и научных организаций в Коми крае, в том числе музея и библиотеки, стал Андрей Андреевич Цембер – известный исследователь фольклора, языка и этнографии. В 1931 г. Коми областной музей приобрел у А.А. Цембера 120 книг, представляющих большую научную ценность⁵. В основном это историко-краеведческая литература, в т.ч. памятные и справочные книги, ежегодники Вологодской губернии, история народов, церквей и монастырей Севера, различные публикации новгородских и великоустюжских летописей, сочинения известных российских историков. Данная коллекция, насчитывающая сегодня 98 изданий, является важным научным источником по истории развития Европейского Севера России середины XIX – начала XX веков⁶.

Большой интерес для научного сообщества представляет личность ученого-философа, этнографа, писателя Каллистрата Фалалеевича Жакова. Книги из его личной библиотеки передал в фонды музея в 1928 г. коми лингвист, этнограф А.С. Сидоров. В библиотеке было выявлено четыре издания, принадлежавшие К.Ф. Жакову. На всех изданиях имеются дарственные надписи авторов или издателей. Книги из его коллекции на иностран-

¹ Роцевская Л.П. Библиотека Усть-Сысольского отделения Архангельского Общества изучения Русского Севера // Взаимодействие книжных традиций Поморья, Урала и Сибири в XVI–XX вв.: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002. С. 233-236.

² Отчет о деятельности Коми областного Музея с 1919 по 1932 гг. // Научный архив НМРК. О 1. Д. 339. Л. 4.

³ Кырнышева О.В. Книжный репертуар публичной библиотеки северной провинции в XIX веке: (на примере Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии) // Библиотековедение. 2011. № 1. С. 106-107.

⁴ Подробнее о деятельности Общества изучения Коми края по сбору краеведческой литературы для Областного музея см.: Краева Н.В. Роль Общества изучения Коми края в формировании книжного фонда библиотеки Коми Областного музея // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2007. С. 155-158.

⁵ Цембер А.А. Дневник / подготовка текста, вступ. статья и комментарии Л.П. Роцевской. Сыктывкар, 1997.

⁶ Подробнее о коллекции А.А. Цембера см.: Краева Н.В. Вклад А.А. Цембера в формирование книжных коллекций Национального музея Республики Коми // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2010. С. 15-20.

ных языках найдены также в Национальной библиотеке РК. Коллекция изучается и представляет собой предмет отдельного исследования¹.

Наиболее полно в фондах представлена библиотека гласного Вильгортской волости Усть-Сысольского уезда Николая Павловича Чеусова, насчитывающая 70 книг. В собрании представлены книги религиозно-нравственного содержания, литература по краеведению, подшивки различных журналов. Также в фонде библиотеки выявлено 25 изданий конца XIX – начала XX вв. из личной библиотеки гласного Усть-Сысольской городской думы Венедикта Александровича Тентюкова. Большую часть коллекции представляет литература по краеведению. Выявленный фрагмент личной библиотеки секретаря городской управы, одного из активных краеведов этого периода Василия Филипповича Попова насчитывает пять экземпляров книг, три из которых – это работы самого владельца коллекции².

В настоящее время ведется работа по изучению и описанию личных библиотек преподавателей Коми педагогического института Георгия Афанасьевича Старцева (выявлено 34 экземпляра книг), Сергея Александровича Шамахова (25 экз.). Особо хотелось остановиться на коллекции первого профессора первого Коми вуза Пантелеймона Николаевича Пипунырова. В ней 127 экземпляров, но на многих книгах есть владельческие надписи, принадлежащие его брату Василию Пантелеймоновичу³. Можно предположить, что данная коллекция – домашняя библиотека братьев Пипуныровых. Наличие на книгах владельческих надписей обоих братьев позволяет нам говорить об их достаточно тесном общении и общих интересах. В целом, личные библиотеки преподавателей позволяют характеризовать их как библиотеки прикладного характера с ярко выраженной педагогической направленностью по профильным для владельцев книг предметам.

Кроме формирования и изучения личных коллекций в музейной библиотеке ведется работа и с единичными книжными экземплярами. Они не менее интересны и в совокупности также дают представления об эпохе и круге чтения населения севера Европейской части России. Так владельцами учебников в большинстве случаев были дети. Например, «Систематический курс арифметики» А. П. Киселева, принадлежал мальчику – Морозову Петру (имеется его автограф). В книге много помарок, записей. Со «Сборником арифметических задач» Евтушевского занималась девочка. На форзаце красивым аккуратным почерком надпись чернилами: «Капитолины Ключковой I класса». На страницах «Руководства для начального обучения французскому языку», составленного Е. О. Коноф, есть владельческая надпись «Пользовался уч. I-го класса Устьсысольского начального училища Жакова Ивана 1915-го года». Мы предполагаем, что эта надпись принадлежит ставшему впоследствии старшим ревизом Народного Комиссариата финансов Коми АССР Ивану Алексеевичу Жакову. Но в книге есть еще одна, очень незатейливая надпись «Ах! и хорошенькая же эта учительница по французскому Мария Ивановна Никитина», которая содержит эмоциональные проявления и чувства, написавшего эти строки.

Выявление и исследование книг, принадлежавших частным владельцам, имеет большое значение для изучения книжности как фактора истории культуры региона, интересно в плане рассмотрения судеб отдельных книг, читательских вкусов и потребностей людей XIX–XX вв.

В последние годы нами активно предпринимаются шаги к тому, чтобы сделать информацию о фондах, хранящихся в музейной библиотеке, доступной для более широкого круга пользователей. На страницах региональной прессы и в сборниках научных статей регулярно появляются публикации, посвященные исследованию фонда библиотеки Национального музея. Параллельно с выявлением и формированием личных коллекций ведется работа по их описанию в электронном каталоге. Создание электронной базы данных редких книжных изданий позволит сформировать многоуровневые тематические каталоги, что многократно увеличит возможности использования библиотечных фондов и обеспечит более эффективную реализацию ее научного потенциала; позволит работать над популяризацией книжного наследия в музейно-выставочном экспонировании с использованием Интернет технологий и пр.

И все же следует отметить, что уникальная коллекция библиотеки Национального музея является на сегодняшний день еще достаточно малоизученным источником, содержащим богатейшие сведения по истории книжной культуры и библиотечного дела севера Европейской части России.

¹ Подробнее о книжной коллекции К. Ф. Жакова см.: *Степанова Е. Н.* Реконструкция личной книжной коллекции К. Ф. Жакова (по документальным источникам Национального музея Республики Коми // *Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев»*. Сыктывкар, 2009. С. 182-186.

² Подробнее см.: *Степанова Е. Н.* Книжные коллекции библиотеки Национального музея Республики Коми (на примере личных библиотек участников краеведческого движения в Коми крае нач. XX в.) // *Известия Общества изучения Коми края*. Сыктывкар, 2007. № 1. С. 158-165.

³ Василий Николаевич Пипуныров (1903–1993), автор широко известных в России книг по истории науки и техники, своеобразной энциклопедии о часах «История часов с древнейших времен до наших дней»

Короткий рассказ – одна из малых форм коми прозы рубежа XX–XXI вв.: особенности семантики и поэтики

Особенности художественного осмысления современности находят выражение и в жанре короткого рассказа (произведения А. Вурдова, А. Мишариной, А. Одинцова, А. Попова, А. Ульянова, Ю. Яковлева и др.). Подобные жанровые формы В.И. Тюпа называет микрорассказами и сверхкороткими рассказами¹.

«...Времена эпопей – времена уверенности в познаваемости мира, социального и природного, времена «к.р.» (короткого рассказа – примеч. наше. – Т.К.) – времена мистики, чувства непознаваемости мира, полного безвластия над тайнами общества и природы», – думается, к вполне справедливой мысли приходит критик Н. Елисеев². В размышлениях о природе короткого рассказа особую значимость обретают и слова Ю.Б. Орлицкого: «Современный минимализм – это не традиционная миниатюристика, во все времена присутствующая в литературной практике, как правило, на её периферии. Опираясь на объективно сложившуюся в литературном процессе тенденцию к последовательному уменьшению размеров художественного текста, минимализм прокламирует свою исключительную состоятельность в современной литературной ситуации, способность вытеснить и полностью заменить все остальные жанры литературы»³.

Художественная организация короткого рассказа, как, видимо, и других малых форм коми прозы, весьма непростая. Во-первых, она сугубо индивидуальна. Короткий рассказ – в высшей степени отражение субъективного видения мира: произведения каждого автора представляют особое художественное явление. В связи с этим, видимо, следует указать и на специфичность рассказа как художественного образования. «Что такое рассказ, точно не установлено, хотя в ряде национальных научных традиций имеется специальный термин и сложилось представление о какой-то особой малой прозаической форме, не являющейся новеллой или повестью», – думается, близки к истине в замечании исследователя⁴.

Среди коротких рассказов особое место занимают произведения, воссоздающие личный опыт писателей, запечатлевающие их воспоминания. В связи с тем, что значимую художественную роль играет речь повествователя, лирический тон и юмор, передающие теплое отношение автора, определяют тональность рассказа. Большая часть произведений – рассказы, повествующие о курьезном происшествии, которое основывается на недопонимании, досадном недопонимании. Так, повествователь в коротких рассказах И. Ногиева (рассказы «Кыдзи нб рочнас?» – Как это по-русски?, 2004; «Урок вылын» – На уроке, 2004 и др.), А. Одинцова (произведения «Пернаа ъж» (Овца с крестом на шее, 1997), «Велодіс» (Проучил, 1997), «Бурдодіс» (Вылечили, 1997) и др.) не обнажает своего отношения, но именно нейтральный тон, отсутствие развернутого комментария вызывают комический эффект.

Весьма своеобразный характер имеет природа коротких рассказов Ю. Яковлева. Его короткий рассказ – в полном смысле этого слова мини-рассказ: от «обычного», классического рассказа произведения Яковлева отличаются только объемом. В произведениях, связанных с воспоминаниями о детстве, родных местах, картина мира словно освещена лучистым взглядом автора. Деревенское детство изображается с теплотой (рассказы «Тупли гоз» (Пара туфель, 2002), «Репин» (2002), «Война пас» (След войны, 2002).

При том, что в коротких рассказах А. Ульянова автор концентрирует внимание на конкретном происшествии, в них ярко выражено мироотношение автора. У читателя создается впечатление, что автор изображает данное событие, чтобы выразить отношение к миру, продемонстрировать готовность бесконечно радоваться и восхищаться жизнью; неспроста герой его рассказов – человек юного возраста, мальчик. В коротких рассказах Ульянова нашла выражение некая полнота лирического ощущения жизни, каковой нет в его рассказах с развитой фабулой. Всепоглощающее добро, тихая радость, освещающие произведения Ульянова, рождают у читателя светлое чувство. Рассказы Ульянова – своего рода откровение: настолько личные, сокровенные чувства и ощущения в них обнажены. Так, тайное желание подростка побывать на рыбалке, тихая радость и гордость выражены в рассказе «Ытва дырий» (В половодье, 2003). Теплое чувство заполняет душу героя рассказа «Сырник поз» (Гнездо трясогрудки, 2003) при участии в добром деле – заботе о птичьей семье, и автор ведаёт об этом трепетно. Автор любит мир детства, с доброй улыбкой наблюдая его особенности.

Циклы коротких рассказов В. Лодыгина и А. Вурдова – особое явление малой коми прозы периода порубежья. В осмыслении драматичной современности, обращаясь к народному опыту, фольклорным источникам, писатели пытаются познать народный характер, основы традиционной культуры. Так, в цикле рассказов А. Вурдова «Кывтöны-катöны (удораса сёрни-басни)» (Плывут по течению – поднимаются против течения (удорские разговоры-побасенки), 2007) изображение курьезных, комических происшествий освещено теплым, любовным отношением. В нелепых ситуациях открываются сила и слабость народного характера, вечное, несокрушимое движение жизни; в представлении автора народ велик даже в несообразностях, столь часто рождаемых повседневной будничностью. «Вот кутшöмöн вöлöма Бомö Микöл: и тешкодь, и сылысь, и уджач, и

¹ Тюпа В.И. «Дракон» Е. Замятина и жанровая природа рассказа // Лицо и стиль: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2009. С. 214.

² Елисеев Н. «К.р.», или Прощание с юностью // Новый мир. 2000. № 11. С. 190.

³ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе // М., 2002. С. 623.

⁴ Кудрина М.В. Автор и герой в рассказах И.А. Бунина // Кормановские чтения: материалы Междунар. конф. «Текст – 2000», Ижевск, апрель, 2001г. Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 143

вежѐра, и шань. И курыд ва радейтысь» (Вот каким был Бомѐ Микѐл: и забавный, смешной, странный, и поющий, и трудолюбивый, и умный, и хороший. И горькую воду любящий), – пишет автор об одном из героев (рассказ «Бомѐ»). Малая проза Вурдова наделена некой эпической силой, органично сопряженной с его отношением к миру. Образ Макся Ёгора – главного героя цикла рассказов В. Лодыгина «Макся Ёгор шмонитѐ» (Макся Ёгор шутит, 2007) – имеет прототип; о реально существовавшем лице, послужившем прообразом для создания литературного персонажа, устные рассказы и ныне бытуют в Усть-Куломском районе Республики Коми¹.

Примечательно, что художественные поиски малой прозы нашли весьма выразительную авторскую форму коротких рассказов цикла «Олѐм войтъяс» (Капельки жизни), обретенных пером А. Попова. Начав публиковать небольшие рассказы под заглавием «Олѐм войтъяс», А. Попов из года в год выпускает в свет произведения, формирующие цикл.

Своеобразие коротких рассказов А. Попова в том, что семантика изображенных в его произведениях повседневных, знакомых читателю житейских ситуаций получает некое обобщающее значение. Автор таким образом строит текст, что немногословное повествование, вербально не выражающее отношение автора, рождает подтекст. То обстоятельство, что автор не находит нужным индивидуализировать характеры, обогащать деталями и незаметными на первый взгляд подробностями изображаемую картину, также придает ей обобщенный характер. Так, сюжет о том, как чудодейственное лекарство, которое герой произведения передал матери, а та – своему отцу, вновь попало к нему («Лекарство», 1991), насыщается глубоким, даже символическим значением, в нем охарактеризованы извечные, сущностные, непреходящие жизненные ценности. В рассказах – эпизодах, связанных с глубинными явлениями жизни, неожиданно раскрываются особенности внутренней жизни героев, своеобразие их психологии («Письмо», 1987, «Думъяс» – Думы, 1987, «Шойчѐм» – Отдых, 1987 «Вѐтъяс» – Сны, 1994). Так, в рассказе «Вѐтъяс» при отсутствии черт индивидуализации открываются переживания, ощущения героя. Обращаясь к традиционному приему раскрытия внутренней жизни героя – изображению сна, открывая потаенные сферы сознания, автор удивительно точно и достоверно воссоздает житейские, узнаваемые перипетии. Достаточно подробно автор описывает психологическое состояние героя. Особую художественную роль играет композиционная структура рассказа, в частности, финал, а также эффект неожиданности (неожиданный поворот мысли, действия), что характеризует особенности художественного мышления писателя (произведения «Думъяс», «Вѐтъяс», «Номъяс» (1987), «Шойчѐм»). Думается, данная особенность композиции указывает на генетическую связь короткого рассказа с новеллой² (хотя, на наш взгляд, в целом новеллистичность не характерна для художественного мышления А. Попова).

Одна из особенностей психологизма коротких рассказов А. Попова в том, что автор не прибегает к индивидуализации характера; его психологизм характеризует, изображает утвердившееся, принятое обществом явление. У читателя создается впечатление, что автор ведет речь о вечном, воссоздавая жизнь в ее неизменности. Наличие заключительной фразы выражает и стремление автора подытожить, сделать выводы; многие из произведений данного цикла содержат подобную концовку. Думается, в исследовании особенностей художественного мышления А. Попова важно отметить, что автор чувствует необходимость в наизидании; дидактизм скрыт: будучи не выражен вербально, он ошутим в особенностях воссоздания картин жизни. Видимо, тяготение к постановке общезначимых, нравственных проблем, а также определенные особенности художественного мышления А. Попова позволяют вести речь о близости некоторых элементов его коротких рассказов к притчевым³. Более того, из-под пера А. Попова выходят короткие рассказы, аллегорические образы героев которых насыщены символическим значением: это собственно притчи (их не так много: рассказы «Номъяс», (Комары, 1990); «Пуяс» (Деревья, 2001) Изображая убедительные в своей предметности сцены, автор насыщает их глубоким содержанием.

Для данного типа рассказа, с одной стороны, характерна свойственная притче простота⁴, с другой, – эффект отсутствия авторского отношения при описании действий и событий. «Всеобъемлющий взгляд с позиции возвышенного однообразия вечности на внешнее многообразие человеческой жизни – кульминация притчевого мировидения», – справедливо утверждают исследователи⁵.

Заключительная часть произведения, в которой скрыта мораль (налицо близость данной формы малой прозы и с басней)⁶, привносит ощущение емкости и смысловой насыщенности. Так, в рассказе «Пуяс» (Деревья, 2001) автор повествует о том, что при строительстве дома сначала вырубается все деревья, возводится дом, а после деревья вновь высаживаются, и люди долго ждут, когда они вырастут. Раздумья о том, что при вырубке

¹ См.: Рочев Ю.Г. Анекдот // Республика Коми: Энциклопедия. В 3-х т. Т. 1. Сыктывкар, 1997. С. 226; Рассыхаев А.Н. Проблемы возникновения и бытования поздних устных нарративов (на примере коми анекдотических рассказов о Макся Ёгоре) // Вестник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. 2005. № 1 (1). С. 13-16.

² В частности, о близости притчевых форм малой прозы с новеллой: Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 246.

³ Думается, не вполне правомерно Г.К. Лисовской все рассказы цикла А. Попова «Олѐм войтъяс» отнесены к притче: Лисовская Г.К. Внутрижанровая типология коми советского рассказа 60–80-х годов // Жанровое развитие коми фольклора и литературы на современном этапе. Труды Института языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1988. Вып. 45. С. 120.

⁴ Береговская Э.М. Поэтика современной притчи // Филологические науки. 2007. № 1. С. 43.

⁵ Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М., 1989. С. 27.

⁶ В частности, Выготский Л.С., различая прозаическую и поэтическую басни, к первой относит притчу: Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968. С. 137.

было бы лучше оставить несколько деревьев, чтоб они радовали глаз, органично переходят в заключение (оформленное в отдельный абзац), в котором автор сетует, что во всех случаях многотрудной жизни люди действуют подобно. Аллегория основана на сравнительной связи, что установлена в заключительном абзаце: аллегорический образ требует специального комментария.

Тяготение к ситуативному юмору, внешнему комизму, что характерно для А. Попова, обусловило рождение рассказов – комических происшествий, вошедших в цикл «Олѳм войтъяс». Несοοобразности, вызывающие комический эффект, воссоздают изменчивый в противоречивости лик жизни. Так, в рассказе «Геш» (Шутка, каверза, 1991) шушливый розыгрыш открывает характер человека неугомонного, действенного, готового к неожиданным метаморфозам. К данной жанровой разновидности короткого рассказа близка еще одна из форм миниатюристики – короткие рассказы цикла «Висервожсаяс шмонитѳны» (Сельчане с Вишеры шутят, 1991) А. Попова (рассказы «Вот ѳд тѳдтѳгид» (Вот ведь не зная-то), «Сын, пиб, сын» (Язь, сынок, язь). Комический эффект в данных рассказах вызывается курьезностью ситуаций, лингвистическими средствами (использование диалектизмов, полисемии, омонимии).

Итак, короткий рассказ, в полной мере представляя художественные возможности малой прозы, являет сугубо индивидуальную художественную организацию: произведения каждого из писателей – особое художественное явление. Изображая происшествие, случай из прошлого, авторы ощущают необходимость в выражении чувств и ощущений: в данном случае воспоминания – одна из форм осмысления опыта. Будучи связан с традициями устного народного творчества, рассказ насыщается и комическими красками. Наряду с изображением комических происшествий, эпизодов жизни, освещающих глубинные, значимые явления, особенности внутренней жизни героев, рассказ тяготеет и к притчевым формам.

Н.А. Кутекина

Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Деятельность Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника по сохранению и развития кружевного промысла

В Вологде 3 ноября 2010 г. состоялось открытие Музея кружева при Вологодском государственном музее-заповеднике. В основе создания нового подразделения музея лежала коллекция кружева, собранная многими поколениями музейщиков.

Вологодский музей располагает значительным собранием, насчитывающим 5700 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фондов – кружева, сколков и технических рисунков, а также тканей церковных и этнографических с кружевными краями и прошивками. Хронологические рамки коллекции XVII – нач. XXI в. Музей хранит сведения по истории и развитию промысла: в фонде письменных (документальных) источников, в фонде фото и негативов, научном архиве и библиотеке. В музее имеются награды кружевниц, в том числе бронзовая медаль Всемирной Колумбовской выставки в Чикаго 1893 г., диплом Всемирной выставки искусств и техники 1937 г. в Париже, золотая медаль и диплом Всемирной Брюссельской выставки 1958 г., переходящие знамена Промкооперации и др. Для истории промысла важно комплексное изучение проблем. Фонды музея позволяют вести исследования в историческом, художественном, культурологическом и этнографическом аспектах. Можно проследить почти 300-летнюю историю развития кружевного дела на Вологодской земле.

Формирование коллекции кружева – историко-культурный процесс, который длится уже 130 лет. Она начала создаваться с 1880 г. в связи с подготовкой к Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве. У истоков стоял статистик, писатель Ф.А. Арсеньев, который в течение 2 лет проводил изучение кустарной промышленности Вологодской губернии. В 1882 г. приобрел в местах работы мастеров 753 изделия, в том числе 44 кружевных предмета. В этом же году Н.А. Полиевктов, заведовавший кустарным отделением на Всероссийской выставке, создал Музей кустарных промыслов, разместившийся в здании Вологодского реального училища. В 1886 г. была открыта при существующем музее постоянная Торгово-промышленная выставка с кружевным отделом для экспонирования и продажи изделий. В 1901 г. она перешла в ведение Вологодской губернской земской управы. В 1902 г. образовано Бюро крестьянских подсобных промыслов и учрежден Кустарный склад-музей. В распоряжение Бюро поступили изделия бывшей Кустарной выставки. Далее коллекции Кустарного склада передавались в музей Родиноведения при Вологодском Обществе Изучения Северного края, как «пожертвования».

13 марта 1923 г. создан Вологодский объединенный музей (ныне ВГИАиХМЗ) в собрание которого вошли от музея Родиноведения 964 образца кружева. В состав фондов перешли торговые альбомы-каталоги кон. XIX – нач. XX в., создававшиеся, как прейскуранты кружева. Среди них альбом с тисненой надписью «Образцы кружевь Кружевницъ изделия Вологодской губернии. Кустарный музей Вологодскаго губернскаго земства» с 416 образцами кружева и др. В коллекцию музея были переданы небольшие альбомы «Образцы кружевь Постоянной торгово-промышленной выставки кустарных изделий въ г. Вологде», где на цветную бумагу наклеены образцы кружева с указанием названия и цены.

Формирование коллекции вологодского кружева тесно связано с производством. Лучшие образцы приобретались у производителей (Артельсоюз, Волкружевосоюз, фирма «Снежинка»). В 1921 г. Артельсоюзом, объединившим под свое начало почти все производство кружева Вологды, была поставлена задача – составить систематизированный альбом всех кружевных образцов Вологодской губернии. Каталог изделий состоял из мно-

гих альбомов, имеющих нумерацию. В Вологодский объединённый музей поступил: «Вологодский Артельсоюз Альбом кружев № 4 г. Вологда 1926 г.», «Вологодский Артельсоюз Альбом кружев» того же оформления, но без порядкового номера.

В Вологодском объединённом музее сбором и экспонированием кружева занимались отделы народного хозяйства (экономический) и художественный. В музейных отчетах звучала критическая оценка собирательской деятельности: «до 1925 г. <...> было чисто дилетантское собирание случайного материала и полное отсутствие денежных средств на приобретение экспонатов». В связи с этим предлагалось усилить связь музея с населением. Коллекция кружева пополнялась через передачу предметов от артелей и через закупку.

Сотрудники Вологодского музея собирали предметы кустарных промыслов, «кружевного в первую очередь», как имеющего интерес в изучении экономики края. Музеем и Артельсоюзом, совместно занимавшимся обследованием края, была поставлена задача поддержания кустарного производства на надлежащей художественной и технической высоте. В летние периоды 1926 и 1927 г. были намечены совместные поездки сотрудников музея и инструктора Артельсоюза в самый богатый промышленный район губернии – Устьянский Кадниковского уезда. В ходе поездки приобретались наряду с современным кружевом и старые образцы.

В 1960–1990 г. в исторические центры кружевоплетения были совершены историко-этнографические экспедиции, в которых собраны предметы одежды с кружевом крестьянской работы.

Вологодское кружево выставлялось музеем, как продукция важная в экономической жизни области. Началом самостоятельной экспозиционной жизни кружева можно считать 1976 г., когда на базе древнерусского отдела состоялось открытие первой тематической выставки «Вологодское кружево». Она обозначила вехи истории кружевоплетения, основные этапы создания кружевных произведений, личный вклад мастеров и художников, выявлены знаковые произведения. К открытию выставки была приурочена научная конференция «Вологодское кружево и проблемы его развития», в которой участвовали специалисты – В.А. Фалеева, И.П. Работнова, М.А. Сорокина и др. Открытию выставки предшествовала кропотливая исследовательская и собирательская работа зав. древнерусским отделом И.А. Пятницкой. Она привлекла к работе ведущих кружевниц, художников кружева лауреатов Государственной премии в области изобразительного искусства – В.Д. Веселову, В.Н. Ельфинову, К.В. Исакову. При их непосредственном активном участии проходило строительство ретроспективной выставки. Впервые была предпринята попытка на примере скатерти «Ладья» В.Д. Веселовой показать создание кружевного произведения от замысла до воплощения. На выставке вологодский зритель впервые мог увидеть крупные выставочные произведения, созданные коллективным трудом художников, технологов, кружевниц. Среди экспонатов выставки были – скатерть «Снежинка» В.Н. Ельфиной, портьеры «Петухи», скатерть «Северное сияние» К.В. Исаковой, скатерть «Цветочная» М.Н. Груничевой. Многие работы, побывавшие уже на российских и международных выставках, впервые выставлялись в родном городе.

Музей привлекает художников М.Н. Груничеву и В.Д. Веселову для атрибуции коллекции кружева в 1954 г. А в 1980-е гг. В.Д. Веселова работала в отделе фондов Вологодского музея, ею были написаны инвентарные карточки на музейные предметы. Мастер выступала в 1982 г. на научно-практической конференции Министерства культуры РСФСР «Актуальные проблемы отделов истории советского общества и научно-фондовая работа музеев» на базе Псковского государственного объединённого историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Она подготовила и прочитала доклад «Вологодские кружева. Изучение и использование музейных коллекций». В настоящее время художник Г.Н. Мамровская и технолог И.С. Верещагина являются консультантами по вопросам атрибуции и описания кружева.

Музейное собрание служит базой для развития производственной деятельности кружевных предприятий. Сотрудники оказывают помощь промыслу в кризисные периоды, в вопросах обновления и поиска нового ассортимента. «В 1962–1964 гг. художникам промысла пришлось искать новый ассортимент для производства кружева, и фонды краеведческого музея помогли нам найти его. ВОКМ большое влияние оказал на художественную сторону развития вологодского кружева»¹. В Вологде в нач. XXI в. вновь создаются производства кружевоплетения: «Нерум» и «Вологодская кружевница». Специалисты предприятий обращаются в фонды музея за помощью и консультациями по ассортименту, путям развития промысла. Сотрудники музея являются экспертами для кружевного производства, они входят в Худсовет при правительстве Вологодской области.

Новой формой деятельности музея стала «Мастерская кружевного сколка». Она начала работу с ноября 2010 г. при Музее кружева. Мастерницы занимаются реконструкцией кружевного сколка XIX в. и плетением кружева по восстановленным картам. Базой для изучения технологии вологодского кружева служит фонд кружева и сколков Вологодского музея-заповедника. Целью занятий является привлечение к работе ведущих технологов и художников для изучения подлинных традиций вологодского кружева. Работа, связанная с реконструкцией, дает возможность заглянуть вглубь истории и наглядно увидеть путь развития технологии плетения.

В Вологде XIX в. мастерицы выполняли сколок на плотной бумаге, картоне или бересте. Бумага была дорогим материалом, для работы часто использовали вышедшие из первичного пользования документы, письма, газеты, упаковочные листы. Склеенная несколькими слоями бумага, т.н. «клеенка», использовалась для кружевного сколка. Крупные штучные изделия – пелерины, косынки, покрывала и т.п. шели по нескольким лис-

¹ Веселова В.Д. Доклад «Вологодские кружева. Изучение и использование музейных коллекций». Прочитан в 1982 г. на научно-практической конференции Министерства культуры РСФСР «Актуальные проблемы отделов истории советского общества и научно-фондовая работа музеев» в Псковском государственном объединённом историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Рукопись хранится в семье М.А. Веселова.

там. Бумажные шаблоны имеют плохую сохранность, расколотость и просто фрагментарность, что требует большого труда при расшифровке кружевного узора. При плетении булавки вкалывают в точки накола на карте. При многократном тираже кружева, бумажные шаблоны значительно изнашиваются, т.е. раскатываются, дырочки увеличиваются. Такие карты становятся непригодными для работы. Выполнение кружева по расколотому шаблону приводило к искажению и упрощению рисунка в плетении. Карты были громоздкими, они скручивались в рулоны, и при длительном хранении бумага пересыхала и крошилась. От такого материала предпочитали избавляться.

Сохранившиеся немногочисленные сколки XIX в. считаются большой удачей для собирателей и исследователей. Они часто доносят сведения о несохранившемся кружеве Вологды. Благодаря реконструкции сколков появились кружевные работы, которые выплетались в XIX в., и мы вновь имеем возможность видеть их.

Работа «Мастерской кружевного сколка» вызывает у мастериц интерес к истории и технологии плетения. Труд по восстановлению плетения приносит мастерам новые идеи, которые воплощаются в авторских изделиях.

Работа Вологодского государственного музея-заповедника по сохранению, пропаганде и восстановлению кружевного производства многогранна. На протяжении 130 лет мы наблюдаем значительную роль музейной деятельности в сохранении традиций вологодского кружева. В результате взаимовыгодных партнерских отношений решаются оперативные задачи создания, хранения и атрибуции кружева. В Вологде кружевоплетение является и сегодня живой традицией. Подтверждение этому в производстве кружева предприятиями и частными лицами. В нынешнем году в Вологде прошел международный фестиваль кружева «VITA LACE» («живое кружево»). Принимали участие в мероприятиях кружевницы из 36 регионов России и 18 стран мира. В Вологде был поставлен рекорд проведения самого массового мастер-класса по кружевоплетению. 24 июня на Кремлевской площади г. Вологды собрались 570 кружевниц для одновременного плетения. Акция была занесена в «Книгу рекордов России» за «Самое массовое кружевоплетение».

Л.А. Кызьюров

ГУ РК «Национальный архив РК», Сыктывкар

Использование оцифрованных архивных документов: состояние, проблемы и перспективы (на примере ГУ РК «Национальный архив Республики Коми»)

С начала XXI века все большее распространение в системе архивов Российской Федерации получает целенаправленная работа по оцифровке архивных документов. Эта работа является перспективной, т.к. позволяет решать не только задачи обеспечения сохранности документов, но и резко расширяет возможности их использования в различных формах и облегчает доступ исследователей к документам. Оцифровка позволяет освободить работников от значительного объема работы по подготовке и выдаче дел из архивохранилищ, использование специальных программ в определенной степени помогает решению задач улучшения физического состояния документов, обеспечивает возможность многократного обращения к информации, содержащейся в архивных документах, без риска нанесения физического ущерба подлинникам.

Однако, несмотря на указанные преимущества, оцифровка архивных документов имеет определенные недостатки:

- ограниченный срок сохранности электронных носителей, а значит и информации на них;
- сравнительно быстрое морально-технологическое устаревание как самих носителей, так и средств для оцифровки и чтения документов, что требует периодической перезаписи всей накопленной информационной базы в новых совместимых форматах и др.;
- оцифрованные документы могут использоваться только в качестве электронного фонда пользования (ЭФП).

Несмотря на указанные минусы, оцифровка архивных документов в настоящее время является одним из приоритетных направлений работы архивов РФ. Архивисты в своей практической работе все чаще применяют ЭФП и созданные на них базы данных в своей работе.

Целевая работа по оцифровке архивных документов позволяет уже сейчас реализовывать на практике следующие основные направления государственной политики в сфере архивной информатизации:

- формирование и защита государственных архивных информационных ресурсов;
- создание условий для качественного, эффективного и оперативного информационного обеспечения всех пользователей архивной информации;
- обеспечение реализации прав пользователей на свободный доступ к документам, справочным и информационно-поисковым системам архивов;
- формирование рынка информационных ресурсов, услуг и информационных систем.

В перспективе оцифровка позволит решить задачу создания и развития единых архивных информационных систем и сетей, обеспечения их совместимости и взаимодействия в едином информационном пространстве Российской Федерации.

В ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» начало использования цифровых копий архивных документов относится к 2005 г., когда с помощью цифровых технологий были подготовлены две справочно-информационные брошюры: «... Возвратились мы не все...». Коллекция документов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (тираж 43 экз.) и «... Признать строительство ударным...» (Документы Нацио-

нального архива Республики Коми по истории Северного комбината ГУИТУ РСФСР» (тираж 60 экз.). Электронные образы документов и иллюстраций для издания были подготовлены с использованием цифрового фотоаппарата. Других средств для создания цифровых документов в архиве в то время не было. До конца 2010 г. архивом были подготовлены еще три брошюры: «Заложники времени. Документы Национального архива Республики Коми о детях репрессированных родителей. 1930–1956 гг.», «Якутии верный сын... Архивные документы о Сидорове С.И. 1914–1943 гг.» и «Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь (Ухтижемлаг). 1938–1955 гг. (по документам Национального архива Республики Коми)». Работа по подготовке этих изданий ознаменовала для нас начало перехода на использование современных электронных технологий при использовании архивных документов. Все эти брошюры хранятся в архиве не только в бумажном, но и в электронном вариантах. После работы по доработке официального сайта Национального архива РК электронные варианты справочно-информационных брошюр будут размещены на нем и каждый желающий сможет с ними ознакомиться.

С 2006 г. архив стал готовить виртуальные выставки, на которых документы размещались в цифровом формате. Всего было подготовлено и размещено на сайте архива 6 выставок: к 120-летию со дня рождения В.А. Молодцова, «Возвратились мы не все...» (Коллекция документов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), «...Хочу идти добровольно защищать Родину...» (Заявления добровольцев об отправке на фронт. К 65-летию Победы), к 100-летию со дня рождения коми писателя и журналиста И.В. Изъюрова, «А где-то уже шла война... Город Сыктывкар. 22 июня 1941 года» (к 70-летию начала Великой Отечественной войны), «Революционный комитет Коми автономной области в документах. 1921–1922 гг.».

Основные итоги первого периода таковы:

- получен первый опыт использования архивных документов в цифровом формате;
- объемы оцифровки незначительны (было создано всего несколько сотен образов документов);
- очень ограниченное использование цифровых документов (только при подготовке брошюр, и чуть позднее, виртуальных выставок).

Следующий этап работы по оцифровке архивных документов относится к 2008–2010 гг., когда отдел использования и публикации документов архива получил в свое распоряжение 2 сканера. Оборудование для изготовления цифровых копий документов было получено в соответствии с договорами, заключенными с редколлекцией «Электронной Книги памяти Республики Коми» в 2007 г., и Избирательной комиссией РК в 2009 г. В соответствии с этими договорами отдел провел значительную работу по выявлению, оцифровке и аннотированию документов в соответствии с запросами вышеназванных учреждений. Цифровые копии документов участников Великой Отечественной войны (всего около 2700 образов) в настоящее время можно увидеть на сайте Книги памяти. Для Избиркома РК было оцифровано около 600 листов документов по истории выборов в Государственную думу России в 1905–1912 гг. Часть электронных копий документов были использованы Избиркомом при подготовке издания по вышеуказанной теме. Особенности этого этапа:

- выросла техническая база для проведения работ по оцифровке;
- значительно увеличилось количество оцифрованных документов;
- появились новые виды использования цифровых документов;
- сделаны первые попытки разработки систематизации нового вида документов.

До 2010 г., несмотря на определенные успехи и полученный опыт в использовании цифровых документов, работа по оцифровке являлась неплановой, носила спорадический характер.

Лишь с прошлого года можно говорить о системном изменении в работе Национального архива по оцифровке архивных документов и их использованию, а также начале нового этапа в использовании цифровых документов. Кардинальные изменения в данной проблеме связаны с принятием ведомственной целевой программы (ВЦП) «Создание архивного электронного информационного ресурса на документы государственных архивных учреждений Республики Коми (2010–2011 годы)». На реализацию ВЦП из республиканского бюджета Республики Коми было выделено 1471,0 тыс. рублей, в т.ч. на оснащение государственных архивных учреждений республики аппаратным и программным обеспечением для оцифровки документов. Основной задачей программы является перевод архивных документов в электронный вид (оцифровка). С февраля 2011 г. началась практическая работа по переводу метрических книг, находящихся на хранение в Национальном архиве РК. К началу августа 2011 г. переведено в электронный формат около 300 ед. хр. метрических книг за 1882–1906 гг. Всего до конца этого года предполагается провести полную оцифровку более 500 ед. хр.

В конце каждого календарного месяца все оцифрованные документы переводятся в оперативный электронный фонд пользования (ЭФП). Кроме метрических книг сотрудники архива и исследователи могут получить электронные образы документов по ряду других частично оцифрованных фондов: Усть-Сысольской уездной земской управе, Коллекции грамот и рукописей XVII – нач. XX вв., личных фондов Г.С. Лыткина, Д.И. Розанова, А.В. Журавского, Революционного комитета Коми АО, Сыктывкарской нотариальной конторы.

Если охарактеризовать современный этап оцифровки документов и их использования, то можно говорить о значительном качественном продвижении в решении этой проблемы. Общее количество ед.хр., переведенных в электронный формат приближается к 1 тысяче, количество же созданных образов составляет уже сотни тысяч. Создана материальная база для работы по оцифровке и созданию поисковой системы на документы. Разработаны методические пособия по проведению оцифровки и использованию ЭФП. Электронные копии документов широко используются практически во всех видах использования документов: при подготовке справочно-информационных брошюр и других изданий, виртуальных выставок, проведении презентаций, подготовке ответов на запросы граждан и учреждений, предоставлении архивных документов пользователям в читальном

зале архива, подготовке тематических подборок документов, выдаче копий документов (в цифровом и бумажном формате) исследователям и на сайте архива.

Конечно, существуют и проблемы, связанные с использованием оцифрованных документов. В первую очередь следует назвать сравнительно небольшие объемы работ по оцифровке (так на 2012–2014 гг. запланировано оцифровать всего 928 ед. хр.), т.е. к концу 2014 г. ЭФП будет создан менее чем на 0,2 % от общего объема дел, хранящихся в Национальном архиве. Существует и проблема с тематической базой данных на оцифрованные документы: она разработана, но пока не ведется. Да и в дальнейшем ее ведение будет сильно отставать от объема оцифрованных дел, что, конечно, значительно снизит ее эффективность.

Все же следует отметить, что процесс оцифровки архивных документов идет, а значит и расширяются возможности их использования. В будущем, вероятно, появятся и новые формы использования электронных копий. Так уже в этом году, к 90-летию создания Коми автономной области, архив подготовил виртуальную выставку, которая является, по сути, симбиозом традиционного тематического перечня документов и виртуальной выставки. Все значимые и информационно содержательные документы по истории ревкома Коми АО, которые были в свое время выявлены, а их свыше 120, были в полном объеме оцифрованы и размещены на сайте архива.

О.В. Кырнышева

Национальная библиотека Республики Коми, Сыктывкар

Краеведческая коллекция Усть-Сысольской общественной библиотеки как отражение интереса к изучению истории и культуры малой родины в XIX в.

В XIX в. история и культура Коми края вызвали интерес как у местных жителей, так и у российских исследователей, о чём свидетельствует целый ряд публикаций в губернской и столичной прессе того времени¹. Серьезную заинтересованность в изучении языка коми-зырян проявляли российские и зарубежные языковеды и лингвисты, научные изыскания которых были опубликованы в XIX в. на русском, немецком, финском и др. европейских языках². Одним из свидетельств пристального внимания местных жителей к своему региону является фонд Усть-Сысольской общественной библиотеки, ставшей в XIX в. главной собирательницей и хранительницей документов и предметов по истории, культуре и языку Коми края. Еще П.Г. Доронин отмечал её значимую роль в пробуждении общественно-научной мысли и национального самосознания среди представителей коми интеллигенции³. Сегодня, основываясь на вновь выявленных архивных материалах, мы имеем возможность представить более полную картину интересов жителей Усть-Сысольска к своей малой родине и оп-ределить спектр вопросов, интересовавших подписчиков библиотеки.

В первой половине XIX в. Усть-Сысольск – маленький уездный городок в Вологодской губернии, с населением, едва достигшим 3 тыс. человек. В 1837 г. по инициативе нескольких купцов и служащих государственных учреждений здесь была открыта публичная библиотека.

С самого начала библиотека была востребована местными жителями и «возбудила потребность к чтению»⁴. Пользоваться книгами публичной библиотеки разрешалось не только горожанам, но и проживающим в уезде крестьянам, церковнослужителям, выезжающим в Усть-Сысольский уезд чиновникам⁵. Число подписчиков библиотеки в разные годы составляло от 11 до 57 чел. Самой читающей группой являлись дворяне и чиновники. Состав подписчиков библиотеки постоянно менялся: ежегодно появлялось 10–15 новых читателей, при этом примерно столько же не продлевали свою подписку⁶. Книжный фонд усть-сысольской публички был универсальным. Большую часть её фонда составляли периодические издания, художественная литература, книги по истории и географии.

Книжный репертуар Усть-Сысольской общественной библиотеки отражает большой интерес к краеведению у её основателей, которые заложили традиции приобретения изданий, посвященных изучению Коми края,

¹ Флёров А.Ф. О древностях вологодских и зырянских // Вестник Европы. 1814. № 15, 16; Торжество в день рождения государя императора в Ижемском зырянском селении Мезенского уезда Архангельской губернии, 25 июня 1842 года // Архангельские губернские ведомости. 1842. 2 сент. (№ 35); Истомин М. Ижма // Архангельские губернские ведомости. 1846. 12 июня. (№ 24); Кичин Е. Корткерос: зырянское селение // Северная пчела. 1852. 15 мая; Берег Ф. Заметки о зырянах // Вологодские губернские ведомости. 1854. 17 июля (№ 29); Чернышев В. Какую можно развить промышленность в Печорском краю // Русский дневник. 1859. 3 апр.; Кичин В.Е. Краткие статистические и этнографические сведения об Усть-Сысольском уезде // Вологодские губернские ведомости. 1865. № 7; и др.

² Шёгрэн А. О грамматических свойствах зырянского языка в отношении к финскому // Чтения Имп. Акад. наук. СПб., 1831; Sjögren A.J. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften / Bearb. und mit einer historisch-ethnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann SPb, 1861. Bd. 1; Gabelentz H.C. Grundzüge der syrjänischen Grammatik. Altenburg, 1841; Castren M.A. Elementa grammatices Syrjaenae. Helsingforsiae, 1844; и др.

³ Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК) Ф. р-1346. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

⁴ Государственный архив Вологодской области. Ф. 438. Оп. 3. Д. 2707. Л. 8 об.

⁵ НАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2 об., 10 об.-11 об.

⁶ НАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-93; Памятники книжной культуры Республики Коми: каталог-путеводитель по фондам публичных библиотек Коми края XIX – начала XX вв. Вып. 1. История Усть-Сысольской общественной библиотеки в документах / авт.-сост. О.В. Кырнышева, науч. ред. Е.А. Рыжова. Сыктывкар, 2008. С. 44-47.

Вологодской и Архангельской губерний, а также Российской империи в целом. Вокруг библиотеки собрались местные историки, писатели, языковеды-лексикологи, переводчики, в числе которых были основоположники коми литературы И.А. Куратов, врач и этнограф А.И. Држевецкий, учитель и краевед В.Е. Кичин, исследователь коми языка Н.П. Попов и др. Они провели большую работу по сбору старинных рукописей, редкого исторического и этнографического материала.

Значительный вклад в формирование коллекции рукописей Усть-Сысольской библиотеки внёс один из членов-учредителей и её первый библиотекарь Андрей Иванович Попов. Он еще до основания библиотеки на собственные средства приобретал книги и рукописи, ряд из которых впоследствии пожертвовал библиотеке. Принимая появлявшиеся в библиотеке рукописи, он указывал источник и время их поступления, фиксировал имя дарителя. Всерьёз занимаясь формированием рукописного фонда, А.И. Попов заказывал копии с рукописей, хранящихся в селениях Усть-Сысольского уезда, а также собственноручно переписывал интересные рукописные источники. Рукописи, находящиеся в фонде библиотеки, он подвергал тщательнейшему изучению, в ряде случаев делая рукописные дополнения к содержащейся в них информации¹.

По архивным материалам установлено, что к 1877 г. было собрано 284 ценных рукописи². Они отражали важные этапы истории и культуры Коми края XV–XIX вв.: создание Пермской епархии, возникновение и развитие коми письменности, основание города Усть-Сысольска и деятельность виднейших представителей коми культуры и литературы³. Среди рукописей были акты XV–XVII вв., писцовые и сотные переписные книги XVI–XVII вв., ревизские материалы XVIII в. и др., связанные с юридическим и хозяйственным бытом крестьянского населения Яренского уезда и посадских людей Яренска, историей землевладения на севере России в XVII – начале XVIII вв.⁴

Несколько библиотечных книг посвящены описанию Вологодской губернии. Среди них «Записки, веденные по топографо-исторической части учителем Сольвычегодского уездного училища Протопоповым» (М., 1814), «Опыт описания Вологодской губернии» Н.П. Брусилова (СПб., 1833), «Маршрутная карта Вологодской губернии, Усть-Сысольского округа и уезда», «Историческое и статистическое описание Корнилиево-Комельского монастыря» (Вологда, 1855), справочные и памятные книжки Вологодской губернии. Сведения об Архангельской губернии содержались в книгах «Описание Архангельской губернии» К. Молчанова (СПб., 1813) и «Заметки о самоедах» В.Н. Латкина (СПб., 1844)⁵. В библиотеке также имелся целый ряд изданий Археологической комиссии, Императорского Русского географического общества, Императорского Археологического общества.

Особый интерес в составе библиотечного фонда вызывают книги на коми языке. По данным архивных документов в книжном фонде Усть-Сысольской общественной библиотеки находилась книга на коми языке «Велодом кыдзи позяс видчисьны Ен пьськыиысь и кыдзи колд пуктыны морт видчись пьськи» («Наставление, как уберечься от оспы, и прививки предохранительной оспы», вышедшее в Санкт-Петербурге в 1845 г.), а также издания с параллельным текстом на русском и зырянском языках: «Сельский полицейский устав для государственных крестьян», «Сельский судебный устав для государственных крестьян» (оба – СПб., 1850) и «Приложение к сельскому судебному уставу» (СПб., 1852)⁶. Перевод этих книг на коми-зырянский язык осуществил Андрей Ефимович Попов, вошедший в историю коми языкознания как переводчик с русского на коми язык религиозных и светских книг.

Значительный интерес представляют книги по коми филологии. В частности в библиотеке имелась первая печатная грамматика коми языка «Зырянская грамматика» (СПб., 1813)⁷. Её автором был Алексей Фёдорович Флёров, некоторое время преподававший словесность в Вологодской духовной семинарии. В основе его книги лежала рукопись грамматики коми языка, составленная в 1808 г. студентом этой семинарии Филиппом Козловым. А.Ф. Флёров, снабдив рукопись предисловием и внося некоторые изменения в содержание, издал её под своим именем. Впервые на этот факт указал поэт, просветитель, языковед и подписчик усть-сысольской публички Иван Алексеевич Куратов, проведя сопоставительный анализ рукописи Ф. Козлова и грамматики

¹ Подробнее об А.И. Попове как собирателе и первом исследователе рукописного фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки, см.: Рыжова Е.А. Деятельность А.И. Попова, первого библиотекаря Усть-Сысольской общественной библиотеки // *Мудрость книжной культуры в век цифровых технологий: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2008. С. 95-99.*

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 11. 1876 г. Д. 2. Л. 69.

³ Подробнее см.: Рыжова Е.А. Рукописное собрание Усть-Сысольской общественной библиотеки: общая характеристика // *Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев»: (к 20-летию отдела редкой книги Научной библиотеки СыктГУ): (Сыктывкар, 15-16 мая 2008 г.). Сыктывкар, 2009. С. 27-33.*

⁴ В 1890 г. рукописное собрание Усть-Сысольской общественной библиотеки было передано в Императорскую публичную библиотеку. В настоящее время оно растворилось в Основном собрании рукописей рукописного отдела Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). См.: Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (далее – ОАД РНБ). Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 68. Л. 17-25; Отчет Императорской публичной библиотеки за 1890 год. СПб., 1893. С. 14-64.

⁵ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 68. Л. 10-10 об.

⁶ НАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 2. Л. 5-5 об., 12.

⁷ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 68. Л. 11.

А. Флёрова¹. Саму же рукопись, обнаруженную в начале 1860-х гг. среди книг одного из священнослужителей, И.А. Куратов передал в фонд Усть-Сысольской общественной библиотеки, о чём свидетельствует скорописная запись: «Устьсысольской Общественной Библиотеке. От И.А. Куратова. 1864 г.»².

Вопросы зырянского языкознания рассматривались в книге «Учебник зырянского языка, или Практическое руководство для зырян легчайшему изучению русского языка» (СПб., 1863), автором которой был один из членов-учредителей библиотеки Николай Павлович Попов. (фото 2) Поселившись в 1830 г. в Усть-Сысольске, он почти сразу же включился в работу над русско-зырянским словарем. Талантливый организатор, Н.П. Попов, для которого коми язык не был родным, умело руководил небольшой группой местных лексикологов и широкой сетью корреспондентов. В 1863 г. рукопись словаря, содержавшего около 70000 слов, была представлена на конкурс на соискание Демидовских наград, а впоследствии приобретена библиотекой Академии наук³. Черновые материалы словаря были обнаружены нами в крышке переплета одной из книг Усть-Сысольской общественной библиотеки⁴.

Помимо работы над созданием словаря, Н.П. Попов составил азбуку коми языка на основе русского алфавита, подготовил упомянутый учебник зырянского языка. Личный интерес Н.П. Попова к зырянской лексикографии оказал влияние на формирование фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки. В библиотечном собрании находились словари русского, французского, немецкого и коми-зырянского языков.

Значительным вкладом в дело развития коми языкознания и письменности XIX в. стал «Зырянско-русский и русско-зырянский словарь» П.И. Савваитова (СПб., 1850). Словарь П.И. Савваитова содержал около 7000 слов в коми части и около 7500 – в русской. Он «мыслился как нормативный и преследовал цели утверждения лексических норм коми литературного языка XIX века»⁵. Этот словарь поступил в фонд Усть-Сысольской общественной библиотеки вместе с работой российского языковеда и этнографа А.М. Шёгрена. В одном из архивных документов о составе библиотечного фонда она именуется «Разбор сочинения Пав. Савваитова. Шегреня»⁶. Следует предположить, что это была рецензия А.М. Шёгрена на работы П.И. Савваитова по зырянскому языкознанию⁷.

В разделе «Собрание сочинений авторов в прозе и стихах» библиотечного каталога числились рифмованные отклики «Зырянское слезное слово на кончину Николая Мудрого» и «Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича»⁸. Их автором был ученый, педагог и лингвист Георгий Степанович Лыткин, занимавшийся в юности стихосложением. Ему первому из коми поэтов посчастливилось увидеть свои произведения опубликованными: в 1855 г. указанные стихотворения были изданы на коми и русском языках на отдельных листах в петербургской типографии И.И. Глазунова.

Процесс формирования библиотечного фонда находился под постоянным контролем библиотекаря и учредителей. Библиотекарь в специальном журнале регулярно отмечал какого рода книги наиболее востребованы читателями, а на собрании членов-учредителей решался вопрос, насколько выданные книги способствовали достижению основной цели деятельности библиотеки – «споспешествование успехам образованности»⁹.

Помочь в просвещении населения должен был и так называемый «музеум», создаваемый в библиотеке в начале 1850-х гг. В п. 9 библиотечных правил, утвержденных 23 марта 1850 г., указано, что каждый член-учредитель имел возможность в качестве добровольных пожертвований передавать не только книги, но и планы, карты, эстампы, минералы и другие предметы, «относящиеся до библиотеки»¹⁰.

Первый такой крупный взнос был сделан 24 января 1853 г. библиотекарем А.И. Поповым и членом-учредителем Н.П. Поповым. Они пожертвовали в библиотеку старинные монеты, окаменелости, образцы руд и прочие предметы. Всего же в течение года ими и другими членами-учредителями в пользу библиотеки «собрано монет, руд, окаменелостей и прочего, что в здешних местах имеется» общим числом до 173 экземпляров. На все поступившие предметы было составлено подробное описание, с указанием сведений о том, где они были найдены и кем пожертвованы. Для их хранения в библиотеке был отведен отдельный шкаф¹¹. А в 1860 г. в библиотечный фонд поступила работа известного этнографа, археолога и палеографа Ивана Петровича Сахарова «Записка для обозрения русских древностей» (СПб., 1851)¹². В ней была дана программа собирания памятников старины. Это издание, несомненно, представляло интерес для учредителей библиотеки и, скорее всего, было пожертвовано в фонд одним из них.

¹ Куратов И. [Зырянская грамматика Флёрова] // Вологодские губернские ведомости. 1864. № 43. С. 129.

² В настоящее время рукопись грамматики хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ, Q XVI, № 22).

³ Туркин А. Русско-зырянский словарь Н.П. Попова // Советское финно-угроведение. 1976. № 4. С. 294; Он же. О втором варианте русско-зырянского словаря Н.П. Попова // Советское финно-угроведение. 1977. № 4. С. 293-294.

⁴ По этому вопросу нами готовится отдельная статья.

⁵ Бараксанов Г.Г., Мартынов В.И. Развитие коми филологической науки. Сыктывкар, 1975. С. 5.

⁶ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 68. Л. 11 об.

⁷ Sjögren A.J. // Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg. 1851. № 8. S. 5-6.

⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 68. Л. 13.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 563. Л. 13-13 об.

¹⁰ Там же. Л. 7 об.

¹¹ Там же. Оп. 10. Д. 250. Л. 26.

¹² Там же. Ф. 735. Оп. 6. Д. 120. Л. 6.

Из всего вышеизложенного следует, что исследование фондов публичных библиотек прошлого представляет сегодня особый интерес. Публичные фонды являются существенной стороной национальной культуры и показателем уровня развития интеллектуального потенциала народа. Ярким подтверждением этого является состав книжного фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки. Являясь в XIX в. единственным учреждением культуры небольшого провинциального города, библиотека стала его культурным и научным центром. Благодаря активной исследовательской деятельности ее подписчиков и учредителей было собрано и сохранено для следующих поколений значительное количество предметов старины и письменных документов, посвященных истории, культуре и языку коми-зырян.

Р.И. Ларукова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Научно-просветительная работа муниципальных музеев Республики Коми

Идея создания первого публичного музея в Зырянском крае принадлежала членам Усть-Сысольского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера. Днем основания музея считается 17 октября 1911 г. Сегодня первый музей (ныне Национальный музей Республики Коми) отмечает 100-летие со дня образования.

Сегодня же в Республике Коми действуют два государственных республиканских учреждения «Национальный музей РК» и «Национальная галерея РК» и 18 муниципальных музеев, из которых 10 – сельские. 9 из них являются музейными объединениями в своих районах и имеют 21 филиал в различных селах.

Многопланова научно-просветительная работа муниципальных музеев Республики Коми (далее – ММ РК), которая, в основном, реализует образовательно-воспитательную функцию музея на базе его музейного собрания. Она дает свои результаты. Ежегодно растет посещаемость муниципальных музеев Республики. Так, если в 2008 г. посещаемость составила 276 тыс. человек¹, то в 2010 г. муниципальные музеи Республики посетили почти 300 тыс. человек².

Для привлечения большего количества посетителей сотрудники музеев не только работают над совершенствованием постоянных экспозиций, но и активно создают новые выставки. В течение 2009 г. в муниципальных музеях республики работало 922 стационарные и передвижные выставки по разным темам³, а в 2010 г. – 958⁴. Тематика выставок разнообразна: «Салют, Победа!», «Государственные символы России и Республики Коми» (МУ «Корткеросский районный историко-краеведческий музей»); «Время выбрало нас. Афганистан. 1979–1989 гг.», «Троицко-Печорский островок ГУЛИАГА», «Церковь Святой Троицы: история и современность» (МУК «Троицко-Печорский районный историко-краеведческий музей им. Попова А.Н.»); «Сильней симфоний и стихий греметь мы будем кандалами» (к 210-летию со дня рождения А.С. Пушкина) – МУ «Музейное объединение МОГО «Ухта», «Традиционный костюм ижемских коми» (Ижемский районный историко-краеведческий музей) и др. Большой интерес вызвала у жителей республики выставка «Памяти Якова Вундера. Живопись. Графика. Фотография. Документы», подготовленная МУК «Воркутинский музейно-выставочный центр»⁵.

В 2009 г. 12 муниципальных музеев стали участниками выставки – фестиваля «Хранители памяти», которая была организована и впервые проведена на базе Национального музея Республики Коми.

Серьезное внимание музеев уделяют работе с различными категориями посетителей. В настоящее время практически все музеи столкнулись с изменением состава посетителей. Музейные работники стремятся приблизить к музею детей дошкольного возраста. Однако основными посетителями музея остаются школьники. Все больше в музеях семейных посетителей. Для самых юных посетителей музея разрабатываются экскурсии с элементами игры, театрализации, исследовательской деятельности и т.д. Интересен в этом направлении опыт работы «Музея истории и культуры Сысольского района». Живой интерес вызвали у детей экскурсии «Новогоднее путешествие пуговицы во времени и пространстве» (по выставке пуговиц из фондов музея), «А нас посчитали» (к всероссийской переписи населения 2010 г.), «Пока часы двенадцать бьют» (познавательная экскурсия о часах по выставке из цикла «Из истории вещей»). С историей письменности знакомит детей экскурсия с элементами ролевой игры «Старые буквы», разработанная сотрудниками МУ «Печорский историко-краеведческий музей». Оригинальный опыт по приобщению детей к родной культуре, традициям, истории края имеют Прилузский, Ижемский, Усть-Вымский и другие муниципальные музеи⁶. Все это свидетельствует о желании музеев стать равноправными участниками в формировании единого культурного пространства для детей, используя свои методики и свой уникальный опыт.

Отрадно, что в последнее время сотрудники муниципальных музеев всё чаще выходят за пределы стационарных экспозиций и выставок, разрабатывают пешеходные и автобусные экскурсии: к Святым источни-

¹ Справка-анализ деятельности ММ РК за 2008 г.

² Справка-анализ деятельности ММ РК за 2010 г.

³ Справка-анализ деятельности ММ РК за 2009 г.

⁴ Справка-анализ деятельности ММ РК за 2010 г.

⁵ Отчеты ММ РК за 2008–2009 гг.

⁶ Отчеты ММ РК за 2010 г.

кам, монастырям (Сыктывдинское музейное объединение), «Маршруты выходного дня» (Усинск), автобусные экскурсии от с. Корткерос до п. Лемью и с. Нёбдино (Корткеросский музей)¹ и т.д.

Одна из наиболее трудных и вместе с тем важных задач, которые стоят перед музеями – сохранение «национальной культуры». Музеи активно содействуют сохранению традиций родного языка, народного творчества, фольклора. Для этого сотрудники муниципальных музеев используют самые разные формы работы. Это и проведение экскурсий на коми языке; организация подвижных национальных (коми) игр для детских площадок при школах (Ижемский музей); занятия с элементами познавательной деятельности «Как построить коми избу», «Как каравай на стол пришел» (МУ «Прилузский районный историко-краеведческий музей им. И.А. Яборова»); творческий конкурс среди молодежи «Чужанин Сыктывдин» («Название Сыктывдин»), посвященный Году коми языка (МУК «Сыктывдинское музейное объединение»); в Важгоргском музее (Удорский район) проходят уроки-экскурсии «Быд юлön аслас кыв» («У каждой реки своё слово»), шег-турниры и т.д.²

Для привлечения посетителей муниципальные музеи используют клубные формы работы. На базе многих музеев работают объединения по интересам: поэтические (литературный клуб «У камелька» в литературно-театральном музее им. Н.М. Дьяконова), клуб нумизматов (Троицко-Печорский музей), краеведческий клуб «Живая старина» (Пижемский историко-этнографический музей, с. Замежное Усть-Цилемского района), мастер-классы по живописи и гончарному искусству (МУК «Усинский музейно-выставочный центр»). На базе Койгородского краеведческого музея создан ремесленный салон «Берегиня», где занятия идут по направлениям: ткачество, лоскутное шитьё, художественная обработка бересты³.

Всё более популярными среди посетителей музея становятся музейные праздники: календарные, семейные, событийные. Повышению привлекательности музейных праздников способствует и то, что многие традиции праздничной народной культуры сохраняются в наше время. При разработке сценариев праздников народного календаря научные сотрудники музеев отдают предпочтение местным традициям. «Новый год настаёт», «Святочные гадания», «Пасха в крестьянском доме», «Масленица», «Венок на воде», «Крещенские тайны» и другие праздники народного календаря ежегодно проходят в муниципальных музеях Печорского, Ижемского, Удорского, Сысольского, Сыктывдинского, Усть-Вьмского районов⁴.

В настоящее время стала одной из реалий музейной практики организация семейных праздников, в том числе обрядовых свадеб, детских Дней рождения и др.

Муниципальные музеи сегодня строят свою деятельность с учетом новаций музейной теории и практики. Накоплен обширный опыт проведения конференций, встреч поколений, проведения больших праздничных мероприятий. Это научно-практические конференции, встречи с интересными людьми, конкурсы, игры, викторины. Эффективным способом взаимодействия музеев с жителями городов и сел стало проведение акций, которые вовлекают большое количество участников в творческий процесс. В 2010 г. проведены такие акции как: экологическая акция «Речная лента – 2010» в Ижемском районном историко-краеведческом музее, акции «Письмо ветерану», «Зажги свечу памяти», «Эхо войны», «Военный треугольник», «Мы этой памяти верны», посвященные 65-летию Победы, в Сыктывдинском музейном объединении, МУ «Музейном объединении» МОГО «Ухта», ММУК «Национальном музее Удорского района», «Нет наркотикам» в Сосногорском историко-краеведческом мемориальном музее и др.⁵

Современная ситуация предоставляет музеям возможность проявить свою индивидуальность, развить творческую инициативу, активизировать инновационные формы деятельности. Этот творческий потенциал, способность к динамическому развитию, умение реализовывать творческие идеи в полной мере проявляется в научно-просветительной деятельности муниципальных музеев Республики Коми.

Т.И. Лахтионова

Национальный архив Республики Коми, Сыктывкар

«Удобно повесить их в простенках между окон...»

(Письмо этнографа Д.Т. Яновича зав. Коми областного архива А.А. Цемберу о передаче портретов царских особ в Коми областной архив)

«Многоуважаемый Андрей Андреевич!

Пересматривая тысячи картин в Центральном хранилище музейного фонда в упраздненной церкви Новодевичьего монастыря и отбирая для Вашего областного музея наиболее интересные экземпляры, я встретился с возможностью получить заодно (полч. автором) и портреты царствовавших в России императоров, как исторический материал.

Цельный ряд музеев и архивов уже получил, по моим справкам, полные серии таких портретов, начиная с Михаила Федоровича, но мне не удалось найти покуда ни его портрета, ни п. царя Алексея, ни Феоора, ни Софьи, а роясь в остатках, отыскал я только Наталью Кирилловну, царя Ивана Алексеевича и всю компанию, начиная с Петра 1 до Николая 2 за исключением Петра II, Анны Леопольдовны и Ивана Антоновича. Долгое

¹ Отчеты ММ РК за 2009–2010 гг.

² Отчеты ММ РК за 2009–2010 гг.

³ Отчеты ММ РК за 2008–2010 гг.

⁴ Отчеты ММ РК за 2008–2010 гг.

⁵ Отчеты ММ РК за 2010 г.

время – целых 2 месяца: не мог я встретиться с Петром III-им, но наконец он мне попался, как раз в день приезда в Москву Н.С. Полещикова.

Если бы Обоно не опоздало с подтверждением моего полномочия на целые полгода, я бы получил вдвое больше всего материала и между прочим и портретного.

Н.С. Полещикову я объяснил необходимость Вашему архиву владеть такой коллекцией для украшения стен и он со мной вполне согласился, так что Вам предстоит задача разместить у себя кроме перечисленных портретов еще и гравюры, изображающие Ломоносова и Лепёхина, если мне повезет их получить также бесплатно. Удобно повесить их в простенках между окон.

Извините меня за слегка запоздалое сообщение, но я после своего тяжелого заболевания только с большой постепенностью снова возвращаюсь к прежней аккуратности.

До свидания. Искренне уважающий вас и благодарный Д. Янович.

Прошу передать Вашей супруге мое приветствие.

P.S. Профессор-финнолог Дм. Влад. Бубрих очень просит у Вас два-три экземпляра Вашего словарика (1 – для него лично, 2 – для библиотеки Академии наук и 3 – для института этнических культур, где состою я и учатся Лыткин, Молодцов и сумбурный Подоров).

Приписки на полях:

«Кто это основательно саботирует мою работу для Музея, ни мандата во-время, ни денег на пересылку не посылается».

«До зимы хочется побывать в деревнях по Выми»¹.

Данное письмо выявлено в фонде Национального архива Республики Коми. Такого рода письма не редкость в исторических архивах, но для периферийного архива письмо интересно уже тем, что содержит столько замечательных имен, российского и местного масштаба.

Письмо адресовано первому архивисту коми края, основателю Коми областного архива и краеведческого музея А.А. Цемберу.

Андрей Андреевич Цембер (1874–1959), по происхождению внук сосланного в Коми край участника польского восстания 1830 г. и по материнской линии зырянин (коми), родился в 1874 г. в г. Усть-Сысольске, уездном центре Вологодской губернии. С 1901 г. он начал заниматься научной работой; совместно с профессором Гельсингфорского университета Ирье Вихманом, обучавшемуся у него зырянскому языку, он составляет немецко-финско-зырянский словарь, в 1913 г. издает сборник зырянских сказок, а уже в следующем году еще один – «Зырянские сказки и песни».

В 1911 г. по его инициативе было организовано Усть-Сысольское Отделение Архангельского общества изучения Севера и в течение 5 лет будущий архивист возглавляет данное общество. В том же 1911 г., как он пишет в своей автобиографии, «я положил начало Коми областному музею, собирая кости допотопных животных (череп и кости мамонта были найдены в р. Дырнос в 4 верстах от г. Усть-Сысольска)»². Им же были собраны и переданы в музей предметы этнографического характера. В этот период он общается с приезжими и местными учеными.

После революции Цембер занимает должности в структурах народного образования – работает инструктором подотдела охраны памятников старины и искусства, в 1921 г. назначен на должность заведующего Агентством Центропечати в г. Усть-Сысольске. В январе 1922 г. он был перемещен на должность заведующего бюро Истпарта в обкоме партии. После этого вполне логичным было назначение в октябре 1922 г. на должность заведующего областным архивом, которым он руководил вплоть до 1936 г.

Уже работая заведующим областным архивом, Цембер не прекращает деятельность по изучению недавней и прошлой истории Коми области. Он пишет статьи, собирает материалы по истории Гражданской войны и Октябрьской революции, копирует постановления Северодвинского губчека по обвинению граждан в контрреволюционных действиях. Так, им написаны статьи «Первые годы Октябрьской революции в Коми области (по архивным документам и личным воспоминаниям)», «Роль русского пролетариата в Октябрьской революции и Гражданской войне в Коми области», составлен «Список граждан, погибших в Гражданской войне из зырянской области», подготовлен черновик очерка «Серёговский завод в руках Беломорской компании 1859–1885 гг.» и др. К этому времени относится и прием в архив упоминаемых в письме картин.

Однако его активность и заинтересованность в пополнении Архивного фонда Коми области разнообразной по составу и источникам ретроспективной информацией не находила отклика в рядах государственных и партийных структур. Несмотря на то, что еще летом 1929 г. он ездил в Москву на 2 съезд архивных работников и «был выбран в Президиум вместе с Покровским, Адоратским, Максаковым», в ноябре 1929 г. на партячейке обкома он был исключен «за отрыв от массы, от партийной жизни, пассивность» из рядов партии «как балласт и случайно примазавшийся элемент». В решении указывалось, что Цембер А.А. партиягрузки не имеет, пассивный, в партжизни признаков активности не подает, хотя на собраниях и участвует, «склонен к проявлению мягкотелости, считает ненужным расстрелы классовых врагов-женщин (расстрел Кузьбожевых в 1918 г.), мало революционерен»³.

¹ ГУРК «Национальный архив РК» Ф. Р-488. Оп. 1. Д. 5. Л. 293-394.

² Там же. Ф. 963. Оп. 1. Д. 27. Л. 3-4.

³ По этому вопросу Цембер в дневнике пишет: «На вопрос – «Правильно ли в 1918 г. были расстреляны 3 женщины Кузьбожевы (старуха, ее дочка и (несовершеннолетняя) внучка) – я ответил, что неправильно. Во-первых, потому что их рас-

В 1936 г. семья А.А. Цембера переехала в Пятигорск. В 1940 г. он дал о себе знать – направил в Президиум Верховного Совета Коми АССР заявление о назначении ему персональной пенсии. Поводом послужила заметка в газете «Правда» от 3 апреля 1940 г. о приобретении Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина его рукописной книги, содержащей 61 произведение дореволюционного зырянского народного творчества – сказок, песен, плачей, свадебных причитаний. Однако в назначении персональной пенсии ему было отказано¹.

Автором публикуемого письма является известный ученый, этнограф, собиратель старины Даниил Тимофеевич Янович, который родился в 1879 г. в Новгородской губернии. Этнографической деятельностью он начал заниматься с конца 90-х годов XIX в. будучи студентом Санкт-Петербургского университета. В начале XX в. (до революции) Д.Т. Янович активно занимается сбором предметов музейного характера в Карелии, Тульской, Тверской, Владимирской губерниях, где им было собрано и приобретено множество экспонатов для Русского и Российского этнографического музеев, музеев Академии наук, Московского университета и др. Коллекции Яновича по истории карелов, ненцев, угров, русских до сих пор составляют важнейшие составляющие многих музейных фондов страны.

После революции Янович продолжает заниматься вопросами сбора, сохранности музейных, краеведческих ценностей, работает в Комиссии по охране памятников искусства и старины Наркомпроса, ученым секретарем Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ЦИК, в других государственных, научных организациях.

В 1925 г. Янович в первый раз приезжает в Сыктывкар, тогда еще Усть-Сысольск. Отсюда он отправляется в экспедицию по северным уездам Коми области, на Ижму, по р. Колва и привозит богатейшие собрания этнографического материала, которые стали основой экспозиционных выставок местного музея.

В 1926 г. Янович через московский музейный фонд прислал в Усть-Сысольск большое количество произведений искусств, реквизированных из усадеб, дворцов и квартир прежних владельцев. Так в музей попали работы художников Айвазовского, Саврасова, авангардистов Матюшина, Моргунова, графика, коллекции скульптур, бронза, посуда.

Как явствует из публикуемого письма, в 1928 г. в Областной архив Яновичем были направлены портреты царствовавших особ, которые в 1952 г. были переданы в Художественный музей (ныне Национальная галерея Республики Коми) и до сих пор хранятся там.

К сожалению, Д.Т. Янович не избежал участи многих деятелей культуры и науки – был репрессирован в 30-е годы и умер в 1940 г. в лагере в Казахстане.

В письме также упоминаются фамилии Д.В. Бубриха, Лыткина, Молодцова и Подорова.

Все это замечательные личности. Дмитрий Владимирович Бубрих по праву считается основателем отечественного финно-угроведения. Выпускник Петербургского университета, он долгое время преподавал в этом учебном заведении. Результатом его исследований были обобщающие работы по финскому, мордовскому, удмуртскому, коми языкам. Лыткин Василий Ильич – один из наиболее авторитетных коми ученых, выдающийся финноугровед. Закончив Московский государственный университет в 1925 г., он стажировался в Финляндии, Венгрии, Германии, преподавал в Московском университете, работал в Институте национальностей при ЦИК СССР, занимался литературной и научной деятельностью. В 1933 г. был репрессирован, к научной работе вернулся в 1938 г. С 1959 г. В.И. Лыткин работал в Институте языкознания АН СССР. Молодцов Василий Александрович – языковед, создатель коми алфавита, написал первый букварь для коми школ, занимался лингвистической деятельностью. В 1938 г. был репрессирован и умер в заключении в 1940 г. Подоров Василий Максимович – первый коми историк. В 1928 г. Подоров учится в аспирантуре НИИ народов Востока. С 1932 г. работает в Сыктывкаре, собирает сведения по истории коми народа. Результатом работы стал выход книги «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)» в 2-х томах. В дальнейшем работает во многих научных, учебных заведениях страны.

И.И. Лейман, Н.Л. Изнатенкова

Сыктывкарский государственный университет

Роль музеев в формировании культурных брендов

В современном информационном обществе происходит переосмысление сущности и назначения музея, его основных функций и направлений работы. Конечно, музей продолжает оставаться коммуникативным узлом, обеспечивающим поиск, хранение, экспонирование наиболее ценной и достоверной первичной информации. Всё также музей является и художественно-просветительской средой, где синтезируется и распространяется визуальная, вербальная, символическая, электронная и иная историко-культурная информация². Однако при

стреливал некто Мандельбаум, полусумасшедший человек, который спустя некоторое время сам был расстрелян советской властью за преступные действия. Во-вторых, потому неправильно, что Кузьбожевы расстреляны по пустяжному поводу (не дали Мандельбауму лошадь). В-третьих, потому что не было никакого суда и следствия и в-четвертых, потому что 3-х женщин Кузьбожевых нельзя отнести к классовым врагам, к кулакам – потому что это было интеллигентное семейство, давало приют многим ссыльным царской власти после 1905 г.». Там же. Д. 2. Л. 28, 33.

¹ Там же. Ф. Р.-963. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

² *Чекрыгина Л.В.* Музей как средство формирования имиджа территории // PR-деятельность в регионе: современное состоя-

этом специалисты все чаще начинают обращаться к музею как к месту открытого, общедоступного, духовно насыщенного общения всех слоев и групп населения. А с учетом того факта, что сущность современной музейной деятельности во многом направлена на приобщение к ней новых посетителей, становится понятно, почему одним из важнейших направлений деловой активности современных музеев становится освоение технологий связей с общественностью.

Музей, заинтересованный в управлении своим информационным пространством и интенсификации коммуникаций, в том числе и международных, может использовать связи с общественностью для широкого распространения информации о своей деятельности и своих партнерах и ломки старых стереотипов в представлении о музее. Одна из первых задач, которую должны решить связи с общественностью – это формирование имиджа музея. Устойчивый положительный имидж музея, в свою очередь, является хорошей стартовой площадкой для разработки им культурных брендов города или даже целого региона.

Имидж музея складывается из целого комплекса составляющих: имидж услуги; имидж потребителей услуги; внутренний имидж музея; имидж основных руководителей и персонала музея; визуальный, социальный и бизнес-имидж музея¹. Понятно, что в условиях недостаточного финансирования современных музеев (особенно в регионах), возможности для построения имиджа музея по всем указанным направлениям довольно ограничены. Но нужно помнить, что полное игнорирование необходимости работы над имиджем в скором времени может привести к еще большему сокращению бюджета организации, тогда как благоприятные результаты этой работы, наоборот, открывают различные пути для расширения финансовых средств.

Для определения основных имиджевых характеристик музея необходимо провести большую исследовательскую работу, которая базируется на использовании комбинации количественных и качественных методов. Качественные методы (фокус-группы, глубинные интервью) ориентированы на выявление глубинных, неосознаваемых характеристик сознания индивидов и чаще всего используются в первоначальной стадии исследования в целях создания описательной базы и шкалы для дальнейшей количественной оценки. Количественные методы в исследовании имиджа сводятся к интервью и анкетированию и применяются для оценки значимости качественных характеристик. Еще один метод – контент-анализ СМИ – помогает определить символическое и эмоциональное поле, формируемое вокруг организации и отслеживать направленность фона информационных сообщений и его динамику².

После того, как коммуникативная единица имиджа определена, следует непосредственная работа по формированию положительного имиджа. По мнению специалистов, начинать процесс формирования имиджа музея необходимо, прежде всего, внутри коллектива, так как каждый работник может рассматриваться как «лицо» музея, по которому судят об организации в целом³. Работа с внешней общественностью включает организацию разного рода PR-акций и специальных PR-мероприятий; участие в разнообразных всероссийских и международных проектах; работу со средствами массовой информации (СМИ). Важно отметить, что многие современные музеи реализуют большую часть указанных направлений работы на практике. Так, например, Музей истории просвещения Коми края при Сыктывкарском государственном университете ведет активную экскурсионную, выставочную и издательскую деятельность; организует целый комплекс специальных мероприятий (вечера-встречи, научно-практические конференции, деятельность Коми отделения Шаляпинского общества и др.); сотрудничает со СМИ⁴. Однако эффективность реализации всех указанных направлений существенно снижается из-за отсутствия общего видения и единой концепции имиджа музея. Такая ситуация типична для многих современных российских музеев. В то же время не вызывает сомнений, что сильный положительный имидж музея является необходимым условием достижения им устойчивого и продолжительного делового успеха⁵. Благодаря положительному имиджу музея значительно возрастает спрос на услуги, предоставляемые музеем; расширяется круг партнерских взаимоотношений; повышается интерес к музею со стороны властей как на региональном, так и на всероссийском уровне.

Сильный имидж музея является основой бренда, а это уже совсем иной уровень развития организации. Ведь по сравнению с имиджем бренд – вещь более серьезная, значимая, устойчивая. Хорошая репутация, крепко соединенная в сознании публики с именем бренда, превращает бренд в символ надежности. Благодаря своей репутационной составляющей бренд оказывается способным внушать людям доверие к организации и ее услугам, выступать гарантией качества⁶.

ние и проблемы развития: Материалы III Межрегиональной молодежной научно-практической конференции (г. Киров, Кировский филиал СПбГУП, 5-6 декабря 2007 г.) / Киров, 2008. С. 42.

¹ Алешина И.В. Корпоративный имидж // Маркетинг. 1998. № 1. С. 52.

² Точка зрения специалистов МИК (ГОРТИС). Исследования имиджа // Маркетинговые исследования. Консалтинг для бизнеса. URL: <http://www.gortis.info/index.php> (дата обращения 31.04.2011).

³ Лысикова О.В. Имиджелогия и паблик рилейшнз в социокультурной сфере: учеб. пособие. М., 2006. С. 48.

⁴ Музей истории и просвещения Коми края // Сыктывкарский государственный университет. URL: http://www.syktsu.ru/g/muzei/Muzej_istorii_prosvesheniya_Komi_kraya (дата обращения: 28.03.2011); Отчет об учебной, научной и идейно-воспитательной работе СГУ в 1972–1973 гг.; Программы научных конференций, проходивших на базе СГУ с 1986–1996 гг.; Публикации СГУ за 10 лет. Библиографический указатель / Сост. М.И. Бурлыкина. Сыктывкар, 1984. С. 88.

⁵ Томилова М.В. Модель имиджа организации // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 1. С. 51.

⁶ Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008. URL: http://u6935.netangels.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27%3Apr-&catid=59%3Apr----&Itemid=10 (дата обращения 23.07.2011).

Бренд – это некий маркетинговый инструмент: хороший бренд может говорить людям о том, что музей является высокопрофессиональной организацией, в которую следует инвестировать деньги (для потенциальных доноров и спонсоров); в музее находятся уникальные коллекции (для посетителей) или что в музее интересно работать (для потенциальных сотрудников). Хороший бренд также может позитивно влиять на экономическую деятельность музея, то есть увеличить количество посетителей или продажи музейных каталогов. Иначе говоря, бренд делает организацию конкурентоспособной, то есть способной предлагать некий особый опыт в жесткой конкуренции с индустрией развлечений¹.

Какой музейный объект может стать культурным брендом? К примеру, Эрмитаж является готовым брендом Санкт-Петербурга – «также классичен и чуть холоден»². В Астраханской области может появиться новый бренд «Сарай-Бату – столица Золотой Орды». Основа бренда – выстроенный под руководством археологов в качестве декораций для съемок фильма целый квартал древней столицы Золотой Орды. Причем макет Сарай-Бату находится почти в том же месте, где город стоял столетия назад, всего в нескольких километрах археологического раскопа³. Брендом города Мышкин стал Музей Мыши, созданный в 1990 г.⁴ Брендом территории, при желании, может стать даже огурец, как это имеет место в селе Черкассы Елецкого района Нижегородской области. Соответствующего музея здесь пока еще нет, зато появился памятник огурцу⁵.

По мнению музеолога В.Н. Сорокина, музей может стать фабрикой брендов благодаря проектной деятельности. Проектный способ управления музейными кадрами и ресурсами подразумевает сфокусированность на решении определенных задач, на попытке достижения благородной цели. Например, музей Алабина в Самаре практически на пустом месте придумал новый туристский бренд – военно-исторический фестиваль «Битва Тимура и Тохтамыша», пользуясь тем, что место битвы «где-то здесь»⁶. Посещение культурного центра «Сарай-Бату – столица Золотой Орды» планируется сделать в форме интерактивной экскурсии: пустынные улочки оживят с помощью местных актеров, а посетителям отведут роль невольников, захваченных во время набега ордынского войска⁷.

Таким образом, современные музеи могут стать хорошей стартовой площадкой для разработки культурных брендов. Основой успешного культурного бренда является интеллектуальный и творческий потенциал сотрудников музея в сочетании с сильным имиджем самой организации. Процесс разработки бренда, в свою очередь, должен базироваться на большой исследовательской работе и подразумевать возможность широкого участия аудитории в разворачивающемся действии.

*Арт Лезде**

Университет г. Тарту, Эстония

Финно-угорские народы и Эстонский национальный музей: укрупнение нации или поддержка культурного разнообразия?

Эстонский национальный музей (ЭНМ) всегда своей главной целью считал собирать материалы по эстонской культуре. Финно-угорские народы также имеют особый статус в ЭНМ (например, коллекция ЭНМ разделена на «А» – эстонские предметы, «В» – предметы финно-угорских народов, «С» – предметы других народов). В этой статье я намерен обсудить общие принципы подходов, которые дают финно-угорским народам такое важное место в идеологии и практике ЭНМ.

ЭНМ стал заниматься финно-угорскими народами сразу после основания музея (1909). Первые финно-угорские предметы были собраны в 1913 г. В 1923-м г. в музей была передана финно-угорская коллекция Эстонского Ученого Общества, собранная еще в XIX в. Первая финно-угорская собирательская экспедиция ЭНМ была организована в 1921 г. на территорию ингерманландцев. Скоро после этого последовали экспедиции к ижорцам, венграм, ливам и карелам⁸.

Финский археолог Аарне Михаел Таллгрэн, являющийся членом дирекции ЭНМ, полагал в 1921-м г., что музей нуждается в финно-угорском отделении. В 1923-м г. он писал: «Наука получает здесь область изучения, которая распространяется вплоть до Уральских гор и Ледовитого океана. Наука приобретает область, где мож-

¹ *Жвиташвили Н.* Для чего нужны бренды музеям (из опыта британских музеев). Экспертная лекция. URL: <http://www.culturalmanagement.ru/infocenter/?cid=2&aid=1582> (дата обращения 22.07.2011).

² *Сорокин В.Н.* Музей как бренд или музей для бренда? URL: <http://prepod.nspu.ru/mod/resource/view.php?id=8120> (дата обращения 14.07.2011)

³ Туристов превратят в рабов Золотой Орды. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/234243> (дата обращения 26.07.2011).

⁴ Музей мыши. URL: <http://www.mouseland.ru/museum.html> (дата обращения 18.07.2011).

⁵ Огурец стал «Черкасским брендом». URL: <http://trkelets.ru/videonews/2011/07/2147.html> (дата обращения 26.07.2011).

⁶ *Сорокин В.Н.* Указ. соч.

⁷ Туристов превратят в рабов Золотой Орды.

* Статья подготовлена при поддержке Эстонского научного фонда (грант 8335), FP7 project «European national museums: Identity politics, the uses of the past and the European citizen» и Европейского сообщества через European Regional Development Fund (Center of Excellence in Cultural Theory).

⁸ *Karm S., Marleen N., Piret K.* (сост.). Auasi: Eesti etnoloogide jalgedes... (80 aastat hõimurahvaste osakonda Raadil). A Matter of Honour: In the Footsteps of Estonian Ethnologists... (80th Anniversary of the Opening of the Finno-Ugric Department at the Estonian National Museum). Дело чести: По следам эстонских этнологов... (К 80-летию первой финно-угорской выставки Эстонского национального музея). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2008. Lk 6, 91.

но работать столетиями. Маленький народ будет чувствовать стимулирующее и воспаляющее чувство великости»¹.

В 1920-ых гг. директор ЭНМ Ильмари Маннинен распорядился о том, чтобы вся деятельность музея носила научный характер, это касалось и изучения финно-угорских народов. Маннинен считал, что ЭНМ должен быть «крупной мастерской финно-угорских исследований»².

Но в то время не все оказалось осуществимым. Изучались и собирались материалы по тем финно-уграм, которые были доступны в силу политической обстановки (живущие вне Советской России). Желание тотально изучать все финно-угорские народы абстрактно существовало, но сама действительность не позволяла делать это в полном объеме. Еще во время II мировой войны исследователи ЭНМ смогли посетить воеводу, ижору и ингерманландцев. Осуществление идей и целей Маннинена было начато только в 1960-ых гг. С той поры до начала 1990-ых гг. велась успешная работа по сбору финно-угорских материалов под руководством директора ЭНМ Алексея Петерсона. Была собрана большая по объему и ценная по содержанию коллекция финно-угорских материалов, достойная гордости и в мировом масштабе. Начиная с 1990-ых гг., исследование уральских народов осуществляется в рамках различных проектов и во многом зависит от интересов отдельных исследователей, в определенной степени продолжая основываться на исследовательских традициях, политико-экономической обстановке и тенденциях в развитии мировой науки³.

Финно-угорские выставки ЭНМ

В 1928 г. первая финно-угорская постоянная выставка была открыта в ЭНМ. Эта выставка, посвященная материальной культуре родственных народов, была закрыта во второй половине 1930-х гг.

Следующая обзорная финно-угорская выставка ЭНМ была организована только в 1989-м г. в Таллине, где за несколько недель экспозиция собрала 15 000 посетителей. Это вторая выставка была концептуализирована вокруг эстетики народного искусства.

Сейчас ЭНМ готовит новую постоянную финно-угорскую выставку. Экспозицию планируют открывать в 2014-м г. На данном этапе в музее занимаются созданием концепции выставки. В течение нескольких лет рабочая группа обсуждает разные общие концептуальные проблемы.

Следует ли для выставки выработать финно-угорский дискурс нового типа? Как этот потенциальный новый дискурс связан с многообразием финно-угорских нарративов, которые уже существуют? Как влияют национальные и международные политические и социальные трансформации на концепцию выставки? Эти сомнения и размышления связаны с осознанным противоречием: до какой степени возможно соединить традиционное понятие национального музея (как в принципе мононационального) с понятием культурного разнообразия современного мира?

Сущности

Национальные музеи имеют возможность показать разные культурные и этнические группы авторитарно, определить статусы и влиять на общественное мнение. Принципы и практики создания коллекций научных, исторических и эстетических объектов связаны с определенными идеями об оценке разных культурных групп и тем, какое место разные народы занимают в обществе, какую роль они играют в мире⁴.

Во многих странах Европы первые национальные музеи создавались в период, когда национальные идеологии являлись неоспоримыми. С тех пор такие музеи вписались твердо в структуру нации. И эти нации сами развивались и взрослели, стабилизируя и стандартизируя свои системы знаний. Национальные музеи влияют на производство знаний, понимание политического развития и стиль культурной эстетики. Национальные музеи стоят в авангарде создания коллективных пониманий и репрезентаций, комплексных имиджей этнических обществ, влияя всем тем на общественное мнение на национальном и международном уровне⁵.

В финно-угорском случае это значит, что основным связывающим качеством между родственными народами является язык. Ученые и финно-угорские активисты постоянно искали и ищут дополнительные свидетельства общего финно-угорского родства. По вопросам общих черт в материальной культуре, фольклоре, мировоззрении и генетике постоянно возникают дискуссии. Находки и доказательства в этих областях противоречивы.

Несмотря на оспоримость многих общих выводов и гипотез, на современном этапе финно-угорское сотрудничество процветает во многих областях (литература, искусство, музыка, театр, образование, научные исследования, права коренных народов и т.д.).

¹ Ibid. Lk. 8

² Linnus J. Liivi etnograafilise materjali kogumine Eestis // Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi. Tallinn: Valgus, 1982. Lk. 85.

³ Leete A. Soome-ugri rahvad ja Eesti Rahva Muuseum. The Finno-Ugric Peoples and the Estonian National Museum. Финно-угорские народы и Эстонский национальный музей. // Karm, Svetlana, Marleen Nõmmela, Piret Koosa (сост.). Auasi: Eesti etnoloogide jälgedes... (80 aastat hõimurahvaste osakonda Raadil). A Matter of Honour: In the Footsteps of Estonian Ethnologists... (80th Anniversary of the Opening of the Finno-Ugric Department at the Estonian National Museum) Дело чести: По следам эстонских этнологов ... (К 80-летию первой финно-угорской выставки Эстонского национального музея). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2008. Lk. 7.

⁴ European national museums: Identity politics, the uses of the past and the European citizen (proposal manuscript). 2009. P. 2.

⁵ Ibid. P. 4-6.

В такой неоднозначной ситуации, тем более, надо строить выставку на базе довольно простой и ясной концепции. Посетителям все должно быть предоставлено естественно и по существу, фундаментально и всеобъемлющим образом. Выставка должна подтвердить знания тех, кто знаком с финно-угорской тематикой, и в то же время информировать тех, кто сталкивается с финно-угорскими вопросами впервые.

Диалоги

Национальные музеи являются защитниками и модераторами исторических нарративов и на сегодняшний день они также занимаются проблемами глобализации, экономических изменений, миграции, общественных развитий и гендерного равноправия. Это позволяет национальным музеям играть в обществе актуальную роль. Определяющим динамическим элементом в идее национальных музеев является надобность переосмыслить различие. При этом разные способы и уровни идентитета привлечены в действие. Моделирование нации в рамках музея связано с представлениями о более масштабных культурных, религиозных и политических контекстах. Музей также связан с разными региональными и групповыми идентитетами, пропагандируя «зонтик» культурного многообразия и толерантности¹.

В то же время национальные музеи должны давать себе отчет в том, что интерпретация конфликта и диалога, использование прошедшего связано с потенциальным непониманием варианта истолкования истории, предложенного музеем. Разные группы должны найти в экспозиции поддержку своим взглядам и, в то же время, платформу для понимания альтернативных подходов и идей о культуре и истории. Национальные музеи должны изучать и представлять транснациональное знание о том, как этнические идентитеты конструируются и фрагментируются².

Существует определенная интрига между изначальной национальной стратегией музея и современным вызовом мультикультурности. Каждая культура развивается в сети отношений с другими культурами, и каждое общество включает в себя множество таких культурных диалогов. Таких диалогов в мире огромное количество и каждое общество связано с ними в той или иной мере. Для общества музеев является «котельной», «мастерской» или «заводом» динамичного самоопределения.

Заключение

Можно выделить две определяющих общих идеи будущей финно-угорской выставки ЭНМ.

Во-первых, экспозиция должна показывать кто есть кто и что есть что в финно-угорском мире. Этот подход является продолжением традиционного понимания о финно-угроведении как научно-патриотическом занятии эстонцев и других финно-угров.

Во-вторых, такую пеструю по своему характеру научную и музееведческую традицию можно использовать и для пропаганды культурного взаимопонимания и толерантности, пропагандируя разные универсальные, общечеловеческие ценности.

В.Б. Липин

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Коллекция охотничье-рыболовецкого снаряжения народа коми в фондах Национального музея Республики Коми

Национальный музей Республики Коми обладает уникальной коллекцией по традиционной культуре народа коми. В традиционном природопользовании народа коми немаловажное место занимали добывающие промыслы, которые еще в начале XX в. оставались одними из основных видов хозяйственной деятельности. Поэтому, вполне естественно, что предметы, связанные с охотой и рыбной ловлей, не могли остаться вне поля зрения музейных работников при формировании этнографической коллекции народа коми. В списке этнографических экспонатов в бытовом отделе музея Коми в 20-е гг. XX в. присутствует более 40 предметов охотничье-рыболовецкого инвентаря, собранных зачинателями музейного дела в Коми крае А.А. Цембером, А.С. Сидоровым, Д.Т. Яновичем, большинство которых до сих пор числятся в музейном собрании³.

Предметов музейного значения, характеризующих промысловые занятия коми, в коллекции НМРК насчитывается более 300 единиц хранения. Сбор их осуществлялся на протяжении всего существования музея и продолжается по сегодняшний день. Материал представлен достаточно разнообразный, охватывающий почти все стороны охотничье-рыболовецкого хозяйства народа коми, хотя надо признать, что в большей степени присутствует охотничье снаряжение. Малочисленность рыболовецкого инвентаря, вероятно, объясняется меньшим сроком его хранения и худшей сохранностью, в силу большей подверженности агрессивному воздействию окружающей среды во время его использования.

В плане географии, в коллекции представлена вся территория современной Республики Коми, но более всего те районы, где охота и рыболовство традиционно играли большую роль в хозяйстве у коми вплоть до начала XX века, сохраняя определенное место и в наши дни – это бассейны рек Вымь, Ижма, Верхняя Вычегда и Печора, Вашка и Мезень.

¹ Ibid. P. 5-6.

² Ibid. P. 6.

³ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. 148. Д. 418. Л. 79.

К 100-летию юбилею Национального музея Республики Коми был подготовлен каталог «Охотничье-рыболовецкое снаряжение народа коми в фондах Национального музея Республики Коми». Классификационные группы в каталоге выделены по функциональному назначению предметов: средства ловли, вспомогательный инвентарь к ним, средства передвижения и доставки, одежда, обувь. Описание каждого предмета включает в себя следующие сведения: 1) русское и коми названия, 2) данные о форме, конструкции, материале, а по возможности и способе изготовления, 3) сохранность, 4) место, где предмет был найден, получен или приобретен и дата поступления, 5) имя лица, которому вещь принадлежала, либо лицо ее передавшее, 6) размеры, 6) инвентарный номер. Если в описании данные о сборе или поступлении предмета отсутствуют, значит, источник и время передачи его не установлены. Место сбора предмета указывается в соответствии с современным административно-территориальным делением Республики Коми.

Наиболее многочисленный материал составляют так называемые орудия активного лова – ручное метательное и огнестрельное оружие, комплекты вспомогательного снаряжения для ружейной охоты. Ручное метательное оружие представлено четырьмя редкими экземплярами, относящимися к т.н. лукам простого (1 ед.хр.) и сложного типов (2 ед.хр.) и одной стрелой с наконечником. Сохранность луков сложного типа неполная: у одного экземпляра обломаны концы кибитей, у второго отсутствует половина кибиты, а у стрелы утрачено оперение. Луки сложного типа склеены из двух пластин разных пород дерева, в центре пластины сужаются, в сечении подпрямоугольная, в плечах от центра расширяются и к концам снова сужаются, кибить оклеена тонким слоем бересты. Аналогичные стрелы и луки бытовали у хантов¹.

Холодное оружие представлено двумя рогатинами, 4-мя наконечниками копий, 7-ю ножами и 5-ю ножами. Наконечники копий и рогатин ромбовидной формы, втульчатые, в сечении – вытянуто-ромбовидные, один экземпляр – ножевидной формы. Ножи относятся к т.н. универсальным хозяйственным, с прямой спинкой, с массивной деревянной рукояткой с четко выраженным навершием. Наконечники копий и ножи аналогичны некоторым типам средневековых памятников Перми Вычегодской².

Коллекция огнестрельного оружия насчитывает 52 ед.хр. Большая часть из них относится к дульнозарядным ружьям: кремневым (12 ед. хр.) и т.н. пистонным или же ударно-капсюльным (18 ед. хр.) (коми названия – «*тиштиаль*», «*крымка*», «*турка*»). Большинство оружия этого типа отечественного производства с клеймами Императорского Тульского оружейного завода, Оружейной фабрики Губметалла г. Тулы, Ижевского оружейного завода, изготовленные в период от 1858 г. по 1925 год. Представлены также гладкоствольные казнозарядные ружья центрального боя, в том числе и двуствольные, а также винтовки системы Бердана, Крнка (21 экз.). Судя по клеймам большинство из них тоже отечественного производства (Ижевский, Тульский оружейные заводы), но присутствуют также экземпляры иностранного происхождения (Бельгия, Германия, Италия). Приклады дульнозарядных ружей чаще всего самодельные, иногда довольно незатейливые, особенно у кремневых, но у пистонных, большей частью выполнены весьма тщательно и близко к заводским образцам, ударные механизмы частью местного изготовления, частью – привозные. В коллекции представлены несколько экземпляров ружей, изготовленных одними и теми же мастерами: И.Ф. Петровым из Ижевска и мастером самоучкой из п. Нювчим В.Д. Поповым, причем разных видов. Исходя из сведений, полученных автором в ходе полевых исследований в районах Республики Коми, присутствие оружия иностранного производства объясняется вывозом их качестве трофеев после II-ой Мировой войны, а винтовок системы Крнка и Бердана – оснащением в 1891 г. русской армии трехлинейкой Мосина. Датируется коллекция второй половиной XIX – первой половиной XX вв.

Довольно многочисленны предметы вспомогательного снаряжения к огнестрельному оружию. К таким относятся ремни-портупей («*тасма*», «*кыйсян завод*») с набором принадлежностей – пороховница, кожаные и холщевые мешочки-кисеты для хранения дробы, кремня, трута и капсулей (пистонов). Всего имеется 22 портупей в комплекте, роговых и деревянных пороховниц в отдельности – 13 ед.хр., отдельных элементов набора – 5 ед.хр., патронташи и ягдташ (охотничья сумка). Пороховницы представлены 3-мя видами: 1) в виде круглого фляжкообразного закрытого сосуда, выполненного из капа, иногда декорированного линейно-круговой и трехгранно-выемчатой резьбой или окрашенного; 2) роговые пороховницы-натруски в виде изогнутого конуса, уплощенные, орнаментированные; 3) роговые натруски круглые.

К вспомогательному инвентарю относятся также предметы для т. н. «пассивной охоты». Это держатели для волосяных петель к силкам (*лэч видзан*) выполненные в виде деревянных колец с прорезью, наборы самих петель (*некля*), детали для ловушек на песцов (*кулемка туу*, *кулемка нялам*), охотничьи посохи (*койбедь*). Средства ловли представлены старинными ловушками «кляпцами» (*кляпча*) ударного типа и «черканом» (*чаркан*) ударно-давящего типа, металлическими капканами для пушных зверей.

К промысловому снаряжению относятся некоторые специфические типы одежды и обуви, в частности охотничьи накидки-лузаны, кожаная и валяная обувь для ходьбы на лыжах – «*лызя ком*», «*ныра ком*» и «*тюни*». Представлена также кожаная обувь типа бродней и бахил.

Средства передвижения и доставки представлены двумя видами лыж: обитые каму-сом (*лызь*) и т.н. голицы (*лямпа*) и охотничьими санями (*норт*). Одна пара лыж, судя по исполнению и некоторым деталям, с большой долей вероятности, может быть отнесена к хангыйским.

¹ Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / Отв. ред. Н.А. Томилов. Томск, 1986. С. 51-53. Рис. П.

² Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 54-58. Рис. 15, 16.

Рыболовецкий инвентарь, имеющийся в фондах НМРК, как было отмечено выше, менее многочисленный, чем охотничий. В коллекции представлены ставные сети (три одностенных и одна трехстенная), деревянные и сетные ловушки - верши и вентера (*гьмга, ветель*), орудия активного лова – остроги (*адзлас*), единичные экземпляры для ловли рыбы на крючок и блесну – перемет и дорожка (*подольник, кыснан*). Из вспомогательных средств присутствуют таганы для огня (*кдза, кыбан корт*), применяемые при ловле способом лучения и ботала (*бурскан*) для лова ботанием. Имеются также принадлежности для вязания сетей (*рдж*), грузила (*кебод, кибас*) и наборы поплавков (*таб, табъян*).

В целом, следует отметить разнообразие предметов коллекции, широту охвата территории, наличие редких образцов, представляющих значительную научную ценность.

Г.К. Лисовская

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Роль национальной интеллигенции в условиях глобализации

Глобализация – тотальное проникновение, взаимовлияние и взаимодействие – новое всемирное явление. Феномен глобализации получил осмысление во многих работах, о ней писали М. Кастельс, И. Валлерстайн, Дж. Стиглиц, З. Бжезинский, Н.М. Римашевский и др. Однако большинство тех, кто пишет о глобализации, касаются в основном экономических, политических и демографических аспектов данной проблемы, в то время как гомогенизация, первоначально охватывающая главным образом экономическую и политические области, в настоящее время распространилась и на культуру, и эта проблема требует осмысления. Среди разных форм идентичности национально-культурная идентичность является главной, она в значительной степени определяет человеческую ментальность. О реальности ее утраты в результате процессов глобализации говорят представители даже многочисленных народов, а для малочисленных народов, безусловно, эта проблема стоит острее. Вопрос заключается в том, что необходимо сберечь наследие, доставшееся от предков. В этой связи представляется ценным вывод Т.П. Григорьевой, что «народ обязан беречь свое национальное достояние, ибо только в этом случае он может внести в сокровищницу народов что-то свое неповторимое, без чего невозможно мировое единство»¹.

Самоидентификация является важнейшим признаком нации. Так, Э. Геллнер пишет, что «группа людей становится народом, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу, объединяющую их членов. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие качества – какими бы они не были, – которые отделяют эту группу от стоящих вне ее»². Э. Геллнер настаивает на том, что именно убеждения, пристрастия и наклонности, т.е. сознательные, мировоззренческие, ментальные стороны людей, а не объективные (территория, экономика государств) факторы, превращают людей в нации.

Важнейшим признаком нации является наличие у нее национальной идеи, которая является ядром национального сознания. Неудивительно, что народы малочисленные выбирают в качестве национальной идеи – идею национального сохранения. Для народов национальная идея существует в форме мифов.

Все это понимал в начале XX в. К.Ф. Жаков. Его уже тогда беспокоила утрата исторической памяти в коми народе. В своих книгах он пытался восстановить утраченную связь у времен. К.Ф. Жаков знал, что основным способом этнической идентификации является выработка и усвоение мифов. Все художественное творчество писателя – это один большой миф о коми народе, его происхождении, о его славном «золотом веке», о его великом будущем. В мифах К.Ф. Жаков увидел то, что объединяет коми людей в народ; восстановив и сохранив первообразы, К.Ф. Жаков способствовал сохранению, а, может быть, и восстановлению коми национального характера.

К.Ф. Жаков и собственную жизнь превратил в миф. Его автобиографический роман «Сквозь строй жизни» – мифологическая сказка о человеке, оторвавшемся от своего народа и возвращающегося к нему, но уже на другом уровне, в качестве защитника, певца и пророка.

К.Ф. Жаков-писатель и К.Ф. Жаков-педагог видел свою миссию в просвещении и воспитании человека. В своих многочисленных лекциях-проповедях он готовил из своих слушателей-учеников будущую национальную интеллигенцию. Именно ей, по мнению К.Ф. Жакова принадлежит основная роль в сохранении хрупкой природы севера и его культуры. Народам «нужны вожди духовные», «интеллигенты – всегда соль земли», писал К.Ф. Жаков в работах «Мировая скорбь и пути спасения человека» и «Задачи культуры». «Необходимо миссионерство» – именно так он понимал задачу интеллигенции. Служение своему народу – это просвещение, огромная духовная работа. К.Ф. Жаков поднимает в своих работах проблему самосохранения малых народов. Самозащиту их он видит в национальном самосознании («Наука о государстве в свете лимитивной философии»). К.Ф. Жаков утверждает (опираясь на исторический опыт еврейского народа): «Национализм необходим был... во всеобщей конкуренции народов» («Промысел божий»). Философ убежден, что в своем национальном чувстве человек проявляет свою биологическую сущность. Однако для малого народа это средство выживания и этап становления. Изучая Ветхий Завет К.Ф. Жаков приходит к выводу, что в основе идеи избранничества отдельного народа лежат первичные инстинкты – гнев, страх, эгоизм («Мировая скорбь и пути спасения чело-

¹ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 19-20.

² Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991. С. 35.

века»). Человеку необходимо преодолеть свою природную сущность, встать на следующий этап своего развития и стать духовным человеком («человек как проявление духа», «воспитать в себе духа (т.е. разум космический...»), – пишет К.Ф. Жаков в своей лекции «Путь к самопознанию». «За национальным самосознанием проявится в людях космический разум и поведёт государства национальные к добровольному равному союзу народов земли» («Наука о государстве в свете лимитивной философии»).

Та духовная эволюция, которую предлагает К.Ф. Жаков в своих проповедях лимитивной философии, является основой современной философской антропологии. Так в новой философии жизни А. Маслоу будущее представляет собой переход от «дефицитарной модели познания и переживания к бытийному переживанию». Дефицитарные переживания – переживания отсутствия чего-либо – пространство житейского опыта – стремление к безопасности, страхи, поиск защиты. Бытийные переживания – в творчестве, религии, любви. Человек перестает быть человеком и становится «богоподобен»¹. У К.Ф. Жакова – это «богочеловек». Во времена идеологического разброда и политических страстей он призывал в своих лекциях к «кооперации, взаимопомощи людей, классов и народов», способных «спасти нас». Спасение человечества, а особенно малых народов, по мнению К.Ф. Жакова, в «добровольном, равном союзе народов земли». Как это противоположно современной идее глобализма! К.Ф. Жаков утверждает пути спасения народов – «совместная деятельность, кооперация, самосознание национальное, самосознание общечеловеческое, самосознание Единства с Богом» («Добро и зло в жизни народов»).

К.Ф. Жаков оказал огромное влияние на духовное становление зырянской молодежи. Через общеобразовательные Черняевские курсы в Петербурге, домашние кружки, наконец, курсы публичных лекций, которые он вел на протяжении всей жизни, он готовил их к неутомимой подвижнической работе во имя своего народа. Вот как вспоминал о нем, как о преподавателе, Ф.П. Чукичев, слушатель общеобразовательных курсов А.С. Черняева в Петербурге: «Большинство слушателей считало Каллистрата Фалалеевича не столько официальным преподавателем, сколько душою курсов, учителем жизни. После лекций К.Ф. чувствовался в них подъем силы и энергии, и многие занимались напролёт ночи... Это был действительно оригинальный «анатом душевных переживаний», возбуждавший своих слушателей к неутомимой упорной работе».

Уникальная попытка реализовать весь свой творческий потенциал появилась у коми молодежи после революции. Взрыв национального энтузиазма в 20-е гг. XX в. породил невиданное доселе явление – коми интеллигенцию как плеяду единомышленников с бурной мыслительной и практической деятельностью, направленной на создание национальной культуры. Они стали носителями исторического и нравственного самосознания и самоизменения общества. А.А. Маегов (1908–1942), А.С. Сидоров (1892–1952), А.А. Чеусов (1882–1940), В.И. Лыткин (1898–1981), И.Т. Чисталев (1890–1939), В.Т. Чисталев (1890–1939), А.А. Суханова (1894–1985), В.А. Савин (1889–1943) – деятели коми Просвещения, коми Возрождения – многогранно-талантливая национальная интеллигенция, которая вырабатывала новые цели и знания для своего народа, новую философию жизни и новую практику.

Новая плеяда творческой интеллигенции не в ее социологическом понимании – в образовательном смысле, а как носитель концентрированной духовности, национальная интеллигенция в философско-культурном понимании появляется в 60-е годы. В творчестве и общественной деятельности П. Шахова, Г. Юшкова, И. Торопова и др. коми писателей возрождается исследование национальной истории, национального характера. Они поднимают проблемы сохранения национального образа мира, духа народа, его культуры и нравственности.

Лучшие представители коми интеллигенции во все времена понимали, что национальное самосознание нуждается в образах, имеющих «подъемную силу» (терминология К.Г. Юнга) – т.е. семантически богатых, имеющих силу примера. Такими были Пам Бур-Морт и Гараморт К.Ф. Жакова, Тист Иван и Стюзь Матвей В. Савина, Трипан Вась В. Чисталева. Конё Семё Г. Юшкова, Федя Мелехин И.Торопова, тётка Аксинья П. Шахова, Парма Егор Ю. Васютова – это те образы, которые показали ядро национального характера, его жизнестойкость, а, значит, помогали ощутить национальную жизнь в перспективе.

Стремление к этническому возрождению на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв. совпало с социально-политическим, духовным кризисом, и с вхождением ослабшей России в период мировой глобализации. Как пишет в своей статье «Финно-угорские народы России в условиях глобализации» К. Сануков «ментальные особенности российских финно-угров оказались в глубоком противоречии с теми нравственными жизненными ценностями, которые востребованы современной действительностью»². В социологических теориях исторических изменений современный период определяется как период травмы. Кризис идентичности в результате усилия с целью восстановить ее является наиболее заметной особенностью кризиса (проявляется в «ура-патриотизме», национальном бахвальстве). С одной стороны, «идёт процесс широкой маргинализации коренного населения, которое уже привело к опасным этническим, культурным и демографическим последствиям» (И.Ф. Ложникова), с другой стороны, наблюдается деградация национальной интеллигенции. В газете «Дагестанская правда» от 18 марта 2011 г. статья М. Биланова «Почему исчезли аристократы духа». В ней он пишет о партикуляризме, местничестве, пристрастности оценок, которые нашли благоприятную почву в последние годы: «упрямство и крайности вместо упорства, последовательности и умеренности, амбициозность и поверхностность вместо интеллектуальной скромности и подлинного образования». Аристократов духа нет и среди коми интеллигенции. С уходом из жизни таких ученых и общественных деятелей, как А.К. Микушев,

¹ См.: Маслоу А. По направлению к психологии бытия. М., 2002. С. 7.

² Финно-угроведение. 2001. № 1. С. 4.

В.Н. Дёмин, С.И. Худяев, А.Е. Ванеев, писателей – Г. Юшков, И. Торопов, образовался духовный вакуум, преодолеть который можно лишь консолидировав усилия на положительной идее диалога – культур, мнений. Интеллигенция с избирательной памятью и тягой к разрушению старого не способна противостоять угрозам глобализации, ибо она не помогает нации осознавать своё единство. Как духовное завещание звучит призыв К.Ф. Жакова из далекого 1925 года: «Мы должны способствовать всемерно выявлять сначала в своем народе высшие свойства духа. Сию заповедь даю вам, да любите друг друга. Дух зовет вас к вселенской церкви добрых для спасения, и взаимопомощи, и кооперации своих сил и знаний». Лишь «вселенское миропонимание» и «вселенское мироощущение», а не страх и недоверие к «чужому», способны преодолеть «цивилизационный разлом» и только «творец новой энергии созидания» «с планетарным сознанием» способен противостоять угрозам глобализма.

О.Г. Лыкова

Национальный музей-заповедник украинского гончарства, Опощня (Украина)

Монументальная глиняная скульптура в экспозиции Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опощне

Вопросу сохранения музейных коллекций в фондах музеев и экспозиционных помещениях посвящено много работ, разработан целый комплекс рекомендаций и методик². Впервые система учета и хранения музейных фондов страны на государственном уровне была утверждена Министерством культуры СССР (приказ от 26 июля 1965) в «Положении о музейном фонде СССР» и «Инструкции об учете и хранении музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР» (1968). С обретением Украиной независимости, некоторое время музейные работники продолжали пользоваться инструкциями, утвержденными во времена Советского государства. И только в июле 2000 г. постановлением Кабинета Министров Украины было утверждено «Положение о музейном фонде Украины». Проект 2008 г. «Инструкций по учету, хранению и использованию музейных предметов и коллекций государственной части Музейного фонда Украины» не утвержден и сегодня, поэтому до сих пор музейные работники пользуются «Инструкцией по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР»³, утвержденной еще в 1984 г. В Украине до сих пор не решённой проблемой остаётся вопрос хранения глиняных произведений под открытым небом. Основной причиной не исследованности этого вопроса является то, что монументальная глиняная скульптура – не распространенное явление в музейных коллекциях Украины, поэтому у музейных работников нет опыта по созданию соответствующих условий для хранения монументальных глиняных скульптур под открытым небом.

Проблема сохранения монументальных глиняных скульптур под открытым небом является чрезвычайно актуальной для Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опощне (далее – музей-заповедник), на территории которого постоянно функционирует уникальная в Украине Национальная галерея монументальной керамики под открытым небом. Эти изделия были созданы в течение 1997–2001 гг. ведущими художниками-керамистами, народными мастерами и студентами художественных учебных заведений Украины и России во время всеукраинских и национальных симпозиумов, проходивших на базе музея-заповедника (176 скульптур). Эти экспонаты подвергаются воздействию различных погодных условий: осадки, солнечное облучение, постоянные перепады температуры и т.п., что отрицательно влияет на целостность структуры монументальных глиняных произведений. Следовательно, перед сотрудниками музея-заповедника возникла проблема создания соответствующих условий для их экспонирования под открытым небом, поскольку в данном контексте экспонирования и хранения являются тождественными понятиями.

Цель предлагаемого исследования – на примере Национальной галереи монументальной керамики Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опощне выявить круг проблем, связанных с сохранением монументальных глиняных скульптур под открытым небом и наметить пути их решения.

Основной критерий, который влияет на создание необходимых условий хранения глиняных скульптур – технологические особенности их изготовления. Большая часть экспонатов Национальной галереи монументальной керамики изготовлена из шамотной массы, а температура их обжига – около 1000 °С, что недостаточно для долговременного хранения глиняного произведения под открытым небом, поскольку температура спекания изделий из шамотной массы колеблется в пределах 1100–1350 °С. А несоответствие имеющейся и необходимой температур приводит к снижению необходимой прочности и неизменности объема глиняного изделия⁴. Ярким примером несоответствия имеющейся и необходимой для хранения скульптуры температур стала работа «Лев о двух головах» Василия Омеляненка (Опощня, Украина). Это самая монолитная монументальная скульптура на территории музея-заповедника. Она была создана мастером на заранее определённом месте, где и обжигалась.

¹ Шесталов Ю. Слово поэта – талисман спасения // Материалы VIII Международного конгресса финно-угорских писателей. Ханты-Мансийск, 2006. С. 50–51.

² Актуальные вопросы музееведения. Рига, 1982; Изучение и научное описание памятников материальной культуры. М., 1972; Мезенцева Г.Г. Музеезнавство (На материалах музеев Украинської РСР): Курс лекцій. Київ, 1980; Новикова Г.М. Хранение, дезинфекция и защита музейной керамики: Методические рекомендации. Киев, 1989; Проблеми збереження, консервації і реставрації музейних пам'яток історії та культури: Спецвипуск. Проблеми біопшкодження пам'яток історії та культури / Керівник Т.О. Кондратюк. Киев, 1998; Яхонт О.В. Консервация и хранение скульптуры в музее. М., 2009; и т.д.

³ Инструкция по учёту и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. М., 1984.

⁴ Технология керамики и огнеупоров / под общей ред. П.П. Будникова. М., 1950. С. 192–196.

Для этого вокруг льва был специально построен горн. Понятно, что в таком горне невозможно было достичь требуемой температуры. В результате – реставраторы вынуждены ежегодно проводить реставрационные работы, чтобы сохранить эту скульптуру.

Чтобы продлить срок экспонирования глиняных скульптур нужно обязательно учитывать влаготемпературный и световой режимы. Для глиняных изделий при их хранении наиболее опасными являются высокая влажность, низкая температура и резкие их перепады. Особенно разрушительно влияние постоянных изменений температуры и влажности. Колебания влажности в керамических изделиях способствует развитию процесса кристаллизации и рекристаллизации солей, которые могут привести к расслоению пористой керамики и полному разрушению изделий. В «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР»¹, указано, что для хранения и экспонирования глиняных изделий в помещениях оптимальная температура около +18 °С, а безопасные границы относительной влажности воздуха – 50-65%. Понятно, что под открытым небом создать подобные условия невозможно. Особенно сильно негативное влияние изменения температуры и уровня влажности проявляются в осенне-зимний период, когда постоянные перепады температуры вызывают замерзание-оттаивание имеющейся в скульптуре влаги, уровень которой, кстати, в этот период тоже значительно поднимается. К тому же скульптуры расположенные под открытым небом подвергаются постоянному воздействию солнечных лучей и ветров. И хотя керамика относится к предметам с высоким уровнем светостойкости, в случае долговременного хранения она все же нуждается в защите от непосредственного воздействия прямых солнечных лучей. А при постоянном воздействии ветра, чего невозможно избежать при расположении под открытым небом, со временем нарушается целостность поверхности скульптур путем их выветривания. Каковы же должны быть условия хранения глиняных скульптур под открытым небом нигде в литературе и инструкциях не указывается. Срок хранения этих скульптур мог бы значительно увеличиться, если бы была возможность постройки уличных павильонов для создания оптимальных условий их хранения². Но в связи с незначительным государственным финансированием музейного учреждения, сегодня реализация этой идеи невозможна. Единственное, что могут сделать для защиты глиняных скульптур, расположенных во дворе, от внешнего негативного воздействия реставраторы музея-заповедника – ежегодно в сухую погоду покрывать их поверхность водоотталкивающими прозрачными средствами, используемыми в строительстве для защиты фасадов кирпичных или каменных зданий.

Следующая проблема, с которой столкнулись сотрудники музея-заповедника в первые годы экспонирования монументальных глиняных скульптур – их монтаж. Авторы работ, сделав и выставив скульптуру на конкурс, не задумывались об условиях их дальнейшего хранения, а поэтому и не все продумали систему монтажа. Результатом этого стало повреждение некоторых скульптур при первых же неблагоприятных погодных условиях (сильные порывы ветра, проседание грунта после зимнего периода). К счастью повреждения оказались незначительными, а сами скульптуры подлежали реставрации. С целью предотвращения подобных инцидентов сотрудники музея-заповедника занялись повторным монтажом всех скульптур расположенных под открытым небом. С помощью кирпича, щебня и цементного раствора были построены площадки-основы для расположения переносимых скульптур, большие нетранспортабельные вещи были «вмонтированы» в землю. При проведении следующих симпозиумов было добавлено новое требование к авторам монументальных скульптур: «Предвидеть мероприятия, связанные с монтажом монументальной скульптуры на местности, и меры связанные с обеспечением ее сохранности (устойчивость против ветров, атмосферных осадков, воздействия мороза и т.п.)», в результате чего уменьшились проблемы, связанные с надежностью монтирования скульптур в процессе последующего хранения.

Еще одной проблемой является небрежное отношение экскурсантов к ним. Преобладающее число посетителей – это дети. Посетив музей, они все хотят взять с собой что-то на память. В наше время развитых технологий простейший и самый яркий способ – сделать фотографию, на которой ты изображен рядом с памятником культуры, который изучил или увидел. И вот здесь начинается самое ужасное. Дети хотят не только сфотографироваться рядом со скульптурами. Их тянет «оседлать льва» («Лев о двух головах», Василий Омеляненко), обнять улыбающегося дедушку («Кто мы?», Николай Вакуленко), посмотреть на мир «глазами смерти» («Украина или казак Мамай под деревом Бо», Андрей Ильинский), «подергать веточки» на одном из керамических деревьев («Три дерева», Тарас Гипп), посмотреть сквозь ограду вместе с очарованными дедушкой и бабушкой («Даму из города», Лариса Антонова). Не все обращают внимание на предупреждающие надписи о том, что экспонаты обработаны специальными защитными реагентами, на предупреждение экскурсоводов о личной ответственности в случае повреждения скульптур. В результате подобных действий, которые вызваны как халатностью руководителей групп, так и надзирателей музея-заповедника, скульптуры подвергаются механическим повреждениям.

Итак, учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что доныне в Украине вопрос хранения глиняных произведений под открытым небом остаётся не полностью решённым. Можно выделить

¹ Инструкция по учёту и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. М., 1984.

² Пошивайло Олесь. Українська академічна керамологія ХХІ сторіччя. Теорія, історія, сучасний ужиток, майбутній поступ. / Олесь Пошивайло. Книга 1 (2001–2005) Опішне, 2007.

³ Міжнародний творчий практикум художників-керамистів II Національного симпозиуму гончарства «Опішне–2001». Положення. Опішне, 2001 // Національний музей-заповідник українського гончарства в Опішному, Національний архів українського гончарства. Ф. 1. Оп. 4. Од. зб. 8. Арк. 421.

Поиски смысла жизни героиней Л. Вторниной приводят к утверждению человека как неизменной ценности бытия, смысл которого заключен в его нравственной и духовной силе, в его жизненных принципах: «Мортъд ѓд быд лунся олѓмѓн-вылѓмѓн петкѓдлѓ, мый вылѓ сетѓма нѓм» – «Человек ведь своей ежедневной жизнью показывает, для чего дана жизнь» («Виль воѓн!» – «С Новым годом!», 2006). Она далека от эфемерных мечтаний кардинальных изменений как собственной судьбы, так и жизни всего общества в целом и черпает счастье в доступных ей источниках: в лечебных заговорах («Ниа пу» – «Лиственница», 2006), молитвах («Тулыс» – «Весна», 2006: «Кевмыся, лоас мед олѓмыс йѓзлѓн зарава войтъяс кодъ чѓскыд да сѓстѓм» – «Молю, чтобы жизнь человека стала подобно каплям березового сока вкусной и чистой»; «Менам эскѓм» – «Моя вера», 2006) и красоте окружающего природного, созданного Богом мира, который наделен, по ее мнению, большей гармонией, нежели мир социальный.

Небыдик тѓврѓун сынѓдкѓд сывъяся.	Мягким ветерком обнимаюсь с воздухом.
Асьяыв в пѓраѓ ниакѓд кияся.	Ранним утром здоровуюсь с лиственницей.
Лѓсьыдик лысьясыс шонтасы киясѓ.	Хорошенькая хвоя согреет руки мои.
Олѓмлысь мичлунсѓ аддзасы синъясѓй.	Красоту жизни увидят глаза мои...
... Сѓдзкѓ тай. Позьѓ на олыштны му вылас!	... Значит, оказывается, можно еще пожить на земле!»

Л. Вторнина «Позьѓ на олыштны!» (Можно еще пожить!), 2006.

Жизненная философия героини Л. Вторниной и Н. Павловой обусловлена христианским взглядом на мир: вера в Бога, следование четкой системе морали и нравственности обуславливают сознательный отход от развращения и углубления душевных невзгод, принятие жизни в неизменной чередовании ее темных и светлых полос, а также ответственность и раскаяние за свершенные поступки (Н. Павлова «А шум войт вѓрзьѓдѓс...» – «И коснулась капелька счастья...», 2006; «Лов вуж пу» – «Древо души», 2006). Вера в бессмертие Бога и вера в саму веру в ее необходимости человеку («Лача» – «Надежда», 2006) – основа жизнелюбия, духовной силы («Тѓлыс воим куим лунѓн...» – «Зима пришла в три дня...», 2006), преодоления пессимизма и активной устремленности в будущее («Эн вунѓд» – «Не забывай», 2006) и героини А. Мальцевой. Будучи лишена хаоса в сознании и неудовлетворенности жизнью, героиня А. Мальцевой ясно осознает свое место на земле: «... ѓд эн-ѓ та вылѓ и чуж, Мед ставсѓ венѓг водзѓ овны» – «Не для того ль мы рождены, чтоб преодолевая все, жить дальше» («Ме кѓйси шуны тѓныд кыв...» – «Я сказать тебе хотела...», 2006).

Мышлению героини современной лирики коми свойственна склонность к фатализму, чувству зависимости от судьбы, исключаящему ропот и обвинения Бога. Так, для героини Н. Обрезковой характерно покорное принятие превратностей судьбы, самопроизвольное плутание по «реке жизни», определяемой ею в большей степени однообразным и предсказуемым «существованием» («вылѓм») («Кыдз и ставѓн...» – «Как и все...», 2007): «С тех пор, как человек начал размышлять о жизни, – жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга...»¹.

<i>Лѓньѓм ю шѓрѓд пыжѓй кывтѓ,</i>	<i>По тихой реке плывет моя лодка,</i>
<i>Мамѓ, олѓмыс нуѓ нывтѓ,</i>	<i>Мама, жизнь уносит твою дочь,</i>
<i>Гацкѓ, важѓн нин колѓ сынны,</i>	<i>Может, давно уж пора грести,</i>
<i>Сѓмын оз на тай тырмы вынѓй...</i>	<i>Только не хватает пока еще сил...</i>

Н. Обрезкова «Лѓньѓм ю шѓрѓд пыжѓй кывтѓ...» (По тихой реке плывет моя лодка...), 2001.

Судьба человека, развивающаяся по своим правилам и законам, воспринимается героиней Н. Павловой как жизнью брошенные карты («Гашкѓ шогыс кыскис ѓта-мѓдлань...» – «Наверное, тоска сблизила нас...», 2006; «Батьѓ шуис: ѓти – крут, мѓдыс – доймысь...» – «Отец сказал: одна своенравна, другая – ранима», 2006). Речь героини Л. Вторниной, «вкус жизни» которой пропитан предчувствием оставленного далеко позади счастья и неверно выбранного жизненного пути, как правило, лишена жалоб, сетований, обвинений, лишь чувство затаенной печали, смирение перед жизнью и некая обреченность перед ее законами сопровождает ее размышления: «дась нин бара нуны ассъыд крест» – «и вновь готов нести свой крест» («Югыд вой» – «Светлая ночь», 2006). Мировосприятие героини А. Ельцовой отличает ощущение подсознательного страха перед непредсказуемостью, быстротечностью жизни («ѓти здук. Тайѓ олѓмыс – здук...» – «Мгновение. Эта жизнь – мгновение», 1997; «Кад» – «Время», 1997; «Мый шулин тѓ...» – «Что говорил мне ты...», 1997). Жизнь героини А. Ельцовой не только быстротечна, но и сложна, загадочна, постигаема человеком лишь в конце его жизненного пути («Нѓджкыв» – «Загадка», 1997).

Поиск смысла жизни подводит лирическую героиню к формированию концепции счастья, неразрывно связанного в ее сознании с концепцией самого человека («Шудтѓгыд мортъд ѓд Аслыс тшѓтш квѓтѓмтор» – «Человек ведь без счастья. Даже сам себе не нужен» // «Лежнѓг моз емыштлысь...» – «Коллющий, словно шиповник», 2006): «Счастье – это, прежде всего, состояние души, зависящее в значительной мере от жизненных установок и ожиданий человека»². Человек в понимании героини Л. Вторниной – эпицентр вселенной, стержень жизненных ценностей и строитель своей судьбы, склонный, тем не менее, к заблуждениям и ошибкам

¹ Трубецкой Е. Смысл жизни // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. М., 1994. С. 262.

² Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47-58 // URL: http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/happ_comps.htm.

(«Коть сйб статья, лосьыд...» – «Хоть он строен и красив...», 2006). В лирике Н. Павловой непрерывный поиск человеком счастья обусловлен его неизбежной способностью утрачивать его. Концепция счастья героини А. Мальцевой заключена в его кратковременности, сопоставимости со сном («Вбі нин тэ сэки ыджыд...» – «Был уж ты тогда большой...», 2006), в его необходимости не только человеку, но и каждому живому созданию («Отка мича гулволы...» – «Одной красивой голубке...», 2006).

Смыслом жизни для героини современной лирики коми часто становится не только поиск личного счастья, но и жертвенность по отношению к окружающему их миру: так, героиня Ан. Шомысовой даже в разлуке с любимым человеком вымалывает для него счастье («Кевмбм» – «Молитва», 2006). Героиня Л. Вторниной видит цель жизни в воспитании детей («Тарыт» – «В этот вечер», 2006). Свет в ночном окне героини Н. Обрезковой становится маяком для путника, нуждающегося в поддержке, совете и даже простой душевной беседе («Ме коли талун бйбн асьым ошинь...» – «Сегодня я не погасила свет в своем окне...», 2001). Предназначение героини Н. Павловой не только в том, чтобы хранить традиции родного народа («Лов лэптанін» – «Место, окрыляющее душу», 2006), но и в том, чтобы делиться обладаемой внутренней гармонией со всем окружающим миром («Оти пйбс чужтылі, отикбс и быдтылі...» – «Одного сына родила – одного и вырастила...», 2006).

Таким образом, в осмыслении лирической героиней таких бытийных ценностей как жизнь, человек и счастье современная женская лирика коми формирует художественную концепцию бытия. Формирование миропонимания героини базируется на осмыслении превратностей собственной судьбы. Онтология современной женской лирики коми отражает ощущение героиней однообразия будничного цикла, растерянность перед будущим и смирение перед законами вселенной.

Т.А. Малкова

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Д.А. Батиев: проект создания Коми научно - исследовательского Института Краеведения

В январе 1926 г. Президиум Коми облисполкома принял решение об организации в Усть-Сысольске промышленно-исследовательского Института и поручил Облплану проработать данный вопрос. Проект положения о Коми научно-исследовательском Институте Краеведения был разработан директором областного музея Д.А. Батиевым по образцу положения Вятского Института Краеведения. 2 февраля 1925 г. Д.А. Батиев был назначен заведующим областным музеем. Для пополнения фондов научной библиотеки Общества изучения Коми края и областного музея было принято постановление ВЦИК от 29 марта 1926 г. о передаче Коми области дубликатов музейных экспонатов и литературы по Коми краю из всех учреждений, подведомственных Наркомпросу РСФСР. Д.А. Батиев большое внимание уделял сбору музейных экспонатов по области и за ее пределами, созданию научной библиотеки при музее, выезжал в Москву, Архангельск, Вологду за экспонатами. Он регулярно участвовал в заседаниях Коми облисполкома, где решались вопросы, связанные с деятельностью Общества Коми края и музея. При составлении проекта Коми научно-исследовательского Института Краеведения Д.А. Батиевым были учтены основные направления работы секций ОИКК. Он принимал участие в разработке структуры и программы Общества, избирался членом президиума, заместителем и председателем ОИКК, занимался организацией издания журнала «Коми му», который предложил издавать по типу журнала «Вятская жизнь». Д.А. Батиев входил в редколлегию как редактор экономического отдела, был в числе организаторов 1-й Коми областной краеведческой конференции, где был избран заместителем председателя областного бюро краеведения. ОБК стало органом, согласующим интересы Общества изучения Коми края с административными и хозяйственными органами области¹.

Проект положения о Коми научно-исследовательском Институте Краеведения был представлен на обсуждение директивных органов Коми области. В докладной записке председателю Коми облисполкома Е.М. Мишарину Батиев писал: «Положение рассматривалось в Президиуме Бюро Краеведения и утверждено, а также список предполагаемых членов. По-моему, в смете нужно предусмотреть и участие местного бюджета. Вообще, вся техническая сторона по Институту проводится и когда все будет готово, представим на утверждение Обика»².

Из положения следовало, что «Коми научно-исследовательский Институт Краеведения является краевым научным и просветительным учреждением» и «находится в ведении Отдела научных учреждений Главнауки». Главной задачей Института являлось «научное исследование естественных производительных сил Коми края (включая человека), местной экономики и местной истории, ориентируя при этом свои работы на исследование преимущественно тех вопросов, изучение которых с научной точки зрения вызывается конкретными запросами местных государственных планирующих организаций»³. Также Институт должен был вести научно-консультационную работу по запросам государственных и общественных учреждений края и организационное объединение на территории области деятельности всех краеведческих научных обществ, кружков и отдельных краеведов, в направлении общего руководства их исследовательскими работами. Институту вменялся «исчер-

¹ Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 158-182.

² ГУРК «НАРК» Хр. 1. Ф. 139. Оп. 1. Д. 397. Л. 55.

³ ГУРК «НАРК» Хр. 1. Ф. 139. Оп. 1. Д. 397. Л. 56.

пывающий учет всех отдельных краеведов и всех краеведческих организаций, работающих по линии учреждений Наркомпроса (музей, научные общества, кружки, школьные краеведческие кружки)»¹.

Просветительская работа Института заключалась в популяризации краеведческих знаний в широких массах населения и подготовке научных работников-краеведов.

Наиболее важным вопросом при составлении проекта было финансирование Института, которое предполагалось «из сумм, отпускаемых Главнаукой, Наркомпросом, из местного бюджета и из специальных средств»².

Структура Института была представлена 13 отделами: электроники, прикладной химии, почвоведения, геологии с горным делом, лесоводства и местной промышленности, охоты и рыбохозяйства, прикладной зоологии и селекции, агрономии, оленеводства, географии, лесной экономики, истории местного края, этнографии коми и самоедского населения. Структура Института, предложенная Д.А. Батиевым, отражала в основном промышленно-экономическое направление его деятельности.

Не менее важным был вопрос по штатному составу института, так как Коми область практически не имела научных работников. Предполагалось, что кроме штатных научных сотрудников, в Институте могут работать и внештатные научные работники.

Частью проекта был список лиц, «с которыми желательно списаться для привлечения работать в Институт, испросить у них автобиографии, с указанием трудов и фотографий»³. Предполагалось привлечь к работе в Институте 42 научных работника и специалиста, как местного масштаба, так и из центральных научных организаций. В предложенный список входили научные работники, инженеры, геологи: ученый секретарь Комитета содействия Северным инородцам Янович Д.Т., академик Адлер, этнографы Налимов В.П., Жаков К.Ф., Тан-Богораз В.Г., Старцев Г.А., биологи Ильинский Н.В., Солдатов В.К., Лукаш В.С., инженеры Иогансон Е.Г., Салтурин С.П., Маслов, Старцев, геологи Чернов А.А., Варсанюфьева В.А., Руднев Д.Д., Попов И.М., археологи Городцов В.А., Смирнов А.П., историки Богословский Н., Теплоухов А., филологи Лыткин В.И., Попов В.Ф., Грен А.Н., Молодцов В.А., Чукичев, Чеусов А.А., экономист Воленс Н.В., агрономы и лесоводы Жакова, Забелин, Покровский, педагоги Цивилев, Черемных И.А., врачи Комлин, Постников, поэт и драматург Савин В.А., художник и архитектор Холопов А.В. и другие⁴. Из данного списка очевидно, что практически по всем направлениям наблюдалось отсутствие собственных научных кадров в Коми области. Основная часть привлекаемых к работе Института сотрудников проживала в Москве и Ленинграде. Поэтому председатель ОИК Мишарин резюмировал в Облплан: «Необходимо составить проект положения об исследовательском Институте применительно к нашим условиям»⁵.

На заседании Президиума Областного Исполнительного Комитета Коми Автономной области 26 апреля 1926 г. по вопросу об организации промышленно-исследовательского Института» было вынесено решение: «Поручить Облпланкомиссии этот вопрос детально проработать с таким расчетом, чтобы проработка его и составление сметы на организацию Института были закончены до рассмотрения бюджета на будущий 1927 г.». Однако вопрос об источниках финансирования Института так и не был решен и создание его отложено до середины 1930-х гг.

Осенью 1926 г. Д.А. Батиев был отправлен на музейные курсы в Москву. В марте 1928 г. Д.А. Батиев был уволен с поста заведующего областным музеем и председателя Общества изучения Коми края за небрежность в ведении финансовой отчетности.

А.С. Мельникова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

История земской почты в коллекциях Национального музея Республики Коми

До начала 70-ых гг. XIX века земская почта при полицейском управлении развивала только казенную корреспонденцию. Делала она это крайне медленно и не могла удовлетворить потребностей сношений города с уездами даже на официальном уровне. Между тем росла потребность в перевозке не только казенной, но и частной корреспонденции (это большей частью пересылка денег крестьянами, уходящими на заработки в другие губернии, письма, посылки, газеты, журналы, телеграммы и т. д.).

В связи с этим, Усть-Сысольская земская управа в 1780 г. предложила на рассмотрение и утверждение Земскому Собранию проект устава Усть-Сысольской земской почты и расход, необходимый для ее устройства. Уездное земское собрание постановило учредить с начала 1871 г. земскую уездную почту при управлении.

Из-за отсутствия денег у земства, фактически, земская почта начала работу с 1 февраля 1872 г. Было открыто движение раз в неделю по следующим направлениям: от Усть-Сысольска до Усть-Кулома и до Визинги – с земскими городскими почтальонами; от Усть-Кулома до Троицко-Печорска и от Визинги до Койгородка уже с другими почтальонами, живущими в Усть-Куломе и Визинге. По остальным направлениям почта отправлялась через ямщиков (без почтальонов) в кожаных сумках с замками и за печатью.

Весной 1918 г. земская управа была упразднена, а вместе с ней перестала существовать и земская почта.

¹ Там же. Л. 56.

² Там же. Л. 57.

³ Там же. Л. 60.

⁴ ГУРК «НАРК». Хр. 1. Ф. 139. Оп. 1. Д. 397. Л. 60.

⁵ Там же. Л. 51.

В фондах Национального музея Республики Коми хранится разнообразный материал, освещающий историю земской почты, преимущественно Усть-Сысольского уезда. Это фотографии, документы, марки, журналы, газеты.

Интересны фотографии, на которых запечатлены почтовые работники. Например, «Служащие Усть-Сысольской почтово-телеграфной конторы» (КП-9365/17¹). Фотография была сделана в 1915 г. в Усть-Сысольске у почтово-телеграфной конторы, располагавшейся по адресу ул. Спасская (ныне Советская), 25. На снимке слева пятый – почтальон Фролов Петр Васильевич. Он же присутствует на фотографии «Новобрачные: почтальон Усть-Сысольской почтово-телеграфной конторы Фролов Петр Васильевич и Людмила Константиновна Заболоцкая» (КП-9365/17). Фотография была сделана 7 июля 1914 г. в Усть-Сысольске в фотоателье Кулакова Николая Платоновича. Почтальон Фролов также фигурирует еще в одном документе, хранящемся в фондах НМРК, в «Свидетельстве почтальона Усть-Сысольской почтово-телеграфной конторы Фролова Петра Васильевича в том, что препятствий со стороны почтово-телеграфного ведомства для вступления в брак с мешчанской девицей Людмилой Константиновной Заболоцкой не имеется» (КП-9365/10). Документ датируется 4 июля 1914 г. Два последних документа были переданы в фонды Республиканского историко-краеведческого музея в 1990 г. Фроловой-Синявской Ниной Александровной.

На фотографии «Работники Усть-Сысольской земской почты» (КП-2324/5) примерно 1906–1907 гг. изображены семь человек. Первый слева сидит Потолицын Петр Алексеевич – заместитель начальника почты, первый слева стоит Титов Василий Петрович – сопровождающий почтовой и ценной корреспонденции Усть-Сысольского уезда. Петр Алексеевич Потолицын изображен на еще одной фотографии – «Семья зам. заведующего Усть-Сысольской земской почтой» (КП-2324/5) вместе с женой и ребенком. Время создания фотографии – 1899 г.

В фонде фотографий НМРК хранится уникальный снимок «Почтовая тройка в Усть-Сысольском уезде в 1913 году, на тракте Усть-Сысольск – Усть-Кулом» (НВ-1420). На фотографии заснята повозка земской почты, следующая в сопровождении почтальона Жижева Василия Ивановича (в кибитке). Повозка стоит в ожидании паромы со стороны короткеросского берега.

Также есть фотографии с изображением почтовых работников Печорского уезда Архангельской губернии. На снимке «Почтовые работники Печорского уезда» (КП-6396/733-11) присутствуют: I ряд (слева направо) Поздеев Михаил – почтальон; Рогачев Александр Кузьмич – помощник начальника почтово-телеграфной конторы (этот же человек в Памятной книге Архангельской губернии 1908 г. обозначен как «надсмотрщик низшего оклада»² и далее не упоминается); Колупаев Егор Николаевич – «начальник Устькожвинского почтового отделения»³; Карабанов Михаил Петрович – «начальник Устьшльемской почтово-телеграфной конторы»⁴; Бараев Михаил Афанасьевич – «начальник Ижемского почтово-телеграфного отделения»⁵; Лукошков Александр Васильевич – «начальник Красноборского почтово-телеграфного отделения». II ряд (слева направо): телеграфисты Сметанин, Ососков, Губенский, четвертый – неизвестно. III ряд (слева направо): Иванов – начальник Виского отделения, Красиков – начальник Тельвисочного отделения, Артеев – почтальон, Хозяинов – почтальон. В 1914 году в с. Усть-Цильма была сделана фотография «Почтовые работники и служащие» (КП-6396/733-12).

Развитие и распространение периодической печати в России на рубеже XIX–XX вв. пошло достаточно быстрыми темпами. «Значительную роль в этом процессе сыграли тогдашние органы местного самоуправления – земства, через организацию земской почты и развитие сети земских библиотек»⁶.

По средствам почтовой связи, библиотеки получали основные наиболее популярные издания того времени – литературно-художественные, общественно-политические, научно-популярные, универсального характера и специальные.

Так в Каталоге книг и периодических изданий Усть-Сысольской земской публичной библиотеки⁷ обозначено 83 наименований журналов, газет, альманахов. Это «Мир Божий», «Русский Паломник», «Природа и люди», «Сад и огород», «Молочное хозяйство», «Земледелец», «Жизнь для Всех», «Огонек», «Нива», «Будильник», «Искра» и др.

Земская почта и публичная библиотека тесно сотрудничали в развитии просвещения среди населения города и уезда. Так, книги и журналы выдавались не только городским, но и уездным постоянным читателям, которым литература высылалась по земской почте бесплатно. То есть, именно благодаря земской почте, у жителей уездов появилась возможность знакомится с новинками литературы, российскими и мировыми новостями посредством периодической печати.

В фондах НМРК хранится значительная коллекция журналов и газет кон. XIX – нач. XX вв. Это журналы, выписываемые частными лицами и библиотеками (для библиотек журналы выписывались Земской упра-

¹ Здесь и далее учётные обозначения в Книге поступлений ГРУ «Национальный музей Республики Коми».

² Памятная книжка Архангельской губернии на 1908 год. Архангельск: Издание Архангельского Губернского статистического Комитета под редакцией Секретаря Комитета Н.А. Голубцова. 1908. С. 163

³ Там же.

⁴ Памятная книжка Архангельской губернии на 1908 год. Архангельск: Издание Архангельского Губернского Статистического Комитета под редакцией Секретаря Комитета Н.А. Голубцова. 1913. С. 182.

⁵ Там же.

⁶ Нестеров Е.А. Периодические издания в Усть-Сысольской земской публичной библиотеке в начале XX в. // Библиотечное краеведение: от поисков утраченного к обретению национальной идеи. Сыктывкар, 2003. С. 46.

⁷ Каталог книг и периодических изданий Устьсысольской земской библиотеки. Устьсысольск, 1909.

вой). Коллекция КП-4753/1-6 содержит в себе шесть выпусков журнала «Стрелы», которые выписывал Успенский Василий Павлович. «Стрель» – это издание «саркастическое, бесстрашное и беспощадное», с заголовком заимствованным из знаменитого приказа Трепова (заведующий полицией и командующий Отдельным корпусом жандармов): «Сотрудникам дан приказ: патронов не жалеть и холостых залпов не давать». Журнал появился в 1905 году, на революционной волне вместе с целым рядом подобных изданий. Это политическая сатира, направленная на министерскую верхушку, царскую семью, генералов и губернаторов. То, что подобный журнал был в библиотеке Успенского, говорит о его антиправительственных воззрениях. Тем более что, на страницах этого издания можно увидеть пометки Василия Павловича. В частности, под иллюстрациями он дал разъяснения, на какого политического деятеля сделана та или иная карикатура.

В Усть-Сысольский уезд также доставлялись такие периодические издания как: «Свобода» (КП-4753/6), «Огонек» (КП-10451/12,13,14), «Нива» (КП-9880/1-13), детский журнал «Солнышко» (НВ-3415/1-7), «Нева» (КП-9379/1-8), «Общепольный календарь» (КП-9381), газета – «Копейка» (НВ-3439/1,2) и др.

Надо сказать, что периодическая печать на протяжении нескольких веков является неотъемлемой частью цивилизованного общества, а степень ее распространения служит показателем социально-экономического и культурного развития отдельно взятого региона или страны в целом. В Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии поступало достаточно большое количество журналов и газет, по тогдашним российским меркам, в частности благодаря организации земской и государственной почты.

Говоря о земской почте, необходимо упомянуть об уникальных, не имеющих аналогов в других государствах, земских марках. Такие марки родились благодаря земской реформе 1864 г. и были в употреблении до весны 1918 г. Земские марки, наряду с государственными, действовали в 33 губерниях, охватывая 162 уезда, в том числе Усть-Сысольский и Яренский. Каждый из них выпускал свои знаки почтовой оплаты для обращения только на территории своего уезда. В фондах НМРК хранятся земские марки Усть-Сысольского и Яренского уездов.

В центре марки Яренской земской почты (КП-2914/2) изображен геральдический щит с гербом Яренского уезда. Щит окружен дубовыми ветками, а сверху корона. Вокруг герба расположена полукруглая надпись – «Яренская земская почта». Номинал марки – 2 копейки. Цвет – зеленый.

Среди Усть-Сысольских земских знаков почтовой оплаты встречаются марки с изображением герба города Усть-Сысольск коричневого (КП-2914/4-1,2) и зеленого цвета (КП-2914/3-1,2,3), номиналом 2 копейки, с изображением медведя под деревом номиналом в 2 копейки (КП-2914/5-1,2); специальная марка Усть-Сысольской земской почты для заказной корреспонденции номиналом 5 копеек (КП-2914/8), с изображением медведя под деревом; марки за пакет с номиналом 2 копейки зеленого цвета (КП-2914/10,11) и 3 копейки зеленого цвета (КП-2914/12).

Также в фондах хранится открытое письмо (почтовая открытка) «Общий вид с Троицкой колокольни» (КП-6392/114-2) с Усть-Сысольской земской маркой номиналом в 2 копейки. Марка погашена почтовым штемпелем «Корткеросского волостного правления». Открытка была отправлена господином Скворцовым из г. Усть-Сысольск Матвеем Васильевичу в село Небдино.

Таким образом, Национальный музей Республики Коми обладает разнообразным материалом по истории земской почты. С помощью фотографий можно установить в каком составе была представлена земская почта в тот или иной период, в какой должности состояли служащие. Налаживание почтовой связи внутри земства способствовало развитию коммуникации самых отдаленных частей уезда. Туда стали поступать книги, периодические издания, что способствовало культурному развитию населения.

Е.Н. Меркушева
Пермский краевой музей

«Экспедиция. Пермский край» – новый проект в новое время

В 2009 г. в Пермском крае по инициативе Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края и Пермского краевого музея стартовал новый пилотный культурно-образовательный проект «Экспедиция. Пермский край».

Его создание – результат анализа процесса развития муниципальных музеев края за последние 5 лет и формирования новых коммуникационных стратегий между культурными, образовательными и туристическими институтами края.

Инициаторами проекта была сформулирована его цель – активизация процесса включения муниципальных музеев края в сферу культурно – образовательного туризма и актуализация с их помощью регионального компонента в образовании, основанного на наследии отдельных территорий. Были поставлены новые задачи, а именно:

- разработать и провести межмузейную культурно-образовательную программу в формате культурно-образовательного тура для определенной категории школьников;
- разработать и внедрить в музеях-участниках проекта информационные и образовательные музейные технологии, способные помочь музеям стать более адекватными времени и запросам общества.

Пермский краевой музей, являясь руководителем и координатором данного проекта, разработал его концепцию, исходя, прежде всего, из объективных возможностей муниципальных музеев (наличие экспозиций, профессионализм сотрудников, поддержка музейных начинаний муниципальными властями), интереса образо-

вательной системы к той или иной теме, транспортной доступности населенного пункта. Далее была определена аудитория, которая и должна была стать основным потребителем данной культурной услуги – 7-8 классы средней школы.

Исходя из всего вышеперечисленного, для пилотного проекта была выбрана тема – «Города-заводы Пермского Прикамья в системе горнозаводской цивилизации» – наиболее характерная с точки зрения историко-культурологического и историко-экономического феномена именно для нашего края и «обеспеченная» наличием населенных пунктов, сохранившим это наследие.

Широта и глубина заявленной темы, а так же психологические особенности данного возраста продиктовали разработчикам два важных и обязательных условия в формировании интереса к проекту:

- на каждой конкретной территории, в каждом конкретном музее в рамках основной темы должна была быть разработана собственная тема, не повторяющаяся более нигде;

- в каждом музее должен был присутствовать интерактивный компонент.

Таким образом, участниками проекта 2009 г. стали 1 государственный и 3 муниципальных музея. В контексте общей идеи проекта вводная часть была отдана Пермскому краевому музею с темой «Освоение Урала. Становление горнозаводской цивилизации». Чермозский историко-краеведческий музей разработал тему «Управление городом-заводом. Роль заводоладельцев». «Технология металлургического производства: от добычи руды до ассортимента продукции» была представлена Добрянским историко-краеведческим музеем, а материалы, раскрывающие архитектуру, развитие культуры и образования заводского городка – Очерским краеведческим музеем им. Нейцетаева.

Помимо таких обязательных составляющих как экскурсии по музейным экспозициям с элементами театрализации и музейные электронные интерактивные программы, музейными сотрудниками были разработаны экскурсии по населенным пунктам, что значительно расширило кругозор аудитории.

Все музеи приобрели костюмы для театрализованных экскурсий (чиновника Горного ведомства, управляющего заводом, графини, актеров провинциального театра, учителя), муниципальные музеи – мультимедийное оборудование.

При разработке интерактивных программ строго соблюдалось условие – они не должны были повторяться, поэтому в каждом из музеев был свой «конек». В пермском музее ребята определяли из какого металла выполнен предмет, какой спил дерева принадлежит березе – в те времена одному из главных составляющих металлургического производства, строили из конструктора заводской поселок, разгадывали кроссворд. В Очере с удовольствием играли в «Тайну старой фотографии», «реставрируя» на большом экране подпись под старой фотографией, и собирали на полу большой пазл с изображениями исторических зданий Очёра. В Добрянке после просмотра анимационного фильма «Устройство вододействующего завода», разделившись на 2 команды, соревновались кто в компьютерной викторине, а кто в чистописании перьевыми ручками под руководством учителя Софийского училища. В Чермозе – 4 команды вместе с управляющим заводом постигали науку управления, становясь на время служащими Чермозского завода, и знакомясь со слайд-фильмом «Как старик за рашплатой ходил».

В качестве памятного сувенира для школьных групп были подготовлены настольные пазлы с изображением памятников истории и культуры городов, включенных в маршрут культурно-образовательного тура, которые можно использовать в качестве дополнительного учебного материала.

В январе 2010 г. пилотный проект при финансовой поддержке министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края был апробирован целевой аудиторией. Состоялись выезды школьных групп (по одной из каждого города – участника проекта) во все заявленные выше музеи. По итогам тура было проведено анкетирование школьников и учителей. Оценка труда музейщиков, конечно же, была положительной, и все высказали настойчивые пожелание его дальнейшего продолжения.

Исходя из результатов пилотного проекта, Министерством культуры Пермского края было решено в 2010 г. расширить границы проекта. Единственный в таком формате музейный проект, созданный специально для сферы образования, включил в свою орбиту еще 2 муниципальных музея. Новыми тематическими линиями стали: для Лысьвенского музея – «Горнозаводской округ как особая структурная единица в экономическом пространстве России» и для Нытвенского историко-краеведческого музея – «Город-завод в XX в.». Новые участники проекта, а также и муниципальные музеи 2009 г. получили дополнительные возможности по обновлению собственных экспозиций:

- в Добрянском историко-краеведческом музее была обновлена экспозиция «Завод графов Строгановых» и построена новая экспозиция «Из истории образования»;

- в Чермозском историко-краеведческом музее построена новая экспозиция «История города-завода Чермоз»;

- в Лысьвенском музее была построена новая экспозиция «Лысьвенский завод графа Шувалова – центр Лысьвенского горного округа», которую дополнил «активный компонент» – работа в художественной мастерской эмалиера, позволяющий ребятам собственноручно расписать эмалированную пластинку;

- в Нытвенском историко-краеведческом музее обновлена экспозиция «История ложки», построена экспозиция «Нытвенский завод. Век XX», создана интерактивная программа по экспозиции «Нытвенский завод. Век XX», во время знакомства с которой ребятам предоставляется возможность поработать с историческими документами прошлого века.

В 2010 г параллельно велась работа по продвижению проекта в информационное пространство региона. При финансовой поддержке минкульта и большой организационной работе Пермского краевого музея был создан ТВ-гид обо всех 6-ти участниках проекта, который демонстрировался по трем местным телевизионным каналам. Был выпущен буклет «Города-заводы Пермского края» с описанием тура, созданы виртуальные экскурсии по музеям – участникам проекта, которые размещены на портале <http://www.kulturaperm.ru>.

Несмотря на положительные отзывы учителей (был организован специальный ознакомительный выезд для учителей – историков одного из районов Перми) и детей, реализация рожденного в недрах культурных институций проекта, выявила одну очень важную проблему. Чтобы все школьники Пермского края имели возможность заказать данный тур, необходим транспорт и оплата мероприятий уже не только из «кармана» министерства культуры, но и из бюджетов министерства образования края и министерства предпринимательства и туризма. Как сделать так, чтобы чиновники этих ведомств обратили внимание на этот новый культурный продукт – вопрос сегодняшнего дня и он достаточно сложный.

Тем не менее, министерство культуры и краевой музей в 2011 г. намерены продолжить проект «Экспедиция. Пермский край». Тема, которая прорабатывается в партнерстве с уже другими муниципальными музеями является необычайно актуальной в полиэтничном регионе – «Национальное Прикамье».

Сегодня, когда реформа системы образования практически вычеркнула из учебных планов региональный компонент, тем самым исключив из учебной практики механизмы получения знаний о своей малой родине, на передней линии краеведческого просвещения остаются лишь музеи. Поэтому очень важно музеям, работая в тесном контакте с властями всех уровней и общественностью, изучать запросы системы образования и создавать новые развивающие культурно-образовательные программы.

Л.В. Мизина

ИЯЛИ Коми УрО РАН, Сыктывкар

Научные фонды музея археологии ИЯЛИ Коми ИЦ УРО РАН (к истории формирования)

Научный археологический музей существует в Институте языка литературы и истории Коми ИЦ УрО РАН на правах структурного подразделения отдела археологии с июля 1985 г.

Цель работы Музея – научная организация фондовых коллекций, сохранение крупнейшего собрания археологических материалов по древней и средневековой истории ЕСВ, помощь в научно-исследовательской работе, пропаганда и популяризация научных данных о памятниках древнейшего прошлого.

Научные археологические фонды Музея археологии ИЯЛИ УрО РАН составляют 600000 ед. хранения (1600 археологических коллекций).

Период формирования научных археологических фондов (1957–2011 гг.) тесно увязан с тремя этапами планомерного археологического изучения Европейского Северо-Востока.

Первый этап (конец 50-х – начало 70-х гг. XX в.) характеризуется первичным сплошным обследованием территории, полевыми исследованиями, преимущественно рекогносцировочного характера, масштабностью полевых исследований, углубленным исследованием отдельных эпох.

К началу 70-х гг. экспедициями Г.М. Бурова, В.И. Канивца, Ф.Е. Лузгина, Э.А. Савельевой были открыты свыше 500 разновременных памятников от палеолита до средневековья. За 10 лет (1962–1972 гг.) накоплен значительный археологический материал по всем периодам древней и средневековой истории ЕСВ. Материалы исследований 50–60 гг. – 77 археологических коллекций – 31354 ед. хранения положили начало образованию фондов отдела археологии, а в дальнейшем Музея археологии Института языка, литературы и истории.

Археологические фонды в 1972 г. составляли 495 археологических коллекций (85000 ед. хранения).

Второй этап (1972–2000 гг.) в археологическом изучении связан с расширением географии исследований, которые охватывают не только территорию Республики Коми, но и соседних областей (Кировскую, Пермскую, Архангельскую области, Нижнее Приобье, п-ов Ямал). Начинаются стационарные широкомасштабные раскопки памятников всех эпох, углубленное изучение отдельных микрорайонов.

В эти годы археологические фонды увеличились до 1354 археологических коллекций (448830 ед. хранения).

В 1972 г., в созданном секторе археологии Института была начата работа по упорядочиванию, систематизации и учету археологических коллекций.

Наряду с разведочными работами, остающимися в условиях слабой археологической изученности Европейского Северо-Востока одним из основных компонентов получения новых знаний, главное внимание уделяется проведению стационарных раскопок археологических памятников всех эпох большими площадями, что привело к существенному росту объема археологических источников и степени достоверности археологических реконструкций.

Археологические фонды в 1985 г. составляли 966 коллекций (272000 ед. хранения).

Значительно увеличились масштабы исследований в области изучения памятников эпохи палеолита. П.Ю. Павловым совместно с Б.И. Гуслицером на р. Чусовой была открыта и исследована многослойная палеолитическая стоянка в гроте «Большой Глухой», нижний слой, которой относится к раннему палеолиту (200 тыс. лет назад). В слое верхнего палеолита (11 тыс. лет назад) открыто святилище. В Ненецком автономном округе Архангельской области была открыта самая северная в Европе стоянка эпохи палеолита – Пымвашор I, расположенная в Большеземельском Заполярье, в среднем течении р. Адздва.

Исключительный научный интерес представляют материалы раскопок палеолитической стоянки Мамонтова Курья, расположенной на р. Усе в Воркутинском районе Республики Коми на Полярном круге. Она относится к самым северным в мире памятникам эпохи палеолита, имеющим возраст 35 тысяч лет.

Большой научный интерес для решения проблемы формирования древних финно-угров представляют материалы раскопок памятников эпохи неолита – раннего металла. Э.С. Логиновой открыт и исследован комплекс поселений с долговременными жилищами эпохи неолита-бронзы на оз. Эньты под г. Сыктывкаром.

Интересные материалы по эпохе энеолита-бронзы получены в процессе исследований на Мезени, Печоре и в Большеземельской тундре В.С. Стоколосом. Материалы раскопок однослойных памятников позволили выделить новые эталонные археологические культуры («чужьяёльская» и «чойновтинская»), выявить сложные этнокультурные процессы, происходившие в Северном Приуралье в эпоху раннего металла.

Значительные успехи достигнуты в изучении периода раннего железного века Л.И. Ашихминой, И.О. Васкулом, К.С. Королевым, которыми открыты и исследованы не только поселения, но и могильники этой эпохи. Материалы раскопок дают ценную информацию о хозяйстве, культуре, быте, верованиях пермских племен.

На новом этапе исследований существенно изменились представления по эпохе раннего средневековья. Открытие и раскопки курганных могильников на Выми, Нившере, Сыsole Л.И. Ашихминой и И.О. Васкулом показали, что эти погребальные сооружения были оставлены проникшими далеко на север группами населения южного происхождения, вошедшими в состав местных племен.

Наряду с курганными могильниками, период II половины I тыс. н.э. документируется многочисленными поселениями и единичными грунтовыми могильниками местной ванвиздинской археологической культуры, изучение которой в 70-90-е гг. активно проводилось К.С. Королевым, Э.А. Савельевой в бассейне Вычегды, А.М. Мурыгиным в бассейне Мезени и Печоры. На поселениях выявлены следы развитого металлургического производства, материалы, свидетельствующие о занятиях населения охотой, рыболовством, прядением и ткачеством и другими домашними производствами и скотоводством.

Быстрыми темпами выросла источниковая база по средневековой археологии бассейна Печоры и Большеземельской тундры, где тематическое изучение средневековых древностей проводил А.М. Мурыгин.

Интенсивно продолжались исследования памятников перми вычегодской. К.С. Королёвым открыт новый район обитания предков коми на средней Вычегде, что изменило существовавшие ранее в науке представления о восточных границах этнической территории летописной перми.

Сложной научной проблемой истории Европейского севера является вопрос о присоединении коми края к Русскому государству. В этой связи большой научный интерес представляют материалы раскопок первого на Европейском Севере древнерусского укрепленного поселения – Пожегского городища на Выми, существовавшего с XII по XIV вв. н.э., проводимые Э.А. Савельевой.

Для этой проблематики важными являются работы М.В. Кленова по исследованию Ыджыдьёльского и Жигановского поселений XII–XIV вв., материалы которых существенно дополняют представления о начальном этапе освоения русскими земель коми.

Археологические фонды Музея археологии в 1997 г. представляли 1307 коллекций (448823 ед. хранения).

С образованием Музея (декабрь 1983 г.) начался новый этап в научно-исследовательской работе по изучению археологического фонда, «непосредственно», музейный.

В 1993 году был издан первый выпуск каталога музейных археологических коллекций периода «Палеолит. Мезолит. Неолит», где были описаны 129 коллекций, представленных по физико-географическим зонам местонахождений (бассейнам рек).

Третий этап археологических исследований (с 2001 г. по настоящее время) характеризуется качественно новым подходом к изучению археологических памятников, основанном на научных приоритетах исследователей: изучение и исследование отдельных археологических микрорайонов, памятников отдельных эпох. Продолжаются и активизируются комплексные археолого-геологические исследования. Начинается более активное изучение, интерпретация и использование научных музейных фондов в исследовательской работе ученых-археологов: Института, страны, зарубежных ученых, студентов-историков.

В 2000 г. исследования археологов ИЯЛИ вышли на качественно новый уровень за счет комплексного подхода к их проведению. За 11 лет ими были открыты и исследованы раскопками более 100 археологических памятников. В результате экспедиционных работ источниковедческая база пополнилась 246 археологическими коллекциями по эпохам палеолита, мезолита, неолита, энеолита-бронзы, раннего железа и средневековья. Исследования П.Ю. Павловым верхнепалеолитических памятников на Печоре (Республики Коми), Ненецком автономном округе Архангельской области, Чусовском р-не Пермской области дали впечатляющие результаты. Итогом этих работ явилось открытие на р. Подчерем в гроте Большой Дроватяницкий верхнепалеолитической стоянки. Вблизи грота было обнаружено новое пещерное жертвенное место эпохи средневековья.

Материалы раскопок А.В. Волокитина представляют большой научный интерес для реконструкции хозяйственной деятельности населения эпохи мезолита бассейна Вычегды. На основе исследованных материалов памятников (Парч 1, 2, 3) он выделил новую культуру, названную «парчевской».

В 2010 г. неолитическим отрядом (В.Н. Карманов) впервые для территории России зафиксирована кремнеобрабатывающая мастерская раннего бронзового века с достоверными свидетельствами тепловой обработки кремня.

Проводимые И.О.Васкулом раскопки на поселении у с. Мыелдино (Усть-Куломский р-н) и на памятниках Шиховского археологического микрорайона в Усть-Цилемском районах Республики Коми также дали не менее впечатляющие результаты. Во время раскопок поселения Мыелдино выявлены культурно-хронологические комплексы эпохи бронзы – раннего железного века. Найдены керамика, украшения, бытовые предметы, орудия труда, предметы вооружения, уникальная коллекция предметов звериного стиля, относящаяся к раннему железному веку. Особое место в исследованиях И.О. Васкула занимают раскопки Шиховского могильника – единственного в северо-таёжной зоне европейской части России погребального памятника раннего железного века. В могилах ананьинского времени впервые выявлены погребальные сооружения в виде лодок, среди находок также уникальна коллекция предметов звериного стиля.

Работы К.С. Королёва в области раннего средневековья дали интересные результаты. Им открыто около десятка новых памятников этого периода. Коллекцию из раскопок открытого в 1999 г. древнерусского городища Новик (Корткеросский р-н Республики Коми) составляют обломки круговой и лепной керамики, грузила для сетей из глины, оселки, железный боевой топор и др.

Археологические научные фонды Музея археологии ИЯЛИ за последнее десятилетие увеличились более чем на 100000 ед. хранения.

Все эти годы активно осуществлялась научно-исследовательская музейная работа по изучению и систематизации археологических коллекций, результатом которой явилось издание в 2004 г. второго выпуска каталога археологических коллекций Музея периода «Энеолит. Эпоха бронзы», где представлено 400 коллекций.

В настоящее время продолжается работа над третьим выпуском каталога Музея периодов «Ранний железный век. Эпоха средневековья» и готовится к изданию путеводитель по научным археологическим фондам с обширным справочным аппаратом. В ближайшей перспективе создание электронного каталога научных археологических коллекций Музея археологии ИЯЛИ.

Л.А. Минина

Национальная библиотека Республики Коми, Сыктывкар

Книги из коллекции учителя П.П. Ползунова в Национальной библиотеке Республики Коми

В настоящее время происходит постепенное возвращение к культурным ценностям прошлого, складывается новая концепция развития культуры, в которой центральное место занимают такие приоритетные направления, как общечеловеческие ценности и созидательная (творческая) роль личности. Это требует выработки новых духовных и нравственных ориентиров для общества и заставляет оглянуться на историческое прошлое культуры и, в частности, на библиотеки, которые являлись и являются важнейшими хранилищами духовного наследия человечества.

Выявление и анализ книжного состава личных библиотек, обладающих огромной научной и коллекционной ценностью, как в рамках изучения истории библиотек европейского Севера, так и в рамках изучения истории России, на сегодняшний день представляет особый интерес. При исследовании небольших личных собраний на первый план выступает личность владельца. При этом собрание интересно в той мере, в какой отражает вкусы, склонности или профессиональные пристрастия владельца. Личная библиотека как исторический источник ценна, прежде всего, тем, что, опосредуясь через личность владельца, представляет собой как бы камерный памятник эпохи.

Национальная библиотека Республики Коми является преемницей двух библиотек: Усть-Сысольской общественной библиотеки, основанной в 1837 г., и Усть-Сысольской публичной земской библиотеки, открытой 1 августа в 1902 г.¹ Ее книжный фонд формировался постепенно и немалое место в нем занимали пожертвования из личных библиотек². В настоящее время Национальная библиотека Республики Коми имеет в своих фондах более 2 млн. единиц хранения, включая и книги, когда-либо находившиеся в личных библиотеках.

С сентября 2008 г. была начата работа по исследованию фондов Национальной библиотеки Республики Коми с целью выявления в них книг периода XIX – начала XX вв., которые в прошлом принадлежали частным лицам.

На сегодняшний день в фонде Национальной библиотеки Республики Коми выявлены книги, имена владельцев которых известны широкой общественности в качестве подвижников культуры и образования России. Среди них государственный деятель, коллекционер граф Н.А. Кушелев-Безбородко, историк, член Государственного Совета и владелец обширной библиотеки А.А. Половцев, историк архитектуры М.В. Красовский. В их числе учитель и автор книги «История Устьсысольского городского училища» (Усть-Сысольск, 1912) Петр Петрович Ползунов.

В настоящее время известно 7 книг, принадлежавших П.П. Ползунову: «Известия общества изучения Олонецкой губернии» (Петрозаводск, 1913) (НБРК, Инв. № 14519, 14520), «Олонецкий край: путевые очерки» М.А. Круковского (СПб., 1904) (НБРК, Инв. № 14525), «Русское слово» П. Барышникова (М., 1915) (НБРК,

¹ Хохлова О.А. Национальная: Путь длиною в век // Путь длиною в век: к 100-летию Национальной библиотеки Республики Коми: сборник. Сыктывкар, 2002. С. 12.

² Роцевская Л.П. История библиотечного дела Коми края до революции // Библиотечное дело в Республике Коми: Указатель литературы. Сыктывкар, 1993. С. 5.

Инв. № 9077, 9078), «Рассказы и стихи» Ф.К. Сологуба (СПб., 1896) (НБРК, Инв. № 14837), «Труды общества земледения при Императорском Санкт-Петербургском университете» (СПб., 1906) (НБРК, Инв. № 10209).

Принадлежность книг П.П. Ползунову подтверждается автографом и штампом владельца. Автограф представляет собой скорописную надпись коричневыми чернилами – «Петр Ползунов» (фото 1). Штамп исполнен в фиолетовом цвете, имеет размер 3,5 x 1,5 см и воспроизводит должность, фамилию, имя и отчество владельца – «учитель Петръ Петрович Ползуновъ» (фото 2).

До недавнего времени о П.П. Ползунове было известно только, что он являлся автором книги «История Устьсысольского городского училища». В связи с этим возникла необходимость выяснить биографические сведения о владельце, чтобы понять его личные интересы, вкусы и склонности, которыми он руководствовался при подборе литературы в формировании личной библиотеки.

Сведения о нем были обнаружены нами в Книге копий формулярных списков, хранящейся в Национальном архиве Республики Коми в фонде «Усть-Сысольское городское училище» (Ф. 186)¹.

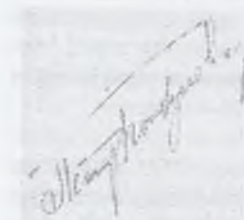

Фото 1. Автограф П.П. Ползунова.

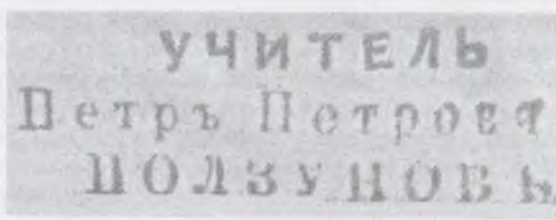

Фото 2. Штамп П.П. Ползунова.

Как оказалось, П.П. Ползунов родился 21 июня 1875 г., был выходцем из мещан, православного вероисповедания; точное место рождения не указано.

В 1890 г. Петр Ползунов в возрасте 15 лет окончил курс в Петрозаводском 3-х классном городском училище, а уже в 1894 г. он был выпускником учительской семинарии, получив свидетельство на звание начального учителя².

Помимо этого, удалось выяснить, что П.П. Ползунов был женат и у них с супругой было трое детей: дочери Маргарита и Софья и сын Михаил.

1 сентября 1894 г. молодой учитель Петр Ползунов приступил к обязанностям преподавателя земского училища Петрозаводского уезда. Через два года, в сентябре 1896 г., П.П. Ползунов, был переведен в Гим[о]льское (?) одноклассное Министерства народного просвещения училище Повенецкого уезда Олонецкой губернии.

Кроме этого, в память о Первой всеобщей переписи 1897 г. П.П. Ползунов был награжден «темно-бронзовой медалью»³. Скорее всего, П.П. Ползунов являлся непосредственным участником этой переписи, поскольку доподлинно известно, что счетчики для сбора данных, набирались из представителей сельского духовенства, учителей, приказчиков помещичьих имений, грамотных крестьян и прочих⁴.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи была проведена 28 января 1897 г. На территории всей страны по общей программе и единой методике силами 135 тысяч «счетчиков» были получены данные о географическом, возрастном, религиозном распределении населения, о его грамотности, занятиях, бытовых и прочих особенностях⁵.

Для награждения участников переписи годом ранее, 21 ноября 1896 г., императором Николаем II была учреждена медаль «За труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 года» для пожалования лицам обоего пола, в число которых входили граждане, безвозмездно принявшие на себя обязанности счетчиков и принимавшие участие в производстве переписи в качестве общих и местных руководителей или непосредственных исполнителей, а также лица, трудами или содействием своим способствовавшие ее успеху⁶. Медаль чеканилась на Санкт-Петербургском монетном дворе из темной бронзы диаметром в 29 миллиметров. На лицевой её стороне между двух лавровых ветвей находился вензель Николая II под императорской короной и круговая надпись: «Первая всеобщая перепись населения». На оборотной стороне есть надпись в пять строк: «За труды по первой всеобщей переписи населения 1897».

1 января 1907 г. приказом Управляющего Санкт-Петербургским учебным округом П.П. Ползунов был назначен помощником учителя в Усть-Сысольское четырехклассное городское училище⁷. Таким образом П.П. Ползунов оказался в Коми крае, приехав сюда из соседней Олонецкой губернии. Через год после прибытия в

¹ Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 186: Усть-Сысольское городское училище. Оп. 1. Д. 19: Книга копий формулярных списков. Л. 24 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Литвак К.Б. Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России: источниковедческий аспект // История СССР. 1990. № 1. С. 118

⁵ Там же. С. 119.

⁶ <http://ak.gks.ru/peep2010/DocLib3/1897.htm>

⁷ НАРК. Ф. 186. Оп. 1. Д. 19. Л. 24.

Усть-Сысольск, в сентябре 1908 г., приказом Управляющего Санкт-Петербургским учебным округом П.П. Ползунов был допущен к исправлению должности штатного учителя того же училища, а также выдержал экзамен при Усть-Сысольской гимназии на звание домашнего учителя по географии, на что получил соответствующее свидетельство¹.

Распоряжением Министерства народного просвещения от 28 апреля 1909 г. П.П. Ползунов был утвержден штатным учителем Усть-Сысольского городского училища. 18 мая того же года товарищем директором народных училищ Вологодской губернии П.П. Ползунову уже была выражена благодарность «за постановку учебно-воспитательного дела»².

Биографические факты из жизни П.П. Ползунова объясняют его интерес к Олонецкому краю, что находит отражение в тематике книг его коллекции. Будучи человеком образованным, П.П. Ползунов, судя по его книгам, проявлял также интерес к языкознанию и художественной литературе. Ко всему прочему, практически сразу после приезда в Усть-Сысольск П.П. Ползунов взялся за сбор материала и подготовку книги по истории городского училища. Специалисты утверждают, что «История Устьсысольского городского училища» – это книга, в которой описана вся история городского образования и без которой немислимо сегодня представить историю городских школ столицы Коми края³.

Очевидно, что П.П. Ползунов при выборе книг руководствовался как личными пристрастиями, так и профессиональными интересами.

Н.П. Миронова

Коми НИЦ УрО РАН, Сыктывкар

Репрезентация этничности в медиа-дискурсе Республики Коми

В современном мире важную роль в общественной жизни и в формировании общественного сознания играют средства массовой информации и коммуникации. Средства массовой информации являются инструментом для демонстрации, репрезентации и конструирования этничности. Вопросы сохранения культурного многообразия, народных традиций и языков в глобализирующемся мире делают этническую тему одной из самых популярных тем в публичном и медиа-пространстве. Реализация этничности происходит в процессе репрезентаций в современном символическом пространстве, превращая этничность в символический капитал. Приметой времени становится празднование национальных праздников, Масленица, Сабантуй, Рождество – они сопровождаются массовыми гуляниями, актуализацией этнических образов⁴. Так, репрезентация этнических образов в публичных пространствах, в кино, моде, СМИ участвует в конструировании этничности. Помимо печатных СМИ большое значение в анализе репрезентативных практик приобретает анализ отдельных страничек интернет-сайтов, на которых расположена информация о бытующих сегодня этнических образах.

В основу анализа этнических тем, символов и образов в дискурсе СМИ Республики Коми положены исследования символики молодежной субкультуры, осуществленные Т.Б. Щепанской⁵. Также большое значения для понимания специфики репрезентативных практик современной молодежи имеют исследования ульяновского Научно-исследовательского центра «Регион» под руководством Е. Омельченко⁶.

В 60-е гг. XX в. молодежь «вышла на улицы», тем самым заявив о себе как особой социальной группе, и на протяжении многих последующих лет можно было наблюдать постоянное формирование молодежью собственных субкультурных практик. Сегодня же западные и отечественные специалисты склонны говорить о «смерти молодежной культуры» и превращении молодежи в обычную потребительскую группу.

При анализе некоторых форм популяризации традиционной культуры в молодежной среде Республики Коми необходимо выявить специфику символического оформления этничности, ее основные образы в молодежном медиа-дискурсе Республики Коми.

Данное исследование основано на материалах средств массовой информации и глобальной информационной сети (Интернет). На протяжении нескольких лет (2006-2009 гг.) проводился мониторинг республиканского молодежного издания «Твоя параллель» и сайтов республиканских информационных агентств (<http://www.komionline.ru/>, <http://www.finugor.komiinform.ru/>, <http://www.komiinform.ru/> и др.) на предмет изучения презентации этничности в молодежной среде.

При рассмотрении общей картины освещения этничности в СМИ Республики Коми на примере молодежного издания «Твоя параллель» можно выделить основные темы, в которых она представлена: 1) необходимость сохранения языка и самобытной культуры коми; 2) «тема интернациональная» освещается через зна-

¹ Там же. Л. 24 об.

² Там же. Л. 25 об.

³ *Рогачев М.Б.* Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX вв. Сыктывкар, 2006. С. 83.

⁴ *Олейникова Ю.В.* Культурные репрезентации в структуре этнической идентификации. Автореф. дис. на соискание ученой степени к.с.н. Саратов, 2008.

⁵ *Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры. СПб., 1993; *Она же.* Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Под ред. В.В. Костюшева. СПб., 1999. С. 262-302; *Она же.* Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.

⁶ *Омельченко Е.* Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск, 2004; *Он же.* Смерть молодежной культуры и рождение стиля "молодежный" // www.polit.ru/research/2006/10/26/omelchenko.html

комство с традициями народов, проживающих в республике; 3) современные формы модернизации национальных традиций, новые формы репрезентации этничности. Даже такие сферы деятельности как мода и спорт могут быть рассмотрены в этнических границах.

На страницах «Твоей параллели» также освещаются события, связанные с деятельностью Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН). Так, о результатах VIII Конгресса МАФУН появилась статья «МАФУН. Традиции объединяют молодежь», в которой о самих традициях не говорится, но представлены современные формы репрезентации этничности в досуговой сфере. Вот один из примеров.

«Особенно интересно было посетить вечером 22 августа Центр досуга и кино «Октябрь», где нашим гостям была предложена любопытная культурная программа. Прежде всего, этноспектакль театра «Фантастическая реальность» «Сотворение мира»... Представьте себе экран, на который проецируется фильм, и актера, в странном, а при тусклом свете, немного страшном белом бумажном костюме, рассказывающего об истории зарождения жизни на Земле согласно легендам народа коми... После представления, на сцене появился ведущий вечера... Сначала он со всеми поздоровался и попросил участников конгресса поприветствовать коллег на своем родном языке. После чего был организован «Шег-турнир», в котором принять участие могли все желающие. Было забавно наблюдать как люди из других регионов, совершенно не знакомые с правилами этой национальной забавы коми, с энтузиазмом и смехом шелкали по костяшкам. А завершила вечер этнодискотека»¹.

Этничность представлена и преподносится зрителям в формате шоу и выступает как общий антураж действия, которое, по сути, является молодежной тусовкой. Примерами подобных этнических шоу с участием молодежи могут служить ставшие неотъемлемой частью культурной жизни республики финно-угорские фестивали моды и конкурсы красоты².

В апреле 2008 г. в Москве прошел 9-й Международный конкурс высокой моды национального костюма «Этно-Эрато», на котором были представлены коллекции и из Республики Коми – «...и вновь идет снег» и «Шаман»³.

«Мужская коллекция «Шаман», уже участвовавшая в нескольких престижных дефиле – синтез древних техник и современных силуэтов. Трикотаж и джинсовая ткань, мех и керамика, традиционный коми орнамент и пайетки... Три костюма, три этнофутуристических образа сынов Пармы»⁴.

Удревнение этничности, элатажность костюма, обращение к наиболее яркому языческому образу конструирует представления о молодом мужчине как о сыне Пармы.

Реализация этничности происходит в процессе репрезентаций в современном символическом пространстве, превращая этничность в определенный символический капитал. В рассматриваемых популяризаторских практиках просматривается общая тенденция в развитии современной культуры, которая выражается в переходе от просветительской направленности культуры к господству компенсаторно-развлекательных функций, носителем которых и является массовая культура⁵. Этничность активно упаковывается в демонстрационные рамки, становится фоном для проведения шоу (конкурсы красоты, спортивные соревнования, показы мод и др.). Также наряду с современными формами репрезентации широкое распространение имеют и советские мотивы, которые проявляются в формах массовых гуляний с декларацией интернациональных ценностей дружбы народов и солидарности.

Призывы к необходимости сохранения традиций и самобытной культуры в ее первозданном виде консервируют традицию, только при способности к трансформации, приспособлению к условиям современности делают культуру жизнеспособной и востребованной. Живя в современности трудно ограничиться одним прошлым. Поэтому вариант модернизации традиции продлевает жизнь этничности пусть даже в таком схематичном виде, включает этнические образы с потерянными изначальными смыслами в новые социальные связи и формирует современные смыслы. Таким образом, этничность включается в современное потребительское общество и становится товаром, лейблом, частью стиля, включается в рынок. Молодежь в данном случае выступает как потребитель в «стилевом супермаркете».

Б.Н. Морозов

Институт славяноведения РАН, Москва

Рукописные памятники в собрании НМРК: опыт каталогизации и описания

Книжная культура народа Коми имеет многовековую традицию. Созданная Стефаном Пермским в конце XIV в. письменность на основе разработанного им алфавита сыграла, очевидно, решающую роль в просвеще-

¹ *Баканов И.* МАФУН. Традиции объединяют молодежь // Твоя параллель. 31 августа 2007. С. 9.

² *Демина А.В., Шабаев Ю.П.* Гендер как элемент конструирования этнической идеологии // Семиозис и культура. Выпуск 3. Сборник научных статей (по материалам IV Международной научной конференции «Национальный семиозис (дискурсы идентичности)» 25-26 апреля 2007 г. Сыктывкар, 2007. С. 349; Коми красавицы рубили младенцев под корытом и общались с лешими на конкурсе «Райда-2010». Информационный портал КомиОнлайн. 30 октября 2010 г. // <http://komionline.ru/news/23473>

³ Организаторы конкурса красоты «Райда» не дали возможности Мнацакану Никогосяну поздравить победительницу на коми языке. Бизнес новости Республики Коми. 31 октября 2010 г. // www.bnkomi.ru/data/news/6232/

⁴ Сол Я. Этно! Эрато? // Твоя параллель. 2 мая 2008. С. 13.

⁵ Там же

⁶ *Разлогов К.Э.* Предисловие // Теоретическая культурология. М., 2005. С. 3.

нии древних зырян и бытовала, как показывают новейшие исследования, на территории края, по крайней мере, до первой половины XVI в.¹ Одновременно шло знакомство и с традиционной кириллической книжностью, и уже в конце XV в. в центре Пермской епархии Усть-Выми при епископе Филофее образуется крупный книгописный центр, в котором велось летописание, отразившееся в составленном там же большом общерусском своде – Вологодско-Пермской летописи² и Вычегодско-Вымской (Михайло-Евтихиевской) летописи начала XVII в.³ С середины XVI в. с окончательным перемещением центра епархии в Вологду, с укреплением государства и развитием торговли значение архиереев как единственных носителей книжной культуры ослабевает. Новую струю светской книжности в Коми крае внесла образовавшаяся в XVII в. довольно значительная прослойка зажиточных торговых крестьян и посадских людей, группировавшихся в основном вокруг Яренска. Ведя торговлю далеко за пределами региона – в основном, производя скупку пушнины в Сибири для продажи в Москве – торговые люди могли приобретать и привозить не только списки традиционной четьей литературы, но и новинки исторических и литературных памятников.

С XVIII в. начинается процесс размывания древней рукописной традиции, сложившейся в регионе. Еще до секуляризации были закрыты многие монастыри. Академик И.И. Лепехин, совершивший в 1768–1769 гг. путешествие по Коми краю, писал в своих дневниках, что в Усть-Выми «хранились многие рукописания Стефана Великопермского; но как из Усть-Выми епархия переведена была на Вятку, то и все сии писания с нею взяты в Хлынов, и сие бывшее в свое время знатное место пришло в упадок»⁴. Окончательно выходит из богослужебного обихода коми язык, забывается пермская азбука. Но, как отмечал И.И. Лепехин, у некоторых «любопытных людей» он нашел «названия некоторым буквам и перевод обеденных молитв»⁵.

С конца XVII в. основными хранителями древнерусской рукописной и старопечатной книги становятся старообрядцы. В течение XVIII в. старообрядчество распространяется в различных районах Коми края, главным из которых становится Нижняя Печора (современный Усть-Цилемский район Республики Коми)⁶. Коми крестьяне, перешедшие в старую веру под влиянием гонимых русских старообрядцев, были сосредоточены в основном на Удоре и Верхней Вычегде.

Носителями новой книжной традиции в крае в XVIII в. стали духовные школы. С 1730 г. функционировала Вологодская духовная семинария, обладавшая крупной библиотекой, содержащей и рукописные книги⁷. В 1738 г. в семинарию была преобразована и школа для детей духовенства в Великом Устюге, существовавшая с 1723 г.⁸ Часть учебных пособий для семинарий была традиционно рукописной. В их число входят представленные в собрании НМРК списками XVIII в. Риторика (Р-16), Латинская грамматика (Р-14) и Словарь латинско-русский (Р-71).

Уже в первой трети XIX в. начинается активное изучение рукописной традиции Коми края представителями местной интеллигенции. Этому во многом способствовало создание в Усть-Сысольске в 1837 г. городской публичной библиотеки – событие поистине необычное для маленького уездного городка (в Вологде подобная библиотека была открыта на 27 лет позже)⁹. Очевидно, одной из основных задач Усть-Сысольской общественной библиотеки (таково ее официальное наименование) было собирание и изучение местной старины. Ее членов-основателей – местных чиновников и купцов – можно с полным правом назвать выдающимися местными археографами первой половины XIX в.

К 1856 г. в фондах библиотеки было собрано более 300 рукописей, «относящихся до местной истории или юридических случаев в этой местности»¹⁰ (в это число, однако, входило, по-видимому, какое-то количество памятников деловой письменности).

В 1890 г. часть рукописей и документов была передана в Публичную библиотеку в Петербурге. К сожалению, большинство переданных рукописей XVI–XVIII вв. растворились в общих собраниях рукописей библиотеки и практически не изучены как памятники местной книжности. В настоящее время сотрудниками НБРК и СыктГУ проводится комплексная реконструкция фонда рукописей и и печатных изданий Усть-Сысольской

¹ См.: Морозов Б.Н. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в. // Музеи и краеведение: Труды НМРК. Сыктывкар, 2007. Вып. 6. С. 176–181; Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008, № 1. С. 3–21; Они же. Новое о древнепермской книжной культуре // Книга: Исследования и материалы. М., 2010. С. 129–141.

² Опул.: ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

³ Опул.: Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271; Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 23–34; Савельева Э.А., Королев К.С. Древние рукописи о Перми Вычегодской. Сыктывкар, 1997. С. 83–92; Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218–231

⁴ Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. Часть IV // В дубрах Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар, 1983. С. 26.

⁵ Там же С. 20.

⁶ О Нижней Печоре как книжном центре см.: Мальшев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники. Сыктывкар, 1960; Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. С. 3–23.

⁷ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. Предисловие. С. 21–22.

⁸ Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 98–99.

⁹ Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск. Страницы истории. Сыктывкар, 1989. С. 138–141.

¹⁰ Живописная русская библиотека. 1856. № 3. С. 481.

общественной библиотеки¹.

Рукописные книги концентрировались также во вновь возобновленном во второй половине XIX в. и ставшем оплотом православия в крае Стефано-Ульяновском монастыре. Причем монастырские власти понимали ценность древних рукописей, бытовавших в регионе².

Основание первого музея в крае относится к 1911 г., когда по инициативе местного краеведа, учителя А.А. Цембера, в Усть-Сысольске было открыто отделение Архангельского общества изучения Русского Севера. В инструкции, разосланной членам-корреспондентам на местах, среди других предметов рекомендовалось собирать и старинные книги³.

Основу коллекции рукописных книг НМРК⁴ составили фонды Усть-Сысольской общественной библиотеки, закрытой в 1918 г. В 1920-е – 1930-е гг. в музей поступали рукописи и книги из закрывавшихся церковью Усть-Сысольска и уезда, а также из Стефано-Ульяновского монастыря.

1920-е гг. – время расцвета краеведческого движения в стране. В Коми области активно действовало «Общество изучения Коми края». Его участники в исторических работах, публиковавшихся в «Записках общества» и в общественно-политическом и краеведческом журнале «Коми Му», использовали и рукописи музея.

В последующее время музейная коллекция пополнялась за счет отдельных поступлений рукописных книг от жителей города. В конце 1950-х гг. в музей поступило несколько рукописей из Удорского района, происходящих из собрания Матевых. В это время с составом собрания, содержавшего 69 рукописей, познакомился выдающийся археограф В.И. Малышев. Он посвятил ему заметку в местной газете, а в 1963 г. опубликовал краткое описание⁵.

В дальнейшем коллекция НМРК пополнялась не только за счет отдельных приобретений, но и в результате экспедиционных поездок сотрудников музея по территории республики с целью сбора, главным образом, этнографических экспонатов. В 1983 г. музей приобрел книжное собрание известного пижемского книжника из д. Скитской Сидора Ниловича Антонова⁶.

В 1970-е – 1980-е гг. в местной печати появлялись отдельные публикации сотрудников музея и краеведов, в которых были использованы некоторые рукописи музейного собрания, давалась информация об экспедиционных находках⁷. К VI международному конгрессу финно-угроведов в Сыктывкаре (1985 г.) вышел иллюстрированный буклет, составленный А.Н. Сурниной: «Коллекция рукописей и старопечатных книг».

Еще в конце 1980-х гг. учеными Археографической комиссии и Библиотеки Академии наук во главе с А.А. Амосовым – автором идеи и главным руководителем проведения региональных программ описания памятников письменности совместно с коллегами из Сыктывкарского университета была разработана и начала осуществляться программа научного описания памятников древней письменности Республики Коми. Она была основана на опыте впервые осуществленного в нашей стране комплексного описания и издания каталогов «Памятники письменности в музеях Вологодской области»⁸ – региона тесно связанного с Коми краем. В отличие от краткого описания рукописных книг в первом выпуске первой части вологодского каталога (1982 г.), охватывающего собрания всех районных музеев (их описания проводились специалистами в короткие сроки командировок), второй выпуск описания рукописей собрания Вологодского музея-заповедника (1987 г.) решено было сделать более информативным, подробно описывающем и внешние особенности рукописей (в том числе водяные знаки бумаги) и их содержание (постатейное описание сборников с инципитами – начальными строками каждого произведения). На данный тип подробного описания была ориентирована и программа «Памятники письменности в хранилищах Республики Коми», разработанная также петербургским археографом

¹ См.: *Кырнышева О.В.* Источники по истории и реконструкции книжных собраний Усть-Сысольской общественной библиотеки // *Духовная культура финно-угорских народов России. Материалы научной конференции к 80-летию А.К. Микушева (1-3 ноября 2006 г. г. Сыктывкар).* Сыктывкар, 2007. С. 239-242; *Рыжова Е.А.* Источники по истории и культуре Коми края в рукописном собрании Усть-Сысольской общественной библиотеки // Там же. С. 248-254; Она же. Рукописное собрание Усть-Сысольской общественной библиотеки: общая характеристика // *Духовное наследие народов Республики Коми: История и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» (к 20-летию Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки СыктГУ. Сыктывкар, 15-16 мая 2009 г. Сыктывкар, 2009. С. 27.*

² См. запись на богослужебном сборнике на крюковых нотах XVII–XVIII вв. (НМРК Р-8): «С 1900 года привезена в Троицко-Стефано-Ульяновский монастырь для руководства и хранения как содержащая много старинных напевов и отличающаяся каллиграфией славянского письма рукописного, свидетельствуя монах Платонов 1900 года августа 10 дня» (л.1).

³ См.: Цембер А.А. // *Исследователи Коми края.* Сыктывкар, 1984. С. 76-77; *Паришук В.Ф.* Легописец // *Красное знамя.* 1984; *Рогачев М.Б., Цой А.И.* Усть-Сысольск... С. 141-142.

⁴ Современный Национальный музей Республики Коми был основан в 1924 г. как областной краеведческий музей.

⁵ *Малышев В.И.* Ценная коллекция рукописей // *Красное знамя.* 1959. 18 декабря; *Он же.* Рукописные книги Сыктывкарского республиканского музея Коми АССР // *Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 403-408.*

⁶ НМРК Р-83-88, 93-96. См. о нем: *Волкова Т.Ф.* Пижемский книжник Сидор Нилович Антонов // *Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера.* Сыктывкар, 1989. С. 22-40.

⁷ *Павлова Л.* А завтра редкость // *Красное знамя.* 1983. 14 декабря; *Паришук В.Ф.* И хвалить нечего // *Красное знамя.* 1984. 2 октября; *Он же.* Но другого пути нет // *Красное знамя.* 1989. 11 июля; *Житие Логгина Коряжемского /* Подг. текста и вступительная статья А.Н. Власова // *Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. I. Вып. 2. Вологда, 1987. С. 417-428.*

⁸ *Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель.* Под общей редакцией профессора П.А. Колесникова. Вологда, 1982-2001. Ч. I. Вып. 1-4, Част. II. Вып. 1, 2; Часть. III. Вып. 1, 2; Ч. IV. Вып. 1-3; Ч. V. Вып. 1, 2.

А.А. Амосовым.

В вышедшем в Сыктывкаре 1989 г. первом выпуске Каталога-путеводителя «Памятники письменности в хранилищах Коми АССР» были описаны рукописные книги XVI–XIX вв. из собрания СыктГУ¹. Тогда же был подготовлен к печати следующий том описания рукописей, хранящихся в Национальном музее Республики Коми, но его попытка издания в середине 1990-х гг. не увенчалась успехом. Теперь, при активном содействии нынешнего руководства музея, этот том снова готовится к печати.

Данный выпуск каталога-путеводителя, как и предыдущий, подготовлен авторским коллективом, сформированным из научных сотрудников отдела рукописей и редкой книги Библиотеки РАН (д.и.н. А.А. Амосова, к.ф.н. О.П. Лихачева, Л.А. Петрова), Археографической комиссии РАН (к.и.н. Б.Н. Морозов) и преподавателей Сыктывкарского государственного университета (д.ф.н. А.Н. Власова, к.ф.н. Т.Ф. Волкова). Первичное редактирование и формализация всех описаний произведены А.А. Амосовым. Координация работы авторского коллектива на следующих этапах проведения новых описаний и составления справочного аппарата осуществлялась Т.Ф. Волковой. В составлении указателей принимали участие преподаватели СГУ д.ф.н. М.А. Мелихов и к.ф.н. Е.А. Рыжова, к.ф.н. Е.В. Прокуратова. Окончательную подготовку рукописи к печати и новое редактирование описаний с кодикологическим изучением всех рукописей провел Б.Н. Морозов, им же написано и Предисловие к настоящему тому.

При окончательном редактировании описаний и изучении новых рукописей, поступивших в НМРК за последние годы, автором этих строк были сделаны важные научные наблюдения. Так, в Синодике Усть-Вымской Благовещенской церкви, основная часть которого датировалась нач. XVIII в., были обнаружены листы, датированные на основании филиграней на сто лет ранее – 1610-ми гг. А поминальные службы, переписанные на этих листах, восходят к еще более раннему времени Пермской епископии – в них поминаются не цари, а «князья наши» (следует вспомнить, что писец древнейшей коми книги 1485 г. Гаврила Лукин был дьяконом этой епископской Благовещенской церкви). Именно этот Синодик теперь должен считаться древнейшей рукописью, созданной на территории Республики Коми и хранящейся в ее Национальном музее.

В настоящее время собрание рукописных книг НМРК составляет 127 единиц хранения. Из них одна рукопись датируется рубежом XV–XVI столетий, три – XVII в., пять – рубежом XVII–XVIII вв. К XVIII в. относятся девятнадцать рукописей. Рубежом XVIII–XIX в. датируются и включают в себя части рукописей этих веков одиннадцать единиц. Остальные рукописи относятся к XIX и XX вв.

К древнейшим рукописным книгам собрания НМРК относится Миняя служебная на ноябрь месяц (P-5), датируемая по палеографическим признакам концом XV – началом XVI в. (ранее рукопись датировалась серединой XVI в., что нашло отражение в литературе). В рукописи содержится довольно редкое включение в состав богослужебной книги большого повествовательного текста. В службу Варлааму Хутынскому 6 ноября включено его житие, относящееся, по-видимому, ко второй редакции, семь чудес и похвальное слово святому. Хотя рукопись не содержит каких-либо записей о ее бытовании до XIX в., она свидетельствует о возможном сохранении определенных связей региона с новгородской книжностью². С другой стороны она типологически и палеографически связана с комплектом рукописных Служебных миней последней четверти XV – первой половины XVI в., вложенный в середине XVI в. вологодско-пермским епископом Алексием в Николаевский-Выксинский монастырь близ Череповца (в одной из них есть древнепермские письма)³.

Из семи рукописей XVII и рубежа XVII–XVIII вв. четыре являются богослужебными певческими книгами на крюковых (P-6, P-8, P-14, P-23) и линейных (P-53) нотах. К ним принадлежит также рукопись начала XVIII в. (P-10) и первой четверти XVIII в. (P-36). Они не отражают каких-либо местных особенностей, но заслуживают внимания палеографов и музыковедов. Имеются и более поздние нотированные богослужебные рукописи, в основном, линейной нотации.

Второй половиной XVII в. датируется Месяцеслов (P-122), бытовавший в XIX в. в Усть-Цильме. К концу XVII – началу XVIII в. относится упоминаемая выше Латинская грамматика (P-14), вероятно, московского происхождения и Устав церковный (P-88), входящий в комплекс рукописей усть-цилемского старообрядца С.Н. Антонова. К первой четверти XVIII в. относится часть богослужебного сборника – конволюта (P-91) верхневыхотского происхождения.

Основную часть собрания составляют рукописи второй половины XVIII – XIX вв. В целом они достаточно полно отражают традицию поздней рукописной книги, которая отнюдь не ограничивалась интересами старообрядческих грамотеев. Хотя значительная часть рукописей содержит тексты церковного содержания: слова и поучения, жития, последования служб; имеется целый ряд историко-краеведческих памятников, сочинения по филологии, естественным наукам. Не имея возможности сделать полный обзор содержания данных рукописей, ограничимся характеристикой определенных тематических групп.

Наибольший интерес для нас представляют исторические и литературные памятники, как светские, так и церковные, связанные с Коми краем и в какой-то мере отражающие его многовековую книжную культуру.

¹ В предисловии к данному выпуску А.А. Амосов и Т.Ф. Волкова подробно охарактеризовали данную программу: «О своде документальных памятников истории и культуры Коми АССР» (с. 3-7).

² Древнейший список Жития Варлаама Хутынского второй редакции в соединении со словом похвальным содержится именно в Минее 1438 г. Софийского собора, тогда как другие ранние списки включены в основном, в четьи сборники (см.: Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 272-273).

³ См.: Морозов Б.Н. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в. С. 178-179.

К немногим ранним рукописям собрания и ценным историческим источникам относится упоминавшийся Усть-Вымский Синодик (Р-50). Основная же его часть относится к началу XVIII в., дополнения делались вплоть до XIX в. В нем содержатся поминания пермских епископов, местных служилых людей, купцов, крестьян, причем записи некоторых родов, очевидно, скопированы с более ранних синодиков.

Специального изучения требует поздняя традиция Жития и службы Стефана Пермского, представленная в целом ряде списков XVIII–XIX в. (Р-4, Р-24, Р-29, Р-48, Р-56).

Список 1903 г. кратких житий пермских епископов Герасима, Питирима и Ионы (Р-73), вероятно, сделанный с печатного издания, принадлежал усть-вымскому крестьянину И.Ф. Кожухову.

Описание изображений Стефана Пермского и святых пермских епископов Герасима, Питирима и Ионы находится в Иконописном подлиннике конца XVIII в. (Р-2), очевидно, принадлежащем местному иконописцу. С биографиями первых пермских епископов, вероятно, также связан недавно введенный в научный оборот памятник «Изъяснение» – «О начале пермской епископии», находящийся в сборнике 1820-х гг. (Р-48), бытовавшем на Сереговском промысле¹.

О зарождении краеведческого движения уже в начале XIX в. свидетельствуют сборник 1811–1812 гг. содержащий «Известия исторические о зырянском народе и зырянских монастырях» еп. Евгения Болховитина и «Историческое известие о зырянах» акад. Ивана Лепехина, составленный протоиереем Усть-Сысольского Троицкого собора А. Шергиным (Р-50) и памятная книжка 1819–1834 гг. яренского мещанина А.И. Белогорова (Р-21), содержащая сведения по истории Яренска, извлеченные из различных источников, в том числе из документов XVII в., не дошедших до нашего времени.

Особого внимания заслуживает Сборник исторических сочинений о Великопермской епархии, Усть-Сысольске и погостах Первого округа Усть-Сысольского благочиния, составленный в сер. XIX в. вероятно самим благочинным священником². При описании иконы Стефана Пермского Вотчинского погоста воспроизведены три надписи (три слова) на ней пермской азбукой

В составе сборников и отдельных рукописей XVIII–XIX вв. имеются жития и службы популярных в регионе святых: Прокопия и Иоанна Устюжских (Р-7, Р-49), Логина Коряжемского (Р-7), Феодосия Тотемского (Р-12, Р-20, Р-49), Трифона Вятского (Р-12, Р-46), Александра Вятского (Р-7).

К документальным памятникам относится опись имущества Стефано-Ульяновского монастыря последней четверти XIX в. В ней упомянуты хранящиеся в монастыре старопечатные книги и грамоты XVII в. (Р-62). Со Стефано-Ульяновским монастырем связан комплекс рукописей XVIII–XIX вв. (Р-1, Р-4, Р-17, Р-41, Р-44, Р-56, Р-58), происходящих из Соловецкого монастыря, и содержащих связанные с ним памятники агиографии. Рукописи эти, по-видимому, принадлежали соловецким монахам, принявшим активное участие в возобновлении монастыря в Коми крае в 1860-е гг.

Имеются отдельные списки памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы: Сочинения Нила Сорского (Р-1, Р-33, Р-41), Симеона Полоцкого (Р-7), Звезда Пресветлая (Р-30, Р-49), Жизнеописание Патриарха Никона, составленное Иваном Шушериным (Р-39). Из списков сочинений авторов XVIII в. можно отметить произведения известных церковных писателей Дмитрия Ростовского (Р-7, Р-37, Р-41, Р-51), Стефана Яворского (Р-22, Р-28).

Литература XIX в. представлена интересными сборниками религиозных (Р-18) и патриотических (Р-60, Р-61) стихотворений.

Из рукописей, содержащих естественнонаучные и практические сочинения, следует отметить, кроме названного выше сборника трактатов по ботанике (Р-107), большую подборку рецептов по изготовлению красок, чернил и т.д. в упомянутом также иконописном подлиннике (Р-2). Календарно-астрономические тексты и таблицы имеются в сборнике Д.Я. Матеева (Р-68). Им же был составлен лицевой сборник, содержащий описание процесса крашения тканей (Р-69) с параллельными русским и коми текстом.

Несколько рукописей музейного собрания содержат миниатюры (Р-15), рисунки, гравюры (Р-41). Из них следует отметить рисунок, изображающий Стефана Пермского. Он помещен в заставке рукописи 1860 г. (Р-24), содержащей его житие и службу, которая была переписана протоиереем Московского Кремлевского Верхоспасского собора, видимо, как-то связанным с Коми краем. Ряд рукописей имеют орнаментированные заставки и инициалы, в основном, довольно скромного исполнения.

Многие книги имеют записи писцов, владельцев и читателей, позволяющие восстановить историю их бытования. Встречаются упоминания известных в регионе фамилий. Так, певческая рукопись «Праздники» первой четверти XVIII в. (Р-36), вероятно, уже в это время принадлежала купцам Сухановым; усть-сысольскому мещанину И.Л. Попову принадлежала лицевая рукопись XVIII в. Страсти Христовы (Р-15); на рукописи немецкой грамматики середины XIX в. (Р-109) сделал запись ученик Вологодской гимназии Е. Лыткин.

¹ Музейный список не был использован А.Н. Власовым при исследовании и публикации «Изъяснения» – «Сказания о пермских епископах». См.: История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. Исследования и материалы. Сыктывкар, 1996. С. 18-28, 70-75.

² См.: Котылева И.Н. Рукопись «Краткая история погостов, церквей»: факты предания, легенды приходов I-го Благочинного округа Усть-Сысольского уезда // Историческое произведение как феномен культуры. Сб. науч. статей. Сыктывкар, 2010. Вып. 5. С. 9-13.

Собрание рукописных книг НМРК лишь частично отражает книжную традицию региона. Для ее всестороннего исследования необходимо провести комплексное выявление всех материалов в центральных хранилищах, в первую очередь рукописей, переданных в РНБ. Рукописи местного происхождения, в том числе на коми языке, имеются в Устюжском собрании БАН России.

Принципы описания рукописей в данном Каталоге основаны на опыте современной археографии, с учетом специфики данного собрания, находящегося в Национальном музее РК. Справочник преследует цели не только охранного описания и кодикологического исследования рукописей, но и учитывает научно-методические задачи НМРК в ознакомлении сотрудников местных хранилищ с историей и эволюцией содержания, особенностями написания и оформления рукописной книжности.

Е.И. Морозова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Проект «Памяти репрессированных»

Нас породнила горькая беда.
Родство такое громче зова крови.
За нами лет угрюмых череда
В разлуке с правдой, волей и любовью...
С.С. Солунова, заключенная «АЛЖИР», 1937 г.

Тема «Политические репрессии в СССР в 1930–1950-е гг.» впервые была заявлена в Национальном музее Республики Коми в 1988 г. С этого момента она становится одной из ведущих для сотрудников отдела истории музея. Следует отметить, что ранее этой теме не уделялось должного внимания в силу идеологических и политических причин. С этого времени начинается работа с населением республики, рассекреченными архивными материалами. Результатом научно-исследовательской работы стали первые выставки в музее «Политические репрессии 1930–1950-х гг.», «ГУЛАГ в Коми», «Немцы в Республике Коми».

С созданием в 1998 г. Коми Республиканского благотворительного и общественного фонда жертв политических репрессий (г. Сыктывкар) и началом его активной издательской и просветительской деятельности возник совместный долговременный музейный проект «Памяти репрессированных».

Цель проекта – на основе предметов личного происхождения (писем, дневников, воспоминаний, личных вещей) воссоздать атмосферу тоталитаризма в советском обществе, показать способы и формы сопротивления в условиях несвободы, строжайшего контроля диктатуры над человеком.

Задача каждой выставки – раскрыть историю репрессивной политики советского государства через разные социальные и возрастные категории людей: женщин и детей; спецпереселенцев и заключенных лагерей, творческих людей – ученых, артистов, художников, прошедших через лагеря и ссылки.

В октябре 2002 г. в рамках совместного проекта была построена первая выставка: «Я разделил судьбу страны...». В ее основу легли воспоминания, документы и фотографии тех людей, которые в 1930–1950-е гг. XX в. были детьми. Они – дети «врагов народа», «члены семей изменников Родины», прошли через унижение и насилие, лишившись своих родителей, пополнив детские дома и детприемники, став сиротами по вине государства. Уникальность этой выставки была в том, что детские воспоминания героев выставки удалось подтвердить документально. В Национальном архиве Республики Коми и в архиве Министерства высшей и средней школы Республики Коми нашлись справки из детских домов Толика Слесаренко, родившегося в Печорлаге и трагически погибшего в возрасте девяти лет в детском доме; польской девочки Марыси Цубер, чья судьба навсегда осталась связанной с республикой Коми.

На выставке были представлены и материалы из фондов Национального музея Республики Коми: документы по детским домам, детские игрушки, выполнены заключенными Севжелдорлага МВД Коми АССР.

Выставка вызвала огромный интерес как у взрослых, так и школьников. Она способствовала фиксации новых воспоминаний, поиску новых документов, фотографий.

В 2004 г. в рамках реализации проекта было создано новое выставочное пространство музея. Изучен и подобран материал, рассказывающий о художниках, прошедших лагеря и ссылки. Главной идеей выставки «Сквозь замки проходят музы...» был рассказ о творчестве художников в условиях несвободы, стремлении сохранить индивидуальность вопреки системе, найти форму самовыражения в условиях диктатуры¹. В проекте также приняло участие Национальная галерея Республики Коми, муниципальные музеи республики, Международное историко-просветительское, благотворительное, правозащитное общество «Мемориал» (г. Москва).

Впервые на выставке, посвященной творческим людям, наряду с работами известных художников и скульпторов (П.Э. Бендель, Н.П. Жижимонтов, А.Я. Вундер, Н.А. Бруни, Н.А. Миллер и др.), были представлены многочисленные работы неизвестных художников, прошедших лагеря и ссылки на территории Коми АССР. Впоследствии, в 2006 г. тема творчества вновь пройдет главной линией на выставке «Цветы Севы Городецкого». Ее материалы рассказали о судьбе заключенного Воркутлага Всеволода Городецкого. Выставка

¹ «Сквозь замки проходят музы...» (Посвящается художникам, прошедшим лагеря и репрессии). Каталог выставки. Сыктывкар, 2003.

была построена на материалах коллекции, хранящейся в фондах Национального музея Республики Коми. Большая часть коллекции – акварельные рисунки разных цветов: фиалки, маки, васильки, розы, нарциссы. Это был мир Севы Городецкого, его личный, практически не имевший ничего общего с реальным. Художник рисовал, чтобы выжить.

В 2005 г. в отделе истории музея состоялась выставка под названием «И следы потерялись в снегах...» (ГУЛАГ – Абезь), посвященная Абези – крупнейшему центру Севжелдорлага. Ее материалы проследили двадцатисемилетнюю историю Абези – лагпункта, ставшего крупнейшим центром Севжелдорлага, узники строили Северо-Печорскую железную дорогу, внесли большой вклад в промышленное освоение территории Коми¹. Уникальные документы позволили показать человеческий подвиг и человеческую трагедию в истории строительства железнодорожной магистрали Котлас – Воркута.

Поселок Абезь стал известен и как крупнейший инвалидный лагерь, в котором содержались люди, известные всему миру: философ Л.П. Карсавин, искусствовед Н.Н. Пунин, генерал литовской армии И.В. Иодишус, египтолог М.А. Коростовцев, капитан сборной команды «Спартак» по футболу А.Н. Старостин и др.

Выставка стала еще одной попыткой понять один из самых драматических периодов в истории советского государства.

В 2007 г. авторы проекта «Памяти репрессированных» вновь обращаются к «детской» теме. В отделе истории открылась выставка «Мы дети страшных лет России...» (Дети ГУЛАГа). Цель выставки – раскрыть тему политических репрессий сквозь призму семейных взаимоотношений, показать противостояние семьи, как хранительницы общечеловеческих ценностей, накапливаемых поколениями, и государства, идеология которого сводилась к созданию послушного человека, лишённого исторической памяти².

Выставка «Мы дети страшных лет России...» (Дети ГУЛАГа) стала результатом совместной работы Национального музея и Национального архива республики. Впервые были предоставлены архивные материалы, ранее хранившиеся под грифом «Совершенно секретно»: информация МВД Коми АССР о количестве детей, находящихся при лагерях, нормы питания детей заключенных матерей в домах младенца, справки о гибели детей, запросы о розыске детей и подростков и др.

Пожалуй, впервые на выставку было привлечено и столь большое количество материалов из личных архивов: Е.В. Марковой – заключенной Воркутлага, Н.А. Морозова – рожденного в Инталлаге, И.Е. Кулакова – потомка спецпоселенцев (спецпоселка Ичет-Ди в Троицко-Печорском районе) и т.д.

Долговременность проекта позволила получить большой опыт в совместном строительстве выставок по теме «Политические репрессии в СССР в 1930–1950-е гг.», дала возможность представить на выставке документы, личные вещи, хранящиеся в фондах разных музеев республики, сделать проект «Памяти репрессированных» более насыщенным информативно и визуально.

Выставка «Светлый мир я сама сотворю» (Посвящается женщинам, прошедшим ГУЛАГ), построенная в музее в 2009 г., стала тому ярким примером. Она раскрыла особый пласт лагерной культуры – женское творчество. Вышивка, вязание, красиво оформленная на оберточной бумаге поздравительная открытка, балетная пачка из марли. Ведь именно женщины могли создать красоту и уют практически из ничего. Художницы, актрисы, поэтессы, спортсменки... Они создавали свой собственный мир, в котором не было место насилию. Их творчество было актом духовного сопротивления режиму³.

Один из разделов выставки был раскрыт на материалах Интинского краеведческого музея, рассказывающих о женщинах – заключенных женских отделений Минерального лагеря. Открытки, вышивки, кружевные салфетки, письма, вышитые на ткани – все это вызывало огромный интерес и восхищение у посетителей выставки.

Важным аспектом репрессивной политики советского государства 1930–1950-х гг. является вопрос широкого использования труда заключенных при освоении природных богатств. Особое место в планах государства занимало развитие топливной промышленности. Близость нефтяных районов Коми АССР к центрам потребления ставило этот регион в число наиболее перспективных районов. Уже во второй пол. 1930-х гг. здесь создается целая структура специализированных по производственному принципу лагерей, крупнейшим из которых являлся Ухтижемлаг (46460 человек). Государство столкнулось с важной проблемой – нехваткой квалифицированных кадров. Вопрос решили несколькими способами: мобилизация ЦК ВКП (б) 1939 г. (вольнонаемные) и многочисленные аресты специалистов (аресты «под заказ»).

Именно так в лагерях Коми АССР оказались геологи А.Я. Кремс и А.Е. Бернштейн, инженер-электрик Д.М. Крашенинников, инженер-химик Ф.А. Торопов и др. Впоследствии их работа была отмечена правительственными наградами; они были награждены одной из самых престижных премий того периода – Сталинской.

Им, лауреатам Сталинской премии, посвящена выставка «Кара, подвиг и награда» (Судьбы ученых – лауреатов Сталинской премии), построенная в Национальном музее в октябре 2010 г. Фотографии, документы и материалы рассказали о судьбах лауреатов Сталинской премии, предоставили возможность увидеть

¹ «И следы потерялись в снегах...» (ГУЛАГ – Абезь). Буклет к выставке. Сыктывкар, 2005.

² «Мы дети страшных лет России...» (Дети ГУЛАГа). Каталог выставки. Сыктывкар, 2007.

³ «Светлый мир я сама сотворю» (Посвящается женщинам, прошедшим ГУЛАГ). Буклет к выставке. Сыктывкар, 2009.

сложные взаимоотношения власти и творческой интеллигенции. Выставка стала еще одной попыткой понять исторический период 1930–1950-х гг., где награда и наказание порой стояли столь близко¹.

В проекте приняли участие: ГУ РК «Национальный архив», предоставивший на выставку личные дела сталинских лауреатов; МУ «Музейное объединение МОГО «Ухта» с музеем А.Я. Кремса, предоставившие материалы об А.Я. Кремсе. Были использованы материалы из личных коллекций семей «сталинских лауреатов» Б.Н. Морозова, М.Н. Налимова, А.М. Крашенинникова. После окончания работы выставка «Кара, подвиг и награда» (Судьбы ученых – лауреатов Сталинской премии) стала передвижной. Она экспонируется в муниципальных музеях республики.

Проект «Памяти репрессированных» объединил усилия Национального музея и Коми Республиканского благотворительного фонда жертв политических репрессий. В проекте используются материалы из архивных хранилищ республики и муниципальных музеев. Ряд музеев республики: Интинский краеведческий музей, музей «Покаяние» (г. Печора), МУ «Музейное объединение МОГО «Ухта» приняли участие в проекте. Значительный информативный материал поступает на выставки при работе в архиве Международного историко-просветительского, благотворительного, правозащитного общества «Мемориал» (Москва).

Сотрудничество Коми Республиканского благотворительного и общественного фонда жертв политических репрессий (Сыктывкар) и Национального музея Республики Коми будет продолжаться. В совместных планах создание выставки «Репрессированный Пушкин», работа над которой уже началась.

Н.С. Мурашова

Новосибирский государственный педагогический университет

Духовный стих как хранитель культурных ценностей

В ситуации глобализации актуализируется проблема сохранения национальной идентичности. Возможным путем ее решения является изучение и возрождение культурных ценностей, выступающих маркерами национальных традиций. Культурные ценности можно подразделить на материальные и нематериальные. Последние, прежде всего, аккумулируют духовную информацию, формировавшуюся и развивавшуюся на протяжении долгого периода времени. Измерить ценность нематериального наследия возможно через осмысление его места в культуре. За время собирания и изучения нематериальных памятников кристаллизуются определенные эталоны, которые и служат своеобразным камертоном в оценке значимости того или иного явления.

Попытаемся с этих позиций рассмотреть роль духовных стихов в русской культуре. В духовных стихах ценностными эталонами выступают сами тексты: их древность, степень сохранности, аутентичность бытования, художественный уровень, а также отдельные составляющие текстов – поэтические и мелодические обороты, особенности ритмо-интонационного строения, композиционные принципы и пр. На основе перечисленных факторов осуществляется ценностная атрибуция явлений музыкально-поэтического творчества.

В определенной мере духовные стихи могут выступать и объектом материального наследия. Это происходит в том случае, когда они фиксируются в специальных сборниках, называемых стиховниками или стихарниками. Такие сборники подлежат стоимостной оценке, зависящей не только от материалов, из которых они изготовлены, но и от содержания (наличие редких малораспространенных текстов, сохранивших подлинные признаки диалектной культуры или старинного образца).

В нашей работе речь пойдет, прежде всего, о духовных стихах как системе, отражающей ценностные ориентации русского традиционного общества, представленные в художественных текстах. В этом случае духовный стих может рассматриваться в нескольких аспектах: во-первых, как часть духовной культуры и народного богословия; во-вторых, как компонент музыкально-поэтического творчества и русского художественного наследия. И в том и в другом случаях духовный стих всеобъемлюще представляет ценностную модель мира, выступая носителем информации о мировоззренческих ориентирах русского народа.

Духовный стих, по меткому выражению Ф.И. Буслаева, есть «примирение просвещенной христианством мысли с народным поэтическим творчеством»². Средством осуществления этого примирения был синкретизм фольклорных и книжных традиций. Ведь духовный стих возник на основе книжных знаний и уже после того, как книжная информация распространилась в народном сознании, стал передаваться фольклорным способом, адаптируя сведения, почерпнутые из письменных источников, под привычные для народной среды представления. Обычно в культуре гораздо чаще встречается обратный процесс проникновения фольклорной информации в книжную, когда тексты устной традиции начинают воздействовать на литературу и композиторскую музыку. Духовный стих, напротив, демонстрирует влияние книжных традиций на фольклор, приспособление «иных» культурных форм к бытованию в народной среде. Духовный стих обязан своим происхождением книжной христианской культуре. Его сюжеты и образы не существовали ранее в устной форме, подобно сказкам, обрядовым текстам, былинам. В этом, прежде всего, и состоит своеобразие духовного стиха в сравнении с другими фольклорными жанрами.

¹ «Кара, подвиг и награда» (Судьбы ученых – лауреатов Сталинской премии). Буклет к выставке. Сыктывкар. 2010.

² Буслаев Ф.И. Повесть о Горе и Злосчастье, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; Статьи / Сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. М., 1990. С. 216.

В своем генезисе духовные стихи были посредником между церковью и народом. Ф.И. Буслаев сравнивает духовный стих с церковной книгой, подобно которой «он поучает безграмотного в вере, в священных преданиях, в добре и правде»¹. «Библией для неграмотных» называет духовные стихи А.Л. Топорков². Поскольку в русской традиционной культуре духовному стиху уготовано место проводника между народным и христианским знанием, то он, с одной стороны, выступает хранителем ценностей православной культуры, с другой – традиционной народной культуры, имевшей на Руси более древнюю историю. Духовный стих обнаружил общие ценностные ориентиры дохристианской и православной картин мира, что позволило в итоге двум культурам интегрироваться и составить фундамент собственно русской культуры.

Ценностные ориентиры, выражаемые духовным стихом, прежде всего, касаются нравственных категорий. Они отчетливо проявляются через оппозицию правда – кривда (праведность – грех, добро – зло, свет – тьма), проявляющуюся на уровне макро и микро миров: борьба двух противоположных начал разворачивается и в космическом масштабе и в пределах человеческой души. Тем самым, все нравственные составляющие, озвучиваемые духовным стихом, можно сопоставить с правдой и кривдой. К правде (праведности) относятся: смирение, покорность, милосердие, готовность пострадать за веру, стремление к покаянию, соблюдение поста и молитвы; к кривде – нарушение нравственных заповедей (убийство, прелюбодеяние, жадность, злоба, гордыня), пренебрежение молитвой, богохульство, несоблюдение постов, непочитание церковных праздников. За счет резкого противопоставления правды и кривды стихи обладают ярко выраженной дидактической направленностью, напоминая о расплате за грехи, устрашая изображением адских мук и страданий.

В духовных стихах раскрывается нравственный идеал народа, в художественной форме они являют мир человеческих чувств. Огромнейший репертуар русских духовных стихов, разнообразие их сюжетов свидетельствуют о популярности именно такой формы религиозного самовыражения. Свободные от богослужебных канонов, духовные стихи давали возможность открыто выражать трепетное и благоговейное отношение к Богу. Будучи более демократичным жанром, чем молитвословия и церковные песнопения, духовные стихи выполняли просветительскую миссию: через доступные образы, стилистически близкие музыкально-поэтические формы они помогали человеку приблизиться к вере, осознать смысл христианских сюжетов и символов. Их поэтика и мелос оказывают колоссальное эмоциональное воздействие на исполнителей и слушателей, способствуя глубоко личностному проникновению в смысл распеваемых текстов.

С поэтикой и мелодикой духовных стихов связан еще один аспект исследуемой проблемы. За длительный период своего существования духовные стихи испытали влияние различных жанрово-стилистических явлений русского художественного творчества. Будучи открытой системой, воспринимающей языковые особенности параллельно развивавшихся жанров певческой культуры, духовный стих объединяет столь различные традиции отечественной вокальной музыки, как знаменный распев, былина, лирическая протяжная песня, романс и пр., интонационный сплав которых составляет мелодическое богатство внебогослужебного духовного пения. На протяжении развития духовного стиха шел непрерывающийся процесс его стилистического обогащения за счет преломления интонаций окружающего музыкального пространства. Поскольку духовный стих использует интонационные модели, сложившиеся в других жанровых системах, он обнаруживает наиболее характерные типы русского вокального интонирования: причетный, выражающий семантику скорби и покаяния; сказовый, связанный с претворением речевых оборотов; моторно-двигательный, аккумулирующий интонации плясовых, танцевальных, маршевых жанров; лирический, пришедший как из крестьянской протяжной песни, так и из городского бытового романса. Следовательно, духовный стих является хранителем русской традиционной интонационности. Изучение духовного стиха позволяет осмыслить специфику национального музыкального языка, выявить механизмы взаимодействия его интонационных сфер.

На основе изложенного попытаемся определить аксиологическое значение духовного стиха в русской культуре. Во-первых, будучи соотнесенными с миром сакральных истин, многочисленные его образцы представляют духовно-нравственные качества русского человека как главные национальные ценности. Во-вторых, духовный стих объединил ценностные ориентиры дохристианской и христианской культур, обнаруживая единство их гуманистических принципов. Оказавшись в роли подобной компромиссной области творчества, духовный стих выступил хранителем культурных ценностей ушедшей эпохи, обнаружив их близость ценностным ориентирам нового периода развития русской культуры. Тем самым, предшествующий опыт не просто был сохранен, но адаптирован и развит в условиях изменившейся культурной ситуации.

Важно отметить, что духовный стих и в наши дни сохранил свою активность. Он не превратился в музейный экспонат, уже отживший свой век, он и сейчас бытует среди носителей, пользуясь особой популярностью в старообрядческой среде. Поэтому духовный стих можно отнести к актуальным жанровым сферам русской традиционной музыкально-поэтической культуры. При этом современные образцы сохраняют тот мир культурных ценностей, который веками выработывался русским человеком и передавался из поколения в поколение.

¹ Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1887. Т. 42. № 2. С. 451.

² Топорков А.Л. Голубиная книга из грозовой тучи: Небесный стих о том, отчего в мире правды нет // Родина. 2001. № 4. С. 22.

Таким образом, изучение духовного стиха, его использование в жизненных ситуациях, в образовательном пространстве, в концертной практике несомненно будет способствовать сохранению национальной духовно-нравственной и художественной информации в современном поликультурном мире.

С.И. Муртузалиев

Региональный Центр этнополитических исследований ДНЦ РАН, Махачкала

Проблемы сохранения этничности коренных малочисленных народов Дагестана

Национальная политика относится к теоретическим и практическим проблемам современности. Внутреннюю политику государства в отношении этнических общностей и межэтнических отношений обычно называют этнической политикой или политикой в отношении этнических меньшинств. В Республике Дагестан (РД), самом многонациональном и южном субъекте Российской Федерации (РФ) представители этих меньшинств в основном проживают в горах и, образно говоря, количество проблем у горцев (коренных жителей высокогорья) – основной объект нашего исследования – сопоставимо с численностью горных пиков-многотысячников. Из всего комплекса проблем остановимся на правовом положении коренных малочисленных народов (КМН) РД.

Специфика Дагестана состоит в отсутствии доминирующего населения. Здесь в течение тысячелетий функционирует более 30 народностей, говорящих на разных языках и около 120 представителей других национальностей – мир в миниатюре. Кроме того, дагестанцы не являются нацией хотя бы по причине того, что не обладают собственной государственностью. «Существующая автономия – это все-таки суррогатная государственность, действительными атрибутами государства обладает общероссийское государство, где сегодня идет процесс формирования единой российской нации. Дагестанцы – это скорее суперэтнос, состоящий из более мелких родственных этносов и входящий в единую российскую нацию... в Дагестане, несмотря на всю его бурную и часто трагическую историю, не было зафиксировано ни одного случая ассимиляции даже самого малого этноса»¹.

Во второй половине 1990-х гг. появились нормативно-правовые акты, определившие статус национально-культурной автономии в качестве второстепенной формы этнического развития. «Фокус регулирования этнических отношений, посредством нового правового инструмента, был намеренно смещен в культурную сферу. Тем самым законодательно закрепились диспропорция, установившаяся с советских времён, согласно которой, только представители «титовых национальностей»² вправе удовлетворять свои национальные (этнокультурные) потребности во всех сферах – политической, экономической, культурной. В то же время нетитульные этнические категории могут рассчитывать только на удовлетворение культурных прав, что приводит к сокращению внимания со стороны государства к языкам таких сообществ. По мере изменения общественно-политических условий, закон о национально-культурной автономии неоднократно подвергался коррекции, но, справедливо констатируют исследователи, в настоящее время его положения требуют совершенствования»³.

Российское законодательство отказалось от действовавшего в СССР для коренных этносов географического критерия. В результате определение коренного народа оказалось предельно размытым. Единственным реальным его признаком осталась малая численность. Любый народ меньший 50 тысяч человек подпадал под определение «коренного малочисленного». Законодательством РФ к категории КМН в основном отнесены те сообщества, которые проживают в трудных условиях Севера и Дальнего Востока, но нет упоминания о дагестанских КМН. Существенным недостатком в осуществлении в РФ защиты прав национальных меньшинств является и то обстоятельство, что малочисленные народы, проживающие в России, юридически подпадают под разные режимы правовой защиты, а сами эти режимы четко не определены.

Конституционно в РД проживает только четыре малочисленных народа, фактически их больше. По данным переписи населения 2002 г. численность народов РД, насчитывавших менее 50 тысяч, составляла: ногайцы – 38200, рутульцы – 24300, агулы – 23300, андийцы – 21300, дидойцы – 15200, цахуры – 81700, евреи – 1500 человек. В настоящее время ИАЭ РАН (Москва) составлен уточненный список малочисленных народов РФ, в который включены народы как выделенные переписью 1989 г., так и неучтенные ею. В нем были выделены переписью следующие дагестанские этносы: кайтагцы, кубачинцы (включались в число даргинцев), андийцы, ахвахцы, чамалалцы, каратинцы или багулалы, ботлихцы, бежтинцы, годоберинцы, арчинцы, гунизбцы, гинухцы, дидойцы (включались в число аварцев).

Нарушением международной Рамочной конвенции 1995 г. (ст. 5), ратифицированной РФ в 1998 г. было бы продолжать руководствоваться секретным постановлением Правительства РФ о том, какие народы Дагестана считать малочисленными и подпадающими под действие закона о коренных малочисленных народах. В этом постановлении были перечислены все самые крупные 14 народов республики, включая русских⁴, но не был назван ни один из двух десятков действительно малочисленных дагестанских народов. И это при том, что 23 мая

¹ Тажудинова А., Дибиров А.Н. Самоидентификация как фактор межнационального мира и согласия // Дагестанская правда. 2009. 23. 01.

² Т.е. обладающие своими национально-административными территориями.

³ Тишков В.А., Степанов В.В., Фукс Д.А., Артеменко О.И. Статус и подддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад. М., 2009 // www.coe.ru/doc/men/publications/Report_Status_of

⁴ Собрание законодательных актов Российской Федерации. 2000. № 10. С. 922.

2002 г. Правительству РД было предложено представить в Государственный Совет Республики предложения о проживающих на ее территории КМН для последующего включения их в Единый перечень¹.

Несуразность закона РД «О малочисленных народах Республики Дагестан» предположительно объясняется тем, что принять такой закон Республиканское руководство вынудил Федеральный центр, принявший законодательный акт, соответствующий ситуации малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Москва, без учета специфики, предложила применить этот закон и к малочисленным народам Дагестана, живущих во всем в иных условиях. Отметим и тот факт, что Правительство РФ, приняв решение о КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока в 2010 г. на поддержку экономического и социального развития этих 45 этнических категорий выделило 240 млн. рублей². О подобной поддержке и таких суммах КМН Дагестана остается только мечтать.

Из 30 КМН Дагестана 18 не имеют своей письменности. Недостаток достоверных данных о количестве так называемых малых народностей относится к категории демографической статистики в Дагестане. Однако, оперируя максимально приближенными сведениями, принято считать, что численность этих бесписьменных народностей в составе чуть более 2-х млн. населения республики достигает около 150 тыс. человек. Из них примерно 60 тыс. акторов по переписи 2002 г. составляют 13 народностей андо-цезской группы, среди которых почти 100 процентов опрошенных назвали аварцами. В типологическом плане аналогична и ситуация с даргинским языком, который только относительно недавно стал родным для урахинцев, кубачинцев, кайтагцев, считавшихся в свое время носителями самостоятельных языков. Агулы, цахуры и рутулы, относящиеся к лезгинской языковой группе, получившие недавно родную письменность и ставшие новописьменными, а также арчинцы в общей сложности составляют приблизительно 50 тыс. человек. Заметим, однако, что по переписи 2002 г. арчинцами себя назвали всего 7 человек. Бесписьменным и одноаульным является гинухский язык, которым пользуются не более 600 человек. Г.Г. Гамзатов отмечает проблематичность «дать количественную характеристику другим бесписьменным народностям лезгинской группы – будухцев, хиналугцев, крызцов, удинов, территориально расположенных за пределами Дагестана и почти полностью азербайджанизированных»³.

Рассмотрение и решение проблем языкового строительства в современных условиях невозможно без учета реалий и интересов бесписьменных языков. В Дагестане реализуется крупная концептуальная программа фронтального собирания и систематизации богатейшего словарного фонда, осмысления нетронутого арсенала исконной лексики бесписьменных языков, подготовки и издания национально-русских словарей академического типа. «Программа предусматривает составление и издание двуязычных словарей по 21 бесписьменному языку – 13 аваро-андо-цезской группы (андийский, каратинский, годоберинский, ахвахский, чаматинский, багваллинский, ботлихский, тиндинский, цезский, бежтинский, гинухский, хваршинский, гунзибский) и 8 лезгинской группы (агульский, цахурский, рутульский, будухский, хиналугский, крызский, удинский)». Подобная работа в Дагестане и в стране в целом осуществляется впервые⁴.

Однако эта беспримерная по своему масштабу и научному уровню работа требует принятия практических шагов по конституционной защите бесписьменных языков малых народов, по их вовлечению в интеллектуально-духовный мир общества, дальнейшего совершенствования, прежде всего, текущего отраслевого законодательства в таких важнейших областях как образование, здравоохранение, культура, использование языка, социальная защита. Поддержка языкового и культурного многообразия является важнейшей целью внутренней политики страны и входит в систему международных обязательств современной России.

В настоящей статье затронута только малая часть актуальных проблем КМН Дагестана, ждущих своего разрешения. К сожалению, проект «Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе» (1998–1999 гг.) до сих пор так и остался проектом, «что свидетельствует, мягко говоря, о равнодушии властей Российской Федерации к актуальным проблемам самого многонационального региона страны»⁵.

Правовое положение КМН определяется международно-правовыми нормами и нормами государственными, которые должны соответствовать первым. Фактическое же положение КМН определяется зрелостью гражданского общества и его приверженностью к демократии, готовностью создать и соблюдать законы, защищающие права лиц, относящихся к национальным меньшинствам.

Ю.К. Недавняя

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Освещение темы «Истории чая в России» в музейном пространстве для разновозрастной аудитории

Последствия глобализации все более ощутимы в жизни современной семьи: разрушаются семейные связи, традиции постепенно ослабевают и исчезают. Исстари чаепитие было для семьи неким объединяющим фак-

¹ www.kavkaz-uzel.ru/articles/20639/

² Российская газета. 2010. № 42. 2 марта. С. 17.

³ Гамзатов Г.Г. Бесписьменный, но живой реальный... // Магомедов П.Т., Абдулаева И.А. Ахвахско-русский словарь. Махачкала, 2007. С. 7-10.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Адзиев Х.Г. Национальная политика постсоветской России // Национальная политика и межэтнические отношения в полиэтничном регионе. Материалы научно-практической конференции (24 ноября 2009 г.). Махачкала, 2009. С. 91.

тором, формой проведения общего досуга. Оно включало в себя сервировку чайного стола, особые способы заваривания чая, правила поведения. Актуальность создания выставки «Чай не пьешь – какая сила...» (открытие состоялось 2 марта 2011 г. в отделе истории НМРК) обусловлена тем, что она направлена на сохранение, представление и развитие традиции чаепития как формы проведения досуга. При написании экскурсии к выставке основной задачей было рассказать о традициях чаепития как о важном компоненте социально-бытового уклада жизни. Из экскурсии посетители узнают много нового о таком привычном и прозаическом напитке как чай: историю чая; пути, по которым его привозили в Россию, в том числе и в Коми край; узнают, где в Усть-Сысольске можно было купить чай; знакомятся с предметами, составляющими культуру чаепития; вспоминают чайный этикет и даже могут побывать в роли дегустаторов чая – тигестеров.

Сама идея выставки «Чай не пьешь – какая сила...» диктовала необходимость обыграть ее так, чтобы у посетителей сложилось ощущение домашнего очага, уюта, тепла. Выставка разноплановых, необычных и ярких предметов, сама по себе, представляет благодатную почву для подобного построения, как говорится, для радования глаз. Во второй половине XVIII в. чаепитие как составная часть светской жизни породило целую систему сервировки стола, что вызвало к жизни множество специальных предметов, служивших исполнению этого «обряда». На выставке представлены уникальные предметы из собрания музея, составляющие чайную церемонию: самовары к XIX – н. XX вв., чайники, столовая посуда, фарфор известной российской фабрики Кузнецова, щипцы для колки сахара и др. Такой разнообразный предметный ряд в значительной мере способствует скорейшему вовлечению посетителя в контекст повествования, непринужденному переключению внимания.

Выставочное пространство представлено несколькими тематическими комплексами: «Путь чая», «В лавке усть-сысольских купцов», «История самовара», «Чайный этикет», «Чайные традиции».

На базе выставки были запланированы экскурсии, рассчитанные на следующие возрастные категории: экскурсии с элементами игры для 1–6 классов, а также экскурсии для старшеклассников и студенческой аудитории и взрослых посетителей.

Экскурсия начинается с постановки проблемного вопроса, откуда попал к нам чай? Ответы, как правило, сводятся к трем основным: Индия, Япония, Китай. Правильно, из Китая. И сегодня нам предстоит побывать путешественниками и отправиться по пути чая из Китая в Россию. Согласны? Это предложение помогает ребятам настроиться на более внимательное восприятие всего увиденного и услышанного в течение экскурсии, ведь теперь они путешественники, основная задача которых быть внимательными, подмечать интересное и запоминать.

В первом тематическом комплексе дети узнают о времени первого знакомства с чаем на Руси, историй его распространения. Мы постарались использовать как можно больше интересных и забавных фактов по этому вопросу. Например, дети на время «становятся» англичанами и китайцами, задача англичан – придумать способ добыть семена или саженцы чайного куста, а китайцы, в свою очередь, должны измыслить хитрость, при которой они получают деньги, но не выдадут секрет выращивания чая. Таким образом, мы проигрываем исторические легенды. Вместе с детьми рассматриваем карту чайного пути. Оказывается, что за чаем снаряжали торговые караваны, которые, преодолевая путь до Китая, тратили на это до 3-х лет. В подобном чайном путешествии участвовал и наш земляк – купец Г. А. Осколков.

Во втором комплексе можно заглянуть в лавку усть-сысольских купцов, торговавших чаем, сахаром и всем, что необходимо для чаепития. Это купцы Комлины, Опшеснин, Камбалов, Забоев... Интерьер лавки организован прилавком, деревянными полками с посудой; представлены также счета, весы с набором гирек и т. д. Хотите попробовать себя в роли купца, хозяина лавки? С одинаковым интересом дети и взрослые на старинных счетах пробуют произвести нехитрые вычисления; «на глаз» пытаются определить, какое количество чая можно было взвесить при помощи той или иной гири.

Сразу привлекает внимание необычная конструкция: белый конусообразный предмет, завернутый в синюю оберточную бумагу – сахарная голова. Про нее даже загадка есть: «Белый мундир, синяя подкладка, а внутри – сладко». Даже если вы сладкоежки, сможете за один раз съесть такое количество сахара (примерно 16 кг.)? Тогда каким образом разделить сахар на порции? Щипчиками. Вы знаете, что в старину существовало несколько способов питья чая с сахаром? Дети с интересом запоминают неведомые им старинные премудрости чаепития с сахаром: внакладку, вприкуску, вдогонку, вприглядку.

С интересом слушают рассказ о курьезных ситуациях, приключившихся с любителями чая. Когда чай только-только появился в Усть-Сысольске, жители города не знали, как его заваривать. Известен случай, когда одной хозяйшке привезли целый фунт чая (0, 410 кг). Она, не долго думая, сварила чай с солью и подала гостям вместо горячего, и гости с грустными лицами ели это кушанье. Со взрослой аудиторией вспоминаем старинную песню «Раз привез мне барин чаю...».

Что еще есть в лавке? Стараемся акцентировать наиболее интересные экспонаты: щипчики для колки сахара, серебряная ложечка с инициалами, ложка для заваривания чая, вилочка... Каким образом она связана с чаепитием? Верно, это вилочка для лимона. Оказывается, лимон подавали раньше на почтовых станциях путешественникам, спасая их тем самым от укачивания в дороге (ничего-то с XIX в. не изменились).

Нас часто пугают всевозможными страшными событиями в недалеком будущем. Попробуем и мы представить такую картину, что однажды исчезли все электрические чайники и обычные, которые мы греем на газу. Кто спасет мир? Ответ прост: самовар или, как его называли раньше, Золотой Иван Иванович. Когда и где предположительно появились первые самовары, каково их устройство, как правильно растапливать эту «рус-

скую чайную машину» – все это вызывает неподдельный интерес детей. Старшему поколению вопросы о «былых временах» позволяет активизировать свой опыт, почувствовать себя в роли «эксперта».

Обращаем внимание на форму самовара, объем: огромные десятилитровые самовары-великаны, самовары-малютки и, наконец, бульотка или самовар-эгоист из расчета на одного человека. На вопрос, как лучше сохранить горячее питье в походе, не задумываясь отвечают: «Термос». С удивлением и недоверчиво воспринимают новость, что с самоваром, оказывается, отправлялись в дорогу, на природу.

Значительно помогает в рассказе о традиционном чайном этикете картина Е.Ф. Ермолиной «Праздничный стол». Обращаясь к живописному изображению, гораздо легче представить себе всю ту вкусную снедь, которая полагалась к чаю. На картине подмечаем несообразности: на чайном столе соленья, алкоголь, рыба... Китайцы бы нас просто не поняли: смешивать еду и питьё... О рыбе особый разговор. Оказывается, в Ижме и Усть-Цильме особенно любили откупать горячий чай с соленой рыбой. Взрослые посетители с удовольствием подтверждают этот факт. Добавляют, с чем непривычным пили чай «у них». Так женщина из Ижмы рассказала о луковом чае. Это когда очищенный репчатый лук режут на четвертинки, кладут на блюдечко, заливают горячим чаем и пьют, а сам лук затем съедали. Старшее поколение вспоминает о трудном военном времени, когда чтобы хоть как-то подсластить чай, пили его с высушенной морковью, брюквой.

Сравниваем правила поведения за столом (старинные и сегодняшние): кто будет сидеть рядом с самоваром и наливать чай; почему у самовара всегда стояла миска-полоскательница; где посадить самого дорогого гостя и как правильно передать кружку («перепрыжку») от одного человека к другому.

Далее, чтобы разгрузить информативную часть, подходим к шкафу с чайной посудой и рассматриваем её, любуемся формой, фактурой, цветом. Спрашиваем: «Где вы храните чай?». В старину заварку хранили в особых жестяных коробочках – чайницах. Подходим к витрине, и тут же начинается узнавание «своего» чая. Старшее поколение с ностальгией смотрит на небольшие (50 гр.) пачки чая «со слонем». Как-то сама собой возникает тема СССР, воспоминания.

Молодежь больше интересуется экзотическими чаями. Взять хотя бы полюбившийся многим мате. В связи с этим рассматриваем особый сосуд для заваривания мате – колебасу с трубочкой-бомбильей. Говорим, что те или иные травы для мате имели особое значение. Им это интересно, а потому хорошо запоминается. Студенты могут припомнить особый вид чая «Белые ночи» – это который без заварки, студенческий.

Идея задействовать обоняние и осязание вылилась в создание интерактивного уголка с лекарственными травами, которые заваривали в чай. Посетители могут узнать вид растения, вспомнить, в каких целях его использовали. Особый восторг вызывает предложение побыть титестером (дегустатором чая): в трех чашках заварена мята, смородина, зверобой и нужно определить их по запаху. 21 мая 2011 г. в рамках празднования Европейской ночи музеев на базе выставки было проведено интерактивное мероприятие «Приятная случАЙность» основной составляющей которого стало как раз определение травяных чаев.

В заключение экскурсии предлагаем детям разгадать чайный кроссворд. Сначала он использовался только при работе с младшими школьниками, а затем попробовали его на студенческой аудитории, и результат оказался положительным.

Спрашиваем о том, как правильно заканчивать чаепитие? В конце чаепития переворачивали чашку или стакан вверх дном или прикрывали его блюдцем, показывая, что напиться чаю. Высказываем пожелание, что чайные традиции и чайные хитрости, о которых мы с вами сегодня узнали, заставили по-другому взглянуть на этот ставший привычным напиток. В качестве домашнего задания предлагаем попробовать старинные способы питья чая с сахаром: внакладку, вприкуску, вдогонку, вприглядку. Обещают попробовать.

Взаимодействие с ярким предметным миром музея, когда посетитель (неважно ребенок или взрослый) оказывается в особом пространстве и принимает законы развития этого пространства (включается в игру), благотворным образом сказываются на его развитии в виде приобретения новых знаний и творческих умений. И как результат: яркие эмоции, слова благодарности.

Г.А. Некрасова

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Сохранение письменных памятников культуры коми народа

Современное коми языкознание представляет собой продукт длительного исторического и довольно противоречивого развития лингвистического знания. Поэтому многие языковые проблемы могут быть лучше поняты в историческом аспекте, при обращении к далекому или близкому прошлому коми языкознания, к особенностям его развития.

Изучение коми языка началось в XIX в. с создания грамматик, которые, несмотря на то что отличались фрагментарностью и влиянием русской грамматики, имеют важное историко-культурное значение. Постепенно круг задач расширился, анализу подвергались все новые и новые аспекты коми языка, строились новые лингвистические дисциплины, формировались новые приемы исследовательской работы, сложилась своя национальная парадигма описания языка. Результатом планомерного изучения коми языка явились фундаментальные монографические труды и лексикографические работы, что свидетельствует о высокой степени изученности языка.

На современном этапе развития общества были и остаются наиболее важными сохранение книжных памятников культуры и передача их от поколения к поколению. Основная масса печатных изданий XIX в., в том

числе первых лингвистических трудов, хранится в библиотеках и музеях. Однако все они в настоящее время относятся к редким изданиям. Книга становится редкой в процессе ее обращения, в процессе ее жизни в пространстве и во времени. Сегодня редкими стали и издания XX в., причем не только 30-х – 50-х годов, но и довольно позднего периода. Поэтому богатое наследие коми лингвистической науки становится неизвестным не только широкому читателю, но и специалистам по финно-угорским языкам.

Современное общество вступило в эпоху глобальной информатизации. Создание электронных коллекций на базе собственных фондов библиотек, перевод редких изданий в цифровой вид позволяет сохранить их путем создания электронной базы, дает возможность широкого доступа пользователей к богатому фонду материалов библиотек. Базы данных электронных книг содержат тексты монографий, учебников, словарей. Среди электронных ресурсов по финно-угорским языкам основную часть составляют учебники и грамматики. В свободном доступе находятся электронные версии грамматик XIX в., например, грамматики коми языка М. Кастрена, П.И. Савваитова, А. Флерова, Н. Попова. Однако многие лингвистические работы, особенно содержащиеся в периодических изданиях, остаются недоступными для исследователей. Ограничен доступ и к рукописным трудам коми лингвистов. До сих пор неопубликованными остаются наследие А.С. Сидорова, Е.С. Гуляева, А.И. Туркина, В.А. Ляшева и других исследователей коми языка. Бесценным для развития коми языкознания остается творческое наследие доктора филологических наук, профессора В.И. Лыткина. Его работы по истории коми языка занимают исключительное место в развитии сравнительно-исторического финно-угроведения.

В современный период развития лингвистической науки особую актуальность приобретает издание и переиздание трудов, которые определили развитие направлений и теорий современного коми и финно-угорского языкознания. Существование книги – это громадной значимости этап в истории национальных и мировой культур. Новые формы фиксации информационного материала не вытеснят бесследно книгу, но включают ее органично в измененный и изменяющийся культурный оборот.

Одной из важнейших составляющих в деле сохранения и развития коми языка, сохранения историко-культурного наследия коми народа должен стать проект «Лингвистическое наследие», направленный на решение проблем обеспечения доступности редких и ценных лингвистических работ, ранее не издававшихся или ставших библиографической редкостью. Цель проекта – изучение и подготовка к изданию наследия исследователей коми языка. Задача истории коми языкознания состоит в том, чтобы восстановить и сохранить преемственность научных идей и положений, воздать должное предшественникам, установить научные приоритеты и, главное, обосновать с позиций современной науки актуальность и перспективность выдвигавшихся идей и положений. Исторический подход к научному знанию свидетельствует о непрерывности его развития. Опубликованные в серии труды по коми языку позволят воссоздать историю развития коми лингвистической науки. Они могут быть использованы в преподавании коми языка в высших и средних учебных заведениях Республики Коми, в практике создания учебников и учебных пособий, в разработке новых методик преподавания языка.

Д.В. Оксюзьян

И.А. Куратов – талантливый сын народа коми

Индийским поэтом Рабиндранатом Тагором (1881–1941), во время очередного посещения Японии, в соответствии с пересказом японского писателя Кавабата Ясунари (1899–1972), была высказана мысль о том, что «долг каждой нации проявить перед миром свою национальную сущность. Если же нация ничего не дала миру, это следует рассматривать как национальное преступление, это хуже смерти, и никогда не прощается человеческой историей. Нация обязана представить лучшее из того, что есть у неё. Благородная душа и есть богатство нации, а её достояние в умении, преодолевая свои узкие интересы, отправить всему миру приглашение принять участие в празднике её духовной культуры»¹.

Республика Коми может в текущем году отправить общественности финно-угорских стран приглашение на торжество по случаю 85-той годовщины с момента первой публикации (в 1926 г. в сборнике «Коми гижысьяс») стихов талантливого поэта, переводчика, учёного-лингвиста, обладавшего широким просветительско-философским кругозором, – Ивана Алексеевича Куратова (1839–1875)², основоположника коми национальной литературы. Соблюдение исторической точности обязывает напомнить, что пять стихотворений первого коми поэта: «Зон» («Парень»), «Гӧль зон» («Парень-бедняк»), «Том ныв» («Молодая девушка»), «Пӧрысь» («Старик»), «Понкӧд» («С собакой») были напечатаны на родном языке впервые на страницах «Вологодских губернских ведомостей» в 1865 г.³

Известно, что И.А. Куратов родился 6-го (18-го – по новому стилю новому) июля 1839 г., в с. Кибра, Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии; ныне это с. Куратово Сысольского района Республики Коми.

Если рассматривать жизнь и творчество И.А. Куратова с трёх точек зрения – национальной, социальной и общечеловеческой, – то можно более или менее говорить о трёх главных периодах: 1) яренско-вологодском, 2) усть-сысольском и 3) туркестанском. Не всеми учёными РК поддерживается это мнение, но принято считать, что яренско-вологодский период в жизни поэта был подражательным и ученическим⁴. Повод к подобным за-

¹ Цит. по: Григорьева Т.П. Красотой Японии рождённый. М., 1993. С. 264.

² Ванев А.Е. КУРАТОВ Иван Алексеевич // Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар, 1999. Т. 2. С. 175.

³ Микушев А.К. Наш Куратов // Куратовские Чтения. Т. 6. Сыктывкар, 1990.

⁴ Там же. С. 7.

ключениям давал сам И.А. Куратов, когда впоследствии не без иронии писал о себе: «А.И. Гугов (псевдоним И.А. Куратова) начал писать с 13 лет, то есть тогда, когда с трудом ещё мог сдавать простейшие уроки на русском языке; но он писал по-зырянски, причём употреблял стефановскую азбуку, чтобы не подвели под розги, вычитавши воспеваемую им любовь»¹.

В туркестанский период своей жизни и творчества И.А. Куратов принимал непосредственное участие в организации первой школы для киргизских детей. Несмотря на строжайший запрет начальства, Иван Алексеевич настойчиво рекомендовал включить преподавание киргизского языка и письма в киргизской школе. Причиной такой целеустремлённой деятельности было убеждение И.А. Куратова, в соответствии с которым просветитель из Коми края писал: «Когда есть народ, то ему нужно образование, познания же можно передать ему через его же язык. Нам нет дела до будущей участи этого языка, мы должны им пользоваться теперь, потому что он теперь есть единственный орган распространения знания»².

Подобный прагматический подход объясняется длительным не включением зырянского языка в практику межнационального, и даже, – внутринационального языкового общения. В то же самое время, в стихотворениях «Коми Кыв! Тэд Раммывлыны...» («Коми Речь! Терпи, Родная...», 1874) и «Коми Кыв» («Коми язык», 1857), И.А. Куратов отгоняет от близкого его сердцу языка всякие небылицы и признаётся ему в любви. «Говорят, язык мой дик: / «Ну, какой же он язык! / Чахнет, не успев развиваться. / Кто же петь на нём решится?...» / Коми так иль русский скажет, – / Глупость лишь свою покажет». Или: «Мой язык мне дорог, / Он красив и звучен, / Бог простит мне, если / С ним я неразлучен. / Я ребёнком в люльке / Слышал говор милый, – / Не забыть мне это / До своей могиль». И словно сладостно-прощальное воспоминание звучит во втором стихотворении восемь заключительных строк: «Я любил всем сердцем, / Свой язык чудесный, / И на нём я первый / Пел негромко песни. / Но другие громче / Запоют за мною – / И услышат коми / Близкое, родное»³.

Иван Алексеевич Куратов был убеждён, что родная речь и язык чудесный, подобно рассветному лучу, зажгут день жизни новой, и при встрече зари этого дня его земляки будут свободно вдыхать свежесть небесной росы и любоваться солнцем ясным. В стихотворении «Пемыд» («Тьма»), написанном в 1865 г.⁴, И.А. Куратов не может отыскать человека, одетого в белый цвет. Цвет белый обозначает чистоту душевных устремлений, просвещённость ума и сердца. Поэтому день жизни новой сделает лучше не просто преодоление классового антагонизма, который невольно подразумевается в данном стихотворении. Раздвинуть тьму способно образование и просвещение, при нравственном разложении которых жить во мраке неведения и социальной апатии становится настолько тяжело, что в этой тьме разом можно задохнуться.

Подобная тьма угрожает сегодня полной потерей предметно-значимых ориентиров. Чтобы не усугублять ситуацию, в сфере образования и просвещения до самых крайних пределов накалившуюся, сыны и дочери Республики Коми должны жить дальше, становясь честней, добрей, и справедливей, не забывая трудов своих поэтов-просветителей, которые жизни новой высвечивали грани; и слепы были, быть может, но сути нравственных понятий не забывали никогда⁵.

Коми поэт-просветитель И.А. Куратов, подобно герою своего стихотворения – слепому старику – познавая возможности коми народа и раскрывая собственный дар поэтического слова, «что-то ладил день-деньской». И своими трудами, по уходе из жизни этой, поспособствовал развитию литературы и музыки, искусства скульптуры и строительства.

В 1932 г. вышел первый сборник стихов И.А. Куратова – «Гижод чукор» под редакцией писателя И.И. Оботурова (директора Коми научно-исследовательского института), а в 100-летний юбилей со дня рождения имя основоположника коми национальной литературы было увековечено выходом из печати в 1939 г. двухтомника произведений поэта, составленного историком, этнографом и литературоведом А.С. Сидоровым (1892–1953), и подготовленного к печати писателем Д. Конюховым, историком П.Г. Дорониным (1904–1967) и поэтом А.А. Вежсовым⁶.

По мнению исследователя В.С. Осипова, образ И.А. Куратова, и вообще куратовская тема, «стала излюбленной в творчестве многих коми писателей». В этом ряду сегодня можно было бы назвать повесть И. Изъюрова «Кузь туй водзын» («Перед дальней дорогой»), поэму А. Ванеева «Иван Куратов», роман-диалог старейшины коми литературы Геннадия Фёдорова «Востым» («Зарница») и «Чужан мусянь ыпын» («Вдали от родной земли»)⁷.

Стоит упомянуть повесть «Первые песни» В.Б. Муравьёва, изданную в Сыктывкаре в 1972 г. Основу повести этой составили факты биографии поэта-демократа, которые стали известными после долгих и трудных поисков. Поиски эти велись коми писателями, поэтами, литературоведами, историками. Розыски значительно увеличили сумму знаний о личности Ивана Алексеевича Куратова по сравнению с тем периодом, когда истори-

¹ Куратов И.А. Художественное произведение. Сыктывкар, 1939. Т. 1. С. 210.

² Цит. по: Ванеев А.Е. Коми поэт-демократ Иван Куратов и открытие первой киргизской школы в Пишпеке // Куратовские Чтения. Сыктывкар, 1989. Т. 5. С. 79-80.

³ Куратов И.А. Коми гор. Сыктывкар, 1985. С. 7, 151, 153

⁴ Куратов И.А. Ой, олом, олбм. Сыктывкар, 1989. С. 79.

⁵ Смотри содержание стихотворения «Синтём польдь». Куратов И.А. Ой, олом, олбм. Сыктывкар, 1989. С. 59.

⁶ Лимерова В.А. Куратов Иван Алексеевич // Город Сыктывкар: Энциклопедия. Сыктывкар, 2010. С. 151

⁷ Осипов В.С. Великий сын народа Коми // Куратовские Чтения. Сыктывкар, 1990. Т. 6. С. 21.

ком и этнографом А.С. Сидоровым, летом 1923 г. в селе Визинга, на чердаке дома, были обнаружены тетради со стихами И.А. Куратова, написанными в 1857, 1860 и 1865 гг., на коми-зырянском языке.

Дальнейшее накопление знаний и их переложение на язык музыки привело к тому, что автором поэмы «Иван Куратов» (1973), и оперы «Куратов», сыгранной на сцене музыкального театра оперы и балета города Сыктывкара 2 октября 2009 г., стал А.Е. Ванев (1933–2001) – поэт, литературовед, кандидат филологических наук. Лиризм поэмы в опере был не только сохранён, а даже усилен за счёт любовных историй трёх главных героев. В оперу из поэмы перешли ария матери при проводах Ивана Куратова на учёбу в Яренск и прощальная песня возлюбленной Ивана – Сандры. Музыка к опере написал композитор Сергей Носков¹.

В этой связи необходимо сказать несколько слов об одном из этапов достаточно длительного процесса формирования образа И.А. Куратова в музыке.

Всё дело в том, что Куратовская тема ещё в конце 60-х гг. XX в. «привлекла А.А. Рочева. Это положило начало работе композитора. Вскоре им был написан цикл из пяти вокальных произведений». «Съслан менам, съслан» («Песня моя, песня»), «Шудтӧмъяс» («Несчастные»), «Турб» («Вьюга»), «Шондӧ садьмас» («Солнце проснётся»), «Пемыд» («Тьма»). Подбор этих стихотворений помог автору музыки продемонстрировать такие стороны творчества поэта, которые ещё не становились предметом художественного исследования музыкального искусства. Средствами музыки А.А. Рочев «показал драматизм народной жизни, горечь и сочувствие поэта народу, мысли его о безмерности страданий и общем для всех конце – смерти, и, в то же время, неистребимую веру поэта в жизнь, в светлое будущее. Впервые, пожалуй, «диалектика души» поэта получила такое воплощение и «объяснение» на том языке, что может многое сказать человеку без слов и тем самым усилить эстетическое воздействие куратовской поэзии»².

Усилить эстетически-нравственное воздействие, и, вместе с тем, утвердить одно из звеньев в коллективной памяти народа, которая, подобно памяти индивидуальной, ассоциируется с пространствами и объектами. Именно эта задача была решена скульптором Владиславом Никаноровичем Мамченко (р. 1929) установкой в г. Сыктывкаре (в 1977 г.) памятника первому коми поэту Ивану Алексеевичу Куратову³.

В сознании жителей города Сыктывкара личность И.А. Куратова запечатлелась благодаря присвоению средним учебным заведениям – общеобразовательной школе № 1 с углублённым изучением отдельных предметов и гуманитарно-педагогическому колледжу – имени репрессированного борца с культурной отсталостью.

Посещение памятных мест города Сыктывкара, хранящих дух времени ушедшей эпохи: улицы и литературно-мемориального музея (бывшего дома купцов Сухановых, заходил в который И.А. Куратов весьма часто), может способствовать приобретению понимания атмосферы жизни и эмоциональных устремлений талантливого сына народа коми, представителя эпохи, воспоминание о которой весьма необходимо для того, чтобы сохранить, целостно постичь национально-культурное строение нашего бытия, и суметь разобраться во всех его особенностях.

Е.Ф. Панько

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Изделия из камня в собрании НМРК

Коллекция изделий из камня в собрании НМРК сравнительно небольшая – 123 предмета основного фонда и 8 предметов научно-вспомогательного фонда. Предметы достаточно разнородны и разнообразны, сформированы в коллекцию в 2009 г.

Этнографическая часть коллекции была собрана в основном в результате экспедиционных поездок сотрудников музея по разным районам Коми республики. Она состоит из предметов быта, украшений и абразивных инструментов – точильных брусков, оселков.

Большое количество имеющихся в коллекции точильных брусков, точил и оселков можно объяснить тем, что эти инструменты были необходимы в любом крестьянском хозяйстве для затачивания кос, ножей, бритв и других режущих инструментов. По форме камней бруски и оселки разнообразны, к некоторым для удобства использования приделаны ручки из дерева или прутьев. Хронологически их можно отнести к концу XIX – началу XX вв. Несколько заготовок брусков было собрано на берегу р. Цильмы, на месте камнеобрабатывающего завода Вышемирского, занимавшегося выделкой оселков, и сожженного владельцами для получения страховки в 1914 г. На берегу р. Соплас недалеко от с. Усть-Воя на Брусняной горе в XIX в. существовал промысел по добыче точильного камня и производству брусьев и точил. По свидетельству Н.А. Иванникова, посетившего те места в середине 1880-х гг., каждый из живших под горой в лачугах с семьями рабочих должен был за лето выделать 150 пудов брусьев и точил. Можно предположить, что часть находящихся в коллекции брусьев и точил была добыта на этой горе. В 1958 г. в тех местах побывал с экспедицией научный сотрудник музея Рубцов Аристарх Михайлович. Собранные им на горе точильные бруски ручной работы, а также продукция Печорской точильной фабрики, построенной в 1935 г. и пущенной в эксплуатацию в 1937 г., пополнили фонды музея.

¹ См.: *Митюшева Надежда*. Кому улыбнулись звёзды // «Красное знамя», 10 апреля 2011 г.

² *Шергина А.А.* Образ Куратова в музыке // Куратовские Чтения. Сыктывкар, 1989. Т. 5. С. 158.

³ *Кравцова М.Д.* Сыктывкар – культурный центр Коми АССР (1946–1979 годы) // История Сыктывкара. Сыктывкар, 1980. С. 274, *Поповцева Э.* МАМЧЕНКО Владислав Никанорович // Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар, 1999. Т. 2. С. 251.

Женские украшения из камня, находящиеся в коллекции, также относятся к этнографическим предметам. Это янтарная бусина ручной работы, перламутровые бусы из ракушек, принадлежавшие в начале 20 в. матери Марковой Агнии Алексеевны из с. Усть-Вымь и удмуртские народные украшения (коралловые бусы и наконик), принадлежавшие Матвеевой Ирине Егоровне, уроженке Сарапульского уезда.

Этнографических предметов быта в коллекции немного, возможно потому, что изделия из камня меньше использовались в быту, в силу трудоемкости обработки камня вручную и небольшой распространенности кустарных камнерезных промыслов.

В 1930-е – 1940-е гг. в Коми республике регулярно проводились выставки достижений народного хозяйства, приуроченные к юбилеям республики. Экспонаты после закрытия выставок обычно передавались в музей. Так, в 1931 г. с юбилейной выставки «10 лет Коми Автономной Области» среди других предметов в музей поступило несколько наждачных кругов. Самая большая часть коллекции изделий из камня передана в музей в 1943 г. с выставки по изобретательству и рационализации. Это перламутровые пуговицы, запонки, пряжки, сделанные на предприятиях Усть-Вымстроя НКВД СССР и абразивы, изготовленные на Ухтинском ремонтно-механическом заводе как шлифовальный материал для получения зеркальной поверхности втулок глубоких насосов в опытном порядке в период Великой Отечественной войны, переданные Ухтижемстроем.

Еще один источник комплектования коллекции – существовавшая в 1960-е – 1980-е гг. традиция передачи в музей Областными комитетами КПСС и ВЛКСМ, а также Президиумом Верховного Совета Коми АССР подарков к памятным датам республики. Эти подарки, а также подарки к юбилеям музея, представляют большой интерес.

В конце 1970-х – середине 1980-х гг. в музей поступили предметы, сделанные на Ухтинском предприятии народных художественных промыслов: письменные приборы, вазы, шкатулки, пепельницы, вазочки для конфет из поделочных камней. Эти бытовые предметы, которые можно использовать по их прямому назначению, в то же время являются предметами декоративно-прикладного искусства.

В 1930-е – 1960-е гг. в стране была популярна декоративная скульптура из камня – преимущественно небольшого размера фигурки зверей, птиц, рыб, а в особенности слоников. Семь слоников стояли на комодах во многих домах и квартирах нашей страны. К сожалению, в коллекции только два слоника, принадлежавших Базовой Клавдии Кирилловне, жительнице города Сыктывкара. Еще один пример анималистической скульптуры – фигурка собаки из природного гипса белого цвета, украшавшая канцелярский прибор.

Кроме изделий из природных камней, в коллекцию входит небольшое количество искусственных монокристаллов оптического флюорита, полученных в процессе выращивания в институте геологии Коми Филиала Академии Наук СССР, а также изделия из них, использующиеся в оптике.

Скорее всего, первым предметом в коллекции изделий из камня является трубка (коми название «Кальян») из алебаstra с надписью: «Въ Слободъ сделанъ в 1912 г.». Она была приобретена в с. Слобода Усть-Сысольского уезда в 1912 г. для образованного в 1911 г. археологического и этнографического музея г. Усть-Сысольска и является одним из первых предметов, поступивших в музей.

Предположительно в то же время в музей поступила янтарная бусина овальной формы, полупрозрачная, приплюснутая, грубо обработанная, с круглым отверстием в центре. В «Инвентарном каталоге этнографического отдела областного музея в г. Усть-Сысольске» за 1924 г. есть запись: «Буса янтарная самодельная. Из коллекции М. Ляпунова». М. Ляпунов – это Ляпунов Михаил Степанович, мещанин, содержатель пивных лавок и булочных в г. Усть-Сысольске, бывший в дружеских отношениях с Андреем Андреевичем Цембером.

Хронологически самый старый предмет коллекции – пепельница из цельного куска каолинита коричневого цвета с красно-оранжевыми, черными и серо-бежевыми разводами и крапинками. Она представляет собой две овальные чаши на резной подставке, украшенные растительным резным рисунком. Между чашами на стилизованных ветках вырезаны фигурки двух обезьян, белки и трех птиц. Пепельницу передала в музей в 1949 г. Жеребцова А.В., жительница г. Сыктывкара, прадед которой, коми крестьянин, ходил на заготовку дров для уральских заводов. Эту пепельницу он вырезал в 1860 г., находясь на Урале.

Уникальным предметом является печать из яшмы с вырезанной на ней надписью: «Ульяновский монастырь Усть-Сысольского уезда». Печать передал ученик 5 класса Кужбинской школы Усть-Куломского р-на Кузнецов Николай, нашедший ее в 1969 г. в д. Кужба в старом доме, в котором, по рассказам старожилов, жил монах Иван.

Несмотря на то, что поделочный камень может казаться твердым и прочным, распиленный, отшлифованный и отполированный, он часто становится очень хрупким. В этом основная проблема коллекции изделий из камня – ее сохранность и реставрация.

Есть проблемы и с атрибуцией. Некоторым предметам, при систематизации, проведенной в Республиканском краеведческом музее в 1952 г., по каким-то причинам были изменены названия. В связи с этим можно привести такой пример. В Книге поступлений № 7 за 1948–1950 гг. на с. 183 записано: «Прибор канцелярский с карандашницами». В 1953 г. в новую Книгу поступлений этот же предмет записан как «Пепельница с двумя отделениями». А материал алебастр, из которого изготовлена трубка, сделанная в с. Слобода в 1912 г., в Книге поступлений № 2 в 1954 г. указан как «Кость». Поэтому, желательно было бы некоторые предметы атрибутировать заново. Также желательно было бы уточнить названия поделочных камней, из которых вырезаны предметы, входящие в коллекцию.

Несмотря на то, что постоянного систематического комплектования коллекции не проводилось в течение нескольких десятилетий, коллекция изделий из камня продолжает пополняться. Одно из последних поступле-

ний – макет водонапорной башни – символа города Инты, подаренный музеем Интинским городским краеведческим музеем во время торжественных мероприятий, посвященных 90-летию НМРК, проходивших с 17 по 19 октября 2001 г. в г. Сыктывкаре.

В. Ф. Паршуков

**«Звери из легенды» (кости доисторических животных в собрании
Национального музея республики Коми)**

Еще 1997 г. автором статьи была сделана попытка познакомить читателей с историей первых экспонатов Усть-Сысольского музея¹. Статья была хорошо принята, особенно в ней привлекало, и это отмечали многие, почти «детективная» находка костей мамонта на р. Дырнос близ Усть-Сысольска.

Но заняться этой темой – сбором сведений о поступлении костей мамонта и других вымерших млекопитающих, автор смог лишь в 2008–2010 гг., когда в фондах НМРК просмотрел книги поступлений за 1925–1953 гг. и акты поступлений за 1944–1963 гг.

В статье представлена информация о случайных находках костей доисторических животных на территории Коми, поступивших за период с 1911 по 1967 гг. в фонды Национального музея Республики Коми. С 1960-х гг. кости животных поступали в музей в результате планомерных археологических исследований, но это отдельная исследовательская тема.

Кто же и когда пожертвовал музею или продал (*было и такое*)², найденные кости? Все факты находок даются в хроническом порядке.

1911 г. «Пожертвована кость доисторического животного – лопатка мамонта М.С. Жеребцовым. Найдена [же эта кость была еще] в 1901 г. сапожником Ичетовым в р. Дырнос в 2-х верстах от г. Усть-Сысольска»³.

О «детективной» истории этой находки писал А.А. Цембер в газете «Югид туй» от 16 января 1923 г.: «Громадные кости... хранящиеся в музее, найдены в 4-х верстах от города Усть-Сысольска в р. Дырнос сапожником Ичетовым, который идя в лес за грибами и переходя р. Дырнос по бревешку (*точнее, по бревеньишку*) ударил в него топором, топор отскочил. Догадавшись в чем дело, сапожник стал извлекать пользу из своей находки. В Усть-Сысольске в большом количестве появились в продаже изделия из «слоновой кости» – как говорили тогда: гребешки, трубки, крестики и т.д. Долго не могли узнать – откуда они берутся. Наконец, полиция пронюхала, что вышеуказанный сапожник занимается этим ремеслом, кости отобрали и передали в музей, но уже порядочно испорченные»⁴.

Эти слова Цембера подтверждает текст замечания к находке в книге описи областного музея за 1925 г.: «полуистлевшее [поступило] – лопатка мамонта, более сохранившиеся были отобраны в Полицейское управление»⁵. Значит, дырносский сбор сапожника Ичетовова 1901 года в 1911 г. был разделен на две части и худшая часть передана в музей.

Следим дальше за судьбой этой находки. 1912 г. – бедренная, большая берцовая и позвоночные кости мамонта «доставлены Усть-Сысольским Полицейским управлением». Кажется все ясно, но любопытна история поступления последней кости. «Позвоночные кости мамонта найдены в Дырносе в 3-х верстах от г. Усть-Сысольска 1900–1901 гг. Ичетовым, у него были отобраны Усть-Сысольским Полицейским управлением, где пролежали около 10 лет. Помещены были в музей [местный Архангельского Общества изучения Русского Севера Цембером в 1912 году]»⁶. Значит, только благодаря усилиям А.А. Цембера, обе части ичетововской находки оказались в музее.

1911 г. Пожертвован техником Першиным в музей Усть-Сысольского отделения АОИРС «окаменелый зуб доисторического животного» – зуб мамонта, [который был] найден при изыскании Роздинской дороги в дер. Кузь-Слуда-Бож Помоздинской волости 20 июня»⁷.

1912 г. «Бедровая кость мамонта, полуистлевшая, найдена около с. Усть-Нем, откуда доставлена в январе [в г. Усть-Сысольск] и пожертвована членом АОИРС В.И. Потоплицыным [музею]»⁸.

1921 г. Лобная часть мускусного овцебыка «найдена при рыбной ловле в р. Вычегде у с. Великополье (*Усть-Куломский район*) Маховым П.Г.»⁹.

1924 г. «Найдена часть бивня мамонта, около ручья Ноірімі шор в с. Гам жителем с. Айкино Калимовым В.И. и доставлена в музей 10 сентября»¹⁰.

1924 г. «11 сентября жителем с. Ирты Яренского района Северо-Двинского округа Рыбиным Е.П. доставлен в музей череп доисторического животного – волосатого носорога»¹¹.

¹ Паршуков В. Ф. Первые экспонаты. Музеи и краеведение // Труды НМРК. Вып. 1. Сыктывкар, 1997. С. 56-59.

² Далее по тексту курсивом выделены уточнения автора.

³ Книга описи обл. музея в г. Усть-Сысольске № 1, 1925, с. 3.

⁴ Цембер А.А. Еще о музее // «Югид туй». 16 января 1923.

⁵ Книга описи обл. музея в г. Усть-Сысольске № 1, 1925, с. 3.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 2.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Книга поступлений Республ. Музея № 3, 1940–1943 гг., л.л. 52 об., 53.

¹⁰ Книга описи обл. музея в г. Усть-Сысольске № 1, 1925, с. 212.

¹¹ Там же.

- 1924 г. «Доставлены 20 октября гражданином с. Усть-Вымь Тарабукиным П.А. кости мамонта – часть челюсти и кусок позвонка в музей за 15 рублей»¹.
- 1928 г. «Зуб мамонта средней сохранности доставлен воспитанником Кылтвовского детгородка (*Княжпогостский район*) Габовым 6 июня»².
- 1930 г. «В верстах двух от города [Сыктывкара] по Вильгортской дороге в месте Лячман Поповым А. найдена кость трубчатая овцебыка»³.
- 1931 г. «На берегу р. Тобысь на Ухтинском тракте найдена часть бивня мамонта»⁴.
- 1932 г. «В селе Важкурья (*Корткеросский район*) на берегу р. Вычегды около паровой пристани 6 июля найдена часть кости мамонта Махотевым А.А.»⁵.
- 1937 г. «На берегу р. Колява в районе починка Косчурк жителем с. Ижма Семяшкиным С.Г. найден был зуб мамонта с остатками корней и в мае 1951 г. передан им в музей за 50 рублей»⁶.
- 1938 г. «Около Дырносского кирпичного завода (*завод и населенный пункт того же названия располагаются на территории современного г. Сыктывкара*) найдена верхняя часть черепа носорога»⁷.
- 1939 г. «Найдена в обрыве – на правом берегу (по течению р. Выми) речки Кутла-Шор часть бивня мамонта жителем деревни Быко-Иб (*точнее, Быков-Ыб Усть-Вымского района*) Быковым А.В., в музей же передал в июне 1949 г.»⁸.
- 1939 г. «В полутора километрах от селения Бызовая на левом берегу р. Печоры найдена челюсть с зубом мамонта»⁹.
- 1939 г. «Найдена в Тобысьском карьере при строительстве железной дороги Княжпогост–Чибью часть бивня и два с половинкой зуба мамонта»¹⁰.
- 1940 г. «20 мая в песчаном карьере в 3 км от пос. Ветлосян (*ныне он в черте г. Ухта*) на месте работ экскаватора № 130 на глубине 6–7 м механиком-машинистом Хохловым найдена бедренная кость мамонта, которая передана в музей инженером Управления Севжелдорстроя Берзоном А.Ф. в ноябре 1946 г.»¹¹.
- 1941 г. В р. Тобысь около Чибью найдена большая берцовая и бедренная кости, шейный и поясничный позвонки мамонта»¹².
- 1945 г. В с. Куниб (*Сысольский район*) гражданка Старцева А.А. в огороде на глубине полметра нашла зуб мамонта 14 мая и 30 июня передала его в музей»¹³.
- 1948 г. «12 июня под дер. Прошкино Прокопьевского сельсовета (*Прилузский район*) в русле р. Летка в период прохождения молевой хвостовой караванки рабочие Летского леспромхоза – повар Еременко и формовщик Попов М.Т. обнаружили странную кость необычного размера – тазовую кость мамонта (правую половину); передал ее в музей работник того же леспромхоза Никулин Т.М. 6 июля»¹⁴.
- 1949 г. «Найдена 5 мая в обрыве, на правом берегу речки Кутла-Шор, земля там – песок с гравием, жителем дер. Быков-Иб Ибского сельсовета Быковым А.И., бедренная кость мамонта и в июне передана в дар музею»¹⁵.
- 1949 г. «Найдены в июне месяце зуб мамонта на левом берегу р. Выми в районе оползня под дер. Жигановка (*Княжпогостский район*) Шлоповым А.К., который в мае 1950 г. передал его в дар сотруднику музея Казакову В.Н., бывшему там в командировке»¹⁶.
- 1950 г. «В мае в районе оползня обрывистого берега р. Сысолы под Сыктывкарком возле складов «Маслопрома» (*сейчас это берег р. Сысолы под гостиницей «Югдвр»*) при разгрузке судна рабочим Сыктывкарского кожзавода Коньшевым Ю.А. у самой кромки воды были обнаружены два зуба мамонта светло-коричневого цвета и переданы в музей»¹⁷.
- 1950 г. «26 июня найден при рытье траншеи на строительстве электростанции в пос. Железнодорожном (*Княжпогостский район*) на глубине полтора метра бивень мамонта конической формы, серого цвета, передан в музей сотрудником стройкома СЖДС Селивановым А.Н.»¹⁸.

¹ Там же. С. 213.

² Книга поступлений обл. музея в Усть-Сысольске № 2, 1926–1930 гг., с. 82.

³ Книга поступлений обл. музея в Усть-Сысольске № 3, 1929–1939 гг., л. 43 об., 44.

⁴ Книга поступлений РКМ (Республиканского краеведческого музея) № 3, 1940–1943, л.л. 51 об., 52.

⁵ Книга поступлений обл. музея в Усть-Сысольске № 3, 1929–1939 гг., л. 96 об., 97.

⁶ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1951 г. л.л. 17, 18.

⁷ Книга поступлений РКМ № 3, 1940–1943, л.л. 50 об., 51.

⁸ Книга поступлений РКМ № 7, 1948–1950, л.л. 181 об., 182, 183.

⁹ Книга поступлений РКМ № 3, 1940–1943, л.л. 51 об., 52.

¹⁰ Там же.

¹¹ Книга поступлений РКМ № 5, 1945–1947, л.л. 23 об., 24.

¹² Книга поступлений РКМ № 3, 1940–1943, л.л. 51 об., 52.

¹³ Книга поступлений РКМ № 4, 1943–1945, л.л. 94 об., 95.

¹⁴ Книга поступлений РКМ № 7, 1948–1950, л.л. 12 об. 13; Акты принятия экспонатов РКМ за 1948 г., л.л. 25, 26, 27, 28.

¹⁵ Книга поступлений РКМ № 7, 1948–1950, л.л. 182 об. 183.

¹⁶ Книга поступлений РКМ № 8, 1950–1953, л.л. 1 об., 2; Акты принятия экспонатов РКМ за 1950 г., л.л. 1 об., 2.

¹⁷ Книга поступлений РКМ № 7, 1948–1950, л.л. 222 об., 223; Акты принятия экспонатов РКМ за 1950 г., л. 17.

¹⁸ Книга поступлений РКМ № 8, 1950–1953, л.л. 13 об., 14.

1950 г. «17 августа в местечке «Новая избушка» в 12 км от дер. Гольгана (*Печорский район*) на правом берегу р. Сыня на поверхности земли найдена часть бивня мамонта Бибиковым А.И., 1 февраля 1951 г., продана им за 25 рублей музею»¹.

1951 г. «В июне месяце во время рыбалки на р. Пижма, в воде, в 3 метрах от берега и в 3 км от дер. Чуркинская (*Усть-Цилемский район*) была обнаружена [жителем той же деревни] Осташевым А.И. средняя часть клыка мамонта, которую он и выслал в музей в марте 1954 г. почтой, оценив ее в 100 рублей»².

1953 г. «Летом на берегу р. Пижма школьниками-туристами найдены часть зуба и часть голени мамонта, которые были потом переданы в музей секретарем Усть-Цилемского РК ВЛКСМ Чупровом Н. 27 января 1956 г.»³.

1953 г. «Был выловлен жителем дер. Латьюга (*Удорский район*) Букиным И.С. в августе рыболовной сетью со дна р. Мезень, в 2 км от деревни бивень мамонта, состоявший из двух кусков; передал в музей н. сотрудник КФАН СССР Дедов А.Ф.»⁴.

1954 г. «В береговом гравийном карьере у р. Дырнос – 200 метров выше моста по дороге на Нижний-Чов (*ныне находится на территории современного Сыктывкара*), позвоночную часть мамонта нашел сыктывкарец Попов А.Ф. 6 июля»⁵.

1954 г. «В Сыктывкаре в местечке «Красная гора» в песчаном карьере [на месте бывшего останца террасы] глубиной 6-7 метров 6 ноября был найден зуб шерстистого носорога рабочими строительства Сыктывкарского ремонтно-механического завода комбината «Комилес», принес прораб Машкин А.И.»⁶.

1955 г. «В 136 квартале, на р. Кылтовке на перекате от сортоучастка Сордьель (*Княжпогостский район*), ниже по течению полтора километра, на берегу в сосновом бору 28 июля найдена часть клыка мамонта охотником – любителем, жителем дер. Ероздинской с. Иб Шуктомовым С.В., доставил же в музей [находку] по его поручению житель г. Сыктывкара Цивунин А.А. 24 августа»⁷.

1955 г. «На реке Нонбур (*в тексте – Номбур*) притоке р. Цильмы жителем дер. Нонбур (*Усть-Цилемский район*) Чупровым Д.В. найден зуб мамонта, передан в музей 7 августа 1956 г.»⁸.

1956 г. «Летом на песчаной отмели местечка «Кирпичное», что на левом берегу р. Вуктыл, примерно в двух с половиной километрах от устья р. Печоры, жителем с. Подчерье Карповым А.Я. найдена большая берцовая кость мамонта и 17 июня 1958 г. сдана в музей»⁹.

1957 г. В двух километрах от центра с. Деревянск (*Усть-Куломский район*) на дне ручья Никон ёль на глубине 3,5 м. от поверхности земли, в овраге колхозником Поповым В.П. найдена лобовая часть черепа мамонта с основанием бивня, передана в музей 31 августа»¹⁰.

1958 г. «На берегу р. Сэбось, в 27 километров от с. Ижма, пять лет тому назад [жителем села] Ануфриевым Л.П. была найдена большая берцовая кость мамонта, им же и была передана 25 февраля 1958 г. в музей»¹¹.

1958 г. «В мае месяце в половодье возле речки Кылтовка, недалеко от поселка-базы Кылтовского лес-промхоза (*Княжпогостский район*) найден зуб мамонта учащимся начальной школы, которые 15 июня вместе с заведующим школой Каракчивым С.П. и передали его в музей»¹².

1958 г. «В августе месяце на берегу р. Вычегды около пристани под дер. Дандор (*Сыктывдинский район*) учащимся средней школы с. Палевицы Размасловым И.В. был найден зуб мамонта и передан в музей в июне 1959 г.»¹³.

1958 г. «9 сентября послан в музей зуб мамонта, который был найден в августе месяце на р. Осиновка в 74 квартале жителем дер. Ула Верхолузского сельсовета (*Прилузский район*) Бобровым М.Т.»¹⁴.

1959 г. «В июне месяце на берегу р. Вычегды под дер. Гавриловка с. Палевицы (*Сыктывдинский район*) жителем этой деревни Осиповым В.М. был найден позвонок мамонта и в декабре передан в музей»¹⁵.

1959 г. «В июне месяце на р. Нонбур – притоке р. Цильмы – в двух километрах от устья, на ее правом берегу жителем дер. Нонбур (*в тексте – Номбур*) Чупровым Д.В. найдена часть коренного зуба мамонта, в музей же передан им в октябре»¹⁶, (*в 1955 г. в том же месте им был найден зуб мамонта, также передан в музей*)

¹ Книга поступлений РКМ № 8, 1950–1953, л.л. 18 об., 19; Акты принятия экспонатов в РКМ за 1951 г., л. 2.

² Акты принятия экспонатов в РКМ за 1954 г., л.л. 36, 37, 38.

³ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1956 г., л. 5.

⁴ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1953 г., л.л. 75, 76.

⁵ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1954 г., л. 69.

⁶ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1954 г., л.л. 93, 94.

⁷ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1955 г., л.л. 67, 68.

⁸ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1956 г., л.л. 102, 103.

⁹ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1958 г., л.л. 139, 140.

¹⁰ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1957–1958 гг., л. 164.

¹¹ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1958 г., л.л. 16, 17.

¹² Акты принятия экспонатов в РКМ за 1958 г., л. 133.

¹³ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1959 г., л. 122.

¹⁴ Книга поступлений в РКМ за 1958 г., л.л. 172, 173.

¹⁵ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1959 г., л.л. 209, 211, 212.

¹⁶ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1959 г., л.л. 191, 192.

1961 г. «Бедренная кость мамонта обнаружена мастером Коквицкого лесопункта Омельченко А.А. при разработке карьера, когда экскаватор углубился в землю на глубину до 3 метров. Карьер находился в 17 км от пос. Студенец (*Усть-Вымский район*) по центральной лесовозной дороге на левой стороне, не доезжая р. Сильман километра полтора. Передал же находку ст. лаборант КФАН СССР Митюшев Ф.Д. 1 ноября»¹.

1963 г. «В дер. Кочпон (*входит в состав г. Сыктывкара*) у полотна железной дороги в песке был найден зуб мамонта 2 октября кочегаром Сыктывкарского хлебокомбината Осокиным В.М. и передан в музей 7 октября»².

1965 г. « В мае на правом берегу р. Елвы – притока р. Выми, в 49 км от устья, найден бивень мамонта техноруком Мещерского лесопункта (*Княжпогостский район*) Копыловым Ф.И. Бивень залегал у воды в песчаном грунте у высокого – до 15 метров – берега, в музей был передан в августе 1966 г.»³.

1967 г. «В октябре найден на левой стороне р. Вымь – в 30 км от реки – зуб мамонта весом 1200 г. любителем–краеведом Злобиным И.М., жителем дер. Кошки с. Серогово и передан в музей»⁴.

Изучив книги и акты поступлений в фонды музея за 1912–1967 гг. мы можем сделать следующие выводы. Находки костей древних животных: мамонта, волосатого носорога, мускусного овцебыка были сделаны на территории 12 районов и двух городов республики – Сыктывкаре и Ухте. Больше всего находок было сделано в черте современного Сыктывкара в местечках: Дырнос, Кочпан, Красная гора, Нижний Чов и по берегу р. Сысола под городом, а также в Ухтинском и Княжпогостском районах. Основное количество находок – кости мамонта. Это: зубы, клыки, лобовая часть черепа, бивни, бедренные, большие берцовые кости, шейные позвонки, тазовые кости. Определить, являются ли эти кости результатом охоты древних жителей края, или животные погибли естественной смертью – эта задача, вероятно, будет решена следующими поколениями ученых.

И.А. Пасынкова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Создание демонстрационных образовательных программ как способ представления коллекций Национального музея РК

Для Национального музея РК, так же, как и для многих музеев России, характерна проблема доступа посетителей к музейным фондам. Традиционные формы доступа к музейным коллекциям, основанные на реальном посещении экспозиций музея, эту проблему не решают. Существует ряд факторов, ограничивающих возможность ознакомления с той или иной музейной коллекцией. Так, в связи с недостаточностью экспозиционных площадей на экспозиции или выставке обычно представляется лишь часть какой-либо коллекции. Некоторые музейные предметы так и не становятся экспонатами из-за их плохой сохранности; со многими коллекциями из-за закрытости фондохранилищ могут познакомиться лишь сотрудники музеев или специалисты; музейные коллекции физически удалены от мест проживания значительной части населения и т.д.

Перед традиционными формами доступа к музейным коллекциям ряд преимуществ имеет представление их с помощью мультимедийных технологий. Во-первых, мультимедийная демонстрация коллекций не зависит от размера экспозиционных площадей и может также существовать вне экспозиции. Во-вторых, не играет роли степень сохранности предметов, а так как коллекции представляются в цифровом формате, обеспечивается сохранность самих музейных предметов. Практически неограничен и объем представляемых коллекций.

С 2007 г. Национальный музей РК осуществил ряд проектов, связанных с созданием мультимедийных демонстрационных образовательных программ⁵. Каждая из этих программ создана на основе коллекций музея. Так, программа «Паськѳм (Коми народный костюм)» представляет этнографическую коллекцию, «Св. Стефан Пермский. Путь через века» – коллекции икон, старопечатных книг, церковной утвари; «В.А. Савин. Наследие», «И.А. Куратов. Судьба. Поэзия. Наследие» и «Эжва йывса колип» (Певец родного края) – мемориальные, фото и документальные коллекции коми писателей.

При создании этих программ использован принцип визуализации – в каждой из программ помещено от 300 до 500 изображений, сделанных с высоким разрешением, имеется и возможность их увеличения.

Обратимся к конкретным демонстрационным образовательным программам и наглядно продемонстрируем их возможности по представлению музейных коллекций.

Содержание демонстрационной образовательной программы «Паськѳм» (Коми народный костюм) позволяет узнать об основных типах и видах народной одежды коми конца XIX – начала XX вв., увидеть подлинные вещи, рассмотреть наиболее интересные детали.

У пользователя есть возможность познакомиться с мужским и женским костюмами различных этнографических групп коми, сфотографированных с четырех сторон, затем рассмотреть составные части этих костюмов, например, рубаху и штаны или рубаху, сарафан, фартук и т.д.

¹ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1961 г., л.л. 92, 93, 94.

² Акты принятия экспонатов в РКМ за 1963 г., л. 107.

³ Акты принятия экспонатов в РКМ за июнь–декабрь 1966 г., л. 72.

⁴ Акты принятия экспонатов в РКМ за 1967 г., л. 31.

⁵ «Паськѳм» (Коми народный костюм), 2007 г.; «Св. Стефан Пермский. Путь через века», 2007 г.; «В.А. Савин. Наследие», 2008 г.; «И.А. Куратов. Судьба. Поэзия. Наследие», 2009 г.; «Эжва йывса колип» (Певец родного края), 2010 г.

Женские костюмы также демонстрируются и на моделях, в роли которых выступили сотрудники музея. Использование этого приема дает возможность современному человеку узнать, каким образом носился тот или иной головной убор, как повязывался пояс и т.д. Программа позволяет «приблизить» фрагменты вязания, вышивки, бранного ткачества. Немаловажно и то, что существует возможность самостоятельно выбирать очередность просмотра, возвращаться к той или иной заинтересовавшей теме.

CD-ROM «Св. Стефан Пермский. Путь через века», созданный в рамках проекта «По пути Стефана Пермского»¹, наряду с памятниками из собрания Национального музея РК представляет материалы из фондов российских музеев, храмов и монастырей Сыктывкарской и Воркутинской епархии. Программа позволяет узнать не только о миссионерском пути «зырянского апостола», но и об основных событиях российской истории.

Ряд демонстрационных образовательных программ: «В.А. Савин. Наследие», «И.А. Куратов. Судьба. Поэзия. Наследие», «Эжва йывса колип» В. Чисталева (Певец родного края) был создан с целью представления в новой экспозиции Литературного музея И.А. Куратова. Их несомненным преимуществом является то, что пользователь, знакомясь с разделами программ, может найти интересующую его информацию, обращаясь непосредственно к тексту документа или к фотографии, не представленной на экспозиции.

Структура каждого из этих дисков имеет свою логическую обусловленность, однако во все программы вошли разделы о жизненном пути писателей, их литературном наследии, сохранении памяти. Каждая из программ имеет свою особенность. Так, в диск «И.А. Куратов. Судьба. Поэзия. Наследие» включен каталог памятников из фондов Национального музея РК, в программу «В.А. Савин. Наследие» – раздел «Хронограф», в котором прослеживаются параллели в истории страны, региона, судьбе поэта. Особую ценность программе «Эжва йывса колип» (Певец родного края), посвященного талантливому поэту-лирику, основоположнику коми психологической прозы Вениамину Тимофеевичу Чисталеву (Тима Вень) придает включение в содержание видеоматериалов с воспоминаниями младшей дочери писателя А.В. Игнатовой.

Все представленные в программах музейные предметы обозначены по принципу составления этикетажки, каждый раздел сопровождается пояснительным текстом. А материалы разделов «Библиотека» и «Библиография», существующих в каждой из программ, могут с успехом использоваться как обычным пользователем, так и профессионалами для изучения конкретной темы.

Хотелось бы обратить внимание на дизайн некоторых из программ. Так, меню CD-ROMа «В.А. Савин. Наследие» выполнено как условный интерьер кабинета исследователя жизни и творчества писателя, программы «Эжва йывса колип» – через воссоздание рабочего уголка в доме писателя В.Т. Чисталева (Тима Вень).

Немаловажным, на наш взгляд, являются способы подачи материала: просмотр документов или фотографий в ряде программ («В.А. Савин. Наследие», «Паськõм») осуществляется путем их перемещения; в виде картотеки выполнен раздел «Персоналии» CD ROMа «В.А. Савин. Наследие»; просмотр фотографий в разделе «Фотоальбом» диска «И.А. Куратов. Судьба. Поэзия. Наследие» происходит путем перелистывания страниц фотоальбома и т.д.

Практически во всех программах присутствует звуковое оформление: шум дождя («Эжва йывса колип»), звук идущих часов («В.А. Савин. Наследие»), звон колокола и церковное песнопение («Св. Стефан Пермский. Путь через века»), музыка 1930-х гг. («В.А. Савин. Наследие») и аутентичная музыка («Паськõм»).

Созданные к 100-летию музея DVD-ROM «Сыктывкар. 100 фотографий старого города» и CD-ROM «100 раритетов Национального музея Республики Коми» достаточно просты по техническому исполнению. Представленные на диске «Сыктывкар...» уникальные фотографии Усть-Сысольска – Сыктывкара позволяют не только проследить изменение облика города с начала XX века до 1950-х гг., но и окунуться в его историю. Благодаря созданию CD «100 раритетов Национального музея Республики Коми», жители и гости республики могут познакомиться с музейными предметами, которые хранятся в фондах Национального музея. Информация в диске представлена на русском и английском языках.

Работа сотрудников музея по созданию демонстрационных образовательных программ была высоко оценена Правительством Республики Коми. За создание CD-ROMа «В.А. Савин. Наследие» в 2009 г. авторский коллектив был удостоен государственной премии Правительства Республики Коми в области культуры.

Созданные демонстрационные образовательные программы наглядно демонстрируют современный способ подачи значительного объема информации посредством информационных технологий. Мы убеждены, что их создание является перспективным направлением деятельности музея, поскольку позволяет открыть доступ к культурному наследию республики для неограниченной аудитории.

С.М. Пешкина

Национальный музей Республики Коми

Проект «Земля заповедная»: реалии и перспективы

В мае 2010 года исполнилось 80 лет со дня образования государственного природного биосферного Печоро-Ильчского заповедника, который является уникальным объектом природного наследия Республики Коми.

Созданный в 1930 г., заповедник получил в 1985 г. статус международного биосферного резервата, а в 1995 г. стал составной частью территории Всемирного Наследия ЮНЕСКО под названием «Девственные леса

¹ Проект «По пути Стефана Пермского» в 2006 г. получил поддержку Фонда М. Потанина.

Коми». В заповеднике сохраняется один из последних в Европе крупных массивов коренных лесов, избежавших вмешательства человека. Девственная тайга покрывает 86% охраняемой площади.

Заповедник имеет важнейшее значение для сохранения биологического разнообразия Европейского Северо-Востока. Здесь отмечено более 80% видов позвоночных животных и более 60% видов растений выявленных в регионе.

Заповедные экосистемы служат ключевыми местообитаниями для многих редких, эндемичных и реликтовых растений и животных, внесенных в региональную, федеральную и международные Красные книги.

Велика роль заповедника в сохранении и увеличении численности популяции диких животных, прежде всего наиболее ценных охотничье-промысловых видов: соболя, бобра, лося, глухаря. Верховья заповедных рек имеют важное значение для воспроизводства печорского стада семги.

В заповеднике находится целый ряд оригинальных природных объектов геологических, археологических и палеонтологических памятников. Это скальные обнажения по берегам рек; живописные останцы на вершинах горных хребтов; карстовые пещеры, в которых обнаружены стоянки палеолитического человека, святилища, жертвенные места древнего и средневекового человека.

К юбилейной дате Печоро-Ильчского государственного природного биосферного заповедника в Национальном музее Республики Коми реализуется проект «Земля Заповедная».

Проект включает в себя строительство четырех выставок: первая «Край вечного очарования» (май-июнь 2010 г.); вторая – «Насекомые» (август-сентябрь 2010 г.); третья – «Птичье семейство» (апрель 2011 г.); четвертая – «Краснокнижные растения и животные» (сентябрь-декабрь 2011 г.).

Выставки разносторонне показывают уникальность заповедника и его роль в сохранении первозданной природы севера Европы. Целью выставок – познакомить широкий круг посетителей Национального музея Республики Коми с Печоро-Ильчским заповедником.

Первая выставка «Край вечного очарования» состояла из трех разделов.

Раздел 1. Печоро-Ильчский заповедник – местоположение и история создания.

Печоро-Ильчский государственный природный биосферный заповедник – один из старейших заповедных территорий в России. Самый крупный в Европе и единственный из такого рода форм особо охраняемых природных территорий в республике Коми. Заповедник учрежден Постановлением СНК РСФСР от 4 мая 1930 г. Он расположен на юго-востоке Республики Коми, в подзонах средней и северной тайги, в районе соприкосновения арктической и умеренной климатических зон. Его территория охватывает часть западного склона Северного Урала и прилегающей Печорской низменности в пределах междуречья, образованного верховьями реки Печоры и ее крупным правобережным притоком – Ильчем. Первоначальная территория заповедника в естественных границах Печоро-Ильчского междуречья имела площадь 1134,6 тыс. га и в таком виде сохранялась в течение первых двух десятилетий. В результате первой реорганизации отечественной заповедной сети в 1951 г. заповедник был разделен на два участка, а его площадь сократилась до 93 тыс. га. Была изъята почти вся равнинная часть и весь горный район. В 1959 г. по инициативе научной общественности и Правительства Коми АССР, заповедник был расширен до современных размеров, однако, в связи с вырубкой значительной части равнинного междуречья, деление на два участка было сохранено. В настоящее время общая площадь заповедной территории в современных границах составляет 721,3 тыс. га¹.

Уникальность заповедника в том, что находится он на границе Европы и Азии, поэтому специфической особенностью флоры и фауны является присутствие большой доли сибирских видов наряду с европейскими. Разнообразие ландшафтов: от равнинной тайги до горных цепей, истоки рек, принадлежавших Печорскому бассейну; но главное, это почти не нарушенные человеком девственные леса, сохранившиеся до нашего времени. Все это делает заповедник неповторимым уголком Северного Урала.

Заповедник относится к объектам общенационального достояния. Его земли, воды, недра, воздушное пространство, растительный и животный мир, полностью изъяты из хозяйственного пользования. В 1985 г. заповедник включен в международную сеть биосферных резерватов, представляющих основные природные экосистемы мира. В 1995 г. Печоро-Ильчский заповедник, с охранной и буферной зонами, стал первым природным заповедником России, внесенным в Список Всемирного природного и культурного наследия. Согласно заявлению Межправительственного комитета ЮНЕСКО все объекты культуры и природы, объединенные в общемировой список такого наследия, представляют собой бесценное достояние всего человечества.

Раздел 2. Природные памятники заповедника.

На заповедной территории находится целый ряд удивительных геологических, археологических и палеонтологических памятников.

В юго-восточной части заповедника возвышается узкий хребет с крутыми каменистыми склонами и плавными перевалами: Маньпупунер – так когда-то нарекли его оленеводы-вогулы (манси). В переводе означает Малая Гора Идолов. На северной оконечности хребта расположились семь гигантских каменных столбов. Шесть из них выстроились в ряд, а один, самый большой, стоит несколько в стороне. Все останцы сложены трудно разрушаемыми серицитом-кварцитовыми сланцами, поверхность которых испещрена множеством глубоких почти горизонтальных и менее выраженных вертикальных трещин. Высота их колеблется от 22,5 до 50 метров.

¹ Нейфельд Н. Печоро-Ильчский заповедник. Сыктывкар, 2001. С. 2.

У коренных жителей Предуралья и Зауралья известны разные легенды о происхождении этих оригинальных каменных скульптур. Одна из них, мансийская, приведена в увлекательной книге В.А. Варсанюфьевой «Жизнь гор» (1948): «Воголы, кочующие здесь со своими стадами северных оленей, рассказывают, что эти каменные столбы были некогда семью великанами-самоедами, которые шли через горы в Сибирь, чтобы уничтожить вогульский народ. Но когда они поднялись на вершину, называемую Маньпупунер, их вожак-шаман увидел перед собой Ялпингнер, священную вогульскую гору. В ужасе он бросил барабан, который упал на вершину, поднимающуюся южнее Маньпупунера и называемую теперь Койпом, что означает по-вогульски «барабан». И шаман и все его спутники окаменели от страха»¹.

Очень живописны скальные обнажения по берегам Илыча. Это Исперед-ю, Лёк-из, Татарская мечеть, Эбел-из. Эти образцы рельефа являются памятниками морей, расстилавшихся на месте Урала более 300 миллионов лет назад. Большой интерес представляют археологические и палеонтологические памятники, найденные на территории верхнего течения Печоры и ее притоков, а также жертвенные места вогулов (манси). Например, небольшая пещера на реке Печора – Канин нос и Большая Канинская пещера по р. Унья использовались как святилища с каменного по бронзовый века. Также известна Медвежья пещера – самая крупная на Северном Урале. Общая длина ее ходов, доступных для осмотра – 480м. В отложениях Медвежьей пещеры найдены наиболее крупное месторождение позднечетвертичных позвоночных и стоянка древнего человека. Возвышенность на реке Печора Манские Болваны – священное место поклонения деревянным идолам, которые там стояли².

Раздел 3. Лаборатория природы.

Функционирование Печоро-Ильчского заповедника как природоохранной и научно-исследовательской организации началось в 1934 г. Кроме охраны заповедной территории, одной из задач, возложенной на заповедник является изучение процессов, протекающих в природном комплексе – мониторинг природной среды, а также изучение биоразнообразия в сообществах, находящихся на территории заповедника. История научных исследований в заповеднике связана с именами таких ученых как В.А. Варсанюфьева, Л.Б. Ланина, Е.Н. и В.П. Тепловы, П.Б. Юргенсон, Е.П. Кнорре и др. Их работы приобретают все большую ценность, так как лежат в основе многолетних исследований, анализ которых позволяет ныне работающим специалистам глубже понять динамику разных звеньев единого природного комплекса и масштабы фиксируемых изменений. В разных уголках заповедника организованы научные стационары, на которых его сотрудники ведут долговременные исследования.

Широко известны исследования ученых заповедника по проблеме одомашнивания дикого лося. В 1949 г. при Печоро-Ильчском заповеднике была создана опытная ферма по разведению лося. Именно здесь были начаты работы по изучению, технологии содержания и разведению лосей. В результате длительных наблюдений за животными на протяжении всего жизненного цикла были получены уникальные данные по продолжительности жизни и репродуктивного периода, динамике плодовитости, молочной и мясной продуктивности вида, которые невозможно получить в дикой природе.

Также в заповеднике проводились мероприятия по восстановлению мест обитания (реаклиматизация) уничтоженного здесь еще в девятнадцатом веке бобра. Впервые выпуск бобров, привезенных из Воронежского заповедника состоялся на р. Большой Шижим в 1938 г., второй выпуск на р. Кедровка в 1940 г. В 1951–1973 гг. на территории заповедника отловлено 118 бобров и выпущено в различные районы Коми АССР. В результате восстановительных работ звери прижились в бассейнах рек Печора, Вычегда, Сысола, Мезень, Луза и Летка. В настоящее время ресурсы бобра в республике оцениваются в 8-8,5 тыс. особей.

Последующие три фотовыставки: «Насекомые Печоро-Ильчского заповедника», «Птичье семейство», «Краснокнижные растения и животные».

Фотовыставка «Насекомые Печоро-Ильчского заповедника» представляет мир насекомых заповедника, который насчитывает не одну тысячу видов. К сожалению, энтомофауна здесь исследована еще недостаточно. Однако, значение их в природе велико и разнообразно. Поэтому на выставке широкий круг посетителей смогли познакомиться с представителями многочисленного класса насекомых из отряда чешуекрылых, жесткокрылых и перепончатокрылых.

Выставка «Птичье семейство» была приурочена ко дню птиц, который празднуется 1 апреля. Современная орнитофауна заповедника носит ярко выраженный гетерогенный характер. Основу ее составляют виды европейского и сибирского происхождения. В заповеднике встречается ряд видов птиц, которые в Европу проникают только по западным склонам Урала. В то же время высока доля широко распространенных видов, заметно участие птиц арктического фаунистического комплекса. Хорошо изученная за прошедшие десятилетия, орнитофауна заповедника до сих пор пополняется новыми находками – к последним можно отнести, например, залет американской связи³.

Птицы среди наземных позвоночных Печоро-Ильчского заповедника особенно многочисленны (246 видов, что составляет 83% орнитофауны европейского северо-востока). К числу гнездящихся относится около 170 видов. На территории заповедника обитают самые крупные на гнездовые группировки хищных птиц, вне-

² Фотоальбом Печоро-Ильчский заповедник каменные символы Северного Урала. Сыктывкар, 2005. С. 8.

² Юхтанов П.П. Геологическое наследие Республики Коми (Россия). Сыктывкар, 2008. С. 289-329.

³ Земля девственных лесов / Под ред. В.М. Ануфриева. Сыктывкар, 2000.

сенных в федеральный список краснокнижных видов. Гнездятся здесь и признанные глобально редкими птицами – коростель и дупель.

Последняя выставка этого проекта, которая откроется в сентябре 2011 г., «Краснокнижные растения и животные». В особом внимании нуждаются те виды животных, растений и грибов, популяции которых по естественным причинам или из-за деятельности человека к настоящему моменту снижают свою численность и становятся менее распространенными. Со второй половины XX в. одним из важнейших механизмов, способствующих их сохранению, стало создание на международном, региональном и локальном уровнях Красных книг. В Республике Коми работа, направленная на сохранение редких видов ведется с 80-х гг. в прошлого столетия. На территории особо охраняемых природных территорий сохраняются популяции многих редких видов растительного и животного мира.

На выставках представлены фотографии более видов насекомых, птиц, растений и т.д., которые были предоставлены научными сотрудниками Печоро-Ильчского заповедника А.В. Бобрецовым и Н. Нейфельд.

Надо отметить, что на выставках проводились различные экологические мероприятия и экскурсии. Итогом реализации проекта станет передвижная выставка, которая будет создана на основе выставок. Надеемся, что она побывает в муниципальных музеях РК.

Заповедники организованы, чтобы сохранить природу в первозданном виде, поэтому далеко не каждый может побывать на таких территориях. Но все должны знать чем владеем. Поэтому появился этот проект. Заповедник нужен не только как эталон природы, как источник чистого воздуха и воды, но и как место, где рождаются и живут легенды. И такие места должны сохраниться на Земле.

Е.Н. Потолицына

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Опыт проектной деятельности НМРК по теме «Немцы в Коми (1930–1950-е гг.)»

До недавнего времени на фоне многих иных лакун в нашей истории, о судьбе советских немцев было известно немного. И, если в последнее десятилетие появилось достаточное количество статей и монографий, посвященных истории советских немцев, история немцев в Коми пока еще остается малоизученной. Изучение истории, культуры немцев в Республике Коми в годы репрессий, стало целью проекта «Немцы в Коми (1930–1950-е гг.)», участие в котором принял Национальный музей РК.

Началом проекта можно считать открытие в 2000 г. выставки «Немцы в Коми» (экспозиционер Э.В. Роттэ). Выставка была создана на основе немногочисленных материалов из фондов Национального музея РК и Национального архива РК.

На протяжении многих лет НМРК тесно сотрудничает с Немецкой национально-культурной автономией в Республике Коми (ННКА РК). Одним из видов совместной проектной деятельности является организация историко-краеведческих экспедиций по сбору материалов о судьбах репрессированных российских немцев, проживающих в разных районах РК. Организатором экспедиций является ННКА РК, разрабатывающая проекты совместно с молодежной организацией «Wir» (Мы) под руководством старшего научного сотрудника отдела истории НМРК Е.Н. Потолицыной. По всем совместно подготовленным проектам были получены гранты. Экспедиции 2004 и 2007 гг. профинансировала Некоммерческая организация «Брайтенарбайт», экспедицию 2006 г. – Министерство культуры и национальной политики РК.

Членами экспедиции в разные годы были студенты факультета иностранных языков КГПИ, СыктГУ, лицея при СГУ, учащиеся старших классов средних общеобразовательных школ сел Корткерос и Усть-Цильма, городов Ухта, Сосногорск и председатели немецких обществ в районах: Г.Р. Унгефуг (Корткерос), Т.Г. Шипелова (Усть-Цильма), Н.Т. Круг (Новый Бор), А.Д. Вокуева-Штоберт (Сосногорск). Экспедиция 2007 г. была межрегиональной – в ней участвовали представители Уральского региона. Научным руководителем всех экспедиций выезжала старший научный сотрудник отдела истории Е.Н. Потолицына.

Летом 2004 г. экспедиция проходила в Корткеросском районе, территория которого неслучайно стала объектом внимания участников экспедиции: здесь когда-то насчитывалось несколько лагерей и спецпоселков Локчимлага НКВД СССР. Здесь, в 1932 г. был основан один из первых лесных лагерей, сюда были привезены заключенные и спецпереселенцы со всех областей и республик СССР, в том числе большое количество людей немецкой национальности.

База экспедиции располагалась в п. Аджером (Пезмог), откуда ежедневно члены отряда отправлялись на машинах в населенные пункты района. Участники экспедиции побывали в 9 поселках района: Приозерный, Аджером, Усть-Локчим, Веселовка, Собино, Мордино, Намск, Сторожевск, Корткерос, посетили 21 семью российских немцев, подвергшихся необоснованным репрессиям в 1920–1950-е гг. В ходе экспедиции было собрано большое количество подлинных фотографий, уникальных предметов, которые были привезены российскими немцами из родных мест, или созданы на поселении в Коми: вышитый ковер, одеяло с вензелем, салфетки и скатерти, вышитые по немецким мотивам, деревянный сундук, а также колючая проволока, найденная на месте бывшего лагеря, документы и т.д. Все подлинные предметы переданы в фонды Национального музея РК, копии документов и фотографий переданы в Немецкую национально-культурную автономию.

В Усть-Цилемском районе РК проходила летняя экспедиция 2006 г. Здесь в 1943–1945 гг. в совхозах «Новый Бор», «Харьяга», «Медвежка» и др. находились «списанные» по состоянию здоровья из Воркутлага «мобилизованные» немцы, «окруженцы», каторжане-военнопленные.

Участники экспедиции побывали в 14 семьях, провели исследования в трех населенных пунктах: Новый Бор, Карпушовка, Усть-Цильма. Основными средствами передвижения в данной экспедиции были катера, и, в связи с небольшим финансированием этой экспедиции, не было возможности побывать в других селах и поселках, где проживают российские немцы. В Усть-Цилемском районе проводился сбор «устной истории»: записи на бумажном носителе и аудиозаписи, документов, фото- и видеоматериала. Из-за дальности расстояний вещественных материалов в данной экспедиции собрано не было.

Полевые исследования 2007 г. проходили в двух населенных пунктах Сосногорского района: Малая Пера, Усть-Ухта, в городах Сосногорск и Ухта, где на сегодняшний день также проживают российские немцы. Мы побывали в 20 семьях. В результате экспедиции сделано 350 снимков, 20 аудиозаписей, собраны вещественные материалы: 3 богослужебные книги конца XIX – начала XX вв., 15 предметов декоративно-прикладного искусства: подушка, кружева, коврики настенные, салфетки и др., 16 подлинных фотографии 1940–2000 гг., ксерокопии документов.

В ходе всех экспедиционных поездок велась фото- и видеосъемка приусадебных участков, убранства комнат, жилых домов российских немцев. Интересные документы, фотографии, награды, грамоты, с которыми опрашиваемые не захотели расстаться, были зафиксированы на фотопленку.

Записи воспоминаний велись по «Памятке по ведению записей репрессированных лиц по политическим мотивам», предоставленной Сыктывкарской общественной организацией «Мемориал». Во время анкетирования записывались старинные рецепты немецкой кухни, которые используются в приготовлении блюд и в настоящее время. В дни открытия выставок, подготовленных по результатам экспедиций, все желающие могли ознакомиться с этими рецептами и взять их в распечатанном варианте. Во время экспедиции 2007 г. участникам довелось отведать некоторые блюда: после сбора «устной истории», вещественных материалов, просмотра фотоальбомов семья Меркель из г. Ухты накрыла стол с разнообразными блюдами из немецкой кухни для членов экспедиции.

Во время экспедиции, каждый вечер ребята рассказывали друг другу о судьбах тех людей, у которых побывали, показывали собранный материал и делились, пусть небольшим, но опытом по сбору материала, ведения бесед, записей. Таким образом, каждый участник экспедиций практически знал о судьбах всех людей, которых они посетили.

В Немецкую национально-культурную автономию из разных концов России, стран ближнего и дальнего зарубежья часто приходят письма с просьбой найти какие-либо сведения о родственниках, которые в 1930–1950-е гг. были высланы в Коми и здесь нашли свой последний приют. Во время бесед с респондентами участники экспедиции интересовались судьбами людей, о которых шла речь в письмах. Например, в 2004 г. по просьбе М.Б. Рогачева, председателя общественной организацией «Мемориал», задавался вопрос о судьбе Якова Лоран, высланного в 1930-е гг. из Крыма сначала в Архангельскую область, затем в Коми АССР (запрос в «Мемориал» поступил от родственников из Германии).

В ходе экспедиции участники посещали места массовых захоронений репрессированных, участвовали в их благоустройстве. Так, в пос. Аджером Корткеросского района установили металлический памятный крест, покрасили крест на «2-м участке» близ Корткероса, в пос. Новый Бор Усть-Цилемского района убрали территорию возле памятника.

После завершения полевых исследований, на основе собранного и первично обработанного материала: расшифровки записей с аудиокассет и цифровых диктофонов, отбора фотоснимков для распечатки, аннотирования фотографий и т.д., к 28 августа – «Дню памяти и скорби российских немцев», по итогам каждой экспедиции готовились выставки, которые представлялись в Финно-угорском культурном центре.

В 2007 г. выставка «Родина, где ты?», подготовленная по итогам всех экспедиций, была открыта в отделе истории Национального музея РК в рамках международного фестиваля «Дни немецкой культуры в РК». Передвижной вариант выставки экспонировался во многих районах республики: Корткеросском, Сыктывдинском, Прилузском, Койгородском, Усть-Цилемском, пос. Красный Затон, городах Ухта, Сосногорск и других населенных пунктах.

Проект «Немцы в Коми (1930–1950-е гг.)» нельзя считать завершенным, эта работа требует продолжения, причем надо учитывать, что живых свидетелей трагической судьбы немцев остается все меньше и меньше.

Е.В. Прокуратова

Сыктывкарский государственный университет

Рукописи на коми языке в государственных и частных собраниях*

На современной территории Республики Коми в местах компактного проживания коми-зырян исторически сложилось несколько локальных центров духовной культуры, в которых сформировались самобытные письменные традиции – на территориях Средней и Верхней Печоры, Верхней Вычегды, в бассейнах р. Вашки

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-04-41403 а/С

(притоке р. Мезени) и р. Летки, (притоке р. Лузы)¹. Местные жители данных территорий, по большей части придерживаясь старообрядчества, сохранили традиционный уклад жизни, сберегая до нашего времени старинные старопечатные и рукописные книги, многие из которых стали образцами и источниками для их собственного творчества.

Несмотря на то, что старообрядчество получает распространение в районах с комиязычным населением, рукописи, создаваемые местными книжниками, как правило, выполнялись на церковно-славянском и русском языках. Между тем среди сборников коми крестьянских книжников в ряде случаев встречаются рукописи, выполненные на коми языке.

Большая часть книг на коми языке была обнаружена в составе рукописных коллекций Научной библиотеки СыктГУ (далее – НБ СыктГУ) – 11 рукописей (10 – в Вычегодском собрании, 1 – в собрании Текущих поступлений), в рукописном фонде Национального музея Республики Коми (далее – НМ РК) – 5 рукописей, в рукописном собрании Коми научного центра УрО РАН – 2 рукописи. Встречаются книги на коми языке и в составе частных собраний.

подавляющее большинство выявленных рукописных сборников с текстами на коми языке бытовала на территории Верхней Вычегды². В настоящее время значительная часть вычегодских рукописей, наименее изученных современными исследователями, представлена в Вычегодском собрании НБ СыктГУ³. Начало изучения рукописного наследия жителей Верхней Вычегды было положено в 1989 г. филологами СыктГУ в ходе археографической экспедиции в Усть-Куломский район Республики Коми, в результате которой было выявлено 2 рукописных сборника конца XVIII в. и XX в. Продолжением археографических разысканий стали поездки в с. Керчомье Усть-Куломского района в 2008 и 2010 гг. Выявленные рукописи, составляющие в настоящее время 32 единицы хранения, представлены в Вычегодском собрании НБ СыктГУ.

Основной массив рукописей вычегодских книжников создан в XX в., реже встречаются книги XIX в. Сборники по большей части написаны небрежным полууставом и подражанием письму кириллических книг. Отдельные рукописи написаны полууставом, подражающим поморскому. Среди книг XX в. можно встретить сборники, написанные гражданской скорописью, в ряде случаев выполненные шариковой ручкой.

Среди рукописей, созданных на Верхней Вычегде, нередко можно встретить школьные тетради, в которых наряду с текстами на русском языке встречаются коми тексты – молитвы, песнопения, жития, слова, поучения, апокрифические сочинения, духовные стихи. При этом нередко под одним переплетом объединяются тексты строго богослужебной направленности и сочинения с художественным началом – жития, апокрифы, духовные стихи.

В ряде случаев выявленные сборники представляют собой рукописи, в которых тексты написаны на двух языках – русском и коми. При этом нередко мы видим параллельное написание текстов на двух языках. Например, в одном из сборников богослужебной направленности (Вычегод. р. – 6) представлена молитва ангелу хранителю на русском языке («Песветлый ангел мой Господень...»; л. 1-2) параллельно с аналогичной молитвой на коми языке («Югдыс югьд ангел менам Господен...»; л. 2 об.-3 об.).

В других случаях использование русского языка наблюдаем лишь в названиях сочинений, входящих в состав рукописи. Так, один из сборников начала XX в. (НБ СыктГУ, Тек.р. – 17), выполненный почерком, подражающим полууставу, и гражданской скорописью, содержит жития святых, слово Ефрема Сирина о антихристе на коми языке. Примечательно, что названия текстов обозначены в сборнике на русском языке, сами же тексты написаны на коми языке. В рукописи читаем: «Жития святыхъ» (л. 1), «Слово о кончине мира и о антихристе и царствование его святого Ефрема Сирина» (л. 27 об.). Завершая текст, книжник пишет на русском языке – «Конец о жития святыхъ» (л. 27), «Конец, слава Богу» (л. 34). В рукописном сборнике из частного собрания жителя Верхней Вычегды, написанном в середине XX в. на листах из школьной тетради, мы обнаружили апокриф «Хождение Богородицы по мукам» на коми языке, известный в русской рукописной традиции. В рукописном сборнике заголовок текста с указанием на источник написан на русском языке – «Хождение Богородицы по мукам из Вологодского источника». Сам же текст выполнен на коми языке (нач.: «Пресвятая Богородица кайис Елеонской гордб ...»).

¹ См.: Власов А.Н. Проблемы бытования традиционной книжности среди населения коми (по материалам археографических экспедиций СГУ 1986–1989 гг.) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа коми: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. С. 19-21; *Он же*. Распространение старообрядчества среди коми (зырян): проблема формирования этноконфессиональных групп // Коренные этносы Севера: Материалы науч. конф. Сыктывкар, 2000. С. 235-239.

² Исследования по духовной культуре крестьян Верхней Вычегды см.: Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978; Филиппова В.В. Фольклорные традиции с. Керчомья Усть-Куломского района (к изучению микролокальной фольклорной традиции) // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования: Сб. науч. ст. Сыктывкар, 2002. С. 22-27; Чувьуров А.А. Локальные группы коми верхней и средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2003, *Он же*. Сон Богородицы в рукописной традиции вычегодских коми: место, семантика, функция // <http://gosha-p.narod.ru/Articles/Chuvjurov.htm>; Власова В.В. История этнографического изучения старообрядческой традиции коми // www.anti-raskol.ru/pages/695.

³ Краткую характеристику Вычегодского собрания НБ СыктГУ см.: Книжные собрания отдела редкой книги Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета: Путеводитель / Авторы-составители Е.В. Прокуратова, Н.А. Карманова, Г.Д. Осипова; отв. ред. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2006.

Среди сборников, созданных вычегодскими книжниками, встречаются рукописи, полностью написанные на коми языке (Вычегод. р. – 1, 3, 4). Так, в книге второй половины XX в. (Вычегод. р. – 3), написанной подражанием печатному на бумаге из школьной тетради на 22 листах, содержатся следующие тексты на коми языке: апокрифические произведения – «Богородицалён кулём» («Успение Богородицы») (л. 2 об.-8 об.), «Богородицален бордём» («Плачь Богородицы») (л. 10 об.-14), «Христос ученикьяс днас вичковысь петэ...» (л. 21 об.-22 об.); тесты богослужебной направленности – «Моленте Енлы» (молитва Господу) (л. 8 об.-10), «Слава Вылсы» («Слава, Всевышний») (л. 14 об.-18 об.), «Борд да шогси грешной лолой» («Плачь и страдай, моя грешная душа») (л. 19-21 об.). В другом сборнике вычегодских книжников второй половины XX в. (Вычегод. р. – 4) также представлены апокрифы и молитвы на коми языке: «Богородицалён кулём» («Успение Богородицы») (л. 1-3); молитва «Надейчи лолой менам,...» («Надейся, душа моя...») (л. 3); «Молитва грешницалён крест кок улын» («Молитва грешницы кресту») (л. 3 об.-4).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди текстов художественной направленности на коми языке наибольшее распространение получили апокрифические сочинения. Особую популярность среди жителей Верхней Вычегды завоевали богородичные апокрифы. В рукописных сборниках XX в. нередко встречаются списки апокрифов на коми языке – «Успение Богородицы», «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», «Плачь Богородицы».

Например, в рукописной традиции жителей с. Керчомья получает распространение апокриф «Успение Богородицы», написанный на коми языке. В настоящее время выявлено три списка данного апокрифа, созданных в середине XX в. и имеющих между собой небольшие фонетические, грамматические, цифровые различия (Вычегод. р. – 3, 4, 5). В то же время коми апокриф существенно отличается от русского текста. Используя в качестве источника известный русский апокриф – «Слово об успении Богородицы»¹, коми книжник его художественно перерабатывает – сокращает отдельные эпизоды, вводит новые персонажи (неверный царь), не заявленные в тексте-источнике, добавляет новые мотивы, а также художественно разрабатывает концовку².

Апокриф «Успение Богородицы», бытовавший в коми рукописной традиции, по всей видимости, первоначально представлял собой пересказ известного русского апокрифического текста «Слова об Успении Богородицы», а затем был закреплен в письменной традиции керчомских книжников, переходя из одного рукописного сборника в другой. Коми апокриф отражает те образы и сюжетный ряд, которые сохранились в памяти коми книжников и были зафиксированы на бумаге. Подтверждающим фактом устного бытования апокрифа может служить то, что нередко апокрифы представлены в рукописях наряду с духовными стихами, находящимися, как известно, на стыке устной и письменной традиции.

В рукописной традиции вычегодских книжников XX в. апокрифические сочинения переписывались наряду с богослужебными текстами. по сути, они становились частью богослужебного обряда. Рукописи с подобными текстами становятся непременным атрибутом поминальных обрядов, их берут с собой для совершения песнопений и чтения назидательных текстов.

Отдельного внимания заслуживают рукописные сборники на коми языке, написанные талантливым крестьянским писателем Иваном Степановичем Рассыхаевым, проживавшем в с. Усть-Кулом Республики Коми³. В составе рукописей Национального музея РК (НМРК Р-77, Р-78, Р-81) выявлено три рукописные книги, созданные в середине XX в. подражанием печатному и скорописью. И.С. Рассыхаев включает в свои рукописные сборники молитвы на коми и русском языках (Р-81), обращается к мемуаристике на русском и коми языках («Летопись», содержащая наблюдения над явлениями природы, начиная с 1849 г. и кончая 1941 г.) (Р-78), делает переводы фольклорных произведений (сказка про Ивана Царевича в пересказе на коми языке (Р-77), произведений русской и зарубежной литературы – сокращенный пересказ на коми языке повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», Марка Твена «Принц и нищий») (Р-77).

Таким образом, проведенный обзор рукописей показывает, что среди рукописных сборников, созданных и бытовавших на территории Коми края в XVIII–XX вв., определенную долю занимают рукописи, написанные на коми языке. Нередко в рукописных книгах проявляется двуязычный характер культуры коми жителей: на страницах рукописных книг мы видим параллельное функционирование коми и русского языков. Подобные рукописи по большей части обеспечивали богослужебную практику местных жителей, в сборники которых органично вплетаются не только молитвы и песнопения, но и тексты художественной направленности – жития, апокрифы, духовные стихи, становившиеся частью культовой практики коми книжников. В ряде случаев коми

¹ Слово об успении Богородицы (перевод и комментарии О.В. Творогова) // Апокрифы Древней Руси. СПб., 2002. С. 149-159.

² Подробнее см. исследование, проведенное в дипломной работе: Гончарова Л.Н. Рукописная традиция крестьянского населения Верхней Вычегды XVIII–XX веков / Науч. рук. Е.В. Прокурагова Сыктывкар, 2011.

³ См.: «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902–1953 годы / Вступ. ст. и подг. текста Т.Ф. Волковой и В.В. Филипповой. М., 1997; Волкова Т.Ф. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. Ч. 2. С. 22-23, Она же. Сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» в пересказе усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева // Российское государство в XVII – начале XX вв.: Экономика, политика, культура: Тез. докл. Екатеринбург, 1993. С. 29-33; Филиппова В.В. Фольклорные традиции с. Керчомья ... С. 22-27.

книжники создают оригинальные тексты – мемуарные, апокрифические сочинения, делают переводы на коми язык известных произведений русской литературы.

Е. В. Пуренкова, О. В. Коротаяева

Усть-Вымское межпоселенческое музейное объединение

Из опыта работы филиалов Усть-Вымского ММО с детьми с ограниченными возможностями

МУ «Усть-Вымское музейное объединение» было создано в 1991 г. В его состав входят:

- Айкинский центральный музей;
- Микуньский филиал – «Музей истории города Микунь»;
- Гамский филиал – «Музей народного образования Усть-Вымского района»;
- Жешартский филиал – «Музей истории Жешартского фанерного комбината»;
- Туискересский филиал – «Музей истории деревни Туискерес»;
- Усть-Вымский филиал – «Историко-этнографический музей села Усть-Вымь».

В 2009 г. МУ «Усть-Вымское межпоселенческое музейное объединение» выиграло грант федеральной целевой программы «Дети России (2007–2010 гг.)», по направлению «Семья с детьми-инвалидами». Название проекта – «Теплый дом» по программе «Музей приходит в гости». В 2010 г. в результате проведенных исследований, сотрудники музеев выяснили, что есть группа детей, которая никогда не бывала в музеях – это дети с ограниченными возможностями. Они не знают, что такое музей, музейный предмет, экскурсия. Сотрудники Айкинского центрального музея, Усть-Вымского, Микуньского и Гамского филиалов, совместно с территориальным центром социального обслуживания населения и реабилитации детей и подростков с ограниченными умственными и физическими возможностями составили совместный план работы на 2011–2014 гг. Основная цель программы – приобщение детей и подростков с ограниченными умственными и физическими возможностями, а также детей оставшихся без попечения родителей к музейной культуре.

Было принято решение о том, что занятия будут проходить раз в месяц по 15–20 минут. Обязательное условие – присутствие на занятиях психолога. Во время проведения занятий предусмотрены игровые моменты, где ребята могут самостоятельно выполнять различные задания.

Программа «Теплый дом» предусматривает вовлечение через музейный предмет той же группы детей в процесс социокультурной реабилитации. Программа состоит из нескольких циклов, которые знакомят детей с животными, обитающими на территории Усть-Вымского района и Республики Коми, с удивительным миром растений, с традициями и бытом жителей нижней Вычегды конца XIX в., с историей населенных пунктов района (г. Микунь, с. Айкино, с. Гам и др.). Музейными сотрудниками разработана серия занятий по патриотической направленности: «Усть-Вымский район в годы войны», «Труженики тыла», «Все для фронта, все для победы», которая состоит из цикла лекций, интеллектуальных игр, направленных на знакомство с историей развития военного дела в Усть-Вымском районе, с героизмом устьвымчан, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹

Важным принципом работы с такой категорией детей является использование метода чувственных восприятий. Ребенок, познавая мир через все органы чувств, испытывает радость от впервые увиденного и осязанного ярче, чем взрослые и потребность в таких ощущениях у него сильнее. Основная цель работы с такими детьми – расширить их мир, рассказать о том, что есть музей, познакомить их с предметами, которыми пользовались их бабушки и дедушки, т.е. дать возможность подробнее узнать о дереве, глине, металле, тканях и других предметах, которые их окружают.

Сотрудники музеев приносят на занятия чучела животных, бондарные, глиняные и железные изделия, одежду. Дети не только видят предметы, но и трогают их на ощупь. Важным моментом работы с такими детьми являются тактильные ощущения. Оказывается, что они эти предметы уже где-то видели, вспоминают их и лучше усваивают информацию.

Приведем примеры:

Айкинский центральный музей. Сотрудниками музея ведутся занятия на базе центра реабилитации детей и подростков с. Айкино, который был открыт 4 июня 1999 г. В этом центре занимаются дети с ограниченными умственными и физическими возможностями.

На занятиях присутствуют дети в возрасте 5–12 лет, группа – 10 человек.

Некоторые темы занятий: «Животный мир Усть-Вымского района и Республики Коми», «Женский коми национальный костюм (нижняя Вычегда)», «История открытки (С Рождеством, С Новым годом...)», «Боевая награда», «Дерево в жизни человека» и т.д.

Микуньский филиал активно сотрудничает с отделением реабилитации детей и подростков «Островок» территориального центра социального обслуживания населения г. Микунь. Этот филиал реабилитационного центра был открыт 3 декабря 2001 г. на базе детского общеобразовательного учреждения № 45 «Солнышко» г. Микунь. Некоторые темы занятий, проводимые с детьми: «Здравствуй, музей!», «Коллекция. Виды коллекций», «Все дело в шляпе», «Эта темно-вишневая шаль», «Коми вышивка и вязание» и т.д.

Гамский филиал активно сотрудничает с Центром помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Гаврош» с. Гам. Большой популярностью среди воспитанников «Гавроша» пользуется «Колесо истории» –

¹ www.museum.ru

краеведческая викторина, занимательно и увлекательно проходит игра «Урок письма в земской школе»: урок начинается с молитвы «Отче наш», дети узнают о том, как проходил урок в земской школе, используя гусиные перья, дети выполняют письменные задания. Например, пробуют написать пером свои имена стефановской азбукой и кириллицей, как наказание за непослушание на уроке – пробуют стоять коленками на горохе.

Усть-Вымский филиал. Заведующая Т.С. Беляева проводит большую работу с детьми из специального (коррекционного) детского дома № 2 с. Усть-Вымь. Воспитанники детского дома – постоянные посетители Историко-этнографического музея с. Усть-Вымь. Сотрудники музея проводят подвижные игры и викторины к каждой экскурсии. С огромным удовольствием ребята принимают участие в новогоднем вечере-встрече с героями сказок «В гостях у Бабы Емь», в рождественских посиделках и гаданиях, где они знакомятся с историей праздника Рождества и народными традициями конца XIX – начала XX вв.

Занятия, проводимые сотрудниками музеев для детей с ограниченными возможностями, вызывают у детей и у взрослых, присутствующих на занятиях (социальный педагог, психолог, родители), хорошие эмоциональные отклики и способствуют формированию позитивных личностных качеств. Держа в руках музейные предметы, решая поставленные перед ними вопросы и задания, дети отвлекаются от своих проблем, связанных со здоровьем, что положительно влияет на их психологическое состояние. Накопленный за время работы опыт дает возможность сотрудникам музея разрабатывать новые предложения таким образом, чтобы они легко воспринимались как широкой аудиторией, так и людьми с ограниченными умственными и физическими возможностями¹.

Т.А. Пьяикова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Финно-угорская игрушка: опыт изучения, комплектования и каталогизации

В небольшом собрании традиционной игрушки Национального музея Республики Коми, насчитывающем более 260 предметов, представлены игрушки, изготовленные в семьях, как предметы детской забавы, так и образцы современной традиционной игрушки. В состав коллекции входят предметы, характеризующие «мир детства» народа коми и других финно-угорских народов. Составной частью музейного собрания являются игрушки ненцев, русского старожильческого населения бассейна р. Печоры – усть-цилемов и русских жителей Вятского края – народов, с которыми, в ходе длительного совместного проживания и этнокультурных контактов, были выработаны общие формы в традиционной культуре. Подобный подход к комплектованию основывается на том, что современная традиционная игрушка выступает как носитель этничности. Для того чтобы музейная коллекция была введена в научный оборот, подготовлен каталог «Традиционные игрушки финно-угорских народов в собрании Национального музея Республики Коми».

В основу классификации материала в каталоге положен принцип этнической принадлежности, что позволяет представить общие и особенные черты игрушек различных народов. Предметы самой большей части коллекции (игрушки народа коми) подразделены на традиционную народную игрушку конца XIX – I пол. XX в. и современную традиционную игрушку. Материалы, отнесенные к последней категории, сгруппированы по четырем разделам в соответствии с принципами, предложенными Е.И. Ковычевой: это поделки пожилых людей, реконструкции игрушек их детства, сделанные по просьбе ученых, музейных работников, педагогов; изделия, созданные руками детей в целях эстетического и национального воспитания; игрушки-сувениры, изготовленные мастерами учреждений культуры; авторская игрушка художников².

Перечисленные классы памятников неравноценны по количественным, хронологическим и др. характеристикам. Основу собрания составляет образная игрушка, изображающая людей и животных. В небольшом количестве представлены подражательная игрушка, воспроизводящая вещный мир взрослых, их труд и быт и дидактическая игрушка, не имеющая аналогов в природе и реальной жизни людей (погремушки, головоломки и др.). Из общего количества предметов 164 составляют игрушки коми. Раритетная часть относится к концу XIX – началу XX в. и представлена коллекцией предметов, связанных с миром детства коми ижемцев, доставленных в музей Д.Т. Яновичем. Большая часть предметов датируется 2-й пол. XX – нач. XXI вв. Среди них имеются предметы, характеризующие локальные особенности игрушки этнографических групп коми. Современная традиционная игрушка других финно-угорских народов представлена в коллекции следующим образом: коми-пермяки – 1 предмет музейного значения; удмурты – 21; марийцы – 6; мордва – 4; карелы – 5; венсы – 3; воль – 1; эстонцы – 3; саамы – 5; финны – 5; венгры – 8; народы ханты и манси – 12; русские (с. Усть-Цильма) – 6; русские (вятская игрушка) – 3; ненцы – 20.

Формирование коллекции традиционной игрушки коми началось с первых дней существования музея. Первые поступления в музей связаны с именами Г.В. Шигуновой, Д.Т. Яновича. Наиболее полное представление о коллекции игрушки дает документ «Список этнографических экспонатов в бытовом отделе музея коми» первой этнографической выставки «Быт коми». В списке перечислены игрушки «самодельные»: «куклы (самод.) – 31, велосипед деревянный (самодел.) – 1, коньки деревянные самоедские – 3, игрушка «Дур поп» (ванька-встанька) – 1, фигура человека из составных частей (деревянных) – 1, пицаль деревянная детская – 2, стрелы от

¹ *Тарасов А.* Мир глазами детей // Мир музея. 2009. № 11. С. 30-31.

² *Ковычева Е.И.* Современная традиционная игрушка как носитель этничности // Вестник удмуртского университета. № 12. Ижевск, 2005.

самострела – 6, самострел деревянный – 1, свисток – 1, пенал – 1, санки – 1, кюки ки (?) – 7, тележка – 1, детский стульчик – 1, конек большой – 1, пузырь с лодыжками – 19, ларчик – 1, рыба и змея – 2»¹.

В собрании НМРК имеются куклы «акань», изготовленные в конце XIX – нач. XX в. Эти предметы поступили в результате экспедиционных сборов Д.Т. Яновича в Ижмо-Печорском уезде автономной области Коми в 1925 г. Они изготовлены в основном из тканей (лоскутков), но для основы двух кукол использовано дерево. Имеется в коллекции кукла из утиног клова «чож-акань» (реконструкция Т.Б. Фалалеевой). Это традиционная кукла ижемских и печорских коми. Ижемскую самодельную игрушку в собрании дополняют куклы «акань», скрученные из бумаги (куклы-скрутки) из с. Сизябск, которые были популярны в 20–30-е гг. XX в., тогда же на игрушечных лицах дети стали прорисовывать сажей или карандашом глаза, нос и рот². Куклы самодельные и фабричного производства, но переодетые в уменьшенную копию традиционного ижемского костюма, поступили в музейную коллекцию во второй половине XX в. из с. Мохча, с. Гам Ижемского р-на РК, из с. Саранпауль Тюменской обл. (зауральские коми).

Для маленьких девочек мастерили игрушечные орудия труда: мялки, прялки, чтобы они, играя, усваивали необходимые трудовые навыки³. Для воспроизведения бытовых сценок девочкам была необходима игрушечная посуда, утварь. В собрании музея есть миниатюрный глиняный горшочек – детская игрушка из семьи Чупровой Е.И., имеется несколько миниатюрных предметов посуды, изготовленных из дерева.

Из дерева вырезали сани, волокуши, бороны, мельницы, флюгера, изображения зверей и птиц. В собрании музея имеется несколько игрушек лошадок «вбв» ручной работы. Лошадки-каталки имеют деревянные или металлические колёса. Одним из первых экспонатов музея, поступивший в коллекцию в 1911 г. был детский трёхколёсный велосипед (с. Кибра, ныне с. Куратово), почти полностью изготовленный из дерева. Ручная тележка, которую подросток мог тянуть за верёвку и перевозить младших по возрасту, также часто применялась в игре для перевозки дров, соломы, снопов, белья на речку.

Одним из самых популярных развлечений коми мальчиков была игра «в лодыжки» («Шегьясьём»). В музее хранятся пять комплектов косточек из Прилузского, Удорского, Усть-Куломского районов. Датируются предметы началом – серединой XX в. Наборы представляют собой тщательно очищенные, неокрашенные или со следами краски бараньи косточки, которыми местные крестьяне иногда платили детям за работу.

В коллекции музея хранятся игрушки детей оленеводов. Среди них – игрушечный ларчик XIX в., миниатюрная копия продуктового ларя для нарт «додьвыв лар», использовавшегося ижемскими оленеводами в период кочевья.

Игрушки верхнепечорских коми представлены в коллекции куклами из соломки, лоскута, грудных костей птиц. Игрушка «Конька» – это образ лошадки с санями и ездоком из косточек рябчика, ее изготовила Козадаева Дарья. Кукольную пару – мужчину и женщину в традиционной одежде сшила Ф.Ф. Чупрова (1922 г.р.) для правнучки.

Игрушки детей сысольских коми (с. Ыб) – это тряпичные куклы-дети, в основном, запеленатые «ляльки», мягкая набивная кукла «Олим», мяч тряпичный «рузум мач» – поделки-реконструкции пожилых людей и детей Г.А. Мальцевой (1959 г.р.), Н.Д. Гилевой (1931 г.р.), А. Скородумовой (1987 г.р.).

В коллекции НМРК представлены игрушки детей прилузских коми: лук «ньювуж», жужжалка «шурган».

Наиболее значительная часть игрушек, изготовленная мастерами современных художественных промыслов, сложилась в собрании музея в 1970–1990-х гг. Это коми-зырянские тряпичные куклы на деревянном стержне, реконструкция художника И.В. Земцовой; коллекции кукол (сувениров), выполненных по авторским образцам Л.П. Фиалковой, М.И. Волковой – художников экспериментального цеха Предприятия народных художественных промыслов РК; игрушки В.Л. Торопова – Народного мастера России, руководителя образцовой детской изостудии «Гончарик» из с. Вильгорт РК; игрушки М.С. Кочева – члена Союза художников России, Заслуженного работника РК, мастера-педагога художественной школы Эжвинского р-на г. Сыктывкара.

В музейной коллекции представлены куклы в традиционных усть-цилемских костюмах. Богатство кукольного праздничного традиционного костюма практически полностью соответствует оригиналу.

Вятские народные куклы-обереги переданы Н.В. Осиповой. Это кукла «Зерновушка», кукла «Здоровье» из чесаного льна, кукла «Столбушка».

В последней трети XX – начале XXI в. в собрание музея поступает современная традиционная игрушка родственных народов, что связано с формированием в музее этнографической коллекции финно-угорских народов, а также подготовкой выставки «Финно-угорская игрушка» (2009 г.).

В музее имеется коллекция ненецких кукол «Нухуко» в зимних и летних ненецких костюмах народных мастеров Е.Н. Бобриковой и Н.Е. Латышевой. При их изготовлении использованы утиные и гусиные клювы, сукно, мех оленя, бисер.

В 2008 г. в коллекцию музея поступили игрушки ручной работы народов ханты и манси. Это кукла «акань» с ложными косами, кукла (мужчина) «акань-ики» мастера Фирсовой И.К. (с. Валзеват Белоярского р-на Ханты-Мансийского авт. окр.). Кукла «акань» обских хантов и кукла «пакы» сургутских хантов, изготовлены

¹ НАРК. Ф. 148 Д. 418. Л. 79.

² Шаратов В.Э. Традиционные куклы в поверьях коми // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 193.

³ Романова Г.Н. Традиционное воспитание детей у коми // Мир детства в традиционной культуре народов СССР. Л., 1991. С. 17-26.

Эккерт М.Г. (г. Ханты-Мансийск). Особенно интересна кукла манси из утинового клюва, выполненная мастером. Популярны среди детей были игрушечные колыбельки с куклами. Колыбель с куклой «акань» пимских хантов была сделана в семье кочевых хантов Айпиных. Колыбель ночная, из бересты, ровдуги и расщепленного черёмухового прута и нитей. В колыбели лежит кукла «акань» и полный комплект принадлежностей.

Детский лук из можжевельника был найден на сезонном стойбище оленеводов-хантов в устье реки Пон-Ю, левого притока р. Кожим (Интинский р-н РК). Его передал в музей Ф.В. Овчинников в 2002 г.

В коллекции представлена кукла-закрутка коми-пермяков, авторская работа А.Н. Осиповой (г. Очёр, Пермский край).

Удмуртскую игрушку характеризует коллекция кукол из с. Бураново, Малопургинского р-на Удмуртии, которую передала в музей З.М. Лебедева, член Союза Художников России. Куклы изготовлены из натуральных материалов: травы, неокрашенных льняных и шерстяных нитей, старого текстиля, необработанного дерева. Самобытны архаичные конструкции кукол, при создании которых не используются иглы; их основа – скрученная ткань, щепки, ветки с сучками.

Мордовские игрушки представлены куклой «Мокшанка» и деревянными лошадками – свистульками.

Марийские игрушки – это куклы-обереги «Костромушка», «Кувадка», «Пу папкар» (деревянная малютка), выполненные в национальной традиции. Игрушку «Пу папкар» изготовила Л.В. Веткина, мастер марийской вышивки (п. Сернур, Республика Марий Эл). Это традиционная самодельная кукла северо-восточных марийцев. Кукла безликая, руки, ноги не обозначены. К деревянной основе прикреплена грудь. Все предметы костюма куклы созданы из белого холста и украшены вышивкой красными нитями, которая выполнена по счёту нитей с изнанки изделий (древний вид традиционной марийской вышивки).

В коллекции музея имеется вепсская кукла «Мама». Вепсская кукла – это образ замужней женщины. Детали куклы не сшиваются между собой. Кукла изготавливалась без острых и колющих предметов, т.е. без ножиц и иголок. Её делают из обрывков ткани. Из них же надёргивают нити для путанки и связывания деталей куклы. Поэтому кукла получалась доброй, тёплой и мягкой.

В кукле особенно важен для этнически узнаваемого типажа костюм. Он демонстрирует национальную принадлежность в обобщенной, и оттого особенно выразительной форме. Костюмы кукол, представленных в коллекции, повторяют в уменьшенной и схематизированной копии наряды женщин финно-угорских регионов и стран. Игрушки «финская девочка» и «финский мальчик» в стилизованных национальных костюмах подарила НМРК сотрудник музея г. Рованиеми (Финляндия) Риитта Куусикко (Riitta Kuusikko). Детские игрушки ручной работы из Финляндии были подарены НМРК финской делегацией в 2006г. Это кукла мягкая набивная (мастер Тойни Науска, г. Рануа) и заяц с морковкой, выполненный в технике валяния из шерсти (мастер Сейя Туомалла, жительница провинции Пудаярве, Финляндия). Имеются в коллекции куклы в национальных костюмах саамов. Куклу в стилизованном женском костюме саамов Лапландии (Северная Финляндия) передала музею Туйа Хаутала Хирвиоа (Tuija Hautala-Hirviöja) – профессор университета в Лапландии. Куклы в женской зимней и летней одежде саамов, в летней мужской одежде саамов помогла приобрести И.В. Ильина – к.и.н., с.н.с. отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ Уро РАН. Эстонская игрушка в коллекции представлена куклами-сувенирами. В октябре 2007 г. из Эстонии поступила кукла «Нуку» в эстонском национальном костюме, мастера Лайнэ Сьэр. Куклы-сувениры в традиционных эстонских костюмах замужней женщины и молодой девушки переданы из г. Тарту Артом Лэте – профессором этнологии Тартуского университета, доктором фольклористики. В коллекции представлены авторские куклы в женском костюме народа вальд и финском девичьем костюме – реконструкции мастера Архиповой Е.В. (г. Санкт-Петербург). Лоскутная традиционная кукла-закрутка карел подарена музею мастером Губайдуллиной Э. (г. Санкт-Петербург). Три куклы в венгерских национальных костюмах – подарок из г. Мезиковежде (Венгрия). Интересны народные игрушки из початков кукурузы куклы «Жених» и «Невеста», переданные в дар Национальному музею РК в 2007 г. культурным центром «Круди Вигадо» г. Ньередьхаза, обл. Сабольч-Сатмар Венгрии. Имеется в коллекции и кукла из кукурузного початка в одежде из лоскутков ткани, переданная из Венгерского Дома Традиций (г. Будапешт) г-жой Каталиной Беспреми и г-жой Анной Вандор.

Традиционные игрушки финно-угорских народов в собрании НМРК имеют все свойства музейных предметов: информативность, уникальность, историческую ценность. Они также являются источником для индивидуального творчества и педагогической практики, как результат коллективного этнического опыта.

О.И. Раздрогова

Воркутинский музейно-выставочный центр

К вопросу о формировании репертуара Воркутинского музыкально-драматического театра в период 1943-1952 гг. на основе фондового материала ВМВЦ. Произведения А.С. Пушкина в репертуаре воркутинского театра

Создание театра в городе Воркута тесно связано с Воркутинским лагерем НКВД. Истоки зарождения театра относятся к 1933 г. Существовал кружок художественной самодеятельности при Доме культуры поселка Рудник, в котором были не только артисты драмы, но и танцоры и хористы. Художественная самодеятельность существовала и в Отдельных лагерных пунктах, находящихся на территории современного Воркутинского района. С 1942 г. стали вестись разговоры о создании профессиональной труппы. А с вступлением в должность начальника «Воркутстроя» НКВД (1943 г.) Михаила Митрофановича Мальцева начала двигаться работа по соз-

данию профессионального театра. 8 августа 1943 г. был подписан приказ о создании музыкально-драматического театра. Первоначально труппа состояла из 23 человек, которую возглавлял Борис Аркадьевич Мордвинов (Шефтель), заключенный, бывший режиссер Большого театра. Уже к концу 1943 г. труппа театра насчитывала почти 150 человек: музыкальная (65 человек) и драматическая (80 человек), куда вошли не только вольнонаемные, но и талантливые артисты, художники, музыканты, к сожалению, в то время заключенные.

Первой постановкой была оперетта Имре Кальмана «Сильва». В крайне ограниченные сроки, параллельно ремонту самого здания клуба, велась и постановка премьерного спектакля. Выбор не случайно пал на данное произведение, несмотря на то, что не было клавира оперетты, Наталья Ивановна Глебова, бывшая примадонна оперетты г. Ростова – на Дону, приехавшая с мужем С.Б. Шварцманом, инженером КВУ, поступила служить в создаваемый театр и при выборе премьерного спектакля предложила данную оперетту, так как полностью знала все ее партии, которые напела концертмейстеру А. Стояно. И 1 октября 1943 г. состоялась премьера оперетты «Сильва», которая выдержала более 100 представлений. В 40-е гг. XX в. Воркутинский театр работал быстрыми темпами, давалось до 600 спектаклей и концертов в год, за сезон выпускалось до 13 новых спектаклей и концертных программ. С самого начала театр складывался как многожанровый, что способствовало разнообразному репертуару: ставились классические и современные пьесы, оперы, оперетты, концерты и даже частично балет. Благодаря разносторонне одаренной труппе театра, можно было ставить не просто социально-обусловленные, спектакли, но и серьезную масштабную классику, в частности по произведениям Александра Сергеевича Пушкина.

Для работы над данной темой, был взят исторический период с 1943 по 1951 гг. Это был «золотой век» Воркутинского театра, существовавшего в качестве музыкально-драматического. Проанализировав репертуар по имеющемуся в данный момент фондовому материалу, выявились определенные тенденции.

Репертуар формировался из широко известных произведений, являющихся эталоном русской литературы, в том числе и А.С. Пушкина. Ставились полностью или частично музыкальные спектакли по произведениям и на основе сюжетов классика. Оперы «Евгений Онегин», «Русалка», сцены и арии из опер «Мазепа», «Руслан и Людмила», «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Золотой петушок», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость». Литературно-музыкальные композиции по произведению «Бахчисарайский фонтан». Проводились концертные программы русской классической музыки, творческие вечера и концерты симфонической музыки. Как писал Александр Клейн: «Хочется отметить еще некоторые стороны деятельности воркутинского музыкально-драматического театра. Он стал могучим центром просвещения¹. Эта цитата дает представление о значимости еще одной формы деятельности театра – музыкально-образовательных циклах лекций-концертов «Великие русские композиторы», в которых принимали участие музыканты, чтецы, певцы.

Если конкретизировать проанализированный материал по формам в хронологическом порядке, вырисовывается следующая картина:

Концерты:

1944 г. – концерт-ария из оперы Глинки «Руслан и Людмила» (ария Руслана);

1946 г. – концерт русской классической музыки: 1 отделение – отрывки из оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского («Сцена в корчме», «Покои Марины Мнишек»); 2 отделение: Ария мельника из оперы «Русалочка» А.С. Даргомыжского, «Серенада Дон Хуана», Ария Полины из оперы «Пиковая дама» П.И. Чайковского;

12 октября 1947 г. – сцены из оперных премьер сезона 1947/1948 г.: 1 отделение – «Моцарт и Сальери», 2 отделение – «Русалка», 3 отделение – сцены из «Евгения Онегина» (сцена в саду, сцена поединка, бал у Гремных, заключительная сцена);

1947 г. – концерт, посвященный 800-летию Москвы (Ария Бориса из оперы «Борис Годунов»);

1948 г. – «Вечер баллад, былин и сказок» из двух отделений: 1 – зарубежные авторы, 2 – русские авторы (А.С. Пушкин «Воевода» из баллады Мицкевича, П.И. Чайковский «Баллада Томского из оперы «Пиковая дама»);

1949 г. – симфонический концерт из произведений П.И. Чайковского; 2 отделение – дуэт Лизы и Полины из «Пиковой дамы»; Романс Полины, Ария Лизы; 3 отделение – пастораль из оперы «Пиковая дама».

Творческие вечера:

Б.С. Дейнеки 30 июня 1945 г. 1 отделение – М.П. Мусоргский «Борис Годунов» 2-ой акт оперы (сцена в тереме); 2 отделение – литературно-музыкальная композиция по поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Музыкально-образовательный цикл лекций-концертов «Великие русские композиторы»:

1947 г. 12 концертов: 2. опера М.И. Глинки «Руслан и Людмила»; 3. оперы А.С. Даргомыжского «Русалка», «Каменный гость»; 6. М.П. Мусоргский «Борис Годунов»; 7. Н.А. Римский-Корсаков «Моцарт и Сальери», «Золотой петушок»; 8. П.И. Чайковский «Евгений Онегин», «Мазепа», «Пиковая дама»; 11. А.С. Пушкин в музыке, сцены из опер, арии, романсы.

1949 г. – «Классики русской музыки музыкально-образовательный цикл концертов классической музыки»: 1. М.И. Глинка, сцены из опер «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила»; 2. А.С. Даргомыжский, сцены из опер «Каменный гость», «Русалка»; 3. П.И. Чайковский, сцены из оперы «Мазепа»; 4. П.И. Чайковский, сцены из оперы «Пиковая дама».

¹ Клейн А. Улыбки неволи. М., 1997. С. 205.

Оперы:

1947 г. Опера в 4-х действиях А. Даргомыжского «Русалка» по сюжету А.С. Пушкина;

1948 г. «Евгений Онегин». Лирические сцены в 7 картинах, музыка П.И. Чайковского.

Концерты к юбилею со дня рождения А.С. Пушкина:

1949 г. Театр дома культуры. 150 лет со дня рождения А.С. Пушкина (3 концерта).

Произведения А.С. Пушкина в репертуаре активно использовались только в период существования театра как музыкально-драматического, что предполагало наличие определенного состава труппы и высокого исполнительского искусства. Возможность создания сильной театральной труппы могла появиться в провинциальном городе, далеком от больших культурных центров, в силу исторически сложившейся политической обстановке того времени.

В труппе служили такие артисты, как Борис Степанович Дейнека, Наталья Ивановна Глебова, Корнелия Николаевна Рутковская, Маргарита Артуровна и Ада Артуровна Рейзвих, Теодор Игнатьевич Рутковский, Валентина Георгиевна Токарская, Вера Макаровна Пясковская, Юозас Стасевич Подлецкис (Индра), Борис Козин. В подготовке концертных программ и связующих номеров между выступлениями, в первые годы работы театра, занимался Александр Яковлевич Каплер. Хореографические номера ставила балетмейстер-хореограф – Елена Сергеевна (Лола) Добржанская.

В 1951 г. произошел переход от музыкально-драматического к просто драматическому репертуару. Это объяснялось тем, что стали освобождаться заключенные, служившие в труппе и покидать город. Также стало считаться не рациональным совместное отбывание наказания мужчин и женщин, в театре разделение по полу было невозможным. Также, одним из важных факторов уменьшения труппы театра стали большие расходы, которые шли на его содержание.

В сезоне 1951/1952 гг., когда театр стал просто драматическим, в репертуаре уже отсутствуют постановки по произведениям классика.

Театр, как структурное подразделение Дома культуры комбината «Воркутауголь» функционировал до 25 мая 1955 г., 29 апреля 1956 г. передан в ведение Министерства культуры Коми.

«Искусство театра активно влияло на всю атмосферу заполярного города. Театр позволял людям, невольно оторванным от «большой земли», ощущать ритм ее жизни, напоминал о человеческом достоинстве, будил надежды, увлекал прекрасным, призывал к благородству и доброте... Обидно скромно стало звучать само название театра: «Драматический театр дома культуры комбината Воркутауголь Министерства угольной промышленности СССР... Но интерес к нему (театру) падал. Старожилы со вздохом вспоминали постановки опер «Фауст», «Русалка», «Евгений Онегин», классические оперетты Кальмана, Легара, Оффенбаха,... характеризовавшие расцвет сороковых годов, когда в Заполярье блистали артисты-заключенные, только волею судеб злого времени сменившие столичные сцены на воркутинскую...»¹.

Ж.В. Рафикова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Советский фарфор в фондах НМРК (характеристика коллекции)

Фарфор – благороднейший и наиболее совершенный вид керамики. Выражение «керамика» следует возводить к греческому обозначению горшечной глины, от которого происходит и греческое слово *keramos* – глиняная посуда. Под керамикой, следовательно, понимаются такие изделия, для которых глина, смешанная с полевым шпатом, кварцем или известью, служит главным сырьем. Эти исходные вещества перемешиваются и перерабатываются в массу, которая либо от руки, либо на поворотном круге формируется и затем обжигается².

Гончарное искусство появилось в России в XIV–XV вв. Попытки организовать производство фарфора в России начались еще при Петре I. Одним из первых кто работал над созданием первого русского фарфора и занимался организацией технологического процесса производства, был Д.И. Виноградов – управитель Петербургской мануфактуры в 1748–1751 гг.³ Помимо разработки рецептуры фарфоровой массы и исследования глин различных месторождений, Виноградов разрабатывал составы глазурей, технологические приемы и инструкции по промывке глин на месторождениях, вел испытания различных сортов топлива для обжига фарфора, составлял проекты и строил печи и горны, изобретал рецептуру красок по фарфору и решал многие смежные проблемы. На место Виноградова потом пришли другие: И. Шлаттер, И.-Г. Мюллер, Ф. Гарднер⁴.

Конец XVIII – начало XIX в. – время расцвета русского фарфора. Искусство фарфора развивалось вместе с архитектурой, воспринимало ее основные стилиевые особенности. Во второй половине XIX в. концерн фабриканта М.С. Кузнецова, объединивший несколько крупнейших фарфорофаянсовых заводов, выпускает технически совершенные, но в художественном отношении эклектичные изделия. В собрании Национального музея РК имеется более 50 предметов, выпущенных заводами Кузнецова, а также на заводе Гарднера в период с конца XIX до начала XX вв.

¹ Там же С. 208.

² Гейдова Д., Дурдик Я., Кибалова Л. и др. Большая иллюстрированная энциклопедия древностей. Прага, 1980. С. 151.

³ Русский фарфор в Эрмитаже. Автор-сост. Л. Никифорова. Л., 1973. С. 17.

⁴ Гейдова Д., Дурдик Я., Кибалова Л. и др. Указ. соч. С. 207.

Советский фарфор – явление уникальное. В то время как Европа изготавливала фарфоровые сервизы с цветочным рисунком, в нашей стране налаживалось производство «агитационного фарфора» и предметов с революционными лозунгами. В фондах Национального музея РК хранится лишь небольшое количество предметов ярко характеризующих данный период.

В первые годы революции художники, работавшие на фарфоровых и керамических предприятиях, активно включились в создание новой пролетарской культуры. Было создано основное ядро мастеров и художников, окончивших петербургские художественные школы. Подготовка кадров в художественных школах России оказалась настолько высокой, что дала возможность создать одно из ярчайших и знаменательных явлений советского искусства – агитационный фарфор.

Агитационный фарфор наряду с плакатом оказался в 20-х гг. XX в. в числе самых революционных, передовых видов искусства. Было создано много интересных работ с росписью по фарфору, где революционные лозунги компоновались с рисунками, включающими новые советские эмблемы и жанровые сцены нового быта.

Советский агитационный фарфор был рожден Октябрьской революцией и явился не только свидетелем этой удивительной эпохи, но и активным проводником идей революции. Он был обращен к широким массам, а не к отдельным любителям и эстетам.

Новизна тематики принесла мастерам-керамистам определенные трудности, тем более что работать приходилось лишь по портретам и фотографиям. Новая техника потребовала и новых средств выражения. Сначала это была роспись на тарелках черным шрифтом различных агитационных лозунгов. Затем агитационный фарфор сближается с плакатом и оформлением революционных праздников. Немалое место в оформлении художественных изделий – чашек, тарелок – приобретает советская эмблематика – изображение серпа и молота, шестеренки, различных надписей. Иногда текст вплетается в орнамент. Роспись становится более сочной и декоративной¹.

В составе коллекции нашего музея самыми ранними экспонатами такого рода являются две чашки с монохромным изображением В.И. Ленина за чтением газеты «Правда» и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», выпущенные Грузинской фарфоро-фаянсовой фабрикой «Красный фарфорист» в 1920-х гг.², тарелка и сахарница белого цвета с изображением красной краской монограммы «РККА» (рабоче-крестьянская Красная армия) на фоне серпа и молота и 5-конечной звезды Дулёвского фарфорового завода им. газеты «Правда» (1920–1940 гг.).

В коллекции есть интересная тарелка с рисунком красно-коричневого цвета, на котором изображены поле, трактор, серп и молот, снопы пшеницы. На ней же имеется надпись: «Соблюдай чистоту и порядок в столовой. СССР. Всенарпит». Тарелка выпущена фарфоровым заводом «Пролетарий» (с. Бронницы) в начале 1930-х гг. На экспозиции отдела истории Национального музея находятся три тарелки, которые были выпущены в 1925–1927 гг. На одной из них изображены рабочие с инструментами, строительные объекты, парусные суда. На других присутствуют лозунги: «Общественное питание – путь к социализму» и «Общественное питание – под огонь рабочей самокритики».

На более поздних изделиях фарфоровых заводов нашей страны также можно встретить изображения вождей и лозунги. В музее хранится ваза с изображением портрета В.И. Ленина в обрамлении колосьев золотистого цвета и герба СССР, выпущенная Ленинградским фарфоровым заводом в 1970 г. Эта ваза была подарена Ленинградским областным комитетом КПСС трудящимся Коми АССР в 1971 г.

Чаще всего агитационный фарфор расписывался художником вручную и выпускался очень небольшими тиражами. В 1920-е гг. в Москве на Кузнецком мосту и в Петрограде на Невском проспекте были специально устроены витрины, где выставлялись лучшие произведения. Агитационный фарфор с триумфом экспонировался на крупнейших выставках за рубежом. В 1925 г. на выставке в Париже Государственному фарфоровому заводу была присуждена золотая медаль.

Любопытно, что в перспективе предполагалось наладить массовый выпуск агитационного фарфора, сделав его доступным для «широких народных масс». М. Калинин наивно предполагал, что «постепенно, но, несомненно, разовьётся вкус у наших трудящихся к изящной жизни, к изящной обстановке», и они «потянутся к фарфору» и будут понимать, «сколько радости может доставить в становящейся постепенно всё более уютной квартире рабочего красивое фарфоровое произведение»³.

На практике дело обстояло несколько иначе. Фарфор выпускался весьма незначительными тиражами – не более 300 экземпляров, и предназначался, главным образом, для экспонирования на многочисленных зарубежных выставках. Начиная с 1920 г., советский художественный фарфор побывал на выставках в Риге, Гельсингфорсе, Берлине, Лондоне, Париже, Стокгольме, Брюсселе, Милане, Венеции, Ревеле и Париже. Как писал один французский журналист: «Революция нашла свое первое и лучшее отражение в фарфоре»⁴.

Больше пятидесяти лет назад – в 1957 г. – был основан завод «Комиэлектростеатит». В 1966 г. его переименовали в «Прогресс», а значительно позже, в 1997 г., – в открытое акционерное общество «Ухтинский завод «Прогресс»». С 1958 г. завод начал производить электрокерамические, радиокерамические материалы, изолято-

¹ <http://www.faience.ru>

² Фарфор. Фаянс. Стекло. Авторы-сост. И.А. Пронина, М.В. Владимирцева и др. М., 1980. С. 273.

³ Андреева Л. Советский фарфор. 1920–1930 годы. М., 1975. С. 62–64.

⁴ <http://www.faience.ru>

ры, электроустановочные изделия и пьезокерамику, керамические высоковольтные конденсаторы. Но кроме этого и посуду. В собрании НМРК хранится несколько чайных и кофейных сервизов, детских наборов посуды, выпущенных заводом «Прогресс». Это более 100 предметов. На чашках, чайниках, сахарницах изображены упряжки с северными оленями, оленеводы, северное сияние, снежинки, дети в шубках... А также присутствуют изображения цветов и надписи (например «8 марта»).

В музее хранятся образцы продукции ведущих фарфоровых заводов страны: Ленинградского, Дулевского и Дмитровского, а также небольшие коллекции менее крупных заводов: «Пролетария», «Красного фарфориста» и других. И это не только столовые или чайные сервизы для повседневного использования, но и вазы, посуда, выпущенная к определенным датам нашей республики. Например, к 200-летию города Сыктывкара. На этой посуде присутствуют изображения орнамента коми, вид здания Совета Министров Коми АССР, герба республики и, конечно, надпись «200 лет». Также в фондах музея хранятся декоративные тарелки, заварочный чайник и чашка, выпущенные к 70-летию Коми республиканского краеведческого музея. В коллекции музея есть чашки, выпущенные Ленинградским фарфоровым заводом к 50-летию Коми АССР. На них присутствуют изображения нефтяных вышек, дымящихся труб, самолетов и др.

Интересное явление из нашего общего советского прошлого: общепит, что расширяется как «общественное питание» тоже нашло отражение в предметах нашей коллекции. Понятие это было только в советском обществе. В систему общепита входили столовые (городские, ведомственные), кафе, рестораны, закусочные (всевозможные блинные, пельменные, чебуречные). Сразу после революции общественное питание мыслилось как сеть заведений, где можно быстро и качественно поесть в любое время. Это, полагали теоретики, сняло бы с рабочих заботы о питании, мешающие работать в полную силу, не говоря уже о том, что женщины, освобожденные от необходимости готовить еду в семье, смогли бы полностью отдалиться построению социализма.

Особенностью советского общепита было то, что он организовывался, субсидировался и устанавливался государством. Соответственно для системы общепита и выпускалась специальная посуда. На большинстве выпускаемой продукции стояла надпись «Общепит». В коллекции НМРК есть несколько тарелок 1970-х гг., выпущенных для общепита. Они были переданы в музей частными лицами и работниками столовой Коми государственного педагогического института (КГПИ) г. Сыктывкара. Ранее столовая пединститута входила в состав студенческих столовых г. Сыктывкара (под названием «Комбинат питания “Студенческий”») и большая часть посуды, которая использовалась для обслуживания студентов и преподавателей учебных заведений была именно такой и приобреталась специально. Кроме того, в фондах имеется тарелка с монограммой «КПИ», что означает комбинат питания.

Надо сказать, что и продукция «Ухтинского завода “Прогресс”», и посуда для общепита, как и многое другое не является изделиями из фарфора. Это фаянс. Но не упомянуть о данном виде изделий фарфорофаянсовых заводов было бы неправильно, т.к. это тоже часть нашей истории.

Ещё один вид фарфоровых изделий – это статуэтки. В собрании нашего музея хранится более 30 статуэток, выпущенных Ленинградским и Дулевым фарфоровыми заводами, Конаковским фаянсовым заводом имени М.И. Калинина и другими. Традиции создания русского фарфора, в том числе и статуэток, берут свое начало во второй половине XVIII в. В это время была изготовлена первая русская статуэтка, изображавшая медведя; автором ее был Д. Виноградов, которому принадлежит честь создания первого русского фарфора. Интересно, что технологии производства фарфоровых изделий с тех пор не сильно изменились. И даже несмотря на появление нового оборудования и традиций массового производства, русские, а также появившиеся в прошлом веке и советские фарфоровые статуэтки, обладают достаточно высокими художественными достоинствами.

В собрании Национального музея РК статуэтки советского периода представлены в широком многообразии жанров: это и изображения людей и животных, и жанровые сцены, и статуэтки, напоминающие о том или ином важном событии в жизни страны. Как, например, статуэтка «Олимпийский Мишка». Медвежонок Миша (или Мишка) – талисман XXII Олимпийских игр, проходивших в 1980 г. в Москве. Автором персонажа является книжный иллюстратор Виктор Чижиков. Олимпийский Мишка и по сей день остаётся в России одним из любимых народных героев. В фондах музея хранятся целых три таких медвежонка, переданных музею жителями республики в разное время.

Во многих семьях имеются сегодня фарфоровые статуэтки советского периода, которые сохраняются как память о предыдущих поколениях, да и просто являются весьма привлекательными. Ведь для многих образцов советского фарфора характерны жизнерадостность и искренний оптимизм, которые были постоянными спутниками советской эпохи, несмотря на достаточно сложную историю развития нашей страны в этот период.

Дальнейшее изучение коллекции советского фарфора Национального музея РК возможно по разным направлениям: это не только изучение истории семей и жизни отдельных жителей республики, которым принадлежали предметы, хранящиеся в фондах музея, но и изучение истории отдельных фарфоровых заводов и творчества фарфористов.

Сведения о работах иконописцев и иконостасных мастеров Усть-Сысольска в период Великоустюжского викариатства Вологодской епархии (1888–1918)

Для усиления епископского надзора и противодействия расколу в отдаленных уездах Вологодской епархии в 1888 г. было создано Великоустюжское викариатство, центром которого стал город Великий Устюг. Надзору и духовному руководству Великоустюжского викарного епископа были вверены приходы и причты 5 уездов и городов Вологодской губернии, в том числе Усть-Сысольского и Яренского, а также находящиеся в этих уездах монастыри и духовные училища. При епископе викарии было создано Великоустюжское Духовное правление. По резолюциям епископа Духовное правление рассматривало и принимало решения по различным вопросам жизни приходов и монастырей вверенных уездов¹.

О работе иконописцев и иконостасных мастеров на территории Усть-Сысольского и Яренского уездов в период Великоустюжского викариатства достаточно много информации, однако, любые дополнительные сведения или уточнения представляют интерес, так как способствуют более полному изучению данной темы.

Часть Усть-Сысольских мастеров состояла в иконописном цехе Великоустюжской Ремесленной Управы. Так Сорвачев Николай Ефимов² был записан в Великоустюжский иконописный цех в 1896 г.³, его сын Сорвачев Николай Николаев⁴ был принят в 1911 г.⁵, Холопов Викентий Павлов⁶ и Худяев Алексей Павлов⁷ в 1897 г. уже состояли в цехе⁸. В сентябре 1903 г. в Великоустюжский иконописный цех были приняты: сын последнего – Худяев Александр Алексеев и Холопов Василий Иванов⁹. Имея цеховые ремесленные свидетельства на право выполнения иконописных работ, Усть-Сысольские мастера могли беспрепятственно получать заказы в церквях и монастырях.

В период 1896–1897 гг. в Часовской Спасской церкви Яренского уезда «цеховой мастер иконописных дел» Усть-Сысольский мещанин, проживающий в дер. Кочпон, Холопов Викентий Павлов написал иконы для нового иконостаса за 500 руб., иконостас сделал «цеховой мастер резных и иконостасных дел» Васильев Иван Иванов¹⁰. Пока не известно в каком цехе состоял резчик, Вологодский мещанин Васильев И.И.¹¹ В это же время в Яренском уезде проживал крестьянин Вологодского уезда, устюжский цеховой мастер Кашлыков Александр Осипов, который много резал иконостасов, иногда их золотил. Например, в 1896–1897 гг. он делал иконостас в Цилибской Христорождественской церкви, приписанной к Вожемской Троицкой церкви, и в 1904 г. в последней также заменял иконостас, работал в 1900 г. в Ленской Спасской церкви и в Гамской Михайло-Архангельской церкви, и далее в 1909 г. в Глотовской Христорождественской церкви¹².

В документах также встречаются два не цеховых мастера в Яренском уезде – это Ф. Пархачев, называемый по «устройству иконостасов», и Бызов – по «позолотным работам»¹³.

Известно, что в 1898 г. в Палаузской Богородской церкви Викентий Холопов писал иконы в иконостасы, устроенные устюжским резчиком, цеховым мастером В.А. Жилиным¹⁴. По документам Великоустюжского Духовного правления в 1898 г. 2 октября на прошение священника Палаузской Богородской церкви Усть-Сысольского уезда А. Клочкова от 13 сентября, было дано разрешение «произвести живописную работу в иконостасах теплаго храма означенной церкви с отдачей работ цеховому мастеру Викентию Павлову Холопову по

¹ Вологодские епархиальные ведомости. Ромашкина С.Н. Иконописцы и иконостасные мастера в уездах Великоустюжского викариатства Вологодской епархии (1888–1918) (в печати).

² Плаксина Н.Е. К вопросу об авторах и эволюции иконостасов Ибской Вознесенской церкви в XIX веке (по письменным источникам) // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 3. Сыктывкар, 2004. С. 118; Ромашкина С.Н. «Столица зырянского края»: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар, 2006. С. 61; Ельсова М.И., Плаксина Н.Е. Богомазы Сорвачевы // Дым Отечества. 2008. 27 сентября 2008. С. 3; Плаксина Н.Е. Иконописцы и иконостасные мастера в Коми крае (XVII – начало XX века). Словарь. Сыктывкар, 2010. С. 98–99.

³ Ромашкина С.Н. Указ. соч.

⁴ Покаяние. Мартиролог. Т. VII. Ч. 2 / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 2004. С. 1111; Ельсова М.И., Плаксина Н.Е. Богомазы Сорвачевы... С. 3.

⁵ Ромашкина С.Н. Указ. соч.

⁶ Павлошин С.Е., Крутиков А.В. Храмы Коми края // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 323; Холопова Д. Семья Холоповых // Сыктывкар и сыктывкарцы / Сост. Лыткин Л.А. Сыктывкар, 2004. С. 127; Плаксина Н.Е. К вопросу об авторах и ... С. 119; Кочерган Л.И. Холопов Александр Викентьевич: из родословной художника-архитектора // Музейная педагогика в образовательных учреждениях: сб. статей. Сыктывкар, 2008. С. 65; Плаксина Н.Е. Иконописцы... С. 113–115.

⁷ Ельсова М.И. Родословная роспись уроженцев села Вильгорт за XVI – XX века. Сыктывкар, 2004. С. 190; Ельсова М.И. Род Худяевых села Вильгорт: от священника до профессора // Краеведение в Республике Коми: история, современность. Перспективы: материалы республиканской краеведческой конференции (Сыктывкар, 13–14 мая 2004 г.). Сыктывкар, 2004. С. 277; Плаксина Н.Е. Иконописцы... С. 120–121.

⁸ Ромашкина С.Н. Указ. соч.

⁹ Плаксина Н.Е. Иконописцы и ... С. 38–39, 112–113, 118–119.

¹⁰ Ромашкина С.Н. Указ. соч.

¹¹ Плаксина Н.Е. Иконописцы... С. 132.

¹² Ромашкина С.Н. Указ. соч.

¹³ Там же.

¹⁴ Плаксина Н.Е. Иконописцы... С. 114–115, 134–135.

представленному при прошении списку икон». При этом уточнялось, что «в клейме, находящемся над царскими воротами в левом приделе должна быть помещена «Тайная вечеря» вместо Вознесения Господня, а расположение прочих икон в иконостасах должно быть согласно применительно порядку указанному в книге «Новая скрижаль»¹.

В 1900 г. Викентий Холопов «за устройство складного иконостаса для подвижной церкви и написание на нем икон» при Николаевской Савиноборской церкви Усть-Сысольского уезда получил 140 руб.²

В 1905 г. причту и старосте Глотовской Христорождественской церкви Яренского уезда Великоустюжским Духовным правлением разрешалось «израсходовать 300 рублей из свободных церковных сумм на обзаведение новых икон для нового иконостаса с отдачей письма живописцу Викентию Холопову» под ответственность причта и Благочинного³.

На заседании Духовного правления 13-14 апреля 1898 г., по прошению причта Кажимской Димитриевской церкви Усть-Сысольского уезда, дано разрешение «церковному старосте сей церкви Павлу Мошкину возобновить стенную живопись в холодном приходском храме во имя Св. Димитрия Ростовскаго Чудотворца на собственные средства старосты, с сохранением прежнего вида живописи». Работу разрешалось отдать хозяйственным способом «иконописцу Алексею Худяеву, имеющему на право иконописных работ свидетельство»⁴.

В 1900 г. для нового иконостаса Уцецкой Христорождественской церкви Устюжского уезда «Алексей Павлов Худяев за 130 рублей с пересылкой и доставкой» написал «16 новых икон в иконостасе (в том числе клейма на царских воротах, принимаемая за одну икону)»⁵. Уцецкая Христорождественская церковь входила в третий благочинный округ Устюжского уезда с нахождением Благочинного в городе Лальске⁶.

В 1904 г. пробовал получить заказ в Великом Устюге Александр Худяев⁷.

В 1911 г. по прошению доверенных крестьян дер. Давпонской Вильгортской волости Усть-Сысольского уезда Ивана Прокопьева и Степана Иванова Жаковых Духовным правлением было разрешено устройство иконостаса в часовне деревни мастеру Николаю Сорвачеву⁸.

Много заказов в Усть-Сысольском уезде выполняли резчики и иконописцы отец и сын Федосеевы, крестьяне села Покча Чердынского уезда Пермской губернии, владевшие иконостасно-живописной мастерской, расположенной в с. Покча, в их собственном доме⁹.

В 1897 г. Федосеев Алимпиий Васильев, «по подряду устроил» 2 новых иконостаса с написанием 14 икон в теплом нижнем храме Деревянской Христорождественской церкви за 1600 руб.¹⁰

В 1901 г., 24 апреля, Великоустюжское Духовное правление по рапорту Благочинного 4-го округа Усть-Сысольского уезда, с приложением прошения Гришинского строительного попечительства Благовещенского прихода, разрешило «устройство» иконостаса во вновь построенном Благовещенском храме в дер. Гришинской Подбельского Троицкого прихода «по представленному рисунку с отдачей работ цеховому мастеру Алимпию Васильеву Федосееву за 2550 рублей» на обычных условиях¹¹. К сожалению, не известно в каком цехе состоял А.В. Федосеев. Письмо икон для нового иконостаса с ноября того же года выполняли мастера Алексей Худяев, Николай Сорвачев и Викентий Холопов за 474 руб., как имеющие законные свидетельства от цеховой управы на право производства иконописных церковных работ¹².

В новоустроенном Ручевском храме Сретения Господня Усть-Сысольского уезда, Великоустюжским Духовным правлением было разрешено в 1903 г. на средства церковно-приходского попечительства устроить иконостас «с отдачей работ иконостасных дел мастеру Федосееву» по приложенному рисунку и «с написанием икон по приложенному перечню». При этом предписывалось сделать исправления: «римские цифры на скрижальях, помещенных вверху иконостаса, чтобы были заменены славянскими»¹³.

В 1905 г. причт, староста и попечительство Троицкой Подбельской церкви Усть-Сысольского уезда испрашивали разрешение «построить в честь рождения цесаревича Алексея в теплом храме Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил вместо старого иконостаса новый, на средства прихожан, с отдачей работ мас-

¹ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.7848. Л.271 об.-272.

² Ромашикина С.Н. Указ. соч.

³ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.8227. Л.66 об.

⁴ Там же. Д.7848. Л.102 об.-103.

⁵ Ромашикина С.Н. Указ. соч.

⁶ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.8578. Л.1143-1145.

⁷ Ромашикина С.Н. Указ. соч.

⁸ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.8481. Л.82-82 об.

⁹ Чагин Г.Н. На древней Пермской земле. М., 1988. С.136, 127; Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. / Авт.-сост. Ю.А. Гончаров, Н.А. Гончарова, О.П. Губкин, Н.В. Казаринова, Т.А. Рунева. Екатеринбург, 1998. С. 10, 205, 326-327; Казаринова Н. Почитание икон как феномен культуры. На материале памятников Пермского региона // Кировский художественный музей им. В.М. И.А.М. Васнецовых: материалы и исследования (1994–1997). Киров, 2000. С. 176, 182; Павлюшин С.Е., Крутиков А.В. Храмы Коми края... С. 323; Роцевская Л.П. Архитектура и строительство в Коми крае... С. 52; Плаксина Н.Е. Иконописцы Талановы и Ульяновская обитель (по материалам переписки) // XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в человеке: материалы всероссийской научно-практической конференции 14-15 ноября 2005 года. Сыктывкар, 2006. С. 32; Плаксина Н.Е. Иконописцы и ... С.145-148.

¹⁰ Ромашикина С.Н. Указ. соч.

¹¹ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.7986. Л.127-127 об.

¹² Там же. Д.7986. Л.301 об., 318 об.-319, 343.

¹³ Там же. Д.8113. Л.113-113 об.

теру Федосееву за 2400 руб.». Духовное правление дало разрешение на работы, «если цена кажется недорогой»¹. В том же 1905 г. Духовным правлением было разрешено причту и старосте Помоздинской Успенской церкви Усть-Сысольского уезда устройство иконостаса в теплом храме для двух приделов: во имя Св. Николая Мирликийского Чудотворца и Св. Стефана Пермского, на средства приходского попечительства с отдачей работ мастеру Алипию Федосееву по представленному рисунку².

В Усть-Сысольском и Яренском уездах много работали устюжские цеховые мастера. В период Великоустюжского викариатства, в основном, это были резчики, реже иконописцы. Это вызвано тем, что в данный период было уже достаточное количество местных Усть-Сысольских цеховых иконописцев, которые могли выполнять ближайшие заказы. К тому же иконописные работы стоили дешевле иконостасных, поэтому Устюжские иконописцы не стремились выезжать в отдаленные уезды, т.к. находили заказы не далеко от своего дома. На сегодняшний день, кроме имеющихся сведений о работе в Усть-Сысольском уезде Кострова Пантелеймона Яковлева³, можем добавить еще один пример выполнения заказа устюжским цеховым иконописцем, Красноборским мещанином Ворониным Николаем Александровым в Вотчинском Стефановском храме⁴. Чаще встречается ситуация, когда «устройство» иконостаса выполнял устюжский резчик, а иконы писал Усть-Сысольский иконописец. Например, Костров Яков Дмитриев⁵ в 1896–1897 гг. в Ужгинской Афанасьевской церкви Усть-Сысольского уезда сделал два резных иконостаса, иконы для них написал Алексей Худяев; в Коткеросской Успенской церкви, в нижнем Никольском храме он же «устроил» трапезный иконостас и сам написал в нем семь икон, хотя письмо икон не было разрешено отдавать резчику; при Неборинской Спасо-Преображенской церкви он же сделал новый иконостас в теплую церковь, письмо икон выполнил снова Алексей Худяев⁶. Или, например, Жилин Василий Андреев в 1897 г. в Позтыкеросской Троицкой церкви и в 1898 г. в Палаузской Богородицкой церкви Усть-Сысольского уезда сделал новые иконостасы, а иконы для них написал Викентий Холопов.⁷ Можно добавить, что Жилин Василий Андреев в 1910 г. работал в Пыелдинской Николаевской церкви. Также в Усть-Сысольском уезде трудились иконостасных дел мастера Жилины Андрей Васильев в Вотчинском Стефановском храме и Павел Васильев в Визинской Троицкой церкви. Жилин (без указания инициалов) работал в Гривенской Георгиевской и в Нючпасской Прокопьевской церквях Усть-Сысольского уезда. Архипов Георгий Андреев «устроил» иконостас в Шеномской Богоявленской церкви Яренского уезда. Костров Д.Я. заменил старый иконостас в Нювчимской Дмитриевской церкви Усть-Сысольского уезда⁸.

Таким образом, Великий Устюг, как региональный центр художественной культуры, по-прежнему оказывал заметное влияние на территории, исторически и духовно связанные с устюжской землей. Шестеро Усть-Сысольских иконописцев состояли в Устюжском иконописном цехе. Усть-Сысольские мастера, в основном, работали в Усть-Сысольском и Яренском уездах Великоустюжского викариатства и пока известен только один случай выполнения заказа иконописцем А.П. Худяевым для церкви Великоустюжского уезда.

*Л.П. Роцевская
Коми НИЦ УрО РАН, Сыктывкар*

Роль краеведческого музея Коми АССР в консолидации научного сообщества

Музейные учреждения традиционно рассматриваются в русле культурно-просветительной сферы. Признавая эту функцию основополагающей, желательнее проследить и иные функции музеев на фоне развития общества.

Одна из таких функций – консолидация. В современных словарях слово объясняется и используется только в устоявшемся политическом или экономическом контексте. Консолидация – это согласие, основанное на многообразии и доверии действующих лиц или учреждений; сотрудничество и взаимопомощь сторон, опирающихся в своей деятельности на высокую духовность и взаимную поддержку; солидарность взглядов и интересов.

В литературе проблема консолидации рассматривается как составная часть социологии, но с исторических позиций она является условием становления, развития и составной частью научного сообщества.

Автор рассматривает консолидацию как объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для достижения общих целей и интересов. Консолидация интеллектуальных сил вокруг музея является показателем развития научных и исследовательских центров. Проследить формирование и развитие музея, как части формирования и развития научного сообщества, и является целью данного выступления.

¹ Там же. Д.8227. Л.12.

² Там же. Д.8227. Л.135.

³ Чебыкина Г.Н. Великий Устюг во второй половине XIX – начале XX века // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 79; Паавлошин С.Е., Крутиков А.В. Храмы Коми края. С. 323; Плаксина Н.Е. Иконописцы... С.72-74.

⁴ ВЕВ. 1900. Приложение № 20. С. 505; Чебыкина Г.Н. Указ. соч. С. 79; Ромашикина С.Н. Указ. соч.

⁵ Рогачев М.Б. Печальная летопись Стефановского собора // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 152; Рогачев М.Б. «Столица зырянского края»: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар, 2006. С. 149; Чебыкина Г.Н. Указ. соч. С. 79; Плаксина Н.Е. Иконописцы... С. 137-138.

⁶ Ромашикина С.Н. Указ. соч.

⁷ Чебыкина Г.Н. Указ. соч. С. 84; Плаксина Н.Е. Иконописцы... С. 134-135.

⁸ Ромашикина С.Н. Указ. соч.

С позиции консолидации в истории краеведческого музея Коми АССР можно выделить несколько этапов.

Первый этап относится к дореволюционному периоду. Известно, что первые экспонаты были собраны членами Усть-Сысольского отделения Архангельского общества изучения русского Севера. Следовательно, очень велика объединительная деятельность отделения АОИРС в развитии научного сообщества на периферии.

В истории становления музея после 1917 г. был перерыв. Только в 1922 г. в стране началось создание местных музеев и архивов. В Усть-Сысольске во главе движения вновь находился энергичный А.А. Цембер, вернувшийся на родину. Он действовал уже при поддержке краеведов нового поколения – членов общества изучения Коми края (ОИКК). По предложению членов ОИКК музей около двух лет был в ведении Общества, которое подготовило и издало программы по изучению Коми края. Предисловие написано директором Д.А. Батиевым, программа – сотрудниками музея. Издание было основополагающей работой музея по консолидации краеведческих ресурсов. Произошел коренной передом в работе музея. Если до революции руководство его деятельностью принадлежало Архангельску, то теперь – местным краеведам.

С середины 1920-х гг. музей становится государственным, учрежденческим центром по объединению интеллигенции. До середины 1930-х гг. музей, фактически, оставался единственным постоянно действующим центром учрежденческого вида, центром объединения культурных, просветительских, патриотических кругов общества, что подтверждают и дневниковые записи А.А. Цембера. Определенным этапом в просветительской деятельности явилась юбилейная выставка, посвященная десятилетию Октябрьской революции (1927 г.). Изменился экспозиционный принцип. Вместо показа коллекций (что часто приводило к дублированию экспонатов) был выбран исторический подход. Немалую роль в этом отношении сыграла деятельность сотрудника музея К.И. Ясенецкого по созданию при музее акклиматизационного участка. Повальное увлечение горожан огородничеством отражает дневник Цембера, создание директором коми типографии З.Д. Следниковым подсобного хозяйства при типографии, а позже при Коми пединституте (КГПИ). Но и в 1928 г. современники признавали, что музей переживает еще первичную стадию строительства. А между тем в коми появились новые учреждения научного типа.

В первые годы в КГПИ все внимание сотрудники были вынуждены обращать на организацию учебного процесса. Научные разработки не имели объединяющей проблемы. Недаром, сотрудников музея, как представителей интеллигенции, приглашали к сотрудничеству и в КГПИ и в Коми научно-исследовательский институт. В Коми НИИ главное внимание уделяли изучению языка и геологии. Музей оставался интеллектуальным центром по изучению истории края. Недаром ОИКК действовало при нем.

К середине 1930-х гг. были сформулированы новые принципы консолидации общественности вокруг музея: «необходимо смотреть на музей, как на важное культурно-просветительное и пропагандистское учреждение», «создать условия для проведения научно-исследовательской работы»; «без художника-проектировщика работать в музее невозможно» и др.

Присвоение музею статуса Республиканского краеведческого музея в 1940 г. подчеркивало значение учреждения как объединительного центра, но экстремальные обстоятельства затрудняли развитие культурно-просветительных учреждений.

В условиях Великой Отечественной войны музей не мог сохранить лидирующие позиции: произошло резкое сокращение материальных возможностей и штатов, с музеем начали сотрудничать эвакуированные в Сыктывкар специалисты и научные сотрудники. Главным событием, повлиявшим на деятельность музея, стало появление в городе эвакуированных научных учреждений из Архангельска и Кировска Мурманской области, а затем в 1944 г. создание научно-исследовательской Базы АН СССР в Коми АССР.

Лидирующие позиции в научном сообществе и в консолидации интеллектуальных сил перешли к академическому учреждению.

С одной стороны, благодаря деятельности музея увеличивались возможности Академии наук по расширению влияния на регион, с другой – музейщики получали возможность сравнения собственных и академических методов, приемов, организационных принципов научной деятельности. Полученный опыт научных академических исследований переносили на собственную деятельность. Происходило взаимообогащение Академии наук и музейного научного сообщества в сфере разных отраслей науки, в способах организации дальнейших исследований и сплочении научных коллективов. Музей стал не только научной базой для академии наук, но и притягивал местное население для частных исследований.

Музей должен был найти собственное место в развитии научного сообщества республики. Этому процессу содействовали многие обстоятельства. Одним из них стал 25 летний юбилей Коми АССР.

Сотрудничество с Коми филиалом АН СССР имело разные проявления, прежде всего в виде оказания научной поддержки при составлении новых экспозиций по истории и биологии. С конца 1950-х гг. сотрудники музея стали участвовать в экспедициях Коми филиала АН СССР, прежде всего археологических. Новая экспозиция «Человек в борьбе за преобразование природы Севера» была признана новаторской и по содержанию и художественному решению. Показателем признания заслуг Республиканского музея были два крупных научных мероприятия на его базе: совещание музейных работников автономных республик и ряда областей РСФСР (1958 г.) и Всесоюзный семинар работников отделов природы краеведческих музеев (1963 г.).

Самостоятельное значение имели издания краеведческого музея, которые появились в начале 1960-х гг. (тематико-экспозиционный план «Человек в борьбе за преобразование природы Севера», 1960; сборник «Мате-

риалы по археологии Европейского северо-востока», 1962 г.; «Памятники культуры Коми АССР»; «Библиографический указатель литературы о Коми АССР», 1963).

Факторами возрастания роли музея в консолидации интеллектуальных сил республики являются: позитивная общегражданская ситуация и идеологические задачи управления в стране; появление новых концепций музееведения; наличие сильного профессионального руководителя; разработка и открытие новых постоянных экспозиций (выставки, посвященные 25-летию Коми АССР в 1946 г., 50-летию Октябрьской революции в 1967 г., VI международному финно-угорскому конгрессу в 1985 г.); ввод новых зданий и помещений, открытие литературного музея; создание районных краеведческих музеев в 1980-х гг.; воссоздание Общества изучения коми края, одним из учредителей которого стал республиканский музей.

В 1994 г. музей получил статус Национального. Это событие является признанием ведущей роли Национального музея Республики Коми в деле консолидации краеведческих сил, сохранения, изучения и пропаганды историко-культурного наследия республики. Музей в современной науке рассматривается как центр науки, патриотического и нравственного воспитания.

Принципы, которыми руководствуется музей в стремлении к консолидации, являются: учет культурного многообразия; сохранение самобытности этнических групп, поддержка не только этнических и конфессиональных групп, но и общественных организаций и творческих союзов, которые выступают как гражданская инициатива.

Научное сообщество может рассматриваться на разных уровнях: и как сообщество всех ученых, составляющих национальное научное сообщество, и как сообщество специалистов, занимающихся определенной дисциплиной или определенной проблемой. В развитии любых форм научной деятельности немаловажную роль играют мотивация, побудительные мотивы, понимание и осознание того, ради чего деятельность осуществляется и совершается.

Роль краеведческого музея Коми АССР в консолидации научного сообщества выражается в стремлении приобщить как можно больше активистов к пониманию общности целей. При этом, с одной стороны, музею присуща поддержка устойчивых традиций, с другой – отсутствие прямого принуждения и фиксированного членства единомышленников.

Следует отметить, что не каждый музей можно назвать научным сообществом. К таковым можно отнести лишь те, которые, выполняя основные функции культурно-просветительского учреждения, на определенном этапе создают условия для формирования научных сообществ в музейном пространстве. Именно таким является Национальный музей Республики Коми.

В.А. Рубин

Оренбургский государственный аграрный университет

Военно-мемориальное строительство в публикациях журналистов советского и постсоветского периодов (на примере Оренбургской области)

Уважительное отношение к памяти воинов, погибших при защите Отечества, является священным долгом всех граждан. В последние годы федеральными, региональными и муниципальными органами власти уделяется повышенное внимание вопросам сохранения военно-мемориальных сооружений, организации учета воинских захоронений, обустройству и содержанию в надлежащем состоянии братских и одиночных могил иностранных государств на территории России.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев 25 марта 2010 г., выступая на заседании Российского организационного комитета «Победа», сказал: «Особое значение имеет военно-мемориальная работа, ответственность за это лежит на регионах и органах местного самоуправления. Ветераны очень просили эту работу проводить и дальше, очень внимательно относиться к памятникам. Наша задача, конечно, привести их в полный порядок».

30 ноября 2010 г. в послании Федеральному Собранию Дмитрий Медведев, излагая свою позицию по основным направлениям развития социальной сферы, произнес следующее: «Больше внимания нужно уделять патриотическому воспитанию молодёжи... Я давал Правительству поручение активизировать поисковую работу, привести в порядок воинские памятники, мемориалы. У нас ещё не всё с этим благополучно. Но я считаю, что все власти должны заниматься этим постоянно»¹. Регулярное внимание со стороны главы государства к данному вопросу является весомым свидетельством актуальности как военно-мемориальной работы, так и исследований в сфере сохранения российских мемориалов.

Однако актуальность комплексного исторического исследования военно-мемориальных сооружений российского региона обусловлена, в том числе, отсутствием обобщающих трудов по данному вопросу. Круг источников по указанной проблеме ограничен, и каждый из них нуждается в полноценном источниковедческом анализе. Для более глубокого понимания потенциала периодической печати в качестве источника при изучении истории военно-мемориального искусства будут проанализированы газетные публикации оренбургских журналистов советского и постсоветского периодов.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]: сайт Президента России / Администрация Президента Российской Федерации. Москва, 2010. Режим доступа к сайту: <http://президент.рф>.

При подготовке научной статьи исследованы свыше 1500 подшивок 4 областных¹ и 56 районных² газет. В ходе изыскания были обнаружены 373 статьи, прямо или косвенно затрагивающих историю оренбургских мемориалов, которые и легли в основу труда.

Исследуя публикации в местной периодической печати, понимаешь, что большая часть выявленных статей о региональных мемориалах выходила в мае и ноябре, что было связано с двумя праздничными датами – днем Победы в Великой Отечественной войне и днем Великой Октябрьской социалистической революции. Необходимо отметить, что больше всего публикаций выходило в юбилейные годы.

Статья является источником для установления даты установки и открытия памятного сооружения. Открытие мемориала – крупное, общественно значимое событие для города или района, поэтому возможно предположить, что в газетных публикациях вероятно обнаружить упоминание об открытии всех местных военно-мемориальных сооружений. Следовательно, данный источник целесообразно использовать в исследованиях мемориального искусства российских регионов.

Газетные публикации, которые были выявлены в ходе научно-исследовательской работы целесообразно разделить на два типа – это публикации посвященные открытию мемориала или его реконструкции (ремонт, замене на новый) и очерки, связанные с памятными датами. В последних, как правило, освещались митинги, проходившие возле крупных мемориалов. Необходимо, однако, отметить важную особенность, обнаруженную в ходе поиска – выявлять статьи о сельских мемориалах проще, чем городских, поскольку в районах, как правило, функционировала одна газета, в городах – две – три.

Сами статьи писались схематично. Как правило, в материалах отражали следующие сведения. В начале публикации указывалось место установки памятного сооружения, надпись на постаменте, упоминалось о том, кому посвящен памятник. В частности, из статьи в газете Ленинское знамя узнаем, что памятник в п. Адамовка был установлен в центре поселка, в сквере у здания райисполкома.

У вновь открывавшегося памятного места выставлялся почетный караул, в который включали представителей разных поколений (ветеранов Русско-Японской, Гражданской, Первой и Второй мировых войн, локальных конфликтов в Афганистане и Чечне, партийных и хозяйственных руководителей, особо отличившихся тружеников села, призывников, школьников и др.).

Открытие мемориала сопровождалось митингом. Как правило, первыми выступали руководители города или района. Так, митинг, посвященный 27-й годовщине Победы над фашистской Германией, в п. Адамовке открывал председатель исполкома райсовета И.И. Цвяк, после него выступал районный военный комиссар А.Е. Евдокимов.

В газетных материалах упоминаются инициаторы, авторы и исполнители военно-мемориальных сооружений. В частности, в п. Шильда Адамовского района в 1971 г. памятник павшим воинам в годы Великой Отечественной войны построен при содействии председателя поселкового совета И.А. Чубова и директора Шильдинского элеватора М.А. Чевычалова. В 1970-е гг. в поселке Шильда проживали около 100 участников и инвалидов войны 1941–1945 гг. Очевидно, это и послужило поводом для открытия мемориального места. Памятник жителям поселка Джарабутак (установленный в поселке Комсомольский Адамовского района), погибшим на фронтах Великой Отечественной, создан в 1978 г. по инициативе первого директора музея А. Т. Клепиковой. 9 мая 1983 г. в п. Комсомольский была также открыта стела павшим на полях сражений в Великую Отечественную войну. Идея создания монумента принадлежит А.А. Клипенштейну, работавшему в то время заведующим отделом культуры Адамовского района. По его предложению были возведены несколько стел поселка (знак п. Комсомольский на въезде в совхоз, знак первоцелинников рядом с районной больницей и др.). На наш взгляд, это связано с тем, что пресса заинтересована, в первую очередь, осветить само открытие мемориала, запечатлеть общественно-значимое мероприятие, наиболее интересные моменты данного события. Второстепенной, к сожалению, оказывалась история создания монумента.

¹ «Большевицкая смена» / орган Оренб. губ. оргбюро и ГК РКСМ [1935 – янв. – авг. 1940; 1950 – 1952]. С 1953 по 1990 гг. – «Комсомольское племя»; с 1991 по 1999 гг. – «Новое поколение»; с 2002 по 2005 гг. – «Молодое поколение Оренбуржья»; Революционный порядок / орган Политотдела УРКМ – УНКВД по Чкаловской обл. [1938 – 1939; 1942 – 1948 – 1954 гг.]; Сталинец / Южно-Уральский военный округ [1951–1955]. С 1955 г. – «Боевое знамя»; Чкаловская коммуна [1939–1957]. С июля 1921 по 1923 гг. – «Степная правда»; с нояб. 1923 по май 1925 гг. – «Советская степь»; с мая 1925 по март 1930 гг. – «Смычка»; с марта 1930 по дек. 1938 гг. – «Оренбургская коммуна»; с 1958 г. – «Южный Урал».

² «Белозерский колхозник» / орган Белозерского райкома КПСС и район. Совета народных депутатов Чкаловской обл. [в библиотеке с 1940 по 1962 гг.]; «Голос ударника» / орган Ивановского райкома ВКП (б), районного Совета депутатов трудящихся Чкаловской обл. [1940–1941; 1945; 1947–1952]; «За большевицкие колхозы» / орган Мордово-Боклинского РК ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся Чкаловской обл. [1940–1941; 1951; 1952]; «За сталинский урожай» / орган Заянчуринаевского райкома ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся [1940–1941; 1951–1956]. С 1956 г. – «Знамя труда», «Заветы Ильича» / орган Сок-Кармалинского райкома ВКП (б) Чкаловской обл. [июль, авг. 1940–1955; янв. – авг. 1957]; «Знамя колхоза» / орган Саракташского РК ВКП (б) [1940; 1943; 1950–1959]. С 1959 по 1993 гг. – «Путь Ленина»; с 1993 г. – «Пульс дня», «Знамя Сталина» / орган Ново-Покровского РК ВКП (б) и райисполкома [1941–1956]; «Коллективная мысль» / орган Люксембургского райкома ВКП (б) [1940 – 1959]; «Колхозная жизнь» / орган Мустаевского РК ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся Чкаловской обл. [1940–1945; 1949–1958; 1961–1962]; «Колхозное знамя» (Покровский район) [1940–1959]; «Красная бурта» / орган Буртинского райкома ВКП (б) [1940–1942; 1945–1956]; «Красная степь» / орган Домбаровского райкома ВКП (б) [1940–1941; 1945–1947; 1949–1955]. С 1956 г. – «Коллективный труд»; с 1965 – «Восход»; и др.

Описание памятника также встречается не во всех статьях. Порой журналисты указывают на символическое значение того или иного сооружения, не говоря о составных частях и внешних композиционных особенностях памятного сооружения. В некоторых статьях можно встретить описание центрального монумента, однако не приводится информация об иных деталях мемориального комплекса (боковых стелах и плитах, вечном огне и др.).

Кроме того, средствами массовой информации описывалось проведение Минуты молчания. Во время митингов слово предоставляли ветеранам Великой Отечественной войны, ученикам школ, призывникам. Так, на митинге в Адамовке в 1982 г. у памятника землякам, павшим в боях за Родину выступили заместитель райвоенкома Х.Я. Рахимкулов, ветеран войны и труда И.И. Цвяк, военнослужащий В. Сурдов, призывник С. Никулин, секретарь райкома ВЛКСМ Г. Мануйлова, учащаяся школы № 1 К. Мендыбаева.

Во время проведения памятных мероприятий звучал гимн Советского Союза (Российской Федерации), песни военных лет, реквием. Традиционным мероприятием являлось возложение цветов и венков к мемориалу. В целях отдания воинских почестей нередко проводилось торжественное прохождение у памятников колонн военнослужащих, ветеранов, трудящихся, молодежи, информацию о чем можно также обнаружить в региональных газетах XX – начала XXI столетий.

В целях сохранения исторической памяти во многих публикациях встречаются биографические статьи о ветеранах, в которых, как правило, рассказывается о довоенном, военном, и послевоенном этапах жизни известных и рядовых участников Великой Отечественной и Гражданской войн.

Помимо биографий встречаются статьи про подвиги ветеранов, а также павших в годы установления Советской власти. Например, 29 мая 1921 г. из Орского уездвоенкомата была послана в Адамовку телеграмма, что банда Охранока заняла поселок Бреды. Состоялось экстренное заседание военсовета. Бывший батрак, ставший первым заместителем секретаря райпарткома, Петр Аркуша вызвался принять на себя командование отрядом красноармейцев для защиты поселка. 1 июня в 5 км от Адамовки состоялся неравный бой с вражеским отрядом, в котором погибли Петр и Леонтий Аркуши. В годы Гражданской войны в бою с белогвардейцами отдали жизнь коммунисты, комсомольцы и активисты Адамовки во главе с Аркушей, Носачевым. На братской могиле им воздвигнут монумент.

Таким образом, в данной статье проанализирован потенциал периодических изданий как источника для исследования отечественных военно-мемориальных сооружений. Основное внимание сосредоточено на сведениях, которые возможно выявить при изучении истории мемориального искусства российских регионов в публикациях журналистов советского и постсоветского периодов. Статьи отличают схематичность и информационная ограниченность.

И.А. Рылова

Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда, Ижевск

Культурно-познавательный туризм как инструмент сохранения наследия и фактор развития экономики региона (Опыт разработки концепции «Развитие культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике 2010–2015 гг.»)

Туризм сегодня является одной из наиболее высокодоходных и динамично развивающихся отраслей экономики, оказывающих сильное мультипликативное влияние на совокупную деятельность различных секторов экономики. Индустрию туризма и гостеприимства следует считать комплексобразующей отраслью, основанной на интегрированном использовании всего экономического, культурного и природного потенциала территории. Следует признать, что российская индустрия туризма и гостеприимства находится в стадии поступательного развития.

В 2009 г. по инициативе Правительства Удмуртской Республики, Министерства культуры УР была создана рабочая группа для разработки концепции ««Развитие культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике 2010–2015 гг.»).

Основной целью Концепции является исследование условий для создания в регионе современного эффективного и конкурентоспособного культурно-познавательного туристского комплекса, а также, вклад в развитие экономики региона, сохранение и рациональное использование природно-рекреационного и культурно-исторического потенциала Удмуртской Республики.

Для получения среза историко-культурного потенциала и потенциала культурных программ районов и учреждений культуры республики в плане развития культурно-познавательного туризма, а также для организации сбора материалов для концепции были проведены следующие исследования:

- туристический потенциал районов Удмуртии;
- анализ рынка туристических услуг Удмуртии;
- структура и динамика туристских потоков, сегментирование потенциальных потребителей культурно-познавательного туризма;
- информационные ресурсы Интернета в аспекте формирования туристического интереса к культурным объектам Удмуртской Республики;
- кадровый потенциал отрасли культуры для развития культурно-познавательного туризма.

Концепция является базовым документом, который должен выступать в качестве основы для разработки и принятия всех последующих нормативных правовых актов в сфере культурно-познавательного туризма на территории Удмуртской Республики.

В ходе данных исследований было выявлено, что Удмуртская Республика имеет значительный туристическо-рекреационный потенциал, пока не в полной мере оцененный ни на уровне государственной политики, ни на уровне массового общественного сознания.

Культурное наследие Удмуртии включает в себя полноценный набор компонентов недвижимого наследия сельской и городской культуры, живой традиционной культуры, организаций работающих со всеми формами наследия.

Самобытность и уникальность Удмуртии складывается из нескольких компонентов:

1. Живая культура чересполосно проживающих народов трех крупнейших евроазиатских миров: славянского, финно-угорского и тюркского.
2. Сохранившиеся языческие верования.
3. Крайне интересен также мифологический ландшафт, сложенный из сочетания объектов археологии и удмуртских преданий богатырского цикла.
4. Мы имеем брендовые имена мирового и российского масштаба – П.И.Чайковский, М.Т.Калашников, Г.А.Кулакова и ряд других выдающихся спортсменов, кавалерист-девица Надежда Дурова, художники Сведомские, представители вятских купеческих династий.

Вместе с тем состояние наследия, уровень его предъявления и использования, а также состояние учреждений культуры, рассматриваемых в качестве объектов культурного наследия, не соответствуют современным требованиям развития туристической отрасли.

В данной ситуации развитие культурно-познавательного туризма является средством актуализации наследия, инструментом его сохранения. А учреждения культуры могут стать активными субъектами социально-экономического развития региона.

Туристическая отрасль в регионе не сформирована как самостоятельный и влиятельный сектор экономики. Тем не менее, ее участники демонстрируют возможности, заявляют о правах и существующих проблемах. Учитывая ту важную роль, которую туризм может играть в социально-экономическом развитии региона и улучшении жизни ее жителей, проблемы отрасли нуждаются в первостепенном решении.

В настоящее время учреждения культуры республики (музеи всех уровней, центры ремесел, учреждений клубного типа, а также центры национальных культур) стали инициаторами разработки и реализации культурно-образовательных программ для туристов, заинтересованы в увеличении потребителей своих услуг, что позволяет отнести их к основным субъектам развития культурно-познавательного туризма.

В городах республики музеи становятся не только объектами туризма, но и берут на себя роль туроператоров по внутреннему, въездному туризму.

Одним из лидеров сельских муниципальных районов Удмуртии в сфере культурного туризма остается Игринский район. Сотрудниками Национального музея УР, Управления охраны памятников УР, а также специалистами районных музеев севера Удмуртии был разработан маршрут «Сибирский тракт – дорога сквозь века» (история великого торгового, почтового и кандалного пути). Проект был поддержан благотворительным фондом В.Потанина.

Данная инициатива показала, что музей способен взять на себя роль инициативного менеджера, который на своей территории может достаточно быстро провести первоначальную работу с местным населением: опрос-анкетирование жителей, инвентаризацию туристического потенциала, обучающие семинары для хозяев и т. п. Кроме этого, музеям было гораздо проще наладить отношения с туристическими фирмами, которые мог бы заинтересовать предложенный вариант отдыха. Основной задачей музея на этом этапе стала не только работа в качестве менеджера, а разработка одной или нескольких интересных познавательных интерактивных туристических программ для гостей, которые связаны с историей, традициями, бытом и этнографией данной территории.

Не менее важной обязанностью музея на первом этапе создания и продвижения своего продукта, стало взаимодействие с местными сельскими, районными и региональными органами власти и поиск механизмов, которые позволят им получать хотя бы минимальную помощь со стороны государства. При музее управлением культуры района был создан Визит-центр «Сибирский тракт», объединивший вокруг себя всю деятельность по развитию туризма и продвижению маршрутов на республиканский и российский рынок.

В 2008 г. сотрудниками Игринского музея был разработан проект маршрута «На родину Лопшо Педуня» (герой удмуртской мифологии), который также стал победителем конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимым Благотворительным фондом В.Потанина. Данный туристский продукт стал визитной карточкой района, одним из популярных маршрутов для школьников Ижевска, а также средством сохранения культурного наследия района.

Анализ годовых отчетов Визит-центра свидетельствует о востребованности маршрута (2008 г. – 2332 туриста, 2010 г. – 3525). Данные цифры говорят не только об увеличении потока туристов, а также о притоке денежных средств в учреждения культуры района (музей, центры ремесел, центр народной культуры района).

Опыт Игринского района был изучен и активно применяется на практике музейными сотрудниками и управленческими кадрами других районов республики.

Примером тому стали появление новых туристических маршрутов: «В гостях у Тол Бабая» (Шарканский район), «Зов матери» (Мумы Гырлы) (Киясовский район).

В перспективе, через музеи проще создать сетевой механизм управления туристскими потоками и взаимодействия различных структур в сфере гостевого туризма. За время реализации комплексного проекта «Сибирский тракт» был накоплен опыт по созданию базы данных гостевых домов, проведению обучающих семинаров по гостевому туризму. Этот опыт перспективен и важен тем, что нацелен на создание рабочих мест в сельской местности и региональное развитие.

Опыт реализации первых пилотных проектов показал необходимость подготовки и переподготовки специалистов сферы культуры по новым направлениям: менеджер, аниматор туристических программ и др. В Удмуртии профессиональные кадры для туристической отрасли республики готовятся Институтом социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета, который ведет образовательную деятельность по специальности «Социально-культурный сервис и туризм». Но большинство выпускников данной специальности работают в туристических агентствах Удмуртии в сфере выездного туризма, что характерно для всей отрасли в целом.

В концепции предложены основные направления подготовки кадров для сферы культуры на базе Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета и Центра повышения квалификации работников культуры Министерства культуры, печати и информации Удмуртской Республики.

Развитие культурно-познавательного туризма в Удмуртии невозможно вне общей инфраструктуры сферы туризма (гостиничного сервиса, системы общественного питания, транспортной обеспеченности).

В рамках Концепции проведен анализ территориальной организации ресурсов культурно-познавательного туризма.

Макроанализ культурного и природного наследия Удмуртии уже сейчас позволяет выделить ее историко-культурный каркас и обосновать необходимость выделения следующих культурных ландшафтов:

- Прикамский район,
- Чепецкий район,
- Кильмезский район,
- Алнашский район,
- Зоны Городов,
- Сибирский тракт.

В ходе исследований и работы над Концепцией была проведена интегральная оценка туристическо-рекреационного потенциала республики, вся совокупность туристическо-рекреационных подрайонов Удмуртии была подразделена на восемь типов в аспекте их потенциала для целей культурно-познавательного туризма.

На сегодняшний день структура регионального (Удмуртской Республики) туристического рынка смещена в сторону выездного туризма как направления, не требующего капиталовложений в туристическую инфраструктуру и создание туристического продукта.

На первом этапе развития внутреннего и выездного культурно-познавательного туризма основными потребителями услуг должны стать две основных группы:

- школьники и студенты (образовательные учреждения);
- взрослое население в рамках корпоративного и семейного отдыха.

В перспективе предполагается привлечение в республику туристов России и Зарубежья.

В ходе исследований была выработана стратегия развития культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике (на 2010–2015 гг.), которая предусматривает выделение трех этапов реализации основных мероприятий:

1. Первый этап (2010–2012 гг.) – системообразующий.

Включает в себя реализацию мероприятий, направленных на формирование государственной политики развития регионального туризма. В качестве площадок пилотных проектов выделяются районы и города, которые уже обладают устойчивыми туристическими потоками и имеют наиболее высокий туристическо-рекреационный потенциал: г.г. Ижевск, Воткинск, Сарапул, Глазов, р-ны Игринский, Дебесский, Базезинский, Глазовский, Алнашский, Шарканский, Каракулинский.

2. Второй этап (2013–2015 гг.) – инвестиционный. Финансирование реализации инвестиционных проектов в сфере туризма на 2010–2015 гг. предполагается осуществить преимущественно за счет привлечения внебюджетных источников. Объем финансовых средств, необходимых для реализации предлагаемых инвестиционных проектов, составит, по предварительной экспертной оценке, около 600 млн. рублей. На основе комплексного исследования региона выделяются территории, приоритетные для развития туризма и проводится разработка качественного туристического продукта, его сертификация.

На втором этапе в обозначенных туристических районах осуществляется реализация комплекса программных мероприятий, направленных на подготовку и включение инфраструктуры районов, объектов наследия и учреждений культуры в программы развития культурно-познавательного туризма. Параллельно предполагается активное продвижение программ на российский и международный уровень. На этом этапе ожидается рост внутреннего и выездного туризма. Наряду с продолжающимся развитием туризма в приоритетных территориях, разрабатываются и реализовываются нормативные правовые акты, направленные на развитие туризма в городах и районах с меньшими туристскими ресурсами.

3. Третий этап (2015 г.) – отчетно-аналитический.

На третьем этапе проводится анализ результатов реализованных мероприятий, корректировка направлений развития и разработка долгосрочной комплексной программы развития отрасли туризма в Удмуртской Республике.

Одним из важных результатов реализации стратегии, предусмотренной концепцией, станет переход на новый уровень развития отрасли культура в целом, и повышение роли учреждений культуры на региональном уровне. Экономическая составляющая предполагает крайне важный для районов Удмуртии рост занятости населения и его доходов. Развитие в Удмуртии высокоэффективного туристического комплекса значительно повысит его привлекательность для делового сотрудничества, создаст стимулы для притока в региональную экономику инвестиций, что даст возможность реализовать ряд крупномасштабных проектов в области развития туризма в региональном центре и других городах и районах Удмуртии.

Представленная Концепция определяет основные принципы, приоритеты, этапы реализации мер в отношении культурно-познавательного туризма и туристической деятельности на территории Удмуртской Республики, обеспечивающие благоприятные условия для развития туристической отрасли в интересах населения региона. Реализация данной Концепции должна стать первым шагом к созданию комплексной концепции и программы развития туризма в Удмуртской Республике и будет способствовать развитию туристического комплекса на уровне международных стандартов.

А.Г. Смирнова

Детская художественная школа, Сызрань

Проблемы взаимосвязи современной музейной деятельности и детской аудитории

Детская аудитория в нашей стране является сегодня одной из самых динамичных, организованных и подготовленных для работы с музеем, что служит развитию данного направления музейной деятельности. Детская аудитория – это стабильность и разнообразие. В ней представлены все возрастные категории. Через данный вид деятельности могут воплощаться городские музейно-образовательные программы, ориентированные на поэтапное приобщение детей разных возрастов к культурно-историческому наследию и художественной культуре.

Для работы в данном направлении современное общество может использовать специализированные музеи, центры, постоянно действующие выставки, адресованные детской и семейной аудитории.

Достаточно ли их, для нашей огромной территории? – вопрос риторический. Хотя музейная деятельность с детской аудиторией перспективна. Она позволяет проводить крупномасштабные акции, адресованные детской аудитории, объединять педагогов, использующих музейно-культурологический подход в образовательной деятельности.

Современное исследование данного вопроса показывает рост уровня теоретического осмысления работы с детьми. Для этого проводятся семинары и конференции по проблемам музейного образования, деятельность музейно-педагогических центров, крупномасштабные проекты. Такие как межрегиональный проект «Экологическая роль изобразительного искусства в условиях интенсивного визуального потока» Российского центра музейной педагогики и детского творчества Русского музея. Ведутся исследования, с публикацией результатов, выпускаются учебные пособия по музейной педагогике.

Такая работа настраивает нас на оптимистический прогноз, но велика ли потребность самих детей в посещении современного отечественного музея? Музея, как формы реализации интересов молодежной аудитории, источника культурного многообразия, которое является характерной чертой сегодняшней жизни, противостоящего глобальной культуре и глобальной идентичности.

Мы видим, что стремительно меняющийся детский мир, с его виртуальным общением, яркими и эмоциональными играми, интерактивными телепрограммами не может адекватно воспринимать современную музейную экспозицию, которая не соответствует эмоциональным потребностям детей и молодежи.

Использование технологии интерактивности в музее, предполагает, отказ от монологического принципа общения с посетителем в пользу насыщенного диалога, ибо традиционная экскурсия все более теряет свою привлекательность для ребенка. Но интерактивность требует создания особой образовательной среды. Между тем в большинстве российских музеев нет ни интерактивных зон, ни творческих мастерских, ни игровых комнат, где можно организовать активность ребенка и осуществить принцип «знание через руки».

Понятие музейная интерактивность имеет и еще одну составляющую. Будущее детского направления связано с использованием Интернета, который приобретает для юного поколения значение первостепенного элемента культуры и источника информации. Интернет формирует и новый тип посетителя музея – виртуального, который превосходит реального в качественном (уровень образования и степень урбанизации) и в количественном отношениях. Однако отечественные музейные сайты и виртуальные проекты заметно отстают по привлекательности, а также по промоушену от своих конкурентов на рынке интернет-предложений, а потому едва ли способны заинтересовать детскую аудиторию. Собственно музейно-образовательные интернет-ресурсы исчисляются единицами.

Вопрос, почему и что делать, предполагает и такой вариант ответа: овладеть технологией партнерского взаимодействия. Характерным явлением последних десятилетий стало создание партнерских проектов с широким кругом участников. Однако одним из главных партнеров музея остаются образовательные учреждения.

Путь сотрудничества музейного и школьного педагога давно освоен зарубежными музеями, которые развивают с учителями многообразные партнерские отношения (курсы лекций, практические занятия, музейные стажировки, совместная подготовка музейно-образовательных проектов). Благодаря этому учитель включается в процесс музейного образования, часто и сам проводит уроки-занятия на музейных экспозициях.

Проекты, предполагающие совместную деятельность музейного и школьного педагога, существуют и в России. Классическим примером уже можно считать программу «Виртуальный музей», которая придает сотрудничеству музея и школы взаимовыгодный, развивающий, динамичный планируемый и гибкий характер. Авторы программы рассматривают музей не только как одно из средств постижения окружающего мира через визуальный материал, составляющий основу его содержания, но и как средство адаптации ребенка к этому миру (ведь умение видеть, включающее способность наблюдать, замечать, анализировать и размышлять об увиденном, формируются с раннего детства). Это определило жизнеспособность программы, которая успешно реализуется во многих регионах России. Однако программа решает проблему взаимодействия педагогов лишь на сравнительно ограниченной территории деятельности музеев художественного профиля. Более радикальным средством могло бы стать создание в российских городах музейно-педагогических центров, которые координировали бы сотрудничество музеев и образовательных учреждений. Так, в США еще в 1969 г. была обоснована программа музейной педагогики, на основе которой принята программа «Музей и образование». В 1994 г. после публикации доклада «Нация на грани риска» о проблемах гуманитарного образования были приняты Национальные стандарты преподавания художественных дисциплин, которые значительно актуализировали обращение к музею.

Подобные институты наиболее развиты в Германии, где существуют уже около 30 лет. Таких музеев, а лучше назвать их музеями-мастерскими, практически нет в России. Они предлагают своим маленьким посетителям самостоятельно изучить, пощупать, попробовать и обязательно что-нибудь сделать собственными руками.

Через «Лабиринт» в отличники. Этой уникальной программой берлинский детский музей «Лабиринт» привлекает детей от 3 до 10 лет, неохотно идущих в школу или детский сад и отлынивающих от выполнения домашних заданий. Десять тематических игровых станций, являются частями своеобразного путешествия по школьным джунглям. Арифметические задачи, ребусы, головоломки, шарады и даже костюмированные представления делают школьные предметы интереснее, а также учат не бояться ошибок, ведь игру всегда можно начать сначала.

Я б в шоколаде пошел... Курс начинающего шоколатье, основы птицеводства, работу в фарфоровой мастерской и разные другие интересные программы предлагает детский Берлинский музей-мастерская «Делаем вместе!». Маленьких посетителей ожидает работа в миниатюрной шоколадной фабрике, где можно приготовить лакомство своими руками, или раскрашивание фарфоровых фигурок и посуды. Можно послушать лекцию о том, как из яйца получается цыпленок, или напечатать поздравительные открытки в настоящей типографии.

«Клик», и нет вопросов. Свою помощь предлагает гамбургский детский музей «Клик». Музей предназначен для детей от 3 до 12 лет. Но даже взрослые посетители с удовольствием изучают забавные экспонаты и пытаются решить детские головоломки. Гуляя по различным секциям, дети узнают, как устроен человеческий организм, что такое чувство равновесия и какие виды памяти существуют. Они могут не только разобрать и собрать муляжи глаза и уха, но и постараться запомнить язык жестов, а также попытаться прочесть и написать несколько слов по системе Брайля. Особенной популярностью в этом музее пользуется детская «Строительная площадка», расположенная на открытом воздухе. Здесь можно делать кирпичи и замешивать настоящий строительный раствор, возводить стены и класть плитку.

Для будущих маэстро в Гамбурге существует «Звучащий музей». Уникальное учреждение не позволяет сотруднику музея определить, если ли у ребенка музыкальный слух и талант, но познакомит с основами музыкальной грамоты и позволяет самостоятельно поиграть на разных музыкальных инструментах, а их в музее более двух сотен. Ребенок может здесь сделать, инструмент, например, флейту своими руками. Так у родителей появится шанс узнать, какой инструмент по душе их будущему музыканту, прежде чем покупать домой громоздкий рояль или дорогостоящую скрипку.

Инициаторами создания детских музеев в Германии были органы образования, осуществлявшие масштабную реформу школы. В сферу компетенции музейно-педагогических центров вошла работа со школьниками, инвалидами, трудными подростками, студентами.

Однако главной аудиторией остается учитель, которому предоставляются материалы для проведения занятий в музее на высоком профессиональном уровне при минимальных затратах времени. Приносящая реальные плоды работа подобных центров поддерживается государственным финансированием.

Наиболее актуально создание подобных центров в российских городах, где связь между органами образования и культуры, музеями и школами, между отдельными музеями особенно слаба.

Здесь мы, наконец, вступаем в область культурной политики, утверждая, что только заинтересованное отношение к музею государства и целевое финансирование перспективных проектов могло бы решить проблемы развития детского направления.

Подобная поддержка детских музейных проектов государством – чрезвычайно редкое явление. Более того, музей традиционно не упоминается в важнейших государственных документах, где обсуждаются вопросы воспитания подрастающего поколения. Нет упоминания о нем, к примеру, в Законе РФ «Об образовании». Государственные органы России, словно не замечают музея и не видят его возможностей в решении проблем об-

разования культурой. Это поразительно контрастирует с позицией других стран, где вопросы использования потенциала музея решаются на государственном уровне. В нашей же стране продолжает эксплуатироваться пресловутый энтузиазм музейного специалиста.

В.А. Сова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Вклад музейных работников Ленинграда в изучение традиционной культуры коми (1920–1930-е гг.)

В 20-30-е гг. XX столетия в Коми области заметно активизировались систематические исследовательские работы. По сведениям, опубликованным в журнале «Коми му», в 1927 г. в области находились 19 различных экспедиций (гельминтологическая, почвенная, магнитной съемки, геологическая проф. А.А. Чернова, геологическая проф. В.А. Варсанюфьевой, геологическая проф. Т.А. Добролюбовой, морская под руководством проф. Мануйлова от Института по изучению Севера, морских промыслов, колонизационная экспедиция, проектировки канала между бассейнами Камы и Печоры, гидрологическая от Севводбюро, геологическая под рук. В.П. Тебенькова, экономическая – от Наркома путей сообщения)¹. По данным Коми облисполкома, в 1931 г. в области находились 23 экспедиции различных ведомств².

В силу того, что количество экспедиционных отрядов из года в год росло, и процесс этот был нерегулируемым, на заседании правления Общества изучения Коми края 3 апреля 1927 г. было вынесено решение: «...в целях ознакомления О-ва изучения Коми края с результатами исследований, просить ОИК, чтобы он предложил посещающим Область экспедициям и отдельным исследователям ...делать доклады в О-ве изучения Коми края... или присылать О-ву предварительные отчеты о результатах произведенных наблюдений». Для претворения в жизнь названного решения необходимо было позаботиться об издании отчетов вышеуказанных экспедиций и приобретении витрин для музея, где планировалось выставлять новые поступления экспонатов. Для этого из бюджета области Обществом испрашивались дополнительные финансовые средства.

Если геологические, экономические, естественнонаучные экспедиции придерживались принятого решения, то приезд музейного сотрудника или корреспондента-представителя музея, работавшего на общественных началах, мог остаться и незамеченным. Чаще всего информация о них встречается на страницах местной прессы, в Дневнике Коми областного музея, изредка на страницах журнала «Коми му». Существуют и другие источники. Например, в одном из дел Общества изучения Коми края подколоты листовки «Задачи этнографических работ на Печоре» и «Печорский этнографический областной музей. Северная этнографическая станция»³.

Первая листовка датирована 1 ноября 1921 г., написана в Усть-Цильме и издана в г. Архангельске, вторая тиражирована в Петрограде в 1923 г. Обе листовки подписаны одним автором – Дмитрием Травинным.

В среде краеведов Коми области человека с таким именем не было, поэтому поиск сведений о нем был направлен в музеи северных регионов и Санкт-Петербурга. Дмитрий Травин (?–1942) в 1921–1926 гг., будучи студентом этнографического факультета Ленинградского географического института, работал в составе Печорского отряда Обско-Печорской этнографической экспедиции, организованной известными учеными В.Г. Богоразом и Л.Я. Штернбергом. В августе 1921 г. по заданию Географического института г. Петрограда в с. Усть-Цильме были начаты работы по формированию Печорского этнографического музея. В этой экспедиции участвовал брат Дмитрия Дмитриевича – Николай. Братья Травины при участии местных жителей завершили строительство дома, выделенного под музей, занимались сбором этнографических предметов, фотосъемками, зарисовками с натуры. При музее имелаась библиотека, которая в основном была укомплектована книгами, присланными Русским географическим обществом. В 1922 г. из Усть-Цильмы было вывезено для центральных музеев, прежде всего Петрограда и Москвы, «60 пудов (6 ящиков) этнографических материалов». За период с 1922 по 1924 гг. вывезенные экспонаты выставлялись на Всероссийской сельскохозяйственной выставке и Государственном народном доме в Москве, четыре выставки состоялись в Государственном народном доме в Ленинграде. По материалам Печорского этнографического музея опубликовано около 40 научных статей, в том числе «Печорский край», «О мезенских поморах» и др.⁴

Очевидно, из-за нехватки средств на содержание музея и отсутствия специалистов в области этнографии и музейного дела, музей в с. Усть-Цильме прекратил свою деятельность. Часть собранных экспонатов, характеризующих бытовую уклад, занятия русских старообрядцев, а также памятники культуры народа коми вошли в собрание Ленинградского этнографического музея (в настоящее время – Российский этнографический музей), корреспондентом которого и являлся Дмитрий Травин. В 1927–1929 гг. он работал в составе Верхоянского этнографического отряда Комиссии по изучению Якутской АССР. В начале 1930-х гг. Д.Д. Травин участвовал в этнографической экспедиции в Пермской области, на Южном Урале и Сибири, занимался обработкой собранного экспедиционного материала. Кроме того, Дмитрий и Николай Травины участвовали в комплектовании зоологических коллекций Академии наук СССР⁵.

¹ Коми му. 1927. № 8. С. 49-50.

² Научный архив Национального музея Республики Коми (НА НМРК). Оп. 1. Д. 2231. Л. 1-4.

³ НА НМРК. Оп. 1. Д. 2474. Л. 18, 19.

⁴ Травин Д. Из жизни Северного края. Об этнографических работах на Печоре // Северный край. Вологда, 1922. Кн. 3. С. 53.

⁵ Письмо Д.Д. Травина В.Л. Комарову. Архив АН СССР. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1453.

Наиболее значимые и разнообразные этнографические коллекции по культуре народов коми-зырян, ижемцев, зюздинских и язьвинских пермяков сформированы и хранятся в Российском этнографическом музее. Начало их комплектованию было положено в 1902 г., т.е. с самого начала организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. В формировании фонда по этнографии этих народов, который составляет более трех с половиной тысяч экспонатов, приняли участие такие специалисты как С.И. Сергель, А.В. Журавский, Д.Д. Травин, С.И. Руденко, У.Т. Сирелиус, А.Ф. Теплоухов, Л.Л. Капица, Г.А. Крюкова, М.А. Браун и другие. Этот фонд по полноте и качеству собранных предметов не может сравниться ни с одним другим музеем России и Европы.

Сергей Иванович Руденко (1885–1930) – этнограф, археолог, доктор технических наук занимал должность заведующего Этнографическим отделом и хранителя отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока с 1921 по 1928 гг. Еще в 1919 г. он приступил к изучению народов Севера. В Тобольском крае собирал материалы по культуре хантов и манси, ненцев тобольских, коми-зырян. В 1930 г. был репрессирован по так называемому академическому делу.

В 1926 г. изучением коми начал заниматься сотрудник музея Лев Львович Капица (1892–?), который проводил экспедиционные обследования в Яренском уезде Вологодской губернии. Антрополог, этнограф, с 1914 г. – корреспондент, с 1916 г. – сотрудник Этнографического отдела Русского музея окончил естественное отделение Петроградского университета. Во время экспедиции к коми им были собраны орудия охоты, рыболовства, ткачества. Особенно интересны привезенные собирателем предметы старообрядческого культа (подручник, фрагмент надгробного памятника, лубочные картинки на религиозные темы, висевшие и моленные), а также обереги: камень с отверстием, который со специальным наговором располагали над дверью для предохранения от всякого несчастья; пояс, который со специальным наговором вешали в сарае при покупке новой лошади для ее «крепления», т.е., чтобы лошадь, пущенная пастись, не вернулась к старому хозяину.

В фондах Национального музея Республики Коми хранятся несколько фотографий, переданных Л.Л. Капицей: перевозка косули летом на саях на поле д. Дутово Коми автономной области, лесная тропа, женщина-охотница д. Дутово, расчистка лесного участка под пашню, шлифовка точильных кругов на р. Вое, в Коми областной музей. На некоторых из них есть надписи: Ленинградский Русский музей, май 1930 г.

С января по май 1927 г. экспедиция под руководством профессора, заведующего отделением славяно-финской этнографии Этнографического отдела Русского музея Давида Алексеевича Золотарева (1885–1935) работала на Кольском полуострове, занимаясь антропологическим, этнографическим и медико-гигиеническим изучением саамов (лопарей) и коми-ижемцев. В декабре 1930 г. Д.А. Золотарев был арестован и обвинен в «финском фашизме» по так называемому делу славистов и в 1935 г. умер в лагере для политических заключенных в г. Мариинске. Реабилитирован в 1956 г.

В 1928 г. советский читатель смог познакомиться с только что изданной книгой С.И. Сергеля «В зырянском крае», которая была написана на материалах его длительной экспедиции по Северу в 1906 г. Имя Сергея Ивановича Сергеля (1883–1955) известно, в основном, музейным специалистам, которые широко используют собранные им вещевые и фотоколлекции в экспозиционной практике.

В феврале 1906 г. С. Сергель обратился в Этнографический отдел Русского музея с просьбой выдать ему 1000 рублей для сбора коллекций и этнографического обследования зырянского населения, живущего по берегам рек, впадающих в р. Печора в среднем ее течении. Обосновывая свою просьбу, он сообщил о том, что в 1903 г. он уже побывал в этом районе, где имел возможность близко познакомиться с местным населением. Сергель планировал собрать коллекции, характеризующие жилище, домашний быт, хозяйственные занятия коми – охоту и рыболовство. К заявлению Сергель приложил рекомендательное письмо профессора Д. Гримма, который характеризовал его как «усердного работника и честнейшего, добросовестнейшего человека, на которого везде и во всем можно положиться». Серьезность намерений просителя, а также положительная характеристика его человеческих качеств дали основание Этнографическому отделу включить С. Сергеля в число своих корреспондентов.

Как пишет С.И. Сергель в книге «В зырянском крае», весной 1906 г. он начал очередное путешествие на Север из Вологды по реке Сухона парохомом, в Великом Устюге он пересел на другой парохом, шливший вверх по Вычегде, и через несколько суток сошел на берег в г. Усть-Сысольске. Далее путь его лежал по берегу в верховья реки Вычегды, лишь в конце июня он добрался до крупного волостного села Помоздино. По совету местного учителя, очевидно, Н.А. Старовского, он направился дальше в Бадьель грезд, деревню, расположенную в нескольких десятках километров от Помоздино. Здесь он прожил два месяца, занимаясь стационарными исследованиями традиционного образа жизни коми.

Научный сотрудник Российского Этнографического музея Н.И. Ивановская, скрупулезно занимавшаяся судьбой С. Сергеля и его коллекциями, констатирует: «За четыре месяца своего пребывания на территории Коми края Сергель собрал 490 первоклассных этнографических памятников. Во время путешествия он сделал более двухсот уникальных фотографий. По результатам экспедиции Сергель сдал в Этнографический отдел Русского музея рукопись, содержащую описание зырянских построек в Помоздинской волости Усть-Сысольского уезда с приложением чертежей, а также подготовил и опубликовал уже упоминавшуюся книгу «В зырянском крае»¹. К этому стоит добавить, что наряду с научными материалами, Сергелем были переданы в музей 9 моделей зырянских строений.

¹ В Зырянском крае. Сыктывкар, 2006. С. 17.

Наиболее известными и востребованными исследователями и музейными работниками разного уровня стали фотографии из коллекции С.И. Сергеля. Сюжеты на фотографиях соответствуют тематическому содержанию вещевых коллекций и записям наблюдений исследователя: виды деревень, планировку и конструкцию крестьянских дворов, жилья и прочих постоянных и временных построек, виды внутреннего убранства избы. В эту же коллекцию вошли фотоснимки, фиксирующие явления традиционной хозяйственной деятельности: подсечное земледелие (сжигание леса под пашню, корчевание, сев, жатва), рыболовство (загороди на реках, сушка сетей), сенокосение (виды построек на сенокосе, косьба, точение кос, собирание сена, переноска копен, кладка стога). Большой интерес представляют фотографии типов зырян различного возраста, мужчин, женщин, детей и сцен их жизни.

Материалы, собранные С.И. Сергелем, во многом уникальны, поскольку в них зафиксирован пласт в то время уходящей, а в наше время уже ушедшей культуры коми. По мнению Н.И. Иваницкой, С.И. Сергель, даже не будучи профессиональным этнографом, вписал ярчайшие страницы в историю отечественной этнографии. Во время экспедиции он проявил себя как отважный путешественник, незаурядный исследователь, талантливый писатель. Его собрание охватывает широкий спектр этнографических тем, давая представительную характеристику традиционной культуры верхневьегодских коми.

Остается только сожалеть, что С.И. Сергель не оставил после себя научных публикаций, которые ввели бы результаты его исследовательской деятельности в научный оборот. Прекрасные фотографии, сделанные им во время своих путешествий были многократно использованы различными авторами в научных и популярных изданиях, но всегда без указания авторства. Его коллекционные сборы имеют столь основательную научную и музейную значимость, что это дало основание сотрудникам Российского этнографического музея, изучавшим эти коллекции, назвать студента естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета специалистом-этнографом.

Когда Сергей Иванович вернулся из экспедиции ему было только 23 года, книга «В зырянском крае» вышла в свет двадцать два года спустя. На несколько десятилетий имя талантливого исследователя было забыто. Благодаря инициативе краеведов с. Бадельск при поддержке Российского этнографического музея и Национального музея Республики Коми в 2006 г. была переиздана его книга «В зырянском крае», что само по себе можно расценивать как признание научного подвига поколения исследователей первой четверти XX в. Символично и то, что инициатором переиздания книги С.И. Сергеля стал правнук хозяина дома Терентия Ивановича Уляшева, в котором два месяца жил этнограф, учитель и краевед Александр Уляшев.

В Дневнике Коми областного музея сохранилась запись от 9 сентября 1934 г.: «Посетила музей научный сотрудник Ленинградского Этнографического музея Крюкова Т.А. Осматривала музей, беседовала с сотрудниками. В городе была проездом в Сторожевский район Коми области. Цель командировки – сбор материала для предстоящей выставки Северного края. Собраны экспонаты по одежде района, по охотничьему хозяйству (в частности, увезла с речки Лымвы охотничью избушку шамья)»¹.

Татьяна Александровна Крюкова (1904–1978) – известный советский этнограф, много лет проработавшая в Российском этнографическом музее. По окончании учебы на естественном факультете (отделение языка и литературы) Ленинградского государственного университета, в 1925 г. в течение года проходила стажировку в Карловском университете в Праге. Сферой ее научных интересов было изучение творчества А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского. За участие в нелегальном студенческом кружке была сослана в г. Козьмодемьянск, где, поступив на работу в местный краеведческий музей, заинтересовалась культурой и бытом марийцев. Этот заурядный факт в ее жизни внес значительные коррективы в ее профессиональную карьеру. В 1932 г. Татьяна Александровна была принята на работу в Ленинградский этнографический музей, где она занималась целенаправленным формированием фонда по культуре народов Поволжья и Волго-Камья. Первые свои экспедиции в 1934–1935 гг. Т.А. Крюкова провела в Сторожевский и Усть-Куломский районы Коми области, в результате которых были собраны две большие коллекции – более 200 экспонатов. Повторно Т.А. Крюкова приезжала в Коми республику для обследования Сыктывдинского и Ижемского районов в 1958 г.

При подготовке Национальным музеем Республики Коми новой экспозиции отдела этнографии «Жила-была пара... Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла» по запросу сотрудников Национального музея были получены несколько фотокопий с фотографий из коллекции Т.А. Крюковой по Усть-Куломскому району, некоторые из них включены в экспозицию.

За 45 лет музейной работы Т.А. Крюкова участвовала в строительстве множества временных выставок и десяти постоянных экспозиций Российского этнографического музея, пять из которых были построены под ее руководством, в том числе – «Народы Поволжья и Приуралья середины XIX – начала XX вв.» (1977 г.).

С 1933 г. в Ленинградском Этнографическом музее работал научным сотрудником Данилин Андрей Григорьевич (1896–1942). Выпускник этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета с 1926 г. работая в Академии истории материальной культуры, Институте по изучению народов СССР, принимал участие в экспедициях по России, Украине, Молдавии, Кавказу и Сибири. С 1935 г. А.Г. Данилин успешно совмещал деятельность научного сотрудника и хранителя архива Музея Этнографии. Собирал и систематизировал разнообразный документальный материал, составил аннотированный указатель на документы Этнографического бюро князя В.Н. Тенищева, изданный в 2010 году.

¹ НА НМРК. Оп. 1 Д. 587. Л. 12 об.

В конце 1930-х гг. дирекция Коми областного музея поручает этнографу Данилину выполнение работ, связанных с поиском в архивах г. Ленинграда исторических и этнографических документов, а также выписку из редких печатных изданий и материалов относящихся к этнографии и истории коми. В письме на имя директора музея В.Н. Подорова Данилин писал: «Я в течение октября-декабря 1939 г. вел в Центральном Архиве Народного хозяйства (ЦГАНХ) и Центральном Гос. Архиве Внутренней Политики, Культуры и Быта (ЦГАВИКиБ) с целью разыскания документов, касающихся истории и этнографии коми. Одновременно в центральных книгохранилищах (Публ[ичной] Библиотеке, Библиотеке Академии наук. б[ывшей] Библ. Сената) я разыскивал старые издания по Вологодской г[убернии], в частности Памятные книжки начиная с 50-х гг. XIX ст. Представляю вам результаты работы в виде выписок из архивных материалов (отчеты Архангельских и Вологодских губернаторов, дело «О средствах к исправлению нравственности зырян» за 1842 г. и из Памятных книжек за 1856–1862 гг. Кроме того, мною выписана полностью статья Ф. Арсеньева – «О промышленных делах и торговых сношениях в Зырянском крае», Памятная кн. за 1865 г.»¹.

Этнографический очерк о зырянах Ф.А. Арсеньева Данилин переписал в общей тетради убористым почерком с незначительными сокращениями на 41 странице. Кроме того, Андреем Григорьевичем были выявлены в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки г. Ленинграда рукописи статей по коми этнографии краеведа, члена Русского географического общества С.Е. Мельникова, сборник сочинений 1841 г. воспитанников Вологодской семинарии, сказки, пословицы и поговорки на коми языке и другие материалы, объединенные под названием «О быте коми (зырян)»².

Отдельно им выписаны копии документов Департамента Министерства Государственных Имуществ, выписки со статистическими данными по народонаселению и экономике коми из отчетов о состоянии Вологодской и Архангельской губерний за 1842, 1852, 1853, 1856, 1856, 1857 гг.³ Документы, выявленные Андреем Григорьевичем Данилиным, несомненно, были востребованы исследователями и музейными сотрудниками, так как источниковая база по истории и этнографии коми в те годы была крайне скудна. Андрей Григорьевич поддерживал связь с музеем Коми области в 1940 и 1941 гг. Можно предположить, что именно Данилин подсказал сотрудникам Коми музея о фотографической коллекции С.И. Сергеля, фотокопии с которой в количестве около двухсот единиц были получены в 1940 г., и с тех пор активно используются в экспозиционно – выставочной деятельности Национального музея республики. Последним напоминанием о нем стала небольшая статуя из списанных предметов из собрания Ленинградского этнографического музея, поступившая в 1941 г.

К сожалению, волна репрессий, прокатившаяся от центра до самых глухих уголков страны, а затем Великая Отечественная война негативно отразились на развитии этнографии, как науки, так и на деятельности российских музеев. Но то, что успели сделать представители первого поколения советской интеллигенции – ученые и музейные работники, и сегодня имеет непреходящее значение, востребовано и высоко ценится. Заложенные в те далекие годы дружеские связи между музеями Ленинграда – Санкт-Петербурга и Сыктывкара продолжают.

В.Е. Сундукова

Национальный музей Республики Коми

Этнографическая реконструкция традиционного женского костюма с. Лойма Республики Коми (нач. XX в.)

Термин «реконструкция» в различных словарях означает «коренное переустройство, переоборудование чего-либо»; в археологическом понимании реконструкция – восстановление первоначального образа памятника архитектуры, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, а также города, селения и т.д. При этом в словарном определении имеется важное уточнение: в отличие от реставрации реконструкция не предполагает практического восстановления памятника. Н.М. Калашникова выделяет следующие группы реконструкции: археологическая, историческая и этнографическая. Для автора статьи представляет интерес этнографический костюм, выполненный вручную, на основании изучения музейных, фольклорных и полевых материалов. Изготовление костюмов и украшений к ним на основании существующих памятников этнической культуры носит название этнографической реконструкции⁴.

Традиционный костюм сегодня безвозвратно уходит – ткань, хранящаяся в фондах, подвержена истлеванию, поэтому автор ставит перед собой задачу этнографической реконструкции традиционного женского костюма с. Лойма начала XX в.

В предыдущие десятилетия некоторыми исследователями – В.Н. Белицер, В.Э. Шарповым, Ю.П. Шабавым, Г.Н. Климовой, Т.С. Кольчуриной – достаточно подробно изучен народный костюм 8 этнических групп коми. Даны характеристики и отличительные особенности костюма каждой из них, по которым можно представить себе зырянина начала XX в. Наиболее наглядное представление дают музейные коллекции, представленные

¹ НА НМРК. Оп. 1 Д. 2241.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Калашникова Н.М. К вопросу о реконструкции костюма – по материалам XIII Международной научно-практической конференции. «Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии» СПб., 24-26 июня 2009 года. СПб., 2009. С. 548-550.

ные в экспозиции Национального музея Республики Коми. Вместе с тем, любопытен костюм пришлых групп народов на территории края.

Лойма – село на юге республики Коми на правом берегу Лузы (Прилузский район). Люди жили в окрестностях Лоймы уже в IX–X вв. Тогда на правом берегу Лузы существовало городище, по соседству с которым находится древний могильник. При отсутствии письменных источников сложно утверждать что в IX–X вв. существовало нынешнее поселение Лойма. В конце XII – нач. XIII вв. жившее по берегам Лузы население попало под власть русских князей. Массовые переселения страдавших от малоземелья и феодального гнета русских крестьян вели их на слабозаселенный Север, в т.ч. и на земли древних коми. Переселения очень активно шли до 2-й половины XVI в., затем граница расселения коми и русских стабилизировалась. Поэтому можно считать, что в районе Лоймы русские поселились не позже XVI в., а возможно и ранее, в XV в.¹

При рассмотрении истории заселения села обнаруживаем, что население Лоймы состоит из переселенцев, живущих в окружении коренных народов коми. Вследствие этого село имеет свои локальные преимущества, здесь сохранились черты самобытности жизненного уклада. Особый интерес вызывает изучение материальной культуры лоемцев, в частности народного костюма. Учитывая общепринятое единообразие мужского костюма, автор считает возможным изучение женского костюма с. Лойма с целью выявления отличительных признаков или элементов в результате взаимовлияния. Необходимо также заметить, что в фондах НМРК отсутствуют предметы костюма этого поселения.

Автором была осуществлена поездка в село Лойму с целью наглядного изучения традиционного костюма из частных собраний лоймячек. В описании экспедиции 1959 г. Л.Н. Жеребцов, Л.П. Лашук пишут: «Следует отметить, что, в отличие от других мест, жители до сих пор сохраняют в повседневном употреблении многие элементы старинного костюма. В других районах можно найти лишь в сундуках пожилых женщин, где они хранятся как память или в качестве смертной одежды. Сам комплекс старинной одежды сходен с комплексом одежды других районов, но вещи отличаются как по покрою, так и по украшениям»². На сегодняшний день подтверждается сохранность костюма, а также его использование для выходов на праздничные службы в церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Костюм лоймячки включает рубаху, сарафан, передник, головной убор, нашейные украшения, обувь, чулки, верхнюю одежду. По итогам поездки в августе 2010 г. зафиксировано, что в Лойме имеется местная специфика народного костюма, а именно:

- в рубахе по средней линии лифа традиционно расположен неглубокий разрез (ср. дл. 15 см), выявлена конструктивная деталь прямоугольной формы (ср. размер 10×6,5 см), которая настроена в верхней части разреза ближе к вороту. Ворот соответствует цельнокроеной обтачке («обшивка») (шириной 2 см) не зависящей от расположенного по лифу разреза;

- среди декоративных особенностей определены сгруппированные встречные складочки (глубиной 1-1,5 см) и застроченные по нижнему срезу рукава на расстоянии 1,5 см от среза. Припуск встречной складки развернут и прикреплен двойным стежком (рис. 1);

- для вышивания характерны геометризованность мотивов, линейность орнамента. Распространенными мотивами являются растительные и орнитоморфные (домашняя птица).

По свидетельству Александры Ильиничны Лобановой (1923 г.р.) «узоры на рубаху брали с книжечек. У меня много было книжечек, столько было узоров... и цветные, цветными нитками вышивали... Небольшие как буклетки. Когда я молодая была, очень в моде была эта вышивка, очень много вышивали полотенца, и салфетки, и гладью и крестом – по-всякому вышивали... специальные были листочки, и канву продавали всегда. Вышивали нитками мулине, цветом красным и черным».

В прямых по конструкции сарафанах выявлены отличительные особенности:

- лиф по переду длиннее спинки на величину 5,5 см, по нему расположены односторонние складки (глубиной 1,5 см); закрепление складок в виде двойной или тройной машинной строчки в два параллельных ряда; по ширине спинки аналогичное закрепление складок (в три или четыре параллельных ряда) создает более жесткую форму – корсет;

- внутренние подвязки, которые фиксируют спинку и одновременно формируют по переду напуск на груди;

- особый способ завязывания пояса – позади фигуры с формированием банта (рис. 2).

Анализируя материал частных собраний автором выделен обрядовый женский костюм информатора Евдокии Григорьевны Суликовой, по своему назначению – свадебный. Рубаха принадлежала и была изготовлена ее свекровью Анной Петровной Вылежаниновой примерно 1900 г.р. «Вышивку она сама вышивала, девки-то же все сами вышивали раньше». Сарафан «шит в теперешнее время советское (1972-73 – *уточн. автора*). Измыркали весь, носили... материал-то я сама покупала, он был дешевый, 5 рублей метр. Хорошая швея шила по традиции...».

Таким образом, в данной работе выявлены локальные конструктивные и технологические признаки костюма и выполнена реконструкция этнографического материала.

¹ Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 2000. С. 207-208.

² Фонд 1. О. 13. № 48. Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г.

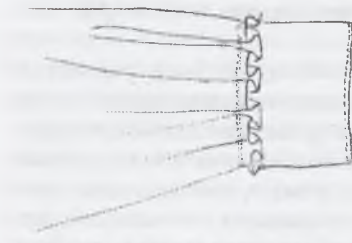

Рис. 1. Часть рукава с манжетом.

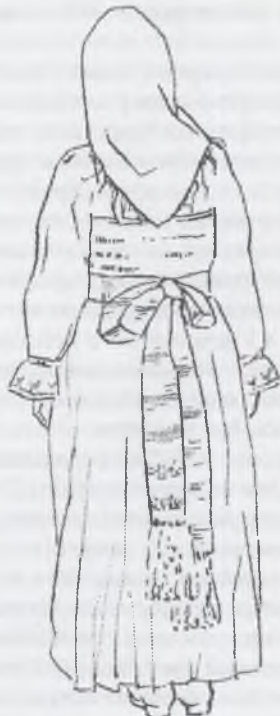

Рис. 2. Способ завязывания пояса. Прорисовка автора с фотографии (Ф 1. О. 13. № 50. Прилузская этнографическая экспедиция 1959 г. Иллюстративный материал.

Арно Сурво

Университет г. Хельсинки (Финляндия)

Идеологическая специфика финноязычных текстов Игнатия Мошегова

Обзор и уточнённый список основных финноязычных текстов И. Мошегова приведён в недавней статье «Последний плен Игнатия Мошегова»¹. К ранее неизученным текстам следует добавить его статьи в «Племенн Финляндии» («Suomen Heimo», печатный орган «Академического Общества «Карелия»», издававшийся в 1923–1944 гг.).

Знание И. Мошеговым финского, по крайней мере, в первые годы его пребывания в Финляндии, вряд ли было достаточным для самостоятельной писательской деятельности. По-видимому, стиль и содержание мошеговских статей и воспоминаний в немалой степени формировалось «соавторами» (редакторы, переводчики, собеседники, единомышленники), констатацией чего не умаляется значение и даже определённая уникальность данных публикаций. Особенно стоит отметить роль И. Мошегова в формировании идеи «племенной работы» вкупе с её геополитическими и экономическими перспективами. В «Студенческой газете» от 30 октября 1920 г. было опубликовано интервью А. Пенттила с «одним образованным зырянским», рассуждавшим о природных ископаемых и обустройстве земли Коми по эстонскому образцу 1919 г. с опорой на «духовное войско» Суоми². Несколько месяцев позже появилась программная статья М. Наавио (вскоре одного из активистов «Академического Общества «Карелия»»), призвавшего студенческое сообщество к постановке «великой объединяющей цели», созданию «Племенного Союза» и, в качестве первого шага, – фин(лянд)ско-эстонского клуба³. Сборники «Племенной союз» и «Племенная работа», в которых вышли мошеговские статьи 1931-го⁴ и 1942-го¹

¹ Сурво А.А., Жеребцов И.Л. Последний плен Игнатия Мошегова // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Сост. и общ. ред. А.Е. Загребина и В.В. Пузанова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Удмуртский государственный университет, 2009. С. 452-458.

² Suomalaiset ja syrtjäanit. Mielenkiintoinen haastattelu [Финны/финляндцы и зыряне. Интересное интервью] // Ylioppilaslehti [Студенческая газета]. № 20, 30.X.1920. S. 237-238. Сведения об интервьюере, не указанном в газетной публикации, с сайта с материалами А. Пенттила: Aarni Penttilä - <http://www.kaapeli.fi/aarnipenttila/AP_1919_1923.htm>.

³ Naavi M. «Ugrilainen kulttuuri» [«Угорская культура»] // Ylioppilaslehti [Студенческая газета]. № 3, 5.II.1921. S. 23-24

⁴ Mösseg I. Votjakien kirjakielen syntymisvaiheet [Начальные периоды возникновения письменности вотяков] // Heimoliitto. Neljännen, Helsingissä kesäkuun 16-18 päivinä 1931 pidettävän Suomalais-ugrilaisen kulttuurikongressin juhlaulkaisu. [Племенной союз. Праздничное издание Четвёртого Финно-угорского культурного конгресса, который будет проводиться в Хельсинки 16-18 июня 1931 года.] Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1931. S. 98.

годов, сегодня хранятся в отделе внешней политики финляндского «Национального архива», что говорит само за себя.

Интерпретации и фактология публицистики и (около)научных статей И. Мошегова были подчинены обоснованию одного и того же тезиса о многовековом угнетении русскими зырян и прочих «инородцев», о чём читатель может составить представление на основе творчества теоретиков прошлого, бывших для мошеговского окружения эталоном научности, и их современных эпигонов: «Если мы примем во внимание то, как мощный ветер задул в паруса украинских националистов лишь, когда проф. Хрушевский доказал, что украинцы даже антропологически являются чужим для собственно русских народом, то тогда не является невозможностью, если славные потомки Бьярмии к ужасу Москвы начнут своё шествие к независимости, т.к. у них есть для того все предпосылки: своя история, своя культура, свой язык и свои географические возможности»². Издания, в которых публиковался И. Мошегов, составляли достойную конкуренцию прочему агитпропу своего времени.

Мемуары «В чёртовом котле Востока» (1924 г.) начинаются с детских воспоминаний, связанных с рассказами бабушки И. Мошегова о жестоких разбойниках. Разбойники приходили откуда-то издалека, грабили и убивали зырян, а однажды запытали насмерть её отца, выведывая, где он спрятал деньги: «Мы [=внуки] спрашивали у бабушки, кто были эти ужасные разбойники, где они жили, и есть ли они ещё. Отвечая на эти вопросы, объясняла бабушка, что разбойники были «*gotsjas*» (*gyssäläisiä* [=рюсьские]), которые жили вдалеке от нашей земли, но что после реформ Александра II их уже не существует»³. В коми традиции *роч* связан с целым спектром значений от крайне идеализирующих до откровенно демонических, при этом этнический аспект второстепенен и ситуативен⁴. И. Мошегов наделил демонический контекст однозначным этническим смыслом, хотя такая трактовка выглядит сомнительной даже с учётом лаконичных сведений семейной легенды: набеги «рюсьских» разбойников почему-то вдруг прекратились с реформами Александра II. «Соавтор» мемуаров (редактор?) или с его подсказки сам И. Мошегов пояснил «роч» как «*gyssäläinen*», «рюсьский» (аналогично слову «чухонец», приобретаемому в итоге однозначно негативные коннотации). Однако в карельском контексте, куда более актуальном для финляндцев и прекрасно известном финляндским исследователям, с которыми общался И. Мошегов, слово имело определённый историко-конфессиональный смысл. Вплоть до Великой Отечественной войны *ruossi*, *ruossi* (шведы) православные карелы-ливвики именовали своих давних противников – шведов и финнов⁵.

В статье «Бьярмия и учёные России» (1923 г.)⁶, наряду с рассуждениями о замалчивании российскими учёными «бьярмийской» истории, приведён сравнительный словник (37 лексем) на собственно-карельском диалекте (беломорские карелы), коми-пермяцком и финском языках для подтверждения языкового родства и общего бьярмийского прошлого соплеменников. Слова *роч* там нет, хотя наличие этого ключевого дискурсивного кода в списке было бы естественным. В любом случае, вызывает сомнение отсутствие этимологической рефлексии также со стороны самого И. Мошегова. Представляется вполне вероятным, что *роч* оставлен за скобками по веской причине: в ином случае пришлось бы углубляться в историю религиозных войн карел с инверсантами-колонизаторами, что противоречило русофобскому концепту «племенной идеи».

В 1932-м году в Финляндии был создано местное отделение международной организации «Prometheus», ставившей целью расчленение Советской России и, затем, СССР и возвращение России к границам XVI в.⁷ Председателем клуба был известный учёный и дипломат Г. Рамстедт. Финляндское отделение сосредоточило своё внимание на нерусских народах СССР, поддерживая реальные и воображаемые проявления сепаратизма и распространяя издания «Академического Общества «Карелия» в других странах»⁸. «Четвёртый Финно-угорский культурный конгресс» 1931-ого года, к которому было приурочено издание сборника «Племенной союз», проходил под патронажем финляндского президента П.Э. Свинхувуда. Видимо, это событие международного масштаба расширило связи И. Мошегова: вскоре он в руководстве местного отделения «Прометей» и приобретает книжный магазин в центре финляндской столицы.

¹ *Mösseg Ignati*. Komi-kansan I. syrjäämien vaiheet [Периоды [истории] коми-народа, т.е. зырян] // Heimotyö V. Suomalais-ugrilaisen kulttuuritoimikunnan Suomen osasto 1941-1942. [«Племенная работа», вып. V Издание финляндского отделения «Финно-угорской культурной комиссии».] Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon OY, 1942. S. 102-105.

² *Mösseg I*. Ovatko mainehukkaat bjarmalaiset kuolleet? [Сгинули ли (букв.: умерли ли) славные бьярмийцы?] Helsingissä: Kaisaniemen Kirjakaupan Kirjapaino, 1939. (Tunnetteko salaperäistä Venäjää? 1 [1-й (и единственный) выпуск серии «Знаете ли вы таинственную Россию?»].) S. 15. В оригинальной нумерации страницы опечатка (51 вместо 15).

³ *Mössheg I*. Idän hiidenkattilassa. Egaan syrjä(ä)niläisen muistelmät. [В чёртовом котле Востока. Воспоминания одного зырянина.] Jyväskylä: K. J. Gummerus Osakeyhtiö, 1924. S. 5-6.

⁴ См.: Панонова А.В. Роч 'русский' в коми традиционной картине мира // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003» / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2003.

⁵ Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

⁶ *Mösseg Ignati*. Bjarmia ja Venäjän tiedemiehet [Бьярмия и учёные России] // Suomalainen Suomi, 7 / Julkaissut Suomalaisuuden Liitto [Периодическое издание «Финская Суоми», выпускавшееся «Союзом финскости»]; toim. Rafael Engelberg, Pekka Puhakka. Porvoossa: Werner Söderström OY, 1923. S. 82-86.

⁷ См.: Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши 1919-1924 гг. // Новейшая история. № 4, 2002.

⁸ *Salminen T.* Aatteen tiede. Suomalais-ugrilainen seura 1883-2008. [Наука идеи. Финно-Угорское общество 1883-2008.] Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2008. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 1172). S. 128.

Этот период ознаменовался изданием двухтомника «Крик о помощи из тюрьмы народов»¹, где большевики-евреи мошеговских послереволюционных публикаций исчезают с исторической сцены, полностью уступая русским функцию угнетателей. Эволюция интерпретаций И. Мошегова, очевидно, была обусловлена сотрудничеством «прометеевцев» с сионистскими организациями².

Значение и последствия «племенных» публикаций для «соплеменников» красочно иллюстрирует сегодняшнее отношение «Финно-Угорского общества» к текстам этого корпуса. В середине 1990-х годов один из коми исследователей обратился в «Общество» с просьбой ознакомиться с архивом И. Мошегова, но получил отказ. В протоколе заседания, на котором рассматривался вопрос, отмечается излишне пропагандистский характер текстов, «публикация которых могла бы иметь вредные последствия как для Общества, так и для рассматриваемых в материалах народов». Вскоре запрос был повторён, и на этот раз «Общество» приняло положительное решение, не желая больше быть «сторожевым псом чужой истории»: «Коми исследователи должны сами суметь оценить свою историю»³.

Мартти Рууту, в военный период входивший в руководство тайной службы мониторинга общественного мнения и производства пропагандистского материала, в дневниковых записях открыто признавался, что «Академическое Общество «Карелия»» («АОК») излишне публично заявляло о своих экспансионистских целях, тогда как проблему, по его мнению, следовало решать более тонко: «безусловное признание должно им [«аоковцам»] дано за ту [пропуск в тексте: нрзб.?] собирательскую и исследовательскую деятельность, которую они проводили в Восточной Карелии, но, начиная со студенческих лет, я был того мнения, что их самоуверенное громкоговорение не продвигало дело Карелии и Ингрии, но, скорее, – наоборот. Странный эгоцентризм в том, что руководители «Академического Общества «Карелия»» постоянно считают важность своей первопроходческой деятельности несоизмеримой со значением работы других организаций и уровней, хотя основанный на двадцатилетнем опыте элементарный здравый смысл прямо говорит о том, что присоединение Восточной Карелии к Финляндии не может произойти силами одной лишь Суоми, будучи возможным только при стечении общеполитических обстоятельств. Конечно же, в Финляндии всегда было много просвещённых граждан, которые понимали большое государственное и национальное значение данного дела, но они не имели желания кричать об этом на весь мир в то время, когда подобный шум мог стать причиной различных гонений карел и ингерманландцев (что и случилось в некоторых ситуациях, как известно, из-за «аоковского» бряцанья оружием). Это жёсткая оценка, но я так много раз слышал, как Хеланен [руководитель «АОК»] и пр. на публичных собраниях говорили слова, за которые, в силу слабой подкреплённости их реальной мощью, не мог взять на себя ответственность ни один финляндец»⁴.

Ю.М. Лотман характеризует взаимоотношения текста и аудитории взаимной активностью, подразумевая под этим актуализацию тех или иных систем кодов. Текст навязывает аудитории свою систему кодов и стремится уподобить аудиторию себе, в то же время аудитория наделяет текст понятными и близкими ей кодами. Текст «отбирает» себе идеальную аудиторию, так же как и аудитория конструирует «свой» текст⁵. Дневниковые записи М. Рууту не предназначались для широкой читательской аудитории; по окончании войны он закопал их на окраине дачного участка. Десятилетия спустя текст был найден, по большей части восстановлен и издан, благодаря чему сегодня возможно ознакомиться с компетентной и, по-своему, беспристрастной оценкой одной из важнейших причин репрессий современником и непосредственным участником тех событий. Однако имели место отнюдь не «отдельные ситуации», о которых пишет М. Рууту. Наглядным примером являются публикации газеты «Свободная Карелия и Ингрия» («Vapaa Karjala ja Inkeri») за 1931–1932 гг. На фоне подготовки, проведения и осмысления результатов упомянутого выше «Четвёртого Финно-угорского культурного конгресса» газета из издания «местечкового» уровня целенаправленно превращалась в откровенный рупор «прометеевцев», небольшие заметки которых постепенно сменялись программными статьями первой полосы. Происходило конструирование очередной редакции «репрессивного» текста. Текст, со своей стороны, «отбирал» аудиторию по законам (контр)семиотического жанра. Роль «прометеевской» и великофинляндской пропаганды в провоцировании репрессий – и, прежде всего, в сознательном провоцировании – требует детального изучения, что, в свою очередь, даст шанс для уменьшения доли тенденциозности в современных трактовках прошлого, когда рассуждения об одних преступлениях автоматически становятся оправданием других.

¹ *Mosseg I. Natahuuto kansojen vankilasta, I* [Крик о помощи из тюрьмы народов] Helsingissä: Kustannusyhtiö Otava, 1930. 106 s.; *Natahuuto kansojen vankilasta. II* [Крик о помощи из тюрьмы народов. II.] Helsingissä: Kustannusyhtiö Otava, 1931. 102 s.

² См.: *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И.* Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб [Текст] / [редкол.: В. К. Былинин (гл. ред.) и др.]; О-во изучения истории отечеств. спецслужб. М., 2007. Т. 3. С. 318-414.

³ *Salminen T. Aatteen tiede.* S. 199.

⁴ *Ruutu M. Me uskoimme Suomeen. Sotapäiväkirja 1941-44.* [Мы верили в Суоми. Военный дневник 1941-44 гг.] / Toim. Ilkka Seppinen. Helsingissä: Kustannusosakeyhtiö Otava, 2000. S. 42.

⁵ *Лотман Ю.М.* Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам, 9. Тарту, 1977.

История исследования творчества И.А. Куратова

На сегодняшний день в коми культуре наиболее масштабной фигурой из коми поэтов XIX в. остается Иван Алексеевич Куратов (А.И. Гугов, 1839–1875). Его существование поддерживается наличием культурной традиции почитания писателя, образ поэта воспроизводится музейными экспозициями, юбилейными праздниками, публикациями ученых и журналистов, а также школьным образованием.

Первые попытки дать оценку трудам И. Куратова были предприняты еще в XIX столетии. Так отдельные сведения о его жизни и деятельности появились после смерти поэта. В опубликованном в «Туркестанских ведомостях» (2 янв. 1876 г.) некрологе, подписанным «Л. С-н»¹, было сказано: «С ранней молодости, как видно из оставшейся значительной переписки и других бумаг, Куратов посвятил себя на служение своему народу. Он принадлежал к весьма ограниченному кружку русских людей, занимающихся изучением быта и языка зырян. В числе рукописей Куратова найдено много оригинальных и переводных стихотворений на зырянском языке...». Упоминания о И.А. Куратове можно найти и в сочинениях других авторов².

До наших дней художественные произведения И.А. Куратова дошли в четырех рукописных, составленных им самим, тетрадах. Они хранятся в Национальном архиве Республики Коми. Впервые пять стихотворений коми поэта были опубликованы в 1866 г. на страницах «Вологодских губернских ведомостей»: «Зон» (Парень), «Гбль зон» (Парень-бедняк), «Том ныв» (Молодая девушка), «Пöрьсы» (Старик) и «Понкöд» (С собакой) – под видом народных песен. В XX в. в различных издательствах вышло более десяти книг И. Куратова. Первая отдельная книга произведений поэта «И.А. Куратов. Гижöд чукöр» (И.А. Куратов. Собрание сочинений), подготовленная к печати И.И. Оботуровым, вышла в 1932 г. В год столетнего юбилея И. Куратова (1939), вышел двухтомный сборник сочинений: «И.А. Куратов. Художественные произведения» (I том) и «И.А. Куратов. Лингвистические работы» (II том), редакторами которых являются Д. Конохов и П. Доронин. В 1979 году выходит собрание художественных произведений коми поэта «Менам муза» (Моя муза), подготовленное Е.С. Гуляевым. Эти сборники имеют огромное историко-литературное значение, которые фактически открыли читателю коми поэта И.А. Куратова и наделили коми народ литературной историей.

Научное осмысление творчества И. Куратова было начато в 20–30-ые гг. XX в. Это время, когда были проведены первые работы по прочтению рукописей поэта, осуществлены первые именованные публикации его стихов и некоторых лингвистических работ, а также начато осмысление общественно-политических убеждений поэта, его эстетических, художественных и исследовательских принципов. Рукописное наследие И. Куратова стало достоянием советской науки во многом благодаря А.С. Сидорову – языковеду, фольклористу, этнографу, доктору филологических наук. В 1923 г. в статье «Тодлытöм коми гижысь И.А. Куратов» (=Неизвестный коми поэт И.А. Куратов), опубликованной в журнале «Парма ёль» (Лесной ручей), Сидоровым был дан краткий обзор рукописного наследия И. Куратова, а также были сообщены некоторые биографические сведения поэта. Одним из основоположников куратоведения считается А.А. Попов – Ольöк Андрей. Именно А. Поповым впервые высказана мысль о том, что Куратов по своим взглядам должен быть оценен как революционно-крестьянский демократ, как представитель русских фейербахистов типа Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и других. Эта точка зрения в дальнейшем стала преобладающей, а затем и единственной в интерпретациях куратовского творчества, а сам поэт стал называться не иначе, как представителем «некрасовской школы». Сегодня такая оценка не представляется бесспорной, но в конце 1920-х годов именно она позволила обрести коми народу литературное прошлое в лице И.А. Куратова.

Советское куратоведение 1930–1980-х гг. активно развивало изначальный тезис о революционно-демократической сущности творчества И. Куратова, его лирика считалась выражением антирелигиозных стихийно-материалистических взглядов наравне с поэтами «некрасовской школы», что также позволяло приравнивать его лирику к вершинам русской демократической поэзии. Литературоведение того времени стремилось раскрыть негативное отношение И. Куратова к самодержавию и объявило его материалистом, борцом с самодержавием, защитником угнетенных трудящихся. В качестве аргументов авторам работ о поэзии И. Куратова часть служила биография последнего, но не сама поэзия: «Куратов был мелкобуржуазным интеллигентом-

¹ Н.П. Иевлев утверждает, что автором некролога был Лев Тимофеевич Самарин – политссыльный. Он служил в 12-м Туркестанском линейном батальоне. Затем ему позволили поселиться в Верном, где он работал в местной типографии. Самарин, студент-медик, активный участник студенческих волнений 1861–1863 гг.

² Попов К.А. Зыряне и зырянский край // Труды этнографического отдела. М., 1874. Кн. 3. Вып. 2. С. 53; Библиографический указатель статей и заметок об Архангельской губернии, помещенных в различных периодических изданиях. Архангельск, 1881. С. 8, 106; Красов А.В. Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ пермский и устьвымский. СПб., 1896. С. 89; Вихман И. Краткий отчет о научной командировке к зырянам (1901–1902) // Journal de la Societe Flenno-ougrienne. Т. XXI. Helsingfors, 1903; Круглов А.В. Лесные люди. Очерки и впечатления. Изд. 4. М., 1910. С. 3, 90, 142, 162, 163; Сорокина Л.А. Современные зыряне // Известия Арх. Общ. изуч. Рус. Сев. Архангельск, 1911. № 24. С. 945, 946; Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. СПб., 1912. Ч. 1. С. 127; Он же. О соотношении японского и самоедского языков к угро-финским, в частности, к зырянскому языку, и историко-культурные выводы их // Известия Арх. Общ. изуч. Рус. Сев. Архангельск, 1913. № 15. С. 713.

разночинцем. В его поэзии заметны националистические элементы»¹, «Молодой поэт видел, каким образом живут коми крестьяне, как их эксплуатируют отдельные прослойки эксплуататорского и паразитического класса. И уже в 17 лет Куратов в стихотворении «Морт оло́м» (Жизнь человека) клялся, что он будет служить рабочему народу, на пользу униженным»², «И. Куратов был первым, кто поднял никем не признанный коми язык, заложил его научные основы и превратил его в мощное средство агитации»³. Такая политическая концепция творчества коми поэта не позволяло раскрыть его творческое наследие во всей полноте. Но концепция революционно-демократического просветительства, выдвинутая в 30-ые годы и развернутая в работах П. Доронина, А. Федоровой, В. Мартынова и др. – это одно из значительных достижений куратоведения. В то же время велась научная работа, в рамках которой занимались (те же авторы и другие) поиском фактов куратовской жизни, анализом национальной, образной, жанровой специфики художественных произведений поэта. Одним из значительных явлений в куратоведении стали Куратовские чтения (1964 г.), которые отчасти способствовали утверждению научного подхода.

Куратоведение этих лет развивалось в трех направлениях⁴. Первое направление связано с изучением архивных и литературных первоисточников – биографии поэта и его творческой личности. Большая заслуга в этом направлении принадлежит П.Г. Доронину, А.Н. Федоровой, А.А. Вежеву, Н.П. Иевлеву, А.К. Микушеву. Благодаря их трудам были выявлены важные документы, хранящиеся в архивах Сыктывкара, Вологды, Алматы, Москвы, Казани, Хельсинки. Крупным вкладом в куратоведение являются текстологические работы Е.С. Гуляева, ученым много сделано в изучении и расшифровке поэтического наследия коми поэта. Им впервые подготовлено к изданию полное собрание художественных произведений И. Куратова «Менам муза» (Моя муза).

Второе направление связано с работами куратоведов, исследовавшими литературное наследие поэта. В центре внимания одних стоит творческое наследие поэта в целом, проблема становления в его творчестве метода критического реализма, проблема формирования мировоззрения и эстетических взглядов И. Куратова: П.Г. Доронин, А.Н. Федорова, В.И. Лыткин, В.И. Мартынов, А.К. Микушев, А.Е. Ванеев, Н.В. Вулих, В.Н. Демин. В центре других исследований стоит анализ отдельных произведений И. Куратова: «Яг морт», «Менам муза», «Съылан менам, съылан» (В.Н. Демин), «Пасьяс синтöмлöн» (М. Ожегова), «Пама» (В.А. Латышева), «Микул» (Ю. Рочев), «Молодая девушка» (П. Чисталев) и др. Особое внимание уделялось вопросу об идейно-художественных связях И. Куратова с представителями отечественной демократической литературы и общественной мысли. Положение о глубоком интернационализме, присущем художественному и научному мышлению поэта, является стержневым в куратоведческих работах В.И. Мартынова. Творчество И.А. Куратова – предмет многолетних исследований профессора А.К. Микушева. Его работы посвящены различным аспектам куратоведения: последнему периоду жизни поэта, связи его поэзии с устным народным творчеством, судьбе его рукописного наследия. Одно из основных мест куратовская тема занимает в научном наследии А.Е. Ванеева. Ученым много сделано в изучении системы стихосложения Куратова. В своих работах исследователем основательно рассмотрены особенности мировоззрения и эстетических взглядов коми поэта. Большое место в куратоведении принадлежит крупному финно-угроведу, доктору филологических наук В.И. Лыткину. Большое внимание ученых уделяет исследованию дореволюционных публикаций стихов поэта. Исследовательские усилия В.И. Лыткина направлены также на освещение эволюции переводческой техники И. Куратова. В.И. Лыткин является инициатором создания Куратовских чтений, активно участвовал в их подготовке и проведении. Важными работами в области куратоведения стали работы В.Н. Демина. В.Н. Демин исследует куратовские художественные произведения с точки зрения их жанровых и идейных особенностей. Статьи о Куратове вошли в его книги «Коми поэма» (1978), «Под кронами сосен» (1989), «На небе звезда» (1995), «История и типология жанров коми поэзии» (1997), «Рифмоу крылатой свяжем строки» (1999).

Третье направление куратоведения связано с развитием активного интереса к творчеству И.А. Куратова языковедов. Интересными являются статьи о лингвистических трудах И.А. Куратова, о том, как формировались лингвистические взгляды поэта, на каком фундаменте и как строил он литературный язык коми. Здесь важно отметить труды А.А. Вежева, Е.С. Гуляева, Г.И. Тираспольского. Лингвистические работы И. Куратова дают богатый материал для уяснения его научных и общекультурных взглядов.

В 80–90-е гг. XX в., а также в литературоведении последних лет, изучение коми лирики встало на качественно новую ступень развития. Главная примета современного коми литературоведения состоит в том, что оно стремится к изучению индивидуального в творчестве того или иного автора, эволюции художественных форм выражения, развития тех или иных родовых общностей и жанров. Современное литературоведение обращается к анализу нового художественного материала коми лирики. Это не только вновь созданные произведения, но и те, с которыми тесно связан этап становления письменного художественного слова у коми – лирика В. Куратова, П. Ключкова, П. Распутина, Г. Лыткина. Эти произведения, часть из которых раньше только упоминалась

¹ *Оботуров И.И.* Куратов Иванло́н – коми медводдза поэтло́н творчествоыс да оломыс (Жизнь и творчество первого коми поэта – Ивана Куратова) // *И.А. Куратов*. Гижод чукöр (И.А. Куратов. Собрание сочинений). Сыктывкар, 1932. С. 8–14.

² *Доронин П.Г.* Творчество И.А. Куратова. Сыктывкар, 1939. С. 13.

³ Там же.

⁴ *Микушев А.К.* Иван Куратов и проблемы современного куратоведения // Куратовские чтения. Т. 4. Сыктывкар, 1986. С. 11–32.

или частично описывалась в разных научных источниках, и не интерпретировалась с точки зрения художественности¹. По-новому исследуется и творчество И.А. Куратова. В 80-ые годы в истории куратоведения открылся новый этап. Его главная особенность – отказ от догм социологизма и стремление осмыслить творчество И.А. Куратова в общечеловеческих категориях². По некоторым пунктам новое видение лирики Куратова противоположно традиционно принятой точке зрения о том, что поэзия Куратова атеистична и материалистична. В последние годы в науке появились работы, рассматривающие поэзию И. Куратова в философско-эстетическом контексте.

Таким образом, на протяжении всей истории изучения творчества И.А. Куратова были: 1. проведены исследовательские работы по изучению биографии И. Куратова; 2. рассмотрены особенности мировоззрения и эстетических взглядов И.А. Куратова; 3. творчество поэта освещено с точки зрения жанровых, стилистических и образных особенностей, проанализированы национальные и индивидуальные особенности; 4. проанализирована символика куратовских стихотворений, их образность в контексте биографии поэта; 5. отдельный жанр исследований творчества поэта составляют работы, посвященные сопоставительному анализу: лирические стихотворения И. Куратова соотносятся с художественными мирами, с одной стороны, русских поэтов, с другой стороны, европейских.

Л.Н. Сыроватская

Великоустюжский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник К истории почитания и возникновения иконографии святителя Стефана Пермского в Великом Устюге

Под влиянием Летописи Великоустюжской А.А. Титова, где записано: «1815 года начали праздновать святителю Стефану Великопермскому в день его преставления, 26 апреля, как великоустюжскому уроженцу», возникло мнение, что хотя Стефан «был уроженцем Устюга... но прославился он не в родном городе, и главное – не был там погребен, поэтому его культ в самом Устюге не сложился»⁴.

Ещё при жизни святителя Стефана связь его с родным городом не прерывалась. В самых трудных обстоятельствах он обращался за помощью к устюжанам. «Лета 6895. Позвал владыко Стефан устюжан, им бы беречи Пермскую землю от разорения. Устюжане побили новгородцев под Чорной рекой, под Солдором...»,⁵ – сообщает Вычегодско-Вымская летопись.

В знаменитом устюжском Архангелогородском летописце 1-й четв. XVI в. имеется запись, увековечившая имя выдающегося земляка: «1396 год... Того же лета преставися Стефан Пермский»⁶.

Культ Стефана Пермского в Устюге складывается после его канонизации в 1549 г. Предполагаем, что уже в конце XVI – начале XVII столетия в Устюге появился освященный во имя Стефана Пермского престол, проходили службы, были написаны иконы с его образом. Из писцовой книги Великого Устюга 1676–1683 гг. известно, что при Петропавловской церкви, в теплой Благовещенской церкви была еще «другая служба святителя Стефана Пермского чудотворца» и образ Стефана Пермского, «с житием, обложень сребромъ басмою позолочень...», другой образ Стефана Пермского, «писанный на красках», стоял в паперти Петропавловской церкви⁷. Однако Петропавловский приход в Устюге упоминается в более раннем источнике – устюжской писцовой книге 1623–1626 гг.⁸

Устюжский историк А. Попов сообщает: «О существовании этих церквей в 1700 г. свидетельствует надпись на напрестольном серебряном кресте: “1700 году, Марта в 5 день построен сей святыи крест Господень в церкви св. апостол Петра и Павла и преподобнаго Алексия Человека Божия и иже во святых отца нашего Стефана архиепископа Великопермского...”»⁹.

В 1715 г. деревянные церкви сгорели. В построенной каменной Петропавловской церкви (1745–1776) придела во имя св. Стефана Пермского уже не было. Напоминанием о бывшей здесь службе святому являлся «образ Стефана Великопермского и Алексия члка Бжия... над ними Вседержитель сиюющий на престоле...» из местного ряда иконостаса Благовещенской церкви. В трапезном иконостасе также стоял «образ больший Стефана Пермского и Алексия человека Божия... на той же дске образ Благовещения...»¹⁰.

В Великом Устюге не сохранились житийные иконы с образом Стефана Пермского. Известна икона «Святитель Стефан Пермский, с житием» 1-й пол. XVII в. из собрания Сольвычегодского историко-

¹ Лимерова В.А. Современное состояние и задачи коми литературоведения // В.И. Лыткин и филологические науки. Сыктывкар, 2006. С. 66-73.

² Тираспольский Г.И. И.А. Куратов – языковед. Сыктывкар, 1980, Он же. Новый этап в куратоведении // Арт. 1999. № 2. С. 117-124; Он же. Кто же первым открыл рукописи И.А. Куратова // Арт. 2004. № 2. С. 110-121.

³ Титов А.А. Летопись Великоустюжская: По Брагинскому списку. XIII–XX вв. М., 1903. С. 35.

⁴ Сорокатый В.М. Образ Прокопия Устюжского в иконе // Житие святого праведного Прокопия Устюжского. М., 2003. С. 144.

⁵ Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 26.

⁶ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 80

⁷ Писцовая книга 1676–1683 гг. // Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 78-79.

⁸ Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге «Письма и меры Микиты Вышеславцова да подъячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» // Бысть на Устюзе... Вологда, 1993. С. 200-201.

⁹ Попов А. Петро-Павловская церковь в г. Устюге // Прибавления к ВЕВ. 1893. № 6. С. 75.

¹⁰ МУ «Устюгцентрархив». Ф. 364. Оп. 1. Д. 10. Л. 320-321.

художественного музея. Интересен подбор шестнадцати житийных клейм с важными для устюжан событиями. Два клейма посвящены духовной беседе свт. Стефана с прп. Сергием Радонежским. В иконе имеется самое раннее изображение пророчества Прокопия Устюжского отроковице Марии о рождении будущего просветителя земли Пермской Стефана.

В память о Стефане Пермском клеймо с пророчеством включено и в известную устюжскую икону «Св. Прокопий Устюжский, с житием в 40 клеймах», написанную около 1668 г. (ВУМЗ 8609).

В устюжском ареале иконописания – икона «Святитель Стефан Пермский с деисусом и святыми на полях» 1717 г. (ЦМ и АР КП 624) из с. Цилиба Яренского уезда, входившего в состав Устюжской епархии. В верхнем поле иконы – композиция деисуса, продолженная на боковых полях образами наиболее почитаемых в данной местности святых. Среди них Николай Чудотворец, святители пермские Герасим, Питирим и Иона, блаженные Прокопий и Иоанн Устюжские.

В собрании Великоустюгского музея-заповедника имеется несколько икон XVIII в. с образом Стефана Пермского. На левой створке складня к. XVII – н. XVIII в. (НВ-1496) св. Стефан включён в ряд святителей московских Петра, Алексия, Ионы, а также Леонтия Ростовского и, возможно, других ростовских святителей.

На двух замечательных устюжских иконах 2-й пол. XVIII в. «Спас Всемилостивый с предстоящими и припадающими святыми» (ВУМЗ 21194, 21175) Стефан Пермский также изображен в ряду святителей.

Аналойная икона с поясным изображением Стефана Пермского к. XVIII в. (ВУМЗ 26828) выполнена на кипарисной доске. Выразительный лик святого с крупными красивыми чертами написан в манере «живоподобия». Многокрасочность иконы, высокая техника письма подтверждают принадлежность её устюжским письмам.

В 1774 г. в Великом Устюге на вновь открытом городском кладбище была освящена деревянная Стефановская церковь, в 1800 г. положено основание каменной.

В к. XIX – н. XX в. Стефановская церковь относилась к числу «достаточно украшенных и благолепных храмов». Мраморный престол был с позолотой и эмалевыми вставками, с запрестольным образом Богоматери Одигитрии и свт. Стефана. В окне за престолом стояла большая икона свт. Стефана в рост, «писана красками по чеканному золоченому полю». В местном ряду иконостаса находился образ свт. Стефана и прав. Прокопия и Иоанна Устюжских, с изображением над ними чудотворной иконы Благовещения¹.

Иконы с образом Стефана Пермского имелись в Успенском и Прокопиевском соборах. По описям Прокопиевского собора 1758 и 1772 гг., по правую сторону южных диаконовских дверей стоял «образ *Стителя Стефана Епкопа Великопермского да стаго Иоанна Устюжскаго чудотворца...*»². В 1795 г. устюжский иконописец Петр Соколов написал для Прокопиевского собора икону «Стефан Епископ Пермский и Иоанн Праведный»³. В иконографии этих икон уже прослеживается объединение святых как уроженцев Устюга.

Для местного ряда нового иконостаса Успенского собора в 1784 г. известнейший устюжский живописец протоиерей Василий Аленин написал икону «Стефан Великопермский, Прокопий и Иоанн Устюжские» (ВУМЗ 21921). Впервые автор поставил святителя Стефана в ряду с Прокопием и Иоанном Устюжскими⁴. Обычно свв. Прокопий и Иоанн изображались в иконах на фоне панорамы города как два столпа, молитвенно защищающие Устюг. Сейчас в этот ряд вошёл и свт. Стефан Пермский.

Такая иконография стала устойчивой и повторялась устюжскими иконописцами. В 1875 г. А. Попов описал стенопись наружной восточной стены Никольской Гостинской церкви: «на восточной стене квадрата три ниши, из коих в средней изображен Св. Николай Мирликийский, а в крайних Прп. Димитрий Прилуцкий с Зосимой и Савватием Соловецкими и Стефан епископ Пермский с Прокопием и Иоанном Устюжскими»⁵. Эта стенопись выполнена не раньше 1787 г., когда Никольская церковь была «отделана штукатурною работою, главы и кресты устроены»⁶.

В местном ряду иконостаса Спасовсеградской церкви, по описи 1856 г., записан образ Прокопия и Иоанна Устюжских и Стефана Пермского⁷. Такая же икона и в Прокопиевском соборе (НВ-2744).

В Котовальской часовне (освящена в 1856 г.) на месте выпадения каменной тучи, отмоленной прав. Прокопием в 1290 г., также был образ Стефана Пермского с преп. Сергием Радонежским⁸.

Юбилейные торжества, прошедшие в конце XVIII в. в честь Стефана Пермского, всколыхнули устюжское градское общество. Вот почему летописец и записал, что в 1815 г. начали праздновать свт. Стефану в день его памяти 26 апреля, как великоустюжскому уроженцу, то есть более торжественно.

В неопубликованном устюжском летописце нач. 1820-х гг. дана более подробная информация: «1815. Апреля 25-го дня, въ первый разъ отправлено было во всехъ приходскихъ церквахъ города Всенощное бдение на память святителя Стефана Пермскаго чудотворца, съ котораго времени и продолжается ежегодно. Учреждено же оно по повелению Вологодской духовной консистории, въ бытность Успенского собора протоие-

¹ Чебыкина Г.Н. Церковь святителя Стефана Пермского в Великом Устюге (страницы истории) // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2004. С. 97-100.

² МУ «Устюгцентрархив». Ф. 584. Оп. 15. Д. 2. Л. 41; Ф. 364. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.

³ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1142. Л. 13 об.

⁴ Сорокатый В.М. Указ соч. С. 144.

⁵ Попов А. Николаевская Гостинская церковь в г. Устюге // Прибавления к ВЕВ. 1875. № 12. С. 234.

⁶ Летописец Великоустюжский. XIX в. Л. 49. ВУМЗ 21124.

⁷ МУ «Устюгцентрархив». Ф. 584. Оп. 18. Д. 6. Л. 4 об.

⁸ Попов А. Котовальская часовня // Прибавления к ВЕВ. 1879. № 12. С. 265.

рея Иоанна Жаворонкова»¹.

Большая заслуга в развитии почитания святого Стефана принадлежала иерархам Вологодской епархии. Известно, что при преосвященном Арсении (1796–1802) была вывезена в Вологду из Троицкой Вожемской церкви Яренского уезда икона «Зырянская Троица», написанная, по преданию, самим свт. Стефаном. Вместо подлинника в с. Вожема отправлена копия². В Великом Устюге в церкви Симеона Столпника также появился список этой иконы, выполненный, по-видимому, тогда же³.

Интерес к личности свт. Стефана Пермского не ослабевал на протяжении всего XIX в. К юбилею в 1896 г. в Вологодской епархии была широко представлена Программа празднования 500-летия святителя Стефана, утвержденная Указом Святейшего Правительствующего Синода⁴.

Сохранилось описание празднества в Великом Устюге. «Торжество было весьма редкое... Венощное бдение в Успенском Соборе продолжалось почти до 11 ч. вечера... Къ вечерне была принесена въ Успенский Соборъ изъ Семионовской церкви икона Св. Троицы съ зырянскими подписями... За Литурגיעю Преосвященный Антоній был одет в «Сакось»-полотняный – святителя Стефана Еп. Пермскаго съ изображениемъ на немъ всехъ дванадцатыхъ праздниковъ»⁵.

В 1897 г. Стефано-Прокопиевское братство установило в Прокопиевском соборе киот с иконой Стефана Пермского и Прокопия Устюжского и хоругвь с изображением на одной стороне свт. Стефана Пермского, а на другой – прав. Прокопия»⁶.

В отличие от свв. Прокопия и Иоанна, устюжских чудотворцев, почитание свт. Стефана приобрело иной характер: после канонизации Стефан Пермский стал для устюжан известным уроженцем города, поставленным в ряд святых, выдающихся деятелей Русской Церкви. В связи с этим происходило и формирование в Устюге иконографии Стефана Пермского, основанной на использовании официально принятого иконографического образца, позднее получившей местные устюжские особенности.

Большинство устюжских икон были с изображением свт. Стефана в рост или поясные, как предписывал иконописный подлинник. Встречаются иконы с образом Стефана Пермского и из деисусного чина высокого иконостаса. («Стефан Пермский». XIX в. НВ-1478).

В XVII в. свт. Стефан изображался среди предстоящих в ряду святителей. Однако в житийную икону включались клейма с событиями из жизни святого, связанные с историей родного города. В XVIII и XIX вв. сложилась новая иконография Стефана Пермского в ряду с устюжскими святыми Прокопием и Иоанном, иногда с включением над ними чудотворной устюжской иконы Благовещения.

На устюжских иконах свт. Стефан часто изображается с Николаем Чудотворцем или с Сергием Радонежским – духовно близкими святыми. На иконе XIX в. из устюжской Стефановской церкви Стефан Пермский стоит рядом с праведной Глафирой девой (их память по церковному календарю отмечается в один день).

При многочисленности образов Прокопия и Иоанна Устюжских, встречающихся в устюжских храмах, икон с образом Стефана Пермского значительно меньше. Но наличие их в главных соборах города – Успенском и Прокопиевском, в Стефановском храме позволяло устюжанам всегда помнить и почитать его как прославленного устюжского святого.

В.И. Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Уникальные культовые объекты Западного Забайкалья

Одним из важных направлений археологических исследований является поиск и интерпретация материальных свидетельств духовной культуры древнего человека. Находки такого рода значительно более редки в сравнении с находками, отражающими материальный мир хозяйственной деятельности в древности. Тем не менее, количество свидетельств развития духовной культуры древнего человека постоянно пополняется. При этом, как правило, одна или несколько находок даже очень выразительных предметов древнего искусства или знакового поведения не позволяют воссоздать картину «нематериального» поведения людей в прошлом. Реконструкции такого плана становятся возможными при сочетании нескольких факторов, например: детально изученный планиграфический контекст расположения находок, их привязка к отдельным элементам культурного слоя (тайники, очаги, ямки-кладовки) и т.д. Кроме различных изделий, интерпретируемых как свидетельства древнего искусства и знакового поведения, источником для реконструкции духовного мировоззрения людей прошлого могут служить сами археологические объекты, например, культовые объекты. В частности, изучение культовых объектов, оставленных древними людьми, позволяет исследователям приступить к реконструкции ранних религиозных представлений человека. В случаях исследования древних культовых объектов – святилищ

¹ Летописец Великоустюжский. XIX в. Л. 59 об. ВУМЗ 21124.

² Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях Духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995. С. 302.

³ Попов А. Церковь прп. Симеона Столпника в г. Устюге // Прибавления к ВЕВ. 1885. № 21. С. 430

⁴ ВЕВ. 1896. № 8. С. 29-35.

⁵ Церковно-приходская летопись великоустюжской Варваринской церкви. XIX–XX вв. Л. 42–43. ВУМЗ 21163.

⁶ Шлятин В. Житие праведного Прокопия, Устюжского чудотворца, и историческое описание Устюжского Прокопиевского собора. СПб., 1903. С. 88.

возникает несколько проблем. Во-первых это обоснование археологического объекта как святилища, которое может не вызвать затруднений, если подобные объекты уже известны и изучены. Если же памятники такого типа еще не изучались или не рассматривались как святилища, то исследователь становится перед необходимостью обоснованно выделить те элементы археологического объекта, которые будут указывать на его принадлежность к культовым местонахождениям. Вторая проблема связана с определением назначения культового объекта. Как правило, довольно легко определяются культовые места, предназначавшиеся для поминальных обрядов. Такого типа объекты обычно входят в состав погребальных комплексов и тесно с ними связаны. Значительно сложнее определить или обосновать назначение святилищ, связанных с почитаниями каких-либо земных природных объектов: вершины, перевалы, места слияний рек и пр.; а также связанных с почитанием небесных природных объектов: луна, солнце и пр. Разумеется, в каждом случае речь идёт не о поклонении непосредственно природному объекту как таковому, а о поклонении той духовной сущности, с которой был связан природный объект.

В Забайкалье исследователи периодически указывали на те или иные памятники, а также на отдельные структурные элементы археологических памятников, как на объекты с культовым содержанием. Безусловно, культовую нагрузку несут различные каменные кладки рядом с погребальными комплексами. Чаще всего такие кладки встречаются рядом с курганами-херексурами и плиточными могилами бронзового века. Для Забайкалья характерно и то, что сами курганы-херексуры часто оказываются без погребения и, следовательно, возводились они не как погребальные, а как культовые сооружения. Кроме могильников с культовыми кладками к святилищам традиционно относятся наскальные рисунки или точнее скалы с наскальными рисунками, датируемыми бронзовым и железным веками, а также эпохой средневековья. Перечисленные типы археологических памятников представлялись основными при обосновании в Забайкалье наличия древних святилищ или объектов с определённой культовой нагрузкой.

В ходе археологических работ последних двух десятилетий на территории Западного Забайкалья выявлена серия различных памятников, предстающих в виде комплексов, состоящих из природных и искусственных элементов и представляющих собой сложные культовые объекты – святилища. Данные святилища тесным образом связаны с какими-либо природными элементами: скальный останец, вершина горы, скальная стена. Также наметилось направление исследований на выявление организации святилищ в зависимости от природных явлений, например, летнее солнцестояние.

Одним из наиболее крупных святилищ бронзового века в Западном Забайкалье является Барун-Алан. Основная часть древнего святилища располагается на одной площадке с многослойным археологическим памятником Барун-Алан I. Барун-Алан I – это сложный геоархеологический объект, включающий в себя комплекс археологических памятников, тесным образом связанных с локальным ландшафтным участком. Весь комплекс располагается на выположенной площадке на склоне западной экспозиции горы Хэнгэрэктэ, у подножия скальной стенки, являющейся частью скалистой гряды широтного простирания. Отвесная сиенитовая скала, обращенная ровной поверхностью на юг, высотой 12,5 м и протяженностью 30-40 м, охватывает часть поверхности склона, сдерживая на этой площадке активные денудационные процессы. Сама скала и субгоризонтальная площадка под ней являются не только элементами ландшафта, но и частью археологических объектов. Вся нижняя часть скалы, обращенной на юг, преимущественно, на высоте от 50 до 200 см покрыта петроглифами, выполненными охрой. Наскальные рисунки относятся к так называемой селенгинской группе писаниц, большая их часть датируется развитым и финальным бронзовым веком. На субгоризонтальной площадке под скалой с петроглифами расположены небольшие каменные кладки – курганчики. Очевидно, что наскальные рисунки, площадка под скалой с наскальными рисунками, ритуальные каменные курганчики, ограничивающие площадку и кладка внутри площадки, составляют единый сакральный комплекс, служивший для отправления определенных ритуалов обрядовой деятельности. Дальнейшие исследования объекта показали, что у одной округлой каменной кладки, сходной с теми, что сопровождают курганы-херексуры и расположенной далеко от скалы, есть дополнительная выкладка из четырёх камней, положенных попарно друг против друга. Прямые линии, образуемые каждой парой камней, пересекаются в центре кольцевой кладки. Одна из линий указывает на место захода солнца 22 июня, также эта линия указывает на конец скалы с петроглифами.

Ещё один природно-археологический объект, рассматриваемый как святилище, был обнаружен у южной оконечности склонов горы Хэнгэрэктэ. Этот памятник, получивший наименование «Святилище», также представляет собой сложный комплекс отдельных археологических и природных элементов. Основу комплекса составляет скала, протянувшаяся по линии восток-запад около 40 м, в восточной части которой образована своеобразная площадка под скальной стенкой. Высота скалы над площадкой четыре метра. Сама площадка частично огорожена с юга естественными скальными выходами. Дополнительная оградка площадки возведена искусственно, что окончательно сформировало структуру ритуального комплекса – площадка, закрытая с севера скальной стенкой с наскальными рисунками, естественная и искусственная ограда площадки с южной стороны и вход на площадку, возведенный в виде пандуса также с южной стороны.

Оба описанных культовых объекта имеют много общих черт. Главными элементами этих объектов видятся скальные стенки и площадки под ними, огороженные или выделенные различными способами. Такого рода объекты впервые стали известны в Западном Забайкалье только в начале 2000-х гг. Следует отметить, что в Забайкалье известно ещё несколько археологических объектов, в которых наблюдается сочетание искусственных и природных элементов, но до сих пор эти объекты не рассматривались как имеющие культовое назначение.

Следующий тип древних святилищ связан с такими природными объектами как отдельные вершины гор. В ходе обследования могильников бронзового века, включающих в себя курганы-херексуры, был обнаружен интересный памятник, в котором каменные курганы были возведены вокруг конусовидной скалистой вершины, выдвинутой в долину горы. Ожерелье из курганов предстаёт как своеобразная ограда вокруг скалистой вершины и тем самым вершина горы может рассматриваться как курган в центре оградки, что является важным признаком курганов-херексуров. Ниже этой природно-искусственной конструкции – в седловине и на уступах горы располагаются погребальные конструкции, например, плиточные могилы бронзового века и каменные кладки могил железного века. Этот факт показывает, что святилище, организованные в привершинной части горы ещё в бронзовом веке, продолжало функционировать или привлекать сюда население более позднего времени. Выделение и изучение подобного рода объектов как святилищ в Забайкалье также ещё не осуществлялось.

Ещё один объект, уникальный по конструкции отдельных элементов, обнаружен в Кижингинском районе Республики Бурятия. Центром объекта является небольшая скалистая вершина на отрогах горного склона, у южного склона которой сосредоточены каменные завалы. Южнее скалы, на обширных покатых склонах горных отрогов расположен большой могильник, состоящий, в основном, из конструкций бронзового века, что позволяет рассматривать начало формирования культового объекта возле скалы в этом временном диапазоне. У южного подножия осыпей и прямо на скальных плитах, лежащих в осыпях, возведены различные жертвенники, как правило, кольцевые каменные кладки диаметром около одного метра. Основной элемент данного объекта составляет жёлоб, выложенный из камней по краю осыпи и ведущий к скалистой вершине. Вероятно культовый объект возле скалы был более обширным, но в первой половине XX века с восточной стороны скалистой вершины брали камень для хозяйственных нужд, что, скорее всего, привело к частичной утрате археологического памятника.

Таким образом, на территории Западного Забайкалья с началом бронзового века появляются новые объекты, отражающие религиозные представления и культовую деятельность населения того времени. Ряд этих объектов сложно организованы, они соединяют в себе природные и искусственные элементы. Изучение таких объектов только начинается в силу определённой сложности по их выявлению, заключающейся в видимой разрозненности различных элементов. Вместе с тем, таких объектов значительно меньше, чем других типов памятников, например, могильников и отдельных наскальных рисунков, что указывает на их уникальность.

Г. В. Трухина

Воркутинский музейно-выставочный центр

К проблеме формирования художественной коллекции муниципального учреждения культуры «Воркутинский музейно выставочный центр». Иванов Константин Петрович

Воркутинский музей был торжественно открыт 3 мая 1960 г. За 50 лет существования его сотрудниками были собраны ценнейшие коллекции по природе, истории и культуре Крайнего Севера. Среди 81069 единиц хранения на учете стоят и художественные произведения, собственно художественная коллекция составляет на 1 января 2011 года 606 единиц. Данная статья представляет всего одно имя – Иванов Константин Петрович. В целом его художественное наследие невелико, а воркутинский музей хранит 71 произведение (1950^е–1990^е гг.) Константина Петровича. Это 32 живописных этюда и графических листа (серия «Воркута», серия «Геленджик», серия «Алушта», серия «ГУЛАГ-Воспоминания») и 17 театрално-декорационных эскизов, коллекция поступила в 90-е годы. Кроме собственно художественного наследия музей располагает бесценными свидетельствами о культуре и быте 50–60 годов г. Воркуты, которые были предоставлены Ивановым через переписку с сотрудниками Выставочного зала музея. Дружеские отношения, сложившиеся в процессе переписки, длившейся более 7 лет (1992–1999 гг.), несомненный литературный талант художника, позволили оставить для будущих поколений 106 документов – письма, поздравительные открытки, заметки к выступлениям, наброски, удостоверения, журналы работы Изостудии, театральные программы и многое другое. Переписка дает эмоционально-информационный срез времени и, рассказывая о Константине Петрович, невозможно не использовать его воспоминания...

Биографическая справка

Родился Иванов Константин Петрович в 1921 г. в Крымской АССР, в г. Балаклаве. Получил неполное среднее образование, затем учился в Одесском художественном училище (1938–1940 гг.). Работал художником в Севастопольском художественном музее. Во время войны оказался на оккупированной территории. Арестован, судим 29 октября 1944 г. военным трибуналом войск НКВД Крыма по статье 58-1 «а»¹ УК РСФСР и осужден на 15 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Начало срока – 25 мая 1944 г., конец срока – 25 мая 1959 г. Прибыл в Воркуту 20 января 1945 г. из Харькова². В 1945–1946 работал на шахте № 2 Комбината Воркутауголь (КВУ) шахтером, 1946–1948 – на разных работах в шахте и жилой зоне, 1948–1949 – художником КВУ в жилой зоне шахты «Капитальная», 1949–1955 – копировщиком, чертежником, художником³. Освобожден

¹ Статья 58-1а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу.

² МУК «ВМВЦ» НВФ 4274.

³ МУК «ВМВЦ» НВФ 4363/3.

ден 8 апреля 1955 года, определен на спецпоселение в г. Воркуте¹. После освобождения работал чертежником в Проектной конторе, затем (1956–1962 гг.) – художником-декоратором и художником постановщиком в Воркутинском драматическом театре, в 1962–1963 – главным художником Воркутинской студии телевидения. Во Дворце культуры шахтеров руководил «Изостудией рабочей молодежи», первой в Коми АССР изостудией для взрослых, с ноября 1961 по декабрь 1964. Константин Петрович являлся участником первых городских художественных выставок, участником республиканских выставок. С 1965 г. Иванов К.П. проживал в г. Сыктывкаре, работал на телестудии, художником в Краеведческом музее, в мастерских Художественного фонда². Умер скоропостижно 9 мая 1999 г. на 79 году жизни.

Несколько эпизодов из его жизни...

Эпизод № 1

«... Это уже был 1947–48 гг. Режиссер каторжанин из Ялты Цветухин В. организовал в лагере драмкружок и поставил два спектакля: по Лермонтову «... Маскарад»... и что-то из жизни Буковины во времена фашистской оккупации. Я оформлял эти спектакли, а в «Маскараде» еще и играл роль князя Звездича. Девушки-заключенные из Польши... собирали всякие лоскутки и шили из них прелестные платья для дам. А для мужских костюмов вязали аксельбанты и из ничего делали эполеты и многое другое. Я тогда занимал должность завхоза стационара (лечебного больничного барака). Там по моим эскизам столяры-умельцы из Эстонии изготовили немецкие автоматы, гранаты, парабеллы... это нужно было ко второму спектаклю... Я привел ватагу заключенных, участников спектакля, одетых в костюмы немецких солдат к больничному барaku и вооружил их буцафорским оружием. Свежеокрашенные стволы сверкали в свете фонарей. Один из надзирателей-салажат принял происходящее «за чистую монету» и поднял тревогу: «В зоне – немецкий десант!». Но к счастью никаких осложнений не произошло»³.

Эпизод № 2

«... первое, для меня событие в жизни Воркутинского театра, это моя первая постановка на профессиональной сцене – Мольер «Плутни Скапена» (1956 г.). Эту постановку, в качестве художник – постановщика я осуществлял не числясь в штате театра. Я делал ее по договору с театром, работая в это время чертежником в Проектной конторе. Работа над спектаклем очень увлекала потому, что это зарубежная классика и потому, что спектакль костюмированный. Большое удовольствие доставляло покопаться и немного изучить исторический зарубежный костюм. В этой работе мне всемерно помогал главный художник театра Гусев К.И., он же помог понять специфику и возможности... вспомогательных цехов провинциального театра. Режиссер – постановщик Кякшто К.К. относился к моей работе доверительно. В общем, спектакль получился, и первый блин не был совсем комом»⁴.

Эпизод № 3

«... Другой моей постановкой, которая хорошо запомнилась. Была драма Островского «Светит, да не греет». Ставили спектакль на сценической площадке Дома культуры шахты-I «Капитальная». Это было после пожара, когда там арендовали несколько помещений, в том числе зрительный зал и сцену, которая уступала размерами, оборудованием и постановочными возможностями сцене сгоревшего театра. А запомнился мне этот спектакль аплодисментами, которые адресованы были только художнику. Когда занавес открывался – возникала пауза на две, три секунды, а затем зал разом взрывался дружными аплодисментами. И так было почти на каждом открытии занавеса к новому действию. Я знал по работам Куинджи, что на зрителя действует ярко выражены эффект декоративности и подлинности природы, но такого впечатления на зрителя от своей работы, никак не ожидал»⁵.

Эпизод № 4

Именно воспоминания Константина Петровича помогли установить время, 1-й городской художественной выставки в Воркуте.

«... В фойе театра осенью (неточность, выставка была уже в июне месяце⁶) 1955-го, ... была организована ... первая в Воркуте выставка художников. Были выставлены этюды, натюрморты, рисунки и небольшие картинки на местную тематику... Я выставился... маленькими портретами шахтеров и других заключенных. Номера на робах я, конечно, убрал, иначе бы рисунки не попали на выставку, фамилии также не указывал. Они шли под общим заголовком «Труженики заполярной кочегарки»⁷. В газете «Заполярье» того времени в статьях, посвященных «выставке экспонатов народного творчества» упоминается и Константин Петрович: «С большим художественным мастерством нарисовал т. Иванов карандашом портрет старика и кошку»⁸, «Художник Иванов

¹ МУК «ВМВЦ» НВФ 4274.

² МУК «ВМВЦ» НВФ 4363/3.

³ МУК «ВМВЦ» ОФ 4262/9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Уточнение автора статьи.

⁷ МУК «ВМВЦ» ОФ 4270/18.

⁸ МУК «ВМВЦ» НВФ 3589/3. Колганов А. На выставке народного творчества // Заполярье. № 75 от 26 июня 1955 г.

представил на выставку несколько карандашных портретов. В них привлекает смелость штриха, тонкость рисунка, умение найти едва заметные характерные черты»¹.

Эпизод № 5

«...При горисполкоме, в отделе культуры, работала симпатичная особа (москвичка, фамилию, к сожалению, забыл) (Третьяк Е.И. – заведующая отделом культуры²), человек общительный, энергичный и инициативный. Она знала каждого артиста, весь пишущий люд, всех художников-«объединенцев». Однажды вызвала к себе Якова Вундера и спросила: Как художники...хотят ли немного подзаработать? Решением горкома и исполкома в городе назначен день проведения Молодежного фестиваля». В этой большой коллективной работе участвовали: Вундер, Гусев, Стенинг с женой, Усков, Краулис и я... Не отрываясь от основной работы я ночами трудился над четырьмя плакатами-панно, тут же в театре... На моих плакатах были изображены веселые юноши и девушки в национальных костюмах на фоне голубого неба и в окружении цветов и белых голубей – стереотип тех, довольно веселых, пьянящих свободой лет... В канун фестиваля, с вечера, прибыли машины. На них развезли оформление по намеченным точкам. При помощи пожарных машин развесили декор на фасады зданий и фонарные столбы... К утру все было готово. Утомившись, я ушел и крепко уснул... Через два дня, без всяких заморочек, мы получили заработанное. Я со своими деньгами расправился лихо. Тут же купил себе коричневую фетровую шляпу, моднейшее демисезонное драповое пальто, шерстяной зеленый костюм, пару белых батистовых рубашек, модельные туфли и к ним «прощай молодость» (так называли войлочную обувь на резиновой подошве, которую надевали поверх туфель, в ней было очень тепло и в гостях снимали только эту обувь, а туфли всегда оставались чистыми). И мне еще хватило денег безбедно провести медовый месяц в свадебном путешествии по Крыму (после гастролей театра в г. Кизил Пермской области, я «скоропостижно», от любви с первого взгляда, женился), одеть «с ног до головы» жену. Правда, для того, чтобы купить билеты в Воркуту, пришлось продать свой шикарный зеленый костюм и белые чесучевые брюки»³.

Эпизод № 6

«...Где-то в конце декабря прошлого года (1998)⁴, наконец, состоялась презентация первого тома мартиролога «Покаяние». Книга получилась толстой – на 1000 страниц... В первый том попало 13 моих рисунков... Хотят выпустить дополнительный тираж первого тома, а в ближайшее время второй и третий тома. В них тоже должны попасть мои рисунки... Первым с выходом в свет этого тома меня поздравил (бывший воркутинский поэт и артист кукольного театра Воркуты) Александр Клейн»⁵.

Эпизод № 7

Выдержка из последнего письма, написанного за 4 дня до ухода:
«Ой ля-ля! 78 лет – далеко не радостная дата... Но что делать... сколько есть – столько и есть... Всем негативным фактам вопреки: серое небо, мокрый снег, стужа (и это-то в Сыктывкаре в праздничные майские дни) – меня, вдруг, прорвало... Вчера написал благодарственное письмо за поздравление «Чижика» (это Тамара Пантелевна Левитская...)... А сегодня, с большим удовольствием общаюсь на листке бумаги с вами... В водовороте жизни, в вечных хлопотах, вам, конечно же, не до моих благодарственных сентиментальных речей, но душа просит. А раз она просит и еще сегодня может, то, я и голословлю»⁶.

С.И. Тряпкина

МБОУ СОШ № 3 р.п. Сосновоборск Пензенской области

Новые направления работы школьного краеведческого музея

«Музей – грандиозная памятная книга человечества», – в одной фразе Луначарский выразил всю суть музейного дела. Воспитательный потенциал музеев огромен, поэтому особенно важно иметь музей в школе. Именно с крохотного храма прошлого у ребят зарождается интерес, уважительное отношение к истории малой родины. Без этого чувства сложно научиться любить и ценить свою Отчизну. Все великое начинается с малого. Истинный учитель истории практически не может обходиться без музейных экспонатов в учебно-воспитательном процессе. Артефакты помогают сделать далекое близким, абстрактное конкретным.

Нашей школе – 10 лет, краеведческий музей существует 9 лет. За этот период он стал важнейшим элементом школьной жизни. На данный момент в его фондах находится 824 экспоната. Идея учителя истории Астаховой О.В. о создании в школе музея была поддержана заинтересовавшимися учениками, из которых впоследствии был выбран Совет музея. Позже в него вошли ветераны педагогической деятельности, родители. Именно Совет музея стал на несколько лет его хозяином. Начальной ступенью работы была разработка концепций экспозиций. Первыми стали: «Бабушкин столик», «Святыни», «Герои земли Сосновоборской». Их со-

¹ МУК «ВМВЦ» НВФ 3589/3. Колганов А. Лучшие экспонаты изобразительного искусства // Заполярье. № 74 от 24 июня 1955 г.

² Уточнение автора статьи.

³ МУК «ВМВЦ» ОФ 4270/15.

⁴ Уточнение автора статьи.

⁵ МУК «ВМВЦ» ОФ 4327/40.

⁶ МУК «ВМВЦ» ОФ 4327/41.

вершенствование, дополнение продолжается и в настоящее время. Все поступающие вновь экспонаты фиксируются в книге учета. Систематизация обеспечивает порядок в музее и является своеобразным «узелком на память». Бывшие выпускники, посещая школу, с удовольствием вспоминают, в каком году и что именно они преподнесли в дар.

Координатором музейной деятельности, естественно, выступает педагог, но его роль должна быть очень корректной, не ограничивающей, а стимулирующей творческие задумки членов Совета музея. Ребята коллегиально продумывают и проводят экскурсии, организуют тематические выставки, готовят себе преемников.

Краеведческая работа практически бесконечна. Любой музей должен быть живым организмом, т.е. непрерывно развиваться, обновляться, пополняться, а, главное, использоваться. Только в этом случае он будет иметь воспитательное значение.

Следующим этапом деятельности музея в нашей школе стали уроки и внеклассные мероприятия на основе музейных материалов или непосредственно в самом музее. Необычная обстановка разбивает стереотип урока, положительно влияет на развитие образно-эмоционального мышления ученика, позволяет формировать конкретные представления о предметах, обеспечивает прочность запоминания. Весьма результативными были уроки «Быт в конце XIX – начале XX вв.», цикл уроков по Великой Отечественной войне. Восприятие учащихся активизируется еще и за счет того, что в нашем музее все экспонаты разрешено трогать руками. Например, частенько примеряют лапти или пробуют на вес старинные утюги. Предметность, наглядность, эмоциональность музейных уроков обеспечивает действенность патриотического и нравственного воспитания. К тому же, невозможно оставаться равнодушным к тому, в создании чего принимал участие сам.

С целью формирования творческих способностей ребят, активной гражданской позиции мы практически отказались от проведения экскурсий педагогом. В начале года на нескольких занятиях с экскурсоводами обговариваем различные нюансы, начиная с внешнего облика, артистичности, ораторских способностей, культуры речи, умения расположить к себе группу, заканчивая дифференцированным подходом, например, к ученикам начальных классов, студентам или ветеранам войны. Совет музея выдвинул предложение о том, что можно заинтересовать посетителей «изюминками». Например, после экскурсии, посвященной 65-летию Победы гостям вручили солдатские треугольники, в которых были напечатаны авторские стихотворения учеников нашей школы. Экскурсию «Святые» для учеников 3 класса проводил «паломник» в холщовой рубаше, показывал привезенные из монастырей реликвии, а в конце попросил посетителей прочитать молитву. Желающих оказалось достаточно.

В течение ряда лет ведется работа по интервьюированию ветеранов войны, тружеников тыла, детей военного времени «Я помню войну». Одними из ценнейших экспонатов являются солдатский треугольник Никитина 1943 года, письмо из тыла мальчика В. Булкаева 1945 года. В юбилейный год ветеран войны Маньшин Ф.В. подарил музею 3 своих письма с фронта будущей жене. В этих строках – реальная жизнь. Экскурсоводы аккуратно запечатали их в файлы, а рядом разместили перепечатанный с них текст. Дары в виде подобного рода реликвий свидетельствуют о доверии людей к нашей деятельности.

Многие экспонаты становятся «главными героями» исследовательских работ. В частности лик Гавриила, архимандрита Мелекесского, побудил ученицу Т. Булкаеву изучить жизненный путь земляка, причисленного к лику святых. Работа заняла третье место на областной НПК «Земля родная», стала дипломантом Всероссийского конкурса «Человек в истории России». При этом идет процесс установления различного рода контактов. Мы сотрудничали со священнослужителями храма Косьмы и Дамиана, храма Архангела Михаила, посетили родное село старца, были на открытии часовни, познакомились с родственниками, изучили труды архимандрита. Естественным образом установилось взаимодействие с краеведческим музеем Сосновоборского района, с местными СМИ, краеведами.

Совет музея организует конференции с участием представителей местных органов власти, СМИ, военкомата, социальной службы, полиции, родителей. Актуальным был круглый стол на тему «Патриотизм: знак вопроса...».

Логическим результатом музейной работы стало образование клуба «Краевед», который уже не ограничивается только просветительской и научно-исследовательской сферами. Идет активное вовлечение не только школьников, но и взрослых в практическую деятельность по сохранению исторического наследия, самобытности народов многонационального Сосновоборского района. Большое внимание уделяется воспитанию толерантности. Клуб занимается проектной деятельностью. Музейное дело переросло в процесс изучения и сохранения национальной культуры, исторических памятников, которые создавались представителями разных национальностей. Деятельность клуба приобрела этно-краеведческую направленность. В планах клуба – создание виртуальных экскурсий по достопримечательным местам малой родины.

Отсутствие строгих возрастных ограничений для членов клуба помогает расширять межличностные связи, способствует обогащению их жизненного опыта, успешной социализации.

В 2010 г. к нам приезжала делегация из областного Министерства культуры во главе с заместителем министра К.В. Застрожным. Экскурсию ученицы 11 класса Петровой Ирины показали по Пензенскому телевидению. Работа продолжается. Посетителями музея стали и студенты Пензенских ВУЗов.

О значимости краеведческой работы свидетельствует хотя бы следующий факт. Один из бывших экскурсоводов на вечере встречи с выпускниками сказал: «Так получилось, что когда оказываюсь в разных городах, возникает потребность посетить музеи...».

История формирования археологической коллекции Национального музея Республики Коми

Цель данной публикации – обобщить сведения по истории формирования археологической коллекции Национального музея Республики Коми.

Начало формирования фонда археологии Национального музея Республики Коми относится к 1919–1920 гг. Самыми ранними поступлениями археологических предметов в коллекцию музея, зафиксированными в учётных документах, можно считать железный средневековый топор из с. Шошка Сыктывдинского р-на, переданный С.М. Рочевым в 1919 г. и фрагмент шумящей подвески (шиток), доставленный основателем музея А.А. Цембером 21.11.1920 г. из д. Мордино Корткеросского р-на, где он приобрёл его у церковного старосты.

В начале 1920-х гг. археологическая коллекция формируется благодаря деятельности первого коми археолога, члена Общества изучения Коми края А.С. Сидорова, который с 1919 по 1928 гг. вёл археологические разведки и эпизодические раскопки на территории Коми края. В фонде археологии НМРК хранятся 285 предметов, переданных А.С. Сидоровым в музей. Первые предметы археологии были переданы им в 1921–1924 гг., – это сборы на могильниках Емгорт, Кокпомъяг, Кедвавом, Вадыягский (Гучерем), материалы раскопок на городище «Кар-Яг» (Пожегское), Ванвиздинском поселении, сборы на стоянке Ухтинский Волок. В 1940 г. от него поступили предметы из сборов на могильнике Белый Бор, в начале 1950-х гг. поступают материалы, собранные в 1949 г. на Красной Горе. Отдельные предметы А.С. Сидоров собирал у местных жителей: д. Ванвиздино – две бронзовые фигурки медведей, с. Ижма – костяной наконечник дротики, с. Кибра (Куратово) – находки фрагментов средневековых бронзовых украшений, Ухтинского волока – фигурка парящей птицы с личиной на груди, д. Онежье – бляха с изображением всадника и пронизка в виде фигуры кричащей птицы, д. Удор – решетчатая подвеска, м/н Лемех – д. Кичилькось, Веслянский с/с, железный топор из с. Усть-Ухта, а также сборы с поверхности Вымских могильников. К сожалению, легенда части предметов не известна, т.к. в 1938 г. ряд экспонатов был передан А.С. Сидоровым для зарисовки в журнал «Советская археология» и был возвращен уже только в 1953 г. без указания места приобретения и нахождения¹. Историю части из них удалось восстановить по публикациям А.С. Сидорова. Среди них предметы «звериного стиля», средневековые украшения, предметы вооружения и орудия труда. Небольшую коллекцию кремневых изделий с Ванвиздинской стоянки (36 предметов) передал А.Н. Грен в 1924 г.

В 1925 г. состоялась первая профессиональная археологическая экспедиция на территории Коми края, организованная Главнаукой во главе с А.П. Смирновым, в ходе которой были исследованы Ванвиздинская стоянка, городище Карыбйив (Кармыльк), средневековые могильники Клянъш-Ласта и Гидсаг. Коллекции Главнауки поступили в музей после обработки в 1926 г. и пополнили фонд на 771 ед. хранения.

В том же 1926 г. Д.Т. Яновичем из экспедиции «к ижемским коми» был доставлен деревянный идол. Он был найден в 1924 г. на среднем Тимане в пещере, расположенной между р. Белая Кедва и ее правым притоком р. Белый Эшмес охотником П.А. Вокуевым.

В 1927 г. была организована экспедиция в с. Шошку для раскопок древнего кладбища под руководством врача С.М. Смирнова. В работе экспедиции принимал участие и заведующий музеем Д.А. Батиев. Экспедицией был получен антропологический материал и коллекция нательных крестов XVI – начала XVIII вв.²

В 1939 г. состоялась первая самостоятельная археологическая экспедиция Коми республиканского краеведческого музея под руководством П.Д. Степанова в бассейн р. Сысолы (от с. Ужга Сысольского района до г. Сыктывкар). В ходе данного обследования был доставлен материал из пяти средневековых городищ: «Городище» (с. Грива Койгородского р-на), «Кар-йыл» и «Гуль-Чунь» (с. Вотча Сысольского р-на), «Кар-мыльк» (с. Ыб Сыктывдинского района), «Чудь-гора» (с. Шошка Сыктывдинского р-на). Помимо городищ в ходе экспедиции были осмотрены 5 могильников сёл Ужга, Вотча, Визинга, Ыб, Шошка. Среди них не было ни одного древнего могильника, поэтому часть из них была осмотрена поверхностно, а раскопки производились только на захоронениях, расположенных в сёлах Вотча и у Ужга. Ещё один вид памятников, обнаруженных экспедицией, – это дюнная стоянка, она располагалась в урочище «Важ-Сыктыв-бок» в окрестностях с. Ыб. Также собран подъёмный материал в окрестностях сёл Ужга, Гагшор, Вотча³.

В 1940-х гг. Г.А. Чернов передает в фонды музея материалы 33 археологических пунктов, выявленных им в ходе геологических изысканий в Большеземельской тундре (бассейны рек Коротайха, Подемейвис, Большая Роговая). Они составили более 1000 единиц хранения.

В 1946 г. заведующий отделом истории Ф.В. Щербаков доставил из с. Турья железное кресало и железный наконечник копья, которые были найдены в земле рядом с домом.

¹ Акт. от 03.03.1953.

² Зеленский В.С., Игушев А.Р. Шошкинский могильник // Музеи и краеведение: Труды национального музея Республики Коми. Вып. 5. Сыктывкар, 2004. С. 154-158.

³ Туркина Т.Ю. Археологическая экспедиция Коми республиканского краеведческого музея под руководством П.Д. Степанова: цели и результаты // XX век. Человек в эпохе. Эпоха в человеке: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2005.

В 1954 г. младшим научным сотрудником КФ АН СССР М.Г. Трущелёвым в музей была доставлена круглая бронзовая бляшка с прорезным изображением фигуры человека в «кольчуге» X в. н.э., найденная в верховьях р. Илыч (Троицко-Печорский р-н РК).

В 1961 г. из свердловского краеведческого музея поступили 11 бронзовых изображений мифических животных и птиц, известных в литературе как Уньинский клад. Клад был найден в 1884 г. на берегу р. Унья Чердынского уезда (ныне Троицко-Печорский р-н РК)¹.

С конца 1950-х и в 1960-х гг. музей активно сотрудничает с КФ АН СССР (Коми филиал Академии наук СССР). В этот период в фонды музея были переданы материалы раскопок В.И. Канивца, Б.И. Гуслицера на археологических памятниках бассейна Печоры, в которых активное участие принимал зав. отделом истории РКМ А.М. Рубцов. Это Уньинское и Канинское пещерные святилища, Китоставское поселение (стоянка), Зареченская стоянка, палеолитические стоянки Медвежья пещера, Бызовая и Крутая гора (?), стоянка энеолита и бронзы Шайтановская, стоянка эпохи мезолита и раннего неолита Зареченская.

В 1963 г. из КФ АН были переданы материалы экспедиции Э.А. Савельевой 1961 г., в состав которых вошли коллекции памятников бассейнов рек Вычегды и Вымы: Ыджыдбельский, I Веслянский, Петкойский (Шошкинский II), Жигановский (Турьинский) могильники, Жигановское поселение, Ветьюгский могильник, могильник Кичилькось, могильник Кокпомъяг (Шошкинский I могильник), Вадьягский (Гучертский) могильник, стоянка Бюжьюдор, стоянка Усть-Коинская I, Ёвдинская стоянка. В 1966 г. ею же были переданы материалы раскопок на Кичилькосском I могильнике 1965 г., значительная часть которых вошла в состав постоянной экспозиции.

В 1969–1972 гг. заведующим отдела истории А.М. Рубцовым были доставлены пять бронзовых предметов первой половины II тыс. н.э. Две коньковые шумящие подвески из д. Турья, найденные в мае 1970 г. школьником А. Хатанзейским; шумящая подвеска с фигуркой уточки, обнаруженная в окрестностях д. Кони А.Н. Сокеиным в 1969 г.

В 1976 г. Г.А. Чернов передаёт коллекцию своей экспедиции 1961 г. в Большеземельской тундре; в ходе экспедиции им был собран материал на ранее открытых и новых пунктах находок. Коллекция, переданная в этот год, насчитывает 1950 предметов, собранных на 38 пунктах.

С 1975 г. начинается новый этап в формировании археологической коллекции НМРК, который связан с организацией постоянной археологической экспедиции под руководством Л.Л. Косинской. Экспедиция проработала около 15 лет и своими исследованиями охватила бассейны рек Вымы и Вычегды (Княжпогостский и Усть-Вымский р-ны республики Коми). За это время было открыто и в различной степени исследовано 63 различных археологических памятника: стоянки (Ляльский Бор, Половники II, Бож-ты, Ыджыд-эль, д. Кони, Ветью II, Ёвдино II, Остров, Ыджыд-ты, Пытырью, Кочмас, Ярега, Корьев, Евты, Арабач, Ревью I, Ревью II, Чёрная Вадья, Ерозино I, Ерозино II), поселения (Ниремка I, Веслянское), селища (Нюр-Шор, Ягу-яр, Ыджыд-шор, Елва, Надепиян-Шор), могильники (Отлинский I, Отлинский II, Ыджыд-эль II, Ёвдинский), местонахождения (Юромка, Ляли, Ачимское, Отлинское, Луг, Ниремка II, Ниремка IV, Чешпиян, Запань, Серёговский Бор, Ижолты, Джиб-Вад, Светлая Вадья, Ревью III, Ревью IV, Арабач II, Белый Бор) датированных различным временем от эпохи мезолита и до средневековья.

В 1970–1980-е гг. продолжается сотрудничество музея с КФ АН и СыктГУ. В 1979 г. из КФ АН передаются материалы раскопок и разведок Г.М. Букова 1958–1967 гг. со стоянок Вис I и II, Симва III, Пезмог I, Курьядор, Синдорское озеро I, II, IV, VIII, IX, Ягодж I, поселения Кузьвомын, Ульяновское погребение, уникальная коллекция деревянных изделий из раскопок I и II Висских торфяников. В 1988 г. поступил топор из погребения 3 Лялинского могильника (раскопки Э.А. Савельевой 1962 г.).

В 1985 и 1988 гг. в фонды музея поступили коллекции стоянок Кунес и Кочмас из раскопок 1983–1986 гг. экспедиции СыктГУ под руководством Н.Н. Чесноковой.

В 1995 г. выезжает экспедиция Национального музея Республики Коми под руководством И.О. Васкула. Экспедиция работает в Усть-Цилемском и Усть-Куломском р-нах РК, результатами этой работы стало пополнения фонда материалами Шиховского могильника, поселений Кушмана Себ I и Себ II, местонахождения Кривое.

В 1995 г. из музея археологии Коми НЦ УрО РАН были переданы материалы раскопок И.О. Васкула на Шиховском могильнике 1993–1994 гг., п. Пожегдин II 1986, 1988, 1990 гг.; мог. Шойнояг 1885, 1986, 1990 гг. и п. Сынъявом 1993 г.² В 1997 – материалы раскопок В.Н. Карманова на пос. Вис II. В 2008 г. – подъёмный материал пос. Смолокурный VI. Последнее поступление в фонд археологии НМРК состоялось в 2011 г. – это случайные находки возле д. Овгорт Курышкарского р-на Ямало-ненецкого АО, собранные Л.В. Мизиной в начале 1980-х гг.

Помимо коллекций собранных силами специалистов археологов, краеведов, сотрудников музея в археологическом собрании НМРК содержится значительная часть экспонатов, которая поступила непосредственно от местных жителей региона.

¹ Туркина Т.Ю. Коллекция изделий с изображением людей, зверей и птиц в археологической коллекции Национального музея республики Коми // Музеи и краеведение: Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 7. Сыктывкар, 2010. С. 124.

В 1921 г. поступил средневековый железный топор из д. Вотча, в 1923 г. сланцевая сверленая кирка и каменное тесло от из с. Керчёмье, 1924 г. барельефное бронзовое изображение выполненное в «Пермском зверином стиле» из с. Жешарт и два железных топора из д. Кадтыпом (Онежье) от М.С. Коняева, в том же году «национальной семинарией» (педагогический техникум?) был передан железный топор найденный в с. Усть-Вымь, в 1928 г. Н.В. Агафонов передал в музей бронзовый фигурный гребень из с. Жешарт, в 1940 г. от И.Д. Мадянова поступил бердыш, найденный в местечке Важ-вичко-чой (д. Чукаиб Сысольского р-на).

Значительное число случайных находок было передано в 1950-х гг. участником экспедиции воинского ведомства М.М. Сопрыкиным в 1951 г. в музей был доставлен бронзовый антропоморфный идол, который был найден на р. Чинья-Ворык в том же году. В 1952 г. Кельчиюрский сельсовет передал 10 железных изделий (топоры, орудия труда), найденные в 1951 г. Н.Г. Каневой на р. М. Галово в Ижемском р-не, которые известны в литературе как «Кельчиюрский клад». В 1956 г. из д. Скитская доставлено шлифованное сланцевое тесло от Анчукова и сверлённый каменный топор из д. М. Додзь от В.М. Гришаневского. В 1956 г. поступил фигурный замок в виде фигурки собаки из д. Важгорт Удорского р-на. В 1953 г. А.П. Бородиной был передан костяной наконечник и в 1957 г. В.И. Козловой – нуклеус, найденные на поверхности Ванвиздинской стоянки.

В 1960 г. в Республиканский краеведческий музей был передан железный наконечник стрелы, который по легенде был найден в 1959 г. детьми на Куликовом поле (Тулская область). В 1961 г. поступили обрывки кольчуги от А.А. Одинцова из с. Пыгырью, в 1967 г. школьники с. Вольдина собрали подъёмный материал на м/н Якодж и передали в музей, в 1968 г. поступило сланцевое тесло из д. Дав. В 1968 г. школьники с. Лойма собрали на разрушенных погребениях Лоемского могильника небольшую коллекцию украшений и в 1969 г. передали в музей.

В 1970–1980-е гг. случайные находки поступают из с. Кельчиюр (бронзовый кельт, 1970 г.), Ванвиздинской стоянки (глиняный мундштук, Коняев В., 1973 г.), Студенца (каменное тесло, В.Н. Шатров, 1974 г.), Эжвы (огниво, 1978 г.), оз. Вьльты (Н.Г. Ермолин, 1975 г.), д. Чухлом (каменные изделия, Сажина, 1979 г.), г. Сыктывкар – парк им. Кирова (шумящая лапчатая подвеска, Козлов В.Н., 1979 г.), Красной горы (обломок кремневого наконечника Г. Коткова, 1979 г.), местечка Мота (пластина, 1979 г.), с. Кебаньель (костяной наконечник, Потапов А.С.), р. Лопью и фрагменты кольчуги (железный наконечник копьё, А. Романчук, 1988 г.).

Время и источник поступления трёх вещей из коллекции не известно – это каменные молот и топор из с. Чернутаево и бронзовая полая фигурка уточки место нахождения которой не известно.

Таким образом, за столетнюю историю музея сформировался фонд археологии, в котором представлен материал из более чем 250 памятников (поселения, святилища, могильники, стоянки, городища). В целом коллекция насчитывает более 100 тысяч единиц хранения. Хронологически коллекция охватывает все периоды древнейшей истории Европейского Северо-Востока (от палеолита до средневековья), географически в различной степени представлен весь регион.

М.А. Тютюнник

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Печатные иконы середины XIX – начала XX в. в собрании НМРК

Представить себе русскую жизнь вне церкви без иконы просто невозможно. Икона сопровождала русско-го человека от рождения до смерти. Иконой благословляли на труд и ратный подвиг. Не было ни одного дома, где не стояли бы в красном углу чтимые образа. Традиционная русская потребность в большом количестве икон нашла отражение к середине XIX в. в печатной индустрии. В 1810–1820-х гг. в России вслед за Европой быстро осваивают технику литографии или гравирования на камне, которая открыла возможности для производства лубочных картинок большими тиражами. Листы религиозного содержания стали печататься в монастырских типографиях, среди которых на первом месте стояла Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Подобные листы выпускали также Синодальная типография в Санкт-Петербурге, Киево-Печерская и Александрово-Невская лавры, Почаевский и Соловецкий монастыри, Козельская Введенская Оптиная пустынь и другие обители. Листы подлежали обязательной проверке цензорами из духовенства. Под изображением обычно представлялась надпись «Гравировать и печатать дозволяется», указывалась фамилия цензора, а так же издателя или владельца мастерской и его адрес.

В коллекции НМРК имеется более 10 литографий, выполненных на бумаге. Все они происходят из коллекции прорисей иконописца С. Шармонова. На них запечатлены особо чтимые во второй половине XIX в. русские святые, такие как праведный Симеон Верхотурский, святители Гурий Казанский и Феодосий Угличский, сюжеты из Священного Писания, места христианского паломничества в Палестине с подробными комментариями.

Особым изяществом в силу нежности и хрупкости материала отличаются литографии, напечатанные на шелке. Такие иконы требовали особо бережного отношения, ведь натуральный шелк выцветает, осыпается по краям, ткань чувствительна к различным бытовым загрязнениям. В Национальном музее есть редкий пример литографии на шелке «Зосима и Савватий Соловецкие», сохранившейся в первозданном виде, благодаря тому, что она почти сразу была помещена в рукописную книгу (КП-4285 «Служба Зосиме и Савватию Соловецким, с дополнениями». 1830-е гг.) в качестве закладки. На ярко-желтом шелке густой черной краской отпечатано изображение преподобных старцев, положивших начало уединенной отшельнической жизни на островах Соловецкого архипелага в Белом море. Святые изображены в полный рост в монашеских ризах со свитками, на которых

написаны поучения о добродетельной жизни. На заднем плане изображен современный вид процветающей обители, ставшей крепостью и твердыней православия на Русском Севере. Внизу на желтом поле под рамкой напечатано: «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие чудотворцы. 1851 года при архимандрите Димитрии». Где именно была напечатана икона, сказать трудно, поскольку во второй половине XIX в. Соловецкий монастырь пользовался услугами нескольких частных литографий. Возможно, что образ Соловецких угодников был напечатан и в самой обители, но несколько позже указанного года. В 1860-е гг. монастырь наладил собственное производство «для печатания священных изображений и местных видов, поступающих в раздачу и продажу богомольцам, посещающим обитель в летнее время»¹. Т.е. дата 1851 г. может указывать на время изготовления матрицы, с которой осуществлялась печать. К тому же на ткани с обратной стороны сделана дарственная надпись: «С сим изображением да почитает на вас и сих угодников благословение во все дни живота вашего. 1863 г. апреля 17 д». Вообще, в церковной России был распространен обычай: старцы-монахи вручали на память своим духовным чадам из мирян икону с надписью-благословением, причем по смирению своего имени не указывали, но словно передавали человека, возвращающегося в «жизнейское море» под молитвенный покров святых, изображенных на иконе. Так, например, на литографии конца XIX в. «Богоматерь Иерусалимская» (КП-12255) из Русского Пантелеймонова монастыря в Греции, выполненной на нежно-розовом шелке, на обороте чернилами тоже сделана надпись: «Рабе Божией Ольге благословение Святой горы Афон 1967 г.».

Во второй половине XIX в. стала постепенно распространяться хромолитография, изготовленная все тем же печатным способом, что и литография, но уже включавшая полихромную раскраску. С 1870 г. на русском иконном рынке появились яркие бумажные образа, наклеенные на доски, которые в то время выпускали на крупных типографских фабриках Е. Фесенко и В. Тиля в Одессе. Особо стоит отметить, что в 1890-е гг. у В. Тиля печатались цветные иконы для Троице-Стефановского монастыря с изображением патрональных святых: преподобные Зосима и Савватий Соловецкие, святители Николай Чудотворец и Стефан Пермский, мученица Иулиания. Вверху помещалось изображение Святой Троицы, а внизу в голубом поле текст: «Благословение Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря настоятеля игумена Палладия с братиею». В собрании НМРК есть две таких иконы, одна из которых покрыта лаком и вставлена в киот. Святитель Стефан почитался как апостол зырян и как устроитель Спасской пустыни, преобразованной в XIX в. в Троице-Стефановскую общежительную обитель. Преподобные Зосима и Савватий стали сознаться небесными заступниками Ульяновской обители с начала восстановления ее Соловецкими старцами Матфеем, Амвросием, Паисием и Феофилактом. В момент их приезда в 1866 г. в пустыни была лишь одна деревянная церковь с престолами в честь Спаса Нерукотворного и Похвалы Богородицы. Но уже через год иноки отстроили на горе новый храм, который освятили во имя преподобных Зосимы и Савватия, угодников Соловецких, «в благодарное воспоминание прежней жизни под их святым покровом, при полном и глубоком сознании их чудотворной милости в успехе созидания монастыря, яко исходящего светлого луча Соловецкой обители»². Дева Иулиания изображена в одежде мученицы первых веков христианства с пальмовой ветвью в руке, что в иконописной традиции было знаменем торжества вечной жизни над смертью. Возможно, что в народном сознании образ Иулиании сливался с полулегендарной Ульяной, дочерью священника, которая, спасаясь от похитивших ее разбойников, бросилась в реку и утонула. По преданию, которое отразил в книге «Ульяновский монастырь у зырян» Ф.А. Арсеньев, именно в честь зырянской девушки названо место, где стоит монастырь – Ульяново плесо.

В этой же одесской типографии в 1890 г. было отпечатано изображение «Вид Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря у зырян Вологодской губернии Устьсысольского уезда с южной стороны при Архимандрите Матфеи с братией» (НВ 2415), которое являет грандиозный архитектурный ансамбль зырянской обители, отстроенной менее чем за 20 лет. На ней пронумеровано и подписано более 30 объектов, включая подсобное хозяйство и скотный двор.

Другая частная типография – архангельского купца второй гильдии Виктора Артемьевича Черепанова – открылась 12 февраля 1871 г. Предприниматель задался целью создать целую серию художественных литографий северных монастырей. В собрании НМРК есть три хромолитографии с видами Ульяновского монастыря, выпущенные в Архангельске. Самая ранняя из них (НВ 3733) была напечатана до 1883 г. Верхние 4/5 площади листа занимает образ святителей Стефана Пермского и Николая Чудотворца, изображенных на золотом фоне фронтально, в рост, в богослужебных архиерейских одеждах. Вверху над ними в сегменте неба – Троица Ново-заветная. В нижней части листа в отдельном поле помещен вид Ульяновского монастыря с южной стороны, с противоположного берега Вычегды. По немногочисленным монастырским постройкам можно заключить, что зарисовка монастыря для печати была выполнена до августа 1883 г., когда сгорела деревянная кладбищенская церковь Успения Богородицы.

Более поздняя литография «Вид Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря у зырян Вологодской губернии» (НВ 4398), напечатанная в 1883 г., представляет вид на недавно возрожденную обитель с противоположного берега Вычегды. По реке плывет колесный пароход и парусная лодка. По воспоминаниям инок Арсения, впервые пароход на верхней Вычегде увидели в 1878 г. благодаря архангельскому купцу А.В. Бульчеву, который потом каждый год один раз по открытию навигации отправлял один пароход до монастыря, «доставляя на нем безвозмездно от Вологды закупленный товар для потребности обители и, весьма за умеренную плату,

¹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1 Д. 116. Л. 1. 1890–1892 гг. Цит. по: Кольцова М. Гравюры с изображениями Соловецкого монастыря и его святых // www.solovky.ru/reserve/collections/nasledie/kolcova/31.html

² Арсеньев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян М., 1889. С. 66.

богомольцев»¹ На западе за монастырской стеной стоит Успенская кладбищенская церковь за деревянным забором. С восточной стороны – ручей, постройки подсобного хозяйства. В верхней части листа изображены небесные покровители обители: в центре два коленапреклоненных ангела держат плат с ликом Спаса Нерукотворного, по сторонам преподобные Зосима и Савватий Соловецкие, святитель Стефан Пермский, мученица Иулиания. Образ Спаса Нерукотворного здесь изображен не случайно. Инок Арсений ссылается на предание, что икона была привезена из Москвы одним из сыновей строителя Филарета Тюрнина. Исходя из того, что овдовевший московский священник Федор Тюрнин в 1667 г. был пострижен патриархом Иоасафом в иноческий чин с именем Филарет и получил благословение на возобновление пустыни, основанной святителем Стефаном Пермским, и построение в ней церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа, можно заключить, что икона была написана не позднее последней четверти XVII в. «Ей приписывают чудотворную силу, и она с особым уважением и верою чувствуется народом»².

Наряду с образом Спаса Нерукотворного в обители почиталась старинная икона Похвалы Пресвятой Богородицы, которая была литографирована в 1884 г. Образ Богоматери, восседающей на троне с Младенцем на коленях, занимает 3/4 площади. Им предстоят Георгий Победоносец, Николай Чудотворец, священномученик Власий Севастийский, Димитрий Солунский. Коленапреклоненно стоят Стефан Сурожский, Антоний Сийский, Зосима и Савватий Соловецкие. Внизу в отдельном поле помещена уменьшенная копия вида монастыря аналогичная НВ 4398.

В 1870 г. старцами Паисием и Феофилактом в Москве была обретена новая святыня – образ Господа Иисуса Христа «Царь царем». Вот как пишет об этом Ф.А. Арсеньев: «Слух о необыкновенном событии разнесся по Москве, весьма склонной к чествованию чудесных явлений. Заручившись благословением Митрополита Филарета и разрешением от Святейшего Синода, старцы начали молебствия с явленным изображением сначала в Москве, потом и в других многолюдных городах России, и широким обильным потоком потекли пожертвования от верующих на сооружение Ульяновской обители. ... / Явленная икона Спасителя была написана на холсте. Спаситель изображен сидящим на троне: на главе его корона, в левой руке держава, а правая рука приподнята и сложена в благословляющий крест»³. Спустя год в хромолитографии А.В. Морозова в Москве эта икона была растиражирована, изображение напечатано с использованием красного, желтого и синего цвета, внизу – текст: «Копия с запрестольной иконы, находившейся в Троице-Стефано Ульяновском Монастыре у Зырян». Судьба чтимых зырянских икон на сегодняшний день нам не известна. Вероятно, они были утрачены в годы осквернения обители. Сохранившиеся хромолитографии являют образы святынь.

В 1870-е гг. на рынке появились наклеенные на доску хромолитографические изображения, одетые в оклады из фольги и украшенные бумажными цветами. Такие иконы назывались фолезными или подфолезными. Прекрасным примером этой индустрии может служить образ святой великомученицы Екатерины (НВ-3087/1). Лик девы с распущенными по плечам волосами обрамлен окладом из ярко-желтой блестящей фольги с тисненым узором и яркими крупными бумажными цветами. Икона заключена в массивный застекленный киот. Есть свидетельства, что подобные иконы в начале XX в. можно было приобрести в Кытловском Крестовоздвиженском женском монастыре.

Успех печатной продукции и дальнейшая коммерциализация производства, привели к появлению в 1890–1894 гг. специальных фабрик, на которых стали выпускать иконы на жести. Монополия подобных икон принадлежала фабрике Жако и Бонакера в Москве. Подобная продукция по внешним качествам напоминала писанные иконы в дорогих эмалевых ризах, сверкающих блеском «самоварного золота» и имитацией драгоценных камней. Недостатком этих изображений было то, что очень быстро иконы на металле ржавели и портились, теряя свой яркий привлекательный вид. Только две иконы из 9 в нашей коллекции сохранили свежесть красок и блеск до наших дней. Это Богоматерь Казанская (КП-7186/1) производства 1899 г. хромолитографии Бонакера и Богоматерь Казанская (КП-7186/2) производства 1895 г. фирмы Жако и К^о.

В собрании НМРК представлено свыше 60 лито- и хромолитографий середины XIX – 20-х гг. XX вв. на бумаге, ткани и металле. Это изображения, изготовленные в печатнях Москвы (И.И. Пашкова, А.В. Морозова), Санкт-Петербурга, Одессы (литографии Е.И. Фесенко, И. Тиля), Архангельска (литографии наследников Д. Горайнова, В. Черепанова), Свято-Троицкой Сергиевой и Киево-Печерской лавр, Соловецкого монастыря. Самая ранняя печатная икона датирована 1851 г., это литография на шелке «Зосима и Савватий Соловецкие». Особый интерес представляют 7 хромолитографий с видами Троице-Стефано-Ульяновского монастыря и особо чтимых в обители икон. К сожалению, почти у всех предметов отсутствует легенда, есть лишь сведения о фамилии сдатчика и месте приобретения. Но в целом коллекция дает общее представление об особенностях религиозной жизни зырянского края второй половины XIX – начала XX вв., о наиболее чтимых святых местах, куда отправлялись коми в паломничество, о святых угодниках, к которым чаще обращались с молитвой.

¹ Там же. С. 96.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 74.

Мифологический образ утки, лебедя, коня в традиционной культуре коми (зырян): по материалам Национального музея Республики Коми

Национальный музей Республики Коми (далее НМРК) является хранилищем уникальных коллекций, характеризующих традиционную культуру коми (зырян). Среди этнографических памятников особое место занимает коллекция предметов из дерева, выполненных в виде повторяющихся образов утки, лебедя, коня.

На основе археологических данных можно проследить динамику языческих представлений у древних коми: IX–X вв. – широко был распространен культ медведя; X–XI вв. – культ коня; XII–XIII вв. – культ водоплавающей птицы, который сохранился вплоть до начала XX в.¹

В данном исследовании предметы с зооморфными мотивами, выполненные из дерева, объединены в одну группу предметов. Цель настоящей работы – раскрыть функциональное, мифологическое и обрядовое содержание памятников конца XIX – начала XX вв., хранящихся в фондах НМРК.

Для научного анализа взято более 40 предметов с удивительной зооморфной пластикой в виде утки, лебедя, коня. Круг предметов, выполненных в форме зооморфной пластики, включает в себя посуду: солонки, ковши, братины; орудия труда: швейки, детали прялок, детали ткацкого стана и детали крестьянского жилища.

Исследуемые предметы условно были разделены на три группы: предметы с изображением водоплавающих птиц (утка, лебедь), предметы с изображением коня и небольшая группа предметов в которых прослеживается смешанный образ утка-конь или лебедь-конь. Кроме того, существует третий смешанный образ утка-лебедь, границы, изображения которого сильно размыты.

К сожалению, большинство исследуемых предметов не имеет обстоятельной «музейной легенды», их история бытования малоизвестна. Первые предметы поступили в музей в 1920-е гг. в результате экспедиционной деятельности на Ижме Д.Т. Яновича. Остальная часть коллекции сформировалась в результате экспедиционной деятельности А.М. Рубцова, Л.Д. Любосевой, Н.А. Митюшевой, В.В. Соловьева и других сотрудников музея, работавших в 1960–2000-е гг. в Удорском, Княжпогостском, Усть-Куломском и Корткеросском районах. Несколько предметов поступило в 1970-е гг. от любителей-краеведов.

В комплексе этих предметов, особое место занимает коллекция солонок-уток. Все анализируемые предметы изготовлены из древесного нароста (капа) в виде скульптурного изображения уток, туловище которых было полым и служило для хранения соли. Шея и голова имеют естественные изгибы. У большинства солонок верхняя часть вырезана и образует сдвижную крышку, которая крепится при помощи деревянной втулки. Поверхность солонок никогда не декорировалась, исключением является солонка (КП 6453/4), приобретенная в с. Мордино Корткеросского района. Судя по всему, данные предметы являются носителями мифологической информации, т.к. мифологическая основа может быть заложена не только в текстах, но сами предметы традиционного быта могут содержать в себе миф. Очень показательна в этом отношении солонка – утка с двумя утятами на сдвижной крышке (КП 294), поступившая в музей в 1932 г. Эта солонка напрямую перекликается с сюжетом одного из мифов о сотворении мира, когда праматерь утка снесла четыре яйца, которые утонули в пучине Мирового океана, но два яйца удалось ей поднять со дна океана. Утка сумела высидеть из двух утят – богов демиургов Ена и Омёля.

По мнению исследователя Л.С. Грибовой солонку-утку девушке дарил брат матери – чо́ж. Такое же звучание в переводе на коми язык имела утка (чо́ж)². Этот факт интересен тем, что дает представление о статусе обрядового символа солонки – утки. Особая роль брата матери в свадебном обряде у коми широко известна.

С солонкой и солью у коми связаны определенные правила поведения. Соль – одно из наиболее действенных магических средств, которая очень широко применялась в качестве оберега от нечистой силы и использовалась как средство от болезней и порчи³.

В фондах НМРК также хранится несколько предметов, вырезанных в форме утки, предназначенных для подачи на стол мяса или рыбы. Данная посуда представляет собой небольшой плоский поднос в виде тулова утки с двумя ручками, одна из которых расположена вертикально и внешне напоминает голову и шею утки, вторая является стилизованным изображением хвоста. Эта посуда называется – кумли, она также имеет статус обрядовой посуды, которая использовалась в определенные праздничные дни православного календаря, что само по себе не является противоречием между язычеством и христианством.

Поистине уникальны предметы, бытовавшие на Удоре, которые представлены в экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX – начале XX вв.» и в зале открытого показа фондовых коллекций «Мир предков в традиционном искусстве коми»

Один из ковшей изготовлен из капа в виде лебедя. Туловище имеет правильную вытянутую форму, с одной стороны переходящую в плавный изгиб шеи лебедя (гуся). Вторая ручка вырезана в виде хвоста. По внутреннему краю чаши проведена красная полоска, у шеи – черная. По наружному краю имеется надпись черной краской или чернилами: «Сей ковш сделал ь государственный крестьянинь (непонятное слово) Муфтьожской деревни Александрь Гавриловь Игушевь 1888 года октября 15 дня».

¹ Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Проблемы семантики. М., 1975. С. 17.

² Она же. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. С. 55.

³ Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999. С. 345.

Особый интерес представляет собой сосуд вытянутой формы, изготовленный из капа в виде водоплавающей птицы. Одна ручка выполнена в форме утиного хвоста, вторая расположена параллельно стенке сосуда и представляет собой вытянутую шею с головой водоплавающей птицы, больше напоминающую лебедя. Солонка была приобретена в д. Чупрово Удорского района и окрашена мастером в темно-коричневый цвет.

В коллекции ковшей имеется уникальный образец с шестью утиными головками из с. Пучком Удорского района мастера П.Л. Корнилова. На мой взгляд, этот уникальный предмет относится к смешанному типу предметов, в котором воплощен мифологический образ утки-лебедя, который можно соотнести по названию со сказочным персонажем русской народной сказки «Гуси-лебеди». Тулово ковша имитирует форму утиного яйца, а весь остальной декор напоминает образ лебедя.

Таким образом, мастера, жившие на Мезени, в своей творческой деятельности все больше склонялись к образу лебедя, нежели утки. В традиционном искусстве образ лебедя неслучаен, т.к. он широко известен в свадебных причетах коми (зырян). Образный язык причитаний рисует невесту в девичестве как «лебедь белую». Устойчивое выражение «лебедушка», «лебедь белая» имеют ярко выраженную символику чистых помыслов в браке.

В форме водоплавающих птиц также делались братины и ковши для пива (сура). Они имели форму уплощенной чаши с двумя ручками, одна из которых вырезалась в виде головы утки, другая – в виде ее хвоста. Чаще всего они были выполнены из капа, чаша в виде полусферической формы и расположена на небольшом поддоне. Размеры братин и их объем различны: от полутораведерных и до самых малых – 1–1,5-литровых.

Так же привлекает внимание приземистый ковш (братина) большого размера с обводкой из черной краски. Чаша ковша напоминает форму яйца, широкий плоский нос и растопыренный хвост рассказывают об индивидуальных особенностях мастера. Данная братина была приобретена в Усть-Сысольске в 1925 г. и по сведениям информатора являлась канунной посудой. С точки зрения функциональной принадлежности, все братины и ковши использовались для подачи на стол во время праздников разного рода напитков, в том числе и пива.

Посуда, изготовленная в форме водоплавающей птицы, у коми очень часто использовалась в древнем общинном обычае – братчине. Братчина – это совместная трапеза членов деревенской общины, устраивавшаяся в складчину, общинный праздник, пир. На Севере России – в Коми крае описываемый обычай в конце XIX в. претерпел существенные изменения, но братины и ковши, изготовленные в форме утки, оставались неизменным атрибутом внутриобщинных праздников, приуроченным к датам православного календаря¹.

Следует отметить, что образ утки присутствовал не только на предметах домашней утвари, но и на некоторых женских орудиях труда, что подтверждает наличия символа плодородия у предметов данного типа. Некоторые лопасти и донца выгчегодских прялок вырезаны в виде утиной лапки. В сюжетах росписи на прялках изображения водоплавающих птиц встречается крайне редко, исключением являются две прялки из Княжпогостского района, роспись которых относится к подражательной мезенской росписи. Два верхних яруса имеют орнамент, состоящий из контуров птиц, напоминающих внешне утиный профиль.

Особый интерес представляют швейки (вурсян станок) – приспособления для шитья одежды, конструктивно состоящие из вертикальной стойки и горизонтального донца. В данных предметах утиная символика прослеживается в стойке, на которую закрепляли ткань во время шитья, они были двух вариантов – прямая четырехгранная, и в форме фигурного изгиба на конце с головкой водоплавающей птицы. Женские орудия труда, связанные с производством нити и одежды, конструктивно напоминающие дерево, символически являлись посредником между нижним и верхним миром и мифологически соотносились с Мировым деревом. Конструкция предмета и элементы в виде водоплавающих птиц неслучайны, т.к. по древним воззрениям утка являлась соединяющим началом двух миров².

В форме водоплавающей птицы иногда делали вешалки для одежды, их силуэт был крайне схематичен за исключением некоторых деталей. Иногда на таких предметах очень отчетливо встречается прорисовка глаз, для того чтобы придать образу более реалистичный вид. В фондах НМРК хранится еще один предмет, имеющий утиную символику – это совок для сбора ягод, поступивший в музей в 1925 г. из Ижемского района. Конец ручки совка оформлен в виде стилизованной утиной головки.

Некоторые берестяные изделия у коми также имели форму утки. К ним относятся дорожные солонки, тулово которых сплетено из узких берестяных лент, техникой прямого плетения, а крышка горлышка часто вырезалась из дерева в виде стилизованного изображения головы утки. В такой посуде соль долгое время хранилась, не отсыревая, т.к. береста не пропускала влагу и обладала бактерицидными свойствами.

Кроме того, в коллекции присутствуют предметы, изготовленные в виде скульптурного изображения головы коня. Достаточно реалистично вырезан охлупень – это прилегающее бревно на стыке крыши крестьянского дома, которое наряду с эстетической функцией имело значение оберега. В прошлом у коми (зырян) существовала целая система мер, предохраняющих от негативных факторов. Охлупень, вырезанный в виде коня, входил в эту систему оберегов.

¹ Уткина И.М. Братины и братчины у коми (зырян): музейные экспонаты об общинных традициях // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса фино-угроведов: III часть. Йошкар-Ола, 2005. С. 102-104.

² Волокитина Н.А. Акварнитоморфные образы в традиционной культуре коми (зырян). Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Саранск, 2010. С. 17.

По мнению ряда исследователей, культ коня также имеет прямую связь с солярными представлениями. По древнему мировоззрению коми, конь являлся проводником своего усопшего хозяина в мир «иной» и был связан с представлениями о загробном мире¹.

Характерные предметы крестьянского быта – солонки, ковши прялки, швейки открывают возможность проникновения в глубинные пласты традиционной культуры и мировоззрение создававшего эти предметы мастера. Аккумулировав многовековые мифологические представления и опыт поколений, они приобрели культурную ценность, представляя сегодня древний символ со сложной структурой, вбирающей несколько моделирующих систем – миф, религию, искусство. Углубленное исследование семантики предметов, изготовленных в форме водоплавающих птиц и других животных, позволяет выявить уникальность культуры коми (зырян) и, одновременно, ее фундаментальное единство с финно-угорским пространством.

В заключении следует отметить, что частое обращение к образам утки, лебедя, коня в традиционном искусстве коми (зырян) связано с особенностями мировоззрения. Утка выступала прародительницей мира, лебедь был носителем добра, конь всегда связывался с солярной символикой и осуществлял связь с миром предков. Именно эти три образа способны к формообразованию мира, созиданию и связи с миром предков. Особое место среди этих образов занимает утка – символ благополучия и продолжения рода.

К началу XX в. символика этих образов была забыта, но традиция удерживала их, потому что именно так, а не иначе полагалось изготавливать ту или иную вещь, и уже не содержание, а сам образ представлял сферу сакрального отношения.

И.Н.Федышин, Е.А.Виноградова

Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
«Для писания святых икон дозволительный дать указ...». Из опыта изучения вологодской иконописи последней трети XVIII века

Тема настоящего доклада возникла в процессе работы над каталогом икон с подписями, надписями и датами, осуществляемой Вологодским государственным музеем-заповедником при поддержке РГНФ (проект 11-04-00230 а). В собрании музея выявлен ряд икон, являющихся своего рода «экзаменационными работами», выполнявшимися вологодскими иконописцами во исполнение Указов, неоднократно издававшихся на протяжении XVIII в. На государственном уровне местные власти обязывались контролировать качество иконописи и соответствие иконографии канонам ортодоксальной церкви.

Проблема надзора над иконным делом в императорской России не отличается большой новизной, она нашла отражение в публикациях ряда авторов, из которых наиболее подробно рассмотрена на примере истории ремесла владимирских иконописных сел О.Ю. Тарасовым². Автором отмечено, что основные указы, касающиеся иконописи, совпадают по времени издания с периодами усиления гонений на староверов. Не оспаривая имеющую место антираскольническую направленность и оставляя в стороне культурологический аспект проблемы авторства в иконописи, рассмотрим действие этих документов в части контроля над качеством иконного искусства.

Документы епархиальных властей последней трети XVIII в., касающиеся иконного писания, основаны на трех указах Святейшего Правительствующего Синода 1722, 1759 и 1764 гг. В собрании ГАВО хранятся документы, позволяющие проследить порядок освидетельствований времени пребывания на вологодской кафедре епископа Иосифа II (1761–1774)³.

В 1771 г. Святейший Правительствующий Синод подтверждает требования к властям по контролю над качеством исполнения произведений церковного искусства и настоятельно напоминает о том, что «по силе отпущенных Указов... велено иконописцам быть в иконном искусстве от преосвященных Архиепископов освидетельствованными, а без свидетельства к писанию икон не допускать»⁴.

В реестре вологодских иконописцев 1771 г.⁵ значится 10 мастеров духовного сословия, 12 из посадских людей и 9 крестьян экономического ведомства. До начала процедуры свидетельствования иконописцы вызывались в Духовную консисторию и должны были письменно подтвердить свое владение ремеслом либо отказаться от испытаний и в дальнейшем иконы не писать. Епископом Иосифом II было приказано всем «находящимся

¹ Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 145.

² Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С. 220-236;

³ Иосиф II (Золотов) сын звонаря московского Успенского собора, в бельцах Иоанн, род. в 1720 г., умер 25 декабря 1774 г. По окончании образования в Московской славяно-греко-латинской академии в 1744 г., был в ней учителем; в 1745 г. пострижен в монашество, а в 1748 г. назначен проповедником при Академии. В ноябре 1750 г. произведен «во игумена серпуховского Владычного монастыря». 30 июля 1755 г. возведен в сан архимандрита великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря; 19 марта 1758 г. перемещен в тульский Предтеченский монастырь. 17 апреля 1758 г. переведен в Высокопетровский московский монастырь. 16 декабря 1761 г. хиротонисан епископом Вологды и Белоозера. Его пребывание на вологодской кафедре отмечено возведением стен и новых зданий вологодского архиерейского дома и теплого кафедрального собора (при жизни иерарха не завершено). Преосвященный Иосиф пользовался большой любовью своей паствы, заботился и о просвещении духовенства, завещал Вологодской семинарии свою библиотеку. См.: Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии. ВЕВ. 1866. № 17. С. 648-666; № 24. С. 907-919.

⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2789. Л. 5.

⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2789. Л. 1.

в городе Вологде иконописцам... для освидетельствования в иконном их художестве отдать для писания икон доски на коих каждому из них написать святых по одному месяцу»¹. В действительности круг сюжетов представившихся на освидетельствование работ оказался гораздо шире, но в случаях писания одно- и двухфигурных композиций испытываемому давалось задание написать две, а иногда и три иконы.

О требуемом уровне мастерства для получения дозволенного указа заниматься иконописью, можно судить по сохранившимся в собрании музея произведениям, созданным в результате испытаний в иконном художестве шести авторов, принадлежащим к различным стилистическим направлениям русской иконописи этого периода. В рамках настоящего доклада рассмотрим группу из трех икон-миней, выполненных иконописцами, сформировавшимися в разных землях и социальной среде.

Есть основания полагать, что проходившим испытания иконописцам задавалась не только тема, но и выдавался графический образец будущего живописного произведения. Во всяком случае, анализ иконографии группы месячных икон-миней, заказанных трем разным авторам, позволяет утверждать, что образцом для их написания послужили Святцы Г.П. Тепчегорского², выполненные в технике офорта, издававшиеся в 1713–1714 и 1722 гг. Выдвигая версию утвержденного иконографического образца нельзя оставить без внимания факт чрезвычайной популярности этой графической серии на протяжении всего XVIII в.³

Следует отметить, что печатные листы святцев значительно превосходят по линейным размерам написанные с них иконы (57x44 и 45,3x38,4 соответственно). Однако исключая размер орнаментальной рамки, от которой отказались все три иконописца, мы получаем размеры и пропорции изображений на иконах, очень близкие к графическому образцу.

Вологодский посадский человек Василий Золотарев (потомственный иконописец, сын старосты вологодского иконного цеха Михаила Васильева Золотарева) получил доску для писания иконы «Месяц Январь» 3 июля 1772 г. Написанная им минея «Январь» поступила из ризницы Воскресенского собора г. Вологды⁴. Уже сам факт нахождения иконы в теплом кафедральном соборе говорит о том, что его творение было среди произведений, одобренных архиереем. Тем не менее, следует отметить имеющие место изъяны композиции и неестественность поз отдельных персонажей. Статичность поз и скованность движений, раскладка цвета яркими локальными пятнами выдает руку мастера, работающего в старых традициях иконописи, задачей которого в данном случае был перенос на иконную доску графического образца, испытывавшего влияние западно-европейского барокко. По-видимому, В. Золотарев не был миниатюристом и специализировался на более крупных композициях, хотя и в этой иконе он применяет многослойную моделировку ликов, пробела и орнаменты на одеждах мастерски выполнены твореным золотом и серебром. Мастера отличает яркость колорита и любовь к пейзажному фону. Святые представлены на фоне ярко-голубого неба с легкими натуралистичными облаками, кое-где подвешенными розовым цветом. Авторская подпись выполнена белилами на нижнем поле справа в одну строку.

В этом же году проходил освидетельствование в иконном художестве и переселившийся в Вологду кинешемский иконописец Василий Васильев Куфтин⁵. Как отмечено Н.И. Комашко, в XVIII столетии Кинешма дала целую плеяду иконописцев, работавших во многих российских городах и легко усваивавших все новые стилистические веяния, которые они реализовывали в своих произведениях в доступной для провинциального восприятия форме.

Написанная им икона-миней «Март»⁶ демонстрирует высокий уровень мастерства и достаточно точную передачу иконографии графического образца. Лишь в некоторых случаях он несколько упрощает одежды и делает фигуры более приземистыми. Икона выдержана в спокойных тонах киновари, темно-синего, оранжево-охристого и голубого цвета в сочетании с неярким золотым фоном (двойник). Декоративные детали одежд, паплицы, митры, доспехи воинов писаны по золоту, линейно прорисованы и украшены орнаментом, выполненным краской черного цвета. Пробела одежд обозначены твореным серебром. На тыльной стороне иконы между шпонками имеется надпись чернилами в три строки: «Писал сию икону кинешемець / Василий Куфтин / 1772 год».

Анализ применяемых живописных приемов оставляет впечатление, что у автора не до конца отработана знаковая система при написании ликов в миниатюре.

¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2789. Л. 5.

² Тепчегорский Григорий Павлович работал в конце XVII – начале XVIII в. В апреле 1709 г. по указу Петра I прислан из Воронежа в Москву на Печатный двор. В 1711 г. находился при войсках в походе, затем работал в Москве. Последняя известная гравюра датирована 1718 г. Исполнил вместе с И.Ф. Зубовым гравюру-тезис Лаврентия Трансильванского с портретом князя Дм. Кангимира для учеников Славяне-Греко-Латинской Академии.

³ См.: *Ермакова М.Е., Хромов О.Р.* Русская гравюра на меди второй половины XVII – первой трети XVIII века (Москва, Санкт-Петербург) Описание коллекций отдела изобразительных искусств Российской государственной библиотеки. М., 2004. С. 37–49.

⁴ Воскресенский теплый кафедральный собор возведен в 1772–1776 гг. Скорей всего, в кафедральный собор был передан весь комплекс икон-миней, признанных достойными быть молельными образами. Во всяком случае, две из трех сохранившихся икон происходят из этого храма.

⁵ Куфтин Василий Васильев (уп. 1761–1772), посадский человек города Кинешмы, переселившийся в Вологду не позднее 1761 г. В этом году 17 июля он венчался – «понял вологодского яму Кирилловской слободы ямскую дочь Агрилину Васильевну» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Ед. хр. 2. Л. 263 об.).

⁶ ВОКМ 8517. ИКОНА-МИНЕЯ «МАРТ». Куфтин Василий Васильев. 1772 год. 45,5x38,5x2,6 см.

Икона-миная «Декабрь»¹, написанная в 1772 г. Алексеем Алексеевым Голенищевым, иконописцем с Кубенское Вологодской губернии, также поступила в собрание музея из ризницы Воскресенского собора. Этот автор несколько упрощает композиции графического образца, упускает отдельные детали самых нагруженных клейм или расширяет границы клейм для более свободного расположения персонажей. Одежды многих персонажей писаны по золоту; притенения обозначены прозрачными красками, декорированы крупным травным орнаментом. Колорит строится на контрастных сочетаниях белил, киновари и голубца с бледными оттенками охры, розового и бирюзовых тонов. Пробела на одеждах, рефлексы на обуви и мелкий штриховой декор выполнены творческим серебром, но система нанесения пробелов этим материалом отработана слабо, отчего они выглядят чаще всего неубедительно и неестественно. Лики с крупными чертами по-крестьянски простоваты и добродушны. Автору в большинстве случаев удается передать динамику движений, хотя фигуры несколько неуклюжи и не всегда пропорциональны. Передавая в соответствии с графическим образцом форму и расположение свитков и раскрытых книг, автор ограничивается имитацией текстов, обозначающая надписи черными штрихами. Повидимому, ремесло иконописца было не единственным источником дохода для Алексея Голенищева. Приходно-расходная книга Вологодского Архиерейского дома содержит запись от 30 декабря 1765 г. о довольно крупных закупках рыбы у этого крестьянина².

Испытания проходили все мастера, независимо от их специализации и опыта, которые «пишут вновь или починкою поправляют». Иконописцы по-разному реагировали на требования властей и не спешили отступать от сложившихся веками традиций ремесла. Несмотря на то, что всем вологодским иконописцам многократно рассылались повестки, «чтоб они для освидетельствования в своем иконном художестве явились в Консисторию», как следует из документа, «монгия не явились, а некоторые и явьясь художество свое на освидетельствование представить за упрямством... отказались»³. Действенной мерой подчинения ослушавшихся иконописцев стал последовавший за этими событиями указ Духовной Консистории, разосланный поповским десятоначальникам всего Вологодского уезда, обязавший священнослужителей предоставить сведения о работающих при церквях иконописцах, не прошедших «свидетельствование» в мастерстве в 1772 г. и не имеющих от Консистории специальных дозвожительных указов. Духовной властью строго предписывалось «таким иконописцам работать тотчас запретить и более не допускать, а выслать... на Вологду в здешнюю консисторию непременно для действительного освидетельствования»⁴. В случаях, когда подряды на иконописные работы находились в процессе выполнения их рекомендовалось приостановить до освидетельствования консисторией мастерства исполнителей⁵.

Воздействие на посадских ремесленников осуществлялось через Вологодские провинциальные магистраты, в которые направлялись Промемории, с требованием в силу перечисленных выше указов повлиять на городских иконописцев. Следует заметить, что Преосвященный Иосиф (Золотов) был требователен к иконописцам и представленные ими работы, вероятно, просматривал сам, не полагаясь в полной мере на заключения экспертов. При этом оценка Владыки оказывалась обычно ниже, чем данная коллегами по ремеслу. Так, например, работа Якова Григорьева была признана алдерманом Михаилом Лаврентьевым «выше средней», то в указе епископа она определена как «средственная», а художнику рекомендовано «впредь обучаться ему хороших мастеров искуснейшему и лучшему мастерству, и, еже ли научится, то работу свою для освидетельствования представить»⁶.

Успешно прошедшие освидетельствование иконописцы получали специальный дозвожительный указ, определявший уровень квалификации мастера и географию его деятельности. Кроме того, при получении указа иконописцы давали особую подписку не писать «по раскольническому мудрованию». Освидетельствования иконописцев в 1770-х гг. носили характер организованной кампании. Десятилетие спустя на поступившее в 1782 г. прошение о засвидетельствовании иконного художества посадского человека Матфея Куфаркина г. преемник Преосвященного Иосифа Золотова на вологодской кафедре Ириной (Братанович) ответил поручением Духовной Консистории собрать и предъявить ему комплекс документов, на основании которых оно должно проходить. К тому же выяснилось, что Духовной Консистории неизвестно выбран ли новый староста иконного цеха после смерти в 1778 г. алдермана над иконописцами вологодского купца Михайла Лаврентьева⁷. Этот факт означает, что система комплексного контроля со стороны органов самоуправления и духовной власти над качеством иконного художества к этому времени не работала, во всяком случае, освидетельствования иконописцев между 1778 и 1782 г. не проводились⁸, вероятно, не велась и работа по выявлению некачественной живописи в иконных рядах.

Изученные комплексы документов по освидетельствованию мастерства художников содержат важные сведения о социальной принадлежности, месте рождения, возрасте, родстве, обучении и стаже работы иконо-

¹ ВОКМ 10076, 45,3х38,4х2,8 см.

² «Куплено села Кубенского у крестьянина Алексея Голенищева рыбы свежей Белозерской судаков, в том числе сазан весом 2 пуда – 2 рубли 40 копеек, да мелкой пуд – рубль». ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2522 Л. 70

³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2789. Л. 42 об.

⁴ Там же.

⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2789. Л. 44 об.

⁶ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 3039. Л. 2-2об.

⁷ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 3577. Л. 3.

⁸ Комиссия для освидетельствования по этому делу была собрана в лице алдермана иконописцев Николая Егорова и дьяка вологодской церкви Покрова Богородицы на Торгу Петра Осипова.

писцев, что в совокупности с формально-стилистическим анализом сохранившихся произведений дает широкие возможности для изучения истории ремесла и вологодской иконописи в целом.

Н.В. Фефилова

Национальный музей Республики Коми, Сыктывкар

Коллекция значков и памятных знаков советского периода в собрании Национального музея Республики Коми

Изучением значков и нагрудных знаков занимается фалеристика (от лат. *phalerae*, от греч. *phalara* – металлическая бляха, побрякушка). Коллекционеров значков называют фалеристами. Собирают значки по определённым темам и классифицируют их следующим образом: наградные (за достижения в труде, военном деле, спорте), служебные (почтовые, депутатские, армейские), академические (за окончание учебного заведения), членские (указывающие на принадлежность к различным организациям, союзам, партиям, кружкам), памятные (созданные в честь события или деятеля), юбилейные, сувенирные (виды городов, гербы). Значки могут быть изготовлены из различных материалов – металла, бумаги, пластмассы, керамики, бересты.

Коллекция металлических значков и наградных знаков в собрании НМРК состоит из 1321 предмета основного фонда и 200 предметов научно-вспомогательного фонда. Все значки можно поделить на три группы: зарубежные, российские и посвященные Республике Коми. Всего значков из металла, связанных с нашей республикой (не повторяющихся) – 220 единиц.

Первый из значков этой коллекции поступил в 1955 г. Это юбилейный знак «XV-летие Автономной Области Коми», выпущенный в августе 1936 г. Знаком награждали «передовиков социалистического строительства области, за стахановскую отличную работу...»¹. Большая же часть коллекции поступила в 1970-е и 1980-е годы, в это же время проходил самый массовый выпуск сувенирных и юбилейных значков. Историю республики в значках можно рассмотреть по отдельным городам и сёлам. В коллекции представлены значки, посвященные 16 населенным пунктам Республики Коми. Наиболее полно отражены города Сыктывкар, Воркута и Ухта, с которыми связано 73, 23 и 11 видов значков соответственно.

В данном сообщении хотелось бы подробнее остановиться на значках, связанных с Воркутой и Ухтой, так как обзор этих предметов позволяет дать общее представление о коллекции.

Первые значки Ухты и Воркуты относятся к 1930–1940-м гг. и отражают тенденции учрежденных в то время значков Советского Союза. Это награды за труд – нагрудные знаки «Ударнику-ухтинцу» и «За освоение Печорского бассейна». Четвертого апреля 1936 г. учрежден нагрудный знак «Ударнику-ухтинцу», утвержденный Президиумом ЦИК СССР. На знаке изображены нефтяная вышка, копер угольной шахты, а рядом шахтерская лампа и мчащийся паровоз. Над всем этим – развевающийся красный флаг со словами «Ударнику-ухтинцу». Художник точно отобразил достижения северян, начавших к тому времени добычу нефти в Ухте и угля в Воркуте и строительство Печорской железнодорожной магистрали. Первое награждение состоялось 8 июня того же года. Знаком отмечался стахановский труд при освоении Крайнего Севера. За 1936–1937 гг. было награждено около десяти тысяч ухтинцев и воркутян. Сотрудник музея А.М. Рубцов в 1969 г. проводил сбор экспонатов по городам Коми АССР и привёз из Ухты знак «Ударнику-ухтинцу» Якова Савельевича Чепурного (1906–1990). Чепурной – участник Ухтинской экспедиции 1929 г., с которой начинается становление нефтяной промышленности Республики Коми и основание г. Ухты. Яков Савельевич бурил первые поисковые скважины в верховьях р. Ухты и её левого притока Чути, у озера Медвежьего, руководил разведочной экспедицией на Среднем Тимане, долгие годы работал на нефтешахте № 1².

Нагрудный знак «За освоение Печорского бассейна» учрежден Министерством внутренних дел СССР в 1947 г. В коллекции пять знаков «За освоение Печорского бассейна», поступивших 1962–1966 гг. Это знаки: Фрома Александра Георгиевича – десятника шахты № 9 объединения «Интауголь», Габова Анатолия Ивановича – начальника Ижемского отделения Печорской железной дороги, Кремса Андрея Яковлевича – ученого геолога-нефтяника, Героя Социалистического Труда, Андрюшенко Алексея Федоровича – мастера буровых работ Ухтокомбината, Героя Социалистического Труда, Здорова Семена Филипповича – геолога, Лауреата Государственной премии за разработку и внедрение шахтного способа добычи нефти. Здоров передал музею ещё две свои награды за труд: «За освоение Печорского бассейна. 25 лет», и «Отличник социалистического соревнования. Министерство нефтяной промышленности». Знак «За освоение Печорского бассейна. 25 лет» был учрежден и вручался в 1959 г. «Отличник социалистического соревнования...» Семёну Филипповичу вручили в 1954 г., годом позже этой же наградой наградили Дворникову Марию Григорьевну, инженера Ухтинского нефтеперерабатывающего завода.

В коллекции есть и другой вид наград, вручавшийся работникам Воркуты и Инты: «Отличник социалистического соревнования угольной промышленности». Наградной знак выдан в 1954 г. Штинельман Семену Наумовичу – заместителю начальника комбината «Интауголь».

Все нагрудные знаки, кроме «За освоение Печорского бассейна. 25 лет», имеют винтовое крепление и выполнены на Ленинградском монетном дворе. С каждым знаком выдавалась грамота на право ношения знака.

¹ Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938). Сыктывкар, 2006. С. 426.

² Козулин А.Н. На ветрах истории. Город Ухта. Хроника. Киров, 2004. С. 323.

Наградные значки кон. 1960-х – нач. 1970-х гг. несколько отличаются от вышеперечисленных знаков отличия. Это значок «Ветеран Воркуты» поступивший в 1969 г. Принадлежал значок Иванову А.Ф. – председателю Горняцкого райисполкома, участнику первой партийной организации на шахте № 1 «Капитальная». Значок выполнен на Экспериментальном творческом производственном комбинате Худ. Фонда РСФСР. А так же значок «Лучший по профессии/Коминнефть» передан в 1974 г. объединением «Коминнефть». «Коминнефть» преобразована из Ухтинского комбината в 1969 г. (в сфере деятельности – разведка, добыча и переработка нефти, газа, промышленное строительство). Указанным значком объединение «Коминнефть» награждало кадровых рабочих и специалистов.

К наградным относится и значок «Печорский угольный бассейн/50 лет». На реверсе надпись: « За активное участие в освоении Печорского угольного бассейна 1934–1984». Значок поступил в коллекции разнообразных значков 1960–1980-х гг.

Переходим к памятным и сувенирным значкам по г. Воркута. В декабре 1970 года Воркута была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Вскоре после этого, в марте 1971 г., в фонды музея из агентства «Союзпечать» поступила коллекция значков, в том числе 8 сувенирных, связанных с награжденным городом. Все значки выполнены на заводе «Шахметалл»:

Три значка с надписью «Воркута», один с названием рабочего посёлка «Хальмер-Ю». Поселок расположен в 75 км к северо-востоку от Воркуты.

Два значка посвящены предприятиям города – «РМЗ/Воркута» и «Воркута/шахта 5-7/Капитальная». Ремонтно-механический завод – старейшее строительное предприятие города, в 1967 г. исполнилось 30 лет со дня его основания. Что касается значков, посвященных шахтам Воркуты, то их выпущено в 1960–1990-е гг. несколько десятков видов. Шахта 5-7 была образована в 1969 г. в результате реконструкции шахт 5 и 7 и объединения шахтных полей шахт № 5, 6 и 7, вскоре после этого шахта получила название «Северная».

Два значка посвящены строителям города: «Водовод/Уса–Воркута» и «Строитель Заполярья». Строительство магистрального водовода с р. Усы протяженностью 26 км проводилось с помощью труда тысяч горожан, которые участвовали в строительстве водовода в свободное от основной работы время.

В конце 1971 г. в «Союзпечати» закушены значки, посвященные аэрофлоту Коми АССР (7 шт.) и городам республики (4 шт.), в том числе один сувенирный значок с надписью «Воркута». Значки аэрофлота Коми АССР выпущены несколькими сериями, здесь будут затронуты лишь фрагменты серий, связанные с Воркутой. В 1971 г. поступила серия значков с названием рейсов с вылетом из Сыктывкара (6 шт.) и из Воркуты (1 шт.): «Воркута–Москва/1959». В марте 1972 г. жительница г. Сыктывкара Беркова В.И. передала 13 значков, выпущенных к 40-летию Гражданской авиации Коми АССР в 1969 г. Все значки выполнены в одном художественном стиле и произведены на одном предприятии – Экспериментальном творческом производственном комбинате Худ. Фонда РСФСР. В этой серии, кроме юбилейных значков, Аэрофлот выпустил 9 значков, посвященных городам и районным центрам республики. В их числе – Воркута и Ухта. В феврале 1974 г. сотрудник отдела фондов Микушева Н.П. передала коллекцию значков по республике Коми (14 видов), в том числе серию значков, посвященную первым рейсам Коми. Это 7 значков с рейсами из Сыктывкара и 1 с рейсом из Воркуты: «Первый рейс Воркута–Москва/1946». Значки изготовлены на Экспериментальном творческом производственном комбинате Худ. Фонда РСФСР. Как и ещё два овальных значка, выпущенные Аэрофлотом: «Воркута», «Ухта», эти значки поступили в разное время.

Рассмотренный выше овальный значок «Воркута» поступил в составе коллекции значков (38 шт.), переданных в 1987 г. Жилиным Г.В. – председателем обкома профсоюза работников культуры (в 1976 г. Жилин возглавлял Министерство культуры Коми АССР). Среди этих значков есть юбилейный значок «Народный ансамбль ДКШ/ 20/Воркута». Ансамбль Дома культуры Шахтеров образован в 1963 г.

Значки «Воркута», с изображением герба города, и «Воркута. Краеведческий музей» приобретены в 1974 г. в «Союзпечати». Герб Воркуты был утвержден по проекту Жилина Н.Л. в апреле 1971 г., а краеведческий музей начал свою работу в 1960-м г.

В целом, по г. Воркуте в коллекции есть сувенирные значки о самом городе, в том числе с изображением герба города; значки, посвященные предприятиям города и учреждению культуры. А так же юбилейный значок, посвященный творческому коллективу.

Сувенирные значки города Ухты представлены 4 видами: два значка, выпущенные Аэрофлотом и два значка с надписью «Ухта». Значок с изображением синего пламени передан Микушевой Н.П., значок с изображением герба города – из коллекции Жилина Н.Л. Герб г. Ухты утвержден по проекту Г.И. Куракина в 1979 г.

Кроме сувенирных значков Ухта представлена юбилейными значками, выпущенными к юбилею города: «Ухта/30 лет», два значка «Ухта/40 лет». Рабочий поселок Ухта был преобразован в город 20 ноября 1943 г. Значок к 30-летию юбилею Ухты поступил с коллекцией Жилина Н.Л., выполнен значок в технике характерной для некоторых значков из Ухты («Лучший по профессии/Коминнефть», «УИИ/Первый выпуск/1972»). Возможно, эти значки выполнялись на одном из предприятий Ухты на заказ. Значки к 40-летию юбилею Ухты – из коллекции значков, выполненных по эскизам художника Павлова Владимира Яковлевича (1927–1988). В 1986 г. Павлов В.Я. передал коллекцию своих значков (35 шт.) музею в связи 75-летием со дня его образования. На реверсе каждого значка художник нанес автограф и дату 28.10.1986. Через два года после поступления первой коллекции Павлова, после его смерти в 1988 г., родственники передали вторую коллекцию значков, выполненных по эскизам художника в количестве 38 шт.

Среди значков Ухты есть памятный значок, посвященный Ухтинскому индустриальному институту: «УИИ/Первый выпуск/1972». Значок передал в музей Панов Г.Е. – ректор Ухтинского института – в октябре 1972 г.

Последняя группа значков Ухты это памятные значки, посвященные культурным событиям города: «СССР-50/Дни культуры/Ухта-72», «Фестиваль дружбы советской и болгарской молодежи/Ухта/1974». Значок «СССР-50/Дни культуры/ Ухта-72» изготовлен к Дням культуры и искусства города, которые прошли в Сыктывкаре 26-29 октября 1972 г. и были посвящены 50-летию образования СССР¹. Значок «Фестиваль дружбы советской и болгарской молодежи/Ухта/1974» поступил в год выпуска. Молодежный фестиваль проходил в июле 1974 г.

Д.Г. Холопова

Литературный музей И.А. Куратова, Сыктывкар

Коллекции коми писателей в собрании Национального музея Республики Коми

Литературно-мемориальный музей первого коми поэта И.А. Куратова был открыт в 1969 году, в год 130-летия со дня рождения поэта, на правах филиала Республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей РК).

Со дня основания музей собирал и изучал материалы не только о жизни и творчестве И.А. Куратова и его родственников, но и об истории развития коми языка, письменности и литературы. В фондах музея хранится более 15 тысяч экспонатов, среди них – материалы об истории зарождения и развития коми писательской организации, коллекции и архивы писателей и исследователей языка и литературы В.И. Лыткина, А.С. Сидорова, В.А. Савина, В.Т. Чисталёва, Н.П. Попова, В.В. Юхнина, Я.М. Рочева, И.И. Пыстина, Г.А. Фёдорова, А.Н. Фёдоровой, И.М. Вавилина, Н.М. Дьяконова, С.А. Попова; погибших в годы Великой Отечественной войны поэтов и прозаиков А.П. Размыслова, В.И. Елькина, Я.И. Чупрова, И.Н. Симакова, И.Н. Комсомольского, И.А. Осипова и др.

Эти коллекции сотрудниками музея были собраны в основном в 1970–1980-е гг. Постоянную помощь в сборе материалов оказывали сами писатели, вдовы и родственники погибших или ушедших из жизни писателей. Следует сказать и о том, что в 1930-е гг. прошлого века почти все члены Союза писателей Коми области были заключены в тюрьмы или лагеря, и, естественно, в их архивах материалы об арестах и пребывании в местах лишения свободы отсутствовали. Без этих документов невозможно было бы представить в экспозиции или на выставке полную и правдивую картину жизни того или иного репрессированного писателя.

В начале 1990-х гг. прошлого столетия в связи с демократическими преобразованиями в обществе стало возможным изучение засекреченных фондов в архивах республики, материалов архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Коми. Благодаря этому коллекции музея пополнились уникальными копиями документов, рассказывающих о трагических годах репрессий не только родственников первого коми поэта, но и других видных деятелей литературы и науки Коми края.

В этот же период удалось собрать коллекцию материалов архива выдающегося нашего земляка, писателя и учёного-философа К.Ф. Жакова. Как известно, в годы культа личности и застоя имя К. Жакова было вычеркнуто из истории коми народа. Поэтому в фондах музея хранилось всего несколько экспонатов – рукопись поэмы писателя «Биармия», одна фотография и ксерокопии нескольких книг. В 1990 г. в связи со 125-летием К. Жакова музей приступил к активному сбору документов о его жизни и творчестве. В фонды музея поступили документы из Санкт-Петербургского исторического архива и фондов музея В.М. Бехтерева, рассказывающие о работе Жакова преподавателем в психоневрологическом институте и о его научных командировках в Коми край. Материалы, поступившие из Вологодского областного архива, отражают просветительскую деятельность К.Ф. Жакова на севере России. Копии воспоминаний современников писателя и учёного передал музею ЦГА республики Коми (ныне – Национальный архив РК).

В 2009 г., в год 170-летия со дня рождения первого коми поэта, литературно-мемориальный музей переехал в бывший особняк кушца С.Г. Суханова и открыл экспозицию «Жизнь и творчество И.А. Куратова. История открытия и изучения его поэтического наследия». К настоящему времени подготовлены экспозиции ещё в трёх залах с темами «Коми в семье финно-угорских народов», «Коми литература первой трети XX века», «Коми литература в 1930–1950-е годы».

Основу экспозиции «Жизнь и творчество И.А. Куратова. История открытия и изучения его поэтического наследия» составляют подлинные предметы XIX, начала XX веков – открытки с видами городов, где учился или жил поэт, уникальная коллекция книг из его личной библиотеки, литературно-художественные журналы «Современник» и «Отечественные записки», старинные часы и мебель эпохи поэта – диван, кресло, овальный столик и книжный шкаф.

Большой интерес у посетителей вызывает коллекция материалов архива племянника поэта Николая Афанасьевича Куратова, рассказывающая о богатой духовной жизни его семьи. Среди них – награды, альбомы с фотографиями, открытки, чернильный прибор и фисгармония. В зале также можно познакомиться с фотогра-

¹ Там же.

фиями, письмами и статьями исследователей творчества И.А. Куратова первой половины XX века А.С. Сидорова, А.А. Попова, В.И. Лыткина; представлены также труды современных куратоведов и их портреты.

В зале «Коми литература первой трети XX века» документальные фотоматериалы рассказывают об Усть-Сысольске начала XX века, о литераторах этого периода, о становлении коми книжного издательства, зарождении театра и коми писательской организации. В разделе «Литература до революции 1917 года» отдельный комплекс с уникальными экспонатами посвящён К.Ф. Жакову. В витрине представлены философические труды К. Жакова, воспоминания о нём, переданные музеем его дочерью и внучкой. Можно также познакомиться со статьями ученика К. Жакова, впоследствии выдающегося российско-американского социолога П.А. Сорокина.

Поистине бесценными в экспозиции являются рукопись поэмы Жакова «Биармия» и книга с его повестью «Сквозь строй жизни», изданная в Санкт-Петербурге в 1912–1914 гг. Представленная в экспозиции коллекция книг с дарственными надписями видных российских учёных К. Жакову говорит о том, что Жаков действительно пользовался уважением и почтением в научных кругах России.

В этом же зале экспонируется множество подлинных фотографий, книг и писем из личных коллекций талантливейших представителей коми литературы и науки В.А. Савина, В.Т. Чисталёва, В.И. Лыткина, А.С. Сидорова и др.

Среди материалов, рассказывающих о жизни и творчестве Виктора Савина, бесценными реликвиями являются два письма, переданные музеем родственниками писателя уже более двадцати лет назад. Первое письмо Савин написал незадолго до ареста руководителем и работникам Коми театра после публикации обвинительной статьи в газете «За новый Север». В письме В.Савин с болью в душе говорит о своей ответственности за развитие театра – своего детища, и подробно рассказывает о своих творческих планах. Второе письмо – это последняя весточка от Савина родным из ссылки в Сибири, отправленная 1 июля 1943 г. Через месяц с небольшим, 11 августа 1943 года, Виктора Савина не стало.

Музей хранит большую коллекцию личного архива поэта и учёного с мировым именем В.И. Лыткина. В экспозиции представлены подлинные документы, повествующие о годах учёбы, работы и пребывания в местах заключения в годы культа личности. О годах учёбы В. Лыткина (1926–1927 гг.) в Финляндии, Германии и Венгрии рассказывают замечательные по содержанию и прекрасно сохранившиеся следующие предметы – диплом доктора философии об окончании Государственного Венгерского университета, дневник о заграничных впечатлениях и фотографии.

О становлении, творческом наследии и судьбе в годы репрессий рассказывают в экспозиции письма, рукописи, статьи и документы архива поэта-лирика и основоположника коми психологической прозы В. Чисталёва.

Материалы архива доктора филологических наук, лингвиста, археолога и этнографа А.С. Сидорова музей хранит почти сорок лет, с 1972 года. Среди представленных в экспозиции материалов – документы и личные вещи учёного; археологические и этнографические предметы, собранные Сидоровым в 1920-е гг. Всё это говорит о широте научных интересов учёного.

В экспозиции «Коми литература в 1930–1950-е годы» самыми значимыми и трогательными документами являются фронтовые письма погибших и вернувшихся с войны писателей А. Размыслова, И. Симакова, В. Елькина, Г. Фёдорова, их личные вещи, а также рукописи произведений этих горьких лет. Особое внимание у посетителей вызывает фронтовой дневник прозаика И. Пыстина. Привлекает внимание интерьерный уголок с письменным столом с соответствующими принадлежностями для творческой работы, шкаф для посуды, этажерка с трофейным немецким патефоном, книгами и журналами этого времени. На письменном столе – рукопись произведения Н.М. Дьяконова «Свадьба с приданым». Эта пьеса стала одним из самых значительных произведений в истории коми литературы конца 1940-х – начала 1950-х гг. Обстановку уголка дополняют фотопортреты писателей-фронтовиков.

Экспозиция в Литературном музее будет развиваться и дальше. Но уже сегодня, пройдя по залам музея, можно познакомиться с уникальными коллекциями, рассказывающими о литературной и культурной жизни коми народа.

Н.А. Шабалкина

Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузбая Герда, Ижевск **Священные рощи: проблемы сохранения природных ресурсов**

Проблема взаимодействия человеческого общества и природы стала важнейшей на современном этапе развития цивилизации. Антропогенные изменения затронули все экосистемы планеты. Многие экологические проблемы приобретают глобальный характер. Изменение климата планеты, газового состава атмосферы, энергетического баланса Земли, опустынивание Земли, загрязнение среды обитания, нехватка продуктов питания (прежде всего полноценного белкового), исчерпание полезных ископаемых и других природных ресурсов требуют безотлагательных мер для своего решения. Отношения природы и человека, если рассматривать в хронологической последовательности, имеют четко выраженный асимметричный характер. Ни культура, ни образование, ни политика, ни идеология, ни религия пока реально не могут отстоять интересы природы.

Тяжелая экологическая обстановка в Удмуртии сложилась не вдруг, а явилась результатом длительного антропогенного «давления» на природную среду.

Наряду с развитием сельскохозяйственного производства с XVIII в. все большее воздействие на природную среду в регионе оказывают индустриализация и урбанизация. С возникновением горнозаводской промышленности начинается интенсивное наступление на окружающую среду и вовлечение все новых природных ресурсов в хозяйственный оборот. Использование дров в качестве топлива на заводах привело к безжалостному истреблению многих сотен квадратных метров лесов. Только Ижевский завод вплоть до 1917 г. сжигал ежедневно 1000-1200 погонных сажень дров. Весьма значительным фактором воздействия на природу становится и кустарное производство. Так, уже к 30-ым гг. XIX в. в лесах только Глазовского уезда заготавливалось в год 10000 пудов мочала, в результате «промышленники поспешили истребить липу в глазовских лесах»¹.

В XX в. Удмуртия превратилась в индустриальную республику, что вызвала кардинальную перестройку окружающей среды. Вездесущий, не умеющий ограничить себя в своих действиях, человек уничтожает леса. Широко развернувшиеся мелиоративные работы привели к исчезновению многих родников, ручьев и других мелких водостоков и водоемов. Разработка торфяных месторождений лишила местный ландшафт важнейшего его компонента – болот. Прекрасные пойменные луга в долине реки Камы либо оказались под водой, либо подверглись заболачиванию. Причиной этому явилось создание Воткинского и Нижнекамского водохранилищ. В окрестностях крупных населенных пунктов, лесных массивах исчезает все, что привлекает человека: красивоцветущие растения, бабочки, жуки, запасы дикорастущих растений и грибов, уничтожаются животные.

Человек – дитя природы, хотя процесс цивилизации сделал его в значительной степени независимым от природы и отвел ему особое место. И все же он отдает себе отчет в огромном и бесконечно продолжительном влиянии природы на многие поколения людей.

Мощным источником охраны природы может быть прямо и косвенно религия. Религия считается одним из основных институтов, формирующих общественное мнение, и оказывает решающее влияние на человеческие действия. Религия наравне с экологией и философией является источником экологической этики. Язык религии ближе всего к языку нравственности. Во всех религиях имеются россыпи экологической мудрости. С позиций многих религий злоупотребление природой с целью наживы несправедливо, аморально и неэтично.

Из всех форм охраны дикой природы, пожалуй, наименее известной в настоящее время является охрана религиозных природных объектов, связанных с древними языческими обрядами и праздниками. Между тем, именно эта форма охраны природы является самой древней и имеет многовековую историю развития².

Под язычеством понимают различные локальные религии, часто имеющие местный племенной характер и предполагающие обожествление природы. У многих язычников забота о природе является естественной потребностью. Язычество предполагает различные культы природы: гор, солнца, воды, растений, животных. Язычники считают, что каждая часть природы – живая или неживая – обладает сознанием и душой. Для них природа является священной, что позволило относиться к ней с уважением, трепетом и благоговением. Гармония, а не потребление – главный принцип язычества по отношению к природе. Язычество природу считает святой, т.к. она пронизана божественным присутствием, поэтому язычество призывает уважать природу и не причинять ей вреда. Язычество не видит необходимости преобразования дикой природы или ее улучшения: природа достаточно хороша и красива и без усилий человека.

Для удмуртского этноса, развитие которого происходило в лесной зоне, характерным является почтительное отношение к отдельным лесным участкам, так называемым священным рощам. В качестве религиозных святынь могут выступать участки леса, отдельно стоящие деревья, родники, реки, луга, камни, скалы. «Почитание священной рощи было широко распространено у многих финно-угорских народов и восходит, очевидно, к культу растительности, культу деревьев, что было связано с лесным охотничьим хозяйством»³.

Священные рощи обычно представляют собой небольшие участки леса, эффективно выделяющиеся за счет произрастания старовозрастных деревьев. Благодаря заповедному режиму хозяйствования они остаются неизменными на протяжении многих десятилетий. Они говорят о былом обилии леса тех времен, когда еще не хозяйничала рука человека⁴. Как отмечает О.А. Капитонова, «бережное отношение к растительным святыням позволило сохранить некоторые из священных рощ до настоящего времени, несмотря на жестокую расправу с языческими святынями в период насильственной христианизации удмуртского народа, а также повсеместное сведение лесных массивов для хозяйственных нужд в XIX–XX вв.»⁵. Экологическая ценность священных рощ определяется тем, что они выступают эталонами нетронутых коренных лесов, почти вырубленных на территории республики. Располагаясь среди возделываемых земель, рощи тем самым выполняют важную ресурсоберегающую функцию (сохраняют влажность в почве, препятствуют почвенной эрозии). Священные рощи являются также локалитетом большого количества редких видов организмов, которые за пределами рощи встречаются гораздо реже». Охрана рощ, «опиравшаяся на страх и совесть каждого, была более деятельна и спасительна...»⁶.

Природно-культурные объекты, как правило, расположены вблизи населенных пунктов, некоторые находятся даже в их черте, в непосредственной близости от водных объектов. Священные рощи представляют собой

¹ Савинов И. Заметки о Глазовском уезде и о Глазове. Вестник Императорского русского географического общества, 1858.

² Борейко В.Е. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев, 1999.

³ Владыкин В.Е. Религиозные верования. Удмурты: историко-этнографические очерки, 1993.

⁴ Налимов В.П. Священные рощи удмуртов и мари. Охрана природы. № 4. 1928.

⁵ Капитонова О.А. Священные рощи Удмуртии. Научный отчет. Ижевск, 2000.

⁶ Там же.

древние формы охраняемых территорий, связанных с ритуальными обрядами. Это своего рода неофициальные «народные заповедники», где в качестве законов, регламентирующих поведение людей, служат обычаи, традиции, предания местного населения. Священные рощи, не подверженные антропогенной трансформации, являются местом обитания многих видов организмов и имеют большое значение в сохранении биологического разнообразия. Такие священные рощи сохранили свою целостность и редко посещаются местными жителями, лишь во время языческих праздников и обрядов.

До настоящего времени удалось сохранить в первозданном виде лишь немногие из священных рощ, располагающиеся, главным образом, в труднодоступных местах: на крутых склонах коренных берегов рек, в глубоких оврагах, на болотах. Сохранились также те немногие из священных рощ, где до сих пор проходят культовые обряды и праздники. Местное население бережно оберегает эти лесные участки. Эти чудом уцелевшие лесные урочища являются, по сути, уникальными памятниками природы. Заповедный режим хозяйствования в них позволил сохранить эти лесные участки практически неизменными на протяжении последних столетий. Вкрапленная островками в давно преобразованную человеком природу, они несут в себе черты эталонного нетронутого леса с уникальными комплексами редких видов организмов.

В окрестностях д. Кузубаево (Алнашский район) есть действующая священная роща «Большая куала», для которой характерны вековые деревья: липы, пихты, ели. Памятник имеет эстетическое, научно-просветительское, культурное и культовое значение. Моления в «Большой куале» проводятся 12 июля. В любой другой день вход в рощу запрещен.

Интересен процесс приготовления к празднику и сам праздник, проходящей в этой священной роще. Накануне вечером жители деревни, относящиеся к роду Большая куала, собирают муку в доме жреца. Жена жреца, помывшись в бане, замешивает тесто на чистой ключевой воде и печет хлеб для моления. Тут же решается вопрос о жертвенной птице – утке, которую покупают на средства, собранные во время моления в прошлом году. Эта жертва призвана дать благополучие жителям всей деревни. Каждая семья также может принести с собой утку как жертву от отдельной семьи. На моления приходят всей семьей – и взрослые, и дети. Моления ведет жрец со своими помощниками. Утром 12 июля жрецы открывают куалу, чистят ее. Их жены стирают и сушат полотенца. Затем в куале разжигают костер, закалывают общественную утку. При этом все действия сопровождаются молениями. Возле куалы разжигают семейные костры, где каждая семья может сварить свою утку и кашу. Вся пища освещается жрецом и его помощниками. Во время моления собирают деньги на общественные нужды. За пределы рощи ничего не разрешается выносить, кроме жертвенной пищи. Даже сруб старой разрушившейся куалы, вместо которой построили новую, оставили здесь же на территории священной рощи.

Но, к сожалению, в настоящее время многие из этих лесных участков большинством жителей не воспринимаются как сакральные места, а потому не охраняются. Хотя в памяти местного населения до сих пор живут предания и различные истории, связанные с этими местами. Рассказывают, что один из жителей (д. Старая Бодья, Кизнерский район) решил перевести из священной рощи на свое подворье ритуальную постройку – куалу. Однако плата за это безрассудство оказалось слишком высокой: вскоре он онемел. Такая же участь постигла и его дочь.

Рассказов, подобных этому много, вот только верят в них все реже и реже. Наверное, поэтому наблюдается кощунственное отношение к этим сакральным местам. В результате, страдает биоразнообразие, выпадают наиболее уязвимые виды редких растений и животных, и происходит обогащение флоры аллохтонными элементами. В сложении растительного покрова священных рощ большое участие принимают виды с широкой экологической пластичностью, синантропные виды, способные выдерживать антропогенный прессинг.

По исследованиям О.А. Капитоновой на территории Удмуртии было выявлено 39 священных рощ. На основе анализа исследований можно сделать вывод, что на современном этапе в связи с антропогенной нагрузкой и тяжелой экологической обстановкой изменяются своеобразные флора и фауна УР. Интенсивное использование природной среды со стороны человека и чрезмерная эксплуатация приводят к постепенному обеднению природных ресурсов.

Рациональное «мудрое» использование природных ресурсов предполагает, чтобы эти ресурсы как можно дольше сохранились. Проблемы рационального использования ресурсов и охраны окружающей природной среды многогранны. Стратегия охраны окружающей среды предусматривает сохранение генетического и систематического разнообразия видов, чистоты водоемов, почвы, воздушного бассейна. Важным элементом природоохранной деятельности является экологическое воспитание населения через средства массовой информации путем популяризации материалов Красной книги, сохранение биологического разнообразия, правовая охрана природы, развитие сети особо охраняемых природных объектов.

«Зырянский этнографический музей» в переписке У.Т. Сирелиуса с представителями коми интеллигенции начала XX в.*

В краеведческой литературе история Национального музея Республики Коми традиционно описывается с даты официального учреждения Усть-Сысольского музея в октябре 1911 г.¹ Исследователи отмечают, что музейное строительство в Коми крае было связано как с развитием народоведческого движения на Русском Севере в конце XIX – начале XX вв., так и с пропагандой идеи формирования национального самосознания у коми-зырян как финно-угорского народа². В связи с этим, очевидный исследовательский интерес представляет собой период, непосредственно предшествовавший этому знаменательному событию.

В этом плане, заслуживают внимания переписка известного финляндского этнографа У.Т. Сирелиуса с молодыми представителями коми интеллигенции, с которыми он познакомился в ходе совместных полевых разысканий на территории Коми края летом 1907 г.³ Известно, что У.Т. Сирелиус в своей полевой работе опирался на помощь студента московского университета В.П.Налимова и его знакомых коми литераторов и сельских учителей. Например, в с. Усть-Кулом У.Т. Сирелиус работал вместе с учительницей А.Г. Кузивановой. В с. Скородум большую помощь ему в сборе полевых материалов оказал учитель начального земского училища Помоздинской волости А.И. Шомысов. В с. Вильгорт к исследователю присоединились в качестве переводчиков и проводников А.А. Чеусов и В.П. Налимов⁴. А.А. Цембер помогал в сборе этнографических экспонатов У.Т. Сирелиусу в с. Мордино и Усть-Кулом⁵.

Полевые заметки У.Т. Сирелиуса, сделанные им в июле 1907 г., красноречиво свидетельствуют о том, что он был несколько разочарован результатами поездки по Коми краю в поисках «аутентичной зырянской культурой традиции»⁶. Показательна в этом плане запись, сделанная финляндским ученым накануне отъезда из Усть-Сысольска в Вятскую губернию к вотякам:

«Национальное самосознание у зырян, по моим наблюдениям, как правило, отсутствует... Но не могу не упомянуть, о последних днях, проведённых у зырян и ставших для меня приятным сюрпризом. Около Усть-Сысольска в д. Вильгорт я встретил нескольких молодых людей, которые бурно размышляли о национальном просвещении зырян и, в качестве фундамента для этой деятельности, намеревались основать на в своей родине Зырянский музей»⁷.

Судя по известной фотографии⁸, на которой У.Т. Сирелиус запечатлел знаменательную «прощальную» встречу, этими молодыми людьми зырянского происхождения, были: студент московского университета Василий Петрович Налимов, молодой литератор Алексей Александрович Чеусов и сельская учительница Александра Григорьевна Кузиванова.

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ». Направление 8 Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию. Проект: Новые источники по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Подробнее о проекте: Загребин А.Е. Этнографические материалы 1920–1930-х гг.: к проблеме источников по истории и культуре финно-угорских народов среднего Поволжья и Приуралья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 254–260; Загребин А.Е., Шарпов В.Э. Новые материалы об экспедиции В.П. Налимова в Удмуртию (1926 г.) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2010. № 6. С. 10–14.

¹ Стрекалова В.М. Из истории музея // Вестник культуры Коми ССР. Сыктывкар, 1991. № 3; Паршуков В.Ф. Основатель музея // Вестник культуры Коми АССР. 1991. № 3; Стрекалова В.М. Перелистывая страницы истории // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2001. С. 4–9; Сова В.А. Подвижники краеведения (К 95-летию со дня рождения С.А. Попова) // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2001. С. 10–17.

² Jaats I. Etnilised protsessid Vene impeeriumi siseperifeerias 1801–1904. Komi rahvusluse süünd. Tartu, 2005. P. 243–264; Рогачев М.Б. Общественная жизнь в Усть-Сысольске (XIX – начало XX века) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 1. С. 29–30; Котылева И.Н. Из истории формирования коллекции национального музея Республики коми по традиционной культуре коми // Очерки по истории изучения этнографии коми / Ред.: А.Ф. Сметанин, И.Л. Жеребцов, Ю.П. Шабаев. Сыктывкар, 2007. С. 325–339.

³ Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto. Sirelius U.T. Permalaismatka, 1907. Автор выражает искреннюю признательность Ильдико Лехтинен за предоставленную возможность ознакомиться с материалами переписки У.Т. Сирелиуса, хранящимися в Рукописном фонде Национального музея Финляндии (г. Хельсинки).

⁴ Загребин А.Е., Шарпов В.Э. К истории пермской экспедиции У.Т. Сирелиуса // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 110–117.

⁵ Цембер А.А. Дневник / Подгот. текста, вступ. статья и комментарий Л.П. Рошевой. Сыктывкар, 1997. С. 34.

⁶ Sirelius U.T. Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskuuteen kesällä 1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. № 25. S. 15–17; Lehtonen J.U. U.T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972. P. 69–76.

⁷ Sirelius U.T. Matkalta koillis-Venäjällä I–III // Helsingin Sanomat. 1907. № 170, 174, 192; Сирелиус У.Т. «Из путешествия по Северо-востоку России» / Перевод с финск. яз. А. Сурво // Арт (Лад). Сыктывкар, 1998. № 1. С. 118–125; № 3. С. 172–177; 2002. № 1. С. 82–94.

⁸ Iso karhu: arkistokuvia etäisten kielisukulaistemme asuinsijoilta – The Great Bear: old photographs of the Volga-Finnic, Permian Finnic and Ob-Ugrian peoples / Ed. by I. Lehtinen, J. Kukkonen. Helsinki, 1980. P. 99.

Впоследствии, У.Т. Сирелиус длительное время поддерживал переписку со своими добровольными помощниками, получая от них необходимые консультации, и заочно руководил сбором полевых материалов по материальной культуре у коми. Так, например, В.П. Налимов и А.А. Чеусов в течение нескольких лет собирали материалы по обширному своду вопросов, составленному финским коллегой – об архаических типах жилищ, охоте и рыболовстве. Судя по переписке, А.И. Шомысов – учитель из с. Визинга – в течении полугода готовил для У.Т. Сирелиуса этнографический отчет о рыболовном промысле в с. Скородум и Визинга. В архиве исследователя так же хранится открытка, датированная августом 1907 г., от А.А. Цембера с известием о возможности приобретения ряда этнографических экспонатов в с. Подъельск и Усть-Кулом для музейной этнографической экспозиции по финно-угорским народам в Хельсинки¹.

В течении нескольких лет финляндский исследователь активно занимался обработкой полевых материалов, собранных им в ходе «пермской экспедиции» 1907 г., постоянно дополняя и уточняя эти сведения через своих добровольных помощников. Можно предположить, что исследователь не оставлял планов подготовки специального монографического исследования по охоте и рыболовству у коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов. К сожалению, самому У.Т. Сирелиусу не довелось осуществить этих планов в полной мере². Вместе с тем, достаточно обширные материалы по этнографии коми были включены исследователем в известный цикл работ по сравнительному изучению охоты, рыболовства и архаическим типам жилищ у финно-угров. Так, например, достаточно обширные сведения, рисунки и фотографии по традиционным строениям у коми приводятся исследователем в цикле работ по древним типам жилищ у финно-угров³.

В этот же период (1907–1910 гг.) У.Т. Сирелиус активно занимался формированием этнографических коллекций по финно-угорским народам, а так же организационными вопросами, непосредственно связанными с музейным строительством⁴. По мнению В.В. Сурво, сбор материала у родственных финно-угорских народов У.Т. Сирелиусом и его коллегами «был в первую очередь направлен на конструирование фин(лянд)ской идентичности и финно-угорского родства. Из экспедиционных поездок к финно-уграм России финляндские исследователи привозили богатейшие коллекции традиционных вещей, которые впоследствии составили основу первой финно-угорской выставки в Национальном музее Финляндии»⁵. Закономерно, что в ходе совместной работы с У.Т. Сирелиусом и последующей переписке с ним за 1907–1908 гг., В.П. Налимов и А.А. Чеусов советовались с финляндским профессором о конкретных деталях создания Зырянского музея и обсуждали роль музейной деятельности в формировании национального самосознания коми-зырян. Принимал участие в заочном обсуждении планов создания Зырянского музея и Андрей Андреевич Цембер – инициатором создания Усть-Сысольского отделения Архангельское Общество изучения Русского Севера в 1910 г. и будущий директор Усть-Сысольского краеведческого музея с 1911 г.⁶, который так же регулярно отправлял в Финляндию этнографические, фольклорные и лингвистические сведения, собранные по просьбе У.Т. Сирелиуса. В ходе этой переписки В.П. Налимов, А.А. Чеусов и А.А. Цембер неоднократно благодарили У.Т. Сирелиуса «за реальное сочувствие будущему зырянскому этнографическому музею»⁷.

Едва ли не в каждом письме к У.Т. Сирелиусу – своему научному руководителю и наставнику, молодые представители коми интеллигенции, так или иначе затрагивали вопросы, связанные с развитием национального самосознания коми-зырян через пропаганду этнографических сведений, собранных российскими и зарубежными финно-угроведами в ходе экспедиционных исследований на Русском Севере и в Сибири в XIX – начале XX в. В определенном смысле, этнографические разыскания лидеров Усть-Сысольского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера, созданного в 1910 г. по инициативе А.А. Цембера, можно определить как программу целенаправленного конструирования национальной культуры и идентитета на основе изучения истории формирования народа коми, а так же реконструкции и актуализации, т.н. дохристианских верований зырян и пермяков⁸. При этом, пионеры коми народоведения в музейном строительстве и своих научных разысканиях, в полной мере, следователи идеологической парадигме, заданной финскими коллегами: поиски «чистой»

¹ Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto. Sirelius U.T. Permalaismatka, 1907.

² Отрадно, что систематические исследования по охотничье-рыболовецкому инвентарю у коми-зырян, начатые в 1907 г. У.Т. Сирелиусом, в определенном смысле были подытожены в 2011 г. выходом в свет каталога «Охотничье-рыболовецкое снаряжение народа коми» / Сост. В.Б. Липин. Сыктывкар, 2011.

³ Sirelius U.T. Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen völker // Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsingfors, 1907–1910. Bd. VII. S. 56–57, 111; Bd. VIII. S. 28–59; Sirelius U.T. Die syrjänische Wohnung in ihren verschiedenen Entwicklungsstadien. Eine vergleichende Untersuchung // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LVIII Helsinki, 1928. S. 331–365.

⁴ Lehtonen J.U. U.T. Sirelius ja kansatiede. Kansatieteellinen Arkisto 23. Helsinki, 1972. P. 93–100; Загребин А.Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 60–65.

⁵ Сурво В. Культурные и идеологические аспекты «проблем полевой работы» (на примере финляндской этнографии) // Полевая этнография – 2006. Материалы конференции. СПб., 2007. С. 14–18.

⁶ Рогачев М.Б. Общественная жизнь в Усть-Сысольске... С. 29–30.

⁷ Из письма А.А.Чеусова к У.Т.Сирелиусу от 1 августа 1907 г. // Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto. Sirelius U.T. Permalaismatka, 1907.

⁸ Несанелис Д.А., Семенов В.А. К истории использования унифицированных форм изучения традиционной духовной культуры коми (зырян) // Рубеж. Альманах социальных исследований. № 10–11. Сыктывкар, 1997. С. 222–232.; Семенов В.А., Шаранов В.Э. Программа полевых исследований В.П. Налимова: конструирование идентичности // Семиозис и культура. Сборник научных статей. Сыктывкар, 2007. С. 376–377.

финно-угорской традиции, в ходе которых все артефакты, ассоциировавшиеся с инаковостью, буквально и символически удалялись за пределы визуального ряда, переводились в разряд «несуществовавших» текстов¹.

Судя по некоторым деталям этой переписки, уже с 1908 г. строились планы проведения в г. Хельсинки I Съезда финно-угорских народов. В частности, обсуждалась возможность выступления с докладами А.А. Чеусова и В.П. Налимова не только на семинарах Финно-Угорского Общества в Хельсинки, но и их непосредственное участие в предполагаемом Съезде финно-угорских народов².

Очевидно, что эпистолярное наследие пионеров коми народоведения, достаточно широко представленное в российских и зарубежных архивных и музейных фондах, к сожалению, неопубликованное до настоящего времени, представляет несомненный интерес в изучении становления финно-угорского движения в России.

Л.В. Шахова

Литературный музей И.А. Куратова, Сыктывкар

«День за днем» (по материалам личного архива И.В. Изьюрова)

И.В. Изьюров принадлежит к поколению видных советских писателей Республики Коми. Более полувека он трудился в коми литературе как автор «деревенской» прозы, произведений о Великой Отечественной войне, о любви, строительстве новой советской жизни, как драматург, журналист и публицист.

В настоящей статье на материалах личного архива из фондов литературного музея И.А. Куратова Национального музея Республики Коми мы намерены рассказать о судьбе и творчестве писателя.

И.В. Изьюров родился в с. Позтыкерос Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне Корткеросский район РК) 6 марта 1910 г. в семье крестьянина. В своей автобиографии он писал: «Отец был неграмотным, а мать в свое время училась два года в школе. Дело в том, что мать происходила из довольно крепкой зажиточной семьи, у них был хороший дом. Учительница Позтыкеросской школы квартировала у них и уговаривала хозяев учить детей грамоте. Может быть мать поэтому с детства приучала меня к книге и очень хотела, чтобы я учился. Будучи старшим сыном в семье, это было легче сделать». Окончив школу в родном селе, в 1921 г. И.В. Изьюров поступил в школу 2 ступени в Усть-Сысольске. Ещё во время учебы в школе начал писать стихи и рассказы, которые впервые были опубликованы в 1926 г. в газете «Коми сикт» (Коми село), журнале «Ордым». В своих воспоминаниях он отметил забавную историю, связанную с первым изданным рассказом: «Серамыд оні петб, кор важсб казтытыла. 1926 вося гожомын йозодисны менсьым нейдждь висьт. Юргижод улас волі пасйёма: “Мосъяс баксбны” романысь тор». Со кыдзи: романысь юкбн! А меным сэки муртса 16 арбс тыри» (Сейчас смех пробирает, когда прошлое вспоминаю. Летом 1926 года был опубликован мой небольшой рассказ. Под заглавием было отмечено: отрывок из романа «Коровы мычат». Вот как: отрывок романа! А мне тогда только 16 лет исполнилось).

Окончив в 1927 г. школу, И.В. Изьюров поступил на работу в Коми книжное издательство в качестве корректора, познакомился с выдающимися людьми того времени – В.А. Савиным, А.А. Сухановой. Тёплые, дружеские отношения сложились с М.Н. Лебедевым. Юный писатель не раз бывал у него дома в Корткеросе, именно ему впервые показал свои маленькие рассказы. В это же время Изьюров стал часто посещать собрания писателей города, слушать обсуждение их произведений. Уже с 1934 г. вместе с В.А. Савиным, В.Т. Чисталевым, П.А. Шеболкиным, М.П. Дорониным, И.И. Оботуровым Изьюров входил в состав правления Коми отделения Союза писателей. Но через три года всех членов правления обвинили в контрреволюционной деятельности. К концу 1937 г. были взяты под стражу около двадцати коми писателей, и самым молодым среди них был И.В. Изьюров. В тот год он работал редактором отдела художественной литературы Коми издательства. Иван Васильевич был приговорен к трем годам лишения свободы. Свой срок отбывал в Воркутлаге. Из дневника Изьюрова: «Менб ас кадб мьждисны, кор обыск дырйи 1937 вося октябрын книга чукорьсь аддисны Библия... Важсб казтытвны сбкыд! Кадьс сэтшбм волі! А коді мьжа таысь? Сталин? Но бд «Ура» Сталинлы горзисны быдбн, коді тюрмаын эз пукав!.. Страшной вояс! Казтытвны сбкыд!» (Меня в свое время обвинили за то, что во время обыска в октябре 1937 года у меня среди книг нашли Библию... Прошное вспоминать трудно! Время такое было! А кто виноват в этом? Сталин? Но ведь Сталину кричали «Ура» те, которые не сидели в тюрьме!.. Страшные годы! Вспоминать трудно!). В ноябре 1940 г. Изьюров вернулся к своей семье – жене Анне Георгиевне и двум сыновьям Альфреду и Юрию. Конечно, о творческой и издательской деятельности не могло быть и речи, работал бухгалтером в горпромкомбинате. Хотя в 1951 г. им была опубликована повесть для детей. Из дневника писателя: «Тайб гижбд йивсьыс ме вунбді нин. Торья книгабн эз петавлі. Сэки менам книгагас эз петавлыны. Издательствоын уджалысь Н.А. Улитин полис лэдзны менсьым книгагас...» (Об этой повести я уже забыл. Отдельной книгой она не выходила. Тогда мои книги не выходили. Работавший в издательстве Н.А. Улитин боялся выпускать мои книги).

В 1942 г. И.В. Изьюров был мобилизован в ряды Советской Армии, воевал на Карельском и Мурманском фронтах, принимал участие в освобождении севера Финляндии и Норвегии. Изьюров провёс рядовым связистом, был и военным корреспондентом, публиковал очерки и рассказы в армейских газетах. В своем письме

¹ Сурво В. Ук. соч. С. 14-15.

² Из переписки В.П. Налимова и У.Т. Сирелиуса 22 ноября – 5 декабря 1907 г. // Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto. Sirelius U.T. Permalaismatka, 1907.

от 17 сентября 1945 г. он писал: «Я горжусь тем, что провоевал рядовым солдатом и буду возвращаться домой как солдат – в серой шинели и обмотках». Война для него закончилась в Норвегии (город Киркенес).

В послевоенные годы Иван Васильевич работал в редакции газеты «Красное знамя», журнала «Войвыв кодзув». В члены Союза писателей был восстановлен лишь в 1956 г. после реабилитации. В 1950–1980 гг. из-под его пера выходят в свет замечательные произведения: «Кор дзоридзалё лёом» (Когда цветет черемуха), «Лун заводитчö асьвсьянь» (День начинается с утра), «Судзöд меным öшкамöшка» (Достань мне радугу), сочинял также и для детей. В 1979 г. в драмтеатре был поставлен спектакль по пьесе И.В. Изъюрова «Морт кольö öтнас» (Человек остается один). Опубликовал множество статей, писал сценарии для кино и телевидения.

И.В. Изъюров прожил яркую и долгую жизнь. Его не стало 24 января 1995 г. Ему было 84 года. В своем дневнике он писал: «Кутшöм след ме коли Коми му вылас? Гижöдыс роч да коми кыв вылын, газетной статьяс да очеркъяс?.. Мыйсö абу нуöма ас вывт? Тюрьма, война! Быдторйыс волі – гажыс и мичаыс, бурыс и омöлыс... Кык пи менам быдмисны... От тöд, кор да кызди казтьтштасны менö, шуам, дас во мысти... Вöблi по сэтшöм Изъюр Иван, коми гижыс, журналист, книга радейтыс» (Какой след я оставил на Коми земле? Произведения на русском и коми языках, газетные статьи и очерки?.. Через что я только не прошёл? Тюрьма, война! Всё было – веселье и красота, хорошее и плохое... Двое сыновей у меня выросли... Не знаю, когда и как вспомнят меня, скажем, десять лет спустя... Скажут, был такой Иван Изъюров, коми писатель, журналист, книголюб).

Музей провёл целенаправленную работу по сбору материалов архива Изъюрова. В 1970-х годах писатель передал на хранение в Литературно-мемориальный музей И.А. Куратова некоторые предметы из личного архива: сувениры, письма, грамоты, рукописные тексты рассказов, очерков. Некоторые из них экспонируются в зале по теме «Коми литература в 1930–1950 годы». В экспозиции представлены уникальные подлинные предметы: фотография Изъюрова 1920-х гг., рукописные рассказы из цикла «Карелияса вöрьясын» (В лесах Карелии) 1944 года, письмо 1944 года от редакции Красноармейской газеты «Во славу Родины», где он печатался, книги с его произведениями.

В 2009 году Сергей Альфредович Изъюров дополнил богатый архив своего деда. В дар музею он передал фотографии, рукописные статьи, документы 1970–1980-х гг., дневник и письма.

Сохранились письма от школьников, читателей, друзей-писателей В. Безносикова, Н. Кутова, Н. Володарского. В письмах они делились творческими успехами и неудачами, писали о жизни. В каждом из писем чувствуется глубокое уважение друг к другу. Из письма Николая Володарского: «Дорогой Иван Васильевич! Большое спасибо, дорогой друг, за письмо. Оно как-то по-хорошему меня взбудоражило, прибавило силы, уверенности в себе... Рад, что трудишься «на всю катушку»: повесть для журнала, документальная книга «Иду землю Коми», книжка для детей! Дай бог каждому молодому выдавать столько!». На протяжении многих лет И. Изъюров дружил с Николаем Кутовым – Ленинградским поэтом и переводчиком. Он перевел на русский язык произведения многих поэтов разных народов, в том числе и коми. В одном из писем Н. Кутова от 2 апреля 1990 года читаем: «Дорогой Иван Васильевич! Очень благодарен твоему письму. ...Стал чувствовать себя лучше и могу кое-что сочинять. Однако теперь напечататься где-то или издать книгу стихов – целое событие, поэтому пишу больше для себя и перевожу стихи Серафима Попова». Сохранились письма И.В. Изъюрова с музеем Н. Островского. В одном из писем 1987 года сотрудники музея обращаются к Ивану Васильевичу с просьбой написать воспоминания о Н.А. Островском. В своих комментариях Изъюров пишет: «С Н. Островским я встречался в апреле 1933 года в г. Сочи. Журналист М. Разенфельд, который отдыхал со мной в санатории «Правды», водил меня к Н. Островскому. Я посидел у кровати больного каких-то пять минут. Позднее я перевел на коми язык роман Н. Островского «Рожденные бурей». Книга И.В. Изъюрова «Бушковын чужысьяс» (Рожденные бурей) 1937 года представлена в зале «Коми литература первой трети XX века».

Большую ценность для музея представляет дневник писателя. Иван Васильевич назвал его «Лун бöрся лун» (День за днем). На первой странице дневника он отметил, что это его последняя тетрадь (всего их шесть, пять из них отданы на хранение в Госархив). Вначале дневника есть запись: «Восьтi тайö тетрадьсö 1987 вося апрель дасöд лунö. Кута пасьявны асьым бöрья луньяс. Лун бöрся лун... Менам олöма бура уна кад. Чужсьöма кузь нэм вылö» (Открыл эту тетрадь 10 апреля 1987 года. Буду отмечать свои последние дни. День за днем. Прожил уже долгую жизнь. Оказывается, родился я на долгую жизнь). В дневнике Иван Васильевич рассказывал о своей семье, о радостях, переживаниях за свою страну в 1990-е годы, о трагическом прошлом, своем творчестве, друзьях. Иван Васильевич очень переживал, что его имя, имена других коми писателей будут забыты. Но память о нем жива, его произведения включены в школьную программу, любимы коми читателями, в Литературном музее И.А. Куратова в памятные даты проводятся вечера воспоминаний, его имя звучит в экскурсиях.

Н.А. Шмаргилова

МУ «Усть-Вымское ММО»

Борис Александрович Старчиков – «Сказочного мира гражданин»

В 2005 г. Майей Николаевной Норкиной, женой Б. Старчикова, «Заслуженного художника РСФСР» были переданы в дар Айкинскому центральному музею и Микуньскому филиалу Усть-Вымского ММО интересные экспонаты. Это – детские рисунки на школьных листках, дружеские шаржи, новогодние пригласительные билеты-воспоминания, программки многочисленных выставок. Имя Старчикова по праву входит в боевую когорту ведущих мастеров советской сатирической графики связано с историей г. Микунь.

Борис Александрович Старчиков родился 3 февраля 1921 года в Москве, в театральной семье. В детстве учился в музыкальной школе для одаренных детей при Московской консерватории, но поняв, что музыка не его призвание, оставил занятия, однако музыка осталась его увлечением на всю жизнь. С малых лет он любил рисовать, особенно ему удавались фигурки животных; увлекался боксом, играл в волейбол. Он вспоминал: «сам я никогда не был восторженным комсомольцем или просто идейным... Деньги, выданные на школьные завтраки, не сомневаясь, тратил на букинистов, благо тогда их в Москве было много. После окончания школы, год занимался в студии самодеятельных художников при МОСХе (Московское общество свободных художников) где готовился поступать в Суриковский институт, случайно увидел объявление об актерском конкурсе в театр Красной Армии, принял участие и поступил. Но ему предстоял призыв в армию, и в театр его не взяли. Борис начал служить в Первой пролетарской дивизии рядовым. Прослужив некоторое время, был отозван из дивизии в театр Красной Армии, где тогда организовалась актерская команда, в которую он и был зачислен. Актеры жили на казарменном положении. На репетиции и спектакли, где участвовали в массовых сценах, ходили строем.

В годы Великой Отечественной войны Б. Старчикову, приходилось быть санитаром, а к концу войны его знали как художественного руководителя ансамбля школы младшего командного состава, автора и исполнителя лирических песенок и скетчей. Последние дни войны застали Старчикова в Польше, где 23 августа 1945 г. он был арестован по доносу «коллеги» по фронтовой артистической бригаде и осужден по статье 58 п.10 на 8 лет лагерей за хранение антисоветской литературы. В его вещмешке были обнаружены «страшные улики»: «Здесь были Ницше и Розанов, альбомы репродукций Мюнхенской Пинакотечи, эмигрантское издание стихов Гумилева, томик Фрейда... Но вот и самое страшное – книжица с ярким красно-черным рисунком на обложке – Сталин по пояс в кровавом болоте в маршальском мундире с закатанными рукавами. А за ним призраки Чингиз-хана и Ивана Грозного»¹.

В лагерь он был этапирован в Коми АССР, где первый год проработал на обших работах – строительстве Северной железной дороги. «Как многие сильно дошел – еще не фитиль, но уже и не работяга. Пару раз на ходу в строю терял сознание, падал и стал опасаться, как бы не шагнуть под пулю конвоя». Несколько месяцев Старчиков проработал в медпункте «Так я стал, всем на зависть, таскать горшки, ставить клизмы и горчичники, измерять температуру»².

Помог случай. Мама Б. Старчикова – Александра Федоровна Маевская, мастер художественного слова Московской филармонии, написала лагерному начальству, что сидит у них профессиональный художник и его можно использовать по специальности. Старчикова отправили в Сольвыггодск рисовать портреты передовиков-строителей Северной железной дороги. В свободное время он лепил из глины пепельницы «... хохочущие сатанинские рожи с разинутыми ртами для окурков. Расходилась моя продукция по начальству лихо»³.

Затем лагерь в Ракпасе (Княжпогостский район), здесь Б. Старчиков встретился с Александром Осиповичем Гавронским, сыном чайного фабриканта из Одессы (владельца компании «Высоцкий и К»). На чайных фабриках своих родителей А.О. Гавронский призывал к свержению царя. Родители – капиталисты, а сын – революционер. В 1946 г. в Ракпасе Б. Старчиков получил заказ: к 25-летию образования Коми АССР написать для республиканского краеведческого музея пять полотен из истории освоения Коми края. «Дали фотографии. Я был, разумеется, горд и счастлив... сюжеты даже увлекли. Писал я эти полотна как пьяный с увлечением и отчаянной лихостью... Получил за работу 100 рублей премии и благодарность в личное дело»⁴. Здесь же он написал копии с картин русских художников: «Аленушка», «Три богатыря» Василия Васнецова, «Мишки в сосновом лесу» Ивана Шишкина, портрет Сталина во весь рост, картину «Ворошилов на лыжах». Приходилось писать и портреты передовиков, рисовать плакаты, оформлять сцену, принимать участие в художественной самодеятельности, читать со сцены «Письма» Флобера. В свободное время самостоятельно занимался французским языком и писал стихи.

*Кончится когда-нибудь и это
С узелком по улицам Москвы
Я пройду, не снявши для привета
Шапку с арестантской головы...
Сплющу горечь и в рассвете раннем,
Разбудив дитя седое – мать,
Объясню, что окаянный странник
Должен жизнь от печки начинать.
Что стране и времени не нужен
Сказочного мира гражданин,
Что, наверно, до сердца простужен
Любящий ее нелепый сын...⁵
1949 год, Шежам.*

¹ Старчиков Б.А. После Победы. Казань. № 1-2. 1996.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Петкевич Т.В. Жизнь – сапожек не парный. СПб., 1993.

В 1949 г. в п. Микунь начали строить Дом культуры. Б. Старчиков оформлял его как художник и скульптор, им были выполнены скульптура перед Домом культуры «Женщина с ребенком и голубем» по мотивам Мухомовой, в зрительном зале – барельефы русских и советских писателей. Для оформления фойе Дома культуры им были написаны две большие копии с картин «Ходоки у Ленина» Серова и «Великая дружба» Налбандяна (не сохранились). На первом концерте в построенном заочными Домом культуры для вольных зрителей Б. Старчиков со сцены читал «Макара Чудру» М. Горького под музыку собственного сочинения. «Коллективу строителей была объявлена благодарность с занесением в личные дела... и наш дом перестал быть нашим домом... колочая проволока, заскрипев под снегом, напомнила мне, где мой дом»¹.

В Микунь Старчиков познакомился с Майей Норкиной. Она приехала навестить свою мать – Цилию Борисовну, которая после отбывания срока работала по вольному найму зубным врачом. Во время работы над скульптурой женщины с ребенком, Борису Александровичу никак не удавались женские ноги. Майя Николаевна вспоминает: «я пришла посмотреть, как идет строительство Дома культуры, видя мученья скульптора, недолго думая, подняла подол платья – на, смотри, как выглядят женские ноги, а то лепишь, черт знает что, как будто женских ног никогда не видел»².

22 августа 1953 г., освободившись, Б. Старчиков поехал к Майе, и они поженились. Работал в Волосове (под Ленинградом) учителем рисования в школе, руководил художественной самодеятельностью в клубе известкового завода. После освобождения Б. А. Старчикову было запрещено проживать в Москве и Ленинграде, и для получения художественного образования ему пришлось переехать в Казань, здесь находилось одно из старейших художественных училищ в СССР. Старчиков поступил на 1-й курс, но в середине года его, как самого талантливого студента, перевели на 2-й курс. Семья жила очень тяжело: Борис Александрович подрабатывал тем, что делал приглашенные билеты на новогодние елки, вечера, ретушировал фотографии.

Случайно в поезде он познакомился с журналистом сатирического журнала «Чаян» [Скорпион], который уговорил сделать к его фельетону несколько рисунков. «Я, конечно, сразу отказался... так как понимал: карикатура – жанр серьезный, без подготовки, с налета, его не возьмешь. Но друг продолжал настаивать. Три дня потратил на то, чтобы сделать четыре маленьких рисунка, а затем друг пришел, забрал мои творения и исчез. Отсутствовал он довольно долго и вновь появился только 31 декабря расстроенный и понурый. «Не пошло? – был мой первый вопрос. Друг утвердительно кивнул: «Не пошло». Это известие не явилось для меня неожиданностью. И все же огорчение видимо проступило на моем лице, потому что друг поспешил добавить: «Да ты не расстраивайся, не пошел мой фельетон, а с твоими карикатурами все в порядке: сегодня выйдут». С той поры я стал являться в «Чаян» каждые десять дней с очередным сатирическим рисунком. Через два года редколлегия предложила мне занять место главного художника журнала...»³. После окончания художественного училища, несмотря на то, что у него было поражение в политических правах (лишен избирательного права), стал главным художником и проработал в этой должности 10 лет. Как вспоминает Старчиков «это были увлекательные и радостные годы моей работы в Казани, в городе, который я полюбил всем сердцем»⁴. Любимой Казани Б. Старчиков посвятил стихи, на которые композитор Назип Жиганов написал музыку. Вернее вначале Старчиков услышал музыку, когда был в гостях у Жиганова.

В 1970 г. Старчиковы переехали в Москву, а через год Б. А. Старчиков становится членом Союза художников СССР. Начал работать в «Крокодиле», а с 1974 г., когда в издательстве «Плакат» где организовалась редакция сатирического плаката, Старчиков стал старшим художественным редактором, не прекращая рисовать в сатирический журнал «Крокодил».

Занимаясь карикатурами для «хлеба», Борис Александрович трудился и для души над серьезной графикой. Он работал не только в станковой графике. Но и во многих видах гравюры – на линолеуме, цветная гравюра, офорт, аквантина, монотипия. Старчиков необычно использовал в работе фломасстер, восковую пастель, ему было интересно осваивать новые техники рисования. Из-под его пера выходят сатирические рисунки и политические плакаты, зарисовки и акварели. Однако сатира и юмор у Старчикова все же на первом месте. Он был не только участником, но и входил в состав организационного комитета всех четырех Международных выставок «Сатира в борьбе за мир» и был награжден золотой медалью Советского Комитета защиты мира. Являлся редактором сатирического отдела издательства «Плакат». Руководителем ряда семинаров художников-графиков.

Его портреты и пейзажи выставлялись на многих выставках – он участник более 40 выставок в стране и зарубежом. Всей семьей объездили всю Прибалтику, города Золотого кольца, Поволжье, Среднюю Азию, многие места Грузии, Подмосковье, Ленинград. Так были сделаны циклы «Каменная летопись», «По странам мира», «Вокруг и около Европы», «Города друзей», «По Средней Азии». В одном интервью Старчиков назвал себя многостаночником: «пока не закончу рисунок, не в состоянии взяться за другой. Считаю, распыление внимания на пользу не идет... на рисунок может потребоваться от одного часа до нескольких лет. К работе над той или иной темой порой возвращаешься и через год и через два. И только на третий бываешь, удовлетворен результатом»⁵.

¹ Старчиков Б. А. После Победы. Казань. № 1-2. 1996.

² Воспоминания М. Н. Норкиной. Фонд Старчикова Б. А. Айкинский центральный музей Усть-Вымского ММО.

³ Старчиков Б. А. После Победы. Казань. № 1-2. 1996.

⁴ Там же.

⁵ Старчиков Б. Работы – непочатый край // Вечерняя Казань. 21 августа 1985.

В 1985 г. у Старчикова случился инсульт, он перенес 2 операции. Но, несмотря на болезнь, продолжал рисовать и делать зарисовки в окрестностях Москвы. Когда Борис Александрович уже не мог выходить из дома, то работал со старыми зарисовками. 8 февраля 1999 г. Борис Старчиков умер. Урна с его прахом захоронена рядом с могилой матери в Казани.

Работы художника находятся в фондах ГУК «Государственный музей – гуманитарный центр «Преодоление» имени Н.А. Островского» (г. Москва), Музее им. Горького в Москве, Музее обороны г. Москвы, Казанском литературном музее им. Горького, в фондах Усть-Вымского межпоселенческого музейного объединения.

Г.А. Юркина

Национальный музей Республики Коми

Коллекция сундуков в собрании НМРК

В собрании НМРК (фонд дерева) хранится коллекция сундуков, бытовавших на территории Коми края с конца XIX – по 80-е гг. XX вв. Некоторые из этих предметов представлены на музейных экспозициях и выставках, но до сегодняшнего дня не было предпринято попыток данную коллекцию рассмотреть в отдельной работе.

Сундук – большой прямоугольный ящик из пиленых досок с покатой или прямой крышкой на петлях, закрывающийся на внутренний или висячий замок, предназначался для хранения предметов одежды и домашнего обихода¹. Термин имеет арабское происхождение, появляется в русских письменных источниках с XVI в.² Коми заимствуют сундуки у русских вместе с названием: слово «сундук» существовало в верхневьегодском, вымском, ижемском, летско-лузском, нижневьегодском, печорском, присыктывкарском, среднесысольском диалектах; «сундык» – так обозначался данный предмет в удорском диалекте. Были и местные наименования: в летско-лузском диалекте сундук и ящик называются словом «тылӧс»; ларь (разновидность сундука) для зерна во многих диалектах – «лар»³.

Заметим, что в актах приема и книгах поступлений НМРК местные наименования не встречаются (за исключением КП-6253/40, «тылӧс»), но некоторые сундуки попали в категорию «ящичков».

Коллекция НМРК содержит более 40 единиц хранения. Специального внимания ее комплектованию не уделяли, оно шло параллельно с собиранием иных предметов крестьянского обихода, потому заметна неравномерность распределения экспонатов по времени и местам их создания и бытования, отдельные специфические виды сундуков встречаются в единичном экземпляре (например, сундук «подголовник» – КП-1046). Зачастую довольно сложно установить имя мастера, точные место и время создания и бытования предметов, поскольку многие из них (особенно собранные до 1970-х гг.) не имеют легенды, большая же часть легенд малоинформативна. Потребуется дополнительная работа, чтобы прояснить данный вопрос.

Используя данные актов приема и книг поступлений мы можем установить, что основную часть коллекции составляют сундуки, созданные в конце XIX – начале XX вв.⁴

Сундуков, сделанных в другие периоды, в собрании музея намного меньше. Имеются предметы первых десятилетий XX в.,⁵ 30–50-х⁶ и 60-х⁷, 80-х гг. XX в.⁸ Очевидно наличие «временных лакун».

Данные предметы поступали в коллекцию музея в качестве даров, наиболее интересные вещи покупались у владельцев; некоторые сундуки появились в результате экспедиционных сборов, другие были переданы частными лицами; сундуки приобретались как отдельная вещь либо в составе комплекса бытовых предметов. Следует назвать имена сотрудников, комплектовавших фонды музея во второй половине XX в.: Рубцов А.М., Митюшова Н.А., Копылова Н.Н., Любосева Л.Д., Уткина И.М.

Сундуки в XIX – начале XX вв. изготавливались мастерами для продажи на ярмарках, реже на заказ, порой делались для собственных нужд. Производство сундуков всегда носило кустарный характер, поскольку требовало в процессе изготовления мастеров различных специальностей⁹. Славилась сундучники Вятской, Нижегородской, Пермской губерний. Великий Устюг и Холмогоры были известны как центры производства сундуков еще с XVIII в. В XIX в. изготовлением сундуков занимались уже во многих областях, но, прежде всего, в Шемогодской и Нюксинской областях Великоустюжского уезда¹⁰. Известно, что часть сундуков из коллекции

¹ Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. С. 469; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка // www.ozhegov.org/words/35034.shtml

² Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия, СПб., 1999. С. 327.

³ Липин В.Б. Словник по традиционной материальной культуре коми. Сыктывкар, 2008. С. 24, 38, 41.

⁴ Фонды НМРК: КП-1044, КП-1045, КП-1047, КП-1048, КП-1049, КП-1621, КП-5076/5, 5283/3, КП-5674/6, КП-5678, КП-5972/6, КП- 5976/5, КП-6109, КП-6253/40, 6473/2, КП-6718/4, КП-7543/11, КП-7575/6, КП-8620, КП-9806/2, КП-10527, КП-10548, КП-591/1, КП-10604, КП-10897/1, КП-11822, КП-12475/1, НВ-1877/44, НВ-4604, НВ-5485.

⁵ Фонды НМРК: КП-5570/13, КП-12116, КП-12117, НВ-3923/7.

⁶ Фонды НМРК: КП-9523/3.

⁷ Фонды НМРК: КП-9378/33, КП-11757/2

⁸ Фонды НМРК: КП-7125/1

⁹ Шангина И.И. Указ. соч. С. 474.

¹⁰ Истомина И.Г. Ремесленно-промышленый ландшафт Русского Севера: художественная обработка дерева // Сельская Россия: прошлое и настоящее, М.; Сыктывкар, 2006. С. 283.

НМРК была куплена хозяевами¹, кроме того, внешний вид многих сундуков, не имеющих легенд, также указывает на то, что они были результатом работы мастеров этих местностей.

В данный момент мы можем отметить наличие в коллекции НМРК сундуков из некоторых центров. Далее мы представим несколько примеров.

Есть в коллекции вологодские предметы. Например, сундук под номером КП-9806/2 принадлежал Зайцевой Александре Евгеньевне, в замужестве Рюминой. Она родилась в 1874 г. в д. Нефедово Вологодской губернии, умерла в 1951 г. в г. Сокол Вологодской области. Внешний вид предмета характерен²: деревянный (из досок) прямоугольный ящик 89 см длиной, 39 см высотой (высота нижней части без крышки 29,5 см), 55 см шириной. Крепление стен между собой типа «ласточкин хвост»³, и с использованием деревянных шкантов; крышка и нижняя часть сундука соединены двумя петлями, крепящимися на гвозди. Снаружи, исключая дно и заднюю стенку, окрашен темперными красками в голубой цвет. На передней стенке и крышке изображено по два белых прямоугольника с растительным узором внутри: по зеленому «листику» сердцевидной формы, полностью заполненной цветом, между ними с левой и правой стороны аналогичные оранжевые, рядом – желтые. В верхней части рисунка (между зелеными «листьями») оранжевыми линиями (контур, прожилки) обозначен еще один «листик», в нижней части рисунка желтое круглое «семечко», от которого ко всем листикам идут тонкие черные «веточки». На голубой фон также нанесены узоры: желтые зубчатые линии и точки, оранжевые полукруглые линии и завитушки, белые листики и точки, тонкие черные «сосны» и т.п. Сундук не окован, к левой и правой стороне его приделаны полукруглые кованые ручки, на крышке и нижней части сундука по петельке для навесного замка, к верхней петельке приделан язычок – железная полоска с овальным расширением на кончике.

Дубовый сундук XIX в. под номером КП-1049, хотя точных сведений о его авторе и месте производства нет, вероятно, сделан холмогорскими мастерами, что можно определить по его внешнему виду⁴. Длина сундука 50 см, высота 33 см, ширина 40 см. Длина «ящика» (нижней части без крышки) 43,5 см, высота «ящика» 29 см, ширина «ящика» 33,5 см. Стены сундука из цельных досок, дно из трех параллельных длинной стороне сундука. Крышка плоская, украшена по бокам резьбой в виде перевернутых «ступеней», выступает за пределы нижней части сундука. Сундук оббит чуть выгнутыми полосками железа, менее 4 см шириной каждая, 3 идут параллельно короткой стенке сундука, 2 параллельно длинной. На крышке и дне полосы пересекаются. Верхние углы крышки и боковые углы «ящика» оббиты вертикально тонкими полосками-уголками (1,5 см до сгиба). Боковые углы «ящика» так же укреплены фигурными накладками, по 2 на каждый угол. На передней стенке «ящика» по центру имеются 4 вытянутые вертикально фигурные с прорезями накладки (9 на 3 см каждая) из железа, под них положены кусочки цветной бумаги красного и зеленого цветов), прикрытые сверху прозрачной слюдой. На боковых стенках «ящика» находится по одной полукруглой кованой ручке. В центре крышки находится кованая ручка полукруглой формы, середина вдавлена вниз. Под нею фигурная круглая накладка, прорезями напоминающая цветок, под которую подложена красная бумага и слюда. В 4-х уголках верхней части крышки находятся треугольные накладки, резной частью обращенные к центру. На передней стенке сундука расположена квадратная металлическая накладка для замка с замочной скважиной. Крышка держится на петлях, прикрепленных к внутренней части крышки и ко внешней – «ящика». К крышке и передней стенке приделаны петли для навесного замка. В левой верхней части сундука изнутри приделан ящичек для мелких предметов. Замок отсутствует, из трех петель центральная не сохранилась, боковая стенка внутреннего ящичка отсутствует, трещины.

В коллекции НМРК есть также несколько предметов из Великого Устюга (например, КП-7543/11, КП-7575/6).

Изучение сундуков, особенностей их внешнего вида и способов изготовления в будущем позволит нам выяснить, где они были сделаны.

С точки зрения технологии изготовления, данные предметы можно подразделить на простые крашенные (КП 5076/5), полностью оббитые жестью (КП-1621) или кожей (КП-5570/13), сундуки с росписью (КП-9806/2). Многие сундуки оббивались сверху полосками жести (КП-1045), иногда покрытыми сквозными резными узорами. Под ажурную прорезь подкладывали цветную бумагу и слюду. Расписывали сундуки темперными красками, сверху покрывали олифой; в начале XX в. наряду с клеевыми стали использовать и масляные краски. Орнамент, в основном, растительный и геометрический. В коллекции НМРК есть два сундука, плетеных из лозы (КП-10604, КП-7125/1).

Интересно, что, хотя большая часть предметов принадлежала крестьянам, некоторые из них использовались и другими слоями населения. Так, сундук под номером КП-7543/11 принадлежала сельской учительнице Соцердотовой Екатерине. По сообщению Пягулиной Норы Александровны, ее деду Павлову Степану Савватьевичу сундук (КП-8620) был подарен купцами из г. Вологды за хорошую торговлю их товарами. Есть в коллекции предмет (КП-9523/3), принадлежавший Бугаеву Сергею Антоновичу, работавшему в органах внутренних дел (с 1924 до 1954 гг.).

¹ Например, КП-1621, КП-6473/2, КП-50765.

² Для сравнения: http://www.sundook.ru/chest/p_xix_xx_023.html; Истомина И.Г. Указ. соч.

³ Шиповое соединение ласточкин хвост // <http://house-system.ru/index.php?page=47>

⁴ Гилода А.А. Холмогоры // www.sundook.ru/article/a02.html

Предназначение сундуков также было различным. В основном, это емкости для хранения одежды, например, с этой целью в 1911 году Семячкова Ирина Степановна, работавшая в то время в качестве прислуги «у господ», привезла сундук (КП-5076/5) из Вятки. Встречаются сундуки, первоначально предназначавшиеся для приданого, так, сундук (КП-10548) был получен Кызродевой Агнией Семеновной в качестве приданого в 20-х гг. XX в. Использовали сундучки для работы. Сапожник Куштышев Александр Михайлович (1900 г.р.) ходил с расписным сундучком (КП-11822) на заработки в Сибирь. Сундук (КП-5570/13) принадлежал отцу Плакидиной Христины Алексеевны, из Яренска Архангельской губернии, который занимался столярным ремеслом. Применялись сундучки и для хранения ценностей, например «подголовник» (КП-1046), был приспособлен для того, чтобы даже во время сна с ним не расставаться (на скошенный край крышки укладывали подушку, на которой спали). Другой сундучок (КП-5655/2) для хранения денег оббит со всех сторон, кроме дна, металлом, имеет тайник для ключа.

На основе анализа предметного ряда можно сделать вывод, что в НМРК хранится интересная коллекция сундуков – предметов, популярных на территории Коми края среди различных слоев населения, особенно крестьян. Это сундуки различного происхождения, предназначения, история каждого из них уникальна. Дальнейшее изучение собрания позволит узнать новые элементы культуры быта коми.

Н.А. Юшкова

Сыктывкарский лесной институт

Включенность музейного наследия в образовательный процесс

XVIII век вошёл в европейскую историю как век Просвещения. Не как век образования, а именно как век Просвещения. В Новое время популярность приобретают театры, музеи, библиотеки с просветительской и энциклопедической литературой; то, что мы сейчас называем культурно-просветительские учреждения. Главная их функция – просвещение – закрепилась в названии этих учреждений. Культурно-просветительские учреждения не навязывают знания открыто, а приглашают любого желающего с ними познакомиться в непринуждённой форме. Система образования, в том числе и высшего, сформированная в Европе ещё в Средневековье, напротив, жёстко регламентирует и систематизирует знания и обязывает их знать обучающегося.

Образование и просвещение: жёсткая регламентация и приятное, лёгкое времяпровождение. Можно ли их совместить (приблизить друг к другу)? Думаю, да – и в этой статье хочу поделиться опытом преподавательской деятельности, показать включённость музейного наследия в образовательный процесс.

Для того чтобы состоялось сотрудничество образования и просвещения, необходимы определённые условия. *Условие первое.* В музее для посетителя главный человек – экскурсовод, от его эрудиции, лёгкости подачи материала, заинтересованности как в публике, так и в материале зависит какую информацию получит посетитель. В системе высшего образования главный человек для студента – преподаватель, от профессионализма которого зависит насколько понятно будут даны знания учащемуся. Так сложилась моя профессиональная деятельность, что проработав в отделе истории Национального музея и приобретя музейный опыт, затем стала преподавателем гуманитарных дисциплин в Сыктывкарском лесном институте. Опыт работы в музее пригодился, поэтому подчас на занятиях я и преподаватель, и экскурсовод. Такую форму работы я стала проводить с самого начала, как только пришла в институт, студенты такие занятия приняли на «ура», и вновь встречаясь с ними по другой дисциплине, первое, что они спрашивают: «А в музей пойдём?» Их не смущает стоимость билета, а явка на такие занятия подчас полная, и даже в сопровождении родственников и друзей. Для иногородних студентов, подчас, это первое знакомство с музеями Сыктывкара.

Несмотря на опыт работы в музее от услуг экскурсовода отказываться мы не стали, так как экспозиция Национальной галереи была мне незнакома. Здесь неоценимую методическую и экскурсионную помощь оказала Колегова Надежда Николаевна, которая помогла понять художественный текст картин и правильно построить занятие. В настоящее время, в рамках дисциплины культурология, самостоятельно провожу занятия на постоянной экспозиции в *Национальной галерее* по темам: «Зарубежное искусство XVII–XIX вв.», «Русское искусство XVIII века», «Русское искусство XIX – начала XX века», в рамках спецкурса «Религия, история и современность»: «Православное искусство». Есть опыт посещения временных выставок, если это вписывается в учебную программу.

В *отделе истории Национального музея* также по курсу культурологии провожу занятие «Первобытное искусство». По отечественной истории востребованы темы: «Индустриализация и коллективизация», «Великая Отечественная война»; по политологии: «От Рескома до Госсовета. Из истории законодательной и представительной власти в Республике Коми». Здесь огромное спасибо Морозовой Елене Ивановне, умеющей так легко преподнести студентам такие трудные темы по истории.

Условие второе. И Национальный музей, и Национальная галерея находятся близко от Лесного института. Студенты факультета искусств СыктГУ (да и других факультетов тоже) не такие частые посетители Национальной галереи, как студенты Лесного института. Здесь расстояние имеет большое значение, потому что занятия в музее и галерее проходят во время практических занятий. И у нас есть время прийти, позаниматься, уйти без опозданий на другие пары. При составлении расписания практических занятий учитываются выходные дни музеев. Но музейные занятия обязательно чередуются со стационарными занятиями в институте, где знания, в том числе полученные в музее, обязательно проверяются тестированием. Иначе походы в музей студент вос-

принимает как развлечение, а это всё-таки учебный процесс, только в непринуждённой форме и в другой обстановке, и ребята рады вырваться из аудиторий в музей.

Условие третье. Обязательное проведение инструктажа «Как правильно посетить музей» на первом занятии, особенно по дисциплине «Культурология». Если в музее экспонаты находятся за стеклом, то в галерее картины и скульптуры находятся в открытом доступе, а студенты любят смотреть не как обычно, глазами, а руками. Приходится объяснять, что у каждой картины (как и у любого экспоната) есть этикетаж, где можно получить первичную информацию об авторе, названии картины, на чём она выполнена. Бывали случаи, когда студент не мог сказать что такое «х., м.». Непременно рассказываешь, почему, например, картины, выполненные на холсте, находятся в открытом доступе, а акварель под стеклом. Как надо стоять и почему именно так стоять *перед* картиной, а не рядом с ней, «глядя на неё искоса, низко голову наклоня». Когда мы работаем в галерее в одном зале, спасибо зрителям, студенты сидят на стульях, поэтому работоспособность у них высокая, и эстетическое наслаждение им обеспечено. Обязательно перед началом экскурсии прошу студентов выключить телефоны, а также объясняю им, почему не нужно курить на крыльце галереи: если музейные экспонаты за стеклом стерпят дыхание курильщика, то картины нет.

Проводя инструктаж, также рассказываю о случаях порчи картин, показывая каким может быть восприятие увиденного. Например, в 1985 г. в Эрмитаже кислотой и ножом была повреждена «Даная» Рембрандта, и теперь она находится за бронированным стеклом. В 1913 г. маньяк Балашов изрезал картину И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». А Максимилиан Волошин обвинил Репина в том, что именно его искусство спровоцировало приступ душевной болезни у несчастного «вандала»¹. Так Репин проиллюстрировал христианскую заповедь «не убий». Также ножом была повреждена картина длиной более пяти метров американского художника Барнета Ньюмена «Кто боится красного, жёлтого и голубого?». Искусствоведы долго пытались ответить на этот вопрос, ответ пришёл, когда однажды в берлинском музее один из посетителей набросился на картину. Оказывается, он испытывал страх перед большими цветными пространствами. Перед фотографией или альбомной репродукцией трудно испытать подобные чувства. Для этого надо постоять перед самой картиной. Размеры полотна, способ нанесения красок, качество холста и многое другое играют огромную роль при воздействии картины на зрителя. На фотографии и печатной репродукции некоторые из этих качеств утрачиваются².

«Почему люди портят картины? Что побуждает их приносить с собой в музей бутылку с кислотой, нож, стекло или другие предметы и уродовать произведения искусства? Я могу лишь предполагать. Потому что они чувствуют угрозу, исходящую от картины, или хотят сделать больно почитателям картины, или руководствуются чувством мести. Почему ещё? Потому что хотят привлечь к себе внимание, то внимание, которого заслуживает картина, а не они. Потому что они психически больны и воспринимают картины как живые существа»³.

Во время инструктажа обращаю внимание на то, что какие-то картины, которые мы будем рассматривать и прочитывать, возможно, студенту и не понравятся, и это нормально, не надо заставлять себя восторгаться тем, что не нравится. У каждой картины свой зритель. Художник пишет картину не для всех, а для своего зрителя, нужно учесть, что изначально работы, а особенно портреты, являлись заказными. Свободная продажа художественных произведений началась в Европе с XVII в. У Евгения Трубецкого в работе «Умозрение в красках» подмечено: «Шопенгауэру принадлежит замечательно верное изречение, что к великим произведениям живописи нужно относиться как к высочайшим особам. Было бы дерзостью, если бы мы сами первые с ними заговорили, вместо того нужно почтительно стоять перед ними и ждать, пока *они* удостоят нас с нами заговорить»⁴.

После такого рассказа особенно приятно заметить, что студенты ведут себя в учреждениях культуры уважительно: как по отношению к экспонатам, так и к сотрудникам музеев. Случаи разгильдяйства – единичны.

А теперь примеры из экскурсионной практики в Национальной галерее. *Пример первый.* В купольном зале галереи экспонируются картины зарубежных художников XVII–XIX вв. Здесь есть небольшая по формату жанровая картина Вейнгера «Подслушивают» (XVIII в., французская школа). Назначение жанровых картин – неприязнительное изображение узнаваемых сцен из повседневной жизни, которые писали для свободной продажи, а не на заказ. Первое, что бросается в глаза, глядя на эту картину, слишком широкая рама для небольшой картины. Впечатления студентов: «как будто заглядываешь в окно», «как в колодезь смотришь». На картине изображены две дамы, судя по причёскам и платьям, а также по интерьеру комнаты, дамы – аристократки. Мы застаём дам за неприглядным занятием – они подслушивают, одна прильнула к дверям, с поднятым указательным пальцем, а другая, вроде бы ни при чём, но, тем не менее, тоже слушает. Возле дам у стены стоит кресло, над ним висит то ли портрет (чей?), то ли зеркало. Кресло предназначено для третьего участника сценки. Кто он? Он – тот, кто изображён на портрете, или же тот, кто отражается в зеркале. А в зеркале отражается тот, кто смотрит на картину, то есть посетитель. Получается, дамы подслушивают, а мы за ними подсматриваем. И указательным пальчиком дама грозит *нам*: «не судите, да не судимы будете». Таков нравоучительный комментарий к этому незатейливому сюжету. Согласитесь, что просто произнесённые слова (даже много раз) «не судите, да не судимы будете», как правило, проходят мимо ушей или быстро забываются, но слова, сопровождающие

¹ Ельшевская Г.В. Илья Репин. М., 1998. С. 50.

² Парч С. Домашний музей: История искусств от наскальной живописи до граффити. М., 1999. С. 337-338.

³ Демф П. Тайна Иеронима Босха. М., 2005. С. 13.

⁴ Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках // Трубецкой Е.Н. Иконы великой России. М., 2009. С. 139.

зрительный образ, помогают понять происходящее, определить своё отношение к действительности, дать оценку.

Пример второй. Также в купольном зале находятся две марины. Вроде бы одна и та же тема – морской пейзаж, но воспринимается он по-разному. Почему? Всё зависит от выбора композиции. На одной марине небо занимает 1/3 картины, а 2/3 – море, на другой – 2/3 занимает небо, а 1/3 – море. Отсюда внимание направлено либо на море, либо на небо. «А почему линия горизонта не делит картину пополам?» – часто спрашивают студенты. В живописи и архитектуре, а позже и в фотографии, для гармоничного построения композиции и достижения наибольшей выразительности обязательно должно быть использовано золотое сечение. Термин «золотое сечение» ввёл Леонардо да Винчи, назвав его «божественной пропорцией»¹. Золотое сечение (золотая пропорция, гармоничное деление) – это такое деление отрезка АС на две части, где большая часть АВ относится к меньшей ВС так, как весь отрезок АС относится к АВ. Получается следующая пропорция: $AB : AC = BC : AB$.² Итак, какое же впечатление возникает у студентов, сравнивая две марины? Их ответы можно свести к следующему. В пейзаже, где море занимает 1/3, чувствуется движение, ритм. В марине, где небо занимает 1/3, внимание направлено на отражение заката на воде, здесь ощущение покоя, отсутствие суеты, да вот и большой камень ждёт вас для философских раздумий. Какую марину выберете вы?

Разбирая картины и обращая внимание на специфику жанра, обязательно услышишь от студентов: «А откуда Вы знаете, что художник именно это хотел сказать?», «А откуда Вы взяли эту информацию?» Отвечаю, что не знаю, о чём думал художник, когда писал картину, я предлагаю такой вариант прочтения картины, а студент может принять этот вариант, дополнить его или предложить свой. А к музейным занятиям преподаватель готовится также как и к любым другим. Экскурсия – это результат работы с искусствоведческой, исторической, психологической, художественной литературой. Здесь хочется выразить признательность сотрудникам Национального музея и Национальной галереи за издание превосходных каталогов, комплектов открыток с хорошим текстом, которые становятся помощниками в подготовке к экскурсиям. Хотелось бы, чтобы таких изданий было больше.

В заключении хочется отметить следующее. Невозможно понять, что такое музыка, не слыша звука. Разобраться в стилях, жанрах, сюжетах также сложно при отсутствии иллюстративного материала. И если экспозиция Национальной галереи гармонично вписывается в курс культурологии, то почему бы этим не воспользоваться, и с точки зрения методики преподавания от таких занятий выигрывают и преподаватель, и студент. Что касается занятий в Национальном музее, то здесь вспоминается выражение «живая история». Именно в музее через экспонаты история начинает оживать, опредмечиваться и приближать прошлое к настоящему.

Т.А. Юшкова

Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар

Некоторые проблемы организации деятельности муниципальных архивов

Муниципальные архивы – архивы, хранящие огромные массивы документов, отражающих и исторические процессы, и развитие нашей страны, и в тоже время жизнедеятельность отдельных лиц, граждан нашего государства. Современное общество без доли сомнения должно понимать, насколько важны эти документы – документы, которые были оставлены на постоянное хранение, документы, которые используют для понимания и осознания различных событий, происходящих в жизни людей, общества, государства. Архивные документы являются частью нашей жизни постольку, поскольку они отражают различные моменты, ситуации именно нашей жизни, нашего общества, нашего государства. То, что заложено на каждой странице, на каждом листе архивных документов несёт за собой существенный информационный пласт, который может принести особый вклад как в развитие общества и государства в целом, так и особую пользу отдельному гражданину.

Муниципальные архивы представлены архивными учреждениями муниципальных образований и по количественным показателям являются многочисленным звеном в системе архивов Российской Федерации.

На территории Российской Федерации федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» обязанности по содержанию и формированию муниципальных архивов возложены на муниципальные районы и городские округа³.

Правовые, организационные, финансовые вопросы, относящиеся к деятельности муниципальных архивов, находятся в компетенции органов местного самоуправления. Муниципальные образования существенно различаются по своему историко-культурному развитию, а в связи с этим и количественной и качественной характеристике архивных фондов, а это в свою очередь влияет на деятельность муниципального архива и на предоставляемые архивом услуги.

Возникают различия и в финансовых возможностях органов местного самоуправления по содержанию муниципальных архивов. Этому способствует отличие по численности и национальному составу населения, экономическому потенциалу и т.д. Такие различия также отражаются на состоянии архивного дела в том или ином муниципальном образовании. В частности возникает проблема организации соответствующих норматив-

¹ Егутова М. Зачем фотографу математика? // Наука и жизнь. 2010. № 8. С. 90-93.

² Терра-Лексикон: иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1998. С. 209.

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

ных условий хранения архивных документов, которая предполагает подготовку помещений, отвечающих нормативным требованиям обеспечения сохранности документов, его содержание, техническое оснащение, оборудование, охрану, транспортное обслуживание и создание необходимых условий труда работников. Проблема наличия помещений, предназначенных для хранения архивных документов и правильное оснащение данного помещения – одна из самых значительных.

Существуют различия в законодательстве субъектов Российской Федерации, касающегося вопросов организации архивного дела. Эти различия относятся, например, не только к сети архивных учреждений муниципальных образований, но и к организации хранения архивных документов. Одни законодательные акты предусматривают постоянное хранение документов в муниципальных архивах, другие – временное, а третьи – допускается и то и другое, и это несмотря на то, что федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации», определён постоянный срок хранения архивных документов переданных на хранение в муниципальный архив¹. Возможно, что такая проблема возникает вследствие совмещения администрациями муниципальных образований функций муниципального архива, куда документы поступают на постоянное хранение, и собственно архива администрации, где документы, возникающие в деятельности администрации, имеют как постоянный, так и временный срок хранения.

В условиях развития местного самоуправления и реформирования архивного дела вопросы законодательного регулирования и методического обеспечения деятельности муниципальных архивов приобрели особое значение. Достаточно сложно реализовать возможности совершенствования организации архивного дела в муниципальных образованиях, возникших в результате демократических преобразований в стране. Несмотря на то, что законодательно определены вопросы местного значения в области архивного дела муниципальных образований, нормативно-методически закреплены процедуры хранения, комплектования, учёта и использования архивных документов, необходимо дальнейшее совершенствование практической деятельности муниципальных архивов.

Состояние архивного дела, материальные, трудовые, финансовые ресурсы муниципальных образований влияют на приоритетные направления и конкретные мероприятия по архивному делу, планируемые муниципальными архивами.

Добиться лучших результатов в работе удаётся тем муниципальным архивам, которые взаимодействуют не только с представительными и другими органами местного самоуправления, архивными органами субъектов Российской Федерации, но и с общественностью, средствами массовой информации.

Муниципальные архивы обеспечивают сохранность огромного количества дел, ежегодно принимают на хранение управленческую и научно-техническую документацию, документы по личному составу, фотодокументы, исполняют тематические запросы заинтересованных учреждений, выдают гражданам архивные справки, организуют сотни документальных выставок, их работники регулярно выступают по радио, телевидению, в периодической печати².

Однако многие проблемы организации архивного дела в муниципальных образованиях, обеспечения сохранности, комплектования и использования архивных документов муниципальных архивов остаются нерешёнными.

Яника Яанитс

Эстонский национальный музей, Тарту (Эстония)

Роль коми языка в идентичности коми молодежи

Молодежь и культура молодежи исследуются как на Западе, так и в России уже в течение долгого времени. Изучением российской молодежи занимаются и некоторые нероссийские исследователи. Самыми популярными темами являются, например, музыка и связанные с музыкой субкультуры, а также потребление и новые СМИ, индивидуальность и отношение молодежи к будущему³.

Характерной чертой многих исследований по молодёжной культуре и идентичности является то, что недостаточно ясно определена категория молодежи. Определение «молодёжи» может быть обосновано скорее социальными обстоятельствами, а не возрастом или культурным положением. В зависимости от культуры, в категорию молодежи входят как подростки, так и 30- или даже 40-летние индивиды⁴. Понятие «молодежь» часто ассоциируют с окончанием школы и периодом социального и экономического взросления⁵. Подобно тому, как по-разному дефинируется «молодежь», так и направления исследования молодежи подразделяются на несколько категорий. На основе имеющихся молодёжных исследований можно назвать четыре направления – биологическое, психологическое, социальное и культурное. Эти исследовательские перспективы часто исполь-

¹ Об архивном деле в Российской Федерации: федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 43. Ст. 4169.

² *Перемышленникова Н.Н.* Работа с документами по личному составу в муниципальном архиве // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 45.

³ *Ventsel A.* Introduction: Generation P in the Tundra. Young People and the Russian North // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2009/41. P. 7-8. См.: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/ventsels.pdf>

⁴ *Bucholtz M.* Youth and Cultural Practice // *Annual Review of Anthropology*. 2002. Vol. 31. P. 526.

⁵ *Jones G.* What is 'Youth' // *Youth*. Cambridge, 2009. P. 11.

зуются при анализе молодежи, их норм, ценностей, культурного самовыражения, места в обществе и отношения между работой, учебой, семьей и т.д.¹

В 1990-х годов в исследованиях молодежи появились т.н. «теории перехода» (*transition*), в которых рассматривались причины, способствующие или затрудняющие «успешному» переходу молодых к взрослой жизни. При изменяющихся социальных условиях (длительность периода образования, разнообразие стилей жизни, увеличение занятости женщин, гибкость рынка труда и тенденция к индивидуализации) переход к взрослой жизни теряет свою односторонность. Переход к взрослой жизни фрагментирован, и присущие для молодежи зависимость и для взрослых автономия могут сосуществовать одновременно в одной и той же биографии. Существует так называемый «йо-йо переход»² (*yo-yo transition*), когда очень трудно определить, человек еще молодой или уже взрослый³.

В центре внимания ранних исследований о молодежи стоял вопрос о том, как подростки становятся взрослыми. Акцент делался на юности как вступительной стадии процесса интеграции во взрослое общество. Такой подход оставляет в тени собственную культурную идентичность молодежи. Важно, как молодые люди сами создают свою культуру, договариваются о ее формах; они имеют собственную идентичность, которая не обязательно должна быть связана или находиться под влиянием взрослых. Возраст следует рассматривать как часть идентичности, при этом идентичность не является чем-то жестким и неизменным, она гибка и постоянно меняется и результатом сознательных действий, – как для молодежи, так и для людей любого возраста⁴.

Я была в экспедиции в Республике Коми три раза⁵ и интервьюировала студентов разных университетов Сыктывкара. Принимая во внимание более ранние исследования, то в этом контексте студенты – очень интересный объект исследования именно потому, что в случае с ними хорошо проявляется «йо-йо переход». Приезжая на учебу из деревни в город, они каждый день принимают более и менее важные решения, в то же время нельзя сказать, что они являются совершенно независимыми. Большинство студентов все еще зависят от родителей, если даже только в экономическом плане.

При измененных социальных условиях, когда трудно определить границы между детьми, молодежью, взрослыми, следует иметь в виду культурные практики молодежи, то, какие выборы они делают и по каким причинам. Это может стать важным, например, тогда, когда возникает вопрос, как популяризировать коми культуру среди молодежи.

Язык и идентичность

В современном обществе идентичности комплексные, и люди должны балансировать между различными ролями и ожиданиями, даже если это делается подсознательно. Язык является ключевым элементом и средством такого балансирования, посредством которого мы воссоздаем и указываем нюансы своей идентичности⁶. Язык является важнейшим средством формирования идентичности, а лингвистическая идентичность – основа формирования этнической идентичности⁷.

В финно-угорском контексте идентичность означает ряд комбинаций между языком, (географической) территорией, культурой, историей и этнографией. В коллективной идентичности проявляются разделенный местный и культурный контексты, в то время как идентичности каждого человека отличаются по форме, и они отражают индивидуальный опыт и эмоции. Проявления идентичности во многом зависят от социальной среды⁸.

Пол Фрайер указывает, что ключом к установлению современной идентичности коми всегда являлся язык. Связь между языком и идентичностью является характерной не только для коми, во многих случаях местная культура и традиционные знания тесно связаны со знанием языка⁹. Язык может иметь очень важную символическую роль для этнической группы, хотя не все могут иметь доступ к его изучению, а потому и использовать этот ресурс¹⁰.

¹ Bolin G. Themed Section Introduction: Research on Youth and Youth Cultures // *Young*. 2004. 12(3). P. 238-241.

² Название происходит от игрушки, состоящей из двух одинаковых по размеру и весу дисков, скрепленных между собой осью, к которой прикреплена петелькой веревка. Диски раскручиваются по веревке и возвращаются по типу маятника обратно, и так до тех пор, пока не остановятся.

³ Walther A. Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts // *Young*. 2006. 14 (2). P. 120-121.

⁴ Bucholtz M. Op. cit. P. 525-526; 532.

⁵ Летом 2009, весной 2010 и зимой 2011. Статья подготовлена при поддержке Программы родственных народов Эстонии.

⁶ Fought C. What is ethnicity // *Language and ethnicity*. Cambridge, 2006. P. 20.

⁷ Puztlay J. Young are the Key to the Future // 4th World Congress of the Finno-Ugric Peoples: Tallinn, Estonia, August 15-19, 2004: speeches and documents. Tallinn, 2008. P. 50.

⁸ Grünthal R. The construction and erosion of Finno-Ugric identities // *Language and identity in the Finno-Ugric world: proceedings of the Fourth International Symposium on Finno-Ugric Languages at the University of Groningen, May 17-19, 2006* / ed. by Rogier Blokland, Cornelius Hasselblatt. Maastricht, 2007. P. 77.

⁹ Fryer P. Including Indigenous Culture and Language in Higher Education: The Case of the Komi Republic // *Bicultural Education in the North: Ways of Preserving and Enhancing Indigenous Peoples' Languages and Traditional Knowledge* / Ed. by Kasten, E. Waxmann. Münster, 1998. P. 60.

¹⁰ Fought C. Op. cit. P. 23.

Это заметно и в проведенных интервью – молодые люди коми идентичность очень тесно связывают со знанием или незнанием языка. Если молодые люди не были в состоянии говорить или понимать коми язык, они определяют себя русскими, даже если их родители были коми.

Мои родители оба знают коми язык. /.../ Они до сих пор каждый день говорят на коми языке. /.../ Просто я как бы русская, не знаю языка и не интересуюсь их делами. Если б хорошо знала язык, была бы ближе к ним. (ж, 1986).

Соблюдение культуры и языка национальных меньшинств России является объектом обсуждений уже в течение долгого времени, и различные организации занимаются сохранением и популяризацией культуры. Малые народы и национальные меньшинства говорят обычно на двух или нескольких языках, и потому численность населения и численность говорящих на родном языке могут не всегда совпадать. Выбор языка зависит от статуса родного языка, который в свою очередь зависит от размеров и самооценки общины, политико-административного статуса, политики вообще (существование Закона о языке и его выполнение), а также от уровня развития самого языка¹.

В то же время обязанность к поддержанию этнического языка – это не одноразовый случай, а скорее ряд выборов, сделанных индивидами в течение их жизни². Язык – основное средство социализации. Участь говорить, ребенок становится членом общества, через различные модели и ситуации он приобретает образцы социального поведения, и эти образцы – это часть комплекса поведения в более широком смысле и часть общей культуры. По этой причине важно, на каком языке – родном или другом – ребенок начинает социализироваться. Лингвистическая среда играет большую роль в языковом развитии ребенка³. В Коми Республике связь между знанием и незнанием языка можно ясно сопоставить с местной окружающей средой; откуда он родом – из коми или русской деревни. Окружающая среда также влияет на отношение к языку.

У нас посёлок русский, и поэтому мы коми язык плохо знаем. Тот посёлок, откуда моя мама, а вот там наоборот. В основном коми и говорят на коми языке. Я когда приезжала в гости, ходила с молодёжью гулять. Они все говорят по коми, и я чувствовала себя как бы инопланетяжкой такой-то. Я особо не понимала. (ж, 1986)

Молодые люди родом из деревень, где большинство населения ежедневно использует коми язык, обычно знают родной язык лучше. С другой стороны, если взять студентов, которые переезжают в большие города, то они имеют потребность в сглаживании своей идентичности с идентичностью большинства. В конце концов, молодые люди сами решают, какой язык они хотят использовать и кем они себя идентифицируют. На интервью поступили разные ответы, которые показывают, что вообще это – индивидуальный выбор, который частично зависит от предыдущего опыта и воспитания. Есть молодые люди, которые в состоянии сохранить свою этническую идентичность даже в кажущейся враждебной окружающей среде, где они должны приспособиться к культуре большинства и ее практикам.

Вначале, когда приехала, были небольшие конфликты с девочками, потому что они говорили типа «говори нам на русском языке, потому что мы не понимаем, про что ты говоришь. Может, нас обсуждаешь, а нам это неприятно». А мне всё равно, приятно это или нет, я говорю с мамой на родном языке. Так что не надо мне указывать, что мне делать. (ж, 1990)

Но многие коми все больше и больше признают русский язык родным языком, и использование коми языка среди коми населения уменьшается⁴. Можно привести примеры и из числа молодых, которые после переезда в город делают выбор в пользу русского языка.

Я знаю многих, которые приехали из коми деревни, а в городе начинают, как сказать, стесняться, что они коми и умеют коми язык. Они скрывают это. Говорят только на русском языке (ж, 1990)

Хотя нельзя сказать, что язык является единственным фактором самоидентификации, такое отношение к языку и этнической принадлежности среди коми является обычным – знание коми языка приравнивается с подлинной 'коми сущностью'⁵, ибо язык часто видится ключевым индикатором в позиционировании человека в вопросах ассимиляции и этнической гордости⁶. Из интервью, сделанных в экспедициях, выяснилось, что самоопределение коми прежде всего связано со знанием языка.

¹ Puztay J. Op. cit. P. 50-51.

² Fought C. Op. cit. P. 21.

³ Puztay J. Op. cit. P. 50.

⁴ Fryer P. Op. cit. P. 61.

⁵ Ibid. P. 60.

⁶ Fought C. Op. cit. P. 27.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Антонова Людмила Викторовна – директор Музея Песни XX века, Вязники, Владимирская обл.
- Антонова Юлия Евгеньевна – хранитель Музея Бурятского научного центра СО РАН, Улан-Удэ.
- Астахова Ирина Сергеевна – сотрудник геологического музея им. А.А. Чернова Института геологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Аюшеева Марина Васильевна – к.и.н., м.и.с. ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ.
- Байкова Елена Вячеславовна – ведущий методист научно-методического отдела Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел, Ижевск.
- Бандура Светлана Владимировна – к.и.н., зам. директора по научной работе Национального музея Республики Коми, Сыктывкар.
- Белицкая Анастасия Леонидовна – научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Беляева Надежда Жоржевна – главный хранитель Национальной галереи РК, Сыктывкар.
- Бойкова Ирина Петровна – к.и.н., заведующая отделом Воронежского областного краеведческого музея.
- Бондаренко Ольга Евтихеевна – к.и.н., доц. кафедры истории России и зарубежных стран СыктГУ.
- Бровина Александра Александровна – к.и.н., начальник отдела «Научный архив и энциклопедия» КНИЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Булдакова Елена Георгиевна – главный хранитель Ухтинского историко-краеведческого музея, Ухта.
- Бураева Светлана Валерьевна – д.и.н., в.н.с. ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ.
- Бурлыккина Майя Ивановна – доктор культурологии, проф., директор Музея истории просвещения Коми края СыктГУ.
- Бызова Валентина Васильевна – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Виноградова Елена Анатольевна – главный хранитель Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Витязева Татьяна Юрьевна – заместитель директора Коми республиканского эколого-биологического центра, Сыктывкар.
- Вишнякова Дарья Викторовна – к.и.н., н.с. отдела этнографии и отечественной истории ИЯЛИ УрО РАН, Сыктывкар.
- Вокуева Елена Сергеевна – методист Коми республиканского эколого-биологического центра, Сыктывкар.
- Вызир Наталия Федоровна – научный сотрудник Института керамологии – отделения Института народоведения НАН Украины, Опoшня.
- Гагиева Анна Капитоновна – д.и.н., проф. Коми республиканской академии государственной службы и управления, Сыктывкар.
- Галимуллина Надия Мидхатовна – к.и.н., доц. кафедры истории и связей с общественностью КГТУ им. А.Н. Туполева, Казань.
- Ганова Татьяна Ивановна – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Гареева Светлана Мияссаровна – аспирантка отдела этнологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа.
- Головизнин Марк Васильевич – к.и.н., доц., Институт глобализации и социальных движений (ИГСО), Москва.
- Горина Наталья Васильевна – научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Долматова Татьяна Михайловна – заместитель директора муниципального учреждения культуры «Слободской музейно-выставочный центр», Слободской, Кировская область.
- Жданова Лилия Раиковна – сотрудник геологического музея им. А.А. Чернова Института геологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Жеребцов Игорь Любомирович – д.и.н., директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Загайнова Елена Николаевна – главный хранитель фондов Музейно-выставочного центра г. Кирово-Чепецка.
- Зеленский Владимир Степанович – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Земцова Ирина Вениаминовна – к.п.н., зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства факультета искусств СыктГУ.
- Зиявадинова Ольга Сайфидиновна – к.филол.н., научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Ивановская Наталья Ивановна – к.и.н., научный сотрудник отдела Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея, Санкт-Петербург.
- Игнатенкова Надежда Леонидовна – студентка 5 курса специальности «Связи с общественностью» СыктГУ.
- Иевлев Алексей Анатольевич – директор геологического музея им. А.А. Чернова Института геологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Кирова Марина Сергеевна – кандидат культурологии, доц. кафедры Международного и внутреннего туризма Московского государственного университета культуры и искусств, член Международной туристской академии.
- Колегова Марина Геннадьевна – зав. Ыбским филиалом МУК «Сыктывдинская ЦБС», с. Ыб, Сыктывдинский р-н РК.
- Колупаев Владимир Евгеньевич – д.и.н., н.с. Центра «Христианская Россия», Сериат, Италия.
- Колчина Елена Викторовна – к.и.н., заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья Российского этнографического музея, Санкт-Петербург.

- Коротаева Оксана Викторовна – научный сотрудник Айкинского центрального музея, с. Айкино, Усть-Вымский р-н РК.
- Коровина Елена Константиновна – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Коровина Надежда Степановна – к. филол. н., с. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Котылев Александр Юрьевич – кандидат культурологии, доц. кафедры культурологии КГПИ, Сыктывкар.
- Котылева Ирина Николаевна – к. и. н., директор Национального музея Республики Коми, Сыктывкар.
- Кочерган Людмила Ивановна – зам. директора по экспозиционно-выставочной работе Национальной галереи РК, Сыктывкар.
- Краева Надежда Вениаминовна – зав. отделом книжного фонда Национального музея РК, Сыктывкар.
- Кузнецова Татьяна Леонидовна – к. филол. н., с. н. с., зав. сектором литературоведения ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Кутекина Надежда Александровна – научный сотрудник Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Кызьюров Леонид Аркадьевич – зав. отделом использования и публикации документов Национального архива РК, Сыктывкар.
- Кырнышева Ольга Валериевна – зав. сектором редкой книги Национальной библиотеки РК, Сыктывкар.
- Ларукова Раиса Ивановна – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Лахтионова Татьяна Ивановна – директор ГУ РК «Национальный архив РК», Сыктывкар.
- Лейман Ирина Игоревна – к. и. н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламы СыктГУ.
- Лезте Арт – доктор философии, профессор Университета г. Тарту, Эстония.
- Липин Владимир Борисович – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Лисевич Нина Григорьевна – главный архивист отдела «Научный архив и энциклопедия» КНЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Лисовская Галина Константиновна – научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Лойко Лидия Михайловна – ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург.
- Лукина Маргарита Юрьевна – директор муниципального учреждения культуры «Слободской музейно-выставочный центр», Слободской, Кировская область.
- Лыкова Оксана Григорьевна – м. н. с. Института керамологии НАН Украины; с. н. с. Отдела современной художественной керамики Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опощне (Украина).
- Малева Анастасия Валерьевна – аспирант ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Малкова Татьяна Александровна – научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Мельникова Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Национального музея Республики Коми, Сыктывкар.
- Меркушева Елена Николаевна – заместитель директора по научной работе Пермского краевого музея.
- Мизина Людмила Васильевна – зав. музеем археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Минина Лилия Андреевна – сотрудник Национальной библиотеки РК, Сыктывкар.
- Миронова Наталья Петровна – м. н. с. отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Морозов Борис Николаевич – к. и. н., с. н. с. Института славяноведения РАН, Москва.
- Морозова Елена Ивановна – заведующий отделом истории Национального музея РК, Сыктывкар.
- Мурашова Наталья Сергеевна – кандидат искусствоведения, доц., зав. кафедрой социально-культурной и библиотечной деятельности Новосибирского государственного педагогического университета.
- Муртузалиев Сергей Ибрагимович – в. н. с., д. и. н., проф. УРАН РЦЭИ ДНЦ РАН, Махачкала.
- Недавняя Юлия Константиновна – младший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Некрасова Галина Александровна – к. филол. н., доц., с. н. с. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Оксузьян Денис Владимирович – выпускник исторического факультета СыктГУ, Сыктывкар.
- Панько Елена Феофановна – научный сотрудник отдела фондов Национального музея РК, Сыктывкар.
- Паршуков Владимир Фёдорович – краевед, сотрудник Национального музея РК в 1973–2002 гг., Сыктывкар.
- Пасынкова Ирина Александровна – зав. отделом информационных технологий Национального музея РК, Сыктывкар.
- Пешкина Софья Михайловна – и. о. заведующего отделом природы Национального музея РК, Сыктывкар.
- Потоплицына Елена Николаевна – старший научный сотрудник научно-методического отдела Национального музея РК, Сыктывкар.
- Прокуратова Екатерина Владимировна – к. филол. н., доц., Институт гуманитарных наук СыктГУ.
- Пуренкова Елена Васильевна – научный сотрудник Микуньского филиала Усть-Вымского межпоселенческого музейного объединения, Микунь.
- Пьянкова Татьяна Алексеевна – зав. отделом этнографии Национального музея РК, Сыктывкар.
- Раздрогова Ольга Ивановна – заместитель директора по научно-методической работе Воркутинского музейно-выставочного центра.
- Рафикова Жанна Владимировна – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Ромашкина Светлана Николаевна – искусствовед, зав. музеем «Северная чернь», Великий Устюг.

- Рощевская Лариса Павловна** – д.и.н, проф., гл. науч. сотр. отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Рубин Владимир Александрович** – к.и.н., доц. кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, ведущий специалист министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области.
- Рылова Ирина Анатольевна** – и.о. зав. отделом внемузейных экскурсий и передвижных выставок Национального музея Удмуртской Республики, Ижевск.
- Смирнова Анжелика Георгиевна** – директор детской художественной школы г. Сызрань Самарской области.
- Сова Валентина Алексеевна** – учёный секретарь Национального музея Республики Коми, Сыктывкар.
- Сундукова Валентина Евгениевна** – младший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Сурво Арно** – д.ф.н., научный сотрудник кафедры фольклористики Хельсинкского университета, Финляндия.
- Сурнина Лидия Егоровна** – м.н.с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Сыроватская Любовь Николаевна** – научный сотрудник художественного отдела Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг.
- Ташак Василий Иванович** – к.и.н., в.н.с. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ.
- Трухина Галина Васильевна** – директор Воркутинского музейно-выставочного центра.
- Тряпкина Светлана Ивановна** – учитель истории и социально-политических дисциплин средней общеобразовательной школы № 3 п. Сосновоборск Сосновоборского района Пензенской области.
- Туркина Татьяна Юрьевна** – старший научный сотрудник Национального музея Республики Коми, Сыктывкар.
- Тюрнина Светлана Андреевна** – корреспондент районной газеты «Наша жизнь».
- Тютюнник Марина Алексеевна** – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Уткина Ида Михайловна** – старший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Федышин Иван Николаевич** – художник-реставратор Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Фефилова Надежда Владимировна** – научный сотрудник Дома-музея И.П. Морозова, Национальный музей РК, Сыктывкар.
- Филиппова Татьяна Петровна** – старший лаборант отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Холопова Диана Григорьевна** – заведующая Литературным музеем И.А. Куратова, Сыктывкар.
- Чувьуров Александр Алексеевич** – к.и.н., н.с. отдела Поволжья и Приуралья Российского этнографического музея, Санкт-Петербург.
- Шабалкина Наиля Асафовна** – заведующая отделом природы Национального музея Удмуртской Республики, Ижевск.
- Шарапов Валерий Энгельсович** – к.и.н., с.н.с. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, Сыктывкар.
- Шахова Лариса Васильевна** – младший научный сотрудник Литературного музея И.А. Куратова, Сыктывкар.
- Шмаргилова Наталья Александровна** – директор МУ «Усть-Вымское межпоселенческое музейное объединение», с. Усть-Вымь, Усть-Вымский р-н РК.
- Юркина Галина Александровна** – младший научный сотрудник Национального музея РК, Сыктывкар.
- Юшкова Наталия Анатольевна** – к.и.н., доц. кафедры ГиСД Сыктывкарского лесного института.
- Юшкова Татьяна Алексеевна** – ассистент кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики КРАГСИУ, Сыктывкар.
- Яанитс Яаника** – координатор программ, Эстонский национальный музей, Тарту, Эстония.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
<i>Антонова Л.В.</i> Главный экспонат – Песня.....	4
<i>Антонова Ю.Е.</i> Археологические материалы Б.Б. Дашибалова в фонде Музея БНЦ СО РАН.....	6
<i>Астахова И.С.</i> Минеральное разнообразие Тимано-Североуральского региона и его выражение в фондах и экспозиции геологического музея им. А.А. Чернова.....	8
<i>Бандура С.В.</i> Отражение петровской эпохи в юбилейных и памятных медалях из коллекции Национального музея Республики Коми.....	10
<i>Белицкая А.Л.</i> Из опыта проведения интерактивных экскурсий по теме «Археология» в Национальном музее Республики Коми.....	12
<i>Беляева Н.Ж.</i> Интинский период в жизни Георгия Стаценко.....	14
<i>Байкова Е.В.</i> Пути сохранения и развития традиционного удмуртского ткачества.....	15
<i>Бойкова И.П.</i> Европейский опыт виртуального музея в российском региональном контексте: творчество О. Э. Мандельштама в Воронеже.....	17
<i>Бондаренко О.Е.</i> Национальный музей РК и исторический факультет СыктГУ: направления сотрудничества.....	19
<i>Бровина А.А., Лисевич Н.Г.</i> Сохранение артефактов историко-культурного наследия: непрофильные документы в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН.....	20
<i>Бровина А.А., Филиппова Т.П.</i> Деятельность академического архива по сохранению и популяризации кино-фото документов по истории науки на Европейском северо-востоке России.....	22
<i>Булдакова Е.Г.</i> История нефтегазовой отрасли в экспонатах Ухтинского историко-краеведческого музея.....	24
<i>Бураева С.В., Аюшеева М.В.</i> Коллекции мемориального кабинета П.Б. Балданжапова.....	25
<i>Бурлыкина М.И.</i> «Националист» И.Г. Коюшев (к 110-летию со дня рождения).....	27
<i>Бызова В.В.</i> Коми писатели в карикатурах и дружеских шаржах В. Полякова.....	29
<i>Витязева Т.Ю.</i> Традиционные этнокультурные ландшафты севера как базовый элемент образовательных стратегий учреждений дополнительного образования детей эколого-биологической направленности (на примере Коми РЭБЦ).....	31
<i>Вишнякова Д.В.</i> Брачный календарь коми крестьян в XIX – начале XX вв.: этноэкологический аспект... ..	33
<i>Вокуева Е.С.</i> Республиканский конкурс «МОЯ МАЛАЯ РОДИНА» и этноэкологическое образование школьников.....	35
<i>Вызир Н.Ф.</i> Музейная деятельность Ивана Зарецкого.....	37
<i>Гагиева А.К.</i> Исторический опыт формирования архивных коллекций в дореволюционной России.....	38
<i>Галимуллина Н.М.</i> Учет этнического фактора в патриотическом воспитании и пропаганде в СССР в период Великой Отечественной войны.....	40
<i>Ганова Т.И.</i> «Виниловое» наследие (опыт атрибуции коллекции грампластинок из собрания Национального музея Республики Коми).....	42
<i>Гареева С.М.</i> Трансформация русской обрядовой культуры в Башкортостане.....	45
<i>Головизнин М.В.</i> К вопросу о связи тотемского барокко XVIII века с архитектурной традицией Прибайкалья.....	47
<i>Горинова Н.В.</i> Карнавальное начало в произведениях В. Савина и Г. Юшкова.....	49
<i>Долматова Т.М., Лукина М.Ю.</i> Из опыта проектной деятельности по сохранению вятского историко-культурного наследия.....	51
<i>Жданова Л.Р.</i> Коллекция лечебных минералов геологического музея им. А.А. Чернова.....	53
<i>Жеребцов И.Л.</i> Культурно-историческое наследие в контексте этнодемографического развития Республики Коми.....	55
<i>Загайнова Е.Н.</i> Взаимодействие с родителями как важный фактор в процессе формирования интереса младших школьников к музею.....	57
<i>Зеленский В.С.</i> Коллекция самоваров из фондов НМРК.....	59
<i>Земцова И.В.</i> Краткий обзор северных швеек (из частной коллекции Земцовой И.В.).....	61
<i>Зиявадинова О.С.</i> Художественно-философское осмысление взаимоотношений человека и природы в прозе К.Ф. Жакова.....	63
<i>Ивановская Н.И., Чувьуров А.А.</i> Я пробрался в глубь неизвестных стран... (Выставка фотографий из коллекций С.И. Сергеля в Российском этнографическом музее).....	65
<i>Иевлев А.А., Жданова Л.Р., Астахова И.С.</i> Геологический музей им. А.А. Чернова: история и перспективы развития.....	67
<i>Кирова М.С.</i> Социально-значимое взаимодействие субъектов культуры и туризма в сфере культурного наследия. Опыт проектного подхода.....	68
<i>Колегова М.Г., Тюрнина С.А.</i> Сохранение творческого наследия Ыбских литераторов.....	70
<i>Колупаев В.Е.</i> Русские коллекции в собрании итальянского центра “Russia Cristiana” в Сериате.....	72

<i>Колчина Е.В., Лойко Л.М., Чувьуров А.А.</i> Коллекции по этнографии народов коми (коми-зыряне, коми-пермяки) в Российском этнографическом музее: особенности комплектования и презентации.....	73
<i>Коровина Е.К.</i> Коллекция набивных платков и шалей в собрании НМРК.....	79
<i>Коровина Н.С.</i> Сказочное наследие коми в современной культуре.....	82
<i>Котылев А.Ю.</i> Этнокультурное наследие в современных художественных практиках.....	84
<i>Котылева И.Н.</i> Развитие почитания первых епископов пермских свв. Герасима, Питирима и Ионы в XVII–XVIII вв.....	87
<i>Кочерган Л.И.</i> Художественное наследие и творческая биография А.В. Холопова (к проблемам и перспективе изучения).....	90
<i>Краева Н.В.</i> Изучение книжного собрания библиотеки Национального музея Республики Коми: результаты и перспективы исследовательской работы.....	92
<i>Кузнецова Т.Л.</i> Короткий рассказ – одна из малых форм коми прозы рубежа XX–XXI в.: особенности семантики и поэтики.....	95
<i>Кутекина Н.А.</i> Деятельность Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника по сохранению и развития кружевного промысла.....	97
<i>Кызыуров Л.А.</i> Использование оцифрованных архивных документов: состояние, проблемы и перспективы (на примере ГУ РК «Национальный архив Республики Коми»).....	99
<i>Кырнышева О.В.</i> Краеведческая коллекция Усть-Сысольской общественной библиотеки как отражение интереса к изучению истории и культуры малой родины в XIX в.....	101
<i>Ларукова Р.И.</i> Научно-просветительная работа муниципальных музеев Республики Коми.....	104
<i>Лахтионова Т.И.</i> «Удобно повесить их в простенках между окон...» (Письмо этнографа Д.Т. Яновича зав. Коми областного архива А.А. Цемберу о передаче портретов царских особ в Коми областной архив).....	105
<i>Лейман И.И., Игнатенкова Н.Л.</i> Роль музеев в формировании культурных брендов.....	107
<i>Лезте Арт.</i> Финно-угорские народы и Эстонский национальный музей: укрупнение нации или поддержка культурного разнообразия?.....	109
<i>Липин В.Б.</i> Коллекция охотничье-рыболовецкого снаряжения народа коми в фондах Национального музея Республики Коми.....	111
<i>Лисовская Г.К.</i> Роль национальной интеллигенции в условиях глобализации.....	113
<i>Лыкова О.Г.</i> Монументальная глиняная скульптура в экспозиции Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опoшне.....	115
<i>Малева А.В.</i> Лирическая героиня современной женской поэзии коми: формирование концептуальных взглядов.....	117
<i>Малкова Т.А.</i> Батиев: проект создания Коми научно - исследовательского Института Краеведения.....	119
<i>Мельникова А.С.</i> История земской почты в коллекциях Национального музея Республики Коми.....	120
<i>Меркушева Е.Н.</i> «Экспедиция. Пермский край» – новый проект в новое время.....	122
<i>Мизина Л.В.</i> Научные фонды музея археологии ИЯЛИ Коми НЦ УРО РАН (к истории формирования)...	124
<i>Минина Л.А.</i> Книги из коллекции учителя П.П. Ползунова в Национальной библиотеке Республики Коми.....	126
<i>Миронова Н.П.</i> Репрезентация этничности в медиа-дискурсе Республики Коми.....	128
<i>Морозов Б.Н.</i> Рукописные памятники в собрании НМРК: опыт каталогизации и описания.....	129
<i>Морозова Е.И.</i> Проект «Памяти репрессированных».....	134
<i>Мурашова Н.С.</i> Духовный стих как хранитель культурных ценностей.....	136
<i>Муртузалиев С.И.</i> Проблемы сохранения этничности коренных малочисленных народов Дагестана.....	138
<i>Недавняя Ю.К.</i> Освещение темы «Истории чая в России» в музейном пространстве для разновозрастной аудитории.....	139
<i>Некрасова Г.А.</i> Сохранение письменных памятников культуры коми народа.....	141
<i>Оксузьян Д.В. И.А.</i> Куратов – талантливый сын народа коми.....	142
<i>Панько Е.Ф.</i> Изделия из камня в собрании НМРК.....	144
<i>Паришуков В.Ф.</i> «Звери из легенды» (кости доисторических животных в собрании Национального музея республики Коми).....	146
<i>Пасынкова И.А.</i> Создание демонстрационных образовательных программ как способ представления коллекций Национального музея РК.....	149
<i>Пешикина С.М.</i> Проект «Земля заповедная»: реалии и перспективы.....	150
<i>Потолычина Е.Н.</i> Опыт проектной деятельности НМРК по теме «Немцы в Коми (1930–1950-е гг.)».....	153
<i>Прокуратова Е.В.</i> Рукописи на коми языке в государственных и частных собраниях.....	154
<i>Пуренкова Е.В., Кортаева О.В.</i> Из опыта работы филиалов Усть-Вымского ММО с детьми с ограниченными возможностями.....	157
<i>Пьянкова Т.А.</i> Финно-угорская игрушка: Опыт изучения, комплектования и каталогизации.....	158
<i>Раздрогова О.И.</i> К вопросу о формировании репертуара Воркутинского музыкально-драматического театра в период 1943–1952 гг. на основе фондового материала ВМВЦ. Произведения А.С. Пушкина в репертуаре воркутинского театра.....	160
<i>Рафикова Ж.В.</i> Советский фарфор в фондах НМРК (характеристика коллекции).....	162

<i>Ромашкина С.Н.</i> Сведения о работах иконописцев и иконостасных мастеров Усть-Сысольска в период Великоустюжского викариатства Вологодской епархии (1888–1918).....	165
<i>Рощевская Л.П.</i> Роль краеведческого музея Коми АССР в консолидации научного сообщества.....	167
<i>Рубин В.А.</i> Военно-мемориальное строительство в публикациях журналистов советского и постсоветского периодов (на примере Оренбургской области).....	169
<i>Рылова И.А.</i> Культурно-познавательный туризм как инструмент сохранения наследия и фактор развития экономики региона (Опыт разработки концепции «Развитие культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике 2010–2015 гг.»).....	171
<i>Смирнова А.Г.</i> Проблемы взаимосвязи современной музейной деятельности и детской аудитории.....	174
<i>Сова В.А.</i> Вклад музейных работников Ленинграда в изучение традиционной культуры коми (1920–1930-е гг.).....	176
<i>Сундукова В.Е.</i> Этнографическая реконструкция традиционного женского костюма с. Лойма Республики Коми (нач. XX в.).....	179
<i>Сурво Арно.</i> Идеологическая специфика финноязычных текстов Игнатия Мошегова.....	181
<i>Сурнина Л.Е.</i> История исследования творчества И.А. Куратова.....	184
<i>Сыроватская Л.Н.</i> К истории почитания и возникновения иконографии святителя Стефана Пермского в Великом Устюге.....	186
<i>Ташак В.И.</i> Уникальные культовые объекты Западного Забайкалья.....	188
<i>Трухина Г.В.</i> К проблеме формирования художественной коллекции муниципального учреждения культуры «Воркутинский музейно-выставочный центр». Иванов Константин Петрович.....	190
<i>Тряпкина С.И.</i> Новые направления работы школьного краеведческого музея.....	192
<i>Туркина Т.Ю.</i> История формирования археологической коллекции Национального музея Республики Коми.....	194
<i>Тютюнник М.А.</i> Печатные иконы середины XIX – начала XX в. в собрании НМРК.....	196
<i>Уткина И.М.</i> Мифологический образ утки, лебедя, коня в традиционной культуре коми (зырян): по материалам Национального музея Республики Коми.....	199
<i>Федышин И.Н., Виноградова Е.А.</i> «Для писания святых икон дозволительный дать указ...». Из опыта изучения вологодской иконописи последней трети XVIII века.....	201
<i>Фефилова Н.В.</i> Коллекция значков и памятных знаков советского периода в собрании Национального музея Республики Коми.....	204
<i>Холопова Д.Г.</i> Коллекции коми писателей в собрании Национального музея Республики Коми.....	206
<i>Шабалкина Н.А.</i> Священные рощи: проблемы сохранения природных ресурсов.....	207
<i>Шарапов В.Э.</i> «Зырянский этнографический музей» в переписке У.Т. Сирелиуса с представителями коми интеллигенции начала XX в.....	210
<i>Шахова Л.В.</i> «День за днем» (по материалам личного архива И.В. Изъюрова).....	212
<i>Шмаргилова Н.А.</i> Борис Александрович Старчиков – «Сказочного мира гражданин».....	213
<i>Юркина Г.А.</i> Коллекция сундуков в собрании НМРК.....	216
<i>Юшкова Н.А.</i> Включенность музейного наследия в образовательный процесс.....	218
<i>Юшкова Т.А.</i> Некоторые проблемы организации деятельности муниципальных архивов.....	220
<i>Яацитс Я.</i> Роль коми языка в идентичности коми молодежи.....	221
<i>Сведения об авторах</i>	224

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ.
ТРУДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ.
ВЫП. 8.

Ответственные редакторы
Светлана Владимировна Бандура
Андрей Альбертович Павлов

Компьютерный макет *А.А. Павлов*

Подписано в печать 12.09.2011. Заказ № 61.
Формат 60x84/8. Тираж 200 экз. Печать ризографическая.
Усл.-печ.л. 26,7. Уч.-изд.л. 30,5.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в редакционно-издательском отделе
Коми государственного педагогического института
167982. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 25